

Опричнина, царевы слуги и холопы...

(Бесчинства бесов: самодержавие нечисти и злодейств)

ХРЕСТОМАТИЯ ЗАПИСОК, ДНЕВНИКОВ И СПИСКОВ БЫВШИХ ПОЛИТЗЭКОВ

Тексты отобрал И.К.Стивел

ХАРЬКОВ 2010

УДК 94(518):323.3-054.72+323.281(47+57)"1930/1945"(093.3)
ББК 63.3(2)62-361ю14
О 62

Опричнина, царевы слуги и холопы (Бесчинства бесов: самодержавие нечисти и злодейств): Хрестоматия записок, дневников и списков бывших политзэков / тексты отобрал И.К.Стивел. – Х. : ТО Эксклюзив, 2014. – 384 с.

Данная хрестоматия является дополнением к историко-филологическому обзору «Воскресение имени» (Харьков: ТО Эксклюзив, 2002). В ней собраны разные записи и воспоминания так называемых харбинцев. Трагическая история возвращенцев и российских эмигрантов в ГУЛАГе.

В марте 1935 года СССР и Маньчжоу-Го подписали соглашение о продаже КВЖД. После продажи японцам железной дороги советские служащие со своими семьями возвращаются домой. И большинство вернувшихся на Родину железнодорожников и членов их семей были репрессированы, обвинённые в шпионаже в пользу иностранных разведок. Через 10 лет, в августе 1945 года, советские войска оккупируют Маньчжурию. И там СМЕРШ сразу же проведёт операцию по захвату эмигрантов среди русскоязычных жителей Северо-восточной провинции Китая. Тут же всех захваченных увезут в Советский Союз.

От составителя

Книга эта вовсе не для тех, кого нужно ещё доучивать, уговаривать и наставлять на путь истины. Её читателю свойственно самому побольше сообщать, искать и раскрывать что-то в истории. Каждый из нас, людей взрослых, читает если, то лишь то, что ему интересно, так или иначе отвечая запросам внутреннего зова, сформированного в самом сознании или даже пусть навязанного извне кем-то. То есть многое решительно зависит именно от индивидуального вкуса, природной склонности и тяги к символике, к письменности и к самому чтению (или общению). Во всём этом совершенно особенное чувство стиля личности, той же редкой одарённости, подобия внутреннего слуха у музыкальных лиц.

Это мы о чём? О том, что понимаем и принимаем лишь то, что доступно тебе, и никак не больше этого. Все мы – смерды, да и обречены, довольствуясь судьбоносными рамками собственных способностей и возможностей.

Важно, чтобы в самом начале, ещё до выступления, был задан правильный тон для согласования всех голосов в хоре, ради гармонии их совместного звучания в целостном единстве исполнения (партии). В руках у регента камертон – и полностью управление всем духовным песнопением в церкви. И у нас тут тоже идёт служба. Эта Хрестоматия, что в Ваших руках, также своего рода собор. Под его куполом собрались на вечернюю молитву и покаяние разные лица из рядов верующего народа, страдальцев и псалмопевцев, коим несть числа*.

*"Это логографосимволизм, обозначал группу субъектов, равную 50 тысячам" (из интернета). И похоже, что именно так. Запомним, собранные здесь тексты воспоминаний и свидетельств – последнее их пристанище на этой Земле.

Сперва нужно разобраться в устройстве предмета, определив в нём поле своей ответственности. О чём мы пишем, зачем и почему, и за что в конце концов отвечаем, неся полную ответственность за акцию? Для нас в данном случае, очевидно, важно различать то, что творится и происходит в жизни с людьми и народами (сами события, связи, отношения, поступки, общественная и политическая деятельность некой личности). На основе этой первой действительности путём осмысления и осознания складывается миф, исторический её образ. Постепенно саму первую реальность всё больше подменяет вторая, и надстройка оседает, превращаясь в незаменимую как бы основу, – и уже в результате происходит подмена понятий, и остаётся надолго одно лишь полномочное представительство. Историософия и историография вместо самого события. Особую роль в этом процессе играет мифология и письменность, т.е. своего рода фикция, виртуальная действительность (идущая под следующими номерами).

И вот такая она, наша жизнь, такая же и вся та история.... Какая же такая? Печальная, трагическая, суровая, жестокая, зверская? Самая разная, про-

тиворечивая и подчас непонятная, одним твоим умом никак не объять её до конца. Что же теперь делать? Думать – и искать выход для себя, как и сообща для других. О чём ещё тут думать? Да разве не о чем подумать дальше и глубже? Сперва о всех страдальцах и о тех наших общих бедах вспомнить – и, разобравшись, не забывать тот опыт. И уже потом можно сознательно искать хоть какого-то здравого смысла для истинного примирения разных духов. Или они, те бесы, противоречивы испокон века и до конца света, быть может. Нам бы тогда обуздать собственные страсти и теперь навести хоть какой-то порядок в своей голове, да и тут вот, в своей хате и около.

Правда, призывать других не так трудно, но ведь далеко не все мы умеем и хотим думать, и уж точно, что в большинстве своём и случаев не знаем вовсе, как это делать разумно и правильно, решая жизненно важные для всех нас задачи (Что делать?). И с теорией, и с практикой управления сознанием (менталитетом), очевидно, и в своём развитии, мы несколько (?) отстаём от других более развитых стран (государств и народов), которые в целом устроены и организованы лучше нас, и это едва ли не всем уже ясно. Во всяком случае у них там люди почему-то не переживают подобных тоталитарных кризисов и массовых заточений, как было в советской и компартийной империи (всенародный ГУЛАГ).

Хотя некогда кое-где другие народы тоже испытывали страшные бедствия и, поди, не обходилось без политики масштабных гонений и непомерного гнева со стороны правящей в стране деспотии.... Но здесь речь идёт уже о XX веке и всё-таки о какой-никакой Европе. И тут счёт на миллионы – самоуправных человеческих жертв. Какая же это дьявольская сила – и какая там цивилизация?

Хочется любознательному человеку знать, какими критериями отбора коллекционер руководствуется, собирая чужие воспоминания. Если всерьёз, то никакими. Полагаемся на свой вкус, чувство стиля и здравый смысл, отбирая читабельные и познавательные тексты. Нельзя охватить всё – отбери какую-то часть, чтобы понять глубже предмет. Но в нём там всё относительно. Всегда можно найти воспоминания "лучше" в каком-то смысле, чем эти, только устроить соревнование и литературный конкурс. А тут случайная выборка, срез из ряда автобиографических опусов, фрагментов исповедальных жизнеописаний и самонаблюдений, заодно уж сведений и свидетельств.

Хотелось, конечно, чтобы кто-то более тонкий и зоркий, нежели сам я, написал введение в эту книгу. Но не так вышло. Она, по-моему, на главную ныне тему по харбинистике, о той истории Желтороссии (у нас в параллельном мире вон – всплыла Новороссия). В конечном счёте об исторической расплате за КВЖД. За тот бездарный ход Российского государства, варварски коварный, с которого, если не раньше, потянется бесславный конец империи и сокрушительный развал всего того монументального мироздания. В результате одно за другим и удар за ударом: ихетуани ("боксёры"), русско-японская война, тут же первая революция, а там участь и позор поражения в 1-й мировой, и следом 17-й революционный год с последовавшей за ним гражданской войной.

Если мы собираем и отбираем какие-то тексты в Хрестоматию, то это делается без лабораторного анализа, взвешивания и измерения качества и достоинств текстов. На первых порах в значительной мере интуитивно, по первому впечатлению от смысла и стиля, то, что мне просто понравилось в тексте почему-то и, как правило, по самым разным причинам, чаще всего не сопоставимым между собой. Очень сложный многофакторный анализ – и оценка целостной системы доверяется твоему личному ощущению и опыту. И потому вся экспертная оценка на твоей совести, ты сам полностью отвечаешь за свой выбор и результат.

Выходит, что выборку ограниченного числа образцовых и показательных отрывков из огромной массы лагерных воспоминаний – капля в море – по большому счёту никак не назовёшь иначе, чем случаем, более или менее удачным. А то и вовсе не удачным. Если судить по чисто литературным и стилистическим критериям, коих множество и самого разного рода у письменности, в таком виде литературы, как non-fiction*. Подборка авторов и их сочинений в Хрестоматию субъективна и в определённом смысле носит произвольный характер. Иначе не бывает в принципе. Рождаемся, вступаем в брак, появляются дети, выбираем специальность, работаем, живём и умираем – и всюду вмешивается господин случай. Даже и сама закономерность, или обусловленность, в значительной мере тоже ведь случайна.

Отбор... Почему эти, а не другие? Конечно, можно найти и взять другие. Давно уже нет дефицита, их очень много, только поискать. Но ведь и тогда встанет тот же вопрос, и вновь получим тот же ответ. Выборка всегда неизбежно случайна и более или менее удачна (в то же время и неудачна). Сравните с выборами депутатов в парламент, в ВР или Думу. Скажите, всегда ли там лучшие из нас? Отнюдь. Кому как повезёт, кому что достанется. А в нашем случае – тексты – важно, чтобы они были так же разнообразны, как люди в обществе, то есть представительны, показательны и символичны. Особенно важен второй план, глубина текста, или же подтекст, чтобы было интересно читать его лично мне (но и другим тоже).

Вот чую и улавливаю, что умный текст, со смыслом, содержательный, наполненный, не пустой, одним словом. Мне он подходит, нравится, и принимаю такой, он отвечает моим требованиям. А тот нет. Текст и книга, как и человек, один – мой по духу, нравится; а другой – нет, не нравится. Не знаю, почему так. Важно поверить, ощутив в нём искренность. Конечно, сказать и объяснить по этому поводу и на сей счёт можно что угодно, если потребуется и очень надо. Но ложь, как правило, очевидна: торчат рога. Её разновидность – плагиат, или жульничество, подлог и воровство. Здесь это отнюдь не актуально.

Что же ещё от меня в Хрестоматию? А почему не вопрос "Кому и зачем, или для чего, она нужна, ежели нужна?" И уже тогда плясать от этой нужды, продвигаясь к вопросу, какие же и чьи воспоминания тогда лучше в этом случае отбирать в книгу? Такого рода литературоведческие вопросы, касающиеся больше общей теории стиля и текстологии, вовсе не есть как бы первоочередными в данном случае. И они своим явно отвлечённым ходом зада-

ют конкретному начинанию и вовсе не ту перспективу на дальнейшее развитие самого дела, что следовало бы поощрять. Пока оставим спор по поводу довольно частных деталей, к тому же и не имеющих чёткого решения. Касаясь индивидуального вкуса, он может продолжаться вечно.

На Донбассе обстреливаются города из тяжёлых орудий. Уже не ведётся подсчёта жертвам от военных действий, хотя бы смертям мирных жителей. Может, это многие сотни, а то и тысячи. Куда летит и попадает снаряд, и кто же обречён на сей раз? В такое лихолетье на земле обычно господствует рок и случай. Кому как повезёт, и никому не известно. В августе 45-го года доблестные советские войска заняли Маньчжурию и вошли в Харбин. И сразу же безостановочно заработал молох СМЕРШ – начались массовые аресты среди русскоязычного населения самых разных национальных групп. Людей массово просто так забирали и скоренько вывозили в Сибирь, там без суда и следствия заточая всех в ГУЛАГ, если они выживали в пути.

Не знаю, сколько тогда схвачено и бессудно вывезено, куда и насколько. Через 10 лет, в хрущёвскую оттепель, стали выпускать тех, кто ещё продержался. А кто погиб в лагере – сколько осталось лежать в той земле? И как дальше устроились в этой жизни выжившие? Кто-то из них, может, опишет свою историю, а что-то из того позже будет опубликовано, как правило, посмертно, если рукописи те будут сохранены как-то детьми или внуками. Важно было бы найти и собрать всё то наследство, в значительной части зарытое где-то в семейном хламе. Какой исторической ценности и литературного достоинства та страдальческая письменность и корреспонденция, никто не скажет и не знает. Таких чрезвычайно важных вопросов по чисто гуманитарному существу дела, конечно, уйма. А мы ждём чего-то...

И в самом деле, что же я имею в виду? Или ничего конкретно? Лезут разные мысли в голову... А можно ли как-то определиться с этим, конкретизировав пределы, – можно, если очень нужно зачем-то. Но в данном случае сомневаюсь, что определённая в этом вопросе решает что-то. Определиться – это значит ограничить себя самого, сознательно запереть в клетку, добровольно возвести и спрятаться за ограждение слов, сузив пространство своего существования, обедняя себя существенно, лишившись воздуха – и уже никуда не полетишь потом. Только сидеть строго на одном определённом месте уже до самого конца, застыв и не меняясь. А мы... (и три точки). Значит, без универсально чёткого ответа. Соображай сам – и выбирай по-своему. Такое отношение позволено в поэзии. Связано с разнозначностью. Разрешается и в нашей прозе.

Мы живём по меньшей мере в двух действительных и состоятельных мирах: телесно – каждый в родной и кровной среде и окружении (в мире цивилизации); в то же время ещё и духовно – вращая в той или иной степени и в воображаемой культуре, фикации, во всё более очевидном для нас виртуальном мире, начиная с наскального искусства и самой разной письменности, включая кино. Две разных и связанных между собой реальности – в бесконечном множестве форм разнообразных проявлений и измерений, как исконно-природных, так и иных средств существования и развития нашего мироздания в космической Вселенной.

Так издавать Хрестоматию или не нужно? Тоже спорный вопрос, обратился с ним к своему старшему товарищу. Ему 86 лет, бывалый и авторитетный. Он ответит мне сразу же и очень убедительно. Сперва вот: "Перестань колебаться, издавай. Это же дико интересно. Не все жители Руси стали полными кретинами. Ведь ещё немало могут самостоятельно думать. Поскорее сдавай материал в издательство. Старый К."

А следом и вскоре он присылает второе, уже поразмыслив: "Дорогой Влодэк. Я задумался над твоим вопросом об издании твоей книги. Да, было тогда жуткое время! Забирали прямо на улице, из дома, с работы, и был страх! Боялись все. Папу забрали на улице, и мы с мамой больше никогда его не видели, не знали, где он и жив ли. Ведь большинство из них не совершили преступных действий! О гибели моего папы в Озёрлагере № 7 /от истощения/ я узнал уже будучи в Польше, году примерно 53-54, от поляка, вернувшегося из этого лагеря, соседа моего отца по нарам в лагерном бараке. Он меня разыскивал по просьбе моего папы, который верил, что я буду стремиться в Польшу. В начале 90-х я узнал, что папа был реабилитирован "по отсутствию состава преступления"! Это известие я получил из Сан-Франциско!

Теперь я подумал: а не рискованное ли это дело в теперешней ситуации издавать книгу, в которой описаны идиотские массовые аресты "героями-чекистами" людей, которые, в своём большинстве, ни в чём не были виноваты?! А ведь он совершенно непредсказуем! А если через полгода, или через год, он заберёт Харьковщину, – то твоя книга может оказаться книгой "врага народа". Кто ему помешает? Германия? НАТО? Ха-ха-ха! По всему видно, что эти господа хотят только торговать, барыши сбивать! Вот я и засомневался... Надо и это принимать во внимание. Вот что могу тебе сказать в это неустойчивое время. Обнимаю, старый К."

...Вот непонятная сила выбрасывает китов прямо на берег, на верную смерть. И ничего не поделаешь с этим. А киты, как и "новороссы", никогда не читают чужих книг. У них в арсенале только свои таинственные ориентиры, но поточней и надёжней наших азбучных истин.

Введение – всего несколько страничек, и пишете то, что захотите. Только для того, чтобы найти и задать тон, верный настрой и вызвать внимание. В этом смысл вступления в литературе, преамбула в законодательстве, прелюдии и увертюры в музыке. (*"Введение в собственном смысле – предварительные сообщения общего характера, предпосылаемые произведению, обычно научного характера, с целью ввести читателя в курс предмета"). Никому это не помешает.

Но если нет времени или не захотите влияния и вмешательства – сочтёте за лишнее, то начало смело пропустите, и уже после чтения, потом, может, смеритесь. От меня как составителя тут личные – принципиально исторические и политические – взгляды на предмет. Политика как искусство обмана (лжи) авантюрна, но и в ней есть всё-таки какая-то общепринятая мера и видимость подобия приличия и морали. – Как видим, не всегда.

"Бог правду видит, да не скоро скажет" (Л.Н.Толстой).

¹По привычке всё продолжается спор, нужно ли и зачем тормозить наше печальное прошлое, копаясь там во всеобщей злобе, и почему были отобраны именно данные тексты, и не какие-то другие. И в самом деле, чем же это объяснить, раз спрашивают. – Да ничем. Бессмысленно объяснять такое. Как и спрашивать тоже. Похоже на серьёзный и важный вопрос, на самом же деле бессмысленный, потому как очевидный и формальный, на все случаи жизни, как у маленьких детей, которые только усваивают азы коммуникации, развиваясь быстро, учатся общаться и разговаривать, как мой внук Женя в своё время, неустанно задавая один и тот же вопрос: "А пасяму?" ("Почему?", а не "Что это?"), особенное вместо обычного.

²КВжд – грязная имперская затея. В подобной авантюре всегда есть риск разоблачения и проигрыша. В конце концов, в средней перспективе, все уже как бы проигрывают Китаю. Окажется, что он не по зубам. Они там не глупей, а мудрей, и настойчивее пришельцев, постоят за себя, системней и последовательней, и им всё это важней, чем другим, народ сплочённее. Во всяком случае нежели у россиян, уж точно. ПДМ, как и КВжд, как и договоры о дружбе, – только средство, а не цель сама по себе. Притом не чистое, а порочно-ущербное, и с самого начала. Китай – культурней, историчней, нежели северные варвары, и это безусловно. Но самим варварам до сих пор никак не понять этого. И поэтому они обречены на верный проигрыш. И что же делать? России придётся выбирать себе противника поменьше и бестолковей, чтобы показать свою мощь на бессильном сопернике (контрагенте). А нам? Нас и не спросят.

³*Non-fiction – "это слово, которым обозначают литературу, рождённую без участия вымысла, для нас в новинку, отчего оно и не нашло ещё, как видим, даже своего эквивалента в русском языке. Хотя само явление известно, разумеется, испокон века, и все помнят, что именно "Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков" (1789-1816), "Путешествие из Петербурга в Москву" Александра Радищева (1790) и "Письма русского путешественника" Николая Карамзина (1803) стоят у истоков новой русской словесности и новой русской гражданственности. Да и позднейшая история литературы непредставима без таких разных "невывымышленных" сочинений, как "Былое и думы" Александра Герцена, "Фрегат "Паллада" Ивана Гончарова, "Записки из Мёртвого дома" Фёдора Достоевского, "Очерки бурсы" Николая Помяловского, "Уединённое" Василия Розанова, "Люди, годы, жизнь" Ильи Эренбурга, "Архипелаг ГУЛАГ" Александра Солженицына..."

⁴В диссертации написать и объявить, увы, можно всё, что угодно. То дело техники и порочный шаблон диссертантов. Привычную формулу письма, схемы и образцы, переносят из работы в работу и заимствуют. Люди знают и не особенно доверяют той проформе. В истории письменности всё связано, всё имеет продолжение и последствие. А маленькие грехи постепенно накапливаются и складываются в отвалы, и это не проходит даром для природы.

Человек вот открывает и листает книгу, прочитывая в ней чужой текст, – и не так сразу там схватывает смысл. И тут же решает, что в данном случае

это не очень хорошо. А что именно – уточним – плохо: то, что не **понял**, или же **то**, что не даётся (т.е. тот текст)? И это две разные вещи. Ведь в первом случае оценка касается тебя лично, а во втором – уже слога и автора. Или ты сам не тянешь, или тот текст слишком замысловат, – а оттого и непонимание, да, это плохо. Допустим, что я никак не пойму изложения теории относительности. Можно ли обвинять в этом А.Эйнштейна, за его теорему? Или же дело просто в моей математической безграмотности, а уж способ изложения, или стиль текста, тут ни при чём.

Хрестоматия эта – тоже не для всех, а только для некоторых, отдельных или избранных. Мы все по природе своеобразны, т.е. во многих отношениях довольно, и даже очень, разные и особенные, можно сказать, сами по себе, как бы похоже-непохожие один на другого. Так уж разумно устроено сообщество развивающегося противоречивого разнообразия в цивилизации. Соответственно, и потребности, и интересы, и продукты нашего труда столь же разноречивы и неоднозначны: никак не подчиняясь единому стандарту, они рассыпаются во множестве и наборе особенных образцов-шаблонов. Это относится и к литературе, и к разным изданиям. А сборник наш, если уж проводить сравнение по характеру его наполнения и настроения, то это никак не дворянское собрание или какая-либо аристократическая ассамблея, а уж скорее всенародный молитвенный дом, более гуманистический инструмент, по своему назначению и сути.

Подчёркиваю, что мы, бывшие харбинцы, часто близки в понимании и оценках той нашей прошлой жизни в Маньчжурии и российской истории. Но это ещё не значит, что единодушны во всём абсолютно. Тех земляков наших, которых тогда и десятью годами раньше "забрали" и так или иначе казнили, безусловно, нам безумно было жаль: **за что** же такая жестокость и несправедливость, и несуразное наказание именем государства... И никто не понесёт вины и не ответит за государственное преступление и сломленные судьбы. Поезд в той имперской стороне тогда промчит на скорости – уже навсегда канул его след в бесконечной неизвестности.

Кто они те страдалцы? Некоторые из них напишут о себе, свидетельствуя о своём времени и той системе, – и оставят свои послания потомкам. Всю ту их письменность уже не сохранить, но хотя бы часть её сберечь для истории рода человеческого. В каких-либо носителях, книгах и интернете. И всё то специально о бывших харбинцах (условно). Надо сообща собирать тексты и, разбирая их, обобщать и объяснять. У меня 11 лет назад уже был такой сборник – "Воскресение имени". И теперь, может быть, соберусь вот с Хрестоматией. В эту важную книгу заблудилось случайно моё замысловатое это откровение, но не стоит на нём заикливаться, на него переводя всё внимание.

Введение в книгу – всё-таки некая факультативная частность, без которой сплошь и рядом обходятся при желании. Нужно ли отвлекаться в непринципиальном споре о том, чего добиваться и как? Никакой массовости и успеха у книги не будет – и не ждите этого. А простота – вовсе не всегда дос-

тоинство, и никакое не благо. Простота хуже воровства, это правда. Речь идёт о примитиве (та же простота) и всенародной лени (кому-то не хочется думать). На печи лежать. Галушки глотать. Не следует спор между простотой и сложностью постоянно решать только в пользу первой, потому как с ней проще и легче, и она доступней. Но мы уже в своей истории прошли стадию младенчества и детства. Народ наш – даже не подросток – и вовсе не так наивен, как порой кому-то кажется. Пусть старается и напрягается, как другие.

Возможно, что это ещё далеко не всё, что нужно было сказать предварительно самому составителю Хрестоматии, собирателю таких вот небесспорных и блестящих текстов от и вовсе не святых мучеников, а, как у нас в данном случае, самых разных и обычных лиц, в определённом смысле всё же порочивших то государство и советскую власть. Не даёт покоя и мучительная мысль об ответственности загнанного народа, значительной части покорных граждан из самых его недр, за всё то, что творилось тогда в стране с огромной массой произвольно назначенных изгоев, конечно, по приказу сверху, но и не без подлой поддержки и подпитки внизу.

Что такое сегодня для нас Россия и русские, среди них не один такой воинственный божок – надобно разобраться и решить украинцам, и никогда не поздно что-то узнавать новое и помнить о своих соседях и близких. Мы с ними, как и с иными, постоянно проявляемся и меняемся сами – и всегда другие, пока живём и общаемся. А причины наших взаимоотношений скрываются в прошлом, и нам приходится находить их в общей истории. Ну, конечно, не все россияне виновны заведомо в развязывании войны, а только те сугубо верно-подданные, которые слепо поддерживают бредовые поступки своего правительства и зажавшегося истеблишмента*. *«Истеблишмент (от англ. Establishment – «установление», «основание») – власть имущие, правящие круги, политическая элита. Совокупность людей, занимающих ключевые позиции в социально-политической системе, являющихся опорой существующего общественного строя и формирующих общественное мнение, а также совокупность институтов, с помощью которых эти люди поддерживают существующий социальный порядок».

Как-то так происходит, что в народе почему-то всегда находится, если нужно, – и сейчас тоже найдётся – группа (партия), которая пожелает и с удовольствием сама предложит себя в помощники и услужение царю-батюшке и двору. Откуда в нас такая страсть – и с ней же задатки опричнины? Или такие воспитатели – и так воспитаны с детства. Приучены к армейскому порядку вечных построений, чтобы сперва подчиняться общей команде и ходить стройными рядами (строем). А в конечном счёте мы между собой разъединены, не солидарны, нет сочувствия друг к другу, развиваются склонности к зависти и оговорам – как раз та самая почва для вечных смут и гражданских войн.

И вот вам первый стихотворец и певец пролетарской революции:
"Себя разглядевши в зеркало вправленное, в рубаху в чистую — влазь. / Влажу и думаю: очень правильная эта, наша, советская власть".

(Цитата из известного В.В.Маяковского. Рассказ литейщика Ивана...).

И заодно уж включаю память, тут же оформляя проснувшуюся мысль о своём талантливом тёжке... Что-то замысловатое и злое о нём приходит в голову, вроде как: "С небывалым экстазом Поэт олицетворяет и разворачивает решительно свой продолжительный клич-плакат, им точно забьёт гвоздь прямо тебе в мозг – и напавал сознание". А в интернете чей-то "Газпром" всё пугает мою страну холодной зимой. Тут вспомню, как в самом конце гражданской войны в Китае мы терпеливо переносили и тот же холод, и тот же голод. Казалось, такой предоплаты хватит на всю оставшуюся жизнь... Но не зарекайся, друг!

– Да, писать талантливо стихи, конечно, трудно. – А почему? Далеко не у всех талант. – Читать тексты, кажется, легче. – И тоже не совсем так. Читать и понимать других, глубоко и пронизательно, вовсе не всем дано. – Чувства и мысли по своей сути, или природе, бесконечны, как духи и боги, и до конца невыразимы (только тени и намёки). А фраза как форма чего-то, некоего содержания (контента), вполне определённа и визуальна, видима, и конечна (дискретна). Сколько у нас тут парных названий, или наименований, в запас. Тоже моя история и тема. А в целом же, выходит, растекаясь "белкой (мышью) по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками", как баян в "Слове о полку Игореве".

А вот вы берёте в руки другую случайную книжку. И первые же вопросы про себя: "О чём она?" и "Для кого-чего?" Смотрим наискось и насквозь массу текста, как бы поверх всего в ней. По отдельным словам, скорее по запаху, угадать, насколько же она может быть интересна лично тебе. Пролистав какую-то малую часть, поищите оглавление – но в результате чаще всего осторожно отключаетесь. А-а... тут какой-то там неизвестный... Харбин, харбинцы... лагерь... записки и воспоминания. Ну, её. Одно и то же, ничего такого. Действительно, так. Жили люди, их забрали, посадили и послали на лесоповал, они там выжили, их отпустят через 10 лет, вместо 20. Не расстреляют. Некоторые потом ещё сумеют написать о себе и всём этом времени, по-своему. А мы вот найдём и соберём те воспоминания, составив сборник для тех, кому это нужно или интересно узнать по сути и, возможно, поглубже. А зачем? Просто, чтобы не быть поверхностным. – А-а...понятно (как-то недоумевая, порядочный человек). Поддержат многие. И мои знакомые, и близкие, родные, если честно.

– Да кому там это нужно и интересно?! То, что было, или же не было вообще, то давно прошло, пролетело уже, – так называемое давнопрошедшее время, и нет его у нас и в помине, люди добрые, не смешите народ... Зачем морочить себе мозги, товарищи! Нечем что ли заняться, каким-нибудь делом практическим?

Увы, такая вот мораль. Сказано было однажды, твёрдо и надолго: "Есть такая партия!" И её не снести. Она внутри народов и всех нас прочно засела. А значит, что положено так, и самому мне тоже порой так покажется, всё-таки восемьдесят лет. Борьба с природой, как видим, бесполезно. Только переварить и переболеть, как той же "детской болезнью левизны".

Речь идёт вовсе не столько о достоинстве призыведений из разряда т.н. "низовой, массовой словесности, которые, не отличаясь "высоколобостью" и/или стилистическим изяществом, тоже ведь входят в состав литературы pop fiction" (утверждает Г.Юзефович), сколько уже о нашей собственной совести, душе и нравственности, то есть о том, чтобы всем нам не распасться вконец, растворившись в смутном времени, но как-то продержаться ещё на плаву, в истории, лично и ответственно совершенствуя самого себя, сущностно и духовно в вечности.

Кроме менеджмента и экономики, есть и народное образование, педагогика, филология, история, политика, библиотечное дело, которые имеют дело с книгой и письменностью. "А слова как не было, так и нет, ибо такие привычные для нас понятия, как документалистика, в том числе художественная, очеркистика и литература факта явно не охватывают всего явления". "Посмотрите, что делается на Западе: там подобного рода литература – основа книжного бизнеса", – продолжает Г.Юзефович. – Поэтому и у нас именно нон-фикшн, а вовсе не качественная художественная литература с большой степенью вероятности станет главной тенденцией ближайшего, и не только, книжного года". Чтобы развиваться – поработаем...

Говорят, будто нет слова в русском языке, чтобы назвать этот важный вид или жанр нашей литературы. Речь о рукописях и про публикации бывших политических заключённых из числа харбинцев, массово и без разбору взятых в плен советскими карательными органами (СМЕРШ и др.) после захвата Маньчжурии в августе 1945-го года. Без суда и следствия, назначив всем похожие сроки, отправляли их в трудовые лагеря, разбросанные по всему Союзу. Такова вот самая простая схема той таёжной истории из жизни незаурядной личности в советской неволе:

...арест> рабство> освобождение> старость/воспоминания> и конец/смерть.

Авторы-свидетели все до одного уходят из этой жизни, но не случайно, а сознательно, и оставив памятные записки, свой глубокий след от себя, о себе и времени, рассчитывая, должно быть, что тот опыт и знания когда-то принесут пользу ещё другим и нам, потомкам. Те их жизнеописания могут научить нас чему-то: но вот чему и как? Это уже не зависит от них. У нас в распоряжении живые воспоминания, дневники, записки, книги, корреспонденция, очерки, письма, письменность, повести, рассказы, статьи... И всё равно не совсем точно и условно название? Не находим никак подходящего имени – но это нормально и вовсе не случайно, значит.

Все мы, и каждый из нас, в чём-то такие же, как наши дети – дела и поступки. И похожи на свои книги тоже, если они есть, а то ведь и могут быть в принципе, лишь как возможность. Особенно же в написанном тобою самим тексте – привычный стиль твой. Но и в любой иной работе тоже скажется мастерство и умение, а душа мастера оставляет свой след и отпечаток в продукции. В любом искусстве это вдохновение творчества – наиважнейшее свойство и качество, совсем такие незаметно-заметные. Уловишь и почувст-

внешней, но не расскажешь, и никак не передашь словами любому. Люди разные, и есть среди них одарённые и избранные.

Книга всегда особенная, если для любознательного и чуткого читателя, даёт повод ему вновь и вновь самому задуматься над смыслом земного бытия, обща и заодно с классиками углубившись в вечный вопрос столь небесспорного существования здесь, вникая в философские размышления, как и просто суждения, оценки и мысли людские, о сложностях и проблемах нашего жития. Филолог, по определению, любит слово, живущее и реализованное в самой разной форме, прежде всего изречений и высказываний, которые складываются и состоят из этих важнейших единиц языка. Слова-понятия представляют огромную ценность культуры, без них не обходится общественная и духовная жизнь, как и весь остальной быт человека. Филологи больше других, имея привычку, пользуются литературой и цитируют классику.

Филологическое образование в основном держится на книжной мудрости классической литературы, основывается на литературном познании, философии, на читательском чувстве и собственном житейском опыте в какой-то мере. Искушённый книголюб, в конце концов, разберётся в литературных направлениях и стилях, вникая и разбираясь в речевой структуре текста и улавливая дух, образ автора и фразовый подтекст произведения. Вся наша цивилизация до сих пор тесно связана с эрой письменности, органично вращаясь в неё. На сей счёт всего один образцовый пример, когда человек писал себя аж 44 года... * Успенский, Порфирий. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. Т.1, 1841-44. СПб., 1894. ... т.8, 1861-85. СПб, 1902. Годы издания: 1894-1902.

Вместо эпитафий, приглашающих к Размышлению...

● *"Прадеда в 37-м замели по делу кавэжэдинцев. Вернулся с КВЖД в Россию, да тут ещё и донос какой-то пришёл. "Враг народа". Его сестра, его жена, его сын – "члены семьи врага народа". Прадед не вернулся, сестра его, как жется, тоже; прабабушка и дед выжили. Других прадеда и прабабушку, уральских крестьян, раскулачили. Правда, переселили всего лишь в соседний уезд. Выжили они, прожили долго. Это были родственники по линии отца. По линии матери – не пострадали" ("Новая газета").*

● *"КВЖДинцев отлавливали и косили по всему совку и без всяких доносов даже. Как говаривала моя бабушка – "Мы были ходячей антисоветчиной. Приехали из "Китая" все такие холёные, румяные, хорошо одетые. А тут на Украине народ весь в ланях замороженный. Вот нас и прибирали с глаз долой" ("Новая газета").*

● *"Одни мои прадеды были простыми крестьянами и солдатами, а другой из них – школьным учителем. Один, из крестьян, был раскулачен, но выжил и дожил до глубокой старости. Другой служил на КВЖД, а по возвращении в Россию был, как и все "кавэжэдинцы", репрессирован, несмотря на членство в ВКП (б) и на то, что не принадлежал ни к каким "бывшим". Третий был солдат, коммунист, участвовал в штурме Зимнего, работал курьером для Смольного, затем – в кремлёвской службе в Москве, но почему-то попал на фронт в Великую Отечественную, попал в окружение, партизанил и был расстрелян немцами. Тот, что учитель, после революции со своей супругой (моей прабабушкой, тоже учительницей) руководил школой-коммуной во Мценске, а затем работал до старости в одной из московских школ завучем. Поговаривали, будто он ненадолго побывал и директором, но для утверждения на этом посту надо было вступить в КПСС, а он отказался... Был будто бы, как и прабабушка, из дворян Тульской губернии, но доподлинно неизвестно. Вот так вот. Один прадед в ГУЛАГе подыхал, а другой в это время товарища Сталина на лимузине катал" (сериал "Гибель Империи").*

● *"После передачи КВЖД японцам семья моей мамы развяхалась из Харбина. Практически все взрослые, выехавшие в СССР, были репрессированы. Старший брат, Анатолий Игнатьевич Петренко был расстрелян. Знаю, что учился в Днепрпетровском жд институте. Большие сведений о нём нет. И только у Вас нашёл его в списке (Протокол №485 от 11.08.37)".*

● *"Всем день добрый, мой прадед Ференец Николай Николаевич, репрессированный в 37, до 34 года работал на КВЖД, причём, по семейным легендам, в начальствующем составе станции Харбин. Ни подтверждения, ни опровержения данного факта пока найти не смогла. Может, кому-то попадалась интересующая меня информация?" (Из интернета).*

Часть первая

Кавэжэдинцы (тридцатые годы XX века)*

Якир П. Устрялов Н.В. Белоусова А.А. Бородина Л.П. Вайнцвайг-Скирто Э. Варпаховская И.С. Варпаховский Л.В. Гольдштейн П.Ю. Грачевы. Дин Мин (Юй Чжао Цзюнь). Зайцев И.М. Ипполитов В.А. Каплун В.М. Ковган П.С. Ланской Е. Лесняк Б.Н. Мирандов А.Ф. Некипелов В.А. Нерода Б.А., А.Б., В.Б. Розанов М.М. Сабинин А.М. Семёнов С.М. Умановская Э.С. Цуп Д.П. Шварцбург А.Е. Шелкунова А.А. Язвницкая Н.И. Виноградов В.

№ 1

*** Пётр Якир. ДЕТСТВО В ТЮРЬМЕ: Мемуары.**

"Я спорил со своим братом, который говорил, что всё, что происходит – правильно. Мы сидим – правильно, родителей арестовали и расстреляли – правильно, а Сталин – гений. Я же был против происходившего и видел корень зла в садисте, сидящем на престоле". <...>

"Пребывание в Балашове осталось в моей памяти как комок боли". <...>
"В нашей камере было несколько человек, одетых в хорошие кожаные пальто и галифе с кожаными врезами. Я узнал, что это КВЖДинцы, работавшие в прошлом на КВЖД (Китайско-восточной железной дороге, проходившей по территории Маньчжурии). После продажи дороги Японии, они с семьями были перевезены в Советский Союз, частично сконцентрированы на Дальнем Востоке, частично направлены в Среднюю Азию. А в 1937 году их почти всех арестовали; руководящих работников расстреляли, а остальных заочно осудили по формулировке ПШ, т.е. по ст. 58-6 – шпионаж; мужчин – к 10 годам, женщин, стариков и молодежь – к 5-8 годам лагерей. Это была вторая (после истории с персами) массовая акция, о которой я узнал. КВЖДинцев было несколько десятков тысяч семей. На следствии их тоже не били, т.к. простая принадлежность к КВЖД рассматривалась как вина, не требующая дальнейших доказательств, и предполагающая известную меру наказания. <...> Каждая новая тюрьма всё больше расширяла мои знания о том, что происходило на воле" (Первая попытка).

"Как известно, "порядочным называется тот, кто неохотно делает подлость". Это определение пришло из сталинских времён. Тогда не совершить

* Выборки из Полного списка авторов Проекта "Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы" и из новосибирской газеты бывших харбинцев "На сопках Маньчжурии".

требуемую подлость означало почти наверняка поплатиться головой. Всё это "единодушие" и "всенародная поддержка" были вовсе не из-за того, что люди слепо верили. Люди гнали от себя сомнения потому, что усомниться было физически страшно. Страх сковывал, его инерция сильна и сейчас. Но если раньше можно было оправдываться перед своей совестью, – дескать, не могли же мы пойти на заведомую гибель, то теперь успокаивать свою совесть уже не так просто. И вот некоторые нарушают эту традицию трусливого молчания, трусливой поддержки. Страх у них, конечно, есть, но ещё больше они боятся своей совести. Они открыто отстаивают своё человеческое достоинство. Это – очень сильная позиция. Люди, имеющие моральный долг перед самим собою, не склонны поддаваться на уговоры или шантаж, идти на компромисс" (Юлиус Телесин. Предисловие). <...>

№ 2

• **Устрялов Николай Васильевич** (1890-1937) – юрист, общественный деятель. 1890, 25 ноября. – Родился в Санкт-Петербурге. Прадед по отцовской линии – крепостной крестьянин Орловской губернии. Дед, Устрялов Иван Герасимович, дослужился до должности начальника отделения канцелярии Военного министерства; после его смерти четверо его детей получили дворянство, в том числе отец. Отец, Василий Иванович Устрялов, – выпускник медицинского факультета Киевского университета. Мать, Юлия Петровна, урожденная Ерохина, – дочь калужского купца. 1900. – Переезд семьи в Калугу. 1908. – Поступление на юридический факультет Московского университета. 1910. – Создание в университете издательства "Путь" с целью распространения научного наследия передовых отечественных мыслителей. Основатели издательства – Е.Н.Трубецкой, С.Н.Булгаков, Л.Н.Лопатин и др. Вхождение Н.В.Устрялова вместе с Ю.В.Ключниковым, С.О.Кечекьяном, А.М.Ладыженским и другими в круг "младших путейцев". 1913. – Окончание университета, оставление при нём для подготовки к профессорскому званию. 1916. – Получение звания приват-доцента. 1917, лето. – Выступления вместе с Ю.В. Ключниковым с лекциями по городам России. 1917, сентябрь. – Пребывание на фронте, выступления перед солдатами и офицерами с разъяснением позиций Временного правительства. 1917, 25 декабря. – Публикация в газете "Утро России" статьи Н.В.Устрялова "В рождественскую ночь", где он постарался уйти от упрощённого толкования событий, происходящих в России. 1918, июль. – Избрание председателем Калужского губернского комитета конституционно-демократической партии (кадетов). 1918. – Издание еженедельника "Накануне" (совместно с Н.А.Бердяевым, А.А.Кизеветтером, П.Б.Струве, С.А.Белоусовым). 1918. – Переезд в Пермь, преподавание в Пермском университете. 1919, февраль. – Прибытие в Омск, встреча с Ю.В. Ключниковым. 1919, февраль. – Падение Омска. Эвакуация в Иркутск. 1920. – Падение Колчака, эмиграция через Читу в Харбин. – Участие в сборнике "Смена вех" (Прага) с Ю.В. Ключниковым, Ю.Н.Потехиным, С.С.Лукьяновым, С.С.Чахотиным. 1921. – Создание Н.В.Устряловым в Хар-

бине нового вуза (Высшие экономико-юридические курсы). 1925, лето – Поездка в СССР. 1935, май. – Переезд с семьёй в СССР. 1937, 6 июня. – Арест по обвинению в шпионаже, контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации. 1937, 14 сентября. – Приговор: расстрел. 1989. – Реабилитация за отсутствием состава преступления.

* "В Сталина нужно стрелять": Переписка Н.В.Устрялова и Н.А.Цурикова 1926–27 гг. // Вопросы истории. – 2000. – № 2. – С. 136–143.

1. Н.В.Устрялов – Н.А.Цурикову. Харбин, 27 октября 1926 г.

"Дорогой Николай Александрович! Недавно я выписал "Возрождение", и в первом же пакете нашёл статью, подписанную "Н.Цуриков" (от 9 октября). Ясно, что это Вы. И я почувствовал непреодолимую потребность написать Вам.

Долгое время я Вас считал погибшим. Из России Н.Г.Смирнов (помните?) писал, что "все Цуриковы или перемерли, или перебиты". В прошлом году в Москве тоже никто ничего о Вас сообщить не мог. Не так давно довелось мне слышать, Цуриков выступал на парижском национальном (так кажется?) съезде. Но вот теперь собственными глазами прочёл Вашу статью. И вспомнил московский университет, Вашу тульскую усадьбу, Вашу московскую квартирку в тихом переулочке за Арбатом, калужский старый дом Н.С.Кашкина... И винт... И арбатский участок... Да, ушло всё это. Что же делать – угораздило родиться в такое время, – видно, на роду написано. Всё же вот уцелели по недоразумению. И на том спасибо: всё-таки много интересного, "блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые".

Как и многим, довелось мне пережить довольно пёструю эпопею. В 18 г[оду], когда начался террор, был в Калуге председателем губ[ернского] кадетского комитета. От ареста чудом спасся – бежал в Москву: взяли заложником моего брата, но, к счастью, не расстреляли (он и сейчас в Калуге – доктором). Потом – очень скоро – пришлось бежать и из Москвы. Бежал в Пермь, где профессорствовали Успенский, Кечекьян и Фиолетов. В Перми отчаянно голодал, читал лекции в университете и наблюдал невероятнейший террор уральского совдепа (но – разные характеры! – совсем при этом не испытывал чувств, обуревавших в аналогичном положении З.Гиппиус, – см[отрите] её дневник) до тех пор, пока Пермь не перешла к войскам Колчака. Немедленно переехал и Омск и до самого падения правительства принимал живейшее участие в белой борьбе. В Иркутске после захвата его красными несколько дней спасался в подполье, но потом опять-таки "чудом" спасся – уехал с японским эшеленом на восток – в Харбин. Здесь и живу: профессорствую на Юридическом Факультете.

В Харбине сразу же выступил противником дальнейшей гражданской войны. Этот период жизни запечатлён уже в моих книжках "В борьбе за Россию", а затем "Под знаком революции".

Вероятно, Вам приходилось краем уха даже и слышать мою фамилию. Вероятно, слышали и неодобрительные отзывы, может быть, даже очень бранные. Надеюсь, последним не придали веры и мою ересь отнесли к излишней "теоретичности", в которой, бывало, частенько меня попрекали. Должен признаться, я

попал, помимо своей воли, одно время в дурное окружение. Разумею "сменовеховцев", с течением коих моя "линия" на короткое время механически совпала. Ярлык был приклеен, я его воспринял, и только уже потом удалось окончательно зафиксировать, что нужно *distinguer*... Долгое время здесь я был абсолютно одинок – наедине со своими думами и надеждами. Бранили отчаянно кругом, – но, ещё с гимназии привыкши к ругне и бойкотам, я считал, что это не беда. Стали хвалить большевики, но и это меня не смущало: знал, что не надолго. И впрямь, весной 22 г[ода] Ленин обозвал меня "классовым врагом" (правда, "умным"), и с тех пор пошло *crescendo*. Теперь Зиновьев и Бухарин вовсе восстановили перспективу ("Философия эпохи" и "Цезаризм под маской революции").

В прошлом году съездил на полтора месяца в Москву и Калугу. Многих видел: В.Д.Плетнёва, С.А.Котляревского, Кечекьяна, В.Н.Муравьёва, Н.Г.Смирнова, ряд новых людей. Узнал о смерти бедного И.С.Верёвкина от чахотки. Многих нет, многие далече... Но в Москве всё так же прекрасны весенние рассветы, так же сияет Храм Христа, и так же всею душой, всем существом ощущаешь, что это – наша Москва, наша, та же Россия. Эта основная интуиция отделяет меня от эмиграции. Я не хочу и не могу быть эмигрантом. Может быть, это очень плохо, но ведь душе не прикажешь. Я остался прежним: верю в Бога, чту память Е.Н.Трубецкого, никому не отдам свои воспоминания детства, юности, ни минуты не сомневаюсь в России. Но к Вашим "активистским" призывам органически глух, они меня просто не трогают. Давайте лучше смиримся. Смирение – лучшая сила. "Брань святая" не выдумывается... Когда нужно – камни возопиют. А теперь не только камни, но и народ безмолвствует. Не доспели сроки.

Ну, это дело длинное. Если захотите написать, буду душевно рад. Хочется проверить себя, – а мы с Вами умели славно беседовать. Если хотите, я Вам пришлю свои книжки. Очень хотелось бы Вашего откровенного, от сердца и от разума отзыва. Если у Вас есть что-либо напечатанное – может быть, пришлёте? Правда, Вы в статье пишете, что с теми, кто "думает об эволюции большевиков", нечего и разговаривать: но так ли это? Да и только ли об этом можно говорить? *Die Welt ist tief und tiefer als der Tag gedacht*. Посылаю Вам свою последнюю статью о расколе у большевиков: имейте только в виду, что это пишет "внутрироссийский интеллигент". Формулы эзоповские. Но, кажется, сказал, что было можно и нужно. Всего хорошего. Ваш всегда Н.Устрялов". P.S. Напишите о себе".

* Из дневника Н.В.Устрялова.

"7 января 1927 года. Вечером вчера пришло письмо от Цурикова со вложением моего к нему письма. Отвечает очень резко, прямо в бранных, ругательных тонах. Вчера же пришли обратно посланные мною ему брошюра ("Россия [(У окна вагона)]") и статья ("Кризис ВКП").

Демонстрация непримиримости. Может быть, так и надо?

Но мне такая манера органически чужда. Н.А.Цуриков – подлинный фанатик непримиримости. В одной из своих статей (цит[ирую] у Милокова

"Эмиграция на перепутье") он даже восстаёт против "изучения в кабинетах": "изучая, мы привыкаем, привыкая, мы миримся". И – характерный лозунг: за одного верного и честного – десять умных". Ибо "родина ждёт одного: борца". Любопытно. Да, конечно, ему не могут нравиться мои статьи.

На разных берегах. "По ту сторону баррикады". Грустно. Ну, что же, переживём и это...

Сначала всё-таки взгрустнулось. Мы ведь были очень дружны с ним, и я всегда ценил его морально-эстетический облик. Его резкие, словно рассчитанные на причинение максимальной обиды слова — огорчают... но не обижают: tout comprendre — c'est tout pardonner. Он остался всё тем же, благородным, хорошим человеком. Но его духовный мир, его психический облик – диаметрально противоположны моим. Видимо, нужно признать, что, действительно, моя публицистика должна раздражать и способна раздражать. Несмотря на его злые слова и обидные оскорбления, я совсем не могу в своей душе найти злых чувств против него... Пожалуй, отошлю ему его письмо, по его же примеру, но без всяких обидчивых реакций. Ну, разошлись... Он меня не понимает (т.е. понимает неверно). А я его вижу как на ладони, "честного и верного"...

Но перед тем, как отослать обратно его письмо (с припиской – финальной), перепишу его себе на память, хотя это и не слишком приятно. Однако, из песни слова не выкинешь..."

Н.В.Устрялов – Н.А.Цурикову. Харбин, 20 января 1927 г.

"Возвращаю Вам, Николай Александрович, в свою очередь, Ваше письмо. Сопровождаю его несколькими словами, которые, если угодно, можете не читать: тогда просто бросьте этот листок в печь, и во всяком случае не затрудняйте себя отсылкой его мне обратно.

Не буду скрывать – Ваше письмо меня очень огорчило. Не обидело (как, вероятно, не сочли бы подходящим обидеться и Вы, если б кто вздумал намекнуть Вам о "проституционности" и проч[ем]), а именно огорчило. Несмотря на Ваше отношение ко мне, я продолжаю относиться к Вам по-прежнему. Вспоминая, стараюсь припомнить в Вашем характере черты, объясняющие Ваше письмо. Тем более, что в нём так много "студенческого"...

Перечтите его. Ужели оно не кажется Вам непростительно "юношеским", узким, фанатичным. Даже студентами, помню, в "Петергофе" мы считали позволительным сидеть рядом с товарищем Александром и беседовать с ним. Теперь же Вы просто лишаете нравственного права по-иному чувствовать Россию, нежели чувствуете и любите её Вы. Эта болезненная, какая-то подпольная подозрительность (Вам "неясны причины (!), цели (!!)) и смысл (!!!)" моего письма)! Эта огульность! Эта нетерпимость, поистине, интеллигентско-сектантская! Это идолопоклонство отвлечённой "совести" в ущерб "рассудку" (т.е. разуму, который есть интеллектуальная совесть)!

Бог с Вами. Оставайтесь при Вашей соблазнительной кавалерийской философии революции ("персональная подлость большевиков", "беглый каторжник", "нужно стрелять"... не имея ни пистолета, ни понятия о прицеле). Это дело вкуса и темперамента. Впрочем, об этом можно спорить. Но осо-

бенно... неожиданна вот эта Ваша гордыня, безапелляционность, эта лёгкая готовность сурового морального приговора... теперь, когда всё так сложно, трудно, когда так объективно легко заблудиться... Признаться, я не ожидал, что горе настолько убило в Вас чуткость (Вы же не Ильин, у которого её никогда вовсе не было)...

Хотя Вы обещали не полемизировать с моей публицистикой и не отвечать на моё письмо, Вы в письме сделали и то, и другое... не давая мне возможности ответить по существу Ваших "оценок" (фактом возвращения моего письма и тоном Вашего). Но что сделано – сделано. Не хотите или не можете – не надо. Во всяком случае, спасибо за откровенное слово. Останусь и я при себе: "для Гибеллинов Гвельф и для Гвельфов Гибеллин". Ни на "митингах", ни в "печати" полемизировать по этому поводу потребности не чувствую (хотя меньше всего полемики боюсь). Но лично мне, повторяю, очень грустно... ибо и, считая Вас очень ошибающимся, ослеплённым, ожесточившимся, я всё же не могу изменить своего старого личного отношения к Вам. Должно быть, мы очень разные люди... Н.У."

*** "Служить Родине приходится костями...":** Дневник Н.В.Устрялова, 1935–1937 гг. // Источник. – 1998. – № 5–6. – С. 3–100.

20 мая 1935 г. Едем. Скоро Чжалантунь. Скоро – новый период жизни, можно сказать, "третья жизнь". В сердце – ещё отзвуки прошлого, вчерашнего дня. Наш солнечный садик в долине белых черёмух и слив, розовых вишен. И – последние встречи, и лица близких людей на вокзале; как же за долгие, длинные годы не отсаяться горстке близких людей?

Сумбур чувств и мыслей в душе... (около 6 ч. утра).

22 мая 1935 г. Скоро Чита. Вчера переехали границу. Радушные встречи, изобличающие всю глупейшую ложь харбинских "информаций". Хорошие беседы. Едем. "Неприятно и бедно в тебе..."

30 мая 1935 г. Стоим перед Воронежем. Жарко. По дороге – прекрасный лес разнообразных деревьев и запахов. На родине. Ещё как-то не переварил всего этого. Словно сон, фонтан впечатлений, *elan vital*. Ещё не дошло как следует до сознания... Сегодня выходной день, и из Воронежа направляется в предместье струя публики, желающая провести праздник на чистом воздухе. Приоделись. Как в былое время, десятое августа в Подзавалье.

Сколько повидали! Прокатились за казённый счёт в прекрасных условиях по всей России...

Рассчитывали попасть в Москву сегодня, но вместо того, чтобы отцепить наш "московский" вагон в Рязске и направить его непосредственно в Москву, – его отправили вместе со всем составом поезда в Воронеж. Приедем в Москву с опозданием, – должно быть, завтра, 31 мая. (12 ч. дня).

Примечание. На самом деле, приехали в Москву 2 июня, так как пришлось задержаться в Воронеже по техническим железнодорожным основаниям.

6 июня 1935 г. В Калуге. Воскресшее детство, живое прошлое. "Всё родное на этих страницах..." И прежде всего – эти запахи, подлинная машина времени.

Брожу с детьми по окрестностям – был за рекою, в бору и Анненках, на кладбище, в роще... И цветёт детство в душе, вот как эти полевые незабудки, как васильки! А берёза: как мастерски умеет она пахнуть, особенно вечером, ночью; словно в этом аромате – прямое касание мировой тайны... А земляника? – то же самое. Какой-то сложный, синтетический аромат, претворяющий собою субстанцию этих полей, этих лесов, соки сердца этой земли с её цветами, травами, росами. Даже захватывает дыхание перед душистым синтезом этим и его чудесною, красною с нежнейшими переливами, плотью. И эти лукошки берёзовой коры, и эти бабы, и телега – что за дивная гармония, которой имя: – Родина? – Природа? – Детство? Впрочем, *Nome ist Schule und Bouch...* (14 ч. дня).

7 июня 1935 г. "Переходное время". Закрываются и сокрушаются церкви, – а рядом: Помер муж... Сглазили!.. Дохнет корова, ещё бы: сколько тут людей-то... Конечно, глаз!..

На колхозном базаре – плакаты о торжестве социализма и науки, а тут же слепой старик в лаптях и с длинной бородой, словно из пятого акта "Царя Фёдора Иоанновича", – поёт по-древнему сказание о Богородице... И так – на каждом шагу.

Любопытно, что и тот и другой миры – реальны, что не лгут плакаты, что социализм, действительно, – факт..., но факт – и вот эти наши соседки, приписывающие гибель коровы злему глазу, и стильный старик на торговой площади. Контрасты красочны и ярки...

Нужен бы художественный взор, чтоб их подметить и отметить, – закрепив для истории этот любопытнейший, неповторимый быт! (3 ч. 10 м. дня).

11 июня 1935 г. Москва. Вчера, в экскурсии с Ю.В.Рудым и товарищами по КВЖД, осматривал знаменитый шарикоподшипниковый завод. Прекрасное впечатление! Отличные машины. Отличные люди. Радостно ощущать всесторонний рост страны. На таких огромных современных заводах постигаешь своеобразную эстетику техники, – эту самую, о которой писал некогда Шпенглер, воспевая красоту океанского парохода и т.п. Непонятно, почему он через несколько лет отрёкся от этой филиации идей и предал технику анафеме...

Был в театрах: в Большом на "Евгении Онегине" и в Художественном на "Мёртвых душах". Бесконечно слоняюсь по улицам, вдыхая воздух Москвы. "Воздух цвёл мерцанием багряным..."

Завтра из Калуги приезжает мама с Левочкой. Симфония сильных впечатлений, целая радуга переживаний. Сразу не освоить, не переварить... (7 ч. веч.).

15 июня 1935 г. Замечательные ночи! Как это раньше я не видел всей их несказанной красоты! Прекрасное северное небо – летнею ночью! Тёмно-голубое, неопишемого, волнующего цвета. Какая-то вдохновенная глубина. Светится оно разлитым повсюду внутренним светом, и на этом перламутровом фоне рассеяны редкие звёзды, тоже прекрасные, – божественный орнамент! Шёл вчера домой из Малого театра в одиннадцать часов – и любовался, и вся душа насквозь дышала счастьем, торжественным подъёмом, и словно музыка наполняла её до краёв. Огни, огни, широкие площади, в которых прошлое сливается с будущим, весёлое оживление, трамваи, а наверху – это

небо, серебриющиеся на восходящей луне облачка, ночная лазурь в серебре "Пронизана лазурью серебристой..."

Какое счастье, что вновь довелось под вечер жизни увидеть эти родные ночи: эту родную красоту, дышать этим цветущим, неизречённым воздухом! (8 ч. 30 м. утра).

19 июня 1935 г. Советская торговля! – Невольно поражаешься её размаху, её организации. Разве не казалось всегда, что труднее всего наладить именно государственную торговлю, социалистическое распределение? И, однако, эта задача решена. Несомненно, решена.

Москва полна товарами, магазинами, и магазины полны людьми. Радостно видеть это растущее благополучие – на новой, социалистической, – да, да, социалистической – основе. "Большевики научились торговать". Убеждаешься воочию, вплотную, что "генеральная линия победила". Сомненьям, оговоркам – конец.

Штаббриан, возвращаясь из эмиграции на революционную родину, замечал повсюду лишь знаки страшных разрушений и воровства. Нынешний возвращенец на советскую землю увидит повсюду образы лихорадочной и молодой творческой работы – воистину, восстающий новый мир. И скажет, что "радостно жить в такое время!". (8 ч. утра).

24 июня 1935 г. Жаркие, душные дни. Особенно маятно в этой чёрной корбке нашего дома, да ещё при закрытых окнах, из-за детской кори. Жарко.

Получил трёхлетний московский паспорт. На днях соберёмся в Калугу, а там видно будет: осень лета мудреней. В голове бродят разные планы, – хочется иногда "взяться за перо" и написать политическую статью об основном: от устряловщины к генеральной линии. Но – как это сделать? Не получится ли, что генлиния в моём изображении вдруг подернется устряловщиной? – Но это не дело, и, разумеется, тогда нечего и браться за статью. Нужно до конца преодолеть в себе все запахи ереси.

Любопытная вещь: встречаясь с разнообразными людьми, настоящими "советскими", – я ощущаю себя сплошь и рядом более, так сказать, советским, нежели они. И это вполне понятно: им "деревья" зачастую заслоняют "лес", они за все эти годы непосредственно ощущали трудности процесса, но в беседах и они единодушно влекутся к тем же оптимистическим выводам, тому же "приятно" ген-линии, что и я... (11 ч. вечера).

9 июля 1935 г. Новый социальный слой! Новый класс! – Да, здесь наглядно, непосредственно ощущается его пришествие и восхождение. Разительно переменился облик городов. Новый тип лиц, бывшие "пригороды". Да, рабоче-крестьянская эра, пролетарская революция. Нет и помина о прежнем буржуазно-интеллигентском с дворянско-аристократической прослойкой городе. И лицо новой интеллигенции – тоже иное, тоже пролетарское, массовое. Редко-редко мелькнёт на улице фигура старого покроя: словно и впрямь – вымирающий зубр!

Таково социальное действие революции: "пригороды" хлынули в город, а "город" ушёл в изгнание, за границу, на тот свет. Разумеется, этот процесс

протекал достаточно болезненно. Но было бы грешно отрицать его историческую осмысленность. Россия впервые обзаводится доподлинными городами, преодолевающими сопротивление косных сил природы. Мало-помалу их население станет тоже доподлинно "городским". Мы сейчас – у истоков этого огромного и любопытнейшего процесса. (9 ч. 20 м. утра).

10 июля 1935 г. Наш старый дом... Он – и не он. Став "жилплощадью", он перестал быть собой. Время? Годы? – Нет, не в них дело. Мерзость запустения в этих переполненных комнатах. Ужасное, потрясающее зрелище. Так, подчас, глядяваясь в облик смертельно больного друга после долгой разлуки, находишь в этой обезображенной фигуре былые, милые, родные черты... Вот обрывки знакомых обоев, вот кирпичики парадной лестницы, вот узорный паркет кабинета – жуть, сжимается сердце, и горло схватывается спазмой.

То же и сад. Сразу не сообразишь, что к чему. Разруха. Пустырь. – Но вот вдруг силуэт знакомой яблони, словно чудом уцелевшей посреди крапивы, вот липа, та самая, "моя", родная, вот вязы, каштан, изогнувшийся, одряхлевший, вот даже остаток рябины, фрагменты жасмина... Прошлое... Былое... Страна воспоминаний... Потонувший мир. – Но разве невозможна реконструкция? Среди этих развалин – молодой парень. Беседуем. Живёт в бывшей "маминой комнате". И одержим планами. "Надо всё это привести в порядок". Да, да, на развалинах — neues Leben... (10 ½ ч. дня).

16 июля 1935 г. Калуга. Сегодня еду в Москву – "устраиваться". Надеюсь повидаться прежде всего с Ю.В.Рудым, обещавшим мне позаботиться о дальнейшей моей судьбе. Он, правда, сейчас ещё, должно быть, в отъезде, в Одессе, на какой-то железнодорожной конференции с румынами. Но должен вот-вот вернуться.

Во время нашего последнего свидания в НКПС он спрашивал меня о пожеланиях. Я сказал, что основной моей профессией было всегда преподавание, и я хотел бы заниматься этой профессией и впредь; однако, мне нужно некоторое время – полгода, год – чтобы подготовиться: новая программа, новые для меня условия. Я мог бы читать историю, также государственное право буржуазных стран. Затем – литературная работа. Скажем, хотя бы в издательстве "Академия". Там ныне предприняты переводы классических произведений в разных областях, – я с радостью включился бы в эту работу. И, наконец, – сфера политической деятельности. Я чувствую, что для меня она доступна теперь лишь по линии заграницы. Приехав в СССР, я целиком оборвал свою письменную связь с людьми "пореволуционных" зарубежных течений, – мне хотелось бы выяснить этот вопрос в надлежащей инстанции. Ясно, что соответствующая работа может вестись не партизански, а регулярно.

Ю.В. обещал поговорить обо всём этом деле с кем следует и затем познакомить меня с лицом, от которого зависит это дело двинуть вперед. Мы условились, что я позвоню ему (т.е. Ю.В.) через некоторое время, после своего возвращения из Калуги, числа 15-20 июля. И вот этот срок настаёт. Завтра буду звонить. Если он ещё в Одессе, подожду его возвращения в Москву. Вторая проблема – свидание с А.М.Горьким. Он сейчас в Москве, и мне было

б чрезвычайно важно и интересно его повидать. Но, пожалуй, неудобно то-ропиться с этим свиданием: сначала нужно дойти до конца пути, предложенного Ю.В.Рудым. (9 ½ ч. утра).

16 июля 1935 г. Годы, годы! Жизнь прожить – не поле перейти. Если в Харбине всё ещё как-то относился ко "второму поколению", то здесь сразу переступил роковую черту – к старости. Да, да, вокруг всё так изменилось, повсюду новые, незнакомые лица, – а знакомые, уцелевшие в буре, выглядят стариками и держат себя стариками. Особенно так – в Калуге: в Москве всё-таки ещё есть некий круг лиц, не желающих считать, что всё в прошлом. Но и там он окрашен психологически иначе, чем его собрат за границей. Словом, и полдень прошёл, и длинные тени на золотом вечернем солнце...

А вот солнце – всё то же! И воздух, воздух – этот родной воздух нашей юности, которого так мучительно недоставало за границей! Непередаваемо чувство нежности, вливающейся в душу с каждым ароматом этого родного воздуха. Вот смотрю в окно, и каждый кусочек, каждый камень – родной, свой безгранично. И дом наш в его "глубоком унижении" становится от этого словно ещё более родным, ещё более милым... (11 ч. 20 м. дня).

16 июля 1935 г. Третий раз сегодня принимаюсь за своё вечное перо: нужно закончить листок, чтоб в Москве начать другой.

Вчера – Лялькино рождение: "бал". Дети – восемь человек. Как всегда, оживлённо, – и, в общем, тот же стиль, что и в Харбине. Шум, чай с бутербродами, игры. Новое поколение.

Ночью шёл по Горшечной – ныне Первомайской – домой и полной грудью вдыхал березово-липовую, столь специфически русскую – или даже специфически калужскую? – свежесть. Снова светила луна, освещая привычные дома и деревья. И снова – словно сон наяву... Так часто в Харбине виделся этот сон о Калуге, – недостижимые образы, невозможные дни. И вот, и вот... Река. Тот же запах мокрого дерева, и ракушки в песке, и плоты. У Покрова. Эти две недели, кажется, использовал максимально; жаль, стояла дождливая погода. Что-то сулит Москва? – После праздников – за деловые будни!.. (5 ч. 45 м. вечера).

19 июля 1935 г. Москва. В Москве. Приехал третьего дня. Позвонил Ю.В.Рудому, – оказывается, его ещё нет. Выяснил, что он должен приехать на днях, конференция с румынами закончилась. Вчера – выходной день. Сегодня буду опять звонить.

Москва. Быстро осваиваешься в ней, и всё же ощущаю ещё прелесть новизны на каждом шагу; прелесть новизны и радость свидания. То же – и в общении с близкими людьми, – прежде всего, разумеется, с Мишей и мамой. Бесконечно родное – и в то же время некая свежесть, радостная острота восприятия!

Отрадно, что любовь к родине ныне как бы разлита повсюду в советском воздухе – живая, конкретная любовь. "...Партия дала нам лозунг советской социалистической любви к родине... Любовь к родине может остаться фразой, если она висит в воздухе. Любовь к родине – там, где вы строите социализм, – должна быть насыщена остротой территориального восприятия" (М. Шагинян – речь в Институте журналистики, 22 июня 35 г.). Проверяю себя. Нет ли над-

рыва и, следовательно, порочности, ущербленности в моей любви к родине? Не прикован ли я лишь к берёзам и липам, да к обрывкам старой России, пестреющим и звучащим то здесь, то там? Не односторонняя ли это, лирическая, с приправой трагизма, любовь?

Проверяю себя – до нутра. И всем существом своим отвечаю: нет! Нет, нет. Любишь не только берёзы и липы, близка душе не только смиренная красота тютчевского пейзажа. Нет, – бьётся сердце жизнью и подлинно новой, советской страны, радостно волнуют душу корпуса этих прекрасных фабрик, знаменующих нашу растущую силу, силуэты стальных птиц, реющих на небесном фоне, – единственный случай, когда любовь к родине может с полным правом "висеть в воздухе"! И новые люди – тоже: вот хоть бы недавно на параде физкультурников – разве не билось радостью и гордостью сердце? И новая красота новой социалистической родины – приемлется, усваивается, воодушевляет. Вплоть до мировой идеи, живущей в нашей стране, – как всё здесь близко и мило душе!.. (8 ч. утра).

Слышу повсюду обращение "товарищи", "товарищ" – и невольно вдумаюсь в его социальную значимость. И убеждаюсь, что она достаточно благотворна. Когда-то ещё Блок, в статье об интеллигенции, тепло отметил "прекрасное слово товарищ" и возмущался ненавистью, которой его окружили в нашей интеллигентской среде. Теперь я отлично понимаю тогдашнее настроение Блока. "Товарищ" – полезное, социально объединяющее, спланивающее слово. Оно несёт собою и в себе некий дух благожелательства, общественной солидарности. Оно куда лучше, социальнее, эпически выше холодного "гражданин". Очевидно, в нём, именно в нём раскрывается содержание третьего лозунга великой французской революции, провозглашённого, но не освоенного ею – братства.

На улицах, на собраниях, подчас и в трамваях – постоянно наблюдаешь эту осмысленную, положительную миссию обращения "товарищ". Даже когда человек захочет выbranить, – это обращение отрадно смягчает напряжённость монолога или диалога, придавая им характер дружеского, братского разногласия или спора... (10 ч. дня).

В Калуге сохранились старые письма – давней студенческой эпохи: "словно повесть из века Стюартов"... Перечитывал письма Н.Г.Смирнова – и живо, остро воскресли в памяти те дни, Волхонских меблированных комнат, наша духовная коммуна, проказы ума, шалости сердца, "и зори, зори"... Милый, – как его жалко, как недостаёт его теперь там, в зубовском доме на курьих ножках, у цветущей липы, где доселе всё напоминает 17 и 18 годы!.. Где в 25 году мы встречались так весело, так безоблачно дружно... Читаю его письма, открытки, его послания в стихах, беседую о нём с Л.Г., тоже подружью волхонских дней, – и жалость, и нежность заполняют душу до краёв. В годовщину смерти, вторую, – 27 июня, – был на его могиле... цветы... портреты его... вокруг друзья, целомудренно гнушающиеся внешних проявлений грусти и блюдущие его собственный милый стиль... (10 ½ ч. дня).

20 июля 1935 г. Вечер. Дождь. Сажу за письменным столом и жду телефонного звонка из Калуги, от Наташи: условились, что будет звонить еженедельно, по субботам.

Днём сегодня беседовал по телефону с Ю.В.Рудым. Обещал сообщить на днях кое-что новое: насчёт знакомства с нужным человеком. Отлично. На этих днях возвращается в Москву из Крыма Скиталец. Рад буду свидеться с ним. Душевный человек.

Мелькают лица; там и здесь – впрочем, по преимуществу в Торгсине – встречаются харбинцы. Сетницкий, бедняга, болен, – ревматизм; лежит в больнице. У меня сейчас сильно болит палец, нарываёт; указательный, на правой руке. Больно писать, – поэтому и не пишу чего-либо связного, а просто так – отделяваюсь моментальной фотографией.

Повсюду липа буйно цветёт – пронзительный сладкий аромат, проникающий до мозга костей тела и души. Липовый цвет! В его аромате вместе с идеей цветения дана идея увядания. Замечательно! (10 ч. веч.).

28 июля 1935 г. Неделя болезни: прикинулся палец всерьёз. Указательный правой руки. Невозможно писать. Вот с грехом пополам пишу при помощи третьего и четвёртого. Снова опыт страдания. Нелепая случайность: от неудачно сорванной заусенцы! Panagium. Ещё неизвестно, чем кончится. Рана столь волнующа на вид, что в первое посещение клиники я упал от её созерцания в довольно глубокий обморок. (9 ч. утра).

2 августа 1935 г. Всё болен и еле пишу. Дважды подвергался попытке операции – без наркоза удаляли часть ногтя. Резали ноготь ножницами: форменная пытка! Кроме того, – нарыв в носу; одно к одному. Третьего дня ездил в Горки к А.М.Горькому. Пробыл там с 7 до 12 часов. Интереснейшие впечатления, заслуживающие обстоятельной фиксации. Поправлюсь – запишу. Да, большой человек и своеобразная атмосфера. Обаятельный старик. Отраднo, что довелось вплотную встретиться с ним... (9 ч. утра).

1 сентября 1935 г. Сегодня приехал в Москву после почти трехнедельного пребывания в Калуге. Не успел осмотреться, как телефонный звонок вызвал к Ю.В.Рудому. Долго беседовал с ним – обо всём. Конкретный вопрос – о дальнейшей работе. Ю.В. определённо даёт понять, что найдётся работа и по НКПС-у. Есть планы по части библиотеки, есть также возможность в отношении иностранной литературы – нечто вроде библиографического бюро и бюро переводов. Работа не слишком по мне, и страшновато браться за неё. Но с другой стороны, не дело и уклоняться. Через несколько дней вопрос должен выясниться окончательно. Ю.В. скажет мне точно, какая работа имеется в виду, и мне останется ответить: да или нет. Сложная проблема и сложное положение.

В Калуге недурно, но отравляет существование упорная болезнь Ляли: злейшая крапивная лихорадка. Семья останется в Калуге, по-видимому, на весь сезон: здесь нет для неё жилплощади! Такие дела... (2 ч, 15 м. дня).

2 сентября 1935 г. По-видимому, час близок. Сейчас позвонил М.Ф. Василевский и сообщил, что Ю.В. хочет меня видеть опять. Значит, вчерашний разговор уже обзавёлся оргвыводом. Большой момент в личной жизни. Прекрасно

сознаю это. С невольным волнением воспринимаю всю ту сложную ответственность, которая ложится на меня вместе с работой в Комиссариате путей. Особенно волнует именно то обстоятельство, что работа эта, несомненно, будет для меня новой и придётся – "работая учиться".

Но прежде всего – дисциплина. Интуиция дисциплины. Да, теперь она – основоположна. Нельзя, вредно, пагубно – противопоставлять свой индивидуальный рассудок большому разуму государства. Что же, сделаю всё, что в моих силах. Ясно, что конкретное решение – уже налицо. И есть много оснований полагать, что оно – не случайно. Значит, нужно принять предлагаемый "пост", и затем, после первых впечатлений, честно сказать, кому следует, считаю ли я себя годным для него, или нет... Итак, иду... (10 ч. 20 м. дня).

3 сентября 1935 г. Вчера. Прихожу в НКПС, прохожу по тихому, торжественному коридору в кабинет Ю.В.Рудого; он ведаёт ныне научно-техническим советом при наркоме – своего рода трест мозгов. Здороваемся. – Наш нарком Лазарь Моисеевич узнал, что Вы здесь, и просил меня Вас спросить: какую работу хотели бы Вы получить по нашему комиссариату?

Признаюсь, в первый момент я даже несколько смутился от неожиданности. Однако, немедленно оправившись, ответил, что я чувствую себя весьма польщённым таким вниманием наркома и вполне готов работать под его руководством. Но по-прежнему не представляю себе конкретно, как и чем мог бы я быть полезен наркомпути. Несомненно, вмешательство Л.М. Кагановича сразу меняет всю картину. Теперь уже отказываться нельзя, – это ясно. Нужно искать – и либо пойти, либо с очевидностью выяснить, что ничего подходящего нет. Сам Ю.В. в аналогичном приблизительно положении: он ищет, куда бы меня пристроить, во исполнение указания наркома. Но – куда? Я спросил, какие вузы находятся в ведении НКПС и каковы программы этих вузов. Ю.В. немедленно же распорядился достать соответствующие материалы. Их достанут и мне передадут.

В кабинет вошёл проф. Образцов – добродушный толстый человек, украшенный орденом Ленина и значком члена ЦИКа. Поднялся общий разговор. Нужно расширить библиотеку. Нужно организовать библиографический журнал, оповещающий русскую публику спецов о новинках иностранной технической литературы. И тому подобное. Но опять и опять: причём же тут я? Эх, не послушался в своё время мудрого дружеского совета: "пройти в пять лет советский вуз и выйти красным инженером..." – теперь вот и бейся как рыба об лёд.

Да, дисциплина прежде всего. Но беда в том, что при всём усердии, я буду плохим работником наркомпути. Оскандалюсь! Худо. В одном из вузов есть экономическое отделение. Может быть, там найдется форточка? – Наверяд ли. (6 ч. 40 м. вечера).

3 сентября 1935 г. Третьего дня, в день приезда в Москву, заходил в консерваторию – взглянуть на тело А.Барбюса. Оно покоилось там – в ожидании похорон.

Шёл из НКПС, через центр города. Было оживлённо на улицах: МЮД, Международный Юношеский День. Красные полотна, здесь и там когорты и

легионы молодёжи, отличное ранне-осеннее солнце, оркестровый клекот громкоговорителей, – звуки всё боевые, бравурные, мажорные. Песни борьбы, задора, веры, молодости. Экзистенциальный пафос. Да, как ясно, что наша революция – подъём, начало, тезис нового диалектического цикла!

Но вот и Никитская, вот и консерватория. Милиционеры в белом, на фоне – огромный портрет Анри Барбюса; так смерть вплетается в торжествующую жизнь. Вхожу в здание, поднимаюсь в залу, где огромный консерваторский орган изрыгает глубокие, глуховатые, мрачно величественные звуки. Посредине – гроб, кажущийся таким маленьким, миниатюрным на фоне цветочного окружения. Кажется, впервые я почувствовал, что банальная метафора "утопающий в цветах" может подчас оказаться предметной; действительно, луг, фонтан, море цветов – и на нём плывет, вернее "держится" прямоугольный ящик с бледной, тщедушной французской фигуркой. Вокруг – прекрасные венки, почётный караул "штатский", почётный караул военный, – достойные почести; как это правильно, хорошо, умно! А сверху, словно тоже в почётном карауле – линия лиц великих музыкантов – Моцарт, Бетховен, Гайдн, ещё, ещё...

Эти созерцания размышления на ходу прерывает истовый, вполголоса, вопрос моей соседки по живой ленте (работница? вузовка?): – А жена-то у его есть?... И здесь жизнь переплетается со смертью.

Возвращаясь домой, в метро наткнулся на красочную группу: конники туркмены, совершившие "беспримерный в истории конницы" (Сталин) кавалерийский переход Ашхабад – Москва. Красавцы гиганты в папахах с характерными лихими лицами. Раньше их звали "дикой дивизией", в 17 году они приобрели известность в качестве корниловского конвоя. Революция вот их освоила, приобщая к своей культуре, но и не отнимая у них лихого их облика... (ночь).

4 сентября 1935 г. Сложный жизненный узел. Что делать? С одной стороны, работа в НКПС привлекательна связью с тем же Ю.В.Р., хороша тем, что как-то упирается в авторитет Л.М.К. Но беда, что мне же нечего там делать! Чиновника из меня не выйдет вообще, а путейского чиновника – в частности и в особенности. Преподавательская работа в путейских вузах опять же мне не под силу: "нет, братцы, красным инженером мне быть теперь – не по уму". Что же делать? – Трудно, сложно. Ещё в Харбине я отлично предвидел трудности этого рода.

Вот С.Ф.Кеч – читает в вузах Наркомюста. Это – по нас, это нам впору. Подготовившись с полгода, я мог бы взять на себя работу этого типа. Но здесь? Как быть? Решается первостепенный жизненный вопрос, и малейшая ошибка может пагубно отозваться на мне впоследствии. Всей душой хочу включиться в советскую действительность. Но где моё место в ней? (10½ утра).

4 сентября 1935 г. Принялся было за "идеологическую" статью, имеющую выразить нынешние мои настроения "беспартийный большевизм". Писал с трудом, с напряжением.

Нет, не выходит. На взгляд советского читателя получается банальщина. Общие места, фразы, избитые истины. То, что для меня – "ново", выстрадано, почти парадоксально, то – трюизм в здешней атмосфере. "Растворился". Ко-

нечно, оно, в сущности, и хорошо, оно так и нужно, – но, с другой стороны, нужно же и здесь найти себе место, к чему-то приткнуться, быть чем-то полезным. А то – слинял, и кончено. Держался – своими ересями. Нет их – и смяк, съёжился, превратился в лепёшку. Неужели – так? Или это ещё непреодоленный до конца старый индивидуализм говорит во мне? Хочется куда-то рыпаться, что-то верещать? "Поддыхать", как скажет, бывало, Параша! Но правда, – на что я ныне годен? "Ум-то у него есть, да только ум-то его – дурак". Подальше от этого дурака! Эх, пилить бы дрова, что ль?! Не в том ли глубокий смысл Соловков, Бама и т.д.?.. (7 ½ ч. вечера).

5 сентября 1935 г. Нужно записать впечатления поездки моей к А.М.Горькому в Горки 31 июля этого года. Секретарь А.М-ча П.П.Крючков сообщил мне, что мы отправимся в Горки вместе, в 6 ч. вечера. К этому времени я заехал за ним на городскую квартиру А.М.Горького в б. доме Рябушинского на Малой Никитской. Побеседовали.

– Ну, скажите откровенно, как Вас приняли у нас в СССР?..

Вошёл Всев. Иванов в сопровождении жены; они тоже приглашены на сегодня в Горки.

– Ну, можно и двигаться.

На дворе ждал нас автомобиль, в коем мы и разместились. Крючков, наподобие дачного мужа, вёз с собою многочисленные пакеты, книжки и т.д. Весь кабинетик его завален книжками: кто же не пришлёт своей свежей новинки патриарху советской литературы?..

Арбат. Мост. Дальше. Можайское шоссе. Асфальт, чистый и гладкий, как зеркало. Милиционеры в нарядных своих белых одеяниях. Тут – важный тракт: район дач Сталина, Ворошилова, других знатных людей. Отличный солнечный вечер.

Беседуем с Ивановым. Несколько приземистая, крепко сшитая фигура, "из разночинцев": народный учитель, попович... В разговоре производит сразу же впечатление умного человека. Беседуем с ним о Сибири, где он тоже жил в колчаковские времена, вспоминаем Георгия Маслова, Ауслендера, Вяткина, ещё кое-кого из писателей тамошней стороны и тех лет. Затем спрашиваю его о недавних его парижских впечатлениях антифашистского конгресса. Никаких особенных впечатлений, точнее никакого особенного рассказа об этих впечатлениях...

Дорога сворачивает вправо. Живописный лес, березки, отлично. Вот направо – Николина гора, обиталище литераторов, профессоров, врачей, построивших там уютные собственные дачки. Дальше, поворот налево – и перед нами прекрасный особняк, загородный дворец, усадьба, кажется Морозова или ещё кого... Сад, парадный фасад. Чисто, нарядно. П.П.Крючков:

– Пожалуйста.

Встречает миловидная небольшого роста брюнеточка (или шатеночка?), безукоризненно одетая; это – жена недавно умершего сына А.М-ча. Разговор. Она художница, недавно была в Париже на выставке, затем в Венеции... Но вот и сам А.М.Горький. Наружность – общеизвестная. Высокий рост, навис-

шие над ртом рыжие усы, прямые, темные с проседью, волосы на голове. Глаза, по-моему, ничем особенным не выдающиеся, – пожалуй, с некоторой грустинкой. Общая фигура – не слишком складная, не без угловатости, однако, вовсе не неприятной. Басовитый грудной голос, чуть провинциальный, волжский, на о, выговор. Хорошая, умная манера держаться; непринужденность, простота, добродушный юмор... и в то же время – такт первоклассный... Сразу же перешли в огромную столовую, с огромным столом, массой света, сверканьем едовой арматуры, с отличными картинами на стенах. Десять человек сидело за столом. Хозяин, гости, домочадцы. Общий веселый разговор. Вкусная, даже, можно сказать, шикарная на здешний масштаб кормёжка; даже виски "Белая лошадь" украшали стол. Икра, разные рыбы, жареные утки... Но всё же не в еде была там сила. Духовная пища явно превозмогала материальную. Любопытно наблюдать вплотную большого человека!

Довелось поговорить с ним всласть. Как только кончился обед, уселся за столом с ним рядом и так просидел до 12 ч. в непрерывной интересной беседе. Сначала беседовали о Дальнем Востоке, Харбине, потом перешли на советские темы.

Из его суждений: "Война? – Да, война неизбежна, это ясно... Немцы? – Да, уж такой это сейчас народ, – и вот эта проклятая протестантская церковь их так воспитывает... А много фёдоровцев в Харбине? Любопытное учение, и его очень легко освободить от всякой мистики. Скажите С-у* прочесть, в качестве топлива для души, книжки Сперанского и Байера... Литераторы? Разбаловали их у нас, часто ленятся работать, но есть талантливые из молодых, подающие надежды... гуманизм? Да, этот лозунг своевременен у нас. Посмотрите, как перековывают у нас людей. Меня эта сторона нашей жизни особенно увлекает, очень тщательно слежу за этим... Язык? Портится язык? Вот предположено учреждение "Дворца слова", но это ещё не так скоро. Большой, трудный вопрос... Евразийцы? Ну, они распались, никого там не осталось, кроме разве Трубецкого. Но тот слишком далёк от нас и т.д.... (весь день).

6-7 сентября 1935 г. Сегодня на целый день ездил на станцию Яхрому, недалеко от Дмитрова, по приглашению знакомого врача-хирурга А.Л.Бусалова, очень милого и талантливого. Смотрел операцию (резекция желудка – рак), которую он делал. Трижды темнело в глазах, но до обморока не доходило: не допускал, выходил в соседнюю комнату. Операция проходила под местным наркозом, старик лежал и отвечал на вопросы. В один час – управились. По общим отзывам, этот доктор — положительно виртуоз.

Затем, после обеда, отправились с ним в деревню, взглянуть на колхоз. Прекрасное впечатление! Поистине, зажиточная жизнь становится реальностью. На общественные деньги купили все необходимые машины, и уже не нуждаются в МТС. У каждой семьи имеется корова. Здесь и там – виднеются огромные, жирные йоркширские свиньи. Налоги государству уплачены. Чем не prosperity*? Много гусей, масса яблок, хороший урожай овса, пшеницы. Работа ладится. Много перспектив. Заводится и колхозное свиное стадо, в придачу к собственным свиньям колхозников. Словом – отрадное впечатление! – Вперед и выше!!

7 сентября 1935 г. Канал Волга – Москва. Грандиозная стройка. Вчера видел панораму работ. Параллельно железнодорожному пути тянутся бесконечные людские муравейники: заключённые искупают свои вины и "перековыывают" свои души. Сейчас ещё неясны контуры грядущего канала, – вернее, заложен смысл, технический разум той или иной работы: для профана. Но чувствуется, что совершается нечто громадное, великое, – и вот этот канал предстаёт символом всей нашей страны в её теперешнем состоянии.

Скажут: – Копай, такой-сякой, умри, а копай! И буду копать, и помру без единого звука ропота. Что ж, лучше что ли гибнуть вот от этого вчерашнего нароста в желудке?..

В окно вагона видны машины, лошади, коровы. – Это всё канальские... Деревни сносятся с пути и относятся в сторону. Театр каналоармейцев. Вечером – огни, огни... В груди теснит, набухает, – захватывает дыхание... (10 ч. вечера).

11 сентября 1935 г. Приезжала Наташа с детьми. Вчера уехали, забрав разные вещи для зимы. Придётся жить одиноко – в разлуке с семьёй. Должен встретиться с А.И.Дуцман-Межиной, ведающей делами просвещения в НКПС. Может быть, что-либо выяснится. Я помню А.И. по Харбину, где она одно время правила советскими школами дороги. Производила приятное впечатление. Но имеет ли она отношение к вузам?

Осень. Бывало, в это время приезжаем в Москву из Калуги. Желтеют листья, и на улицах продают виноград, груши, сливы. То же самое и теперь.

Между прочим, отраднo наблюдать падение цен на предметы необходимости. Дешевеет мясо, несколько подешевели и высшие сорта хлеба. Громадное значение имело бы снижение цены на чёрный хлеб! – Пришло ли ему время? Сможет ли государство удовлетворить потребности населения в размерах, ну, хотя бы 25 %-ного снижения цены на чёрный и серый хлеб? – Так или иначе, страна крепнет, здоровеет, богатеет, – шагает вперед... (2 ч. 20 м. дня).

13 сентября 1935 г. Меня преследует цифра 13! Со всех сторон и по всем линиям. Случай проверить мудрость предрассудка! Предрассудок! Он – обломок давней правды... Сегодня предстоит беседа в отделе подготовки кадров Наркомпути и затем – беседа с П.П. Крючковым, секретарём А.М.Горького. Хотелось бы взять в Наркомпути минимум академического преподавания (если найдутся хорошие предметы в вузах или даже рабфаке) и одновременно заняться какой-либо интересной литературной работой. За эти месяцы (годы?) как-то отбилась от дела, от систематической работы, – способен ли вновь к ней?

Вечером хочу посмотреть комнату: предлагают снять на время, – месяцев на шесть. Не перевести ли из Калуги семью? Письмо от Н.Н.Трифоновна. Ввезён в Томск, радость первых впечатлений на родине. Вторые и третьи впечатления углубляют и укрепляют первые. Да, радостно быть советским гражданином. И почётно. (11 ч. 10 м. дня).

16 сентября 1935 г. Беседа в НКПС. Намечается возможность лекций на проектируемом экономическом факультете: хозяйственное право, история экономических учений, экономическая география. Всё это – не мои предметы, но что же делать? Не прочь бы и их взять, ежели дадут. Библиотека. Это

хуже, но за неимением лучшего... И, наконец, рабфак. Курс литературы на рабфаке, часов шесть в неделю. Таков диапазон возможностей в системе Наркомпути. Вскользь поговорили даже о поездке куда-либо: посмотреть страну. В самом деле, надо же повидать! Жаль, что уже поздновато, осень...

Пытаюсь писать "политическую" статью, – трудно, что-то плохо выходит. Почему? Неужели я годеи лишь на ереси? Нужна бы яркая статья, наподобие "Интервенции" 20 года. Чтобы вылилось сразу, единым духом, единым криком. Не выливается! Нету живой воды? Или поистерся, заржавел кран? Vixi. Но нет, всё же и viko ещё... (6 ч. 10 м. вечера).

19 сентября 1935 г. Осень. Из окна вижу клён, ежедневно меняющий облик. Желтеет, золотеет... "Увядания золотом охваченный"...

Лиризм осени. Вчера ездил в Загорск (б. Троицко-Сергиевскую Лавру). Прекрасные московские пейзажи. И вот это золото на тёмной зелени белоствольных березок, эти розоперстые клёны, эта поздняя тишь полей – всё это своеобразно перекликается с вечером души, морозом висков, горькой отрадой раздумья. Мы отдыхаем... Близок конец... Не пора ли?

Троица. Знакомый профиль нарядной колокольни, стены, в воздухе – мягкая ласковость прелюцы. Базар, обычная чернота толпы. Детвора. Белобрысенькая девчонка: – Вы иностранцы? – Как хорошо наряжаетесь-то!..

Музей. Интересно. История Лавры. Предметы, оживляющие прошлое. Чаши, блюда, ткани, кресты, митры. Дары Иоанна Грозного, Годунова, Михаила, Алексея, Екатерины... Тут же – различные документы нашей суровой, нашей великой истории. Революция освещает их по-своему, в броских надписях, полных задора и полемики. Надписи дополняются пояснениями групповодов. Проектор пролетарской революционности и воинствующего атеизма.

Мощи Сергия Радонежского. Под склепом. Какие-то тёмные, сгнившие пелены, – и на них остатки костей, череп, клочки рыжеватых волос, беспомощно свалявшихся. Гурьба школьников, разглядывающих это. В их весёлых милых головках эти закопчённые кости не пробудят дум ни о Куликовом поле, ни о "старце чудном", своими "благоувертливыми глаголами" пособлявшем созиданию московской державы, ни об осаде смутных дней, ни о той "атмосфере труда, мысли и молитвы", какую распространяли вокруг себя эти пыльные гнилушки. Что же, каждое время имеет свои символы, свои реликвии. Грустно, что они ревнивы, эти символы... Грустно, но и понятно: ревнива человеческая страсть...

Краеведческий музей. Музей детских игрушек. Собор с прекрасной живописью, – осталась икона Рублёва, – с люстрой Грозного, с тяжёлой серебряной ракой святителя. "Особняк" митрополита с паркетными полами, безвкусицей современных лепных потолков, любопытнейшей коллекцией всевозможной домашней утвари – пёстрым винегретом разных высокопоставленных приношений... Впечатления просятся в перо, но перо пощады просит. (1ч. дня).

20 сентября 1935 г. Перечитываю сталинские "Вопросы ленинизма". Да, ясно: это – "первый сорт". Алгебра революции. Слово с властью. Живая история. Алгебра – и в то же время за каждой строчкой слышен трепет жизни. То

строки, как в "Страшной мести", наливаются кровью, то бьётся в них новая историческая плоть, звучит музыка нового мира. Да, first class*...

И стиль. Влияние Ленина. Монументализм, классичность, внешняя простота: "Есть в опыте больших поэтов черты естественности той"...

Вероятно, тут есть нечто национальное: Лев Толстой, Ленин. Вот и Сталин – в том же смысле. Как это противоположно романскому пафосу: Наполеон, Муссолини! Как далеко это и от нервической манеры Гитлера, торопливой напряжённости его речевого стиля! Тут – величавость наших русских рек, простор степей, солидность, подчас даже несколько корявая, наших лесов. Но за этим – та же драматичность... плыли ж по Волге срубы с виселицами – во времена Пугачева. Аутентический документ великой революции. (1 ч. 45 м. дня).

25 сентября 1935 г. Пауза – с НКПС. Сложно? – Да, не просто. Так или иначе, – на всё согласен и ко всему готов. Хотя бы учителем арифметики в первую ступень! Да, да. Вот уж не чувствую в себе ни грана "честолюбия" службы! Не всё ли равно – быть делопроизводителем в мелочной лавке – или заведовать почтеннейшей библиотекой?! Говорят: это не берите! Выговорите специальную ставку! Добейтесь приёма туда-то. Не снижайте своих пожеланий! Ерунда. Моё "честолюбие" – в ином. Если бы можно было писать, говорить – от себя, за свою ответственность, своим языком: это другое дело. Разумеется, писал бы и говорил – за революцию, за нашу страну, за генеральную линию, за Сталина... Но генеральная линия предудказывает не только, что писать и говорить, но также, и как это делать: и она права! Она права – ей виднее, и не мне её – даже в мыслях – учить. Но писать и говорить не своим языком можно лишь в силу прямого приказа. Покуда его нет – надо молчать. А вне всего этого – не всё ли равно: библиотека, первая ступень, мелочная лавка? За всё возьмусь – с полной добросовестностью, в экстазе дисциплины и горячей лояльности. (11 ½ ч. дня).

26 сентября 1935 г. ...Вот это блаженство полного покоя, глубочайшей отрешённости естественно наводит мысль на апологию смерти: "В твоих руках – олива мира, / А не губящая коса!.." Как хорошо! Как благостно, достойно, спокойно! "Вечный мир блаженства и покоя, / Вечный мир свершившейся мечты...". По-видимому, здесь всё-таки некая аберрация. Блаженство, чтобы быть таковым, должно ощущаться, сознаваться. Но ощущение, сознание – приходят после обморока, как вестники жизни, а не смерти. В них дано: "о, как мне было хорошо, как отдохнул я!" Но если утрата ощущения и сознания – без последующего пробуждения и, значит, оценки? Тут – очевидная "трудность". Как совместить подлинную, хорошую жизненность — с блаженством, характерным для какого-то убывания жизненных сил (ср. хотя бы ещё состояние кн. Андрея на Аустерлицком поле)? Жизнь – без суеты жизни, озабоченности, "тщеты"... Неужели "олива мира" – непременно принадлежность смерти? Только смерти? Иллюзия! Козни, шашни дьявола: "мрачный дух самоуничтожения и небытия"... (8 ч. 50 м. утра).

27 сентября 1935 г. Снижение цен на предметы первой необходимости! На хлеб, на сахар, на масло, на мясо. Замечательно! Вот уже голыми руками ощущается победа генлинии! Подъём благосостояния масс. Теперь, можно сказать, это

– основное. После победы политики индустриализации – победа на фронте жизненного стандарта. Начинается преодоление нищеты. Конечно, это ещё только первые шаги, но они характерны и многообещающи. Их встретит – вздох облегчения миллионов. Правда, жаль, что снижение хлебных цен невелико: для широких масс по-прежнему главная пища – хлеб. Хлеб, картошка, капуста. Есть ещё с чего подымать жизненный уровень. Очевидно, реформа вводится с надлежащей осторожностью. Да и как же иначе?

Радостно на душе. Ясно: страна выплывает из великого исторического водоворота. Выплывает – обновлённая, нет, вернее, перерождённая, заново рождённая, новая. И – какая! Да, всему миру – пример. Первенец социализма. В самом деле, как убоги, мелочны, трусливы были все мои концепции нэповских лет! Подлинная вера в родину действительно предполагала всемирно-историческое мужество новаторов... (2 ч. 15 м. дня).

29 сентября 1935 г. Был у Ю.В.Рудого, рассказывал о беседах в отделе подготовки кадров. Выдвинулась ещё возможность: работа в издательстве, кажется, "Транспечать". Литературное редакторство. Ещё что-либо. Работа в музее НКПС. Какая – не знаю.

Передал ему письмо следующего содержания: "Глубокоуважаемый Юлий Викентьевич! Примите искреннюю мою благодарность за Вашу заботу обо мне, о работе моей по возвращении на родину. Я очень прошу Вас выразить признательность т. Л.М.Кагановичу за лестное для меня предложение остаться на службе в системе Наркомпути. Считаю за честь работать под высшим его руководством.

Я испытываю потребность прибавить к этому, что немногие месяцы пребывания моего в СССР завершают процесс перестройки моего сознания в направлении к генеральной линии партии и советского правительства. Если уже в последние годы жизни за границей эта эволюция от сменовеховства к генлинии определилась достаточно чётко в образе политического моего мышления, то теперь я должен с абсолютной убеждённостью заявить, что вижу всё содержание своей жизни – в сильном, безусловно дисциплинированном и до конца сознательном служении задачам, которые ставят перед советским государством партия и наше правительство. Я готов с полной ясностью и в любой момент заявить об этом в печати (советской и, если нужно и можно, иностранной), не замалчивая своих прежних ошибок и безоговорочно становясь под ленино-сталинское знамя, являющееся знаменем социализма, знаменем мирового рабочего класса и вместе с тем символом прекрасного, небывало радостного расцвета нашей родной страны. С искренним уважением и преданностью Н.У. Москва, 28 сентября 1935 г."

Думается, нужно же зафиксировать свои политические настроения в каком-то документе. Мне честно говорят, что моё возвращение – парадокс, что многие не могут понять, как мне дали въездную визу. Многие советуют обратиться в "Известия" с заявлением лояльности генлинии. Но я же понимаю, что такое заявление должно быть заранее одобрено и согласовано. Отсюда и настоящее письмо

Ю.В.Рудому, которое и попросил его, если он найдёт возможным, показать Л.М.Кагановичу. (10 ч. 45 м. вечера).

2 октября 1935 г. С утра – туман, густой, приятный, почти петербургский; был на почте – отправлял посылку в Калугу. Туман... Есть в нём нечто ласковое, успокаивающее, симпатичное. Почему это? Словно приносит он уют, как халат, как шалаш. "Не я" скрывается, уходит за мягкую белесую завесу, сглаживаются, смягчают контуры внешнего мира, и "я", укутанный, укрытый, предоставлен себе и вместе с тем не одинок. Туман – не тончайшая ли он связь вещей, подчеркивающая их общность и одновременно индивидуальность каждой? Впрочем, ерунда всё это... Рефлексы безделья. "Сам ничего не делает и другим не даёт" (обо мне).

Всё ещё свободен, – потом буду с завистью вспоминать эти дни. Конечно, хорошо, и вот только заботой о будущем невольно осложняется самочувствие.

Забота о будущем! Она отравляет сейчас и общее, общественное самочувствие. Так прекрасно налаживается жизнь нашей страны – и так угрожающе нависают на историческом горизонте тучи новой войны! Обидно. Народные массы только-только расправляют грудь для вздоха облегчения – уже снова мрачные зарницы. Пяток бы ещё лет передышки!.. (12 ч. дня).

4 октября 1935 г. Милое письмо от Г. Гр., – и всплывает в памяти "вторая жизнь", с её ароматом, своеобразным и занимательным. Русский Харбин... Ныне он разгромлен, и уже никогда он не повторится. Да, "Цветы бывшего облетели, пятнадцать лет ушли как сон"... Как сон? Но вот эти милые строчки, вестницы любви, которая сильнее времени, сильнее смерти?.. Как всё это замечательно, как всё это трогательно. Как прекрасна жизнь!

Былое. Надо его помнить и ценить. Но не нужно позволять прошлому обижать настоящее... Хотя бы уже потому, что оно тоже ведь станет прошлым. *Suum cuique**. Все эти категории времени весьма империалистичны, и необходимо искусство, чтобы держать каждую в надлежащих пределах и блисти гармонию. Харбин... Большой Проспект. Днём. У Технической улицы. Бывало, вот философствую на эти темы тоном нотации, а бедная моя спутница смахивает из-под кургузой вуальки одну назойливую слезу за другой... (9 ч. 10 м. утра).

14 октября 1935 г. Пробыл неделю в Калуге, сегодня вернулся. Здесь — *nichts neues*: НКПС молчит, и я продолжаю гулять, чуть ли не единственный из вернувшихся кавэжэдинцев. Само по себе это состояние "гулянки" неплохо, но, растягиваясь на неопределенное время, оно начинает выглядеть несколько неуклюже. Заболел вчера Лялечка, t 38 с половиной. Миша наслушал подозрительную ненормальность в области верхушки левого лёгкого. Беда, если это начало воспаления. Как-то перенесёт его организм, истощённый длительной и злой крапивной лихорадкой? Естественно, что настроение сейчас – посредственное; схватил вдобавок "жабу", больно глотать, нездоровится.

В Калуге – обычно. Хорошо. Ясные осенние дни, тёплые, бабье лето. Лиричная желтизна лесов, множество грибов в заречных берёзовых рощах. Впервые познал прелесть грибной охоты; так приятно выследить под листовую крепкий бугорок добротного белого гриба!

Что-то сдаёт сердце. "Глухие тоны", зачастую – тревожная теснота в груди. Следует похудеть, – может быть, будет лучше. Не следует в таких случаях сдаваться без борьбы. Не боясь ни смерти, ни даже болезни, нужно стремиться, по возможности, обходиться без них до поры, до времени. "А смерть придёт – помирать будем". (8 ч. вечера).

15 октября 1935 г. Калуга, Калуга! Как часто в долгие годы харбинского далёка снилась она и наяву и во сне! Как ясно рисовались сердцу её улицы и переулки, её бульвар с видом на заречное шоссе, Ромоданово, а направо – по-прежнему и неизменно – синеватый кусочек бора... Наша милая Горшечная и сто, тысячу раз милый дом наш – на изгибе, в золоте вечернего солнца, и утром, и днём, всегда, всегда.

И вот сны – воплотились. Да, всё это есть, всё это пребывает, словно некая субстанция, самодовлеющее бытие. Выросла липа в нашем саду, бульвар стал парком культуры и отдыха, нету Московских ворот, на окраинах возникают заводы, – но по-прежнему "всё родное на этих страницах", отовсюду смотрит детство, и в душе – интуиция якоря, берега. Чудесно! Летом ходили на Калужку. На обратном пути вдруг потянуло в сторону, по берегу речушки, дальше, дальше. словно из-под порога сознания выплыли туманные образы, что-то очень далёкое, детское, давнее. Тянет сюда, почему-то именно сюда. Встречается встречный: – Скажите, товарищ, здесь не было прежде мельницы? – Как же, как же. Вот тут стояла. Ерохинская мельница.

А, вот оно в чём дело. Бывал здесь – лет тридцать и больше тому назад. Двухлетним ребёнком прожил тут целое лето. Лет, должно быть, шести-семи воевал на этом месте с презлейшим индюком, и, кажется, война кончилась вничью, с некоторым перевесом на моей стороне... , если не хвастаюсь. Да, да, вот он – тот же пейзаж, те же густые прибрежные заросли, и берёзовый лесок на том, высоком берегу. Он спал, этот пейзаж, десятилетия на дне души, и вдруг ожил, сперва в какой-то смутной двойственности, а затем в бесспорной наличной действительности... Впрочем, всё-таки своеобразно корректируемый смутным двойником, со dna души. Как это всё замечательно, несказанно!

Калуга. Смолистый запах в бору – "чёрная грязь", "прохладная долина"... тоже категории не только пространства, но и времени, не только внешние впечатления, но и значки душевной жизни, "духовно-телесная индивидуальность". Если Калужка – раннее детство, то бор – отрочество и, особенно, юность, с её туманами и терпким климатом сердца. Дача дяди Алёши. Теперь в ней и вокруг неё – крольчатник, поляна. Копшатся работницы. – Вам что надо, товарищ? – Ничего, ничего. Это место нам дорого по воспоминаниям... (12 ч. дня).

17 октября 1935 г. У Лялечки, по-видимому, инфлюэнца, а не воспаление. Сегодня Наташа будет звонить вторично, – вероятно, выяснится уже окончательно. Мне тоже лучше, нормальная температура и боль в горле проходит. Но на сердце – некая стабильная утеснённость, осложняемая заботой – о чём? Да, нечего таить греха: забота о деле, о работе. В конце концов, нелегко же быть безработным в стране труда и социализма! Все люди с КВЖД давно при деле, а я вот всё ещё лишь при надежде. И это – не может не тяготить.

Состояние изоляции, менее всего блестящей. Катарсис! Флюиды прошлого, пёстрая идейная биография. Выстрадать право на советскую жизнь. Опять и всегда: я готов. И, быть может, эта длительная неопределённость – не что иное, как элемент, прелюдия искупления. Советскую биографию нужно заслужить. Но вместе с тем невозможно сделать бывшее небывшим, – сам Бог, как известно, здесь бессилён. Невозможно? Для Бога – невозможно. Но для великой революции – вполне возможно. Революция – всемогуща и самодержавна, фонтан абсолютного творчества. "Всем сердцем и т.д. – служите Революции!" (11 ч. дня).

20 октября 1935 г. В Калуге. Приехал сюда на три дня. Больны дети, Наташа, и сам я схватил насморк.

17 октября принесло печальную весть из Наркомпути. Позвонил т. Зелинскому из ЦОП кадров с вопросом о перспективах. И сразу же выяснилось, что в работе по НКПС мне категорически, наотрез отказано. Никаких перспектив. Эту грустную информацию твёрдым тоном сообщил мне тот же т. Зелинский, который ещё так недавно совсем другим тоном говорил совсем другое, обнадеживающие слова и обещал содействие по части квартиры в Москве. Тот разве, tout change. В заключение беседы он рекомендовал мне обратиться к Ю.В.Рудому, который сейчас вне Москвы и вернётся 22 октября. Невесёлое же будет это обращение! Невесёлое и... даже совсем нетактичное. Несомненно, Ю.В. искренно хотел мне помочь, и если это дело кончается неудачей, то ему будет мало приятно беседовать со мной. Да, "одним имени". Начинается, видно, искупительный период жизни. Что ж, я готов. "Катарсис". (9 ч. 50 м. утра)

29 октября 1935 г. Эти дни писал письмо Л.М.Кагановичу – о себе, о своём политическом статусе – по возвращении на родину. Ю.В.Рудый меня заверил, что печальная моя телефонная беседа с Зелинским не есть ещё плохой и окончательный отказ от работы в НКПС, что Зелинский имел в виду только свой отдел. Как бы то ни было, заминка – налицо. Я высказал мысль о письме наркому, Ю.В. вполне поддержал эту мысль и взялся передать письмо. Оставалось его написать. Нужно было написать его как следует: от души, честно, без "сюсюканья", своим языком, но без малейшего привкуса старой "устряловщины", внутренне мной преодолённой. Письмо это должно было стать как бы своего рода декларацией, "исповедью" – на новом, и, конечно, уже последнем, этапе моей жизни.

Мало искренности и знания темы – при составлении таких документов; тут всегда напоминает о себе и техническая сторона дела. Писал, думал, опять писал. Написал – и сам перепечатал на машинке. Отнёс Ю.В-у вчера днём. Он обещал немедленно же передать секретарю наркома. Копию этого документа, оставленную себе на память, приложу сюда. (12 ч. 15 м. дня)

1 ноября 1935 г. Прочёл Эренбурга "Не переводя дыхания". Хорошо. И на новом пути, и перестроенный, автор не утратил своей энтелехии, основного своего стиля. Кладёшь нежности, ввинченности в душу человеческую. Поэт вздохов, секундной стрелки души, – он и сейчас всё тот же, – и как хорошо, что он освещает своим ночничком наше Государство Солнца! Какой умный, психологичный – и в то же время логичный – писатель!

"Ты любишь гром небес, а также внемлешь ты / Журчанью пчёл над розой алой".

Всё же "гром небес" останется для него навсегда больше фоном, нежели фокусом картины. И в то же время – отлично, что он "перестроился", т.е. перестал громоздить из вздохов, из петуний, из осенних паутинок души плотину, лишь засаривающую великий поток дней нашего времени. Нет, теперь он сам в этом потоке, мало-помалу зацветающем и вздохами, и петуниями. "Гуманизм" – недаром этот лозунг зазвучал свыше. И настоящая, хорошая, вечная человечность прорастает незабудками на перепаханном поле. Он полезен, он очень нужен – этот поэт журчащих пчёл... (2 ч. дня).

2 ноября 1935 г. Вчера в третьем часу звонок Василевского: "Н.В., можете зайти сейчас к Юлию Викентьевичу?" Захожу. Оказывается, меня хочет видеть т. Россов, заведующий кадрами наркомата и заместитель начальника политотдела. По тому же торжественному, мягкому коридору прохожу в его кабинет. Как раз напротив – кабинет парткома. Из беседы выясняется, что по-прежнему есть готовность предоставить мне работу в НКПС. – Но, где же, где?

Опять я говорю о МИИТе, об экономической географии, хозяйственном праве, о своём неуспехе по этой линии. – Ну, выясним ещё раз. В ближайшие дни я Вам сообщу. Затем – не нуждаюсь ли я в деньгах? Как вопрос с квартирой? Что, возможно, будет сделано. Конечно, самое трудное в Москве – это квартира; это труднее службы. Если мне нужно, я могу получить свидетельство, что нахожусь в резерве НКПС; этим вполне "легализуется" моё положение. Отрадная беседа. Шёл домой с приятным чувством в груди и по пути зашёл купить лососины – на радостях. (2 ч. 30 м. дня).

4 ноября 1935 г. "Пиковая дама" в Большом театре. Музыка, поднимающая целый рой образов со дна души. Нечто родное. Дома.

Вспоминаю, как, вооружившись наушниками, лежал на диване в кабинете большой харбинской квартиры, и слушал... Туманилось сознание, на сердце свинец, нездоровилось – и в музыке витали какие-то формулы внутренней жизни. "...Или всё это только бред моей больной души?" Да, дома. Графиня. Je sens mon Coeur qui bat... Классика. Монументально, как Пушкин.

Кстати, на днях слышал любопытное толкование этой вещи. Герман – перевоплощённый Сен-Жермен. Отсюда – таинственная связь между ним и графиней. Открывшиеся ему три карты – акт "воспоминания": он знал их и раньше! В опере усилен мистический колорит рассказа; у Пушкина вещь эта пронизана прозрачностью, ясностью необыкновенной. Сейчас перечёл её, и не нашёл почвы для теософского толкования. Прекрасен Большой театр. Великодержавное величие. "Культурное наследие", с каждым годом всё органичнее гармонирующее с обликом нашей крепчающей советской государственности. (1 ч. дня).

6 ноября 1935 г. Вчера позвонил тов. Россов и сообщил, что согласован вопрос о моей работе в МИИТе (Московском институте инженеров транспорта). После праздников мне надлежит обратиться к зам. директора института тов. Болдыреву и договориться с ним конкретно о курсе, о часах, о сро-

ке, нужном мне для подготовки курса. Я буду включён в преподавательский состав института в ближайшее же время.

Отрадно! После этого звонка сразу же почувствовал необыкновенную лёгкость в груди. Как было бы, в самом деле, хорошо не отклоняться от академической работы, от этой генлинии моей жизни. Включиться в жизнь советской высшей школы, уйти в науку и преподавание.

Но какой же предмет? – Да, придется переключиться. Но чем плоха, скажем, экономическая география? Прекрасный предмет, конкретный – и вместе с тем увлекательный, особенно у нас, в советской стране, в период универсальной перестройки. Ясна и основная установка такого курса: пафос борьбы с косными, стихийными силами природы, пафос реконструкции земли, преобразования географии – во имя человека. Пафос диалектики. Тема: социалистическое общество и природа. (11 ч. дня).

6 ноября 1935 г. На днях отправился в университетский архив, что размещён в полуподвале, в "новом" корпусе, за фундаментальной библиотекой. Маленькая, неказистая дверь. Вхожу. Молоденький архивариус, точнее, зав. архивом. Курьер, – точнее, архивариус. Архивные люди, что не мешает им быть в то же время – людьми будущего.

– Товарищ, когда-то, в доисторические времена, я чем-то у Вас состоял, в этом учреждении. Нельзя ли отыскать следов? – Ваша фамилия?.. Так, посмотрим. Достаётся толстенная книга живота, и уже через несколько секунд гуляющий по ней перст останавливается: – Есть. И вахтеру: – Товарищ Гаврилин, принеси-ка дело Совета, тринадцатый год, номер шестьсот шестьдесят четыре.

Вот и папка надлежащего казённого вида, на ней – знакомая (даже успевшая надоесть порядком) фамилия, а внутри... внутри... О, моя молодость! О, моя юность! О, май жизни, сиреневый дым! Университетский мой диплом на добротной бумаге, акт об оставлении при университете, отчёт о занятиях (фиолетовые чернила), магистрантские программы, разрешение жениться, постановление о приват-доцентуре... Май жизни – в архиве, но всё же май! Архивное прошлое, – но как оно пронизано порывом к будущему, мечтою, верой... Да, теперь это – "бумаги", прошлое, plusquamperfectum. Вешние воды.

Шёл обратно во мгле туманных призраков, восставших из архивной пыли. Евгений Николаевич, Вышеславцев, студенческая столовка, Ницше и Соловьёв, ландышевый экстракт, Волконские комнаты, Веревкин, Мадонна... Vixerunt. Но вот Ломоносов, – всё тот же, – кремлёвская стена, на башне сверкающая советская звезда, дальше – налево – силуэты гостиницы Моссовета, новая Москва, вокруг весёлые молодые лица, вузовцы, вузовки, солнце, прозрачная осенняя прохлада. Жизнь. Настоящее. И я – с милым архивом на сердце.

Нет, не дадим в обиду и настоящего! Дышу полной грудью и знаю, что до последнего вдоха жизни буду вдыхать и эту родную пыль, и это родное солнце, и эту юность чужую! – и звёзды, все эти неизречённые знаки и соки бытия... (1 ч. 15 м. дня).

12 ноября 1935 г. Был дважды в Институте, заполнил, как полагается, анкету, договорился с В.Д.Болдыревым о курсе: в весеннем семинаре 88 ча-

сов экономической географии. Можно было ещё взять большой курс по проблеме планирования на транспорте, но я ограничился на первое время лишь экономической географией. Теперь следует ждать оформления этого дела. Завтра попытаюсь повидать руководителя кафедры эк. географии т. Айзенберга. Эти дни усиленно читал учебник Журида и Ковальского – для приобретения "общего понятия" о предмете.

Как было бы хорошо обосноваться в преподавании, войти в академическую работу! Придется ли? Сумею ли?.. В сознании – всё крепче и глубже корни советского мирозерцания, советского патриотизма. Чудесная страна! Чудесное время! Чудесная революция! Поздно, увы, поздно – осознал всю творческую энергию нашей революции и ныне не без зависти смотрю на людей с "чистой советской биографией". Порок рождения? Среды? Воспитания? – Но, кажется, теперь усилиями сознания всё это преодолено... (12 ч. дня).

16-17 ноября 1935 г. Слово рецидивчик колита, нехорошо. Завтра хочу съездить в Калугу, деток посмотреть, трудно долго одному...

Ликвидация Торгсина и изменение курса червонца на мировые валюты. Для нас это удар по карману и материальному раздолью, но для государства это благо, это симптом укрепления, роста, благополучия.

Съезд стахановцев в большом кремлевском дворце. Замечательный организаторский талант! Это вечное подталкивание, тормошение, дёрганье: вот и получают чудеса – с нашим народом, с нашей инертностью, нашей ленцией. Поднять производительность труда "во что бы то ни стало": и мастерски разрабатывается масса, Сталин снимается с Дунями, Пелагеями, зовёт их героинями, даёт им ордена – и новый допинг налицо. За всем за этим – и более солидный, хотя и более прозаичный, стимул – полторы тысячи зарплаты, премии, сельщина. И вместе с тем – поэзия, реальнейшая поэзия истории, подлинный народный подъём, организованный вождями большого стиля. Как хорошо бы написать феноменологию этой очаровательной, забирающей дух эпохи! (12 ч. 5 м. дня).

1 декабря 1935 г. Опять болезнь, так не вовремя... впрочем, не знаем ни дня, ни часа! Колит? Да, он – в лучшем случае. Но – новый, мучительный, тревожный симптом: постоянное поташнивание, и несколько иного рода, чем прежде. Быстрое, непрерывное худение – как осенью 29 года в Дайрене. Принимал ятрен – не помогает. Завтра в клинике будут вытягивать желудочный сок – история повторяется... сколько раз?

Снова треплются нервы, и трудно работать. Между тем, именно теперь необходимо работать в два кнута. С февраля начинаю курс экономической географии в МИИТе, в два месяца нужно познакомиться с предметом, для меня новым. Обложился книгами, читаю, но вот последние дни это непрерывное, несносное, жутковатое поташнивание мешает сосредоточиться и уводит мысль от проблем размещения производительных сил в сферу совсем других – и гораздо более знакомых, стародавних – проблем... Взять себя в руки! Пока живёшь – живи достойно, мужественно, разумно. А смерть придёт – умирать будем. (11 ч. дня).

В соседней комнате радио поёт старые революционные песни – "Варшавянку", "Смело, товарищи, в ногу" и т.д. – в отличном хоровом исполнении: в честь

годовщины смерти С.М. Кирова. ...Эти звуки наполняют душу дальними, сладкими реминисценциями. Гимназия, 905 год... Осень, снежок – вот как сейчас. И – юность, туманная зря жизни, розовеющая и сверкающая на этих снежных блёстках... Серая гимназическая шинелишка... И отроческое личико, желающее напустить на себя серьёзность, вдумчивость, даже некоторую важность...

Жизнь впереди! Как расскажется эта замечательная, фантастическая сказка, эта поэма, которой первая часть пишется мажорными звуками романтизма, ныне воскресающими в аппарате соседней комнаты? И вот – у эпилога. Что же, спасибо за рассказ, – он оправдал своё начало. Да, прекрасная, затейливая сказка, много солнца, много лиц, событий, эпизодов, немало содержания, – сколько чувств, дум, впечатлений!.. Одиссея духа – помимо географической. Цикл завершён. Дома. И – так же снежок, родной ноябрьский воздух. Через неделю – сорок пять лет. Довольно? (11 ч. 30 м. дня).

4-5 декабря 1935 г. Плещется вокруг буйная, замечательная жизнь, полная всемирной истории. Чудо социализма. Организация нового мира.

Невольно дивишься энергии, уму, какой-то исключительной одарённости, "таланту повелевать", неутомимой изобретательности наших вождей, нашего действительно несравненного Сталина. Взять нашу старую Рассеюшку – и выковать из неё государство социализма! Взять наш народ, с его лендой, расхлёбанной мешковатостью, скептическим самопочёсыванием – и превратить его в армию первоклассного труда, дисциплины, энтузиазма. Очевидно, найдена некая точка опоры, и одна шестая земного шара – перевернута!

Съезд стахановцев. Съезд комбайнеров. Люди зажжены, люди горят. Люди заряжены, заряжены. Заворожены. *On ne gouverner l'homme que par l'imagination** [Воображение – способ управления людьми (фр.)]. Взять дядю Митяя – и сделать его Стахановым!..

Гипноз власти: *l'homme est fait pour obeir** [Человек создан, чтобы повиноваться (фр.)]. И вместе с тем, какое это великое искусство: заставить его *obeir** [Повиноваться (фр.)] так, чтобы он был убеждён, будто он – *gouverne** [Властвовать (фр.)]. Рукопожатье вождя. Огни и ампиры столицы. Портреты и речи в газетах. Ордена. *On appelle cela des hochets? Et bien, c'est avec des hochets que l'on mene les hommes** [Это называются погремушками. Итак, именно с их помощью введом человек (фр.)]. ...Аминь. (1 ч. ночи).

8 декабря 1935 г. День рождения – 25 ноября. Ещё, ещё раз!.. Сорок пять лет. Сорок пять! Много. Довольно? Пора? – Нет, жизнь прекрасна. Ещё бы немного. Но, пожалуй, ведь никогда не скажешь: *assez** [Хватит, достаточно (фр.)!] Ну что же, нет – так нет! Всегда готов.

Хотел этот день провести в Калуге, но не поехал: нужно заниматься, а главное, собираюсь туда к 19-му, лучше уже пережду недельку. И вот сегодня – один, в сугубо будничной обстановке. Днём ездил в МИИТ, беседовал с профессором Крюковым на предмет вступления в секцию научных работников; передал анкету, затем обед, постель... лампа. Тихо.

Верстовые столбы жизни, полосатые, как сама жизнь. Обернёшься, – сколько их, сколько ландшафтов, микрорайонов, какой длинный путь! Звонок из Ка-
41

луги. Поговорил с Наташей по телефону о том о сём. В Калуге все ждали меня сегодня.

Мысли разбиваются, дробятся, почему-то трудно сосредоточиться. Экономгеография, Калуга, желудок, столбы, жизнь, жизнь, жизнь... Голубое небо, и по нему – золотеющие облака. И там – на западе – дрожит сиянье. Спасибо, спасибо за всё!.. (8 ч. 30 м. вечера).

19 декабря 1935 г. Именины. Калуга. Зима. – Утром вышел на улицу, и брызнула снежная, морозная свежесть в лицо, старинная, особенная, как прежде, давным-давно. Шестое декабря. Опять этот день – в Калуге. Сложный сумбур в душе. Наплыв сумбурной нежности – где-то глубоко внутри.

Синее утро. Лялька не спит. Окликаю его, и он уже откуда-то тащит свёртки, один, другой. Эка, оказывается, тоже не спит, и тоже тащит из другой комнаты – один подарок, другой... ещё... ещё... И Наташа... Груда подарков... Среди них – виктрола ("патефон"), пластинки... И с утра комната оглашается звуками, полными жизни наших дней, песнями советского сезона: "У самовара я и моя Маша...". И еще: "Как много девушек хороших. Как много ласковых имён..."

Сколько привычной русской заунывности, родного наивного чувства в этих простых напевах – посреди второй пятилетки, индустриальных взлётов, стахановских митингов и кремлёвских торжеств!.. Наивной заунывности и вместе тягучей душевной песенности, стародавней человеческой, народной, русской ввинченности в тоску, в горе, в радость, в жизнь!.. "Сердце! Тебе не хочется покоя. Сердце! Как хорошо на свете жить!"

Верно. В песне, отдающей грустью и заунывностью, славится жизнь, и любовь, и счастье. Словно море нежности, плещущее в русской душе, нет-нет да и прорвётся сквозь гранитные берега, его заковывающие. Недаром доселе подспудная популярность Есенина несравненна в советской стране. Даже запретного – и пустого! – Вергинского слушают у патефонов, затаив дыхание, и в интеллигентских квартирах, и, говорят – быть может, клеветают, – в самом Доме Правительства, у Каменного моста...

Сердце! – Оно своё берёт, и чем "жить становится веселее", тем настойчивей его запросы, его капризы, его потребности. Придётся разумному плану учесть и категорию неразумия, внеразумия, сверхразумия... Вот эти синие зимние рассветы, эти блестящие глазёнки ребяток, эту счастливую, благословенную горечь воспоминаний... Сердце! Как хорошо, что ты такое!.. Хорошо. Пусть гранитные берега, но хорошо, что им есть что сдерживать, есть что оформлять, что плещется, сверкает стихия вот этих звуков – человеческой радости, тоски, любви, нежности... Стихия жизни живой! (2 ч. 30 м. дня).

24 декабря 1935г. Снег, сугробы, мохнатые деревья, мягкий душистый воздух, белесая мгла вдали. Прекрасно. За ночь – сахарные горы, несущие бодрость, свежесть душе. На улицах – сани и розвальни, дети на лыжах, весёлые ухабы на тротуарах. Здравствуй, зима! Здравствуй же, здравствуй, моё детство, юность моя, воскрешённая снегом... калужским, родным, расточительно щедрым, сахарным! Вечером вчера были с Лялькой в кино, и оттуда по Никольской – ныне Луначарской – проехали на извозчике, на санях,

домой. Вольготный путь, обильный, мягкий белый ковёр, близка свежая колея, и шустро бежит лошадка. Как хорошо!

Сегодня – в Москву. Учусь, зубрю. Эти дни – Ленинградская область, сегодня предстоит – КАССР [Карельская автономная советская социалистическая республика]. Интересно: родиноведение. Конкретно убеждаешься в мощи нашего возрождения, размахе нашей эпохи, далеко превзошедшей Петровскую величию и глубиной. Да, прав был покойный Киров: чертовски хочется жить, смотреть, слушать... несмотря на вот этот назойливый колитный рецидив, на эту бытовую неустроенность с жильём, на эти седины, морщины, подергивания и покалывания... (10 ч. 45 м. дня).

31 декабря 1935г. К Новому Году – две радости: одна – бытовая, другая – политическая. Разрешена и даже рекомендована ёлка, и везде, повсюду – ёлочный энтузиазм, ёлочная вакханалия. В срочном, срочнейшем порядке мастерятся украшения, в "Детском мире" за ними густые очереди, в магазинных витринах сверкают отлично убранные ёлки, повсюду весёлые разговоры на соответствующие темы, – прекрасно! И ещё прекраснее – отмена ограничений для детей лишенцев и нетрудящихся при поступлении в школу, – в осуществление памятной сталинской реплики на одном из недавних кремлевских совещаний: – Сын за отца не отвечает.

Да, великая радость. Какая мудрая, дальнзоркая политика – и какой радостный симптом! Революции уже нечего быть грозой, – разве лишь внешним врагам. Внутри страны тают последние тучки, последние облачка, солнце социализма – да, да, солнце и да, да, социализма – плывёт от утра к полудню. И нет сомнения – эти акты великодушия, мудрости, гуманизма ещё прочнее утверждают наше великое государство, советский порядок, советскую власть. (4 ч. дня).

13-14 января 1936 г. Болезнь. Да, опять желудок. Катастрофическое худение. Поташнивание. Что это? Резко пониженная кислотность. Завтра – опять вытягивать желудочный сок. Сумрачные перспективы. *Du courage** [Мужество, присутствие духа (фр.)]. Если смертный приговор – встретить его достойно. Смерть есть казнь. Палач – природа, непросветлённая, непреображённая. Необходимо мужество. В нём – даже некоторое предсмертное утешение. Смерть всё ещё сильнее нас, сильнее разума человеческого, – ну, что же, приходится констатировать это. Но подчеркнём, что не хотим признать её победу окончательной и вечной. "Беззащитный, безоружный, смерть зови на смертный бой!"

Палач – природа. Взяться за неё! Преобразить палача. Вот – последняя и чудеснейшая "перековка"! Что это, братец, или хвастаешься за фёдоровщину – перед курносым призраком? Что, голубчик, – или и впрямь плоховаты дела?... Какие есть. Страшновато? – Да, "инстинкт жизни". Пока не случится нечто, что – помните? – случилось с князем Андреем у порога конца... (1 ч. 35 м. ночи).

23-24 января 1936 г. В кино "Ленин". Трогательные кадры, живой Ленин. Говорящий (беззвучно), едущий на авто, мельком, прогуливающийся в Кремле, выступающий на съезде Коминтерна. Да, что-то именно трогательное чувствуется прежде всего в этих старых, несовершенных снимках. Потом похороны. Помню, видел ещё в Харбине. В гробу. Крупская. Сталин. Дзер-

жинский в почётном карауле у гроба. История, живая история России! Затем – великое преобразование стран на основе ленинской революции, ленинского учения. Индустриализация, новые заводы. Новые люди. Великая эпоха.

И – Сталин. Вождь. Его речь о стахановском движении. Кавказский явственный акцент, скороговорка, простота. Простота речи, простота обращения, никакой позы. Потяжелел за эти годы, с 24-го. Становится монументален, как бы персонифицируя мощь растущей, богатееющей страны. И нельзя не ощутить какого-то возвышенного волнения, глядя на него, при всей простоте, почти простоватости его манер, его осанки, его жестов. Да, вождь народов. Да, великий преобразователь, и жадно ловишь каждое впечатление... и даже охота кричать ура вместе с кричащим дворцовым залпом. Да, да, будет новый Пушкин, будет великая поэма – о великой эпохе!.. (1 ч. 40 м. ночи).

20-21 января 1936 г. В Болшеве. Дом отдыха учёных "Сосновый Бор". Утром сегодня приехал, завтра обратно в Москву. Отлично. Действительно, "дом отдыха", тихий, успокоительный. Покой. Утром, около десяти часов, приехал на станцию. Гляжу, уже поджидает меня ксучья лошадка, белесенькая, запряжённая в удобные, широкие сани, с округлой, широкой спинкой. – Это, вероятно, за мной, из Дома отдыха? Молодой, тоже белесый парень отзывается с облучка: – Да, из КСУ. "Сосновый Бор". Видно, за Вами.

Уселся, поехали. Вчера обильно шёл снег, дорога чистая, белая. Тепло, не больше градуса мороза. Воздух лёгкий, мягкий, ласковый, такой особенный, русский. Сразу и живо вспомнились подмосковные путешествия далёкой юности, санный путь от станции к монастырям, запах снега, жар сердца, деревья в белых уборах... И стало радостно – хорошей, щиплющей душу, прозрачной радостью. Фабрика. Школьники идут. Трактор тащит за собой какую-то повозку. Красные флаги, красный кирпичный корпус. Новая Америка, а дальше – лес, тишина, соловьёвская "прозрачная белая тишь". Ели, сосны, направо берёзы. Всё это – в лёгкой дымке, всё это – в белой оправе. Оснеженный ландшафт. Чистый, очищенный воздух. Слышна в нём первозданная чистота бесконечности. Откидываюсь к стенке, внезапно ощущаю нечто постороннее. Оказывается, это сзади прицепился какой-то малыш. Также хочется прокатиться. Пусть его.

Дальше. Сосновый прекрасный лес, парадоксальная после Москвы тишина. В такой тишине есть нечто активное. Это не просто – "отсутствие звука", бесшумность, – это нечто живое и положительное, индивидуальность, субстанция. "В начале было Слово". Так ли? Быть может, "в начале была Тишина"? Великая, утешительная Отрешённость, таящая в себе все соки, все потенциалы бытия. Почему это Паскаль её так боялся: *le silens eternal de ces espaces infinis m'effraie** [Вечная тишина этих бесконечных пространств наводит на меня ужас (фр.)]. Нет, она нам дружелюбна, эта белая прозрачная тишь, напоенная, упоённая Беспредельностью старого Анаксимандра. Она седа, она довременна, она древнее родимого тютчевского хаоса, и, погружаясь в неё, отдаваясь ей, мы, видно, касаемся самых исходных, изначальных истоков нашей замечательной, нашей несказанной, неизречённой, непостижимой Жизни... (12 ч. 20 м. ночи).

28 января 1936 г. Встречаю на Кузнецком Федю Петровского – сияет: издаёт Горация, Овидия, греческих поэтов, Ксенофонта. Благодарь!

Бухарин в полемической статье против М.Н.Покровского и объективизм в истории. Покровский третируется... если не *capaille** [Ничтожный человек, сброд (итал.)], то *en** [Как (фр.)] младенец. А в течение десяти лет он царил неограниченно и самодержавно! Да, да, мы растём: тога мужа – вместо детской рубашки (по старинному образу Плеваки).

Сегодня Мирекин в "Известиях" воскрешает лозунг... "народность"! Конечно: "без народности не может быть полноценной социалистической жизни". Браво, браво! Диалектика. Голова от неё кружится, радостно кружится, как от первосортного шампанского – и замирает дух. Диалектика становящегося социализма. Большинство мучительнейших контроверз недавнего прошлого *ist onfgehoben** [Являются торжественными (нем.)]. Ясен путь – дальше.

На небе, освобождающемся от дыма великих социально-исторических битв, выступают вечные звёзды. Но светят они – новой, преображённой земле, новым людям, новой эпохе, на новом цикле. Кружится, кружится голова – и радостно захватывает дух. (12 ч. 20 м. дня).

29 января 1936 г. Одно к одному. Сегодня в газетах – отчёт о совещании детских писателей. Выступления Андреева, Косарева. Свежие мысли. Например: – Я был в Сокольнической школе на детском собрании и ушёл оттуда с тяжёлым чувством. Никакого отличия детского собрания от взрослого нет: избирается президиум, потом почётный президиум, просят занять места, начинаются доклады, затем прения, рапорты, вызовы на соревнование и т.д. Потом посылаются приветствия. Все встают, аплодируют и, наконец, садятся. В том детском собрании не было ничего интересного, образного, самобытного, не было детского языка... С этим нужно бороться, – нельзя давать калечить детей (Косарев). Как это верно, умно, хорошо! Хартия вольности – детям. Право на детство, на радость, на мечты. Да, пора. Уже не опасно: дети социализма.

Весна? Первые знаки великой исторической весны. Она идёт и для "взрослых", с их нынешних собраний тоже ведь уходишь подчас "с тяжёлым чувством": "избирается президиум, потом почётный президиум" и т.д. Наверно, скоро и здесь грянет слово с властью: "нельзя давать калечить взрослых"... И для меня придёт весна... (11 ч. дня).

31 января – 1 февраля 1936 г. Беседовал с Серёжей Ерохиным, – не виделся с ним с 17 года. Он интересно рассказывает об аграрной сталинской революции: в качестве агронома проходил её в калужской деревне. Для него несомненна целесообразность жёстоких антикулацких мероприятий тех лет. Без ликвидации кулачества великую аграрную революцию осуществить бы не удалось. Либо нужно было отступить, либо сделать то, что было сделано. Кулаки являлись реальнейшим фактором деревенской жизни, они вели за собой крестьянские массы, противились коллективизации, срывали политику государства в деревне. Сокрушение кулачества стало залогом победы социализма.

К добру ли эта победа? – Да, бесспорно, к добру. Новая деревня не только продуктивнее, но и неизмеримо симпатичнее старой. Не только растёт

посевная площадь и увеличивается качество сева, но и прививается культура в крестьянских массах. Нет прежнего отвратительного пьянства. Нет былой темноты. Просыпаются новые интересы и потребности. Народился новый тип: колхозник! ... Да, это так. Всё-таки паршиво, что ко мне, к имени моему цепко прилипла нелестная этикетка – идеолога кулачества и поповства. Как бы всё-таки её отмыть, отцепить, отправить ко всем чертям?! (1 ? ч. ночи).

2 февраля 1936 г. На днях в беседе с Ф. вспоминали студенческое наше время. Коснулись тов. Абрама, приехавшего к нам от петербуржцев в 1908 году. Ф., как эсдек, провёл с ним тогда целый день. Запомнилась любопытная реплика Абрама: – Неужели вы не понимаете, что когда мы победим, нам придётся повесить Милюкова?! Ф., по его словам, тогда этого, действительно, "не понимал". Интересно, понимал ли это сам Милюков?..

Другое впечатление – встреча с Бухариным, после студенческого митинга по поводу статьи Е.Н.Трубецкого в "Русских ведомостях" о бессмысленности наших тогдашних "толстовских" беспорядков. Бухарин не произвёл на Ф. яркого впечатления. Они долго вместе шли пешком по московским улицам и вместе, наконец, зашли в дом Морозовой, на заседание религиозно-философского общества. Слушали речь Бердяева. Бухарин поморщился: – Он напоминает мне жирного аббата, бойко болтающего о Боге и людях, а дома сально смакующего грешные мечты о девочках... (11 ч. утра).

8 февраля 1936 г. В Калуге. Завтра – обратно в Москву. Знакомая дорога первой и третьей жизни. Зима, но какая-то бабья, вдовья, заражённая гнилым либерализмом. А на днях даже словно потянуло весной – сочетание голубых лысин на небе с весёлыми ручейками на земле и плутоватой маятой в воздухе. Впрочем, этот хронологический трюк, этот левый загиб дедушки Сатурна был в тот же вечер благополучно ликвидирован.

Шумит примус, в комнате – не повернёшься. Жизнь на два дома. В НКПС обещают в течение февраля отвести квартиру в Лосиноостровской.

10-11 февраля 1936 г. Опять в Москве, тогда так и не дописал странички. Звонил в НКПС, не дозвонился. Читал, писал конспекты, думал... В "Правде" – резкая полемическая статья против Бухарина, осмелившегося назвать царскую Россию – "нацией Обломовых". Как можно оскорблять русский народ, его прошлое, его историю?! Где мы?.. Ура, мы в стране социализма, мы в СССР, на девятнадцатом году Октября!! Бедный, милый Бухарчик!.. (12 ч. 30 м. ночи).

12 февраля 1936 г. Встречаешь старых знакомых, перебираешь в беседах судьбы давнишних спутников жизненного пути, – и размышляешь об интеллигенции моего поколения, т.е. дореволюционной выучки. Что же: – Жив Курилка? – Ванька-Встанька!

Старое – "А поутру / Она вновь улыбалась / Пред окошком своим, как всегда..."

Конечно, на самом деле всё это – сложнее, многообразней, быть может, печальней. Помесь трагики с эпикой. Но всё же, всё же – и не без примеси комики... Старой интеллигенции становится всё меньше, – однако, она ещё водится. Отчасти она даже пополняется – собственными детьми: яблоко от

яблоньки даже и в бурю не всегда способно отнести далеко. Правда, нередко наши дети – поросль иной почвы. Но бывает, что они имманентны нам, тоже ведь не неизменным: *Tempora mutantur et nos mutamur** [Времена меняются, и мы меняемся (лат.)] ...

Интеллигенция! – Скучная тема, навязшая в зубах: не бросить ли перо? Нет, допишу уж. В провинции нашего брата мало; физически изменился состав уличных прохожих и встречаемых. Но в Москве – мы водимся, и даже достаточно густо. Может быть, это плохо? Москва – пролетарская столица, а не Беловежская Пуща, хотя бы и нового издания. Зачем в ней эти старомодные лица, эта, казалось бы, обречённая порода – освищенная, осмеянная, обстрелянная батареями?..

Нет, нет, – ясно, что всё это не случайно. Наша "квалификация" – вот наша броня, наш спасательный круг. Мы объективно нужны и пролетарскому государству, и становящемуся бесклассовому обществу социализма. Вот почему Федя Петровский, знающий древнегреческий язык не хуже русского, Л.В.Успенский, вышколенный Платоном и Платином, Икс, Игрек, сам Рамзин, виртуоз печей, давлений и температур, – вот почему все они поутру вновь улыбаются перед своими окошками, как всегда.

Через каждого из них так или иначе проехал грузовик, все они горели в огне и тонули в воде... – "и, ничего, живём". Ну, правда, есть процент споткнувшихся безвозвратно: наткнулись на высшую меру. Да, конечно. Известный процент утечки неизбежен, – в такие-то времена! Но, в общем, – в целом... – Ну, как жилось? – Спасибо, живём. Ездил на три года, теперь, как видите, опять тут. Читаю в вузе. Перековка? – Да, конечно. Перековка – не лагерем, не ссылкой, не карой: перековка – фактом победы генлинии. Перековка – какая произошла вот и со мною, за границей, вне всяких Берманов и Медвежьих Гор. Да – *et nos mutamur in illis** [И мы меняемся вместе с ними (лат.)].

Зачастую люди возвращаются из ссылки – посвежевшими, чуть ли не помолодевшими. Удивительно! Вот Юлия Т. едва ли не с умилением вспоминает свой ДВК [Дальневосточный край]. И выглядит куда бодрее, нежели её младшая сестра, не выезжавшая никуда из Москвы.

Революция, со своей стороны, нуждается в старой интеллигенции. Англичане говорят, что джентльмен создаётся тремя поколениями. Как правило, то же можно сказать о подлинном интеллигенте. Массового интеллигента новой крови мы получим лишь в детях нынешних комсомольцев, – "настоящего", квалифицированного интеллигента. А пока что – выныривает и возрождается наш брат. Разумеется, под сенью генлинии.

Всякие есть среди нас, и часто поделом нас бранили. Но не следует преувеличивать. Есть отрицательные черты и в новой, нарождающейся интеллигенции, есть они и у крестьян, и у рабочих. Кое-какие из этих черт революция выводит, кое-какие остаются, даже, быть может, обостряются (во всяком случае, до поры до времени). Как бы то ни было, в настоящий момент происходит, вернее уже произошло, полное внутреннее "разоружение" старой интеллигенции, полное, искреннее примирение с генлинией, линией коммуни-

стической партии, советским государством. И даже репрессии не изменят этого состоявшегося поворота.

Революция – убедила: это гораздо важнее, чем репрессии, ссылки, концлагерь. Любопытно, что репрессии – не озлобляют, а лишь печалят. Ныне интеллигенция – держится за советскую власть. Понятно – почему: страна крепнет, богатеет, новый строй – продуктивнее и справедливее не только нашего прежнего, но и европейского нынешнего. Интеллигентские возражения против большевизма были, главным образом, "тактическими": социализм хорош, но он пока неосуществим. Теперь эти возражения – сняты.

Пожалуй, есть ещё один мотив, заставляющий старую интеллигенцию жаться к власти, от которой она видела столь много тяжёлого и сурового. Это – старый, "гершензоновский" мотив: боязнь "ня-рода" в его "непосредственном бытии". А ну как воскреснут матросы 17-18 годов, крестьяне голодных лет, снимающие с нас последние рубашки. Вот эти Махно, атаманы зелёные и белые, эта стихия жестокости и разгула, ныне преображённая и закланная гением государства, духом организации, авторитетом диктатуры?! Нет, нет, – да здравствует партия, да здравствует советская власть, да здравствует товарищ Сталин!! – мне кажется, что такой типично гершензоновский – тоже столько раз освистанный и осмеянный – мотив ещё не совсем изжит в сознании, или даже в подсознании, некоторой части старой интеллигенции...

Так или иначе, – там и здесь мелькают знакомые бородёнки и лысины, поскверкивают пенсне, журчит литературная речь, – люди "прокатываются", кто на три, кто на пять лет, знакомясь с "периферией" и знакомя её с собой. Потом возвращаются, переводят Горация, изобретают печки, громоздят колонки цифр – улыбаются у своего окошка... (2 ч. 45 м. дня).

24 февраля 1936 г. Из речи Пастернака на писательском съезде в Минске: "...Мне очень, понравился доклад Суркова. В нём было гораздо меньше той приподнятой, фанфарной пошлости, которая настолько вошла у нас в обычай, что кажется для всякого обязательной. Скажем правду, товарищи, во многом мы виноваты сами. Ведь не все на свете создаётся дедуктивно, откуда-то сверху. Каждый слой общества живёт по-своему и отчасти повинен в природе своих отношений. Мы все время накладываем на себя какие-то добавочные пути, никому не нужные, ничем не затребованные. От нас хотят дела, а мы всё присягаем в верности. ... Задача ли Правления Союза, чтобы сказать вам: будьте смелее? Это задача каждого из нас, это наша собственная задача. На то каждому ведь и даны ум и сердце. Я не помню в нашем законодательстве декрета, который бы запрещал быть гениальным, а то кое-кому из наших вождей пришлось бы запретить самих себя. Значит, в смысле возможности новых идей простор, вероятно, у нас не меньший, чем в отношении перелицовывания старых" ("Литературная газета", № 12). Очень хорошо! Достоинственно размышления и обсуждения! Как это: "Всё изменяется под нашим Зодиаком, но Пастернак остался Пастернаком...". (5 ч. 20 м. дня).

4-5 марта 1936 г. Опять в Калуге. Приехал к Экиному рождению, семейному празднику, очень милому, совпадающему с первыми знаками весны.

Послезавтра обратно в Москву.

На душе – болезнь и работа. Первая упорно не отпускает, томит, сушит и старит, и уж не знаю, удастся ли выкарабкаться и на этот раз. Вторая погружает в заботы, отнимает душевную уравновешенность. Первый экономгеографический блин: статья о старопромышленных районах и их роли в нашей индустриализации. Первый блин, как же не быть ему комом? Пишу, кряхчу и снова пишу. Читаю попутно, изучаю фарватер и учусь держать руль. Нелегко это – на закате лет, когда ткани утратили гибкость и привычки стали второй натурой. Нелегко? Трудно? Что же, что трудно: трудись! В сущности, экономгеография, *rebus sic stantibus** [Как постоянная задача (лат.), – лучшее, что можно для меня придумать. Она занята описанием великих дел, творящихся у нас. Дела, действительно, великие.

А вот недавно я забрёл на философское собрание, устроенное журналом "Под знаменем марксизма" в честь пятилетия правильного курса, взятого этим журналом после долголетнего ошибочного курса. И что же? Выступал магнат из ЦК партии тов. Таль, беспредельно выступал нынешний наш философский фюрер тов. Митин, и я ощутил себя потерянным, – вероятно, прежде всего в силу вышеуказанного склероза, обветшания тканей. Показалось мне, советская философия – это ещё нечто вроде довременного хаоса, над которым даже и голубя нелегко различить. Говорилось об истории, о политической экономии, о физике, о текущем моменте и международном положении, о правах нашей молодёжи и почтенности института семьи, – но слона-то, т.е. того, что встарь было принято называть философией, я не заметил на том собрании. Впрочем, пожалуй, кое-какие отдельные намёки мелькали, как в хаосе содержится же всё – но куда уж разобраться в этих намёках на философию: ещё, боже упаси, получится философия намёков! И я возблагодарил судьбу, метнувшую меня в мою милую, мою юную, мою фактографическую экономгеографию. Тут всё же мне легче начинать сначала. А там, – там пришлось бы, прежде всего, отмывать старые привычки и предрассудки, забывать мнимое знание и погружаться в новый космос, на старый взгляд выглядящий первичным смесительным хаосом. (1 ч. ночи).

8 марта 1936 г. Снова припадок кутежа на всемирно-историческом Олимпе, – пир богов, в сущности, перманентный с 1914, разражается в новый пароксизм острого буйства.

Гитлер разорвал локарнский клочок бумаги, сопроводив эту акцию эффективным дипломатически-идеологическим экспозе в рейхстаге. Большой исторический рисунок – в противовес нашему, не меньшему. Объединение Европы – против нас, против большевизма. Гитлер не глуп, но и в Кремле – молодцы, умницы. Дух захватывает от созерцания этой драматической, великой, вещи борьбы. Какие затейливые маневры! Какие глубокие шахматные ходы! Какие причудливые, лукавые перипетии! И какая несравненная предметная серьёзность, напряжённость, величавость основной темы!

Наше счастье, что буржуазно-капиталистический мир утрачивает силу сопротивления. Наша тактика, ленинская тактика – "столкнуть лбами господ

империалистов" – имеет много шансов на успех, вопреки Гитлеру и его рисунку. Наше счастье – и наша правда!..(11 ч. 45 м. дня).

9 марта 1936 г. Купил вчера томик "неизданных стихотворений" Брюсова и перед сном стал перелистывать. И повеяло, повеяло чем-то таким родным, таким близким – весной, далёкой милой юностью, духовной родиной... "Дышит весенняя нега / В самом конце февраля".

Вот и сейчас на улице "конец февраля", повсюду прекрасные мимозы, после вековой разлуки. А тут ещё – и строфы, и чувства с берегов отчизны дальней. Московская весна. "Шумно вдоль мокрых бегут тротуаров, / Детям на радость, живые ручьи, / В думах, как зарево дальних пожаров, / Светят прошедшие весны мои".

В этих "неизданных" стихах Брюсов как-то интимней раскрывается, меньше в них того налёта некой "официальности", что ли, что имеется в его канонической поэзии. Или мне это только так кажется? Болезнь, весна, современные поэты с их фанфарами – на этом фоне как не запеть душе навстречу спутнику молодости, навстречу напевам молодости?

"Человек десятых годов". Да, время – чугунная плита, не поднять, не сбросить её. А как же: *Tempora mutantur et nos mutamur in illis** [Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними (лат)]. Да, *mutamur** [Мы меняемся (лат)]. В какой-то доле. Можем и на себя взглянуть критически, снисходительным взглядом. Да, понимаем. "Надо струны перестроить / Вновь на новый лад / Песни новые усвоить / Я готов, я рад".

Верно, братец, верно, голубчик. А всё же Брюсов есть Брюсов, и всё та же чугунная плита. Я есть я. И вот эти пожары прошедших вёсен не сотрёшь, не вытравишь, и вещи новые песни на старых, хотя бы и перестроенных струнах будут звучать по-своему.

Комплекс старомодности. Есть о чём подумать. Стахановка Маруся, что вчера кричала в радио, наверно прочтёт эти строчки брюсовских реминисценций вполне спокойно, равнодушно. А вот во мне они переворачивают нутро, хотя "Вопросы ленинизма" я знаю и помню, конечно, получше Маруси и советскую нашу страну люблю не меньше её. В чём дело?

Известно в чём: "Это юность, как синяя птица, машет мне крылом золотым" (автоцитата).

И, конечно, с такими крыльями я – старомоден, а Маруся, совершившая лыжный Пробег, или Дарья Петровна, нагулявшая тонну жира у свиноматок, – современны, своевременны, уместны. "Всё роковое божественно, / Прав победитель всегда!". Умница Брюсов, молодчанище, первый сорт. Как отраднo, что он, именно он, так пронзительно понимавший весеннюю музыку живых ручьёв и старой Москвы, – понял и поэзию красного флага, понял и Ленина, понял бы, разумеется, и Марусю, и Дарью Петровну, и свиноматочные тонны.

А всё же, а всё же – и он был старомоден на фоне новой жизни, он, человек рубежа двух столетий, с его сюртуком, с его культурным грузом, да вот и с этим самым его всепониманием. *Tout comprendre** [Всё понимать (фр.)]. И он, конечно, и он имел свою дальнюю отчизну, свои ушедшие милые дни, которые

навсегда уж осели на дне души. "Знакомый стих любимого поэта! /Он прозвучал, и вот душа – ясней / Живым лучом властительно согрета, / Скользящим отблеском далёких, милых дней!" (1919).

Да, вот наша беда. Именно "проклятого прошлого", вместо "уничтоженного, развешанного кошмара" – "далёкие милые дни". И что ж поделаешь, если они нам взаправду, по-настоящему милы и незабвенны?! Что с нами сделаешь, и что мы сами с собою можем поделать? Вот почему нам, в сущности, останутся лишь "мемуары", остаётся лишь "автобиография": "Жизнь кончена, я это сознаю, / Нет больше целей, нет надежд свободных, / Пора пересказать всю жизнь свою" (1919). Как мне понятны эти строки, как они мне близки теперь, – живой эпитафия для автобиографии, если бы взялся за неё! Кругом – *vita nuova** [Новая жизнь (итал.)], слава ей, а на душе – золотое крыло ушедшей юности и... и... "Смерть! Обморок невыразимо сладкий!" (1 ч. дня).

19 марта 1936 г. Завтра – именины Эчочки, милого мальчика. Не поехал, нельзя уехать из Москвы. Думаю о нём, и на сердце – любовь, нежность... грусть... Болен. Болезнь разлита по всему телу, пропитывает и душу. Чувствую её непрерывно, постоянно, словно все восприятия окрашиваются ею. Кругом – весна, московская весна, которую всегда так любил и которую так ждал. Вот пришла, продают мимозы, текут ручьи, сверкающие солнцем, март, март... – и что-то не то, как будто какая-то пелена от всего этого ландшафта. Видишь его, признаёшь его суть, а в душу ничего не вливается – "Душа – одна, / И видит пред собою / Свою же тень". Ничего. Мы отдыхаем, какая-то вечная усталость, и отрада отдыха. "Отрешённый идеализм".

А на поверхности, "за пеленой" – статья, квартира в Лосинке, дискуссия о формализме, лондонское совещание, весна, весна... (11ч. 20 м. ночи).

6 апреля 1936 г. Сегодня Наташа с детьми переехала из Калуги на нашу "собственную" подмосковную резиденцию: две комнаты в доме НКПС не вдалеке от Лосиноостровской. Выдали ордер несколько дней тому назад с обещанием в ближайшее время заменить эти две комнаты трехкомнатной отдельной квартирой. Так или иначе, *domicilium** [Жилище (лат.)], "жилплощадь" – налицо. Что касается меня, то что же? Буду ездить на "дачу", держась за *piéd a terre** [Квартира для временного проживания, пристанище (фр.)] и в Москве. Такое "двойное бытие" совсем не так обременительно, не будь я болен. Болезнь, связанная с необходимостью диетических обедов, осложняет положение. Ну, ничего...

Давно не писал на этих страничках ничего путного, мешали приступы болезни, работы и жизненной суеты. Работал над экономгеографической статьей, устраивал квартирные дела, ездил в Калугу, лечился. За это время вплотную подвинулась весна, конкретно поставлен вопрос о летней командировочной поездке на Украину, о месячном лечении в Железноводске, о... о чём же ещё? Ну, всё о тех же грядущих лекциях в Институте, об английском языке, об участии в кружке изучения ленинизма и проч. (12 ч. дня).

17-18 мая 1936 г. Характерная описка! Писал год сейчас, и рука сама вывела 192... Эта двойка – как она выйдет, по Фрейду?.. Да, да, двадцатые годы!

Июнь, июль жизни... Шуточки Подсознательного... Или это виновато радио, наигрывающее блюзы, фокстроты, вальс Бостон?.. Переносишься в двадцатые годы. Штирнер, факультет, Унтербергер, весь комплекс второй жизни... И что-то набухает, ширится в груди.

Ночь. Лосинка. Деточки, милые, здесь вот, рядом, с раскрасневшимися щёчками от сна... Карта Волги, ландыши, черёмуха... Болезнь, ятрен, слабеющие силы, расширенная аорта... А вокруг – замечательная, иррациональная в своей мудрости жизнь, чудеснейшая диалектика, контрасты, устремлённость вперёд и ввысь... Ленинизм, доклад "Буржуазная демократия и фашизм", планы на лето, остатки сердечного и мозгового жара, мешающиеся с холодом сдающего тела, сумбур... Вся жизнь моя – какой сумбур! Какая-то кривая в квадрате, в кубе... Кипение, – и вот выкипаю, и что же осталось? Цитата из Ленина? Несколько Сталинских цитат? Схема этой кривой, этого кипения на плите в кухне ведьмы прекрасной, уальдовской, огненноволосой. (12 ч. 35 м. ночи).

19-20 мая 1936 г. Ровно год тому назад – большой день: конец второй жизни, прощанье с Харбином. Сутолока, сумбур в сердце и в голове, нервный подъём, напряжение. В доме – опустошение, погром, осиротевшие собаки. Прощаемся с ними – навсегда. Да и с людьми: заведомо отдаёшь себе отчёт, что многих из них видишь в последний раз. А за долгие годы кое-кто близко соприкоснулся с линией второй жизни. В последний раз – к Подставиним, затем к Штирнеру, глотающему слёзы, оттуда в кавказский кабачок против Чурина – последняя встреча с Нилусом. В аптеку за пирамидоном. Потом – обед прощальный у Авдощенковых. Потом – вокзал, толпа, последние поцелуи и рукопожатия.

А впереди – последняя глава. Домой. На родину. Да, какой-то угарный был день, помню его остро посейчас. Большой день. Рубеж. Вот год позади. Спасибо, что довелось вернуться к родным берегам. Как бесконечно тяжело было бы сознавать себя навсегда оторванным от них! Лучше уж – эти разлуки с долгими спутниками скитаний, ныне подчас так горьковато ощущаемые сердцем... Жизнь, жизнь!..(1 ч. 40 м. ночи).

31 мая 1936 г. В Калуге. Приехал на два дня: мамыны именины. Солнце, тепло, весна в разгаре, благодать. Отличный день, овейный ландышами, сиренью, детством, былым! Флюиды. Повсюду, со всех углов и стен, струятся, текут они, погружая душу в далёкий и близкий, навеки ушедший и вечно живой мир. Все течёт, – "Неподвижно лишь солнце любви..."

Какой это всегда был хороший, светлый, проникновенный, радостный день! В парадном белом платье рано утром мама уезжает в "новой пролётке" к обедне в Казанскую почему-то церковь. Потом праздничный чай. Огромные букеты красной и белой сирени из сада, вечером – непременно гости, горят все лампы в гостиных, "бал". За ужином – традиционные жареные цыплята, впервые в сезоне. Весна.

Да, флюиды. Длинный, долгий, восемнадцатилетний провал, – и вот сегодняшней день: снова здесь, у родимых ворот. Беседы длинные с мамой, – бесконечное купанье в волнах прошлого, отрадное, парадоксальное сочета-

ние воспоминанья и забвенья. Уходит, отходит мир окружающей ежедневной реальности, и выступает высшей, реальной реальностью мир ценностей, – то, "чем люди живы". Обступают сознание милые призраки, слетающие с этих ковров, зеркал, комодов, гнездящиеся в этом воздухе. Забвение!

Забываются шумы и раны, и заботы, миит и колит, суетные надежды и сгасшие планы – и словно вплотную касаешься неких чистых, неувыдающих, немеркнувших источников бытия. Многое из рассказов, суждений маминых слышал в детстве, отрочестве, и есть теперь особая, несказанная прелесть в их повторении, в тех же словах, с той же интонацией, в той же внешней и внутренней тональности – после паузы, в которой уместилась, в сущности, целая жизнь. Конечно! Солнце светило на востоке тогда, теперь оно – на западе. Косые лучи и тогда и теперь отбрасывали длинные тени – только тогда эти тени укорачивались, а теперь они беспощадно длиннеют. На востоке уже темно, тени и на земле, и на небе. И вот – ландыши, ландыши, такие же, те же, насыщенные флюидами, дышащие одновременно и воспоминаньем и забвеньем... Восемнадцатое мая – снова здесь, у родимых ворот... (5 ч. вечера).

3 июня 1936 г. Вчера на конференции кружков изучения ленинизма в МИИТе доклад "Буржуазная демократия и фашизм". Первое обстоятельное публичное выступление – как раз в первую годовщину возвращения на родину: второе июня.

Ничего. Правда, за недостатком времени немилосердно скомкал вторую часть (фашизм), но потом, в ответах на полученные вопросные записки, смог частично пополнить упущенное. Вопросы были выдержаны на хорошем уровне политического сознания, говорящем о добротном качестве аудитории. К сожалению, однако, была она весьма немногочисленна – человек 25-30. Не было студентов. Недостаток организации – или сугубый индифферентизм? Руководители рассчитывали на более парадную атмосферу. Да и я, признать-ся, надеялся на более резонансный дебют. Но, впрочем, и на том спасибо.

Не исключена возможность, что на ближайших днях поеду на Украину, в командировку от нашего Института: Харьков, Днепрогэс, Донбасс, Кривой Рог, Киев. Немного опоздал – сейчас жарко, в Москве и то нечем дышать. Июнь. Ландыши, сирень, солнце, родина, второй год... Спасибо, спасибо! (11 ч. 40 м.).

12-13 июня 1936 г. Ночь. Радио полущёпотом наигрывает фокстроты и вальсы, погружая душу в какое-то расслабляющее марево реминисценций. Да, стихия второй жизни... Штирнер, ресторан, немножко вина, немножко всяческой романтики, потоки чувств и умные беседы, холод опыта и горение глаз... Дружба, спорт сердца... Ушло это – вместе с огнями и звуками второй жизни, ушло. Дружбы недостает, очень это чувствительно. Был бы жив Н.Г.Смирнов, – отсутствие того же Штирнера не ощущалось бы так настойчиво. Люблю я таких, как они, лёгких людей, – вероятно, и сам я таков. Обо всём поговорить – и о деле, и о пустяках, о философии культуры, и о кельнерше Афродии, о смерти и о галстук, поохать и пошутить... Таков мой милый А.А.Штирнер, культурный венец, испорченный русскими интеллигентами, таким был и бедный Н.Г.Смирнов. Да, иных уж нет, а те далече.

Вот и Амилий не едет, прикован к работе на почётном советском аванпосте... И слушаешь в одиночестве после полуночи знакомые бостоны и румбы – и нет-нет, да и заскрипит что-то в груди... Отрава! Декаденты? Не знаю, – почему же? отчего же полчасика ночью – да и то не каждой – не отдать да же и сердечному скрипу?!... (12 ч. 55 м. ночи).

15 июня 1936 г. Дебют в ..."Правде"! Да, странно было бы подумать это, скажем, в 17-м, 19-м, 30-м и проч. годах. Да, да, дебют в "Правде", на тему нашей новой Конституции: – Документ мирового резонанса. Третьего дня часов в одиннадцать – звонок... то бишь стук в дверь. Я был один дома. Открываю. Молодой человек журналистского облика. Сотрудник "Правды". Второй день меня разыскивает. Редакция просит меня на страницах газеты высказаться по поводу проекта новой Конституции. Желательно получить статью немедленно. Строк полтора ста. Он может подождать, погулять.

Я не читал текста проекта, хотя, правда, слышал его по радио. Два дня не видел газет. После поисков газетного номера и некоторого раздумья – решаю ехать с товарищем в Москву и ориентироваться в деле на месте. Побрился (был невероятно лохмат), переоделся, – поехали. Товарищ оказался работником в отделе фельетонов. Тов. Штих. По дороге беседовали о том о сём. Огромное здание комбината "Правды" на Ленинградском шоссе. Коридорная система. Удобные, спокойные кабинеты. Последние номера "Правды". Между прочим, статья Радека о конституции. Не слишком искромётная.

Пишу. Фон – идеология "путей синтеза", транспонированная всецело и вполне на язык и на стиль советской идеократии. Проблема культурного наследия, благородных исторических традиций. Свобода, равенство, братство. Увенчание здания. Новая концепция свободы, – позитивная концепция: свобода в творчестве. Ведущая роль партии, активного отбора: своеобразная иерархия в плане реальной демократии. Ленинско-сталинская национальная политика: гениальный подход к решению национальной проблемы в огромном многонациональном государстве. Радость патриота: наша родина, наш великий народ – авангард человечества.

Признаться, не был уверен, что напечатают. Одиозна в этой статье только подпись, но не достаточно ли этого? Однако сегодня прихожу в наше лосинское почтовое отделение – и на второй странице, на хорошем месте – "Документ мирового резонанса" (заглавие – редакционное, но взято из текста статьи; по-моему, удачное). Субъективно – отрадное чувство, а объективно, – пожалуй, тоже отрадный симптом... (2 ч. дня).

17 июня 1936 г. Вчера достал в собственность номер "Правды" со своей статьей. Отмечу три поправки, внесённые редакцией. Редактор отдела, с которым меня познакомил т. Штих, просил моего согласия на замену некоторых встречающихся в статье иностранных слов – русскими: "нужно помнить, что наши газеты читают массы, миллионы". Я согласился.

Вот эти три поправки: 1). Во втором абзаце у меня было... – "В то время как последними словами капиталистической мудрости становятся автократия и авторитаризм..." В напечатанном тексте: – "последним словом кап. мудрости

становится фашистское изуверство...". 2). О колониальных рабах. У меня: несущих на своей шее пресловутое "бремя белого человека". Напечатано: пресловутое бремя империалистического насилия (слово "пресловутое" в этом контексте оказывается немотивированным). 3). В абзаце о главе десятой. У меня: ...она смело ставит и решает проблему позитивной свободы. В печ. тексте слово "позитивной" исключено. Всё остальное – по моему оригиналу. Пустяковая ретушь, против которой я ничего не имею. Но регистрирую для порядка. (9 ч. 30 м. утра).

20 июня 1936 г. Смерть Горького. Вчера пытался пробраться в Колонный зал – проститься. Тщетно! Простоял в толпе, давке, невыносимой жаре около четырёх часов и ушёл ни с чем. Больше сотни тысяч теснились к Дому Союзов, и не было хорошей организации этого безбрежного человеческого массива. Горький. Жаль его. В сущности, в интеллигентской советской среде не был он по-настоящему популярен, – а мне его жаль совсем по-настоящему. Всё время живо хотелось, чтобы он поправился, ускользнул от подступившей вплотную смерти.

Если бы мне довелось о нём писать, – я отметил бы в качестве стержня его энтелехии – гуманизм. Подлинно горьковский афоризм: "Человек – это звучит гордо". Вера в могущество и высокое призвание человека. Психоаналитически это было, быть может, плодом первоисходной забитости, ущербности, страха. Особенно – страха смерти. Этот страх, ужас перед неизбежной смертью, жил неизбежно в его подёрнутых грустью глазах. Отсюда и его влечение к Фёдорову, к науке, доктору Сперанскому. Утопающий хватается за соломинку, а в душе – растерянность, *terror antiquus*. И прекрасное творчество, гордый гуманизм – ковёр, накинутый над бездной. (11 ч. дня).

20 июня 1936 г. Не поехал на Украину: вышла задержка с маршрутом, т.к. на осмотр большинства заводов требуется решение НКТП. Пришлось отложить. В начале июня хочу ехать в Железноводск. На завтра взял билеты в Ленинград, думаю пожить там денька три-четыре. Кажется, с осени буду читать приличный самостоятельный курс экономической географии на одном из инженерных факультетов нашего института. По крайней мере, так предполагается.

Угнетает и досаждают болезни. Так некстати, – но когда, впрочем, является она кстати? Попробуем побороться. Не поможет Кавказ, – пойду к гомеопату. Сделать всё, что возможно... Хочется ближе и активней войти в советскую действительность. С полным сознанием осмысленности её, привлекательности, всемирно-исторической значимости. Работать над собой. Да, воспитывать, муштровать себя. Для людей моего поколения основная добродетель ныне – дисциплина. Сознательная, свободная – и вместе с тем непреклонно суровая. Есть в ней нечто отрадное: интуиция прочного берега и крепкого якоря. Пафос великого государства, потенциального человечества. (12 ч. дня).

20 июня 1936г. Ещё о Горьком. Всё-таки трудно установить верный и прочный взгляд на него. Любят о нём отзываться дурно. Зависть?

Его мирозерцание. Да, гуманизм, гуманизм, переходящий в титанизм, в то, что Булгаковы называли "люциферизмом". Гуманизм с несколько нищенским акцентом. Нищенские мотивы недаром улавливались в раннем творче-

стве Горького. Бунтарь. В бунтарстве всегда – полуправда. Высший тип человека озаменован – преодолением бунта: Гёте, Пушкин. Была ли такая высшая гармония в Горьком? Serenitas* [Ясность (лат.)]?

Написав насчёт "забитости и ущербленности", признаться, я почувствовал нечто вроде раскаяния. Хорошая ли это вещь – психоанализ? Почему – ущербленность? Что же, прикажете "мириться" со смертью, гниением, распадом? "Принимать" смерть? Почему не бороться? Почему утверждение, боевое, активное провозглашение высшего типа человека несовместимо с высшей гармоничностью, солнечностью природы?

Совместимо! И всё-таки Горький не Гёте и не Пушкин, качественно ниже их, типологически ниже. Проблема. Надо её продумать. Что-то мне тут ещё неясно... (1 ч. дня).

22 июня 1936 г. Ленинград. Фантасмагория! Невский, чугунный Александр, адмиралтейская перспектива... Сон наяву... Сколько раз это был сон во сне! Недоступное, невероятное, невозможное. И вот – письменный стол, и штемпель: Leningrad. Hotel Europe.

Реальность. Небо голубое, зной, усталость от бессонной ночи и горячей ванны. И – нездоровится, томно. Густеет и клубится впечатление марева. Смесь чуда, фантасмагории – с мелкой обыденностью будней: сологубовский ландшафт!

От Московского вокзала – до Европейской гостиницы. Больше ещё нигде не был. Но уже сверкнуло в прямой дали Адмиралтейство, показались титаны дворца Сергея Александровича, промелькнули Аники, блеснул Александринкой Растрелли, появился разномастный Аничков дворец, подтвердился потускневший и поблекший Гостиный Двор. Всё в порядке. Очевидно, объявятся и остальные, вплоть до прозрачного сумрака ночью. Маревое пространства и марево времени, чудесный, неизречённый, обворожительный клубок!.. (2 ч. 30 м. дня).

23 июня 1936 г. Белая ночь, каждому родная по родным, знаменитым строкам. Белая летняя ночь. Долгий вечер – солнце словно остановилось на бледно-голубом небе. Золотые прекрасные лучи. Нева. Несравненная. Несказанная. Чёрно-свинцовые воды, подлинно "державное течение" – лучше не скажешь. Набережная дворцов. Петропавловский шпиль – вот он, в двух шагах. Дальше, там, влево, за громадами, – Александровский Ангел, правее, на небесном фоне – неизъяснимо изящный при всей грандиозности, чудесно стройный, непостижимо архитектурный – купол Исакия Далматского. Здесь и там – пятна зелени. От близкой воды – вечерняя свежесть, нет-нет да и отдающая морем. Троицкий – ныне Кировский – мост. Дворцы. Канавка из Пиковой Дамы.

Вечереет. Но не темнеет ещё. Двенадцать часов – сумерки: "Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет...". Александровский сад. Знакомый путь. Оград узор чугунный. Бронзовый конь, ярость змея, сжатого дугой... "Дождались меня белые ночи..."

...И мелькает бывшее без слов. Реминисценции. Сплошная нить реминисценций. (10 ч. утра).

24 июня 1936 г. Империя. Растрелли, Кваренги, Камерон. "На ловлю счастья и чинов..." Но – обаятельная власть времени! Это – наше прошлое, это наше достоинство, это наши ценности, это составная часть внутреннего нашего мира, нас самих.

Интернационал мировых ценностей? Автобиография Всечеловечества?..

Царское Село, Павловск. Интернационал мировых ценностей в переплётё русской истории. Или, вернее, наоборот? Русская история в переплётё всечеловеческого формата. Екатерининский дворец с Елизаветинскими флюидами, с реминисценциями второй Екатерины. Царскосельский лицей – школьный дворец императора русской литературы. Парк, где Марья Ивановна Миронова встретила полную даму с собачкой.

Александровский дворец – форма расцвета и содержание упадка. Весёлый век Екатерины, дни Александровы и вкус Кваренги – и ужасная печать Распутина, скудоумие и убоговкусие последнего царя, буржуазная пошлятина, оваянная и усложнённая исторической трагедией. Петербург, "Петербургский период русской истории". Павловск – буйная зелень, овраг, парк с очаровательными липами и величавым проспектом. Дворец Камерона и Бренна, – какое благородство линий! Памятник Павлу – "основателю Павловска". "Коронованный Богом капрал".

Тоже – флюиды и реминисценции, несмотря на мотивчики радио, несущиеся из бокового дворцового крыла, несмотря на все эти клюквенные квасы и "эскимо". Да, слетел ореол недоступности с этих запретных мест, и, может быть, ещё не установилось последнее историческое равновесие: недоступность Олимпа должна превратиться в неприкосновенность музея. Строгий, стройный вид должен утвердиться и пребыть: в веках.

Хочется ещё и ещё любоваться этим единственным городом, упиться его неповторимостью – от Петра Великого до Ленина, от Державина до Блока. Но – "Пора. Перо покоя просит". Ещё день впечатлений, зноя, сологубовской полосатости и незакатных сумерек... (9 ч. 20 м. утра).

25 июня 1936 г. Последний день в Ленинграде – под неуёмной атакой флюид русской истории – от Петра Великого до Ленина – и русской культуры – от Державина до Блока. Вот комната, где умирал и умер Пушкин. Вот залы Зимнего Дворца, ныне соединённые с Эрмитажем и ставшие музеем. Вот улочка, описанная Достоевским. Вот... да не перечислишь этих святых мест – всё здесь оваяно святыней... Ночью, во втором часу, побрёл, как медиум, к Пушкинской улице, к садику, крылечку, где – "как сны золотые мои детские годы текли..."

Уже пустынно. Безумный бледный блеск двух зорь. Садик заперт. Показался он мне поблекшим, убогим. Вот и знакомые окна. Они открыты. Обычный "жилой дом", набитый вещами и людьми. Что это – детская? Нет, коренная перестройка изменила как будто весь облик квартиры. Ни папиного кабинета, ни гостиной. Впрочем, уже в 16-м году застал я эту отмену былого, и теперь только ещё посерели, потускнели эти дорогие останки. Приложившись к ним, побрёл обратно – в том же мареве прозрачного сумрака... (9 ч. 30 м. утра).

26 июня 1936 г. Вернулся домой. Хороший поезд, мягкий вагон. Малая Вишера. Уютный чай. Задумчивая бледная ночь. Крепкий сон – с устатка. Утром – уже подмосковный ландшафт. Клин. Продают землянику, отличную русскую клубнику. Утреннее кофе, по рублю стакан. Московские пригороды. Москва. Жаль, мало дней. Нужно было пожить ещё денька два, зря взял заранее обратный билет. Побывать бы в Петропавловке, на Островах, в Гатчине, Сестрорецке etc. Подышать воздухом Петербургского периода.

"Ампи́рный барин Петербург". Действительно всё-таки, каким стадным, залётным островком был он в русском ландшафте! Европейский футляр русской истории, "эксцентричный центр России", как называли его славянофилы, – какой он, в самом деле, европейский и вместе с тем русский! Вчера побывал в Петергофе. Ослепительная роскошь этих бьющих фонтанов, прекрасно реставрированных революцией. Солёный воздух моря. Благородная роскошь Большого Дворца. Волнующие детали Петровского Монплезира: кафтан великого царя, его кровать, посуда, картины. Неподалеку тут же – ботик, дедушка русского флота. Русский Версаль. Рококо Растрелли и классика Фельтена. Парки с бюстами греческого пантеона, великих греков и римлян. Культурно-исторические истоки Пушкина.

Невольно мысль обращается к современности: русская революция должна найти свой стиль! Этот стиль, очевидно, должен сочетать в себе монументализм великого государства, молодой порыв и радостное самоутверждение свежего социального материала – с универсализмом интернациональной идеи, широтою, размахом освободительной идеологии, и в то же время – с иерархизмом советского общества, воспитанника диктатуры. В сущности, сочетание это обещает великолепный стиль. Если французская великая революция обрела своё архитектурное оформление в образах наполеоновской империи, – то пролетарская советская революция, несомненно, должна затмить Наполеона блеском своих архитектурных форм. Это будет, будет. И нынешние первые искания, пощупывания – заря новой культурной эпохи.

Вот только – откуда явятся советские Растрелли, Кваренги, Камероны, Фельтены? Опять отсюда же – с Запада? Но теперь же мы – авангард! – Интересное время... (6 ч. вечера).

5 июля 1936 г. Завтра собираюсь ехать на Кавказ: в Железноводск. Лечиться. "Отдыхать" (от чего?). Хочу там позаняться, впрочем. По-видимому, придётся с начала предстоящего учебного года вести курс. Экономгеография СССР. Буду стараться. То и дело мелькают разные мысли, но почему-то не записываю их, вопреки старой привычке. В самом деле, почему это? Не потому ли, что как-то утратил интерес к собственным, индивидуальным мыслям? Важны дела, важна работа в общем плане, а не болотные огоньки маленьких личных настроений и раздумий. Конечно, это связано с общим моим статусом, биографическим опытом.

Дисциплина! Интуиция, энтузиазм дисциплины. Да, это один из необходимых и естественных диалектических моментов в эволюции сознания людей моего круга и моего типа. Знаю опять же по опыту, – он преходящ, этот

момент, он относителен, хотя императив дисциплины ощущается ныне всем существом, как неотъемлемый и безусловный. Противоречие? – Диалектика! "Смирись, гордый человек!"

Этот императив "смирения" – подозрителен с советской точки зрения. Воспевание дисциплины вот в этом, в нынешнем моем стиле – не советское дело, оно не имманентно советскому жизненчеству. Настоящему, подлинному советскому человеку оно не свойственно. В нём есть какой-то привкус "аскезы", "жертвы" – не так ли? Настоящий советский человек дисциплинирован органически, дисциплина для него есть реализация собственной его природы. Дисциплина для него – менее всего проблема. Дисциплина – его стихия. Любопытно. Мы – отмирающее племя. Советская эпоха для нас, в нашей жизни – вечерняя заря, как для Симеона – рождение Спасителя: – Ныне отпускаеши...

Потом мы войдём в историю революции, как некий самостоятельный отряд. Нами займётся советский Ленотр. Постараемся же, насколько это в наших силах, перевоспитать себя в подлинном разуме эпохи. Человек перманентно творит себя, делает себя. Нелёгкая миссия, но и почётная. *Dulce et decorum est** [Сладостно и пристойно (лат.)] стать, быть настоящим сыном великой советской родины, подлинным гражданином великого советского государства! (14 ч. дня).

6 июля 1936 г. День Конституции. Школьный праздник. Парад на Красной площади. Ночью ходил в лес за светляками – ни единого! Что-то побаливает палец от сорванной заусеницы – не повторилась бы прошлогодняя история! Сегодня – еду на Кавказ, – первый раз в жизни. "Едем, едем, / Ямщик лихой, – седое Время, – / Везёт, не слезёт с облучка". Как всегда перед дальней дорогой – спутанное состояние: и тянет "тоска по чужбине", охота к перемене мест, и жаль покинуть дом, расставаться с детками, с родным, привычным гнездом. Сизый туман, дымка – в душе. Лето. Жаркие, солнечные дни. В Калуге деревни охают, жалуются на засуху, неурожай. Земляника – и та высыхает. Травы чахлы, рожь и пшеница гибнут.

По ночам немилосердно мучают мухи и блохи. Днём – заботы, разные праздные и деловые думы. Грустно, что отодвинулись вдаль все литературные планы. Нужно вновь предаваться элементарному "учению", почти зубрежке, конкретика экономической географии неотвязна, как мухи и блохи ночью... (8 ч. 50 м. утр).

9 июля. 1936 г. Второй день в Железноводске. Немало впечатлений. Перемена мест: какой это беспокойный и в то же время успокоительный процесс! Предметный урок философии универсальной относительности. Естественная ассоциация: от бегущего поезда – к гераклитову потоку всех вещей. И однако: за этим потоком – и нечто неизменное, неподвижное. Торжественное, как старый камакурский Будда, как седая голова Эльбруса на голубом бесконечном фоне. Словом, *vivat*. Платон божественный, вечный спутник ума и сердца!

Итак, Железноводск. Реминисценция Барима, Пей-тай-хо, флюиды Лермонтова. Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка. Посёлок на горном склоне, кругом буйный лес, уютные улочки, доцветает липа, темнеет рано и сразу – антитеза Ленинграду, – сижу при свечке – рецидив... даже уж и не знаю чего!

Хорошо. Праздные мысли протискиваются в голову, но надо их гнать, наду... почему это я написал У вместо О, ну-ка, братец, психоанализ?! Просто потому, что должен был написать "надо учить" etc, и подумал об У, когда выводил ДЁГОТЬ: C'est tout* [Только и всего (фр.)]. (9 ч. 15 м. вечера).

11 июля 1936 г. Всё-таки нездоровится. Нет здоровья – что же делать? Опять нарыв на пальце (указательном левой руки), общее какое-то недомогание. Тело перестаёт соответствовать назначению. "Моё тело есть моё дело" (Фёдоров). Какая ерунда! Недомогание. Да, вот источник постоянной горьковской активности, горьковской революционности. Не кто иной, как его туберкулёз, был автором его горделивого гуманизма! Недаром Кампачелла писал свой "Град Солнца" в ужасной, сырой, тёмной средневековой тюрьме. Гармония контрастов?

Но это – не божественная гармония Всеединства. В той – тоже контрасты, но преодоленные подлинно и до конца. В бунте, в революции – нет завершенности, совершенства. Бунт – не может стать "последним словом" в иерархии ценностей. "Последнее слово" – это понимал и бунтарь Ницше – есть непременно "святое слово утверждения". Но как же быть, когда вот и в самом деле нет сил, мучает усталость, сосёт где-то в печени, когда каждая точка ломит? – Призывать к борьбе за тело? Или – вслед за Платоном, Гёте, Пушкиным – утверждать осиянный, победный дух?.. Или, может быть, *tetrium datur** [Третье дано (лат.)]? (11 ч. 10 м.)

13 июля 1936 г. Парк "Публика" со стаканами. Толкучки в урочные сроки, за час до еды. Вода горячая, как любовь... впрочем, не первая (44°, другая – 51°). Смотрю на лица и от нечего думать предаюсь социологическим выводам. Новое общество. Становящееся бесклассовое общество. Массы. Да, именно массы, массовость. Прежние "низы". Сбиваемые, заглушённые, косневшие в первичной социальной тьме. Вот это, именно это прежде всего написано на их лицах. На лице каждого – штамп. Массы. "Муравейные братья" Льва Толстого, люди роя, улья, плембс. Как это у Герцена? – "Таборит, общинный человек". Так вот он какой!

Изредка на этом роевом фоне мелькнёт индивидуальный облик, отражающий нечто иное, другую историю – социальную формацию. А-а, смотрите, старый интеллигент! Скоро он станет зубром, – разве дома учёных это не беловежские пуши, где концентрируется вымирающая порода двуногих?.. Таковы первые интуиции, на лавочке у Смирновского источника. Но не ошибочны ли, не лживы ли они?

Интеллигенция *est mort, vive l'** [Умерла, да здравствует (фр.)] интеллигенция! Разве наши дети тоже социально вымирают? Ничего подобного! Они – в первых рядах нового общества. Но их облик – разве не наш облик? Я говорю о внешнем, для зрительного восприятия, облике, не о внутреннем, который, конечно, иной, не тот, что был у нас в их годы. Но, бесспорно, и дети наши тонут в таборите, хлынувшем на минеральные воды, на историческую авансцену. Государство рабочих и крестьян.

Однако и государство всеобщего обучения.

Пройдёт двадцать – тридцать лет, и неотвратимо преобразится стиль самой этой массы, прояснятся глаза, притупятся и помирнеют жесты, одухотворится и, главное, дифференцируется ландшафт советского общества. Усложнится, углубится содержание – изменится и форма. Если дворянская культура сумела же дать замечательное социальное цветение, фонтан талантов, – то чего же ждать от культуры бесклассового братства, всеобщего призыва?..

Итак, ясно? – Нет, ещё далеко не ясно. Проблема ещё только вышелушивается из утробного сумбура. Однако вода выпита, улей редееет, время кормёжки. (9.45 утра по возвращении домой).

13 июля 1936 г. Кстати, о лицах. Бывают незабываемые впечатления, неизгладимые из сознания встречи. Мелькнёт мимолетно лицо – и прочно западёт в ящик души, и хочется время от времени извлекать его оттуда, и любоваться им, и смаковать его единственный, неповторимый вкус... Две такие встречи, два впечатления – мимолётных и в то же время застрявших в сознании навсегда.

Первый случай. Это было в Италии, в десятом году, когда я ездил туда с А.А.Ростиславовым. Мы возвращались в Рим из предместья, – кажется, из Тиволи. Вечером, в переполненном, двухэтажном, помнится, трамвае. Я стоял на площадке. Услышал немецкую речь. Обернувшись, увидел двух молодых людей; один из них слушал, другой говорил. Облик говорящего поразил меня. Высокого роста, блондин, худой с пронзительным каким-то, предельно одухотворенным лицом. Всё в нем дышало несказанным благородством и вместе с тем светилось сиянием трепетной, напряжённой, взволнованной мысли. Мне вспомнился профиль Шиллера, взор Ницше и миф о голубой крови. Это лицо одно было философским афоризмом, романтическим Sturm und Drang'ом* [Буря и натиск (нем.)], патетической симфонией. Он продолжал говорить. За шумом колёс слов почти не было слышно, да и я плохо разбирал немецкую речь, но с невольной жадностью ловил я каждую чёрточку этого замечательного облика, впитывал в себя каждую интонацию речи, каждый взгляд. Тело здесь было, казалось, художественным выражением некой высокой, глубокой, тонкой идеи. Оно источало вокруг себя неповторимые лучи, облекалось как бы "аурой", кроной, ореолом. Лишь густая, сложная и последовательная культура духа могла создать такое лицо, чтобы жить в нём, веять им, влиять через него.

Другое впечатление, другая встреча. В Пекине, светлым весенним днем, в Посольском квартале. Цвели глицинии, белые акации. Я ехал на рикше, погружённый в себя и в весну. Встречный рикша. Я скользнул рассеянным взглядом по его тележке, и сразу новое впечатление ворвалось в круг сознания, повернув в другую сторону его вращательный путь. В коляске ехала женщина лет пятидесяти, сильно седеющая, с чертами лица, ясно хранящими следы былой – ещё сравнительно недавней – красоты. Почему-то показалась она мне англичанкой, но возможно, что я ошибся, не в этом дело. Какая-то чарующая душевная утончённость сквозила во всём её силуэте, в каждом атоме её тела, в каждой складке её платья. Какая-то волнующая экспрессия. Вечер, жизненный вечер, светился в ней, и лицо её выглядело рассказанной

поэмой, сублимированной психологической драмой, прекрасной, бездонной элегией. Я вспомнил Ст. Цвейга и его героинь. Конечно, эта женщина высшего европейского общества, обительница одного из здешних посольских особняков. Ведома ей пышная, блестящая жизнь, много стран, морей и чудес видели эти полные содержания, всё ещё на редкость красивые глаза. Но не здесь – стержень, нерв её жизни. Вмяты ей сокровеннейшие изгибы путей души, сложные психологические перепутья, обрывы, лабиринты; горе, страсти, усталость – спутники её сердца, и это сердце отражено, как в дымке, в лице её. Впрочем, нет, это даже не отражение, или, во всяком случае, это очень, очень отдалённое, так сказать, "преодолённое" отражение. Сердце – далеко, глубоко, а поверх – ризы культуры, воли, воспитания, светскости: "Ковёр, накинутый над бездной..."

Да, много потрудились над этим лицом и порода и культура. Вот почему так увлекательно, так плодотворно в него всмотреться... Однако долго ли длится встреча двух рикш, бегущих в противоположные стороны? – Видение пронеслось, я обернулся и смотрел ему вслед, переживая, передумывая мелькнувший силуэт.

Кто они, где они – эти две человеческие индивидуальности, вдохновившие меня сегодня на этот поздний, мемуарный саморассказ? Впрочем, пожалуй, ведь не они меня на него сегодня вдохновили, а нынешние мои сопартнёры, сокурортники, состаканники, контрастно, диалектически поставившие перед сознанием моим проблему личности, единственной и неповторимой, проблему культуры, осваемой органически, поколениями, проблему нового общества, состоящего из пионеров, проблему массы, столь поднявшей ныне температуру мировой истории... и ещё, если угодно, несчётное количество всевозможных других проблем. (12 ч. дня).

15 июля 1936 г. Замечательное зрелище – светящиеся гнилушки! Ночью, вчера на горе Железной, кормилице Железноводска.

Темнота. Еле видна дорога, опоясывающая гору. По обе стороны – густой лес. И вот в темноте, в лесу – фосфорические блёстки, россыпи зеленоватого, волшебного света, разных форм и размеров, но одинаково прекрасные, притягательные, волнующие. Знаки какой-то таинственной, словно запредельной жизни, блуждающие огоньки, какое-то полубытие, нечто сказочное, уводящее сознание к подсознательному, мобилизующее дальние, наивные, чистые первоисточники душевной стихии. Ночь, лес, серебряный манящий свет... Ландшафт Синей Птицы.

А вот в траве – десятки, сотни звёздных брызг, словно рой светлячков. Дальше – чьи-то большие зелёные глаза – не русалочки ли? – Туг же какие-то странные куски, обломки, нежные пятна света, изысканного как перламутр, чудесного, как навьи чары. Сон? Иллюзия? Подходишь, берёшь в руки эти диковинные куски, этот свет без огня – видишь бледные узоры в нём, иероглифы, как будто модели лун разбросал в лесной чаще неведомый художник, модели нездешних планет... "На Ойле, далёкой и прекрасной, /Вся любовь и вся мечта моя..."

Зажигаешь электрический фонарик – и нет нездешних иллюзий, видишь гнилую деревяшку, покрытую плесенью. Гаснет фонарик – и вновь зацветает царство мечты. Светится плесень, неизречённая красота – в гнилушке. Какой любопытный и содержательный символ!

Не так ли в истории прекрасны глубокой, изысканной культурой эпохи упадка, усталости, позднего возраста? В них – пресыщенность впечатлениями, мудрый скепсис, перегруженность ценностями, всепонимание старости. Они глубоки и неподвижны, они утончённы, утомлённо изысканны, они вступили уже в сферу полубытия: "Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет".

И светят они бледным, зеленоватым, флуоресцирующим светом, холодным и вместе с тем нежным, тихим и мудрым. Есть такие эпохи. И есть такие люди. И разве сами мы, люди десятых годов, не похожи теперь некоторым образом на эти гнилушки, покрытые чудесной и губительной плесенью?.. (11 ч. 45 м. дня).

16 июля 1936 г. Вчера ездил в Кисловодск. Мимо Пятигорска, Эссентуков. Скоро здесь побегут электропоезда, провода уже натянуты, дело за пуском Баксанской гидростанции.

Кисловодск по сравнению с Железноводском – большой и парадный курорт. Прекрасный парк. Магазины. "Пятачок", полный публики, вечером напоминает нечто японское, фрагмент какой-нибудь киотоской улочки, оживлённой, узенькой, торговой. "Восточный стиль". На меня он ныне навевает грусть. Стопка розового кавказского вина, наверху, в "Храме воздуха". Горный ландшафт, на горизонте – белеющие, розовеющие, синеющие шапки Эльбруса. Психологический фон – интуиция болезни и "реминисценции". Музыка, избитые романсы, насквозь пропахшие жизнью № 2.

Опять же – Лялечкино рождение. Переношусь в Лосинку, и сердце сжимается любовью, нежностью. Двенадцать лет. Дети. Последний ресурс, заветный фонд души.

Болезнь. Систематическая утрата веса и сил. Как будто вода и помогает, – а на деле, а "на весы" ежесуточная утечка в 200 грамм. Нет нужды – прав судьбы закон... (10 ч. дня).

16 июля 1936 г. Нездоровится. Вот и воды, видно, бессильны. Амёба? Или ещё что, похуже. По-видимому, завтра придётся обратиться к ятрону, старому спутнику. Значит, Железноводск – осечка. Нехорошо. Тянет к бумаге, – здравствуй, милая подружка, кажется, всей моей жизни! Помню, ещё семи лет затеял "дневник". Подарили мне три книжечки в изящных зеленых переплётках. И решил превратить одну из них в дневник. Помню и первую запись: "сегодня я купил хорошую стеклянную кружку" – что-то в этом роде. Помню и самую кружку, которую купил, не то мне купили. Синяя, шершавое стекло.

Жизнь прошумела, промелькнула, – дневник остался... К чему? Фотография – лента. Кино. Повесть о... Противно, что болезнь – фактор самочувствия. "Впал в минор". Старая харбинская формула: – Душа болит. А душа болит потому, что живот болит. Цинизм жизни. Цинизм истины. Юмор капитулянта? Или – минутная слабость? Держись, братец, до конца!.. (8 ч. 30 м. веч.).

20 июля 1936 г. Вербены. Здесь они – яркие, сочны, буйны, как вся растительность. Отличные, очаровательные цветы. И такие родные. "Стоит жить! Не ради ваших фраз,/ Ради леса, лета и вербены,/ Ради Пушкина и пары женских глаз!.." Студенческие годы, Саша Чёрный. Затем, много спустя, эти строки стали первыми стихами маленького, совсем крошечного Эки. Забавно, картаво декламировал их. Их, – рядом с лермонтовским "Ангелом": "И звук его песни в душе молодой..."

Вербены. Помню, папа их любил. Цветут, бывало, в саду, на Большом кургане. Затем – длинная пауза. И только много спустя, когда появился в Харбине свой дом и свой садик, "свои владения", – они воскресли, красные, розовые, белые, синие, проникли глубоко в душу, овеванные воспоминаниями, и собственной прелестью, по-видимому, доступной, внятной особенно лишь зрелому возрасту, полудню и вечеру жизни. Юность не оценит их, простых, уютно и скромно нарядных, что-то тихо таящих в себе, о чём-то бережно напоминающих... (10 ч. дня).

21 июля 1936 г. Пятигорск. Машук. Лиловые дали, дымка, квадраты и прямоугольники хлебных полей. Лёгкий воздух, свежий ветерок. Тишина. "Вечное безмолвие бесконечных просторов". Вопреки Паскалю, оно не страшно, – оно величественно и успокоительно. Вспоминается Камакурский Будда – воплощение блаженной отрешённости. Да, это противоположно, это полярно фаустовскому жизнечувствию европейца. Место дуэли Лермонтова. Шелестят сплошной листвой чинары, грабы, дубы, где-то тут же застенчиво жмется берёзка. Памятник-обелиск. Как-то глухо, стесненно в груди. На небе контуры Бештау, зелень деревьев в голубой перспективе – его последний пейзаж. В ушах обрывки знакомых, родных строчек и строф...

Последняя поэма, спетая жизнью, – взамен унесённых в могилу, не спетых, недопетых многих дивных песен. Её багряным отсветом озарён весь его жизненный путь, весь духовный его облик, все сказанные им слова. Она прекрасна, хотя и потрясающа, прекрасна в самой горести своей, как святая Елена в биографии Наполеона, как предсмертное бегство Льва Толстого. Эта поляна, эта площадка на Машуке стала составной, неотъемлемой частью образа, комплекса, субстанции: – Лермонтов. "Я угадал мой жребий, мой конец, / И грусти ранняя на мне печать".

Нельзя же было после этих строк жить до восьмидесяти лет и тихо помереть на постели. Мы были бы тогда лишены тех прекрасных, возвышающих нас эмоций, которые мгновенно рождает в нашем сознании, в нашем сердце одно только имя, единственное, несравненное имя: — Лермонтов. И пусть глухо, пусть стеснённо в груди, – есть великая очищающая, благодатная сила в этой душевной поражённости, пронзённости гением рокового места...

Домик Лермонтова. Зеркало, в которое он смотрелся, в котором жил, появлялся его физический облик, потрескалось внизу. Садик Белая акация, груша тех времён. Посмертная жизнь в резонансах, экстенсивная и интенсивная. Философский ультра-реализм недаром осознаёт её возможность, её действительность, её необходимость. "Нет, весь я не умру..." (12 ч. дня).

23 июля 1936 г. Пушистая, бархатная зелень леса на голубой подкладке неба. Зелёное на голубом – казалось бы, неподходяще. Однако выходит отлично. Природа. *Natura sive Deus** [Природа или Бог (лат.)]. Лесной, что ли, это воздух: легко-то, легко-то как! Жара здесь совсем не тягостна. Честная жара, без духоты, без мокроты, без камней за пазухой. Дыхание ребенка. *Fair play** [Честная игра (англ.)].

У источников в урочные часы – толкотня, черёд. Но, в общем, довольно добродушный черёд. Стаканы, стаканы в чехлах, стеклянные трубочки. Белая людская масса. Не зря ли я размышлял тут насчёт лиц? Разводил романтические бобы. Нужно пуд соли съесть с человеком, чтобы взвесить его... собственными (не сомнительными ли?) весами. И о лице, о наружности нельзя судить смаху. Лермонтов, говорят, многим казался плюгавым. Мещанка и дура Александра Фёдоровна, царица, обладала ангельским лицом и замечательными глазами, о которых нетрудно было бы фантазировать *quantum satis** [Сколько нужно (лат.)].

Словом, проблема, как везде. Копнёшь твёрдый грунт, – непременно провал, отвал, бездна. "И мы плывём, сияюще бездной со всех сторон окружены". *C'est le mot** [Как говорится! (фр.)]. (9 ч. 45 м. утра).

26 июля 1936 г. Шалости пера. Дачная забава. Курортная "красавица" в розовом капоте. Высокая, стройная, молодая женщина с восточным несколько разрезом глаз. Неизвестно, ни кто она, ни где живёт. Встречать на водопое, на местном Ист-Энде, восточном конце парка, где однотипные львиные головы монотонно льют смирновскую минеральную воду. Итак:

Розовой незнакомке / Над пёстрой суетой Ист-Энда, / Над маревом людской пыли / Вы розовой легендой, / Улыбкой розовой взошли.

Ручные львы мурлычут что-то. / Ловлю под их слепую речь / И складки Вашего капота, / И смуглый мрамор Ваших плеч.

Вчера на тихом перекрёстке / Следил украдкой издали: / Свою тяжёлую причёску / Вы, как причастие, несли.

И было радостно и сладко / Вникать до дна, войдя в экстаз, / В неизречённую загадку / Полумонгольских Ваших глаз.

Забыты скуки дни глухие, / Фонтан мечты в груди забил – /...Вновь бредит розовой стихией / Большой поэт из дома БИ. *Железноводск, 26/VII 36. ЭЛ.*

Вчера и сегодня, вместо того, чтобы заниматься делом, тоннами угля и киловатт-часами, подбирал мысленно рифмы и укладывал в строки глупые слова. Ну, что же, – разве нельзя на минутку, на день, на два, – забыть !!!!километры площади и килограммы собственного не желающего прибавляться веса – и... Эх, старое, былое время!

Теперь, в сущности, надо бы – что? Надо бы, разумеется, как-то подкинуть "ей" эти строки, анонимно, таинственно, умненькое. Но – где ты, былая озорная прыть?.. (вечер).

27 июля 1936 г. Испанские события: большая гражданская война. Единый фронт – на деле; отличный результат! Да, этот бы единый фронт – в Германии 1932 года! Учимся на ошибках; не ошибается, кто ничего не делает.

Девятитысячекилометровый перелет АНТ-25: Москва – островок у Николаевска на Амуре. Беспосадочный!! Арктический!! Большие дни, большие времена. Мысль невольно ищет ответа на основной, мучительный, надоедливый вопрос: как эти прекрасные победы человеческого гения отразятся на ближайшей, роковой, апокалиптической войне?.. Всё и все – под ударом. Радиус истребления – безграничен. Химический дождичек закрапает везде и всюду. Что ещё! Как это у Брюсова: Всё роковое – божественно.

В этой огромной исторической рамке продолжается оживлённая микро-жизнь. Водопой, колит, розовая незнакомка, сегодня внезапно поголубевшая, поездка в Сочи, экономгеография – *suum cuique** [Каждому своё (лат.)]. Есть некая изысканная прелесть в капризном пересечении линий большой истории и этой милой микро-жизни: истоки грядущих "Войны и Мира", Стендалей и Гюго... (11 ч. дня).

28 июля 1936 г. Перечитал "Герой нашего времени" – в рамке его ландшафта; *genius loci** [Гений, дух – хранитель местности (лат.)] усиливал эффект: Машук, Бештау, воды, бульвар.

Прекрасно. Гениально. Недаром Толстой – Толстой! – считал прозу Лермонтова лучшею в русской литературе. Да, классика. Содержание? – Двойная призма: чувство, с которым читал эти строки в ранней, ранней юности, почти отрочестве – помню, в светёлке, вечером! – и нынешний душевный статус. Былое врывается в сегодня. Могу повторить печоринское признание: – Нет в мире человека, над которым прошедшее приобретало такую власть, как надо мною. Всякое напоминание о минувшей печали или радости болезненно ударяет в мою душу и извлекает из неё всё те же звуки... Я глупо создан: ничего не забываю, – ничего!

Но всё-таки, сегодняшнее впечатление? – Оно имеется. Остро, явственно слышно, что это пишет юноша, – гениальный, несравненный, исключительный юноша, но всё же – юноша. Он достаточно умен, чтобы взглянуть на Печорина "со стороны", но слишком молод, чтобы эта сторона была запретной. Юношеская разочарованность. Юношеский задор. Бессмертная романтика юности... (12 ч. 20 м. дня).

30 июля 1936 г. Сочи. Море. Открылось у Туапсе – вечно волнующееся изумрудное чудо. Чёрное море. Не виделся с ним ровно двадцать лет. Довелось. От Туапсе до Сочи – около двух часов над морём, зеленеющим, голубеющим, сверкающим бликами, "смеющимся". Быстро южнеет пейзаж. Кипарисы. Буйная, цепкая, в лианах, трава, стрекочущая кузнечико-цикадную живностью. Силуэт однотрубного парохода. Мысок, весь в строениях. Сочи. "О, ветер горячих взморий./ Где спит в олеандрах рай...". Да, рай, только не спит, а бодрствует... Рай. Особенно в "дендрарии", ботаническом саду, бывшей вилле купца Худякова. Толстоствольные, разнovidные пальмы, олеандры розовые, олеандры белые, кипарисы... (7 ч. 30 м. утра).

31 июля 1936 г. Вчера на полуфразе оборвали – нужно было трогаться в Гагры. На легковом фордике по прекрасному асфальтированному шоссе, тянущемуся вдоль моря. До Мацесты – новая широкая, роскошная трасса, с фонаря-

ми на излюбленный японский лад – белые шары, – дальше старая, более узкая, но тоже отличная дорога. Хоста. Адлер. Дальше – абхазская граница: мост, по один конец коего стоит русский милиционер, а по другой – в той же форме – абхазец. *C'est tout** [Вот и всё (фр.)]. Слева – горы, кое-где с вершинами, белоющими снегом. Буйная, обильная растительность. Ветер хлещет в лица, шумит в ушах. Хорошо! Пляж. Солнце, пальмы, море, парк, цикады, горный водопад, вино "Букет Абхазии", "Аромат Абхазии". Санаторий. На скале – и сам под скалу – бывший дворец принца Ольденбургского. Ныне тоже дом отдыха. Отдых. Здесь – вечный отдых в государстве труда. Перманентное веселье. Со всех концов страны стекаются люди – веселиться и отдыхать.

Сегодня – обратно на минеральный водопой. (7 ч. 20 м. утра).

1 августа 1936 г. Сегодня вернулся. Опять "Люкс", нарядный вагон-ресторан, замечательный метрдотель, поэт своего дела, подобно харбинскому Гидуляну, кривошеему Плохотнюку. Каждое дело родит своих мастеров. А такое дело, как еда, – сугубо: гастрономия вечна и универсальна, как любовь. "Давайте напишем поэму, которой тема – еда!"

Царства и революции проходят – еда пребывает, *manet** [Не изменяется, пребывает постоянной (лат.)]. Ещё не воскресла у нас по этой части дореволюционная "сладость жизни", – однако ласточки уже налицо. Метрдотель – сверхклассовая и сверхнациональная категория. Это – общечеловеческая ценность, подобно бифштексу по-гамбургски и осетрине по-гречески.

Хороший поезд, хорошая дорога. Лунное море, дорога серебряного света. Вдали – фонари, огни, комбинация светлых точек. У Туапсе – мигающие сигналы, зелёный и красный: маяк? Тепло, тихо, у берега – монотонный шелест камней. Южная ночь. Выхожу на станцию Туапсе: жарко, душный зной юга, над табаком – серый бражник, ловлю его руками и выпускаю: здесь их – сколько угодно. Прощай, море!.. (9 ч. веч.)

2 августа 1936 г. Самшитовый лес в заповеднике близ Хосты: сильнейшее впечатление. Нечто сказочное, заколдованное. Изогнутые стволы и ветви все в пушистом, густом, теплом мху. Чаща странных существ, застывших, лохматых. Анабиоз увековечил их корчи, страстная жизнь их перешла в оцепенение мгновенно. Ландшафт чудесной и в то же время жутковатой сказки. Тут же – камни, каменная земля, и деревья кажутся каменными, тяжкими, – да и впрямь они тяжки, даже тонут в воде; они плотны, и недаром они так ценятся. Самшитовое дерево – ценнейший экспортный товар: оно идёт на челноки в текстильных машинах, на шарикоподшипники. Оно оцепенело, окаменело при жизни, в жизни, и листья у него какие-то замороженные, замёрзшие – не листья и не хвоя, – восковые. "Лабиринт". Спускаешься по сырým камням, вокруг эти распятые мшистые существа, – будто очутился где-то на дне моря, не то привязался причудливый, вязкий, нереальный сон.

"Эти мшистые виденья сердце тянут, как магнит..." Да, поистине неистощима изобретательность природы! (10 ч. утра).

8 августа 1936 г. "Шашлык из баранины 8. / Шашлык из барашка 8. / Котлеты деволыя 7,50. / Яичница из трёх блюд 2,35". В Тифлисе, в туземном

квартале, в шашлычной. После серной бани. Два стакана красного вина, навязного и сердечного, как Грузия. Шашлык.

Блаженное состояние. Давно такого не было. Дикая экзотика, что-то переключается в душе серебряными колокольчиками, симфония реминисценций, не знаю что. Горячая, с запахом вода, стальные лица "тёрщиков", особенно одного: варвар эпохи Рима. И – отрешённость. Правда Руссо. Вернее диалектика этой правды. Гершензон из "Переписки". Насмешка над Руссо – "историческим". Бог с ним – с Руссо. Бог со всеми, в том числе и со мной самим.

А вот это меню (см. выше) – это вещь. Вот это – жизнь! Стоит жить. – Ради леса, чёрт возьми, вербены, котлеты деволяй и яичницы из трех блюд!!! (2 ч. 45 м. по-тифлисски).

9-10 августа 1936 г. Сегодня я приехал в Батум и снял комнату недалеко от вокзала у добрых простых людей, куда меня привёл тоже, вероятно, добрый и, несомненно, весьма веснушчатый комиссионер.

В садике у дома процветают мандариновые и лимонные деревья, и зелёные их плоды прямо радуют взгляд. Тепло. Даже жарко. Сейчас – тёплая южная ночь. Мне всегда при этом вспоминается описание южной испанской ночи у Достоевского в "Великом Инквизиторе". Керосиновая лампа. Часы-"ходики", не желающие ходить, предпочитающие хождению стояние (быть может, они и правы!). Пузырёк с эфиром, флакон одеколona, кувшин с водой. Лаёт где-то по соседству собака. В голове – реминисценции двух стаканов выпитого во "Флориде" красного вина, на душе... Что на душе? – Много. Слишком много. "Широк человек, я бы сузил". Откуда это? – Митя Карамазов.

Мысли, мысли... Одиночество – небезопасно: оно рождает самоанализ, вредный для организма. О том, о сём. Я пришёл, а ты готов? Да, готов. Теперь готов, не вру. Пожалуйста. И при этом – знаю: жизнь чудесна! Что может быть прекрасней жизни? Довольно рефлексии. Описать Батум. Сквозь призму, конечно, без неё не обойтись. Но всё же Батум, – не свою надоевшую "вулицу". Спать, однако, убийственно хочется. (Часы идут, как хотят, ночь).

10 августа 1936 г. Утро. Тепло, воздух ласково-влажный, но не мокрый, не мучительный. Сейчас пойду на Зелёный Мыс. Красота. Какой вчера закат! Игра красок, комбинат моря, пальм, гор. Как во сне. Как в раю. Почему рай нам представляется непременно тропическим или, по меньшей мере, субтропическим? А может быть, он – в берёзах, в овражках Калужской губернии? И майские жуки. И сирень.

Ерунда. Рай – всё, "всецелое и завершённое". Всё во всём. И наши меняющиеся интуиции – его последовательное, бесконечно исконное, безгранично фрагментарное раскрытие. Музыка. "Голубой Дунай", шум и сияние моря, светлеющая тучка на тёмной груди горы... (9 ч. утра).

11 августа 1936 г. Батум – небольшой, чистенький город. Асфальтовые улицы, нет трамвая с его вульгарным гроыханием, южная, субтропическая зелень. У моря – бульвар с благородной, строгой колоннадой. Кругом – горы ярко южного ландшафта; нечто турецкое, юго-восточное, малоазиатское, евангельское. Море. Краски. Преобладают розовые и лазурные.

Воздух густой, как смола, как душистые масла.

Люди должны быть мягче и нежней под ласками этой щедрой природы, такой благожелательной, такой доброй. Когда церковь молится "о благорастворении воздушных и изобилии плодов земных", – вероятно, перед умственным её взором струится вот эта вязкая теплынь, этот аромат рождающего лона. Но нет-нет, и в эту сияющую благодать, в эту душистую симфонию земли, природу дерзко исправляя, врываются – о, боже мой! – фокстрота музыка блажная и нефти запах мировой... (7 ч. 45 м. утра).

11-12 августа 1936 г. Чаква. Чайные плантации, чайная фабрика, в этом году дающая 1,7 миллионов кило чая (в прошлом году – 800 тысяч), может дать и больше. Остановка за сырём. Приятное производство. Ароматное. Благородное. Машины: скручивание, сушка. Горячее чайное дыхание – в сушильне. Нарядные плантации. Кустики, непривычные на взгляд, тёмные, ровные, аккуратные. Что-то южное есть в самом их облике.

Из Чаквы пешком, чайными плантациями, затем мандариновыми рощами – в Ботанический сад. Второй день – впечатления райского пейзажа. Столовка тут же – однако, далеко не райская. "Борщ" (т.е. щи) и "соус" – нечто вроде "гуляша" былой нашей студенческой эпохи. Лопай, что дают. И на том спасибо. Спать хочется. Жаль, что не могу заставить себя взяться за перо и записать наличные впечатления. Один воспринимательный аппарат работает, обрывки глупых строк бродят в голове, но путного ничего не выходит. Пишу открытки: "Мелькают спутники и виды. Вином и солнышком согрет, я всем из пламенной Колхиды, шлю субтропический привет". (12 ч. ночи).

12 августа 1936 г. Хозяева мои – милые люди, грузины, немудрящие. Хозяин – рабочий, столяр, выходец из крестьян; сейчас плотничает, ибо, по его словам, и столяром сейчас больше тех же трехсот рублей в месяц не зарабатываешь. Любопытно беседовать с ними. Вчера разговорились о детях. У них двое: девочка восьми лет, сейчас живущая в деревне у знакомых, и мальчик Юра шести лет, любитель кинематографа: просится, хныча, туда с утра. Видимо, дружная семья. Девочка уже учится в школе. Хорошо учится. И вот:

– Большую глупость сделали: отдали её в грузинскую школу, а не в русскую. В этом году надо переводить... – А что? – Да куда же ей без русского образования? Без русского теперь нельзя, теперь не то, что недавно... На что грузинский? С русским и дальше учиться можно, и ехать куда хочешь. Теперь много, много идут в русские школы. А куда денешься с грузинским?.. Вот наш племянник хотел идти в военное училище, а по-русски писать не умел, только по-грузински. Ну, и не приняли... А с русским – повсюду. По всей стране, куда хочешь, да и за границей...

Нужно ли говорить, что эти простодушные излияния звучали в ушах моих божественной симфонией?!

На пляже. Молодой парень аджарец, выпускного класса средней школы. Охотно вступает в беседу о Москве, о Чкалове, об Испании, о том, о сём. В свою очередь, и я интересуюсь им.

– Куда же Вы думаете после окончания школы? Вы и Ваши товарищи?

– Дальше, конечно. В вуз. Мечта наша, общая, однако, – не Тифлис, а Москва или Ленинград. Почувствовать в столицах. И интересно, и дорога оттуда широкая.

Да. Вот что такое "ленинско-сталинская национальная политика"! Да, да: есть многое в нашей истории, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам, Столыпиным и Милоковым. "Не русификация, но – русские". Органически, свободно, изнутри. Повторяется старое: *civis Romanus sum** [Я гражданин Рима (лат.)]. Люди гордятся – я советский гражданин. Магнит великой социальной системы, магнит великого государства. Местная молодёжь на бульваре нарочно говорит в своей среде не на родном языке, а по-русски!!!

Замечательно. Подлинно гениально! И в точности – по Ленину, всегда понимавшему значимость централизма и великого государства в нашу эпоху. "Просто" – и гениально. В исторической перспективе мелконациональный шовинизм обречён, как бы ни трепыхался он ещё сегодня и завтра. Да здравствует СССР! Да здравствует советское государство! Да здравствует советская нация, единая и великая!.. (вечер).

Базар. Сочная, красочная картина. Любят такую рисовать художники, описывать писатели. Зрелище, "достойное – скажем – пера Верхарна или кисти Рубенса". Восточный колорит. Вот две женщины в чёрных покрывалах, как монахини. Лица их открыты, и я вижу, что одна из них красива и молода: "Атласнее морского котика её пушистая щека, и веет тёмная экзотика от траурного её платка" – сами собой экспромтом навёртываются строки, не слишком, впрочем, безукоризненные: дважды неблагозвучные соседства двух "т".

А вот ещё фигура, – у этой занавешено чёрной материей всё тело – с ног до головы, как в японском театре недействующие, обслуживающие сцену лица: считайте их отсутствующими. Есть нечто зловещее в этом присутствующем отсутствии, воплощённой бесплотности.

Гортанный говор, выразительная жестикуляция. Необыкновенное разнообразие головных уборов у продавцов: барашковая высокая и широкая шапка, рядом лёгкая белая полотняная панама, рядом советский картуз, дальше – нечто причудливое, вроде чалмы, дальше – широкополая войлочная круглянка. Свистки милицейского – видимо, больше для порядка, нежели по конкретным поводам. Толчя. Публика уже вовсе разношёрстная – смесь лиц, наречий, состояний: "Широка страна моя родная!" Товары тоже пестры и разнообразны.

Прекрасные персики, напомнившие мне Капри. Арбузы, дыни, яблоки, груши. Орехи, лавровишни, сливы. Мясной ряд – запах свежей баранины, суплока хозяек. Овощи: горы помидор – трюфелей нынешнего грузинского стола, – огурцы, картошка, кабачки лиловые, лук. Молочный ряд: специфика – местные сыры (брынза). Птица: утки, куры, цыплята. Есть и мучной сектор: кукурузная мука, немного рис. Обилие кукурузных посевов здесь вообще бросается в глаза: "кукурузная республика" – зовут соседнюю Имеретию издавна пикирующиеся с ней кахетинцы. Наконец, непривычным для наших глаз товаром выглядит на базарных лотках табак. Кучи табака разных сортов. Продаются его и на улицах – из-под полы; мрачного вида прохожий бурчит себе под нос, не поворачивая головы: "Есть табак; не нужно ли хорошего табака?"

Люблю базары. И всегда любил. Врождённое тяготение: быть может, деды были лабазниками? Есть какая-то поэзия в этих городских "брюхах", какой-то прилив полнокровной жизни. В детстве любил бывать с папой на калужском базаре. Студентом частенько заглядывал в Охотный ряд – чистого созерцания ради. В Париже, в Омске, в Пекине – непременно устремлялся на заветные площади и с наслаждением ловил аромат места, *specialite de l'endroit** [Специфика места (фр.)]. Слава, конечно, и университетам, слава музеям и храмам, – но честь и этим священным очагам плоти, этим алтарям быта!

К старой коллекции батумский рынок присоединится не последним экземпляром. Трижды мешался там в толчее, вдыхал и общее в частном, и частное в общем... (ночь).

Флюиды N.N.

Мелькали чужие лица, / В вагоне было темно. / "Мы будем за Вас молиться", – / Послышалось мне в окно. С тех пор прошумело много / Воды, людей, городов, / Вилась змеёю дорога / От тропиков до снегов. Бродили смутные думы, / Брала на мушку тоска – / У колоннады Батума, / В ущельях и облаках. Но что-то в груди теплело, / Куда-то тянулась нить, / Без цели и без предела / Хотелось мечтать и жить. ... И снова будет казаться / Тайнственным каждый миг: / Как будто и впрямь струятся / Флюиды в планах иных!.. *ПЭЛ Тифлис 13-14/VIII 36* (ночь).

13-14 августа 1936 г. Глубокая ночь – четвёртый час. В Тифлисе. Приехал из Батума в два часа. Койки в комнатах при вокзале не оказалось. Сел в трамвай, отправился в город – до Эриванской площади. Оттуда пешком по улице Руставели. Пустынно. Знакомые красивые здания. Спал дневной зной.

Голоса, распеваящие песни, где-то внизу. Сквер, дальше лесенка. Спускаюсь. Кабачок в палисаднике. Шашлык. Вот сижу под белой акацией и чёрным небом. Несколько компаний за столиками. Кабинки-кабинетки у стены. Повсюду – вино. Навеселе. "И пьяницы с глазами кроликов... Поют. Дико звучат непонятные, непривычные песни. То здесь, то там. За тем столом – армяне, здесь и дальше – грузины. В кабинке небольшая русская компания. Поют по-своему – по-армянски, по-грузински. Разобщённо. Потом вдруг – с одного столика: "Проведёмте ж, друзья, / Эту ночь веселей..."

Что это? Вот и другие столики подхватывают эту песню, и она уже звучит и здесь, и там, везде, со всех сторон, всеобщая, бесспорная, объединяющая... "Налей, налей, товарищ, / Заздравную чару, / Бог знает, что с нами / Случится впереди..." Да, общий язык! "Всечеловеческой гармонии и братства". Да, без иронии. Общий язык, сметающий перегородки телесные и душевные. Русская студенческая песня. И я сам готов ей подтягивать. Как это радостно, как это бесконечно трогательно и утешительно...

Пришлось после шашлыка спросить стакан белого, точнее, розового винца. Автобус Военно-грузинской дороги отходит в 6½ часов. Нужно *passer le temps** [Убить время (фр.)]. Нехорошо: – перед отменной экскурсией – бессонная ночь. Буду сонно оглядывать горные красоты, клевать носом. Беда! Но как же быть? Голова полна впечатлений. Сегодня отлично проехал от Батума сюда. Опять Бо-

танический сад, Чаква, Кабулети, чайные кусты, мандарины, криптомерии, бамбук. Опять – "Банан ушастыми листьями шуршит и хлопает, как слон..."

И дальше. Очаровательная горная дорога, благодатные места. Станционки: мальчишки и женщины, суетясь, продают арбузы, дыни, инжир, печёную кукурузу. Живописные поля на горах, оживлённые виды. От Самтреди до Тифлиса везёт не паровоз, а электровоз: путь электрифицирован. Чисто, вместо дыма – голубые шары. Рион, РионГЭС: трубы сверху, просто, изящно, конструктивно, немного стройных столбиков, немного проволочки, кокетливые изоляторы, – поэзия техники! У ст. Джугели – марганцевый, обогатительный, что ли, либо ферромарганцевый, не знаю, завод. Речка Чинтура – вся чёрная: в ней промывают руду. Это не мешает ей быть, говорят, весьма рыбной. Хашури – ветка на Боржом, Бакуриани. Агара, известная сахарным заводом. Гори – родина Сталина. Под Тифлисом – ЗагЭС, с памятником Ленину, ярко освещённым. Тифлис. ...Смотрю сквозь листву на небо, – нет, ещё не голубеет, не светлеет. Наверно, день тут приходит столь же внезапно, как ночь.

Сегодня в вагоне – интересные попутчики: арктический лётчик Н с женой и красивая грузинка, жена ленинградского профессора военной академии, орденосца, характерный экземпляр нарождающейся советской аристократии. Лётчик же – милейший парень, герой. Весь светится прекрасным патриотизмом, духовностью, идеализмом. Любит воздух, снега, своё дело, свою родину. Да, герои, подвижники. Так было, есть и будет. (ночь, часов пять).

17 августа 1936 г. В Железноводске третий день. Завтра – в Москву. Вокации кончены. Уже облегают душу земные заботы, перспективы сезона. Работал здесь плохо, в сущности, почти не работал: в 40 дней сделал то, что можно было сделать в 10. Выезжаю в плавание неоснащённым. Зато есть надежда на выздоровление. Это – важно. Тогда – приналягу. Поживём – увидим. На политическом горизонте – вновь тучи: процесс партийных двурушников, врагов, троцкистов, зиновьевцев. Извлекаются из небытия Зиновьев и Каменев, очевидно, чтобы вновь вернуться в небытие (думается, политическое, а не физическое). Повидимому, центральная фигура процесса – Троцкий, морально-политический расстрел которого поставлен обстановкой в порядок дня. Действительно растёт злора против этого человека, эгоцентрически мстящего судьбе и советской стране за свой провал. Совершенно ясно: кто подтачивает систему СССР, тот объективно лётит воду на фашистскую мельницу. Да, троцкизм – "передовой отряд международной контрреволюции". (1 ч. 20 м. дня).

Военно-грузинская дорога. Любопытно. Цитатами из Лермонтова кажутся и Казбек, и Терек, и замок Тамары. Выехали из Тифлиса в половине седьмого утра. Приехали в Орджоникидзе в три часа. Восемь часов быстрой езды: полчаса ушло на две остановки. Открытый автобус, тесно усеянный людьми. Шофёр – русский, с обликом и чертами этого репрезентативного слоя по Кайзерлингу. Международная категория. Квинтэссенция эпохи.

Арагви. Долина, потом подъём. Горы с белыми жилками. Вьётся дорога – вверх, вверх. Бараны. Хевсурские сакли. Дичь. Ветерок. Но тепло, греет

солнце, в рубашке не замёрзнешь. Однако снежных жилок больше – там и сям. Все выше и выше. Около двух с половиной километров над уровнем моря. Перевал. Кручи, срывы. Внизу пенный горный поток, кажущийся застывшим, замёрзшим: течения не видать. Дымка, голубоватый налёт. Горизонта нет: везде горы. Спуск. Дальше, дальше. Самый эффектный участок дороги. Казбек. Затем Дарьяльское ущелье.

Сначала показалась Шатгора, без седой, однако, головы. Селение Казбек у подножья Шаты. И напротив – взмытая кверху снежная масса, больше чем наполовину закрытая упрямым, навязчивым облаком. Оживлённо стремятся вниз мутные потоки. Величественно. Внизу – масса блестящего своеобразного камня. Это – андезит, кислотоупорный вулканический камень. Идёт добыча его. "И железная лопата в каменную грудь..."

Дальше. Терек становится бурливой, ободрённый резервами с Казбека. Долина превращается, между тем, в теснину, горы толпятся с беспорядочной торопливостью, словно куда-то спеша и протискивая, расталкивая друг друга. Кажется, вот-вот тупик, и дальше двигаться некуда. Расцветка их становится вызывающе декадентской, пестроцветной до головокружения. "Зелёное, лиловое, серебряное, алое..."

В такой теснине тесно сердцу, перехватывает дыхание. И вместе с тем что-то поёт в груди, – вероятно, рефлекс красоты. Мужественной и в то же время изысканной, дикой и в то же время утончённой. Тут и замок царицы Тамары, развалины. И опять невольно губы шепчут знакомые с незапамятных пор слова и строки. Так сплетаются "природа" и "культура" в один неразрывный, неразложимый клубок... (ночь).

28 августа 1936 г. 20-го приехал в Москву. В Институте выяснилось, что приём на экономический факультет столь скуден, что неизвестно, состоится ли первый курс. Вместе с тем оказалось, что тот курс, который на эксплуатационном факультете хотели поручить мне, перенесён на весенний семестр. Таким образом, неясно *que faire** [Что делать (фр.)] в ближайшее время.

Прошумел процесс троцкистско-зиновьевской банды. Снова острое дыхание истории. Неприятный осадок. "Шайка потерявших облик человеческий прохвостов". Даже обидно, что эти люди из ленинской когорты – Зиновьев и Каменев – не нашли в себе сил хотя бы помереть прилично. Но вместе с тем, пожалуй, тем лучше: возбуждая чувство отвращения, по преимуществу, они не будут опасны за фобом. Это не жирондисты, не Дантон. Консолидация партии, столь нужная стране, не нарушится пролитой кровью.

В № 8 "Звезды" – отличная статья Мирского о Блоке. Снова и снова светится в сознании родной навеки образ, возмущая душевные кличи. Уюта нет. Покоя нет. "Ах, если б мог я научиться / Бессмертной пошлости толпы!.." (11 ч. дня).

30 августа 1936 г. Досаждает голове мрачный комплекс зиновьевщины. Отгоняешь его всячески – напрасно; и ночью, и днём лезет в глаза души. Отреагировать бы статьёй, – но кому нужна моя статья?! Чистая атмосфера расцветшей страны – и душный смрад подполья... и запах крови. Хочется скорее выйти на свежий воздух, снова зажечь радостной жизнью молодой страны.

Троцкий!.. Злая сила, оса, жалящая при первой возможности. Вредитель. Всё-таки эта тактика – ниже его таланта и его кругозора. Да, она – падение. Кто не с нами, тот против нас: так поставлен вопрос историей. Кто не с Москвой, тот с Гитлером, Гестапо, Араки. Глупости – насчёт "тезиса Клемансо"! Ослабляя позиции Москвы в плане международного рабочего движения, троцкисты явно помогают Геббельсам и Розенбергам. Честолюбец? – Да. Честолюбец, позёр. Его укусы в какой-то мере болезненны: он играет на исконных струнах социал-демократии, атакуя некоторые конкретные особенности, известные черты современной стадии нашей революции. Лавры Герострата! Досадное осложнение. Но на подъёме оно не так опасно. Ликвидация сектантства, ставшего уголовщиной. "Калёным утюгом". (11 ч. дня).

4 сентября 1936 г. Утро. Маленькая комнатка на Зубовском бульваре, чайник, в лавочку за маслом и хлебом, один... Осенняя Москва. "На старости я сызнова живу". Совсем как некогда, в студенческие блаженные, незабвенные годы. Какая-то тёплая отрада разливается в груди. Да, четверть века назад! За пыльным окошком дождь, желтеющие листья, заборы, красная крыша сарая. На столе – книги, тоже вечные спутницы... А дальше?

Дальше – собираюсь зайти сегодня в Наркомюст, к вождям (вождю?) Правового Института. В МИИТе вчера сообщили, что нагрузка в этом году, оказывается, ничтожная и что нет возражений против частичного, временно-го совместительства. Проснулась ностальгия своего предмета, своего дела: право, государство. Зайти, поговорить; если что-либо подойдёт, прекрасно. Говорят, у них бывают эпизодические письменные работы, рефераты, рецензии, статьи. Работают там Коровин, Кочеткян, Успенский, Дурденевский, сбоку примостился Фиолетов, примасчивается В.М.Устинов. Родное пепелище, зацветающее сезонной травкой!

За год освоился всё же с атмосферой, с методологией марксизма-ленинизма, с характером советского письма и преподавания. Органическая перестройка государственно-правового миросозерцания идёт своим чередом. Идёт своим же чередом и жизнь, историческая действительность. Наша великая революция вступает, вступила в синтетическую эпоху. И если мы ей в какой-либо мере пригодимся – отлично! Отлично – для нас. И, хотелось бы надеяться, неплохо и для неё "давай сюда и верёвочку..."

Десятые годы – *überwundener Stanfpunkt** [Сверхудивительная точка зрения (нем.)]. Но людям десятых годов ещё приходится жить и в тридцатых. Так что же?

Возврата явно нет к родным пенатам, / В былых мечтах не разберёшь ни зги. / Попробую солидным диаматом / Полировать склерозные мозги...

В десятые годы мы мальчишески не понимали диамата. Но вместе с тем – и диамат тогда ещё ходил в пелёнках. Эти четверть века не только перестроили нас, но сделали "солидным" и диамат. (10 ч. 15 м. дня).

1 октября 1936 г. Первый снег. В окне, на фоне тёмных ёлок и жёлтых берёз – полчища белых снежинок. "Мелькает, вьётся первый снег...". Нет, не так! Не "пушкинское" состояние духа вызывает он, нет. Совсем иное: эти мшистые пу-

шинки сердце тянут, как магнит. Трудно! Дай волю – и вовсе расплывётся, потечёт душа безвольным ручьём неизвестно куда. Или – известно? "Невольно к этим грустным берегам..." Жизнь – позади. То есть "житие" – "без божества, без вдохновения..." С лейтмотивом: пусть живут другие! Пусть живут, – и как прекрасно, как счастливо они вступают в жизнь и живут! Здравствуй, *vita nuova** [Новая жизнь (итал)] *moriturus te salutat** [Идущие на смерть приветствуют тебя (лат.)]. Жизнь прожита и рассказана, что-то завершилось, что-то отшумело, и с терпкою горечью, безнадежно следить за первым снегом последней черты... Спасибо, спасибо за всё. (2 ч. дня, Лосинка).

20 октября 1936 г. В миру шумно, в миру сложно... По ночам повернёшь включатель радио, и комната наполнится звенящим, говорящим, информирующим, агитирующим эфиром. Берлин прославляет "Kanonen"* [Канон, закон, система норм и правил (нем.)], Кенигсберг толкует Канта с национал-социалистической точки зрения, солидный Лондон подаёт Моцарта, поют хором чехи, кто-то воет по-гавайски, Коминтерн проводит испанский час, из Парижа доносится очередной водевиль. И ещё, и ещё. И лишь к трём часам нашей московской ночи, когда Вестминстерские часы величественно возвестят лондонскую полночь, эфирная суматоха начинает постепенно улегаться.

Шумно в миру, суетливо, тревожно, кроваво. Опять "предвоенное время". И уже льётся кровь – в местах, казалось, благословенных, городах и весях с такими певучими, романтическими названиями, впрочем, уже достаточно за свой долгий век насмотревшихся крови, и не только бычьей. Что же делать? Таков человек – "злая бесхвостая обезьяна"... Но разве в эфире не живёт также и Бетховен, не живут Гёте, Пушкин, не дрожит молитва и не дышит любовь? Человек, человек – какое шумное, какое сложное существо! (9 ч. 20 м. утра).

30-31 октября 1936 г. Слушал сейчас Испанию, потом в Берлине Геббельса и Гитлера, затем, в половине второго, политическую информацию из Парижа. Так даже и в Лосинке не станешь провинциалом! Этот чудесный ларчик, так просто открывающийся, превратит нас всех в граждан вселенной. В Мадриде – митинг-концерт в честь Советского Союза. Рабочий профсоюзный лидер Миндел дель Вайо (так, что ль?); наш полпред Розенберг. Волнующаяся связь идей, побеждающих и пространство и время. Эфир дышит историей.

В Берлине гудит Спорт-Палас, выкрикивает свою речь в честь десятилетия берлинской н. с. организации неистовый Геббельс. Kanonen! Вокруг этого канона – вся речь, истерическая импровизация, вгоняющая слушателей в раж. Да, оратор. Потом пение, музыка – и вдруг рёв приветствий, музыка, гром пушек, топот, ржанье, стон – и: – *Der Fuhrer schpricht** [Говорит фюрер]!

Снова взрыв воя, мгновенная прослойка тишины – и: опять эфир изрыгает историю быстро хрипнувшим баритоном. Плещутся идеи-страсти, идеи-силы, а спокойный диктор Парижа налагает дополнительный штришок, когда в зале Кальдерона лились благородные речи, на соседних улицах лилась кровь – от бомб Франко... Так пируют боги. (2 ч. 30 м. ночи).

2-3 ноября 1936 г. Великая горячка все эти дни. Срочная работа в Институте, потом лекция экономгеографическая о Японии, и потом ещё следующее:

Третьего дня, 31 октября, днём приехал ко мне в Лосинку сотрудник "Известий" и попросил написать к праздничному номеру газеты статью. Тема – Конституция и 19-я годовщина. Желательно, чтобы статья была живая, "читабельная". Оригинал редакция хотела бы получить к вечеру 2-го. Немедленно приехал в Москву и принялся за работу. Трудно было – приходилось одновременно и готовиться к лекции, и соками сердца писать статью. Решил написать боевую, острую публицистическую статью – без особой надежды увидеть её на страницах газеты. Но зато хоть *animam levare** [Облегчу душу (лат.)]. Академическую статью о конституции, может быть, напечатали бы, но вышла статья не на заданную тему.

Редактор отдела советского строительства выслушал терпеливо прочтённый мною оригинал, сказал, что посоветуется с товарищами и мне позвонит. Во всяком случае, *animam* (или *animum*) уже *levare** [Душа уже облегчена (лат.)]... (1 ч. 50 м. ночи).

18-19 ноября 1936 г. Ездил в Калугу, пробыл там пять дней. Дорогие могилы. До сих пор там – родина. Еду туда с волнением и радостью, и уезжаю отсюда с грустью разлуки. Край родной – географически, исторически, психологически, всячески.

Сизый сумрак утра. Муратовка, Азарово. Вокзал, извозчик – на Первомайскую. Еду – сюрпризом. Дом. Красная крыша, в прошлом году этим своим цветом всё ещё коробившая. Калитка. Тёмный, пыльный, полный жилых запахов коридор – и стучусь. Ещё спят. Затем – движение, слышу мамин голос, спросонья: – Что это, кто? Уж не Колечка ли приехал?..

Вот она – любовь, чистейшая и крепкая, как алмаз. Первая мысль, инстинктивная, либо привычная, – Колечка... Разве не теплее жить в холодном мире от такой любви?

Ниночка в туфлях на босу ногу: кто там? Милая девочка – *naues Leben stungt aus den Ruinen** [Новая жизнь встала из руин (нем)]. Знакомая обстановка. Да, *Ruinen*. Но разве и сами мы, разве и сам я – не *Ruinen*? Ушла жизнь, прошумела. А вот любовь ещё тлеет, греет. И раз так, – значит, и жизнь не ушла: *Liebe ist der Affekt das Seins** [Любовь – это бурная эмоция бытия (нем.)]... (1 ч. 50 м. ночи).

21 ноября 1936 г. Всё страшной, всё грозней – положение в мире. Повидимому, эта "передышка" начинает кончаться. "Или мы пройдем по трупу врага, или враг пройдет по нашему трупу". Таков тезис Гитлера. Что же, Ленин в своё время это предвидел:

– Либо по советской республике будут петь панихиды, либо по мёртвому капитализму.

Будем не только надеяться, но и стараться, чтобы состоялся второй выход из этой альтернативы! Напряжение во всём мире растёт. Фашистские диктатуры – волевые, беспощадные, знающие путь и цель – множат свои силы. Усиливаемся и мы. Совершенно ясно, что решающая битва исторически неминуема. Задача в том, чтобы расстановка сил в этой неизбежной битве оказалась наиболее благоприятна или, по крайней мере, наименее неблагоприятна для СССР. В свете

этой задачи особенно любопытна позиция Франции, Англии. Жадно ловишь каждую весть – из ночного эфира, из печатных листов бумаги... и самому хочется что-то говорить, писать, что-то делать... (12 ч. 15 м. дня).

25 ноября 1936 г. У радиоаппарата. Слушаю призывные звуки "Интернационала" – но в непривычном, единственном, историческом исполнении: поёт VIII Съезд Советов! Калинин уже произнёс вступительное слово. Сейчас будет говорить – Сталин! Звонок. Выборы исполнительных органов съезда. Предложение: – Избрать 29 человек. Перечисляют людей... Ворошилов... Овации. Энтузиазмом дышит сегодня Александровский дворец. Жданов, Калинин (аплодисменты) ...Каганович (овация)... Любченко... ещё, ещё... Молотов... Рукоплескания пока занимают большую часть времени – так и должно быть. Тов. Орджоникидзе, Петровский, Постышев, Рудзутак... Тов. Сталин! Снова буря, крики, взрывы восторга, гул, неумолкаемая овация (5 ч. 30 м.). Под этот гул, под этот восторг – хочется думать и хочется жить. Хочется, кажется, самому кричать... ...Сулимов, Хрущёв, Червяков... Товарищи, покорнейше прошу вас не шуметь – убеждает председатель. Вот и последний: – тов. Литвинов. Мандатная комиссия. Председатель – тов. Яковлев. Ещё, ещё. 22 человека. Принято. Порядок дня. Утверждено. Регламент. Акулов читает пункты. Обычный ритуал.

Сталин. Буду слушать (5 ч. 40 м.). ...Можно ли говорить, что наш рабочий класс является пролетариатом в обычном смысле этого слова? Нет, нельзя этого сказать... Это новый рабочий класс, которого в истории ещё не было. ...Наше крестьянство является новым, ещё небывалым в истории крестьянством... Это уже не заскорузлая старая интеллигенция... Теперь она служит народу, потому что нет больше эксплуататорских классов... Таковы изменения классовой структуры, произошедшие с 1924 по 1936 год. Падают противоречия между социальными группами. Нац. отношения... Трудные условия... Нужно было создать единое многонациональное государство. Печальный опыт Австро-Венгрии. Опыт построения многонационального государства на базе социализма в СССР удался полностью. Мы имеем теперь многонациональное государство, прочности которого могло бы позавидовать любое национальное государство в любой части света... Проект новой конституции. Различие между конституцией и программой... Конституция должна зарегистрировать то, что уже добыто и закреплено. Низшая форма коммунизма. Социалистическая стадия развития, таковы исторические рамки нашей конституции в данный момент. Наша конституция опирается на устои социалистического строя. Государственное руководство обществом, т.е. диктатура, принадлежит у нас рабочему классу, как наиболее передовому.

Несколько слов о буржуазной критике проекта нашей конституции. Пять групп критиков: 1). Попытки замолчать проект конституции; форма критики, – правда, смешная и глупая, но всё же форма критики. 2). Проект – не похож на Конституцию; ибо СССР не государство, а географическое понятие. У Щедрина – бюрократ-самодур, заметивший Америку: "откуда взялась такая страна? говорят, её открыли несколько веков назад, – нельзя ли снова её закрыть?" Я думаю, что господа из германского официоза как две капли похожи на этого бюрокра-

та... "Сие от них не зависит..." Потемкинские деревни? – Но: факты, а не обещания. Дуракам закон не писан (бурные аплодисменты). 3). Скептики. "Провалятся". Но провалятся скептики, как они проваливались раньше. 4). "Большевики отказались от диктатуры пролетариата". Расширение базы диктатуры рабочего класса. Эти господа запутались в своей критике и спутали левое с правым. Девчонка Пелагея из "Мёртвых душ". 5). "Проект конституции оставляет всё нетронутым". Да, проект оставляет в силе диктатуру раб. класса и господствующее положение коммунистической партии в государстве. В СССР нет почвы для существования нескольких политических партий.

Поправки и дополнения к проекту Конституции. Три группы: 1). Смешивают конституцию с текущим законодательством. 2). Носят декларативный характер. 3) Редакционного характера. И по существу. Нужно сдать в ред. комиссию, которую, я полагаю, выберет настоящий съезд. Предлагают, далее, изменить наименование "государство рабочих и крестьян". "Классы у нас остались, они ещё существуют... Конституция не может забегать вперёд". Признаки союзных республик: три признака. Возражения против второй палаты, и несостоятельность: многонациональный характер нашего государства. Нам нужна стойкость в законодательстве.

Принять поправки: равенство членов союзного Совета и Совета национальностей; прямые выборы членов Совета национальностей; повысить число товарищей председателя Совета Союза до 11; выделить оборонную промышленность. Новая Конституция СССР будет обвинительным актом против фашизма. Конец – 7 ч. 50 м. Заключительная орация.

Итак, исторический доклад о Конституции произнесён. Он выдержан в больших принципиальных тонах. Текущей политики в нём мало. Вопреки ожиданиям, докладчик не коснулся ни международной ситуации, ни Испании, ни троцкизма. Правда, заключение упомянуло о фашизме, указавши тем самым великую, основоположную контраверзу нашей эпохи. По первому впечатлению, останавливает внимание тезис: диктатура рабочего класса сохраняется, однако расширяется её база. И ещё: классы у нас ещё существуют. И в то же время конституцией зарегистрирован социализм в нашей стране.

Теоретикам раздолье для раздумья и рассуждений. Будущим историкам – божественная пища. Нам – великое счастье жить в такие дни... (8 ч. 10 м. вечера).

26 ноября 1936 г. Основное, характерное и вместе с тем глубоко отрадное – это историческая температура происходящего Съезда Советов. Съезд победы – и в то же время борьбы. Пафос диктатуры – и в то же время демократии. Дух равенства и братства. Демонстрация силы. Силы нового общества. Силы нашей страны. Исторической силы народившегося социализма. Увлекательное зрелище – живой, конкретный процесс рождения новой большой эпохи всемирной истории. Увлекательна прихотливая изогнутость путей, захватывающе интересна жизненная осложненность переходной исторической обстановки. Увлекательна динамика охвата жизненного материала новой творческой, великой идеей.

Активная идея. Активная воля. Высокое принципиальное руководство.

Идеократия. Великая страна. Великий советский народ. Великая культура. Великая русская история. От каждого по способностям и по труду. Все силы – нашей великой родине, великой нашей ре-волк (10 ч. 25 м. дня).

30 ноября 1936 г. Рассказывают об обстановке эпизода с "Богатырями", положившего демонстративный конец оплевательскому хамству по адресу нашего исторического прошлого.

Эта пьеса Демьяна Бедного шла раз десять в театре Таирова. И ничего. Говорят даже, сам Керженцев видел её. И тоже ничего. Многие по инерции похваливали: "здорово это он... действительно, "богатыри"... а как крещение-то? хе-хе..." Пришёл Молотов В.М. на спектакль. Смотрел, всё в порядке. По окончании, Таиров к нему – с книжкой для почётных посетителей. Не откажите, Вячеслав Михайлович, вписать нам на память Ваше мнение.

– Моё мнение? Разрешите подождать до завтра. Через день-два Вы его узнаете – из газет.

И через день-два Таиров узнал, а вместе с ним – *urbis et orbis** [Ко всеобщему сведению (правильно – *urbi et orbi*) (лат)]. Таиров – на свою беду, остальные – на великую радость. В самом деле, как не возликовать?.. Да. "В искушениях долгой кары, перетерпев судеб удары..." – восприняла великая наша страна, и гордая своей историей, своим настоящим и прошлым, бестрепетно смотрит в лицо своему будущему... (10 ч. 10 м. дня).

5 декабря 1936 г. Бегают впечатления, мысли, чувства, сны... Бегут дни, месяцы. Жаль, что не дано сосредоточиться, поймать хоть за хвост бегущие наблюдения!

Захватывающе увлекательна эмпирика великой эпохи. Живописна сложная и, зачастую, "противоречивая" динамика бегущих дней. Вдохновенны одинаково её диалектическая противоречивость и её диалектическое единство. Историк зафиксировал её основную направленность, отметит, конечно, и ряд её деталей. Но консервировать живой и неповторимый аромат её вряд ли ему удастся. Это – дело и долг современников. Но современникам сейчас – не до записей. Тысячи замечательных штрихов и штришков пропадают ежедневно не закреплёнными. Газеты наши и литература отражают жизнь в её магистральной устремлённости, но не в органической, всеобъемлющей её глубине. Газеты и литература причисаны сами и причисывают жизнь. Но и лохматая, но и неумытая, – наша нынешняя жизнь прекрасна. Прекрасна – огромной, величавой, полной драматизма и вместе с тем божественной иронии – исторической красотой! (9 ч. 40 м. утра).

6-7 декабря 1936 г. Праздник Конституции. Целый день радиоаппарат пылал патриотическим восторгом и социалистическим торжеством. Очередная массовая демонстрация по всей стране. Демонстрация общегосударственной солидарности и социального братства.

Хорошо! Отраднo. То, что нам недоставало, за что нас презрительно третировал Дюги: мы не были нацией в смысле концепции, которая требует от наций наличия общенародного сознания единства и целокупности. Когда-то я оспаривал Дюги, готов и сейчас признать, что он не прав по отношению к

нашему прошлому. Но вместе с тем – ясно: только теперь, только в последние годы поднята и встряхнута, как следует, активность масс, вдохнута в них некая элементарная, но зато и чёткая сознательность. Самосознание целого.

Искусство власти. В каком совершенстве владеет им наш ведущий слой, наша партия! Править такой страной, как наша! Да в такое время! Да ещё в таком плане, как наш, идущий наперекор всему буржуазному миру, т.е. всем государствам нынешнего мира! – Гигантская задача. Нечеловеческий труд! Несравненная смелость!

Казалось бы. А посмотрите, как "просто" это выходит у нас. Гладко, "естественно". Даже сразу не заметишь всего замечательного мастерства, тут необходимого. Съезжаются доярки, Макар Мазай, Алексей Стаханов избираются в редакционную комиссию для выработки окончательного текста Конституции, вырабатывают его совместно во всех уголках страны.

"Каждая кухарка должна управлять государством". Общее дело. "В ранце каждого солдата – маршальский жезл". Макар Мазай – это великолепно: это "репрезентативно", как сказал бы Кайзерлинг, *Ortega et tutti quanti** [Поголовно все (лат.)]. *Massenmensch** [Людские, человеческие массы (нем.)].

И в то же время – конкретный символ волевого упора, персонификация государства, персонификация социализма, воплощение нового плана бытия и сознания: – Сталин!

Это организующее, гипнотизирующее имя – имя-лозунг и имя-личность – есть логический, исторический и социальный фатум. Удавшаяся революция – великая революция! – да и в такой стране, как наша, многонациональной, да ещё с народами, привыкшими мыслить конкретно, должна получить явственное, осознанное, конкретное возглавление. И счастье – что она его получила! В самой удаче её – творится её сегодняшний лик.

Пусть это обстоятельство приводит в смущение, а подчас и в ярость коекого из "старых большевиков", диалектически превращающихся в контрреволюционеров; пусть оно вызывает привычно кривые улыбки у перманентных скопцов нашей горе-интеллигенции; оно не становится от этого менее необходимым и менее провиденциальным. Страна наша – не Дом учёных у Мёртвого переулка, а механика государственной власти Евразии в критический час всемирной истории не управляется рефератом по английскому конституционному праву доброго старого стиля. Да, нужен талисман, нужен – Сталин. СТАЛИН, чтобы привести в действие все эти торшеры, клапаны и пружины, эти людские системы систем, призванные спасти, перестроить, возвеличить наше государство и завоевать, утвердить, распространить социализм! Многомиллионный Макар Мазай и единственный, несравненный, любимый Сталин – понятия соотносительные. Соотносительные и организационно, и политически, и исторически. Кто этого не понимает или не "принимает", тому нет места в царстве современных реальностей и, кроме того, – "тот не любит отчизны своей!"

Чёрт возьми, разве не ясно, что страна совершала небывалый, невероятный исторический прыжок вперёд и что сейчас приходит в равновесие на новом мес-

те. Опаснейший момент! Этот прыжок вывел весь мир из равновесия, и ныне либо мы создадим новое равновесие в мире, либо... даже не хочется и говорить о второй возможности альтернативы. *Alea jasta est** [Жребий брошен (лат.)]. Нет же выбора. Ныне патриотизм неразрывен для нас с большевистским интернационалом. Самое бытие нашей родины неотделимо от её мировой позиции. Вот почему нужно, если случится, умереть в Испании и за Испанию Красного фронта, за советский Китай и т.п., понимая, что тем самым умираешь за свою страну, за её историческую судьбу, за её будущее, за её творческий Логос. Умирать – рядом с Мазаями – под стягом великого Сталина!.. (2 ч. ночи).

8 декабря 1936 г. День рождения. В Москве; домой, в Лосинку, не поехал. На душе – горечь одиночества. Грустно. Вечером – в Большой Театр, на "Кармен". Её музыка – исчадие, гнездо, рассадник реминисценций. Калуга, студенчество, Харбин.

Хороший день сегодня, лёгкий морозец, туман слегка, сизо-голубое небо. На Театральной площади – нарядно, бодро, хорошо. И фон – тихая душевная горечь. Один. Жизнь. Опыт жизни. В сущности, основное в жизни теперь – именно "опыт". Как это там, давно, у Соловьева: "О, боги вечные! Возьмите / Мой горький опыт и верните / Мне силу первых вешних гроз!"

*Unmöglich** [Невозможно (нем.)]. Да нет, пожалуй, и *unnutzlich** [Бесполезно (нем.)]. Больше того: *unwungchlich** [Нежелательно (нем.)]. Не нужно. За опыт уплачена целая жизнь, – зачем же его отдавать... хотя бы за вешние грозы!

Всему своё время. Нечего бунтовать, прибегать к парикю или хне. Бери, что дают, – обед в Доме Учёных, мемуарную "Кармен", эту терпкую горечь одиночества в окружении близких людей. Бери и, как воспитанный опытом человек, говори – "спасибо". (4 ч. 45 м. вечера).

14 декабря 1936 г. Опять – проблема политической статьи. Пока я слушал "Кармен" – позвонили из редакции "Известий". На следующий день – опять. Насчёт статьи о Конституции. К сожалению, праздничный номер вышел урезанным, в четыре полосы, и, мол, моя статья не смогла в него войти. Будет очень хорошо, если я напишу вторую статью, частично использовав для неё материал первой. Нужна публицистическая статья. Ну, что же, отлично. И эти дни – писал. Вышла статья под заголовком "Самопознание социализма". Мне кажется, получилось "нормально": статья - статьёй. Трудно было писать, по обыкновению и даже сверх обыкновения. Вчера отвёз её в редакцию. Обещали дня через два-три, после знакомления, позвонить. Подождём.

Не пройдёт – отложим публицистику в сторону. Специфического литературного честолюбия у меня как будто почти не осталось. Полезно – пожалуйста, я готов. Но самому протискиваться, проявлять инициативу – нет, не стану. Дисциплина, образованность – *uber Alles** [Превыше всего (нем.)]. Недаром прожита жизнь – и в какое время. (10 ч. утра).

16 декабря 1936 г. Ну, оглянемся, передохнём. Посмотрим на себя. Как живётся? Чем человек жив? Да что ж, – ничего. Что может быть любопытней жизни вообще, жизни мыслящей в частности, жизни нашего времени в осо-

бенности? Однако если взглянуть вблизи, жизнь полна будней: пять будних дней на один праздник. А будни полны заботами, малыми делами, мелкими заботами дня.

Старость: вот факт, всё неотвязней о себе напоминающий. Старость, переплетённая с болезнью. От болезни никак не могу, как следует, вылечиться, ну, а старость, по свидетельству опыта, заведомо неизлечима. Маленькие заботы: то экзамен по "правилам технической эксплуатации" железных дорог (путь, станция, сигналы, подвижной состав), то записки, отчёты, протоколы по кафедре – и вечно: зубрёжка цифр, названий, возня с картами – для экономгеографического курса. И вот изредка – праздничные взлёты родной публицистической стихии: как кажется, для редакционной корзины *par excellence** [По преимуществу (фр.)]. Две больших статьи для "Известий". (8 ½ ч. вечера).

17 декабря 1936 г. Нечего греха таить: акция "Известий" в какой-то мере меня вывела из состояния тихого равновесия. Публицистика для меня, несомненно, есть ОВ – отравляющее вещество. Написать "кровью сердца и соком жил": это не профессия, это – страсть.

К чему эта акция? Неужели и впрямь моё имя способно появиться на столбцах руководящей советской прессы?! *Invraisemblable** [Невероятно (фр.)]. Но тогда зачем же – повторная, вторичная акция? Нужно думать, люди действительно меня втягивают, не прочь втянуть в хорошую работу. Значит, дело за "высококачественной статейной продукцией"? Писал, как мог, "держа голову холодной, а сердце горячим". Но... *la plus belle fille ne peut donner que ce qu'elle a** [Самая красивая девушка не может быть красивее, чем она есть (фр.)]. Передавая статью, просил товарища Горелика (так?) откровенно высказать критические замечания. Он ответил, что прочтёт статью, посоветуется с товарищами и денька через два, через три позвонит мне. Сегодня – четвёртый день...

Жаль, что разговор происходил бегом, по телефону. Я хотел бы сделать маленькую персональную декларацию. Именно, хотел попросить, чтобы статью печатали только в том случае, если редакция признает её политически безукоризненной. Больше всего опасаясь я публичной враждебной "проработки" статьи после её напечатания. Если возможность такого казуса не исключена, ни в коем случае не следует печатать статью. Я так ценю свою жизнь на родине, своё легальное положение, свою позицию ни в чём не заподозренного советского гражданина, что не хочу подвергать всё это риску ради литературного честолюбия, мне уже чуждого. Если статья сама по себе подходяща, я ничего-де не имею против того, чтобы она пошла под псевдонимом. Никакого желания выпячивать своё "имя" у меня нет.

Теперь мне всегда бывает приятно, когда его перевирают: – Как вы говорите? Кустрялов? Устряев?

Отлично. Уйти в массовую неизвестность и в почётной массовой неизвестности тянуть наш общий, наш советский воз. Выполнять заданную работу на заданном участке. Подавлять беспощадно "ностальгию индивидуально", поскольку она не укладывается в заданный участок, заданную работу. Если поэтому из-за строк заданной мне статьи непрошено высовываются не-

уместные когти или уши, – в печку такую статью, в яму, в корзину! Нет у меня когтей, а уши... Эх, страничка кончена, и об ушах поговорим когда-нибудь в другой раз... (1 ч. 4 м. дня).

18-19 декабря 1936 г. Именины. Маленький "бал" в Лосинке, передвинутый на день раньше из-за выходного дня. Чай, ужин, беседа друзей, спутников первой, второй и вот уже третьей жизни. Именинный подарок сегодняшней номер "Известий" с подвалом "Самопознание социализма". Напечатали целиком и полностью. С тремя-четырьмя небольшими поправками. Большая политическая статья на страницах советских "Известий"! Хочется протереть глаза: – Что это? Не сон ли?

Нет, не сон. Явь. Волнующая и почти головокружительная. Поистине, – *es schwindelt** [Это головокружительно (нем.)!] Со стороны видней. Но могу ещё раз себе признаться: писал, не кривя душой и не малодушествуя. Кровью сердца и соком жил. Хотя и не без участия ума.

"Подошло"? Декабрь 1936. Неужели и впрямь я "имманентен" вполне, по-настоящему, великому советскому государству и его идее-правительнице? Если б так!

Однако статья-то, в самом деле, глядит со страницы "Известий". Это – "не обещание, а факт". Подошла и пошла, – но вот как ещё пройдёт? Будь, что будет. (2 ч. 20 м. ночи).

20 декабря 1936 г. Отмечу поправки, внесённые редакцией в мою статью: 1). На пятой колонке, в конце второго раздела. У меня было сказано: "советский вооружённый гуманизм". Слово "вооружённый" редакция пропустила (выкинула). Мотив понятен: не дразнить гусей. 2). На шестой колонке, конец предпоследнего абзаца. У меня было сказано: "великим актом самопознания и самопроверки". Слова "и самопроверки" редакция выкинула. 3). На последней колонке, конец первого абзаца. У меня было сказано: "патриотизм зоологический, бестиальный" etc. Слово "патриотизм" редакция заменила словом "шовинизм". 4). Последний абзац статьи. В первой фразе абзаца редакция вставила слова "ещё больше". Мотивы ясны: Сталинская Конституция – уже и сейчас оказывает влияние в различных сферах нашей жизни.

Опечатки: 1). Первая колонка, третий абзац. Напечатано: "Они есть". Нужно: "Она есть". 2). Пятая колонка, первое слово пятого абзаца третьего раздела. Напечатано: "Великая". Нужно: "Велика". 3). Последний абзац статьи, третья строчка от конца. Напечатано: "межой". Нужно: "Метой". (11 ч. 15 м. дня).

26-27 декабря 1936 г. По дороге из Института зашёл в кинохронику на Страстной площади. Нахожусь под впечатлением мадридских картин. Ужас. Бытовой ужас. Историческое величие. Эпизоды мировой революции, в которую человечество по существу уже въехало. "Второй тур войн и революций". Что-то нас ждёт впереди?..

По дороге в Институт, на площадке трамвая размышлял о реальной демократии и позитивной свободе – темах последней моей статьи. И на траверзе Университета пришёл в голову термин: телеократия. Власть цели. У нас властвует именно цель: строительство социализма. Этой цели всё подчинено

– и Советы, и партия, и сам вождь. Цель – правительница. Это лучше, чем "идеократия" евразийцев, отдающая чем-то "идеалистическим", интеллигентским. Наше государство пронизано целеустремлённостью: "ясность цели, настойчивость в деле достижения цели и твёрдость характера, ломающая всё и всякие препятствия". Позитивная свобода есть свобода в цели. В противовес демократии формальной, лицемерно нейтралистской – демократия реальная, телеократическая. Le mot est trouve!* [Определение (термин) найдено (фр.)]. (1 ч. ночи).

29 декабря 1936 г. Приятные письма – оба на редакцию "Известий", и пересланы оттуда. Одно – от старого профессора Голубова из Ялты, знавшего папу, маму, дядю Андрея, другое – от проф. Сырцова, бывшего коллеги моего по Перми. Оба приветствуют тепло и душевно моё "Самопознание социализма". По-видимому, и впрямь удалось мне затронуть какие-то хорошие струны у этого типа людей. Может быть, это и естественно: всё-таки статья написана "кровью сердца и соком жил"... Отзыв партийца из Наркомюста: – Некоторые мотивы статьи, конечно, не наши, но что же из этого? Нельзя же и требовать, – он же не коммунист...

А.З.Айзенберг всецело признаёт удачу статьи, но отмечает душок чуть-чуть, по его мнению, чрезмерной акцентировки авторитарности власти: "волевая, твёрдая" – это хорошо, но не слишком ли это у меня подчёркивается? Не думаю, что чересчур. По-моему, в меру, но меньше сказать об этом было бы несоответственно ни реальному, ни идеальному плану статьи... и существу дела. Ну, как бы то ни было, "еже писах-писах"... (11 ч. 15 м. вечера).

P.S. Читал сегодня в МИИТе лекцию по курсу экон. географии (электрификация СССР)

31 декабря 1936 г. У порога нового года. Уже второй новый год – на родине. У пристани. "В тихой гавани – все корабли..."

Прежде, бывало, это – новая мета на восходящем пути. Подведение итогов, формулы планов. Сейчас – совсем, совсем не то, не так. Сейчас – построение даже не пятого акта, а эпилога. Однако без налёта острого трагизма. Скорее, напротив. В основном, спокойное сознание посильно исполненного долга. И готовность, если нужно и если придётся, жить в духе того же долга и дальше. Вячеслав Иванов назвал меня когда-то "эпиком", чуждым трагическому мирочувствию. Тогда я был молод и в свите Е.Н.Трубецкого воевал против концепции трагического иррационализма Флоренского-Булгакова – В.Иванова. Как это всё далеко-далеко, как это всё давно-давно!..

Трагическое мирочувствие, мирозерцание. Потом я ему отдал дань – и в жизни, и в мысли ("Проблема прогресса"). Но, быть может, в основе, в корне Вяч. Иванов прав. "В конечном счёте" всегда жило во мне некое сверхлогическое убеждение, что "всё благо". Могучее влияние Гегеля? Религиозный фундамент детских лет? Это – осталось. Это пронесено через всю жизнь. Думаю, это уйдет со мною и в могилу.

...Детки спят. В половине двенадцатого их разбудим, и вместе, семьёй, встретим Новый год. Бутылочка Абрау-Дюрсо, крошон из бутылки белого

вина и банки калифорнийских фруктов, ещё уцелевших с Харбина. Чего же ещё? Что ещё надо? Ничего. Спасибо за счастливую, спасибо за интересную и – кажется, можно сказать – достойную жизнь. Если придёт пора, когда родная страна потребует тех или других "жертв" – всегда готов.

Какое счастье, что не оторвался от нового, молодого мира, и в то же время не ощущаю необходимости в каком-то лицемерии, в тягостной фальши перед самим собой! Вот уже сейчас одиннадцать часов, нужно накрывать новогодний стол, потом будить деток. Музыка у нас, музыка в соседних квартирах, гармония нового года, новогодней ночи. (10 ч. 56 м. вечера).

4 января 1937 г. Сегодня – снова вещей стук в дверь. От "Известий". Записка – от зав. отделом литературы и искусства: – Нужна статья о Пушкине. Пушкин в истории русской интеллигенции. Либо: – Пушкин в русской национальной культуре. Желательно – к 15 января. Газета замышляет пушкинский месяц. Большой юбилей. Опять боевая музыка в ушах старой полковой лошади! Только что уселся за стол и принялся за конспект экономгеографической лекции: – Концентрация превращает конкуренцию в монополию.

А тут – "весёлое имя Пушкин"! Панорама ста лет! Русская национальная культура!! Слово хор ангелов в первом акте "Фауста". И нет уже чаши с ядом... то бишь экономгеографического конспекта... И кружится голова, и проносятся райские видения. Что за несносный, отпетый, мальчишеский нрав! (4 ³/₄ ч. дня).

20-21 января 1937 г. Эти две недели – сплошное мучение над пушкинской статьёй. "Муки творчества" – в подлинном смысле. Так трудно, так бесконечно сложно! Что сказать о Пушкине?! Чтобы и содержательно, и читабельно, и в какой-то мере свежо. Как трудно даётся мне мой слог, мой "стиль"! Люди не верят, что "поту" в статьях моих гораздо больше, чем "таланта". Самый "талант" – в трудолюбивой преданности технике письма. Не помню, кто это из наших больших людей сказал, что "работа над формой есть дело благочестивое"...

Нет, но на этот раз было как-то особенно, как-то даже необычно трудно. Рождение в муках. И в результате – не полное удовлетворение. Статья без выразительного названия, статья с неудавшимся концом. Не хватило сил. Но в общем – сносно. Отнёс 17-го вечером в редакцию, продиктовал машинистке, оставил секретарше. Изгоева не застал. Что из этого получится? Пока места в газете нет: съезд Советов, а 23-го начинается процесс "параллельного троцкистского центра" – Пятакова, Сокольников, Радека, Серебрякова и др. (12 ч. 45 м. ночи).

21 января 1937 г. Вчера поздно вечером позвонил Коровин и сообщил, что умер Л.В.Успенский, от воспаления лёгких, осложнённого ещё какой-то жестокой болезнью. Кажется, сегодня похороны; надо справиться в Правовом Институте.

Бедняга! Видел его за это время всего лишь один раз; приходил он ко мне в прошлом году на Хохловский. Постарел как-то безобразно, пухло потолстел, но в субстанции остался всё тем же Леонидом Васильевичем, смешным, нелепо талантливым, философом милостью Божией и в то же время житейским хитрецом из поповичей, – тем же Успенским прежних трубецких

лет. Рассказывал о Камчатке, откуда только что тогда вернулся с полным карманом червонцев, высматривал себе дачку под Москвой – и по-прежнему цитировал новейшие немецкие философские книжки.

Помер. Первый из нашего университетского гнезда. Чей-то за ним черёд? И так сказать: всему своё время. Пойти бы отдать "последний долг". Но ведь "мы ленивы и нелюбопытны". Опять же, нужно ехать на вокзал, купить билет в Калугу: хочется съездить на праздники. (9 ч. 35 м. утра).

22-23 января 1937 г. Ночь. Радио откуда-то издалека изрыгает нечто певучее, теноровое. Написал с маху статейку для курортной газетки – так, шалости пера, мимолётный червонный клёв (через кафедру экономгеографии): "Бурят-монгольская АССР". Кроме того, списал сегодня на машинке статью П.А.Трейтера, старого моего калужского учителя истории; отвезу ему. Интересный старик – не утратил способности к размышлению и, что особенно отраднo, к гибкой мысли: с искренним сочувственным вниманием следит за нашей эпохой, за советской историей, хотя сам живёт в нищете и незаслуженном пренебрежении.

Хочу завтра съездить в Калугу. Заказал билет по телефону, обещали оставить. Калуга, зима, наш дом, Ruinen...

...Мысли лениво и легко катятся в мозгу, словно на коньках. Редко теперь случаются такие волготные моменты – надо ловить их. Но когда они приходят, совсем не знаешь, как их "поймать"... Вот хотел записать что-то определённое, предметное, а этот "скотинг-ринг"* [круглый ледяной каток, здесь – основанное на фонетике – значение "скотский круг" от англ. "skating-ring"] в голове помешал... Рассеянное состояние. Бывают такие летние дни с рассеянным светом. Солнце за лёгким, не густым, но сплошным покрывалом серых облаков. (1 ч. ночи).

29 января 1937 г. Только что приехал из Калуги. Ещё темно: предутренний час московского января. Допишу эту страничку и поеду в Лосинку, домой.

Опять и опять – Калуга. Родной дом, мама, любовь. Мир тишины, деталей, микрокосм, правда, возмущённый непосредственным дыханием макрокосма: радио. Но всё-таки, в основе – жизнь человека в натуральную величину. Или – под микроскопом? Холода, и в комнатах холодно. Для тепла горят керосиновые лампы, шумят примусы. Но всё же холодновато и изо рта выдыхается обильный пар. Старухи. Четыре старухи за преферансом. Вместе им за 300. И каждая – целый мир, прекрасный, как жизнь. Люблю беседовать с мамой. Теперь для меня это одна из первейших жизненных отрад. Аромат родного гнезда. Вот что такое – "пенаты и лары". Беседуешь, слушаешь – и хочется одновременно плакать, смеяться, улыбаться, и терпкие волны нежности заливают грудь. Спасибо, спасибо, что привелось дожить до свидания с ней! (7 ч. 40 м. утр)

30-31 января 1937 г. Приговор по делу троцкистского параллельного центра. Из 17 подсудимых 13 осуждены на смерть. Среди четырех счастливых – Радек и Сокольников: по 10 лет тюрьмы. Сложные переживания. Хотя гибель этих людей диктуется логикой истории, при вести о Радеке и Сокольникове

ощутил искреннейшую радость. Что это: интеллигентское слюнтяйство? уважение, – отвлечённое, цеховое – к "уму", к "таланту", к знаниям? вера, что эти люди способны всерьёз исправиться и пригодятся родине? — Во всяком случае, должен сознаться: когда диктор объявил, что эти двое останутся живы, органически ощутилось душевное облегчение.

В 5 часов – митинг на Красной площади: привет приговору суда. В комнату из радио-ящика неслись чувства миллионов советских масс. Гнев, ненависть к врагам, негодование. Шум, гул приветствий, музыка. Энтузиазм. Свобода. Социализм. Лёгкий поворот радио-рычажка – и снова шум, гул, приветствия, ура, восторги. Откуда это? – Берлин, Фридрих-штрассе. Четырехлетие гитлеровского "пробуждения". *Fakelzug** [Факельное шествие (нем.)]. Массы. Улица. Страсть. – Философия истории. Магия эпохи. (1ч. ночи).

3 февраля 1937 г. Заходил вчера в "Известия" – посмотреть статью, просмотренную и проредактированную редакцией. Встретился с тов. Изгоевым, редактором отдела литературы и искусства. Хорошо его помню по Харбину, где мы были в течение, должно быть, года или двух коллеги по "Новостям Жизни". В частности, припоминаю его большую критическую, полемическую статью в ряде номеров газеты – о моём "Итальянском фашизме". Подписывался он тогда "Момус". Это было году в 27-м. Затем он приезжал ещё раз в Харбин уже после советско-китайского конфликта 30 года и, помню, делал у меня на квартире (Соборная ул.) сообщение о колхозах. Производил всегда впечатление толкового журналиста.

Сообщил, что статья моя о Пушкине должна быть напечатана в ближайшие дни. Редакция исключила две фразы – в случае напечатанности статьи выпишу их на этих страничках. Редактор, однако, ещё не читал статьи, – читал её зам. редактора. Некоторые товарищи оспаривали кое-какие мои тезисы. Значит, о "принятии" её можно будет говорить только после напечатанности. Внёс в неё несколько исправлений стилистического порядка. (9 ч. 20 м. утра).

6 февраля 1937 г. Неприятная весть на службе. Айзенберг в любезной, дипломатичной форме сообщил, что мне не придется читать курса в наступившем весеннем семестре. И дал понять, что эта неожиданная перемена произошла в силу общего положения, властно предписывающего "бдительность". Несомненно, инициатива veto* [Запрещаю (лат.)] исходит не т. Айзенберга, а откуда-то со стороны или сверху.

Грустно. Вот уже год готовился – и снова без академической работы. Положение становится явно фальшивым. "Числиться" – а не "быть". До поры, до времени "терпеться" – так, что ли? "Чуждый элемент". В зоне "бдительности". Да, грустно, даже тяжело (нечего таиться). Помню, Энгельфельд в Харбине ехидничал: – Вы-то к революции лицом, да она-то к Вам задом!

Рок прошлого. Наследие собственного вчерашнего дня. Что же делать? – Что бы ни было, весь и целиком я – вместе с революцией, родиной, независимо от их отношения ко мне. *Fais ce que doit...** [Делай то, что должно (следует)... (фр.)]. (1ч. 40 м. дня).

10 февраля 1937 г. Тяжёлые дни для меня – в Институте.

Курс, мне предназначавшийся, ускользнул в другие руки. Накануне 7 февраля мне сообщил об этом Айзенберг. Затем, на следующий день, он же сообщил, что вообще, я оказываюсь лишним на кафедре экономической географии, а, следовательно, и в Институте. Эта информация, нужно признаться, была достаточно угнетающая, хотя она преподносилась в отменно нарядных пилюлях. У нас установились с А.З. Айзенбергом прекрасные отношения. Тем огорчительнее было узнавать от него столь неприятные вещи.

Я сказал, что говорю с Начальником Института. Мой собеседник горячо поддержал это решение. Я решил это сделать немедленно же. Но, зайдя в приёмную, узнал, что Начальник занят на совещании, которое продлится больше часа. Это было вечером, часов в семь, третьего дня. Из приёмной я зашёл в диспетчерскую и позвонил в редакцию "Известий" – узнать о судьбе пушкинской статьи. Секретарша Изгоева Пава ответила: "Ставим её на завтра". Сказал ей, что заеду посмотреть гранки. "Заезжайте". Отправился. На месте выяснилось, что нужно сократить статью на 73 строки, так как она не влезает в уготованное ей место. Какой неблагодарный труд, какая тягостная ампутация!

Черкал, кромсал – с чувством досады и отвращения. Наконец, выкинул 71 строку. По просьбе редактора странички, заменил заглавие: нужно было, чтобы в нём не было "Пушкина", ибо этим именем была озаглавлена вся страница. Ушёл, разумеется, в полной уверенности, что завтра статья появится. На другой день разворачиваю газету, – статья исчезла, и на её месте – отрывки из пушкинской "Истории Петра"! Беда не приходит одиноко. Пришла беда – открывай ворота. И в хвост, и в гриву.

Возвращаюсь к Институту. После ночи, проведённой весьма тревожно, еду в Институт. К Начальнику. Но ещё до этого, ранним утром, пишу на всякий случай письмо Л.М. Кагановичу. Заранее уверен, на основании слов Айзенберга, что Начальник даст мне сразу же чистую отставку. Витают мысли более "глубокого" порядка: видно, такова общая установка. Вероятно, есть какие-либо высокие директивы, и А.З. даже намекал на их наличие. Ну, что же, всегда готов. Ещё перед отъездом из Харбина говорил, что если для блага родины потребуются моя "жертва", понадобятся и мои "кости" – роптать не стану никогда. Но, конечно, грустно. Грустно, что служить родине приходится не разумом, не знаниями и опытом, а "костями".

Итак, иду к Начальнику Института. Ефим Иванович Медков. Молодой ещё (35 лет) инженер, всецело дитя революции. Кончил наш Институт, три года прожил в Америке, молодец. Человек воли, новый человек в полном и хорошем смысле. Это уже не из тех, кого называли: "хоть сопливенькие, да наши". Это – "всецело наш и отнюдь не сопливенький". Крепкий большевик, твёрдый администратор, дельный, знающий инженер. Беседа с ним носила вполне сердечный, можно сказать, характер. Я выразил свои огорчения, сообщил о фальшивом положении, в какое попал, и не скрыл своего беспокойства: очевидно, налицо политическое недоверие?

Он рассеял мои тревоги. Никакого политического недовольства мною нет. Напротив, линия моей работы в Институте политически правильна. Но есть тех-

нические трудности. Часов экономгеографии отводится мало, и наличные силы кафедры используются недостаточно. Но, во всяком случае, нет и речи о моём отчислении среди учебного года. Посмотрим летом, прикинем, – там видно будет. Ушёл я от него успокоенный, но, конечно, не совсем. Что же произошло, в самом деле? Почему не дали мне намеченного курса? Очевидно, был какой-то отвод. Парторг? Партком? Или извне? – Всё это для меня тайна. И, нельзя не признаться, грустная тайна.

Ночью, до беседы с Медковым, набросал на всякий случай обращение к Л.М.Кагановичу: *ultima ratio** [Последний, решительный довод (лат.)]. Но теперь, к счастью, его можно спрятать себе на память, не прибегая к нему. Начальник Института не поддержал заведующего кафедрой. Какова тут подлинная роль последнего? Неясно мне это. Я очень был расположен к тов. Айзенбергу и полагал, что он тоже относится ко мне хорошо. Даже и сейчас не вполне в том разуверен. Так в чём же дело? – Вопрос исторический *par excellence** [По преимуществу (фр.)].

В сегодняшнем номере "Известий" напечатана пушкинская моя статья. Это приятно. Жаль только, что она исковеркана сокращениями. К моей операции редакция прибавила ещё две досаднейших, хотя и мелких купюры. (Весь день.)

14 февраля 1937 г. С досадой размышляю об исковерканной пушкинской статье. Обидно. Нельзя возражать против правок принципиального порядка: это право редакции (разумеется, с согласия автора). Но вивисекция по узкотехническим основаниям, по соображениям метранпажа – это же курьёз, это недостойно ведущего органа печати!

Правда, я мог решительно отказаться от этой операции, и, пожалуй, напрасно не отказался. Лучше вовсе снять статью, нежели её уродовать. Но в тот вечер был я чересчур удручён грустной историей в Институте, чтобы мыслить вполне здраво. Кроме того, в редакции не было Изгоева, с которым можно было бы поговорить на эту тему всерьёз. И опять-таки по причинам случайным (всё тот же казус в Институте), мне хотелось видеть статью напечатанной, и притом возможно скорее. С тяжёлой болью в сердце принялся я за сокращение. Каждый абзац, каждая строчка исчезали трудно, чадно, тоскливо. Платон говорит в "Пире", что наши духовные дети почтеннее детей физических.

Статьи мои, дающиеся мне всегда в муках, несомненно, ощущаются мною в подлинном смысле, как духовные дети. Каждая "большая" статья – есть своего рода художественное произведение. Это нечто вроде стихотворения в прозе, нечто вроде, скажем, статуи для скульптора. Всё там продумано, проверено, прилажено, все пропорции соблюдены, слова подобраны. Всё рассчитано на соответствующее восприятие читателя. И вдруг: – Необходимо сократить на 73 строки!

Варварство. "Сократить статью на аршин". "Выкинуть десяток строк из стихотворения". Ерунда. Конечно, статья вышла исковерканной, изуродованной. Но мало того. Помимо меня, к ней приложили руку ещё дополнительно какие-то технические работники из редакции. У меня: "Всякое определение есть отрицание и ограничение. Существо пушкинского духа есть утвержде-

ние и беспределность". Работники, чтобы сберечь ещё одну строку, выбросили слова "и беспределность". Строка была выиграна, но энтелехия абзаца убита наповал.

У меня: "...В этом смысле можно сказать, что Пушкин не проблема: он – аксиома. Самоочевидность культурно-национального сознания". Чтобы сберечь ещё одну, 73-ю, строчку, работники выкидывают поясняющую, завершающую, увенчивающую фразу "самоочевидность культурно-национального сознания". Строчка оказалась выигранной, но абзац обезглавлен начисто. Мне самому пришлось изъять немало переходных, связующих, скрепляющих фраз, не отнимающих у статьи её основной мысли, но необходимых для её художественной, а, следовательно, и логической цельности. Могла ли после всего этого получиться хорошая, не ухабистая, не кособокая статья? Конечно, внимательный и грамотный читатель это замечает сразу. Соответствующие отзывы уже до меня доходят. Так немудрено загубить литературную репутацию. Ясно, что придётся отсюда сделать практические выводы. (10 ч. 15 м. дня).

14 февраля 1937 г. На днях в метро встретил старинного университетского товарища И.И.Савостьянова. Гляжу, будто он. Вижу, и он в меня всматривается. Вместе поднимаемся у Кировской. Подходит ко мне и говорит: – Удивительно знакомое что-то лицо! Я немедленно отозвался: – Иван Иванович?

Да, ох. Поговорили. Остро вспомнились далёкие дни. Был он филолог, философ, очень талантливый, прекрасный стилист. Писал о Шеллинге. Лопатин очень ценил его.

Жил он на берегу Москвы-реки в Мамонтовском подворье. Занимал отличный номер. Владельцы подворья приходились ему какими-то родственниками. Ходили мы к нему играть в винт. Знал я его через И.С.Верёвкина, с которым он водил дружбу, перемешанную с размолвками. Потом он куда-то исчез. Верёвкин сообщал, будто он опустил и занимается только тем, что играет на бильярде с маркерами... Я его считал умершим. Оказывается, нет. Жив и даже перевёл Тютчева на немецкий язык стихами. И поигрывает в бридж. Приятно было встретить ещё одну тень невозвратного прошлого... (3 ч. дня).

16 февраля 1937 г. Став фактически безработным, невольно поддаёшься напору праздных мыслей: было бы болото, – черти найдутся. Была бы праздная голова – размышления найдутся: природа не терпит пустоты. Что думает экс-профессор политических наук, когда ему нечего делать? Разумеется, размышляет о политике...

Процесс троцкистского параллельного центра со всеми параллельными ему явлениями. Какой удобный предмет для размышлений! Великое драматическое действие, достойное строк Шекспира, звуков Вагнера, кисти Давида. Кисельному сердцу интеллигента – несравненный повод уйти в пятки. Политический ум обретает, напортив, благодарнейшую среду для самопроверки и консолидации. Историк – головокружительное раздолье: история – вот она, на блюде, со всеми приправами. Остаётся только жевать. Впрочем, пожалуй, не совсем так истинный историк не мыслится вне архивов. А тут – история в свежем виде, *au naturel** [В натуре (фр.)]. Приправы – да, но не из пыли веков...

История – современность. "Узловые этапы". Да, нечто гигантское, напоенное судьбой. Schicksalschwer* [Изошрённая каверза (нем.)]. (4 ч. 15 м. дня).

17 февраля 1937 г. Внезапно пал Пашуконис, долголетний фюрер нашего правового фронта, гроза "буржуазных" юристов, нещадный утеснитель ересей. Ещё одно великое падение.

По-видимому, это была на редкость несимпатичная фигура. Я лично отстоял от неё вполне далеко, но от наших учёных юристов приходилось нередко слышать это имя, произносимое всегда с не оставляющими сомнений интонациями. С ненасытной хищностью выискивал он сучки в глазах ближних..., а вот теперь взоры НКВД, как видно, вскрыли немалое бревно в собственном его глазу. Ближайшие его сотрудники, ещё вчера поклонявшиеся ему, сегодня его величают не иначе, как "гадом". Поговаривают, будто вскрыты чуть ли не шпионские его связи. Чудеса! Но что нам Гекуба? Гораздо существенней – результаты этого падения. Скажутся ли они в области нашей советской юриспруденции и, в частности, нашего правового образования? Вот уж, действительно, один из наиболее "отсталых участков"! Хотелось бы надеяться, что ликвидация руководившего им вредителя благотворно отзовется на всех точках этого большого и важного фронта. (10 ч. 25 м. дня).

18 февраля 1937 г. Вчера наша институтская кафедра решила выпустить до окончания учебного года два "бюллетеня" (нечто вроде журнальчика). Мне поручено написать статью "общего" характера. Наметил тему: – Активная география. Либо: – География социализма.

Надо будет позаняться. Статья, примерно, в половину печатного листа. Напечатают ли? Впрочем, бюллетень будет печататься на стеклографе. "На правах рукописи". И в небольшом количестве экземпляров. Но хорошо, что всё же в какой-то степени загасится это тягостное сознание своей ненужности, отстранённости от жизни. Нелегко чувствовать себя "лишним человеком" в наши дни, когда, казалось бы, каждому найдётся вдоволь дела!

Хочется уйти по горло в деятельность – только бы не быть лишним в нашу пору, в исторический час, когда решаются судьбы нашей великой страны, нашей великой революции. Хочется вполне, до конца стать своим в рядах советских людей, советских патриотов, и тягостно переносишь свою постылую изолированность, окружающие тебя взгляды холодной "бдительности" и корректного недоверия... (11 ч. дня).

19 февраля 1937 г. Смерть Орджоникидзе. Рано утром, ещё затемно, позвонил дворник Пётр и сообщил грустную новость. Я немедленно включил радио. Передавалась какая-то траурная мелодия. По её окончании – обстоятельный выпуск "последних известий". Сейчас опять – траурная музыка.

Старая гвардия. Привлекательная фигура пламенного борца, трибуна, организатора. Бесстрашный большевик. Эти люди создаются в долгих испытаниях исторической судьбы, в страстном отборе, в суровой и великой школе жизни. Они влияют на историю, на жизнь, они творят историю и жизнь – и непосредственно, силой своего ума и своей воли, и, так сказать, косвенно, властью своего имени. Имя – величайшая, активнейшая вещь, несравненный

"усилитель" влияния, мощный дополнительный рычаг, чудесный творческий инструмент; недаром создаётся оно редко и нелегко, в большом, сложном, порою затейливом процессе.

"Руководство. Как хорошо понимают большевики историческую значимость этого понятия! Отсюда – роль гвардии. Отсюда – горечь утраты. Смерть Орджоникидзе, – можно сказать, перифразированным изречением Талейрана, – есть, "не новость только, она – есть событие". Печальное для нас. (8 ч. 20 м. утра).

27 февраля 1937 г. Вчера в Доме Учёных зашел в аудиторию, где происходил пушкинский вечер. На кафедре стоял старый, седой человек профессорского обличья и комментировал "Сказку о рыбаке и рыбке". Своей внешностью и несколько сладковатой манерой речи он почему-то напомнил мне харбинского профессора Кузнецова. Но по содержанию сообщение его было насыщенным и интересным. Кто это?

Вслед за ним выступил проф. Винокур и в первых же словах назвал своего предшественника: Юрий Матвеевич Соколов. Ю.М.Соколов! Боже мой! – И сразу завертелась машина времени, и сладостно-горько заныло где-то в груди. Юрий Матвеевич Соколов.

"Братья Соколовы". Молодые студенты-филологи. Совсем одинаковые, не отличишь: близнецы. Приятные юноши, с несколько сладковатыми манерами и одинаковыми русскими бородками. Про них говорят, что они увлекаются фольклором и подают большие надежды.

Встречал их ещё на Пятницкой, в доме кузины калужского моего одноклассника Борьки Благовещенского. Это была пышная такая блондиночка – дородная попадья *in statu nascendi** [В стадии зарождения (лат.)]. Отец её был священником и жил при одной из тамошних, замоскворецких церквей. Помню, была она курсисткой словесницей, и я ей раз написал полушуточное сочинение на заданную тему: "Народ под пером Толстого". Как её звали? Твердо помню отчетливо: Семёновна. Кажется, Зоя Семёновна. Один из Соколовых – не Юрий ли? – был в неё влюблён, и скоро они поженились. Это было давно, очень давно: году в девятом, в десятом. Так вот кто этот почтенный профессор фольклорист! Смотрю на него, выискивая "черты другие" за этим седым профессорским фасадом. Да, есть что-то преждее, конечно, есть. Но что делает всеистребительное время! Какое печальное зеркало: ведь мы – ровесники!

Даже в голову не пришло, что это он, хотя не только лицо, но и самая тема выступления, казалось, могли его обнаружить. Тем более что имя его было вполне свежим в сознании – в связи с недавним "богатырским" эпизодом, с его печатной и всяческой проработкой по случаю злосчастной пьесы Демьяна Бедного. Думаю: подойти разве к нему в перерыве? Вспомнит? Узнает? Вот и перерыв. Встречаемся в проходе. Он подходит и уверенно здоровается. Приятная неожиданность: узнал. – Узнаёте? – Ну, как же, сразу. Вас легко узнать. Чуть пополнели только... А ведь мы не виделись с Вами, должно быть, с 10 года!..

Побеседовали. С подлинным и глубоким дружелюбием (по крайней мере, с моей стороны). Помянули брата его, Бориса Матвеевича, погибшего в

1930 от нераспознанного во время воспаления почек. Поговорили и об его работе, о фольклоре. В последние годы на всём пространстве страны идёт усиленное собирание фольклорного материала. Большую роль в пробуждении соответствующей энергии здесь сыграл покойный А.М.Горький, не без его, Ю.М.Соколова, подстрекательства. Огромные материалы добываются в национальных республиках и областях. Эпизод с "богатырской" проработкой, где Ю. М-чу пришлось исполнять обязанности опытно-показательного еретика, конечно, не прошёл для него без трёпки нервов; но по существу, объективно, для дела он может иметь благотворное значение, давая работникам фольклора компас, путёвку в их изысканиях.

– Что же, есть у Вас школа, есть достойная смена?

Да, уже образовалась группа учеников, есть знающие и любящие это дело люди. Но талантливого фольклориста, "с огоньком", которому можно было бы порадоваться в полной мере, пока ещё как будто нет.

...Невольно волнующая встреча. Пласты, слои жизни. Жизнь, как слоёный пирог. Через спутников остро схватываешь собственное прошлое и ловишь за тулуп пушкинского "лихого ямщика", не желающего передохнуть, слезть с облучка... (11 ч. 45 м. дня).

Пауза в работе, в спасительных иллюзиях дела, "полезного участия в жизни". Нехорошо. Рождается психология лишнего человека, причём беда в том, что создаёшь себя лишним. Нечего делать, ибо твоё делание никому не нужно. Для соблюдения приличий пиши записку о тоннах чугуна и угля в Донбассе, компилируй, – для мусорной корзины. Всё-таки это грустновато. Неужели так безнадежно пагубен "одним имени"* [Одно только имя (лат.)]? (2 ч. дня).

28 февраля – 1 марта 1937 г. Пушкинский пленум писательского союза. Нельзя сказать, чтобы впечатления были отрадны. Неблагополучно с нашей литературой. Всем это ясно. Но попытки улучшить положение приводят фатально к обратным результатам. Система задёргивания бедных писателей. Как не в меру задёрганная лошадь начинает бессмысленно мотать головой и останавливается посреди дороги, так ныне наша писательская братия. Слишком уж много критиков и понукателей. Словно в знаменитом сне Раскольникова...

Спору нет, критика нужна. Но у нас каждый Тряпичкин ныне норовит клонуть побольнее, почувствительней, изобличить, уничтожить. Чествуем Пушкина, читаем Тургенева, а попробуй какой-нибудь современный поэт или прозаик предаться аналогичной тематике... – забодают! Какая-то печальная несурзанность. К беллетристике применяется критерий публицистики сегодняшнего дня и даже часа. Так нельзя. Вот где требуется более, чем где-либо, властное слово сверху. Одёрнуть одёргивателей. Даровать великую хартию вольностей советской литературе. И, нужно думать, советская литература достойно оправдает такую хартию. (12 ч. ночи).

2 марта 1937 г. Сегодня Эке 14 лет. Вчера (выходной день) справили это событие "балом". Сегодня дети не пошли в школу и провели день празднично.

Четырнадцать лет. Уже начинает ломаться голос. От отрочества к юности. Помню по себе этот возраст: первые приступы юношеских волнений и

тревог. Волнение в груди, в крови. Помню весну того года, разлив Оки, бедску, сеновал, весенний дым в душе и в теле...

Думаю о милом моём мальчике, живу им, его интересами. Хороший, умный, добрый мальчик. Хорошие задатки. Только бы не заглохли. Увлекается химией и свободное время отдаёт химическим формулам. Что же, в добрый час! Любопытная вещь. Папа хотел видеть меня натуралистом, врачом – я вышел философом московской школы, юристом, публицистом. Я хотел привить сыну интерес к истории, литературе – он увлекается химией. Диалектика поколений. Четырнадцать лет назад, Харбин, голубые туманные глазёнки, смутные чувства, весенний воздух... Эчочка мой, милый мой... (11ч. 35м. ночи).

4 марта 1937 г. Да, необходима людям какая-то иллюзия "дела" и самообман "смысла жизни" – пустейший, но и спасительнейший из всех наших самообманов, имя же им легион.

Что-то делаешь, чем-то занят, как-то вкраплён в жизнь большого целого, общества, государства, – и рад. Иллюзия "нужности". А время идёт, и ты следуешь обычному кругу: из ничего – в ничто. Замечательно, непревзойдённо сказано у Гераклита: "дитя, играющее песком". Вот смотришь на детей. С какой серьёзностью, с каким сознанием важности дела строят они дома из кубиков, мельницы и корабли из жестянок "Конструктора", собирают коллекции марок и спичечных этикеток. Тут для них – "смысл жизни". Потом вырастут, и место кубиков займут... лекции, страницы исписанной бумаги, хождения на различные службы, бесконечные слова... И когда это от них отнимается, они начинают чувствовать себя несчастными, ныть от "пустоты жизни", ощущать свою "ненужность", завидовать.

Они считают себя лишёнными содержания, опустошёнными. Им кажется, что отнят у них смысл жизни – в то время как на самом деле у них отняты лишь иллюзии. Заберите песок или формочки у гераклитовского младенца – он заплачет, забунтует, потеряет равновесие.

По-видимому, я попал до некоторой степени в положение такого младенца, у которого отняли привычные игрушки. Этот год жил вспомогательными стимулами: готовился к лекциям, зубрил географию, подсчитывал тонны и километры. И вдруг – не нужно этого ничего! – Лишний человек! Неотреагированный комплекс. Инфантильные эмоции, как будто Гераклита и не существовало. Всё время саднит досада в груди, именно какая-то опустошённость, конечно, по существу суетная и недостойная. Занимайся своими кубиками, но не хнычь, дуралей, если их от тебя уберут. Вдобавок не забывай, что природа не терпит пустоты: уберут одни формочки, явятся другие... ну, вот хотя бы в виде этих дневниковых строчек... (2 ч. дня).

4 марта 1937 г. Те же жёлтые мимозы, та же ранняя весна. Ещё холодно по утрам, по вечерам и ночам, но днями уже подтаивает, а два часа назад на дереве, что против моего окна, рядом с вороною, поёживаясь от холода, поблескивал клювом грач. Весна идёт. Весна неизбежна. "Юнкер Шмит, честное слово, Лето возвратится". Конечно... для юнкера. (2 ч. дня).

5 марта 1937 г. "Отелло" в Малом Театре.

Хорошо, но Островский всё-таки лучше. Там, в Островском, – действительно, полноценный "реализм", здесь же – какая-то противоречивая помесь натуралистических декораций с абстрактным, математическим сюжетом. Алгебра чувства. Геометрия ревности. Классика, застывшая в своём самодавлении. Ромбы и параллелограммы душевных эмоций. И эти трупы последнего иста... "не страшщие", как у Леонида Андреева. Паноптикум страсти.

Впрочем, быть может, это я зря? Рядом со мной сидела девушка, на лице которой дрожали блики ужаса, страдания, сострадания, гнева – по ходу пьесы. Когда зажигался свет в антракте, она спешила смахнуть или стереть ползущие по щекам слёзы. То, что мне представляется великим турниром формул, пленяющим разум, но не сердце, – для неё, очевидно, полно плотью и кровью; что для меня – гениальный "формализм", то для неё – реализм. *Suum cuique** [Каждому своё (лат.)]. Я сам готов смахивать слёзы – на пьесах Чехова, даже на последнем акте "Евгения Онегина". Но здесь они ни разу даже и не подступили к глазам. И не потому, что в деталях спектакля, дающего Венецию или Кипр давнего века, неизбежно ощущалась бессмертная тень Вампуки. Нет, сама конструкция трагедии такова, что навевает думы, а не слёзы. В интерпретации Ленина, игравшего вчера Отелло, последний показан не столько несчастным и жалким, сколько сумасбродным тупцом и одержимым маньяком. Помню, в игре Дальгейма мавр вызывал к себе больше сочувствия, сострадания. Здесь он отрететирован не без специального умысла: пусть публика убеждается, сколь глупа и пуста ревность. Так эстетически приятное увязывается с социально полезным. (10 ч. 50 м. дня).

7 марта 1937 г. На правовом, на философском, на историческом, на теоретико-политическом и прочих "гуманитарных" (по-старому) фронтах науки. Кумиры дня погружаются в быстрые сумерки, идейки, имеющие хождение сегодня, проваливаются за ночь в тартарары. В умах смятение. В студенческих душах – тревога: "дайте учебник, если старый, если вчерашний не годится". Но кто решится писать новый учебник, когда "панта рей"* [Всё пройдёт (греч.)] и каждый печатный листок грозит оказаться завтра убийственной уликой?... И выход – один: – Учебник? Какой вам ещё учебник?! Читайте Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина! Универсальная классика – руководство по всем предметам. Прекрасно. Конечно, отрадно, то есть такая гранитная гавань, но ненасытные студенты всё же беспокоятся. В этих гранитных лигах они не могут вычитать ни подробностей о тридцатилетней войне, ни определения понятия изнасилования. И снова виснет вопрос о "стабильных учебниках" – назло гераклитовой нашей, нашей очаровательной действительности... (12 ч. 30 м. дня).

Классика! Наши философские институты подымают великий груз: на русском языке рождаются Аристотель, Лукреций, Лейбниц, Гегель, многие и многие другие. Едва ли не все наличные наши философские силы мобилизованы именно по этой линии. Как это прекрасно! Как это дальновидно! Приобщение к мировым культурным ценностям. Но... Или обойтись без "но"? Нет, мои "но" меньше всего зловредны, меньше всего "оппозиционны". Про-
95

сто – маленькая моментальная фотография сегодняшнего дня, коего величие в плане всемирной истории для меня – абсолютная достоверность.

Так вот. Лейбница мы будем переводить в больших сотнях страниц и тщательно изучать. А, скажем, лейбницианца Лопатина проклинаяем последними словами: и мракобес, и поп, и чуть ли не идиот. Классиков идеализма жуём..., а современников, подозреваемых в отдалённом сочувствии к идеализму, изблёвываем из уст на большое расстояние... Что это? Нелепость? – Нет, читайте Гегеля, читайте Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина, и вы поймёте, что это совсем не нелепость? (1 ч. 15 м. дня).

8 марта 1937 г. Из письма Герцена к Огарёву (начало 50-х годов): "Я ничего не жду для себя, меня ничто не может ни слишком поразить, ни слишком обрадовать. И мне стало всё до такой степени безразлично, во мне столько рассудительности и старческого скептицизма, что я переживу все удары судьбы, хотя мне не хочется ни долго жить, ни скоро умереть. Конец, как и начало, придет случайно, помимо сознания и разума. Я не буду стремиться ни ускорять, ни избегать его".

Прекрасная формулировка! Как непосредственно и чётко ощущаю я ныне аналогичное душевное состояние, хотя в личной жизни и не пережил удара, выпавшего тогда на долю Герцена. Но и в личной жизни так много перегорело, так много прожито и пережито, так безвозвратно потускнели все впечатленья бытия. Есть печальные преимущества такого состояния чувства и сознания. И ещё – у Герцена (письмо к Мейзенбут): "...Меня лишь одолевает ироническое желание, мне просто любопытно посмотреть, что будет дальше..." (11 ч. 25 м. дня).

9 марта 1937 г. Смотрел вчера новый фильм "Последняя ночь". На днях в нашем Институте организуется диспут, посвящённый этому фильму. Организаторы просили меня принять в нём участие. Тема: октябрьская эпопея 17 года в Москве. Большая тема. "Дни, которые потрясли мир". Даны одни сутки, в сущности, даже только вечер и ночь. Нужно было показать в их рамке фокус великой исторической драмы. Нелёгкое задание. Два мира, два стана. Две репрезентативные семьи: рабочий и фабрикант. "Мы" и "они". Три критерия нужно держать в голове при оценке такого рода произведений искусства:

1). Историческая правда – в её энтелехии и в её детальной обстановке. 2). Художественная правда, т.е. проблема логики сюжета, обрисовки характеров, психологического проникновения и т.д. – критерий "убедительности" изображения. 3). Социальная действительность, т.е. агитационно-пропагандистская значимость произведения, впечатление, вызываемое им в массах (ср. ленинский тезис об агитационном значении кинокартин).

Что же можно сказать, учтя эти критерии, о "Последней ночи"? Показаны два мира. Стан революции обрисован, бесспорно, удачнее и ярче, чем стан её врагов.

Семья Захаркиных. Соблюдена общая историческая правда. В основном соблюдена и художественная правда: видишь и слышишь живых людей. Очень хорош старик Захаркин; старуха несколько конфетна, трафаретна, но тоже всё-таки хороша. Матрос ярок и убедителен. Сочетание правды истори-

ческой и правды художественной даёт прекрасный агитационный эффект. В бытовых деталях есть погрешности изображения: не передана расхлябанность тогдашних солдат во всей её исторической подлинности. Ленину приписана борода, в те дни у него как раз отсутствовавшая (в своём убежище он брил бороду), допущен речевой анахронизм: современное "давай, давай" в 17 году ещё не звучало... Но повторяю, обрисовка революционной среды (Захаркины, Михайлов, масса), в общем, удачна: представлены живые и, что весьма важно, типические люди. Таких было много. И впрямь так выглядела революционная среда Октября.

Несомненно, слабее вышел стан врагов. Тут, как всегда, при изображении врага, перед художником встанут две противоположные опасности: а) уклон "лже-объективизма", заведомый отказ от оценочной обрисовки, скопческое "умывание рук" и б) опасность окарикатуривания, принижения врага, вольное или невольное искажение его действительного облика.

В этом фильме историческая правда, в её зерне, соблюдена: конечно, наша буржуазия была и слаба, и дезорганизована, и разобщена. Но против правды художественной допущены ряд погрешностей, режущих глаз. Старик Леонтьев не типичен; это карикатура, стилизация, абстрактный образ плакатного "капиталиста". Не убедительна сцена его встречи с сыном, приезжающим из Петербурга (ругань и отказ подать руку). Не убедителен и собственноручный расстрел им старика Захаркина. Не типична и девушка Леонтьева, гимназистка; особенно фальшива сцена уличных поцелуев среди грома гранатных взрывов.

Вообще. Чтобы показать величавость, революционность борьбы, нужно вскрыть её драматичность. Победа над идиотами, трусами и развратниками стоит немногого. Драматизм борьбы не дан фильмом во всём его несравненном историческом величии. (Целый день).

15-16 марта 1937 г. Записка от Изгоева: просит статью о Герцене для "Известий". Лестная и прекрасная тема. "Пусть я бездарен, но тема моя талантлива".

Герцен. Читал о нём эти недели. И снова его образ, как прежде, сияет в сознании. Но что и как писать о нём? Его миросозерцание? – Нет, это не для краткой юбилейной статьи в газете. Конечно, его портрет! По Шпенглеру: "артистическая практика духовного портретирования". Умница. Аромат ума. Зоркость ума. Вместе с тем "фаустовская" натура, деятельная и пытливая. Жаркая яковлевская кровь, однако, вечно замораживаемая рефлексией. Зрелище какого-то холодного кипятка. Этот "рефлектор рефлексии" мучил его самого, убивал волевою энергиею, для полного расцвета которой всегда требуется немножко тени, темноты, вдохновенной ограниченности. Он сам понимал и это, но помочь себе тут уже не был в состоянии. Горе от ума. Фауст, не изживший в себе Мефистофеля. (1 ч. 15 м. ночи).

22 марта 1937 г. Читаю о Герцене, вживаюсь в его атмосферу, в его индивидуальность. Вот человек, призванный "мыслить и страдать!" Жизнь – сплошное мечтание. Кружение ума и кружение сердца, "мира восторг беспредельный". И в то же время томление "желаньем чудным", реминисценци-

ей "звуков небес. Бегство от родины, тоска по чужбине – отчаяние чужбины, тоска по родине. Страх настоящего, эрос будущего – потёмки настоящего, бунт против будущего, лирика прошлого. Скитания духа, взыскания града, не живущего на земле..., но и холодный взор в пустое небо. Рыцарь истины, бедный рыцарь, несчастный Дон Жуан: "Я нигде не встретил дамы, / Той, чьи взоры непреклонны".

Длинный жизненный путь: такие жизни измеряются по насыщенности их – месяц за год! Всепостигающий ум. И, значит, самопостигающий: познай самого себя! Счастливы те, кто себя не познает. Спасительная иллюзия: не знать себя или хотя бы узнать себя не до дна. "Обольщаться"... Да и вообще и всегда: много знания – много скорби. Ясная голова при горячем сердце. Могли бы быть он счастливы? Ну, дожил бы до революции русской что ли. Вернулся бы на родину. Да, встреча с родиной высекала бы прекрасные искры из этого огненного сердца. Но дальше?.. Нет, это вечные путники, вечные странники, факелы, живущие лишь горением, сгоранием. Счастье? – Впрочем, разве это не счастье: мыслить и страдать?

Читаю, вдумываюсь, "вчувствуюсь" – и всё ближе, всё роднее этот замечательный образ. Как часто ощущал в себе самом – в какой-то мере – те состояния души, ума, сердца, так недостижимо запечатлены на этих страницах, вечно живых и неизменно волнующих!.. (2 ч. дня).

23 марта 1937 г. Эпизод, рассказанный доктором Белоголовым. Беседа с Герценом об эмиграции. Белоголовый сообщил Герцену об одном своём приятеле, собирающемся эмигрировать из России. Герцен прервал его с необыкновенной живостью: "Бога ради, уговорите Вашего приятеля не делать этого; эмиграция для русского человека вещь ужасная; говорю по собственному опыту; это не жизнь и не смерть, а это нечто худшее, чем смерть, – какое-то глупое, беспочвенное прозябание!.. Мне не раз приходится раздумывать на эту тему, и – верьте, не верьте, – но если бы мне теперь предложили на выбор мою теперешнюю скитальческую жизнь, или сибирскую каторгу, то, мне кажется, я бы без колебаний выбрал последнюю. Я не знаю на свете положения более жалкого, более бесцельного, чем положение русского эмигранта!" Да, знакомые чувства, знакомый опыт. Ностальгия. Отрыв от родной земли – неизлечимая рана в душе. Вся жизнь, как бы даже "наполнена" она ни была, поражена какой-то трещиной, ущербленностью. Эта проблема остро ставилась передо мною два года назад. Что бы ни случилось, – счастлив, что решил её так, как решил. (6 ч. вечера).

3 апреля 1937 г. Вчера отвёз Изгоеву статью о Герцене. Получилось длинно, и по качеству так на 3+ или 4-. Всё-таки изюминки какой-то нет. Больше механизм, нежели организм. Это, конечно, грустно. Вчера же пригласил меня некий т. Уманский, ведающий изданием советских книг для заграницы. Спрашивал, не соглашусь ли я написать текст для альбома "Народности СССР", затеянного его учреждением. Семь-восемь печатных листов – о 60 народностях: на каждую по две строчки. Нелёгкое дело. Но, пожалуй, небезынтересное. Посмотрим, получится ли что из него. На днях будем разговаривать вплотную. Может быть, ничего не выйдет.

Угнетает, признаться, обстановка в Институте. Какая-то фальшь, рядом что-то склизкое, поминутно вызывающее брезгливость. Печально. Неужели это длится идеологический карантин? Так, вероятно, можно и вовсе погрязнуть в нём... Или я всё это зря? В большой политике – большие дела. Старый крот неутомим, как сукин сын. (10 ч. 25 м. дня).

6 апреля 1937 г. Статья о Герцене в сегодняшних "Известиях". Вчера вечером Изгоев просил заехать в редакцию: есть ряд недоуменных вопросов корректуры и, кроме того, нужно будет по техническим основаниям сократить оригинал. Приехал.

Оказалось, корректуру смущают несколько нездешних слов статьи, как-то: основоположный, историософский, вещий. Вызывает значительное недоумение "студёный кипяток". Слово "зреет", признаться, наводит на размышление и меня самого. Отмечено и слово "обличительский". Кроме того – ряд вопросов пунктуации. Кстати: "студёный кипяток" освящён авторством Лермонтова. В "Герое нашего времени" есть "холодный кипяток нарзана". У меня сначала было написано тоже "холодный"; но повторение этого слова в одной фразе заставило найти другое определение. Лучше было бы: "язык горячей крови и ясной головы".

Итак, с корректурой обошлось. Хуже – с купюрами. Нужно выкинуть сорок строк. Это досадно, но всё же это не так жестоко, как в прошлый раз, с пушкинской статьёй. Принялся за эту тяжёлую операцию. Выкинул две цитаты из Герцена, ещё кое-что. Наскреб 32 строчки. Потом Изгоев помог мне, предложив исключить 8 строк из заключительного абзаца. Нужно признаться, что все эти купюры не нанесли статье особого ущерба.

Затем возник вопрос о заголовке. У меня статья называется "Наш Герцен". Но так как имя Герцена носит вся страница, нужно его исключить из заглавий статей. Стали думать. Заглавие – трудная вещь, и бывает, что хорошее заглавие долго не приходит на ум. Так вышло и вчера. Сколько ни напрягал я мысль, – ничего нужного в голову не шло. Изгоев назвал несколько неудачных заголовков, среди которых, пожалуй, наилучшим был: – Революционер-демократ. Мне он не нравился, но ничего лучшего я придумать не мог. Так на нём и остановились.

Проснувшись сегодня утром, я стал опять неволью, хотя и практически бесплодно, перебирать заголовки. Пришёл в голову: – Колокол свободы. Он был бы удачнее. Он более соответствовал бы содержанию статьи. И вместе с тем состоял бы из двух русских слов. (9 ч. 20 м. веч.).

6 апреля 1937 г. Беседовал с Изгоевым насчет работы где-нибудь в журнале что ли. Пусть, при случае, попробует сказать об этом Талю, ныне главному редактору "Известий". Хотя бы эпизодически, вот как в газете, отчего бы, в самом деле, не написать журнальной статьи о том же Герцене? Странно: тянет к этой мучительной канители. Нанизывание слов, как бус, консервирование мыслей в строках. Зачем это? Честолюбие? Нет, едва ли: всякая форма честолюбия, казалось бы, изжита мною вполне *grudlich** [Основательно (нем.)]. Все эти детские погремушки – далеко позади. Так что же? Именно погремушки. Прекрасная бес-

цельность, – а то даже и не прекрасная. Но всё же – жажда "обнаружиться", по выражению Герцена. Живёшь – шумишь. Spiro – sprego* [Дышу – надеюсь (пока дышу – надеюсь) (лат.)].

Опять нет: уже ни на что, в сущности, не sprego, и ничего шумного мне на свете не надо. Разве вот – любопытство: что из всего этого получится? До чего-то он, старый сукин сын, дороется? Занято. Хотя и здесь не может быть особых неожиданностей: ну, пророем земной шар насквозь и вывалится с другого боку... (11 ч. 30 м. ночи).

13-14 апреля 1937 г. Ездил в Калугу – приобщиться родному воздуху, приложиться к дорогим мощам. Весна, апрель, на дворе несколотые островки оледенелого снега. Кричат петухи. Ruinen.

Вывез оттуда недавно каким-то образом откопанные старые мои и Мишины письма – домой. Папа заботливо их сохранил, помечая датами и сортируя по периодам. Вчера перечитал их все... Май души, студенческая пора. Трудно, да и неохота описывать впечатление этой поздней встречи с ожившим прошлым, с этими грустными и трогательными образами. "Да, вот каким я был...". Широко и наивно раскрытые глаза. Так ребёнок глядит на объектив фотографического аппарата, откуда "сейчас вылетит птичка". Отовсюду вот-вот полетят эти невиданные, несравненные птички... Потом Цуриков в своём злом письме колко попрекнул меня этими на всё открытыми глазами, глотающими с одинаковой восторженностью Незнакомку и Розанова, ночную извозчицью чайную и кантовский категорический императив... Чудак и бедняга! (1 ч. 30 м. ночи).

14 апреля 1937 г. "Трагедия старости всегда рискует быть комичной". Отсюда не лишены, конечно, комизма чувства, возникающие в нынешней моей душе по случаю созерцания старых писем. Со стороны это смешновато. Вероятно, лишь старикам это понятно.

Жизнь впереди, в утренней дымке. Строятся "планы", рисуется какой-то важный "смысл", слово "будущее" несёт разгадку всех загадок... К услугам и всевозможные прекрасные образы принцев, рыцарей, богатырей. И – главное: "... новы все впечатленья бытия". Вот это, действительно, великая вещь! Свежий огурец и земляника доселе способны напомнить это безвозвратно утраченное чувство новизны, первости, необъезжанности впечатлений. Напомнить – не возродить. ...Будущее стало настоящим. Правда, удивительная живучесть души по-прежнему конструирует, так сказать, "новое будущее": spigo – sprego. Однако – не то, не то.

Жизнь прошла – и не плохо прошла. Но, конечно, ни синих птиц, ни царь-девиц, ни градов Китежей... – "и вот и всё". (2 ч. дня).

15 апреля 1937 г. Был вчера в Правовом Институте, беседовал с директором, похожим на Чапаева... Только тот гулял по Уралу, а этот гуляет по праву. Тянет к родным пенатам, к родным осинам, тянет неизлечимая ностальгия. Приём вполне любезный и даже обещающий. С кадрами вовсе не так уж благополучно, – с кадрами государствоведов – в особенности. "Квалифицированные силы нам нужны". Условились, что я зайду через два-три дня: быть может, к этому времени наметится и конкретное задание. Скажем, при-

нять участие в разработке программы курса государственного права. В советских правовых вузах это новый курс! Пора, давно пора. По-видимому, не исключена возможность благого поворота в сфере нашего юридического образования. Падение Пашукониса может стать началом лучших дней.

Хорошо бы засесть за большую работу, скажем по истории политических учений. Монография, скажем, о каком-нибудь политическом писателе, вроде де Мэстра, либо о целой эпохе с её "духом" и контрверсами. (10 ч. 15 м. утра).

15 апреля 1937 г. Статья "Активная география социализма" для нашей институтской кафедры. Сейчас вчерне закончил, буду, значит, скрести, полировать, наводить лоск. Пожалуй, статья о Герцене вышла недурной – на полную четвёрку. В печати выглядит она прилично.

Досадный пропуск по моей вине: пропустил слово духовным в известной фразе: "Начавши с крика радости при переезде через границу, я окончил своим духовным возвращением на родину". Как это я допустил такой грубый пропуск? Ну-ка, Фрейд! Выпишу также на память выпущенную часть предпоследнего абзаца статьи, после слов – "искать и найти себя": "С социализмом революционная идея стала у нас народной. В социализме встретилась Русь с революцией. В нашу прекрасную и грозную эпоху социализм претворяется в историческую плоть и кровь. И перед освобождающейся человеческой личностью встают великие задачи самосознания, самоопределения и самопроявления". Следует признаться, что статья ничего не потеряла от исчезновения этого пассажи. Скорее, даже выиграла. (3 ч. 40 м. дня).

20 апреля 1937 г. По привычке смотришь вокруг и вдумываешься в увиденное. Бывает, что смотришь – и почти ничего не понимаешь. Бывает, что смотришь – и неодобрительно пожимаешь плечами: не нравится. Но, пожав, снова и снова начинаешь вдумываться.

Бывало и раньше: смотрел – и "не одобрял". А на поверку выходило отлично. Ошибался я, а "линия" гнула именно туда, куда следовало. Задним числом сознавал и признавал свою ошибку. С годами догадывался: больше критичности по собственному адресу, больше скепсиса в отношении к собственному думанию. Больше доверия к этой умной и замечательной "линии", столь умело вьющейся по труднейшим лабиринтам и столь изобретательно вывозящей из разнообразнейших деликатных положений. Теперь это доверие вползло глубоко в плоть и кровь. И, если порой кое-чего не понимаешь, если кое-что кажется неудачным, досадным, даже уродливым, – говорить себе: надо додумать, передумать, осмыслить. Наконец, поверить в кредит. Но нельзя ли так превратиться в Панглосса, в китайского болванчика, вечно кивающего головой, в осла из Заратустры: – Und der Esel schrei: J-a, J-a.* [И осёл согласно кричит: "И-а, И-а" (нем.)].

Нет, этого тоже надлежит остерегаться. Нельзя сказать, что всё безошибочно вокруг. Конечно, всяких курьёзов и дефектов немало. Но суть в том, что, во-первых, не всё то ошибочно и курьёзно, что таковым кажется нашему брату, и, во-вторых, эти ошибки и курьёзы не должны огорчать до утраты чувства перспективы и душевного равновесия. Тут следует фундаментально

уразуметь одну весьма важную истину: наша действительность менее всего статична. Наша действительность в высочайшей мере пластична. Она течёт, она меняется, она "становится". Сплошь и рядом люди этого не понимают, нередко приходится и самому ловить себя на таком непонимании. Расстраиваешься по поводу явления икс или явления игрек, а пройдёт месяц, квартал, год – и от этих явлений останется лишь воспоминание. Строится дом – повсюду мусор, едкая извёстка, леса; обычно всего этого больше, чем могло бы быть при большей заботливости о чистоте, при более высоком культурном уровне плотников, землекопов, штукатуров. Но терять душевное равновесие от этого преходящего мусора – верх неблагоприятия.

Здание строится – и неплохое. Здание строится – и вовсе не черепашиными темпами. Напротив. Если мыслить в исторических масштабах, выйдет, что время летит быстро, дело подвигается на всех парах. Но, конечно, тут нужен именно исторический кругозор. Обывательские масштабы, исходящие из прикидок на сроки человеческой жизни, здесь не годятся. Но из этого не следует, что для человеческой жизни всё пропало. Вооружась надлежащими масштабами, обзаводишься и надлежащим настроением. Потерянная жизнь оказывается возвращённой.

И самые детали, живущие сегодня, а завтра исчезающие, становятся своего рода забавными орнаментами прекрасной исторической реальности, – чем-то вроде "химер" парижского Собора Богоматери. Лишь детям прилично пугаться этих химер и охать от их безобразия. Следует преодолеть в себе такие детские реминисценции. Словом – *Du courage...** [Мужество (фр.)]. (11 ч. дня).

21 апреля 1937 г. Сегодня в МИИТе научно-техническая конференция. От нашей кафедры А.З.Айзенберг выступает с докладом подобающего специального содержания. Совместно готовили этот доклад. Кстати, из жизни Института. Месяца два-три тому назад в коридоре остановил меня молодой человек и напомнил, что в Харбине он состоял студентом юрфака и слушал мои лекции. Действительно, я как будто припомнил его лицо. Теперь он студент МИИТа и работает в институтской газете. После этой встречи видел его как-то ещё раз в профессорской столовой.

А вчера Айзенберг сообщил, что этот маньчжурский молодой человек оказался японским шпионом. Тошно. Неприятное ощущение в ладонях: словно от прикосновения к чему-то неприличному и отвратительному. Стыдно за харбинцев: всё-таки столько нечисти среди них.

Написал статью "Активная география социализма" для предполагаемого Бюллетеня при нашей кафедре. Сейчас иду в Правовой Институт – беседа с его директором т. Сахач. Может быть, доведётся приобщиться – хотя бы и периферийно – родному делу... (10 ч. 10 м. дня).

22 апреля 1937 г. Директор Правового Института вручил мне программу по курсу советского государственного права с просьбой написать по ней обстоятельный отзыв, в который можно включить общие соображения о преподавании государственного права в Институте. Нужно это сделать к 5 мая. Непростая вещь!

Но и интересная. Нужно мобилизовать весь остаток энергии и сообразительности (велик ли он?), чтобы справиться с этим делом возможно более удачно. Отраднo, что пахнуло родной атмосферой "своего" предмета. Но курс нынешнего советского государственного права в его специфике, в его современной обстановке – есть для меня всё же нечто новое, непривычное. Надо вникать, привыкать, вдумываться. Вот просмотрел программу – и с первого взгляда затрудняюсь сказать себе, что же буду писать о ней в своём "обстоятельном отзыве"...

... Опять весна. Канун озеленения, в воздухе свежесть и образы прошлого – и "...память дальнего былого / Слезой прозрачною жива...". (10 ч. 40 м. дня).

30 апреля 1937 г. Весна. В Лосинке – прелесть. Воздух первой зелени, захватывающий дыхание... "Соображения" о программе государственного права. Надумал, написал – к добру ли? Основная мысль: нужно переводить курс от политграматской агитки в солидный, углублённый академический фарватер. Но, разумеется, всецело и вполне имманентный социализму, ленинизму, духу нашей эпохи и нашей веры. Ещё не отшлифовал писанины окончательно. Не знаю, что из этого получится. Худо, что везде – мышья возня мелких самолюбий, честолюбий, корыстолюбий. Подальше бы от них.

Никуда не тянет, разве лишь кроме вот этого воздушного настоя из первых листочков. Какая-то успокоенная и утешительная насыщенность жизнью. Гипертрофия жизненной мудрости... не становится ли последняя от этого собственной противоположностью? Какая-то чёрствость натуры. Сердечный склероз: боль сердца воспринимается головою, а не грудью... за единичными, правда, исключениями (дети). Комплекс "хрустального сердца" – по далёкому Андерсену. (10 ч. утра).

Ездил вчера на Двенадцать евангелий в собор у Киевского вокзала – впервые был там. Знакомые напевы, воскрешающие былое, от самых ранних детских лет. "Разделиша ризы моя и об одежде моей меташа жребий". Ну и, конечно, – "Разбойника Благоразумного".

Приятный хор, благообразная внешность помещения. Только вот ладан без запаха ладана, – так, дымок... Публика – обычная, московская. Не сказать, что впечатление "отработанного пара", как это было ещё как-то, кажется, в этот же день прошлого года, – помнится, я заходил тогда в Чудов монастырь. Нет, день – обычная аудитория советской Москвы. Думається, эти люди, – по крайней мере, в большинстве, – красный праздник 1 мая считают не менее своим праздником, нежели старую, добрую Пасху. Не начинается ли мало помалу процесс действительного воплощения Сталинской Конституции?

На основе добротного социализма жизнь способна сверкать всеми цветами радуги духа. Жало холопства и угнетательства вырвано у "исторической" религии...

Или это я ещё недостаточно, не до юнца перестроился? (10 ч. 45 м. дня).

2 мая 1937 г. Первомайская Красная площадь. Музыка нового мира. Да, дожили! Видеста очи мои...

Блок в 1920: – Музыки старой – уже нет, новой – ещё нет. Скучно (на юбилее Большого Драм. Театра, 16 января). Теперь – уже есть. Новая музыка. И в

ней – извечные мотивы. Иначе говоря: прекрасное в старом не умерло. Прекрасное в старом – бессмертно; оно переходит в новое. И новое – прекрасно.

Мелькает в праздничной голове: 1). традиция Белинского, Герцена, Добролюбова, Некрасова, Чернышевского и 2). традиция славянофильско-соловьёвско-блоковская.

Прежде всё это было расщеплено. Современность явно несёт собою какой-то большой синтез. Новая музыка снимает диссонанс старой. И мы, люди рубежа, уже не гибнем, подобно Блоку, от ужасной паузы: "звуков нет, все звуки умерли". Нет, звуки есть, звуков много, много, воздух от них разрывается, как церковная завеса в пятницу... (2 ч. 10 м. дня).

8 мая 1937 г. 5 мая заходил в Правовой – ныне Юридический – Институт. Тов. Сахач беседовал со мною по поводу отзыва моего на программу курса советского государственного права, который я передал ему накануне. По-видимому, отзыв этот попал в жилу. В нём верно почувствовано и отмечено "главное звено" в преподавании права на сегодняшний день. В результате, новое поручение и даже целых два: 1). Написать самостоятельно проект программы по курсу советского государственного права и 2). Написать критический отзыв на программу по курсу истории права и государства. Нелёгкое дело. *La critique est aisee** [Критика легка, критиковать – легко (фр.)]... а вот самому составлять программу!.. Но как же быть: взявши гуж... Второе. Писать критический отзыв на неведомый мне курс... тоже нелегко!

Но, опять-таки, отказываться нельзя. Попробую. "Зажить предметом". Зажить логикой советской идеи, советской революции, советского государства!..(9 ч. 30 м. утра).

10 мая 1937 г. Приходится частенько заглядывать в Ленина. И каждый раз с новым удивлением восхищаешься гением этого человека! Его ум словно сделан из какого-то особого сверхчеловеческого материала. Какое-то потрясающее ясновидение, вытекающее из аппарата мысли, логики. Читаешь его статьи 1904, 6, 8, 10 годов – ведь это чёрт знает что такое: грядущее – как на подносе, как на хирургическом операционном столе, со всеми потрохами!.. "Заветов грядущего вестник".

Мало ли умных политиков, прекрасных политических аналитиков, – но здесь не то, здесь другое, здесь какое-то фантазмагорическое вдохновение анализа, соединение с порождённой этим вдохновением волевой бурей. Т.е. анализ, доведённый до предельного совершенства, превращается в сокрушительную синтетическую силу, становится сам фактором, ручательством своей достоверности. Замечательно. Чудо без чуда. Да, исключительное явление. Интеллектуальная экстастика, обернувшаяся историческим катаклизмом. (11 ч. 15 м. дня).

12 мая 1937 г. Сижу над программой: "Советы, как новый тип государственной власти... Диалектика диктатуры пролетариата и отмирание государства...". А под ухом коробка переносит в Большой Театр, в первый акт "Кармен"... "Не любишь ты, так..." Что это за манящие, колдовские звуки, всякий раз приводят в дребезжание столь уже подержанные, поистрепанные струны души? Что это: власть реминисценций, словно запах давних духов, щекочу-

щих память, – либо самодовлеющая сила этих задорных и лукавых созвучий любви? Либо то и другое вместе? Нет, нет, надо вернуться к программе... кстати, и коробка смолкла – антракт.

Трудная работа. Трудная задача. Чувствуется, что она не неразрешима, но для разрешения её требуется так много умственных усилий, что я не уверен, способен ли уже я на них... Однако довольно, за дело!.. И сейчас начнётся... Второй акт! (8 ч. 40 м. вечера).

20 мая 1937 г. К сегодняшнему дню, согласно уговору, закончил свой проект программы по курсу советского государственного права. Звоню Директору Юридического Института. Оказывается, он куда-то уезжает: – Позвоните через несколько дней.

Чего же было так торопить? – Всё ещё никак не могу привыкнуть к стилю наших уважаемых Институтов. "Точность – вежливость королей". Неужели вместе с королями следует отменять и их "вежливость"?

...Весна. Черёмуха отцветает, цветёт вишня и яблони, зацвела сирень. Соловьи – целый хор: "Над рекою гнутся ивы, / Соловьи у нас болтливы".

Природа. Как в юности, неизречённая радость и грусть. Но, в отличие от юности, старость не пытается их изрекать. Природа, жизнь, смысл жизни. В разговорах о смысле жизни есть что-то нецеломудренное... Впрочем, что такое старческое целомудрие и какая ему цена? Вечер в разгаре... и в кустах бузины – соловьи... (12 ч. 10 м. дня).

25 мая 1937 г. Звонил Директору Юридического Института – осечка: тов. Сахач уже "не работает", и в директорском кабинете – новый человек, меня не знающий. Скучно, товарищи.

...Но в общем и целом – весело! Радостная, действительно волнующая победа над Северным полюсом. Прекрасное дело обуздания стихий. Оседлать землю, очеловечить природу.

Тринадцать советских полярников – на льдине у полюса. Шмидт и его двенадцать учеников, апостолов активного гуманизма. Такова современная форма всечеловеческого дела, преисполненного великого смысла и священнейших традиций. Такова генеральная линия всемирной истории. Вспоминаются тютчевские строки: "О, жертвы мысли безрассудной! / Вы упали, может быть, / Что станет вашей крови скудной, / Чтоб вечный полюс растопить?!"

На этот риторический вопрос старого поэта история даёт ответ и в символическом, и в реальном планах. Полюс русского самодержавия "растоплен" кровью нескольких, – четырёх, пяти, – поколений. "Скудная" кровь декабристов не пропала зря. Но ещё интересней, что на наших глазах принимаются "растопливать" и другой, не метафорический, а реальный, в известном смысле и впрямь "вечный" полюс! "Зима железная дохнула – и не осталось и следов..." Нет, ошибся поэт, остались следы. Из искры возгорелось пламя, – и подалась, подаётся вековая громада льдов. И ещё. Оба полюса оказываются взаимно связанными, неприступность одного обуславливалась наличием другого. Тронулся лёд истории – будет сломан и лёд природы.

Чтобы освободить мир, человек должен освободить самого себя. Не случайно, ой, не случайно этот громовой полярный подвиг осуществлён людьми именно советской страны, именно людьми социализма. Ибо тут не только героизм, расчёт, отвага, – тут система. Да, да, в этом героизме, в этом расчёте, в этой отваге – есть система. В них живёт новый мир, рождённый в крови и в крови утверждающий себя, своё бытие. Эта кровь, дымясь во льдах и растапливая льды, есть всё та же святая кровь нового завета, за нас и за многих изливаемая... (8 ч. 50 м. веч.).

25-26 мая 1937 г. Третьего дня ездил с детьми в Новый Иерусалим. Заходили к Мише в туберкулезный санаторий, оттуда прошли к знаменитому храму, ныне превращённому в музей.

Издали сверкают на солнце золотые его купола. Очаровательны своею пластичностью уже и внешние его формы. Идём, подходим к белым стенам, обходим их вокруг. Вспоминаю свою поездку сюда в студенческие времена. Музей в бывших кельях, в монастырских зданиях, музей Московской области. Первобытный человек орудия железного и, кажется, также каменного века, клык мамонта, рога гигантского оленя etc. Затем – самый храм. Чудо изящества, гармонии, роскоши. Одно слово – Растрелли. Век Елизаветы. 1656-1759. Алексей Михайлович – Елизавета Петровна.

Гробница Никона, жены Суворова, ещё ряд гробниц. Могильные плиты и на маленьком кладбище при храме. Какой-то старик Цуриков, Бестужев-Рюмин, несколько полковников. Некоторые плиты – совсем древние, 17 века. Тут же экскурсии и стандартные объяснения экскурсоводок. Государственные гиды. Увы, как мало походят они на Беатриче... ровно как, впрочем, ведомые ими трудящиеся – на Данте. *Suum cuique** [Каждому своё (лат.)]. (1 ч. ночи).

26 мая 1937 г. Нет-нет, а вдруг поймаетшь в своей душонке суетную страсть "обнаружиться". Обиду, досаду, что "talанты зарываются в землю". Ворчанье на свой неуплотнённый день. Надо справиться с этим гадким чувствительным. Очевидно, в нём копошатся микробы мелкобуржуазного индивидуализма, неукротённого ещё до конца красной байки тщеславия. Нет ещё надлежащего растворения в том великом целом, радостный смысл которого как будто уже сполна оценён и осознан. Нужно, чтобы это осознание превратилось в инстинкт, стало второй натурой.

Буду нужен – буду призван. Долой своё дело, если оно у тебя есть, т.е. если оно поручено тебе. Можешь искать дела, но не навязывайся с ним. Твое "обнаружение" хорошо лишь в пределах, полезных великому целому. Не уплотнённый день? Какой вздор! – Слушай, смотри, вникай! На это не хватит и 24 часов в сутки. Что отраднее, что может быть счастливее, чем деятельное созерцание нашей эпохи, её чудесной диалектики, её романтизма и её иронии, её людей и событий, её корней и вершин?.. (12 ч. 30 м. дня).

28 мая 1937 г. Вчера – в Художественном театре: "Любовь Яровая. Видел эту пьесу в первый раз. Оживились воспоминания. *Infandum, regina, jubes renovare dolorem** [Ужас, правительница, возобновление скорби (лат.)]! Гражданская война. Красные и белые. Тут же – радуга соединявших и разъединявших их

промежуточных цветов. Переплёт личных трагедий, тупиков, конфликтов, комическое и трагическое *qui pro quo** [Путаница (лат)]. Жизнь живая. Быль.

Конечно, в пьесе она – быль – преподнесена немало препарированной. Меньше, чем в других наших пьесах, но всё же достаточно густо. Нет, это ещё – не реакция искусства на жизнь, – всё это ещё оружие борьбы. Дуло – в одну сторону. Кривоватое зеркало... но всё же зеркало, а не оловянная пуговица. Близится *Quand meme** [Однако, тем не менее (фр.)] время иного подхода к фабулам той эпохи. Для них наступает история. Революция уже настолько овладела нами, нашей страной, что уже скоро можно будет позволить роскошь более серьёзного, более предметного восприятия страшных тех и великих лет... (9 ч. утра).

29 мая 1937 г. Корреспонденция Эренбурга с парижской выставки – об итальянском и немецком павильонах: "В гостях у старых друзей" (вчерашний номер "Известий").

При желании, легко было бы заподозрить автора в зловредном вредительском умысле – реклама фашизма и почти нескрываемая тенденция уподобить его большевизму. А между тем из содержания статьи, достаточно интересного, нетрудно было бы сделать иные выводы, – вернее, нетрудно было бы иначе, действительно по-советски, оформить информационное содержание статьи. Для этого лишь нужно было бы дешёвое и явно вымученное зубоскальство заменить элементами серьёзного, принципиального анализа.

Итальянский павильон. Итальянская авиация. Гордость фашизма: металлические птицы. Девиз итальянского фашизма: "верить, повиноваться, воевать". Фрески: Ромул и Рем, Леонардо, Колумб, Гарибальди, Маркони, Муссолини, Хартия труда. Я не знаю, чего издеваться над этими экспонатами – самими по себе. Эренбург пыжится издеваться, что выходит у него на редкость плоско, халтурно, словно это не Эренбург... У каждого способного размышлять советского читателя сами собой поднимутся вопросы: – А мы разве не гордимся нашими пилотами и самолетами, разве не называем гордыми соколами нашей родины? Разве, далее, мы отвергаем веру, повиновение, борьбу? Разве, наконец, мы отрекаемся от прошлого нашего народа, от его великих людей, его исторической славы?

Рассказав о лозунгах фашизма и покрыв этот рассказ глупейшими, площадными шуточками, Эренбург способен лишь сыграть в руку фашизму. Удивительно, как этого не видит редакция "Известий". Столь же неудачно, как об итальянцах, информирует автор и о немцах. А между тем можно было всё это преподнести достойно и поучительно. Не в том беда и обречённость фашизма, не в том его отталкивающая порочность, что он гордится своей авиацией и призывает верить, повиноваться, воевать, а в том, что во всем этом он видит самоцель, последний закон мудрости, сущность вещей. Мы тоже хотим быть сильными и вооружёнными, мы тоже знаем цену энтузиазма, дисциплины и военной доблести, но мы не смешиваем целей и средств, не превращаем оружия в абсолют. И мы реалисты – и даже в гораздо большей степени, чем фашизм, – но мы знаем реальности более высокие и более фундаментальные,

чем кулак, страх и драка. Мы несравненно богаче и счастливее фашизма. Иначе говоря, сокрушить фашизм нужно и можно, но делать это следует с умом. Неосторожно, близоруко, глупо помещать критику его в план средств, где мы по необходимости вынуждены проделывать много того, что нас с ним сближает. Такая близорукая, фальшивая критика способна навести нашего же читателя на предательский вопрос: – Над кем смеётесь? Над собой смеётесь!

Нужно непрестанно иметь в виду радикальное противоположение в мире целей, на высотах. Только тогда мы будем непобедимы даже и в газетном споре. В противном случае, лучше уж молчать. *Si tacuisses, philosophus non sis** [Умеющий хранить тайну прослышет мудрым (лат.)]. (5 ч. 15 м. дня).

30 мая 1937 г. С наслаждением читаю о Пушкине "Пушкин в жизни" Версаева. В мозгу бегают мысли о жизни, о судьбе, о делах человеческих. Повторительный курс. Ретроспектива.

Словно со стороны. Ничего уже нет и не может быть нового. Эпилог.

Жизненный путь – "умудряет". Правда, оглянешься назад, на весь этот приключенческий и вместе философический фильм – и хочется улыбнуться: отрешённо и всепонимающе. "Сова Минервы" – вот она. Круглоглазая. Сумерки – уже без нового рассвета. Это ясно, "беспощадно ясно". Где-то сказано, что бывает такая доза мудрости, которую уже перестаёт уместить дрящая жизнь: "Исполнен долг, завещанный от Бога, Мне, грешному".

Вернее, не "исполнен долг", а "исполнился жребий". Жизнь не только прожита, но и изжита. "Прожита и рассказана". Груз опыта. Опыта жизни и опыта мысли. Жил – и "мыслил", "рефлектировал на жизнь". В результате до конца истрачено, пропало то воспетое древними философами удивление перед миром, в коем – корень познания и живой источник самой жизни. Теперь уже как-то ничему не "удивляешься" в этом, философском смысле термина, – да, пожалуй, тоже и в житейском. Ничто не стряхнёт ни мозга, ни сердца. Знаешь звучание всех струн мысли, чувства во всех планах – и уже не откликаешься на это звучание, а лишь регистрируешь... Это – do, а это – si, а это – la bemol". Это – от Канта, а это – от Энгельса и Маркса. Это – от Геббельса, а вот это – ...и т.д. Много струн, много песен, и знаешь досконально запах каждой, и что к чему, и кто куда. Душа превратилась в стёртую гривну, выдавшую виды... много видов... И она не утратила, однако, оттого целомудрия, – может быть, напротив: приобрела целомудрие, ненужное и несноемое в этом мире, жара и страсти.

Не знаю, так ли это у меня выходит на бумаге, что-то слова плохо слушаются, но ясно, что поймёт эти строки лишь тот, кто сам дошёл до жизни такой... Груз интеллектуального, орального, ну и "физического" опыта. "Выход из себя"... и из игры... (2 ч. дня).

2 июня 1937 г. Вчера был у Скитальца. Рассказывал он о встрече Куприна на вокзале.

Не виделись они 25 лет, с 1912 года. И вот, довелось... Встретились. Но как! Это было грустное свидание. В сущности Куприна нет, – есть "то, что было Куприным". Бедняга стал развалиной, полутрупом. Не узнаёт окружающих, ничего не помнит, еле идёт, поддерживаемый женой. Явно опоздал

вернуться. Хотя бы лет с пяток тому назад! Встретили его тепло, явились на вокзал несколько десятков писателей во главе с руководством писательского союза – Ставским, Панфёровым. И, разумеется, все были разочарованы. Отвезли в "Метрополь", отвели отличный номер. Издают два тома избранных его произведений.

Скиталец с грустью рассказывает о встрече: – Ну, здравствуй, Александр Иванович, здравствуй... Скиталец! Скитальца помнишь? Не узнаёшь? – Скитальца? А-а... Да, Скитальца помню. Вспоминаю...

И говорит безучастным голосом со Скитальцем о Скитальце в третьем лице... *Vixerunt**.

Рядом с заметкой о приезде Куприна газеты помещают заметку о самоубийстве Гамарника запутавшегося в связях с антисоветскими элементами. (2 ч. дня).

4 июня 1937 г. Иногда думаешь: – Как хорошо бы не думать!

В самом деле, есть нечто беспокойное, изнурительное в самой стихии мысли. Говорят: "навязчивые мысли". Но разве не каждая мысль является в какой-то степени "навязчивой"? Мыслительный процесс в значительной мере самопроизволен. Хочешь затушить его, как свечу, – и не выходит. "Чёрные мысли, как мухи, жала, жужжат и кружатся..." Но, с другой стороны, разве в природе мысли нет внутреннего света, способного побороть тьму этих чёрных мух? Конечно, есть. Но, должно быть, именно вот это-то противоборство света и тьмы в нашем мозговом аппарате и утомляет, изнашивает, изнуряет его. "Свет победил, но аппарат окончательно сдал".

Как хорошо бы не думать! – Разумеется это вздор. Это равносильно иному: "как хорошо бы не жить". Ибо – *cogito ergo sum** [Я мыслю, следовательно, я существую (лат)]. Значит, остаётся: света, больше света! *Mehr Licht!* [Больше света! (нем.)]*. (12 ч. 40 м. дня).

• Будущий юрист, публицист, общественный деятель Н.В.Устрялов родился 25 ноября (6 декабря) 1890 г. в Санкт-Петербурге. В 1913 г. окончив юридическое отделение Московского университета, в 1916 г. стал приват-доцентом. В том же году вступил в партию конституционных демократов и опубликовал свои первые статьи в кадетском журнале "Проблемы Великой России" и журнале "Русская мысль", руководимом талантливым публицистом, учёным и общественным деятелем П.Б.Струве. После Февральской революции 1917 г. возглавил Калужскую кадетскую организацию, но начавшаяся гражданская война застала его уже на юридическом факультете Пермского университета. Так завершился первый этап жизни Н.В.Устрялова.

В декабре 1918 г., переехав в Омск, он возглавил ЦК партии кадетов Сибирской республики. Начал службу юрисконсультom при управлении делами Правительства А.В.Колчака, затем принял руководство Пресс-бюро Отдела печати и приступил, наряду с сотрудничеством в местной "Сибирской речи", к редактированию проправительственной газеты "Русское дело". В своих статьях Устрялов говорил о несомненной перспективности белого движения. Живя в столице Сибирской республики и описывая события второго этапа своей жизни, он продолжил вести дневник, начатый в Перми.

В начале 1920 г. Устрялов эмигрировал в Китай и поселился в Харбине, где после окончания гражданской войны оказалось более 40 тыс. выходцев из России. В этом русском городе действовали русские институты, издавались русские газеты и журналы, ставились русские классические оперные и драматические спектакли. Сюда на гастроли приезжали Ф.И.Шалипин и А.Н.Вергинский. Здесь создавали свои творческие объединения русские художники, писатели, музыканты. Среди русских профессоров в Харбине был и Н.В.Устрялов, преподававший государственное право в местном университете. Так начался самый продолжительный и плодотворный третий этап его жизни. Устрялов успешно совмещал преподавательскую работу со службой в советских учреждениях Китайской Восточной железной дороги. В 1925 г. он возглавил Учебный отдел КВЖД, а в 1928 г. стал директором Библиотеки КВЖД, продолжая вместе с тем активно сотрудничать в русской эмигрантской прессе. В 1920-1924 гг. вместе с Г.Диким Н.Устрялов издавал альманах "Русская жизнь". Его статьи появлялись и на страницах московской газеты "Россия".

Репутацию Устрялова как общественного деятеля и политика в этот период составила идея национального возрождения России посредством неизбежной трансформации диктатуры пролетариата в демократическое государство. Она была вдохновлена поворотом большевиков к нэпу, воспринятым им как переход к цивилизованным формам общественного управления. В свете этой концепции группа кадетов-эмигрантов (А.В.Бобрищев-Пушкин, Ю.В.Ключников, С.С. Лукьянов, Ю.Н.Потехин, Н.В.Устрялов) выпустила в середине 1921 г. сборник статей, носивший название "Смена вех". В статье "Рантоиса", вошедшей в эту книгу, Н.В.Устрялов призывал русскую интеллигенцию старой формации к "смене вех" – "возвращенчеству", сотрудничеству с советской властью на благо России. Этот лозунг, выдвинутый Н.В.Устряловым и поддержанный авторами других статей, воодушевил рассеянную по всему миру русскую эмиграцию, продолжавшую внимательно следить за судьбой родины. Тезисы сменовеховства широко пропагандировала харбинская газета "Новости дня", редакцию которой с 1920 по 1934 г. возглавлял Н.В. Устрялов.

Однако к середине 30-х гг. стало ясно, что теория перерождения Советской России теряет силу и сторонников. Для самого же Н.В.Устрялова высказанная им мысль о возвращении на родину и сотрудничестве с советской властью, вероятно, сохранила свою актуальность и ценность. Получив в феврале 1935 г. разрешение на въезд в СССР и готовясь к отъезду, он привёз в порядок свой харбинский архив и переправил его в США. Скорее всего, среди бумаг было и несколько следующих за пермскими-омскими тетрадей и дневников. В России Н.В.Устрялов предполагал продолжить преподавательскую работу, а также подготовить и издать публицистическую брошюру "Десять лет в Харбине". Кроме того, он надеялся выступить как пропагандист достижений СССР во время своих поездок с лекциями по европейским славянским странам.

По дороге в Москву, ещё в поезде, Н.В.Устрялов начал день за днём записывать свои мысли и впечатления. Отражение им в дневнике глубоко ин-

дивидуального восприятия советской действительности и своего места в ней проходит как бы между двумя полюсами: "я так ценю свою жизнь на родине" – с одной стороны, и "грустно, что служить родине приходится не разумом, знаниями и опытом, а костями" – с другой. Сказать, что дневник богат фактами, мыслями, чувствами, напоен духом 30-х годов – это значит не сказать о нём почти ничего. Эмоциональный строй записей таков, что не может оставить зрелого человека безучастным ни к событиям тех дней, ни, главное, к личности автора этих заметок.

Устрялов не мог не ощущать в Советской России зажима индивидуальности, искусственного умаления престижа интеллигенции, страшной тоски вынужденного бездействия: в записях присутствует некоторая недоговоренность, легко читаемая зашифрованность, прозрачная затуманенность выражения мыслей и чувств. Однако в искренности его дневниковых записей не позволит усомниться краткая записка к жене, датированная 7 июля 1937 г.: "Милая Наташа, пожалуйста, пришли с посланным дневники...". Именно на их ежедневное и красноречивое свидетельство его лояльности к советской власти он надеялся после 6 июля 1937 г. – дня его ареста.

14 октября 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР по ст. 58 пп. 1а, 8, 10 и 11 Н.В.Устрялов был приговорен к расстрелу. В начале декабря 1938 г. в информационно-ознакомительных целях НКВД направил дневник Н.В.Устрялова в ЦК ВКП(б).

№ 3

• **Белоусова Агриппина Антоновна** (р.1910 ?) – экономист. 1910 (?). – Родилась в Харбине в многодетной рабочей семье. Отец – Антон Белоусов (1889–1914), рабочий Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). 1918–1922. – Учёба в школе. 1923–1925. – Учёба в Высшем начальном училище. 1925–1927. – Учёба в гимназии. 1932. – Окончание Планового института в Харбине. Работа в пенсионном отделе КВЖД. 1935. – Переезд с матерью и братом в Советский Союз. Работа в Самарском Управлении железной дороги. 1936. – Поступление в лётное училище. 1938. – Арест брата Ивана. Исключение А.А.Белоусовой, отличницы учёбы, из училища за неуспеваемость. Арест. Препровождение в колонию Кряж. Сообщение об отправке в ссылку сроком на 5 лет. Прибытие под конвоем в село Качиры Павлодарской области. Работа бухгалтером. 1941. – В начале Великой Отечественной войны обращение с просьбой об отправке добровольцем на фронт. 1942. – Второй арест по доносу ссыльной Петрушковой. Заключение в тюрьму. Следствие в течение 9 месяцев. Суд. Приговор: 7 лет ИТЛ и 5 лет ссылки. Отправка по этапу в Казахстан. Условия содержания заключенных. Отбывание срока в лагерях Руд-Бакал, Старый Бакал. Работа землекопом, в строительной бригаде, на полевых работах. 1950 (1949?). – Освобождение по окончании срока заключения. Отъезд в Самару по месту жительства матери и брата".

Белоусова А.А. [Воспоминания] // Будем помнить ...: (Воспоминания жертв политических репрессий) / Добров., историко-просветит., правозащит.

и благотворит. О-во "Мемориал" г. Самары. – Самара: Изд. Дом "Фёдоров", 2000. – С. 9-17.

*** Белоусова Агриппина Антоновна. Мне разрешили самостоятельные полёты,** но отказали в возможности их осуществить.

"Родители мои, уроженцы Ростовской области Калитвинской станицы, были одногодки, 1889 года рождения; они относились к той категории населения, которую называли бедняками. В 1900 году Российское правительство организовало призыв на строительство железной дороги в Северной Маньчжурии, и мой отец с благословения своих родителей выехал на строительство в город Харбин. В 1905 году началась русско-японская война. Для нашей семьи она закончилась относительно благополучно потому, что отец пришёл с фронта живым и невредимым. Затем длительное время он работал в главных механических мастерских КВЖД. В 1914 году он умер, оставив маму с шестью детьми. Чтобы прокормить нас, мама бралась за любую работу и единственную комнату своей однокомнатной квартиры сдавала квартирантам; мы при этом размещались на кухне.

Мама тщательно скрывала от окружающих наше нелёгкое материальное положение. Помню, однажды мои старшие братья пришли из гимназии очень рано и сказали, что их исключили из-за отсутствия гимназической формы. Для мамы это было большим ударом. Тёмные рубашечки и брюки для ребят мама шила сама; она подгоняла их под гимназическую форму, ибо на приобретение настоящей никогда не было денег. На следующий день, преодолевая смущение и горе, мама пошла к директору гимназии и рассказала правду о семейном положении. Надо сказать, что к ней отнеслись с пониманием и разрешили детям продолжать обучение.

В конечном итоге все дети получили высшее или среднее образование и работали впоследствии на КВЖД в различных должностях. Я обучалась в начальной школе четыре года (1918 – 1922 гг.), затем – в высшем начальном училище (1923 – 1925 гг.). В течение двух лет (1925 – 1927 гг.) училась в гимназии. В 1932 году окончила плановый институт в Харбине.

В последующие годы (1933 – 1934 гг.) мои старшие братья выехали в Советский Союз в поисках работы. Я продолжала работать в пенсионном отделе КВЖД. Известно, что в 1935 году Советское Правительство продало КВЖД японцам. В этом же году я, мама и младший брат выехали в Советский Союз. Вначале я работала на железной дороге Самарской области (ст. Подбельск), а затем в 1936 году переехала в Самару и работала в Самарском Управлении железной дороги.

В 1936 году молодёжь области узнала о наборе в лётное училище. Я с большой радостью подала заявление, о приёме, просила комиссию разрешить обучение в училище без отрыва от производства. В 1937 году я уже летала с инструктором, а в 1938 году мне как отличнице учёбы разрешили самостоятельные полёты. Но однажды в училище объявили срочное общее собрание, на котором присутствовали все военные начальники, преподаватели и курсанты.

Нам зачитали список курсантов, исключённых из училища за неуспеваемость в учёбе. Я, отличница учёбы, была в их числе...

В этом же году в Управлении железной дороги начались аресты. Меня арестовали ранним утром. Со мной были два старших брата; один приехал из Джамбула устраиваться на работу. Как сейчас, помню его разговор с конвоиром: "Собирайтесь!" – сказал конвоир. "Я не пойду!" – ответил ему брат. "Собирайтесь, там разберёмся. Вас отпустят", – сурово настаивал конвоир. "Я знаю, как вы разбираетесь и как отпускаете! – ответил брат и категорически добавил:– Не пойду!" Тогда, совсем не к месту, я вмешалась в разговор: "Ваня, пойдём и разберёмся", – настойчиво уговаривала я брата. Ваня послушал меня и ушёл с конвоиром. Больше я его уже никогда не видела... Через несколько лет наша семья узнала, что он был расстрелян в 1938 году.

После ареста меня отвезли в колонию на Кряж. В бараке было 350 человек. Нас разместили по три человека на койку. В этих условиях я прожила десять месяцев, а затем нас отправили по этапу. Условия этапа были таковы, что заключённые не знали, куда едут. Через несколько дней нас высадили из вагонов и сообщили, что направляют в ссылку на пять лет в село Качиры Павлодарской области.

В Павлодаре мы шли свободно без конвоя. Помню, как нас встречали жители, как они давали нам хлеб, картошку и другие продукты, помню их сочувствующие взгляды и слова добрых пожеланий. Этапники уговаривали меня обратиться к начальнику милиции с просьбой о помощи. Я долго не соглашалась, но, подумав о том, что у нас нет ни денег, ни одежды, ни продуктов, решила поговорить с ним. Я подошла к нему и произнесла только одну фразу: "У нас нет ничего...". Больше я не могла произнести ни одного слова – слёзы застелили мне глаза, и вместо слов я безудержно зарыдала. Он молча положил в мою руку три рубля, и я едва нашла силы поблагодарить его кивком головы. Эти деньги в какой-то мере обеспечили наше существование в течение трёх суток ожидания парохода до села Качиры.

В селе Качиры мы узнали, что будем работать на Осьшерьжском элеваторе, расположенном в восемнадцати километрах от села. Меня назначили бухгалтером, остальных – рабочими. Помню, было трудно после работы преодолевать эти восемнадцать километров по открытой степи в любую погоду, особенно ночью, когда страшен не только зверь, но и человек. Через некоторое время меня перевели бухгалтером "Заготзерна" в село Качиры. Таким образом мое жильё и работа оказались рядом. Я была довольна таким переменам в своей судьбе, но ненадолго...

В 1941 году пришла беда для всего Российского народа, началась Великая Отечественная война. Помню, что каждый день на сельской площади отчаянно играла гармонь, пела и плясала сельская молодёжь, провожая друзей на фронт. Парни-призывники держались мужественно; женщины не скрывали горьких и безутешных слёз. Решение пойти на фронт добровольцем возникло сразу. Военкомат был рядом, и я долго уговаривала работников военкомата зачислить меня в списки добровольцев. Но к моему великому огорче-

нию мне категорически отказали. Военком сказал: "Останетесь здесь. В тылу никому работать".

Всё руководство элеватора было мобилизовано, и некоторое время мы оставались одни. Затем на должность директора приехал мужчина средних лет. Первым делом он начал звонить в руководящие организации и требовать, чтобы ему немедленно заменили "ссылного бухгалтера" на "чисто-плотного". Я тяжело пережила его циничное и оскорбительное поведение, но ответить ему не имела права. Знаю, что областные организации пытались его усостить, говорили ему, что Белоусова тот бухгалтер, который ему нужен, но он настаивал на своём. И, наконец, через неделю он скрылся неизвестно в каком направлении, оставив элеватор под мою ответственность.

Помню один печально-курьёзный случай, обычный для тех необычных и тяжёлых дней. Однажды приехал к нам работник одного совхоза и просил выписать квитанцию на сданные им тысячу тонн зерна. Спрашиваю: "Где зерно?". Отвечает: "В поле на корню. Некому убирать – все ушли на фронт. Выписать квитанцию я не имела права, но очень переживала за этого человека и за урожай, оставшийся в поле. Мне стало намного спокойнее, когда, наконец, вышел на работу главный бухгалтер. Но недолго была я спокойна – грянула другая беда.

В 1942 году я получила уведомление на посылку. Мама высылала мне одежду и обувь, которую приобретала ещё в Харбине. Я оформила доверенность на имя нашего шофера, и он привёз мне посылку. Я долго её не вскрывала из-за недостатка времени, сил и настроения. Однажды ко мне пришла ссыльная женщина по фамилии Петрушкова. В своё время она была выслана из Москвы в Павлодар, а затем переведена в наше село. Она была общительна, вхожа в любой дом и напориста в действиях. Отказать ей в общении я не могла и, преодолевая усталость рабочего дня, уступила её просьбе вскрыть посылку и показать все вещи, которые прислала мне мама. Все мои вещи ей очень понравились. Через несколько дней меня арестовали и направили в камеру предварительного заключения. Арест мотивировали тем, что я отрицательно отзывалась об отечественных товарах и пропагандировала зарубежные. Посылку отобрали.

В этой камере я сидела девять месяцев. Условия были трудновыносимые, питание плохое, часто не выдавали хлеба или заменяли его куском арбуза. Я не выдержала этой обстановки и заболела. Врач подтвердил болезнь, и меня отправили в пересыльную тюрьму Павлодара. Там я познакомилась с одной женщиной – врачом, которая была осуждена по наговору же Петрушковой. Оказалось, что по ложным показаниям этой женщины пострадали многие жители Павлодара. Через несколько дней был суд. В зале суда среди судебных работников мелькала и Петрушкова. Когда мне предоставили слово, я сказала о том, что ложные показания этой женщины принесли страдания многим людям и ей нельзя этого простить. После судебного совещания зачитали мне приговор: семь лет лагерей и пять лет ссылки. Такого сурового приговора я не ожидала, тем более, что перед началом судебного заседания, в

вестибюле, ко мне подошёл адвокат и сказал: "Я знакомился с вашим делом, вас не накажут...".

Наступила новая полоса страданий. Меня отправили в Казахстан в пересыльную тюрьму, в самую тяжёлую и неблагоустроенную. Нас поселили в большой барак с двухъярусными нарами. Когда заключённые возвратились с работы, оказалось, что все места уже заняты, пришлось переселиться в другое помещение с открытой дырявой крышей, через которую проникал снег. Спали в обуви, бушлате, брюках и шапке, в них же и работали. Мы рыли глубокие траншеи без применения каких-либо механизмов; из глубины траншей поднимали землю ведрами на верёвках. Кроме этого, возили тяжёлые тачки и носили длинные брёвна. Приходили с работы страшно уставшими. В нашем "доме" не было воды, и мы не умывались, просыпаясь по утрам.

Однажды вечером я отправилась за водой к пропускным воротам и увидела страшную картину: на санях-розвальнях лежали замёрзшие тела, которые везли на захоронение. Мне стало страшно, я убежала обратно в барак и впоследствии никому об этом не рассказывала.

На редкость плохим было медицинское обслуживание в этом лагере: всего один врач – женщина, которую мы никогда не видели в белом халате. Она всегда ходила в военной форме и на все наши обращения отвечала односложно: "Ничего страшного у вас нет. Всё пойдёт".

Помню, однажды нас пригласили чистить картошку, которую заготовили в овощехранилище лагеря. Лучшую картошку выдавали начальству, второй сорт – охране, а гнилую с землёй – для заключённых. Эту, последнюю, повар приказал перебрать и очистить от земли. Наблюдавший за нами в тот момент начальник охраны закричал: "То, что сюда дают, не может быть отбросом. Пусть всё едят!". Эти отбросы были загружены в котёл. Их готовили и в последующие дни до тех пор, пока люди не начали умирать на глазах. И всё это продолжалось долго, до тех пор, пока в лагерь не пришёл этап фронтовиков: они написали обо всём в Москву. Вскоре начальника лагеря сняли с работы.

Часть заключённых, в которую вошла и я, начали готовить в Петропавловскую крепость. Нас выстроили в колонну и вызывали поименно по сроку заключения. Дошла очередь до меня; я называю свой срок: "Семь лет!". Начальник тюрьмы поправляет меня: "Пятнадцать лет!". Я возражаю: "Семь лет!". Начальник конвоя тогда приказывает: "Отойдите в сторону!". Тогда я очень испугалась, что останусь одна, без тех людей, к которым давно привыкла. "Пусть будет пятнадцать!" – сказала я и заплакала. Начальник конвоя озадаченно посмотрел на меня и пошёл в контору выяснить ошибку. Потом он вышел из конторы и приказал встать в колонну.

На этом этапе я запомнила мальчика лет тринадцати. Несмотря на сильный мороз он был босой и всё время бегал среди этапников. Ему никто не запрещал сопровождать нас. Мы прибыли на Руд-Бакал, и нам оказали медицинскую помощь; большинство этапников направили в стационар. Меня долго обследовали и затем оставили на Руд-Бакале, где я работала в строительной бригаде, а осенью, в октябре, была занята на уборке картофеля.

Близилась холодная зима, а мы были плохо обуты и одеты. Однажды на уборке картофеля у меня полностью оторвалась подошва, и с голой ногой я работала с утра до вечера. Через полтора года нас этапировали на Старый Байкал, где выполняла разные работы на строительстве.

Наконец, пришёл срок освобождения. Я отказалась от отправления в Казахстан, я просила отправить меня в Самару, где жили моя мама и младший брат".

№ 4

● **"Бородина Лидия Петровна** – переводчик, журналист. 1920, 23 августа. – Родилась в местечке Эхо (Маньчжурия) в дворянской семье. 1927. – Переезд семьи в Харбин. Получение отцом советского гражданства. Работа отца на КВЖД. 1935. – Переезд семьи в СССР. Жизнь в Куйбышеве. Смерть матери. 1936. – Арест отца. Свидание с ним в тюрьме. Извещение о смерти отца. Выселение из квартиры как дочери врага народа. Учёба в школе. Отказ в приёме в комсомол. Обращение в ЦК комсомола с просьбой о разрешении на вступление в ВЛКСМ. Приём в комсомол по разрешению ЦК ВЛКСМ. Зачисление в Институт иностранных языков в Москве по личному разрешению Н.К.Крупской. 1941, 23 февраля. – Брак с Ю.В.Бородиным. 1941. – Начало Великой Отечественной войны. Эвакуация в Куйбышев. Совмещение работы на телеграфе с учёбой в театральной студии. Вызов в НКВД с предложением о сотрудничестве. 1943. – Возвращение в Москву. Работа в английской газете "Британский Союзник". Согласие на работу в МГБ в качестве секретного сотрудника. Работа секретарём-переводчицей Джеймса Олдриджа, переводчицей в газете "Нью-Йорк Таймс". 1947, 19 сентября. – Арест. Обыск. Заключение в Бутырскую тюрьму. Общая камера. Следствие. Приговор: 15 лет ИТЛ. Этап в Мордовскую АССР. Прибытие в лагерь на ст. Потьма. Работа на торфоразработках. Условия содержания заключённых. 1956, январь. – Досрочное освобождение. Нелегальный вынос из лагеря своих стихов. Отъезд к родным в Тулу. Жизнь в с. Мордвесы. Хлопоты о реабилитации. Переезд в Куйбышев. Посмертная реабилитация отца. Реабилитация Л.П.Бородиной. Журналистская работа в печати и на радио. 1970. – Переезд в Москву. Написание очерков, киносценария, стихов, воспоминаний".

* Бородина Л.П. Воспоминания. Очерки. Стихи. – М., 1997. – 219 с.:

"Зачем я всё это собрала? Прочитает ли кто-нибудь историю моей жизни, начавшейся 23 августа 1920 года на маленьком живописном разъезде ЭХО, в далёкой Маньчжурии, и заканчивающейся теперь в Москве, в полном одиночестве?.. Или с моей смертью всё это пойдёт в огонь, как ненужный бумажный хлам? /Что вообще-то удивительного в моей жизни? Разве не шла я теми же дорогами, которыми вместе со мной шли миллионы людей России – сиротскими, военными, вдовьими, тюремными?.. /Может быть, обладай я талантом писателя, смогла бы из пережитого мною сотворить и художественное произведение, но не сказал ли Герцен: "Для того, чтобы написать свои воспоминания, вовсе не нужно быть великим человеком ... прославленным художником или государственным деятелем. Вполне достаточно быть просто

человеком, у которого есть что рассказать и который может и хочет это сделать"? /Потому, видимо, я и собрала здесь свои воспоминания, очерки и стихи, что мне "есть что рассказать" людям "о времени и о себе". /Рассказанное здесь охватывает 60 лет жизни, и эти годы можно разделить на три периода: от рождения до 1936 года, затем 1936-1943, и потом 1943- 1947, – год, когда родилась совсем другая женщина, хотя и с той же, моей фамилией. Читатель, наверное почувствует, как велика разница между автором начала повествования и той, которая его заканчивает, приближаясь к своему 80-летию". /"И потому в документальной записи я повторила некоторые факты, уже известные читателю, но здесь смысл их был определён двумя словами: я обвиняю. Кто и за что изуродовал жизнь девочки, поименованной "дочерью врага народа"? Кто в ответе за то, что, живя под гнётом постоянной подозрительности и страха, не стала она женой и матерью? Почему люди с голубой полоской на плечах лишили её обыкновенного человеческого счастья". Июль 1997 год, Москва. Бородина Л." (с.2). /"Теперь остаётся сказать, зачем я всё это написала. Если кто-нибудь скажет, что это смелый поступок, я признаюсь: ничего подобного. Я по-прежнему всего боюсь. С трепетом вскрываю каждое казённое письмо. Не люблю, когда молчат в трубку, думаю, что это ОНИ, хотя и понимаю, что уже не представляю никакого интереса. Конечно, боюсь и последствий этого письма. Вдруг ОНИ что-нибудь придумают? Какую-нибудь фальсификацию? /Если же кто-нибудь захочет бросить мне в лицо презрительное слово "сексот", я отвечу: не стала б я всё это писать, будь хотя бы перед одним человеком виновна в его аресте. Совесть моя чиста. /О другом я думаю. Почему я была т а к а я в мои молодые годы? И ответ нахожу в силе, во вселили СЛОВА. Разве же я не знала про 37-й год, это я-то, увидевшая своего отца, изувеченного побоями за три месяца в Кряжской тюрьме? Я ли не знала, что всех, поголовно всех кавежединцев арестовали в 36-37-м годах, а потом в 47-м провели второй "набор"? Разве я не видела колючую проволоку в районе строительства Куйбышевской ГЭС? Почему же я и тысячи таких, как я, восторженно внимали СЛОВУ? Значит оно было сильнее Истины? Таких, как ребята из "Чёрных камней" Жигулина было ведь не так много. /Выходит СЛОВО может ослепить, затмить разум, убить, и повторять это, как банальный трюизм – оно, СЛОВО, может и вдохновить на подвиг, на творчество и милосердие. /И вот я думаю, если бы можно было оставить СЛОВУ только две категории – мудрость и доброту – оно могло бы стать таким же всеильным, каким было в годы сталинского террора, но только теперь со знаком плюс. И тогда не осталось бы в России людей, которым было бы стыдно смотреть друг другу в глаза".

№ 5

• **Вайнцвайг-Скирто Эстер Моисеевна** (р.1915) – 1915, 6 июля. – Родилась в Екатеринославе. Урождённая Эсфирь Моисеевна Шлимович. Отец – Моисей Ефимович Шлимович. Мать – Вера Исаковна. Сестра – Фаина. 1919. – Эмиграция семьи в Харбин (Китай). 1920. – Учёба в еврейской, затем в русской

школе. 1927. – Переезд семьи в Шанхай. Учёба в частной американской школе. Работа в английском журнале "Обозреватель". 1933. – Вынужденное (по настоянию отца) возвращение семьи в СССР. Приезд в Днепропетровск. Жизнь в семье тёти по материнской линии. Поездка в Москву для поступления в Институт иностранных языков. Отказ в допуске к экзаменам по анкетным данным (чуждый элемент, эмигрантка). Тщетные попытки устройства на работу. 1937. – Получение известия об аресте сестры и отца в Днепропетровске. Возвращение в Днепропетровск. 1937, декабрь. – Брак с офицером погранвойск Исааком Давидовичем Вайнцвайгом (р. 1910). Переезд в г. Ораниенбаум под Ленинградом по месту службы мужа. Донос свекрови в НКВД. 1938, 27 февраля. – Арест. Ленинградская тюрьма. Обыск. Допросы. Общая камера. Судьбы заключённых. /Рождение в тюремной больнице дочери Сарры. Помещение дочери в ясли. Преднамеренное заражение детей в яслях. Известие об увольнении мужа из армии. Свидание с матерью. Свидание с мужем. 1939, июль. – Окончание следствия. Ознакомление с приговором Особого Совещания при НКВД: 10 лет ИТЛ. 1939, октябрь (?). – Вызов в прокуратуру. Сообщение о пересмотре дела и снижении срока заключения на 2 года. Передача дочери Сарры на воспитание бабушке. Получение известия о смерти отца в лагере под Свердловском. Отправка этапом в Караганду, затем на Колыму. Знакомство и дружба с польской коммунисткой Броней Заславской. 1940. – Прибытие в женский лагерь в Магадане. Работа на переборке овощей. Переписка с матерью и мужем. Взаимоотношения с уголовницами. Участие в лагерной художественной самодеятельности. 1941. – Известие о начале Великой Отечественной войны. Работа в поликлинике. Отказ от сотрудничества с органами НКВД. Перевод на работу землекопом. Голод. Судьбы заключённых. 1945. – Окончание Великой Отечественной войны. Окончание срока заключения. Отказ в освобождении без указания причины. Освобождение лагерных друзей. Работа в конторе. Болезни. 1948. – Освобождение. Получение справки об освобождении. Жизнь в посёлке Ягодное. Работа счетоводом. Отсутствие ответов на письма о судьбе мужа, матери и дочери. Гражданский брак с инженером Георгием Скирто. Получение разрешения на отъезд с Колымы. Краткосрочный приезд в Москву. Сообщение о запрете на проживание в крупных городах. Поездка в Днепропетровск. Известие о смерти матери, муж – в списках пропавших без вести, отсутствие сведений о дочери. Переезд с Георгием Скирто в пос. Ксеньевское Читинской области. Работа бухгалтером. 1949, 9 октября. – Рождение сына Бориса. 1950, февраль. – Второй арест. Доставка в тюрьму НКВД. Допросы. Приговор: пожизненная ссылка. Отправка в Красноярский край. Работа маникюршей, затем в бухгалтерии. 1954. – Получение разрешения на поездку в г. Балей (Читинская область) на свидание с мужем и сыном. ? – Освобождение из ссылки. Запрет Верховного суда на проживание и общение с сыном. Встреча с сестрой Фаиной в Даугавпилсе (Латвия). Жизнь и работа кассиршей в Даугавпилсе. 1956. – Реабилитация. Получение документов о реабилитации отца (посмертно) и сестры Фаины. Переезд в Днепропетровск. Работа секретарем-машинисткой. Попытки установления контактов с сыном. Переписка и встречи с лагерными друзьями. 1971. –хлопоты о разрешении на отъезд в Израиль. Эмиграция.

Вайнцвайг-Скирто Э. Голубоглазая девочка, где ты? – Тель-Авив: Б. и., 1988. – 62 с.

"Эстер Вайнцвайг было двадцать два года, когда она начала свой долгий путь по сталинским лагерям. Многие годы провела она в дебрях ГУЛАГа. В чём же провинилась перед могучей державой молодая женщина? Подобный вопрос могли задать себе миллионы жертв сталинского произвола. Сразу после революции её родители эмигрировали в Китай. Там прошло детство Эстер. Шли годы, и, как многие эмигранты, впоследствии жестоко поплатившиеся за свои наивные иллюзии, отец Эстер захотел вернуться в страну с "самым справедливым строем на земле". Дальнейшее – как известно: обвинение в шпионаже, во вражеских связях и замыслах против страны Советов. За годы, проведённые в заключении, Эстер встречала много интересных людей, с которыми поддерживала дружеские связи и после освобождения. От них она узнавала иногда такие подробности о жизни "в верхах", которые были скрыты от народа глухой завесой. Об этом Эстер Вайнцвайг также рассказывает в своей книге" [с.4].

"Люди! Я прошу только об одном – выслушайте меня. Мне очень нужно, чтобы меня выслушали. Я не могу уйти, не поведав вам своей истории. И каждое сердце, которое откликнется на неё, будет для меня высшей наградой и утешением. В наш трудный и страшный век, который уже подходит к концу, почти каждая личная человеческая трагедия тесно переплетается с трагедиями и катастрофами, которые переживает мир. Но разве мне, которая потеряла всё, что было у меня самого дорогого, от этого легче? Что пользы искать виновных, отобравших у меня молодость, право любить и радость материнства? Это преступление без наказания.

Древние греки говорили: "До самой его смерти нельзя человека назвать счастливым"... А девочка в белом платье, резвившаяся на зелёной траве, была счастлива. Разве могло исчезнуть когда-нибудь это тёмно-синее небо, весёлые цветные фонарики с изображением драконов и цветов, музыка в саду и добрые ласковые родители?" [с.5].

"Она верила, что это – навсегда. А позже – весёлые балы, маскарады, спектакли, поклонники... Нет, не могли исчезнуть эти, сверкающие огнями, бальные залы и это великолепное чувство – сознание своей красоты, молодости, уверенности, что и впереди счастье, только счастье... Этой беззаботной девочкой была я, Эсфирь Моисеевна Шлимович...

Я родилась в Екатеринославе 6 июля 1915 года. Бурные и опасные годы революции, смены приходивших к власти банд – всё это я знала по рассказам матери. Она часто вспоминала, как с приходом Махно была уверена, что всю нашу семью убьют, и вышла вперёд, закрыв собой детей. Она хотела быть первой... Многие евреи, не верившие, что революция принесёт им свободу и равноправие, уезжали в то время за границу. Вслед за близкими родственниками мои родители – отец Моисей Ефимович и мать Вера Исааковна – эмигрировали в Китай и сперва поселились в Харбине.

В пять лет родные определили меня в ивритскую школу. Проучившись там два года, я говорила только на древнееврейском языке. Родители не мог-

119

ли меня понять и решили перевести в русскую школу. Там я училась четыре года, хорошо усвоила русский. В 1927 году мы переехали в Шанхай, где я начала заниматься в частной американской школе. Там изучали стенографию, машинопись и много внимания уделялось английскому языку. После окончания школы я стала работать в английском журнале "Обозреватель". Мои родители были артистами Еврейского театра. Жили не роскошно, но вполне прилично. Шанхай был в то время изумительным городом: туда приезжали люди со всего мира, приходили суда под разными флагами. В Китае процветали английские и французские концессии.

Но беда уже подкрадывалась к нашей семье... В Шанхае открылось советское посольство. К тому времени многие эмигранты болели ностальгией. "Тоска по родине" заставляла их прислушаться к активной агитации за возвращение домой, в Советский Союз. Другие евреи "болели" Палестиной. Ещё в детстве я видела фрукты из этой сказочной страны – огромные апельсины, вкусные "рожки". Меня очень интересовала эта страна. Я мечтала поехать туда, но отец и слышать не хотел об этом. Без нашего ведома он оформлял документы в советском посольстве и был *очень* счастлив, когда получил их на руки. Ведь недаром говорится, что кого судьба захочет погубить, у того отнимает разум. Я очень рассердилась на отца. Возмущалась, доказывала, что нам ехать туда не надо, что я хочу в Палестину, что в России мы никому не нужны.

Уже несколько лет к нам просачивались тревожные вести оттуда. Русская газета, выходившая в Шанхае, писала о голоде, тяжёлых условиях, в которых живут советские люди. Печатались снимки Троцкого, Рыкова с соответствующими комментариями. Нам было непонятно, как это вдруг заслуженные революционеры оказались врагами и высылаются из страны. Видно, что-то там происходит неладное, и было страшно. Но отец ничему не хотел верить и упрямо стоял на своём. Я кричала, плакала, долго не разговаривала с отцом. Ничего не помогло" [с.6-8].

"Был пасмурный, хмурый день, когда мы прибыли во Владивосток. Низко висели над землёй полные воды тучи. Дул резкий ветер. Моя нарядная, "нездешняя" одежда вызывала угрюмые, недоброжелательные взгляды окружающих. Иногда слышались насмешки. Я подошла к краю причала, там ещё стоял наш пароход. Мне хотелось крикнуть: "Заберите меня отсюда, я хочу обратно, в Шанхай!" Но было уже поздно. Мне всё не нравилось – ни город, ни люди. Возврата не было. Недельку мы пробыли во Владивостоке. Всё время шло оформление каких-то документов, меня ничто не интересовало. Затем нас посадили на московский поезд. По дороге попутчик, военный, рассказал нам об убийстве Кирова, на которого он якобы похож, и о том, какой это был чудесный человек. Мы не знали, кто это Киров, за что его убили, нам всё было непонятно: мы были чужие в чужом мире" [с.8-9].

"В Москве я пыталась поступить в Институт иностранных языков, но, как только заполнила анкету, мне тут же отказали: я была из Китая, чужая. Кончились деньги, которые папа мне дал, я начала продавать оставшиеся у меня вещи. Помню, я сдала в комиссионный магазин новые китайские и японские халаты.

Один был особенно красивый, на спине был вышит круг и в нём чудесные алые розы. У меня его тут же конфисковали под предлогом, что на халате изображена свастика. Я продала почти всё, что у меня было, но работу найти не могла. А тут получила от мамы печальное известие: за два дня до свадьбы арестовали мою сестру. Это было в сентябре 1937 года, а в ноябре арестовали папу. Я немедленно выехала в Днепропетровск.

Не в силах сдерживать слёзы, мама рассказала мне, что накануне ареста, уже предчувствуя неминуемую беду, отец без конца твердил: "О, я дурак, какой же я дурак... Эстер была права, дочка была права... Надо было ехать в Палестину..." Мама мне рассказала, как это произошло. Они сидели с папой на улице у дома на скамейке. К ним подошёл незнакомый человек и пригласил папу "тут недалеко, для разговора". Мама сразу поняла, в чём дело, вошла в дом и наскоро собрала папе узелок с вещами. Родные попрощались друг с другом, больше им не суждено было встретиться в этом мире... По ночам я не спала, чутко прислушивалась к тому, что происходит на улице. Каждую ночь у домов останавливались чёрные машины, бесшумные тени скользили в подъезды – ангелы смерти..." [с.10-11].

№ 6

• **"Варпаховская Ида Самуиловна** (р. 1911) – певица. 1911, ноябрь. – Родилась в Одессе. Урождённая Гекдишман. Отец – экспедитор в порту. Мать – Анна, домохозяйка. Сестра – Зинаида. /Обучение пению с детства. Переезд семьи в Харбин. /1930-е гг., начало (?). – Замужество. Муж – Давид Зискин (1900–1937). 1936. – Возвращение с первым мужем, сыном Григорием и родителями из Харбина в Россию. 1937, 3 сентября. – Неожиданный арест мужа, работника Союзкульторга. Обвинение в связи с фашистами г. Харбина (расстрелян 14 октября 1937, захоронен на Бутовском полигоне Московской области; реабилитирован 17 сентября 1957). 1937, ноябрь. – Арест как члена семьи изменника родины. Приговор Особого совещания при НКВД: 8 лет ИТЛ. 1939. – Этап в Томский лагерь, где отбывала лагерный срок вместе с сёстрами Тухачевского, женой Бухарина, сёстрами и невесткой Якира. Приезд отца на свидание в лагерь. 1943. – Этап во Владивосток, далее пароходом "Дальстрой" на Колыму, в лагерь "Местпром". Работа швейей. Освобождение по болезни, направление в рукодельный цех. 1943, осень. – Перевод в качестве певицы в женский отдельный лагерный пункт ОЛП (г. Магадан), где была организована культбригада. Знакомство с руководителем культбригады Леонидом Варпаховским, впоследствии ставшим её мужем. Участие в постановках "Травиата" (исполнение роли Травиаты) и других. 1945. – Освобождение. 1949, 11 июня. – Рождение дочери Анны. 1953. – Отъезд с мужем, Л.В.Варпаховским, в Грузию. 1956–1957. – Переезд семьи в Москву. 1976. – Смерть мужа. 1987–1988. – Переезд с семьёй дочери в Канаду, Монреаль".

Варпаховская И.С. Из воспоминаний колымской Травиаты // Театр ГУ-ЛАГа: Воспоминания, очерки / сост., вступ. ст. М.М.Кораллова – М.: Мемориал, 1995. – С. 64–79.

• **Варпаховский Леонид Викторович** (1908-1976) театральный режиссёр. (Справка составлена по воспоминаниям И.С.Варпаховской, жены, и Ф.Л.Варпаховского, сына) 1908, 29 марта. — Родился в Москве. Отец – Виктор Васильевич Варпаховский (1873–1917), юрист, закончивший МГУ, присяжный поверенный. Мать – Мария Михайловна Варпаховская, выпускница института благородных девиц в Тифлисе (1888 ?–1944).

1916–1926. – Учёба в московской школе № 10 им. Ф.Нансена. Участие в школьном драмкружке. 1926–1931. – Учёба на филологическом факультете Московского университета. Окончание курса по теории музыки в Московской консерватории. 1931–1933. – Художник и ассистент режиссёра московского ТРАМа. 1933, лето. – Зачисление на должность учёного секретаря театра Мейерхольда. Тесное сотрудничество с В.Э.Мейерхольдом. 1928 год. – Знакомство с Адой Абрамовной Меликовской (1909, Харбин –1938), пианисткой, которая из США, где она обучалась ранее, приехала в Москву поступать в аспирантуру к Г.Нейгаузу. Совместная жизнь с А.Меликовской. 1935, 23 февраля. – Рождение сына Фёдора. 1936, 22 февраля. – Арест за то, что в конце 20-х годов присутствовал при разговорах своего шурина с дядей жены, который был троцкистом. Приговор Особого совещания при НКВД – 3 года ссылки в Казахстан “за содействие троцкизму”. (Шурин – Меликовский Соломон Абрамович – отправлен на Колыму, где расстрелян 8 марта 1938, реабилитирован 6 июня 1956). 1936–1937. – Работа в Алма-Атинском театре им. М.Ю.Лермонтова. Постановка спектаклей “Оптимистическая трагедия” В. Вишневского, “Белеет парус одинокий”, “Слуга двух господ” К. Гольдони и др. 1937, 1 ноября. – Повторный арест. Допросы. Пытка “конвейером”. Отказ от признания “вины”. Приговор Алма-Атинской тройки НКВД – 10 лет заключения в лагерях (ст. 58-10) “за контрреволюционную агитацию”. 1938, 22 марта. – Арест жены Меликовской Ады Абрамовны. (Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР от 9 мая 1938 г. по обвинению в шпионаже в пользу Японии назначена высшая мера наказания – расстрел. Расстреляна 16 июня 1938 г. Реабилитирована 18 июля 1956). Воспитание трёхлетнего сына Федора Ириной Варпаховской, сестрой Леонида Варпаховского. 1937–1940. – Отбывание наказания в БАМлаге (Свободный). Массовые (по спискам) расстрелы в лагере. Получение (1939, начало) известия об аресте жены из уклончивых писем родных. 1940, сентябрь. – Этап на Колыму, в Дальстрой (Нексыкан, Колыма, Ягодное, Магадан). Работа на золотом прииске Чай-Урья. Встречи – неоднократно – с Варламом Шаламовым. При переезде в Дальстрой был вместе с Юрием Домбровским. 1942. – Устройство в культбригаду Севлага. Встреча там с артистом Театра Мейерхольда Юрием Кольцовым. Постановка “Мнимого больного” Мольера. 1943, осень – 1947. – Назначение художественным руководителем культбригады г. Магадана. Знакомство с Идой Самуиловной Зискиной, впоследствии ставшей его женой. Постановки пьесы в стихах “Днепр бушует” (о взятии Киева), комедии “Похищение Елены”, оперы “Травиата” и многих других спектаклей. Сокращение срока на 6

месяцев за постановку “Травиаты”. 1947, 17 мая. – Освобождение. Продолжение режиссёрской работы вольнонаёмным. 1947, октябрь – 1948, май. – Новый арест по доносу. Проведение 8 месяцев в одиночном заключении. Суд. Инкриминирование, в частности, использования музыки из “Реквиема” Моцарта в сцене казни партизана. Защита себя в суде. Вынесение оправдательного приговора, подтверждённого в высшей инстанции в Хабаровске. 1948. – Направление в посёлок Усть-Омчуг (300 км от Магадана). Работа художественным руководителем самодеятельности. 1949. – Приезд на Колыму 14-летнего сына Фёдора и сестры Ирины. 1949, 11 июня. Рождение дочери Анны. 1952. – Отъезд сына в Москву для поступления в институт. 1953. – Освобождение. Отъезд семьи Варпаховских в Тбилиси. 1953–1955. – Режиссёр Тбилисского театра им. А.С.Грибоедова. Реабилитация. 1957. – Переезд в Москву. Главный режиссёр театра имени Ермоловой. С 1962. – Режиссёр Малого театра. 1964. – Присвоение звания заслуженного деятеля искусств Грузинской ССР. 1966. – Присвоение звания “Народный артист РСФСР”. Постановки в Киеве, Ленинграде, Софии, а также во многих театрах Москвы: Художественном театре, Театре Станиславского, Театре Моссовета. С 1970. – Режиссёр Театра имени Вахтангова. 1976, февраль. – Скончался Л.В.Варпаховский. 1995. – Открытие дочерью Анной Театра имени Леонида Варпаховского в Монреале (Канада).

*** Варпаховский Ф.Л. "...иль Чай-Урынская долина мой примет охладельный прах" // Театр. – 1989. – № 6. – С. 129–136: портр., ил.**

"Он беспрепятственно добрался до культбригады и заявил там, что он артист. "Моцарт или Гамлет?" – спросили его, что на блатном жаргоне означало – музыкант или драматический актёр. Этот вопрос был традиционно трудным для отца, всю жизнь делившим себя между музыкой и театром. Всё же, поколебавшись, он назвал Гамлетом. "Откуда?" – спросили его. "Из Москвы", – отвечал отец. "Юра, – позвали какого-то человека с нар, тут артист из Москвы объявился, – потолкуй-ка с ним". Посыпались насмешки. С нар поднялся человек неопределённого вида, который, как показалось отцу, был лет на пятнадцать старше его, и который, как потом выяснилось, таким же образом оценил возраст отца, тогда как на самом деле они были ровесники. "В каком театре работали вы в Москве?" – довольно вежливо спросил этот Юра. "В театре Мейерхольда". Юра предложил отцу назвать каких-нибудь артистов театра. Отец стал называть имена сначала известных, потом менее известных, потом – к растущему удивлению своего собеседника – совсем малоизвестных артистов театра. "Позвольте, а кем же вы работали в театре?" – последовал вопрос. "Я был учёным секретарём театра". "Ну вот, здесь вы и промахнулись, – заявил Юра. – Видите ли, Леню Варпаховского, который работал, учёным секретарём театра, я прекрасно знал". "Простите, а ваша фамилия?" – в свою очередь спросил отец. "Кольцов", – ответил тот. Отец тоже отлично знал молодого известного артиста Художественного театра Юрия Кольцова. "Юра?" – недоверчиво произнёс он. "Леня?" – столь же недоверчиво проговорил Кольцов. Они с огромным трудом узнали друг друга.

Перед отцом положили буханку хлеба и, как он ни стеснялся, как ни старался отламывать по маленькому кусочку, всё же голод взял своё, и кусочек за кусочком он съел её всю. Это едва не привело к завороту кишок, его с трудом отходили. Но с этого момента началась совсем иная жизнь. Какое-то время он был пристроен барабанщиком в оркестре (пригодилось-таки музыкальное образование), но вскоре становится руководителем культбригады, составляет программы концертов, ездит с культбригадой по приискам, ставит различные отрывки и целые представления" [с.132-33].

"Но вот наконец подошло долгожданное освобождение, отец с женой получили комнату в Магадане, и, казалось, жизнь понемногу начала возвращаться в норму. Но уже несколько месяцев спустя отца совершенно неожиданно, арестовывают в третий раз – как вскоре выяснилось, по доносу одного из артистов культбригады. Артист этот имел заслуженно громкое имя и до своего ареста и на Колыме, но был болезненно-извращённым и нравственно разложившимся человеком. По его навету было составлено объёмистое обвинение, более чем достаточное для полновесного срока или даже "вышки". И опять, как не раз уже случилось в жизни отца, возникают уникальные обстоятельства, спасшие его от, казалось бы, верной гибели. Дело в том, что после войны "тройки" были на какое-то время отменены и восстановлены суды. Отец впервые получил возможность отвечать на предъявленные ему обвинения, задавать вопросы свидетелям и даже пользоваться услугами адвоката. От адвоката он не отказался, но защищал себя главным образом сам и делал это с таким азартом и мастерством, словно унаследовал от своего отца, юриста по образованию, окончившего Московский университет, профессиональные юридические навыки. Достаточно сказать, что когда ему давали слово, все работники суда устремлялись в зал заседаний, а судья иногда был так увлечён, что не разрешал обрывать отца даже прокурору, когда тот считал, что отец входит в слишком уж специальные вопросы, касающиеся искусства и театра.

Сейчас многие из обвинений могут показаться настолько нелепыми, что вообще не нуждаются в опровержении. Но тогда было иное время, иные мерки и представления. Вот одно из наиболее запомнившихся мне обвинений. Отцу инкриминировалось использование музыки из "Реквиема" Моцарта (знаменитая "Лакримоза") в сцене казни партизана. Музыка эта квалифицировалась как старый религиозный хлам, использованный отцом исключительно в целях компрометации советского патриотизма. В качестве эксперта по этому вопросу выступала заведующая парткабинетом магаданского Дома культуры, авторитетно подтвердившая полную обоснованность обвинения. На вопросы отца она согласилась отвечать лишь по требованию судьи. Сразу же выяснилось, что её музыкального образования едва хватает на домашнее музицирование и партитуру она читать не могла, так как не знала, в каком строе пишутся партии тех или иных инструментов. Дальнейшие вопросы показали, что она жила в тех местах и в такое время, что слышать исполнение "Реквиема" не могла, и таким образом совершенно не знала этого произведения. Затем отец объяснил суду, что "Реквием" повсеместно считается одной из вершин мировой музыки, и в подтверждение

привёл высказывания о нём виднейших музыкантов, композиторов и деятелей культуры. Но всё это ещё не отводило обвинения – следствие всё равно ведь могло быть право, настаивая на реакционном характере музыки Моцарта. Однако то, что произошло потом, не оставило от обвинения ровным счётом ничего. Отец зачитал вырезку из старой газеты, в которой говорилось, что "Реквием" исполняли на похоронах Кирова, – эту драгоценную вырезку посчастливилось отыскать его жене. Хочу здесь упомянуть, что когда хоронили отца, на траурной панихиде в ВТО по моей просьбе среди другой музыки исполнялась также и "Лакримоза" из моцартовского "Реквиема".

Столь же основательно были разбиты и другие обвинения. И только одно обвинение отвести отцу не удалось. Одна музыкантша из оркестра – немка по национальности – наложила на себя руки. Отец, по традиции, перед началом репетиции в память об ушедшем коллеге поднял и посадил оркестр. Теперь же и самоубийство этой музыкантши и жест отца представлялись единой антисоветской акцией. Как ни доказывал отец, что он всего лишь следовал традиции, что затем весь день шла обычная работа, для суда это выглядело неубедительно. К счастью, данное обвинение потонуло в потоке других, от которых отец не оставил камня на камне. И произошло нечто неслыханное – прокурор отказался от обвинения, а суд вынес отцу оправдательный приговор. Правда, ему пришлось провести ещё два месяца в одиночке (всего он провёл тогда в одиночном заключении восемь месяцев), ожидая решения высшей инстанции в Хабаровске. Но и Хабаровск подтвердил приговор.

Отца выпустили из тюрьмы, но дорога в театр была ему закрыта. Последние несколько лет на Колыме он работал художественным руководителем самодеятельности в посёлке Усть-Омчуг (примерно в трехстах километрах от Магадана). Положение его было странно неопределённым – он не был ни заключённым, ни даже ссыльным и мог как будто и уехать с Колымы, однако практически это было невозможно. Редкие смельчаки, решившиеся на такой шаг, заплатились за это новым арестом и сроком. Впереди не было ни надежды, ни будущего.

В 1952 году я закончил среднюю школу и уезжал в Москву поступать в институт. Хорошо помню, как отец провожал меня на небольшом аэродроме под Магаданом. Всегда подтянутый и элегантный, он в последний момент как-то весь поник, плечи его опустились, и на лице появились слёзы. Меня, помнится, тогда удивила и даже неприятно задела такая чрезмерная чувствительность, а он думал, как потом признался мне, что мы никогда уже больше не увидимся.

Мы увиделись через год. Он уехал с Колымы вскоре после смерти Сталина, а через два года его реабилитировали. Но возвращение к нормальной жизни далось ему, нелегко, ко всему надо было привыкать заново. Приведу хотя бы такой простой пример: на Колыме нет лиственных деревьев, и когда, прилетев в Хабаровск, отец впервые за долгие годы услышал шелест листьев на ветру, он едва мог совладать с охватившим его волнением. И если, будучи в одиночке, он находил в себе силы сочинять либретто на лермонтовский

"Маскарад", записывая его микроскопическим почерком на обложке единственной имевшейся у него книги, если в промёрзшем клубе посёлка Усть-Омчуг он разучивал деревенюющими пальцами концерт Рахманинова, то можно представить себе, с какой жадностью набросился он на работу в профессиональном театре" [с.135-36].

№ 8

● **"Гольдштейн Павел Юльевич (1917-1982)** – педагог, литератор, фило-соф. 1917, 6 сентября. – Родился в Эссентуках. Отец – Уриэль (Юлий) Гольдштейн, выпускник Петербургской консерватории, скрипач, дирижёр, учитель музыки по классу скрипки, руководитель студии имени Шалапина. Мать – Розалия Павловна Дунаевская, оперная певица, преподаватель вокала. 1920-е гг. – Жизнь семьи в Баку. 1920-е гг., конец. – Отъезд отца в концертную поездку в Харбин; из которой в СССР он не вернулся. 1937. – Окончание историко-филологического факультета Московского пединститута. Чтение курса истории XIX века студентам рабфака при Московском университете. Преподаватель истории в средней школе. Посещение репетиций в театре В.Э.Мейерхольда. Написание письма И.В.Сталину после закрытия этого театра. 1938, 5 ноября. – Арест. Лубянская тюрьма, камера на трёх человек. В деле – донос его учеников о защите преподавателем детей "врагов народа". На первом допросе обвинение в принадлежности к контрреволюционной организации. Следователь – лейтенант госбезопасности Котелков. Перевод в Бутырскую тюрьму. Проведение более года в общей камере, где находились сто заключённых, постоянно споривших о ситуации в стране. Сокамерники: Кондратьев, проанализировавший цели и методику Сталина; комкор Тылтин; председатель Бунда М.Рафес; литератор Р.В.Иванов-Разумник; микробиолог академик Г.А.Надсон; соратник Тельмана Карл Поддубецкий и многие другие. Возобновление допросов, обвинение в связях с двумя учениками отца, приехавшими из Харбина после продажи КВЖД японцам и якобы являющимися агентами японской разведки, завербовавшими П.Ю.Гольдштейна. Отказ подписать предполагаемое обвинение по ст. 58 пп. 6, 8, 10, 11. Ночные допросы – "конвейер". Пять суток ледяного карцера, где находился в одной рубашке. 1938, конец декабря – 1939, январь. – Перевод в Лефортовскую тюрьму на месяц. Допросы с избиениями. Угрозы ареста и пыток матери. Ложные показания не подписал. Окончание следствия. В деле запись: "неразружившийся враг". 1939, февраль – ноябрь. – Бутырская тюрьма. 1939, 19 ноября. – Постановление Особого совещания – лишение свободы на 5 лет. 1939, 25 ноября. – Свидание с матерью. 1939, декабрь. – Этап по железной дороге в Каргопольлаг. Станция Нядома. Отнесение к первой категории труда. Солагерники – Фриц Платтен, комкор Болотин, начальник штаба Академии им. Фрунзе И.П.Кит-Войтенко и др. 1940. – Этап на лесоповальный пункт Поямингу. Перевод в Каргополь в Управление лагеря. Больничный стационар. Лесосплав на Онеге. Экономист производственно-технического отдела лесного лагеря. 1941. – Перевод в Ерцево на разгрузочные работы на центральной продуктовой базе. Снова лесоповал. 1941, апрель. – Двухсуточное свидание с матерью. 1941, 23

июня. – Предъявление обвинения "антисоветская агитация во время войны" – ст. 58-10. Лагерная тюрьма. Сокамерники – В.А.Гроссман, Я.Н.Селезенка. Следователь капитан Матюхин. Приговор трибунала г. Архангельска – высшая мера наказания, расстрел. Камера смертников. Отмена приговора до решения выездной сессии областного суда, т.к. антисоветская агитация велась в довоенное время. 1941, конец сентября. – Выездной сессией Архангельского областного суда оправдание за недоказанностью обвинения. 1941, конец ноября. – По постановлению начальника Каргопольлага Коробицына заключение в штрафную тюрьму на Кубинке-Первой на один год. 1941, конец декабря. – Освобождение из тюрьмы. Лагпункт Ерцево. Протест прокурора на решение областного суда. 1942. – Помещение в стационар доктором Соколовой. Лесозавод. Лесоповал на Кубинке-Второй. 1942, 16 апреля. – Пересмотр дела в другом составе выездной сессией областного суда. Приговор – 10 лет ИТЛ с зачётом неотсиженных семи месяцев первого пятилетнего срока. Железнодорожный этап в Удмуртию. 1942, июнь – декабрь. – Колония Пекшур Ижевского ИТК. Работа в похоронной команде, затем на лесоповале. Полное истощение сил. Устройство помощником заведующего больницей. Этап на лесоповал. Затем работа на кухне. 1943, зима. – Предъявление меры пресечения по ст. 58-10, 2 (агитация во время войны) и по ст. 58-11 (антисоветская националистическая организация). Следствие. Допросы капитана Кутявина, прокурора Огнева. Окончание следствия. Карлудская тюрьма Ижевска. 1943, 11 декабря. – Постановление Особого совещания при НКВД СССР об осуждении по ст. 58-10, 2 и 58-11 УК РСФСР на новый срок заключения. Помещение в тюремную больницу, после чего железнодорожный этап в г. Можгу, на пересылку. /Отбывание срока наказания в различных лагерях. /1955. – Освобождение из заключения, в котором находился 17 лет. 1956–1971. – Работа в Литературном музее в Москве. Организация выставок, в том числе посвящённых Есенину, Маяковскому, Шекспиру, Шолом-Алейхему. Написание первой части книги "Точка опоры", снятой на микроплёнку и вывезенной в Израиль Эстер Ломовской-Мостковой. 1971, 5 ноября. – Выезд в Израиль. Встреча с Леей Мучник в Иерусалиме. Женитьба на Лее Мучник. 1970-е гг. – 1982. – Создание в Израиле журнала "Менора". Издание философского исследования "Роман Л.Н.Толстого "Анна Каренина" в свете эпиграфа из Моисеева Второзакония". Написание книги "Дом поэта", посвящённой Марии Степановне Волошиной. Выход книги "Мир судится добром" (философско-религиозные эссе, статьи, переписка, критика). Написание второй (1978) и третьей, незаконченной (1982) частей воспоминаний. 1982. – Скончался Гольдштейн, Павел Юльевич".

* **Гольдштейн П.Ю. Точка опоры: В Бутырской тюрьме 1938 года.** – Иерусалим: Академия Пресс, [1982 ?]. – 112 с.

"Жил ветеринарный врач с семьёй. Трудился. Даже не знаю, что с ним было, что-то очень худой был. И вот, свалилось на него несчастье. Спросил его сослуживец: "Почему ты такой худой, Федя?" "Такая уж конституция". Через сутки его забрали. Товарищ Рафес! Стыдно, нашли подо что теории подводить. Сжимается сердце, как подумаешь обо всём" [с.19]. "Какой тут к чёту Лев Давидович! Тоже гусь хороший. Интеллигентным людям, чрезвы-

127

чайно запутавшимся, нравится словесная мишура" [с.20] "– Ты имеешь лишь то, что видят глаза твои, – проговорил мягким голосом доктор Домье" [с.26] "(Кондратьев) – Теперь глаза открыты... с большим, правда, опозданием. Знаете, сложный вопрос; вопрос, так сказать, сердца... Они – мы с вами...– То есть, – как? – Да, да, как ни странно, мы с вами и окружающие нас. Часто под видом добра творим зло, и очень разнообразно... Пускай даже бессознательно, нисколько не меняет существа дела. На каком-то этапе мы потеряли чувство контроля. Случилось нечто такое, о чём люди не смели говорить, но в то же время в какой-то степени чувствовали" [с.27]

"(Горопьясь, перелистывает страницы) – Сей час, сейчас, секунду. (Наконец, видимо, нашёл то, что нужно) – Угу, ну вот: "Несмотря на то, что Новодворов был очень уважаем всеми революционерами, несмотря на то, то он был очень учён и считался очень умным, Нехлюдов причислял его к тем революционерам, которые, будучи по своим нравственным качествам ниже среднего уровня, были гораздо ниже его. Умственные силы этого человека – его числитель – были большие; но мнение его о себе – его знаменатель – было несоизмеримо огромно и давно уже переросло его умственные силы...". Вот вам Толстой! – воскликнул Кондратьев, – каков старик?.. А вот дальше: "Вся революционная деятельность Новодворова, несмотря на то, что он умел красноречиво объяснять её очень убедительными доводами, представлялась Нехлюдову основанной только на тщеславии, желании первенствовать перед людьми". Вот умница старик?! "Желание первенствовать перед людьми!". Вот так!..

Ну, дальше: "Сначала, благодаря своей способности усваивать чужие мысли и точно передавать их, он в период учения, в среде учащихся, где эта способность высоко ценится, имел первенство и он был удовлетворён. Но когда он получил диплом и первенство это прекратилось, он вдруг, чтобы получить первенство в новой среде, совершенно переменил свои взгляды и из постепенца-либерала сделался красным народовольцем. Благодаря отсутствию в его характере свойств нравственных и эстетических, которые вызывают сомнения и колебания, он очень скоро занял в революционном мире удовлетворявшее его самолюбие положение руководителя партии...". Ну, скажите, что это такое? Какое сходство, а? – Но вы же читали раньше? – Читал и не замечал. Да, не замечал.

Ну, буду продолжать: "Раз избрав направление, Новодворов уже никогда не сомневался и не колебался, и потому был уверен, что никогда не ошибался. Всё ему казалось необыкновенно просто, ясно, несомненно. И, при узости и односторонности его взгляда, всё действительно было очень просто и ясно, и нужно было только, как он говорил, быть логичным. Самоуверенность его была так велика, что она могла только отталкивать от себя людей, или подчинять себе. А так как деятельность его происходила среди очень молодых людей, принимавших его безграничную самоуверенность за глубокомыслие и мудрость, то большинство подчинялось ему, и он имел успех в революционных кругах. – Вы смотрите, как получается? Какое же поразительное сходство! Ну, а наш-то тип похлеще всё же, чем Новодворов, а? Это очень интерес-

но. Хотите, прочту вам ещё?– Хочу. – Ну, вот ещё несколько пророческих слов: "Товарищи уважали его за смелость и решительность, но не любили. Он же никого не любил и ко всем выдающимся людям относился как к соперникам и охотно поступил бы с ними, как старые самцы-обезьяны поступают с молодыми, если бы мог. Он вырвал бы весь ум, все способности у других людей, только бы они не мешали проявлению его способностей. Он относился хорошо только к людям, преклонявшимся перед ним". – Пророчество, – шепчет Кондратьев. – Да, этих людей без сердца нам нелегко было понять. Кажется, нет такой страницы в истории, чтобы в известный момент не появился тип вроде Новодворова. – Вы думаете, что всё это до такой степени цинично? – Прежде я этого не думал...

Кондратьев пододвинулся ко мне совсем вплотную и почти в самое ухо зашептал: – Очень просто делать людям добро и не делать им гадостей. А вот негодяи гонятся за личной славой... Шарлатанство! /Бесстыдство, прикрытое фиговым листком... Сам не знаю, чем он нас ослепил. Ну, скажите, какой триумф – при помощи масс ловко сесть им же на спину? Весьма удачный экземпляр! Именно в этом смысле проявил самые незаурядные способности. Не доверяли фракционерам – болтунам, пустозвонам, ну, а вот он – прямой мужик, железо, да и фамилия у него такая, что можно доверить. Дело в верных руках. И что же? Со всей, так сказать, прямолинейностью очень хорошо усвоил схоластику. Вдобавок – простой и понятный для всех язык. Например: "Расширяем ли мы фактически демократию в деревне? Да, расширяем. Есть ли это уступка крестьянству? Безусловно есть. Велика ли эта уступка и укладывается ли она в конституцию нашей страны? – Уступка тут, я думаю, не очень велика, и она ни на йоту не меняет нашу конституцию". Хлёстко, не правда ли?" [с.29-30].

"Кондратьев посоветовал перечитать "Воскресение" Толстого. Перечитал с огромным интересом. О революционерах там сказано, что "это были не сплошные злодеи, как их представляли себе одни, и не сплошные герои, какими считали их другие, а были обыкновенные люди, между которыми были, как и везде, хорошие и дурные, и средние люди, ставшие революционерами потому, что искренне считали себя обязанными бороться с существующим злом; но были и такие, которые избрали эту деятельность из эгоистических, тщеславных мотивов; большинство же было привлечено к революции желанием опасности, риска, наслаждением игры своей жизнью, – чувствами, свойственными самой обыкновенной энергической молодежи. Различие их от обыкновенных людей, и в их пользу, состояло в том, что требования нравственности среди них были выше тех, которые были приняты в кругу обыкновенных людей. Среди них считалось обязательным не только воздержание, суровость жизни, правдивость, бескорыстие, но и готовность жертвовать всем, даже своей жизнью, для общего блага. И потому те из людей, которые были выше среднего уровня, были гораздо выше его, представляли из себя образец редкой нравственной высоты; те же, которые были ниже среднего уровня, были гораздо ниже его, представляли из себя часто людей неправдивых, притворяющихся, и вместе с тем самоуверенных и гордых". Начинается

129

с этого, а кончается? Гордыня как-то сокращает их до ничтожества. И всякий раз: "Мы все глядим в Наполеоны..." [с.63-4].

"И тут ко всему прочему Разумник Васильевич повторяет свою лекцию, прочитанную им ровно тридцать лет тому назад в Петербурге в зале Тенишевского училища. Тема лекции: "Леонид Андреев – вопрос о смысле жизни в современной русской литературе". Рывок куда-то в прошлое. И Разумник Васильевич, привалась к нарам, откашлялся: "Итак, если Федор Соллогуб с ужасом останавливается перед проблемой жизни с её перидоновщиной, а Лев Шестов не в силах был мириться с фактом необходимости жизни и смерти, то Леонид Андреев с мучительным страхом и отчаянным ужасом останавливается перед проблемой смерти. Никто из этих троих не мог найти точки опоры в том или ином решении: все они блуждали в бесконечном искании и страдании". У самого же Разумника Васильевича такой тон, что именно он-то и есть тот человек, который, с трудом, правда, но добыл всё-таки основную истину" [с.65].

№ 9

* Канева Анна. Харбин: судьба обречённых.

"Горькая судьба Грачёвых

Старожилы Ухты хорошо помнят этого человека – атлетически сложенного, интеллигентного. Александр Михайлович Грачёв. Долгое время он работал главным инженером в "Печорнипинефти". За деловитость, требовательность, знание и опыт коллеги его называли не иначе, как "зубр".

Родился Александр 23 июня 1912 г. в Харбине, в семье служащего КВЖД. Отец, Михаил Васильевич, из крестьян Нижегородской губернии, уехал на КВЖД со своей старшей дочерью на заработки в 1905 г. Был писмоводителем в полицейском участке, десятником стройки. Умер в 1931 г. Мать, Анна Ивановна, сельская учительница, приехала к мужу в 1909 г., вела домашнее хозяйство. В Харбине, кроме Александра, родились Вера (окончила Коммерческое училище), Борис (стал техником связи). Старшая сестра Ольга в 1925 г. с мужем уехала в Австралию. Александр Грачёв окончил в 1934 г. Харбинский политехнический институт. Получил квалификацию инженера-механика, но трудоустроиться на КВЖД стало невозможно. По визе, выданной советским Генконсульством в Харбине, мать, братья и сестра Вера приехали в Москву в октябре 1934 г. Нашли жильё и работу. Александр устроился на московский ремонтно- экскаваторный завод. А ровно через год его арестовали. Особое совещание НКВД выслало его из Москвы на три года.

В феврале 1937 года арестовали вторично и вольную высылку заменили пятилетней ссылкой в Сыктывкар... К тому времени у него появилась жена – Лариса Николаевна Корнеева, зубной врач, тоже харбинка. Её выслали на Север, на пять лет. Молодожёны жили в Сыктывкаре, в домике одинокой старушки. Она подкармливала их молоком и картошкой, а они помогали ей по хозяйству. В октябре супруги Грачёвы были вновь арестованы Управлением НКВД Коми АССР. Оба осуждены на 10 лет без права переписки.

После освобождения Александр два года искал своих родных, писал и писал. С большим трудом удалось узнать судьбу каждого из них. Брат Борис после приезда в СССР работал в Москве радистом. В первых числах июня 1937 г. его сняли с работы, а 19 июня арестовали. Получил 10 лет лагерей в Ухтижемлаге. Сестру Веру арестовали в Москве в мае 1937 г. Дали 10 лет. Сидела в Магадане. Осуждена вторично в апреле 1938 г. тройкой Управления НКВД, приговорена к высшей мере наказания и расстреляна 29 мая 1938 г. Отец жены, бывший служащий КВЖД, осуждён 12 ноября 1937 г., расстрелян. Мать жены, уроженка Харбина, осуждена на пять лет.

А.М.Грачёв пытался собрать оставшихся в живых родственников. В 1949 г. приехал к брату в Ухту, а вместе с ним жена и мать. Но семейная жизнь Грачёвых не восстановилась. Вскоре Лариса уехала. Мать умерла в 1952 г. Второй раз Александр Михайлович женился на ухтинке и был счастлив в браке. Жена – Екатерина Ивановна – душевный собеседник, прекрасный врач... Братья Грачёвы были полностью реабилитированы в 1955 г. за отсутствием состава преступления. Оба ушли из жизни: Александр в 1987 г., Борис – в 1989 г.

Сын, Олег Александрович, окончил академию народного хозяйства и аспирантуру в Москве, но впоследствии погиб в автокатастрофе. Внук Александр и внучка Екатерина окончили МГУ... [НСМ №138, 2007, 10].

№ 10

• **Дин Мин (Юй Чжао Цзюнь)** (1914-1990) – профессиональный революционер, чиновник. 1914, 14 февраля. – Родился в посёлке Ачен близ Харбина (Китай). Отец – бедный ремесленник, мать – домохозяйка. 1930. – Окончание неполной средней школы. 1931. – Бегство в СССР. Арест на советской стороне, возвращение в Харбин. 1932 (?) – 1933. – Активное участие в борьбе против японских оккупантов в Маньчжурии. 1933. – Направление на учёбу в СССР. 1933–1938. – Обучение в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). 1938, 19 августа. – Направление с группой китайских революционеров в секретный пункт, откуда предстояла их отправка в Китай. 1938, 5 октября. – Арест в Москве. Ордер на арест подписал Л.Берия, тогда заместитель наркома НКВД. 1938, 7 октября. – Допрос в Лубянской тюрьме, проводившийся оперуполномоченным Тихоновым. 1938, 16 октября. – Перевод в Бутырскую тюрьму. 1938, 21 октября. – Оформление следователями дела Дин Мина (№ 22207). 1938, 19 ноября. – Допрос. 1939, 26 января. – Третий допрос; отказ подписать заготовленное следователями обвинение. 1939, 3 апреля. – Оглашение приговора Особого совещания при НКВД: заключение в ИТЛ сроком на 8 лет. 1939. – Этап по железной дороге в Котлас, затем пароходом в Архангельск, баржами по Печоре. 1939, середина. – Прибытие в Воркуту. 1939–1946. – Работа на угольных шахтах. Голод. Работа в прачечной, в бане, на кухне, в теплице, на захоронении трупов заключённых. Солидарность заключённых-китайцев. 1946, 5 октября. – Освобождение без права выезда в другие районы (ссылка). 1946, осень – 1954. – Про-

живание в Воркуте на положении ссыльного. 1954, весна. – Сообщение из посольства КНР о разрешении на въезд в Китай. 1955, 15 февраля. – Возвращение в Пекин. С 1955. – Работа в государственных учреждениях КНР. 1990, 14 октября. – Скончался Дин Мин. 1994, 25 января. – Реабилитация".

* Дин-Савва Л. Из Москвы да в Пекин: Воспоминания. – Нью Джерси (USA): Изд-во Hermitage Publishers, 2000. – 349 с.

№ 11

● **Зайцев Иван Матвеевич** (1879-1934) – генерал-майор. 1879, сентябрь. – Родился в станице Карагайская Троицкой губернии (по другим данным – 21 сентября 1877 г. в станице Карагайская Оренбургского казачьего войска, Верхнеуральского округа, в семье учителя). 1894. – Окончание четырехклассного городского училища в Верхнеуральске. Педагог Фоминской соединённой казачьей школы. 1896, сентябрь. Зачисление юнкером в Оренбургское казачье юнкерское училище. 1898. – Окончание училища с чином подхорунжего. 1906. – В чине сотника Оренбургского казачьего войска поступление в Николаевскую академию Генерального штаба. /Окончание Академии Генерального штаба. Служба офицером-воспитателем в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, к началу Первой мировой войны – подполковник. 1914–1917. – Участие в первой мировой войне в качестве командира 1-го казачьего им. Наследника Цесаревича полка. Контузия. Полный Георгиевский кавалер. Награждение офицерским орденом Св. Георгия и Георгиевским оружием. Окончание войны полковником, командиром полка. 1917, 24 марта. – Избрание делегатом от Румынского фронта для приветствия Временного правительства в Петрограде. 1917, 23 апреля. – Член Особого совещания при военном министре по преобразованию армии. После расформирования совещания оставление при кабинете военного министра в качестве советника. 1917, с середины июля. – Назначение командиром 4-го Исетско-Ставропольского Оренбургского казачьего войска. Командующий русскими войсками в Хиве и комиссар Временного правительства в Хивинских владениях. 1917, сентябрь. – Усмирение отрядов Джунаид-хана, а затем, с его помощью, – приаральских туркмен. 1917, октябрь. – Известие об октябрьском перевороте. Непризнание власти большевиков. 1918, 10 января. – Выступление во главе своего отряда из Хивы, занятие Чарджуя, затем Самарканда. Подкуп большевиками казачьего комитета отряда Зайцева. Побег Зайцева, узнавшего о заговоре. Арест в Асхабаде большевиками. 1918, 21 февраля. – Приговор Революционного суда: расстрел, который заменили десятью годами одиночного заключения в Ташкентской крепости. 1918, 1 июля – октябрь. – Второй побег Зайцева с помощью Туркестанской военной организации (ТВО). Исполняющий обязанности начальника штаба ТВО. Провал ТВО. 1918, конец октября. – Выезд из районов Ферганы в район Ташкента. Решение пробираться к старому сослуживцу атаману Дутову. 1918, середина ноября. – Арест в Туркестане: благодаря подложным документам его не опознали, но посадили в тюрьму, собирались отправить в Ташкент. Предупреждение Зайцевым своих людей в Ташкенте, которые сумели дать взятку следственной комиссии. 1918, 24 декабря. – Освобождение

под надзор милиции. 1919, апрель. – Под видом рабочего переход линии фронта в районе Бохачево и выход в район расположения Отдельной Оренбургской армии генерал-лейтенанта А.И.Дутова. Назначение начальником штаба Оренбургского военного округа, затем временное исполнение обязанностей начальника штаба у походного атамана Дутова. 1919, октябрь. – Начальник штаба Оренбургской армии. Получение чина генерал-майора. Отступление под ударами Красной Армии. 1920, 6 января. – Расформирование Оренбургской армии. 1920, начало февраля. – Направление в Китай в качестве полномочного представителя Дутова в Пекине, затем жизнь в Шанхае. 1923, конец. – Персональная амнистия советского правительства. 1924, начало. – Возвращение в Россию. Приезд в Москву. Зачисление в резерв высшего командного состава Красной Армии. 1924, конец сентября. – Увольнение в бессрочный отпуск с должности начальника штаба стрелковой дивизии. 1924, 28 октября. – Арест ГПУ. Бутырская тюрьма (7 месяцев). Выполнение принудительных работ в тюрьме. 1925, 2 января. – Постановление Особого Совещания при Коллегии ОГПУ: 3 года концлагеря. 1925, 11–13 июня. – Ожидание этапа. 1925, 13 июня. – Этап на Соловки. Духовенство в составе этапа: 2 архиепископа, 3 епископа и 12 других лиц духовного звания. 1925, 16 июня. – Прибытие в Кемь. Кемский пересыльный пункт. Работа по перевозке песка и грузчиком. 1925, 18 июня. – Прибытие на пароходе “Нева” с баржей “Клара Цеткин” на Большой Соловецкий остров. Формирование 12-й рабочей группы. Размещение в здании Главного Кремлёвского Собора. Условия жизни в лагере. Надругательства над святынями Русской Православной Церкви. Порядок направления на работу. Гибель заключённых на лесозаготовках. Руководство лагеря из арестантов, бывших сотрудников ГПУ. Работа лесокультурным надзирателем в лесничестве (6 рота). Проведение лесоочистительных работ. 1925, август. – Разрешение духовенству посещать церковь. 1925, декабрь. – Работа по разгрузке ледоколов в Белом море. Обморожение. 1926, март. – Отказ на предложение Эйхмана написать заметку о гражданской войне для журнала “Соловецкие острова”. Перевод на общие работы. Направление на лесозаготовки в главный штаб Соловецкого лесничества Исаково. Помощь медицинского персонала в спасении людей. Возвращение в лесничество. Совместная работа в лесу с владыкой Илларионом (Троицким). Назначение каптёров из духовенства. 1926, сентябрь. – Помещение в карцер. Отправка на грязные работы. Направление в штраф-изолятор на 3 месяца на Секирную гору. 1926, 20 сентября – 10 декабря. – Пребывание в верхнем изоляторе. Условия содержания заключённых. 1926, декабрь – 1927. – Служба вахтенным на Соловецком Маяке на горе Секирной (4-е отделение). Захоронение трупов, замёрзших на лесозаготовках. Выполнение “ударных” работ. 1928, 3 февраля. – Отбытие срока наказания. Ссылка в область Коми на 3 года. 1928, 3 августа. – Бегство из-под надзора ГПУ с пересыльного пункта г. Усть-Сысольск. Семимесячные скитания по России. 1928, 17 сентября. – По документам землемера П.Н.Голубева устройство на службу в окружное земельное управление Амурского округа. 1929, 26 февраля. – Переход в Китай со станции Поярково. С 1929. – Жизнь в Шанхае. Настороженная встреча со стороны русской эмиграции. Активное занятие публицистикой, написанием книг.

1930, 15 июня. – Попытка связаться с начальником отдела Русского общевойскового союза (РОВС) в Шанхае генерал-лейтенантом М.К.Дитерихсом, подача на его имя рапорта об истинных целях своей поездки в СССР. Сообщение Дитерихса о провале рапорта с документами. Невозможность добиться официальной реабилитации. 1931, май. – Выход книги воспоминаний “Соловки”. Назначение по распоряжению руководящего центра начальником Дальневосточного отдела Российской всенародной партии националистов. 1934, 22 ноября. – Самоубийство И.М.Зайцева в Шанхае. 1993, 8 октября. – Посмертная реабилитация.

* **Зайцев И.М. Соловки:** Коммунистическая каторга, или место пыток и смерти: Из личных страданий, переживаний, наблюдений и впечатлений. – Шанхай: Изд-во "Слово", 1931. – 169 с.

"В камеру мы не вернулись. Всю ночь в кремле перетаскивали железный хлам и брёвна, мели и чистили мощёный камнем монастырский двор. А завтра и послезавтра те же хлам и брёвна таскаем на прежнее место... Такова одна из особенностей соловецкой каторги: нет настоящей работы, так занять арестантов водотолчением, лишь бы не давать им отдыха. Только к утру, всего за 2-3 часа до поверки, добрались мы до своих нар. А после поверки погнали на торф. Сквозь кремлёвские ворота текло два потока людей: больший – наружу, меньший – с работы внутрь, в свои роты. Торфяная машина работала беспрерывно, и мы едва-едва успевали обслуживать её. Только на время передвижки вагонеточных рельсов выпадал короткий отдых... Не брежу ли я в кошмарном полусне?.. А вечером, после торфа, снова выгнали на "ударник" по очистке кремля, а днём опять на тяжёлую работу – возить сырец на кирпичном заводе из сушилки в печь... Только две ночи за неделю мы спали по шесть часов и почитали это за счастье...

Всё зависит от ротного начальства и нарядчиков. При распределении заключённых после карантина на постоянные работы, творится самый наглый и открытый произвол. Подкуп, взяточничество и вымогательство процветают повсю. Иногда ("иногда"... - М.Р.) здоровеннейшие, крепкие и молодые детены, имеющие деньги на подкуп, назначаются на лёгкие работы, например, в канцелярию, а какой-нибудь слабосильный и даже больной, но бедный, попадает на лесозаготовки или торфоразработки. Большое значение имеют рекомендации (уже "устроившихся". - М.Р.) знакомых. Благодаря такому "блату" я попал на работу в лесничество..." [Зайцев И.М. Соловки: Коммунистическая каторга, или место пыток и смерти. - Шанхай: Изд-во "Слово", 1931].

№ 12

* **В.А.Ипполитов. Воспоминания.** "Последнее время всё чаще ко мне обращаются мои родственники и друзья, чтобы я изложил на бумаге свои воспоминания о прожитой жизни, о которой они узнавали из моих рассказов. Нет ничего интересного, если не считать событий, которые по своей сути, граничат с детективом. Попробую что-то вспомнить, хотя в моём возрасте это не просто – ведь мне восемьдесят девятый год.

Родился я в 1920 году, 4 апреля, на станции Бухэду КВЖД. Это живописная местность, граничащая со знаменитым Хинганским хребтом, через который железная дорога, преодолевая его, образует петлю. Интересно: находясь в голове поезда, ты видишь его хвост. Эта местность окружена сопками и лесом, а летом цветущим багульником и массой других цветов – лилиями, саранками и другими. Когда цветёт багульник – а его цветы розового цвета – создаётся впечатление, что сопки в огне. Леса эти изобилуют зверем и птицей, ягодами и грибами, располагающими к охоте. Чистый воздух, множество родников и цветов создают неповторимый аромат девственной тайги. Вот в таком месте я и родился.

Местное население, гуроны – это какая-то смесь китайцев и жителей сопки. Народ дружелюбный, занимался охотой. На станцию всегда доставляли ягоды: голубицу, бруснику, чернику, а также грибы и дичь. Местные жители охотно всё раскупали. Отец, когда я подрос, часто брал в сопки меня и сестру Веру. Помню, как однажды, поил нас родниковой водой из ручья, набирая её своей фетровой шляпой, из-за отсутствия посуды.

Мой отец, Андрей Данилович Ипполитов, 1888 года рождения (родом из г. Егорьевска Московской губернии) попал на КВЖД, когда служил в армии. После демобилизации он остался там работать и в 1915 г. женился. Моя мать, Мария Дмитриевна Филиппова, 1900 года рождения и происходила из семьи железнодорожника. В нашей семье было пятеро детей: Георгий (1916 г.р.), Вера (1917 г.р.), Владимир (1920 г.р. – это я), Геннадий (1922 г.р.) и Олег (1923 г.р.). В настоящее время из всех нас в живых остался один я.

Родители моей матери – Дмитрий Васильевич Филиппов и Серафима Устиновна Удалова – приехали на КВЖД из Сибири, из г. Боготола, в начале 20-го века. В Харбине они жили в конце ул. Диагональной, в доме Самутина. Дед Филиппов сначала работал проводником в пассажирских поездах дальнего следования (в том числе Одесса – Порт-Артур), а после окончания службы на железной дороге открыл свою мастерскую по пошиву женской обуви. У них, кроме моей матери, был сын Николай, 1899 г.р. Он работал машинистом на КВЖД. Со своей семьёй – женой Галиной и детьми Любой, Геной и Володей – жил сначала в Харбине, затем на станции Ханьдаохэцзы, откуда в 1935 году они переехали в СССР, в г. Елец.

В Бухэду родители дружили с Иваном Ивановичем Курчатовым, который держал обоз, и с Антониной Дмитриевной Лиснянской, которая держала буфет на станции. Она была крёстной моих братьев Гены и Олега, а моим крёстным был начальник станции Бухэду Андрей Иванович Сидоренко. Из Бухэду моего отца перевели работать на станцию Аньда, и с ним вся семья переехала. Аньда – совсем другая местность: бесконечная степь, ни лесочка, ни речки, покрытая массой разных цветов, перечислить которые не берусь. Здесь водились дрофы – это огромные птицы, которые больше бегают, чем летают. Китайцы отлавливают этих птиц, кормят соевыми бобами, пропитанными ханьжой, после чего птица взлететь не может.

В Аньда я пошёл учиться в школу, когда мне было шесть лет.

Помню, мы больше пели под скрипку, на которой играл учитель, а в свободное время считали на палочках. Мама с бабушкой развели хозяйство, у нас был большой двор и сарай. Завели свиней, птицу и корову, отец соорудил копильню, в которой коптили окорока. Реки в Аньда не было, в искусственном озере, которое создали для заготовки льда, водилось много лягушек, и мы там купались, за что отец нас лупил. Я был некрасивый ребёнок: большая голова, большой лоб и уши, за что меня прозвали головоастиком. Но невзирая ни на что, я цеплялся за жизнь, не упуская возможности утвердиться. Я рано начал заниматься спортом, коньки – это моя страсть, вплоть до того, что в школу я добирался на коньках и через весь город к друзьям в Модягоу тоже бегал на коньках. Я достиг того, что из моих сверстников со мной никто не мог сравниться по конькам. Мы обычно ходили на каток в Желсобе или на каток Зайцева на Пристани. Вторая моя страсть был велосипед. Я разве что с ним спать не ложился. У меня были хорошие машины немецких марок: "Виктория", "Brenabor", "Gricner" и японская "Мафия".

Коньки и велосипед сделали меня спортивным малым, и в 1935 г. я успешно выступал на легкоатлетических соревнованиях от коллектива ЮВЖД в г. Воронеже. Я был хорошо сложен, нормальные бицепсы, бедра и т.д. – это позволило мне в дальнейшем сохранить жизнь, когда я оказался на каторге в ГУЛАГе, правда, не без последствий. Я сорвал себе позвоночник от непосильных нагрузок, при переносе двухметровых дров. Теперь у меня неисправимое его искривление, которое прогрессирует. Но я выжил. Сколько перевезено тачек глины на строительстве плотины, песка на строительстве железной дороги, сколько заготовлено леса на лесоповалах, сколько этого леса сплавлено по рекам на каторге – один Бог знает! И всё то потому, что был рождён на КВЖД.

Но вернёмся в моё детство. В 1927 г. отца переводят в Харбин. Кончилась Аньда, продали корову, ликвидировали хозяйство, забрали собак и налегке переехали в Харбин, на ул. Кривую, 234. Заняли полдома казённого, вторая половина – китайская семья. Большой двор, сарай. Я пристрастился к разведению декоративных голубей, построил голубятник. Злейшие враги мои были кошки, которых не переносу и теперь. У местных жителей разведение декоративных голубей было хорошо организовано, так что было с кого брать пример. Разводить голубей интересно, тем более что родители были не против. Против был учитель китайского языка Василий Нестерович Климентко, которого мама знала с детства. Он прямо заявил ей: "Мария, запрети ему водить голубей! Голубятники плохо учатся! Им некогда делать уроки". В какой-то степени он был прав, но ребёнок я был не от мира сего, и учитель мой ошибся, так как и учился я нормально, и голубей водил. Из других моих учителей вспоминаются учителя начальной школы Милица Теофиловна (фамилию не помню) и Леонид Францевич Лундстрем, учительница английского языка Бела Абрамовна Стрижак.

В Харбине я продолжал учиться в железнодорожной гимназии и носил форму: фуражку с белым кантом, суконный чёрный френч с белыми метал-

лическими пуговицами, широкий чёрный с белой металлической пряжкой ремень, брюки чёрные суконные. Коммерческое училище (коммерсанты) имели на форме зелёную окантовку, реальное училище ("реалисты") – жёлтую. Все мы враждебно относились друг к другу и даже дрались при случае. Проучился я в училище до седьмого класса, после чего поступил в Харбинский индустриально-транспортный техникум, на отделение "Сигнализация, централизация и блокировка" (СЦБ). Следует отметить, что, так как я поступил учиться в шесть лет, то и был всегда моложе всех. В техникуме меня все-рьёз не воспринимали и на наши танцевальные вечера не приглашали, учитывая ещё то, какой я "красавчик"! Отделение в техникуме я выбрал по призванию: к тому времени я уже был "специалист" в области радиотехники. Этот навык я приобрёл в радиомастерской отца моего будущего зятя Виктора Урсула. Урсул Дмитрий Васильевич и Эльза Эмилия Роза Франциевна, и их дети Лина и Виктор до 1935 г. жили в Харбине, где Дмитрий Васильевич работал на телеграфе и имел радиомастерскую. Из Харбина выехали в Ташкент. Виктор Урсул в Харбине учился в политехническом институте, из Ташкента переехал в Воронеж к своей невесте Вере Ипполитовой, моей сестре, женился, работал инженером на заводе "Красный Сигнал", в 1937 г. был арестован и в начале 1938-го расстрелян.

Дальнейшая судьба родителей Виктора и его сестры мне неизвестна. Помню, как вместе с моим другом Шуркой Гагариным мы самостоятельно собрали довольно мощный усилитель, который использовали для проигрывания пластинок. Надо сказать, что для создания усилителя необходимы были детали, которые нужно было покупать, а денег не было. И вот, мой друг Шурка не придумал ничего лучшего, как снять нужную нам деталь с радиолы у своей тётки, которая Шурку очень любила и доверяла ему. Когда всё это обнаружилось и тётка, её звали Рахиль, молодая красивая женщина, пришла постыдить нас, мы – два дурака – готовы были провалиться от стыда сквозь землю. Шурка поставил всё на место, а Рахиль дала ему денег на покупку деталей.

Рахиль Ватковская была дочь известного в Харбине портного. Он имел мастерскую, в которой работала вся семья. Сам Ватковский, старый еврей, скрупулезно чтит свои традиции и не разрешал нарушать их другим, вплоть до того, что проклял свою старшую дочь, Александру, когда она вышла замуж за русского Гагарина, будущего отца Шурки. Травля семьи Гагарина достигла цели: Александра в расцвете своей молодости и красоты отравилась, оставив несчастного Гагарина с двумя детьми. Шурке было тогда 13-14 лет. Если бы можно было описать всю возню с похоронами Александры, которую затеяли её многочисленные родственники, только бы не допустить захоронения на русском кладбище по обычным нашим ритуалам! Они насильно, невзирая на протест Гагарина, повернули всю процессию на еврейское кладбище, куда не пустили русских, и совершили свой обряд захоронения по древнееврейским обычаям: Александру захоронили сидя, предварительно перепеленав. Я не могу об этом не писать, так как все эти события сохранились в моей памяти до настоящего времени.

После этих событий Ватковский признал детей Александры и даже стал их опекать. Кроме Шурки Гагарина, в Харбина у меня были друзья Ванька Драгозовов и Шурка Кушев.

Но не всё было так безоблачно в моём детстве. В 1929 г. китайцы посадили нашего отца в "Сумбей", а семью выгнали из дома, и мы перебрались в "Нахаловку", в дом Тихонова. Матери было тяжело содержать семью, в это время я в школу не ходил. После освобождения отца направляют работать на станцию Имяньпо, и мы там жили около года.

Из Имяньпо отца переводят снова в Харбин на хорошую должность в службу материально-технического снабжения дороги, и мы поселились на ул. Таможенной, в отдельном доме, недалеко от вокзала. У отца были служебные машина, катер, специально оборудованный вагон для служебных поездок и дача на левом берегу Сунгари, которую снесло наводнение 1932 г. Была также секретарша-китайка, которую звали Ниночка. Иногда отец брал в поездки и нас, детей. Так мне удалось побывать в разных местах КВЖД – Хайларе, Цицикаре, Чаньчуне, Ханьдаохэцзы. На Таможенной, рядом с нами, жил бывший консул Китая во Владивостоке Яо Ванъи, его жена Шурочка (русская) и дети – сын Яо Ченлен (звали Гога) и дочь Яо Ченфан (Галя), его двоюродные братья Сун Хуабин (Боря), Сун Хуау (Глеб) учились в ХПИ, Ван Вуго работал переводчиком. Ещё помню, что у родителей были знакомые Филипп Фёдорович Енолеев и Наталья Захаровна Зайцева.

Техникум я не окончил, так как семья выехала в СССР. Дело в том, что по договору с Китаем совместная эксплуатация КВЖД должна была бы закончиться где-то в 1980 году, после чего вся КВЖД безвозмездно должна была перейти китайцам. Но Маньчжурию в 1932 г. оккупировали японцы и потребовали, чтобы русские продали образовавшемуся государству Маньчжоуго права на КВЖД на оставшиеся годы, что и было достигнуто соответствующим соглашением между СССР и Маньчжоуго в 1935 г. Всех советских граждан уволили с КВЖД и предоставили им возможность уехать на родину или в какую-либо другую страну, по желанию.

подавляющее большинство уехало в Союз в эшелонах, бесплатно предоставленных СССР, но многие по личным причинам не воспользовались этой возможностью. Так, в зависимости от материального состояния многие выехали вглубь Китая, в Австралию, США и другие страны. Вот поистине разыграли жизненную рулетку! Кто уехал в СССР, одержимый "тоской по родине", обрёл последние дни существования в ГУЛАГе, не все, конечно, но большинство. Кто переждал, пережил эти страшные годы коммунистических репрессий или уехал в другие страны, впоследствии получил возможность возвратиться на родину, как ни в чём не бывало!

Наша семья уехала в одном из эшелонов в числе первых желающих наконец-то обрести родину. Вместе с нами уезжали Филипповы и наш дальний родственник Исидор Степанович Гаврилюк (который по приезде в Воронеж работал в Управлении ЮВЖД и был репрессирован в 1937 г.). По распоряжению специальной комиссии нашу семью направили в Воронеж, где находились

два управления железных дорог – Юго-Восточной (ЮВЖД) и Московско-Донбасской (МДЖД). Отца направили на работу на МДЖД, дали квартиру во вновь выстроенном пятиэтажном большом доме. В этом доме квартиры ждали работники МДЖД в течение пяти лет, но не получили. Наша квартира в три комнаты приняла семью из семи человек: отец, мама и пятеро детей. Квартира была так расположена, что сразу настраивала на зловещий пейзаж: окна кухни выходили на тюрьму. С нашего пятого этажа тюрьма обозревалась во всей своей "красе", и если бы не козырьки на окнах тюрьмы, видно было бы всё, что делается в камерах.

С первых дней нашего проживания в этой квартире невозможно было не обратить внимания на толпы женщин с узелками в руках, дежуривших всю ночь для того, чтобы утром, когда начнут принимать передачи заключённым, успеть это сделать пораньше, чтобы получить "ответ" о получении передачи. Этим пользовались женщины для того, чтобы узнать, жив ли узник. Но если передачу возвращали и объявляли, что зек выбыл без права переписки – все знали, что его нет в живых. Всю ночь эти несчастные женщины зимой жалась друг к другу, ожидая утра, и, если бы не конная милиция, которая постоянно разгоняла толпы женщин, наверное, к утру часть из них замёрзла бы насмерть. Вот уж когда нет худа без добра!

Другая сторона нашей квартиры выходила во двор, граничащий с улицей Плехановской, и тут наблюдалась картина не лучше. С балкона было видно, как каждую ночь горел свет в окнах некоторых квартир в доме, расположенном рядом с нашим. Там шёл обыск, а утром мы видели людей, сидящих на узлах своих вещей, выброшенных из квартир, где был обыск, и из которых арестованного жильца увели в один из застенков НКВД. Наш дом и другие, рядом с ним стоявшие, дома входили в один комплекс, который называли "домом специалистов" и который ещё долго хранил о себе дурное воспоминание. Это были 1935-1936 гг., и уже немного оставалось времени – один год, – когда я, уже только мысленно, смотрел на окна своей бывшей квартиры из тюремных камер, где меня содержали (видеть её козырьки не позволяли).

В 1937 г., после окончания средней школы, я поступал в московский энергетический институт им. Молотова и, несмотря на успешно сданные экзамены, принят не был, так как отец к этому времени был уже арестован, а потом расстрелян. Арестован старший брат Георгий и отправлен в лагерь; арестован муж сестры и через месяц также расстрелян. Осталась мать, я, беременная сестра и два малолетних брата. Из квартиры нас выселили, и мы перебрались жить в небольшой дом на окраине города, который незадолго до ареста купил отец, но не успел ни отремонтировать его, ни пожить в нём. А в январе 1938-го арестовали и меня.

Тюрьма была переполнена минимум в десять раз. Для примера, восьмая камера, где стояло десять коек, там содержалось 80-85 заключённых. Ночью лежали на полу вповалку, днём стояли. Свободнее было на нарах, которые занимали "привилегированные" – секретари райкомов, предРИКи и прочее "руководство" советской власти. Все они ушли в тот мир, где нет ни радости, ни печали! Уго-

ловников среди нас не было, их содержали в других камерах и использовали на работах по обслуживанию тюрьмы и на других работах. Нас, "контриков", как называла нас тюремная обслуга, ни на какие работы не привлекали.

Из тюремных камер на допросы, как правило, не вызывали, все узники были уже обработаны в предварительных застенках и ожидали своей очереди... Я тоже ожидал. Судя по тому, за кем я числился (особое совещание НКВД СССР), исход был один – расстрел. Не знаю, что помешало осуществить установленный порядок! Мой возраст? Не думаю, так как ходили слухи, что, по негласному указанию Сталина, расстреливать он определил с 15 лет.

Я дождался Особого совещания от 22.02.1938 г.: за контрреволюционную деятельность – 10 лет исправительно-трудовых лагерей. За какую контрреволюционную деятельность? Мне было всего 17 лет и, как говорят, "молоко на губах ещё не обсохло". Палачи форсировали события: 08.01.1938 г. – арест, 22.02.1938 г. – постановление Особого совещания НКВД СССР: 10 лет лагерей, а в июне 1938 г. в числе других заключённых, погружённых в "телячьи" вагоны, из воронежской тюрьмы везли на север в распоряжение ГУЛАГа. Надо было освобождать камеры для других! Можно ли себе представить, сколько заключённых находилось одновременно в тюрьме, если учесть, что в поданный состав из 50-60 телячьих вагонов загружалось до двух тысяч заключённых. Массовая перевозка проводилась в товарных вагонах, но был особый вид транспорта "стольпинские" вагоны (на жаргоне тюремщиков) для перевозки "особых" преступников, представляющие собой "пульмановские" вагоны, специально переоборудованные для этого. В них находилась клетка, в которой можно было только лежать.

Охрана была здесь же, бдела круглосуточно.

Я имел "удовольствие" прокатиться в таком вагоне из свердловской тюрьмы в Соликамск на строительство бумажного комбината в Усть-Боровой. Охрана – зверьё, сопровождавшее этот вагон, не подлежит описанию. Их, наверное, специально натаскивают, как собак, на будущий контингент, который им предстоит перевозить. Выводя из камеры, раздевали догола, обыскивали и отбирали всё, что они считали "не положено". У меня забрали фотографии мамы, отца и тут же их порвали. На моё возмущение пригрозили, что меня поместят в карцер вагона. Не знаю, почему не осуществили свою угрозу, наверное, потому что карцер был занят. Когда меня затолкали в вагон, я услышал душераздирающий крик человека, которого заперли в этот карцер. Собаки-овчарки были не лучше своих хозяев, их держали на коротком поводке, так что собака в любую минуту, получив возможность, могла вырвать кусок тела у арестанта. С тех пор я не переносу овчарок, несмотря на то, что очень люблю собак. Но я отвлёкся в своих воспоминаниях от сути дела – как нас этапировали в ведение ГУЛАГа. Состав подгоняли в тупик, который специально создавали так, чтобы без помех можно было бы грузить заключённых, выводя их из тюрьмы. Состав был огромен, "телячьих" вагонов было не менее 50 и пассажирских для охраны 4-5. Вагоны для заключённых запечатывались наглухо. Внутри они были оборудованы двухъярусными на-

рами по обе стороны вагона, посередине дырка в полу для естественных нужд. На остановках охранники огромными деревянными кувалдами на длинных ручках били по полу и стенам вагонов, проверяя их прочность. И несмотря на эти меры, побегі совершались опытными в этих делах уголовниками. Они не шли покорно, как скот на убой, а постоянно боролись со своим положением, на что у них ума и сообразительности было куда больше, чем у нас, "контриков". Так случилось и тогда, когда в числе штрафников-уголовников, я находился в вагоне поезда, идущего в Кировскую область. Уголовники не ломали пол, не ломали стены, они просто вырезали дырку в стене вагона для того, чтобы пролезла рука, и можно было открутить гайку на болте, который скреплял затвор на вагоне. Дверь откатилась свободно, было уже темно. Подана команда: "Ну, фраера! Кто хочет на свободу – прыгайте!" Одиннадцать человек выпрыгнули в темноту. Поезд шёл по тайге. На остановке оставшиеся в вагоне вызвали охрану и сообщили о побеге. Дальнейшее не интересно, если не считать события, о котором следует вспомнить. На пересылке в Котласе, куда мы прибыли и ожидали дальнейшего распределения, я увидел троих догола раздетых эзков, связанных по рукам и ногам, лежащих на траве под вышкой охранника, под комарами. Это была часть пойманных из нашего вагона.

Плохо помню, как всю пересылку погрузили на баржи, в открытые трюмы. Под дождём, в скотских условиях, без пищи и воды, по реке Вычегде небольшими катерами-буксирами потащили нас на север. Воду мы черпали банками на верёвках под наблюдением охраны и тут же опраивались. Что творилось на баржах?! У меня никаких вещей уже не было, узелок с бельём – и тот украли. Остался в рубашке на голое тело и в штанах. Я начал заболеть, меня поносило. Лекарств никаких не было, и в таком виде в числе других я был погружён на железнодорожную платформу в поезд, идущий на север, в Ухту.

А дальше было всё – и голод, и холод, и болезни, и травмы на грани смерти. Была и любовь! Лагерь – не замок Иф, а я – не аббат Фариа. У меня была возможность передвигаться в пределах установленных границ, так как я работал электриком на разных объектах, а иногда допускались и "бесконвойные" хождения по "производственной необходимости". Я был молод, внешне выглядел недурно, не похож на обычного заключённого, что вводило в заблуждение многих. Прибывшая из Тулы фельдшер Фрида Степановна Игнаткина влюбилась в меня, а я в неё. Она была приятельницей жены начальника лагпункта Литинского, Марии Тимофеевны, и заведующей лазаретом Власовой А.И. В "свободное время" я занят был репетиторством по физике и математике с сыном Литинского, Костей, и Розой, дочерью Власовой: они учились в 5-м классе, жили рядом и общались.

Через Марию Тимофеевну я познакомился со своей землячкой-харбинкой, проживавшей в Ухте – Анной Ильиничной Лопато (или Марией Ильиничной, не помню). Она приехала в Ухту, где находились репрессированные её муж и сын Илья Елисеевич. Лопато – известная фамилия в Харбине: они владели табачной фабрикой, выпускали папиросы. Анна Ильинична

рассказывала мне, что моя мама в возрасте 7-8 лет находилась на воспитании в семье Лопато – они греки. Не знаю, что она могла изменить в судьбе своего мужа и сына, и какова её судьба? По возможности я поддерживал с ней связь до своего освобождения в 1947 г., и, пока я получал паспорт, в марте 1947 г. жил у неё в Ухте 5-7 дней. С Ухтой связана вся моя жизнь в заключении с 1939 г. и до освобождения.

Литинского сменил новый начальник лагпункта по фамилии Цвентух. Фрида вышла за него замуж, и "любовь" наша закончилась. Цвентух отправил меня на штрафной лагпункт, вероятно, для того, чтобы я не общался с его женой. А его скоро призвали в армию и отправили на фронт, где он пропал без вести.

Война была в разгаре. Я, как и многие, просил направить меня на фронт, но нашего брата не призывали. И просился я на фронт не для того, чтобы вырваться с каторги и сделать какую-нибудь пакость, а страдания за родину в огне не давали жить спокойно, несмотря ни на что, по крайней мере, мне. Парадокс! Отец расстрелян, зять расстрелян, брат и я в тюрьме, а я не хочу быть под "Антантой". Цвентух думал меня сгноить, но просчитался: меня со штрафной перевели как специалиста-электрика на электростанцию в Ропче, обслуживающую пошивочный комбинат, где шили обмундирование для фронта. Работали на нём заключённые женщины.

В Ропче я пробыл недолго, так как по доносу работавшего со мной уголовника-электромонтёра, что готовлюсь к побегу, был немедленно направлен в штрафную, а из штрафной в Керки, где содержались, откровенно говоря, умирающие с необратимой формой пеллагры – авитаминоз РР – дефицит никотиновой кислоты. Хоронил их Федя Метельский по ночам (он был по совместительству слесарь-инструментальщик), загружая по несколько раздетых догола с бирками на руках трупов в ящик, из которого их сбрасывали в заранее заготовленную яму. Однажды зимой занесло снегом заготовленную яму, и, приехав на место, Метельский решил привезённые трупы до утра оставить не закопанными. Какую же панику это зрелище вызвало у женщин, возвращавшихся "домой"! Вот так тысячи заключённых исчезли "без права переписки", и никто и никогда не узнает, где находятся их могилы. Метельский погиб при попытке запрыгнуть в товарный вагон проходящего поезда, потерял много крови, спасти его не удалось. Так и он оказался в одной из заранее заготовленных ям, которые сам периодически заполнял.

Погибали "золотые руки" русских умельцев, самородки, талантливые люди. Федя Метельский научил меня кровельному делу, мастерить зажигалки, нарезать к ним колёсики, реставрировать напильники, резать стекло раскалённым металлическим прутом и многим другим премудростям, пригодившимся в дальнейшем в быту на свободе. В Керках я работал на электростанции, которую мы смонтировали вместе с Колей Медведевым – отличным механиком в прошлом, мы с ним освещали зону, бараки и жильё вольнонаёмных. Работали со мной два репатриированных немца с Поволжья. Жил я в электростанции и имел разрешение для бесконвойного хождения. Из Керки я освобождался, но до этого дня было ещё очень далеко.

После окончания войны на обслуживание железной дороги стали прибывать работники НКПС из числа тех, которых посадить было не за что, но бывших в оккупации – значит они неблагонадёжные. Переведённые с Украины были высокомерные и наглые, видимо, недовольные тем, что Гитлеру капут. Помню такой случай. Нам на электростанцию всегда доставляли солярку в бочках проходящие товарные поезда, а я эти бочки со своими работниками на вагонетке перевозил на электростанцию. Один дежурный по станции Керки, Шестаков Виктор, не стал ждать, когда я заберу бочки, и столкнул их с насыпи вниз, откуда их потом трудно было достать. Я возмущился, а он меня ударил по лицу, в ответ немедленно получил "сдачи" кочергой, которая оказалась у меня под руками. Если бы не его фуражка, я бы раскроил ему череп. Рана была небольшой, но дело всё же завели. Мне повезло: следователь меня узнал, вспомнив, как я работал в лазарете в Ухте, и всё дело прикрыли, отобрав у меня только разрешение на бесконвойное хождение.

Вскоре после этих событий я попал в госпиталь с травмой левой стопы от циркулярной пилы, на которой пилили дрова. И если бы не заключённый врач, Даниил Васильевич Царёв, я остался бы без ноги или погиб от заражения крови. Встреча в 1939-1940 гг. с военнопленным врачом по фамилии Сирота и последующая с доктором Царёвым, частые контакты с медиками в лазаретах и госпиталях, не только не отвратили меня от ужасных зрелищ умирающих, но и выработали пристрастие к медицине и я твёрдо решил стать врачом.

Кончилась война, до освобождения оставалось больше двух лет, если не добавят, как практиковалось, не объясняя за что. Пример. Мой родной дядя Коля Филиппов – паровозный машинист; вначале ему дали четыре года, а потом добавили ещё восемь. Я его встретил в Керки на строительстве моста, куда он приводил состав, гружённый песком. Интересно, стоит этот мост сейчас, в 2008 году? Он деревянный и на одной свае, на нём я вырубил свои инициалы "В.И."

Освобождение пришло неожиданно и досрочно на десять месяцев, опять не объясняя почему! Сказать, что кого-то совесть замучила фактом моего ареста и предъявлением мне ордера на арест после моего освобождения *не на моё имя* – это означало бы возведение поклёпа на наши органы и нашу власть. У нас всё делалось правильно и без ошибок. Нет, это не потому. Видно, в комиссию, созданную разобрататься с настоящим произволом, всё же попали люди, которые, рассматривая дела, не смогли не обратить внимание на чересчур наглые факты произвола, тем более, что я завалил жалобами всех и все органы. Надо же было как-то реагировать! Отфутболивая мои жалобы, они докатились до обороны!

Я не был военным, но один ответ я получил от армвоенюриста Померанцева, который не отказывал мне, как делали другие, а сообщил, что жалоба рассмотрена и направлена для принятия мер. С Померанцевым, потом, мы обменялись некоторыми сообщениями, и я думаю, они были не напрасны. Нет, не зря говорят, капля камень точит! И потом наступало время, когда на-

до было прижать хвост этим "безупречным", окончательно обнаглевшим НКВДешникам. Особенно недовольны были военные. Это были армейские офицеры разных родов войск, званием не ниже майора.

Жалобы я начал писать ещё в тюрьме, какая наивность! Какой же дурак пропустит на себя жалобу, да ещё достоверную, конечно, они уничтожались. Пришлось искать другие пути, и они были! Сложенные конвертом, мы их отправляли в отверстие пола вагона, рассчитывая на путевых обходчиков, которые их подбирали. Мир не без добрых людей! Некоторые письма достигали цели, а вот с ответами было хуже, их просто не вручали, но иногда приглашали в спецчасть для вручения отказа, при этом торжествуя ухмылялись! Но капля камень точит! Хоть на десять месяцев, но отпустили раньше и реабилитировали не по моей просьбе с формулировкой: "за отсутствием состава преступления!" Хорошее дело! Теперь я бы подал в суд, чтобы выплатили за нанесённый моральный ущерб, а тогда эта реабилитация была только на бумаге: как были изгой, так и остались.

Освободился я в марте 1947 г., а в сентябре был уже студентом медицинского института. Путь к осуществлению моего желания был непрост. Летом я занимался подготовкой к поступлению в институт с преподавательницей русского языка, с которой когда-то учился в школе. Для начала она решила проверить меня: Я писал диктант для пятого класса и сделал одиннадцать ошибок! Она покачала головой и сказала: "Если бы я тебя не знала, то ни за что не взялась за подготовку к экзаменам в такой короткий срок". Я часто слышал такое определение в свой адрес и не пойму почему. Самый обыкновенный человек. Разве только потому, что в отличие от многих не потерял своё лицо. Сохранил интеллект, не поддался воздействию окружающих. Никакие гонения на бывшего заключённого, чинимые преподавателями, не смогли помешать мне успешно сдать конкурсные вступительные экзамены. Приёмной комиссии было деваться некуда, но меня зачисляют на педиатрический факультет (хотя я подавал заявление на лечебный), т.к. я задержался на распределение. Я заявил, что готов учиться, даже если меня заставят каждый день мыть автомобиль директора! Вызов был дерзкий, но им не воспользовались.

Так я был принят на первый курс, опередив многих, кто окончил школу в год поступления. Я был старше на десять лет самого старшего из принятых одновременно со мной. Мне было 28, а им по 17-18. Конечно, разница эта была заметна. Если всех звали просто по фамилии, реже по имени, то ко мне преподаватели обращались по имени и отчеству. Отличался я от всех ещё и тем, что одет очень скромно, но всегда чисто и аккуратно. Начал я учиться хорошо, получил разрешение в деканате и сдал досрочно, за два года, английский язык, а чтобы не бездельничать, на занятиях иностранного языка (у нас был немецкий) стал изучать его факультативно.

Вопреки негласным указаниям и травле, учился я отлично, получил диплом с отличием, против чего возражали в парткоме. Всего в этом выпуске было несколько таких дипломов, но выданы они были комсомольцам, коммунистам и другим активистам. Надеяться мне было не на кого, мама порт-

ниха, содержала нашу семью. Надо было работать, что я и делал первые три года. Институт с 8 до 15, с 16 до 24 – завод "Сельмаш". На заводе я был электриком в цехе № 1, и, если было всё спокойно, готовился к занятиям, из института принёс кости, череп, бедро, ребро, таз и др. Измотал себя окончательно, засыпал на ходу. Одет был скромно: китель, галифе и сапоги, в которых проходил все шесть лет учёбы.

В институте я встретил девушку Елену Евтушенко, которая стала моей женой и матерью моих детей Инны и Андрея. Елена окончила институт, когда я поступил, получила назначение в Берёзовский район – Рамонь, и определили её в село Новоживотинное, на заведование врачебным участком. Больница на десять коек была разрушена во время войны, и мы занялись её восстановлением. Жили мы в комнате отремонтированной больницы. На каникулах я жил в Новоживотинном, в дни учёбы – в Воронеже, на улице Елецкой, в доме, который покупал ещё отец. На выходные приезжал на попутном транспорте зимой и летом. В Новоживотинном развели хозяйство: огород десять соток, кур, уток, поросёнка. Кормили ракушками, которые собирали в реке Дон и отходами от зерна, которые покупали в местном колхозе.

Годы были трудные, и жить без подсобного хозяйства или заработка было бы тяжело. Я в свободное время ремонтировал радиоприёмники колхозникам, за что получал кое-какие продукты, а в уборочную помогал возить зерно на ток. С братом Олегом, который тоже учился в медицинском институте, мы брались за всё, что могло улучшить наше материальное состояние. Он был прекрасным переплётчиком, имел все приспособления. Он переплетал уникальную литературу из музея, иногда это были диссертации для будущих и настоящих учёных. Я ему помогал, так мы и жили: скромно одеты, всё время заняты учёбой в институте и работой. И никаких развлечений, если не считать коньки и лыжи, которые я не оставлял.

Дом наш был старенький, да ещё и полуразрушен во время войны. В него попал реактивный большой снаряд, но, не разорвавшись, глубоко зарылся в землю. Спустя десять лет, когда я решил обновить полы, случайно на него наткнулся и откопал. Снаряд был огромен, длина его равнялась шеренге солдат-сапёров пять человек, которые приехали за ним и вывезли его за город, где и взорвали. Я их сфотографировал. Вот так много лет вся наша семья, возвратившись в Воронеж, ходила по временному полу, не подозревая, что под ним лежала такая бомба, готовая взорваться в любое время. А мы ещё так лихо отплясывали на этом полу, когда праздновали мою свадьбу!

Брат Гена воевал, попал в плен, и мы много лет не знали о его судьбе. Потом узнали, что он сидел в концлагерях, при освобождении оказался в американской оккупационной зоне. Там встретил русскую девушку Нину из числа угнанных на работы в Германию, и они решили возвращаться домой вместе. Американцы согнали всех русских, решивших вернуться на родину, в лагерь, а ночью лагерь окружили солдаты НКВД с собаками, и тогда Гена, вспомнив судьбу всех наших, воспользовавшись пошедшим дождём, решил бежать. Они с Ниной поженились.

После долгих скитаний оказались в Бразилии, в Порту-Алегри. Там у них родились дети Олег и Тамара...

Прочитав свои воспоминания, захотелось всё написанное порвать и изложить в определённой последовательности, но пусть останется всё, как есть... *Владимир Андреевич Ипполитов, X. 2008*".

Владимир Андреевич не увидел свои воспоминания напечатанными – он скончался 22 ноября 2008 г. на 89-м году жизни. Статья стала данью памяти жертв политических репрессий. Мир и покой его душе" [НСМ №157, 2009, 10].

№ 13

* **Канева Анна. Харбин: судьба обречённых.**

"Актёр, скрипач, дирижёр театра

Владимир Михайлович Каплун, театральный псевдоним Владимирский.

Ветераны Ухты 30-50-х годов помнят его: элегантный, обаятельный. Изысканные манеры не утратил в застенках ГУЛАГа. Звезда театрального искусства "...приложил много усилий поднятию художественной ценности концертов и музыкальных спектаклей в театре". Сумел создать впервые в Коми АССР симфонический оркестр классической музыки: прекрасный педагог, общественник. "Своей работой и поведением заслуживает снятия судимости", – такую оценку получил он весной 1945 г. 23 декабря 1949 г. руководство лагеря объявило первую благодарность за показ оперы "Сорочинская ярмарка".

Кто он, главный дирижёр профессионального театра, прославивший Ухтижемлаг? Поиски, беседы с ветеранами, с теми, кто его знал.

Родился в г. Перми. Сын портного, окончив церковноприходскую школу, поехал в Петербург поступать в консерваторию, успешно сдал экзамены, зачислили его по классу скрипки к профессору С.П.Коргуеву. Сыну бедных родителей приходилось с 15-летнего возраста зарабатывать на жизнь и оплату за обучение. Параллельно с учёбой, частным образом занимался по дирижёрскому классу, практику приобретал вторым скрипачом в оркестре Русского музыкального общества при консерватории. В 1916 г. окончил обучение. Куда определиться с работой?

Счастливая случайность – пригласили в гастрольную поездку на Дальний Восток. Передвижной театр оперы везде выступал успешно. По приглашениям антрепренёров двигались всё дальше. Урал, Сибирь, Дальний Восток, Маньчжурия, Китай, Филиппины, Индия, Япония. После длительного путешествия, в 1920 г. половина актёров уехала в США. Другая часть труппы остановилась в Харбине. В.М.Каплун-Владимирский работал в Желсобе дирижёром оперы восемь лет с выездами в г. Маньчжурию и во Владивосток.

В 1924 г. в Харбине открылось советское консульство. Работники КВЖД стали гражданами РСФСР. В.Каплун организовал театр в Желсобе для обслуживания советских работников. Дважды ездил в Москву за нотами, клавирами и партитурами советских оперетт, пригласил в Харбин известных артистов, музыкантов, балетную группу. Дирижёром оперы и симфонических концертов работал ещё десять лет. Женился на певице театра Александре Лавровне Гвоздевой, с

которой приехал в СССР в 1934 г. Поступил по конкурсу в Государственный Академический Большой театр на вакансию суфлёра, дирижёра и скрипача. Мечтал о московской карьере.

16 сентября 1936 г. его и жену арестовали. Был осуждён Особым совещанием НКВД по подозрению в шпионаже на 5 лет. Жену, А.Л.Гвоздеву, певицу харбинского театра, осудили на 10 лет – отбывала срок в Карлаге (Карагандинский ИТЛ).

Заключённый Каплун-Владимирский поступил в Ухтпечлаг 21 января 1937 г. из Бутырской тюрьмы. Поместили его в общий барак в зоне ОЛП-1 (был на сельхозработах, рабочим буровой, а затем – семь лет главным дирижёром лагерного театра). В оркестре играли первоклассные музыканты. Основу его составляли харбинцы – музыканты, вернувшиеся из Харбина на родину, которые почти сразу были изолированы по подозрению в шпионаже.

Приказ об освобождении пришёл 6 апреля 1944 г. Три года отбыл сверх установленного срока. Через неделю после освобождения был оставлен в театре "по вольному найму", с "прикреплением" к лагерю до окончания войны. Лишь в конце 1945 г. ему показали бумагу об откреплении. Но он продолжал работать в театре как ссыльнопоселенец. 24 мая 1954 г. получил паспорт, и на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1955 г. был освобождён от вечного поселения со снятием судимости.

Свободу-то он получил, но ему уже 60 лет. Семья не воссоединилась. Жил одиноко, готовил обед и вёл домашнее хозяйство китаец, тоже бывший заключённый. Потеряно всё: семья, карьера, общество, зритель. Куда ехать? Остался в Центральном доме культуры в должности исполняющего обязанности музыкального руководителя культбригады. 1 декабря 1954 г. его уволили по сокращению штатов. Вышел на пенсию. А выезд в Москву не разрешён.

В это время его пригласили в г. Сыктывкар. Дал согласие работать в филармонии дирижёром оркестра. Затем принимал активное участие в формировании актёрского коллектива и в открытии 6 августа 1958 г. республиканского музыкального театра оперой "Евгений Онегин". Был дирижёром театра. Реабилитирован военной коллегией Верховного суда СССР 23 марта 1957 г.

Такая неповторимая грустная судьба харбинца-артиста, скрипача и дирижёра театра – Владимира Михайловича Каплун-Владимирского" [НСМ №138, 2007, 10].

№ 14

• **"Ковган Прокопий Степанович** (р.1884) – военный, общественный деятель, литератор. 1884, 26 февраля. – Родился в станице Старо-Леушновской (Кубань). Отец – Степан Константинович Ковган – казак, чабан, помощник станичного атамана. Мать – Мария Прокопьевна Забегайло. Братья и сестры – Моисей, Евдокия, Матрена, Василий, Яков. 1890-е гг. – Учёба у местного диакона отца Хаустова. 1900-е гг. – Обучение кузнечному делу. 1901. – Начало казачьей службы. Служба в 1-м Уманском казачьем полку. 1910–1912. – Назначение инструктором по обучению казаков и детей станицы Старо-Леушковской военному ис-

куству и гимнастике. 1914. – Участие в первой мировой войне в составе 3-го Уманского конного полка. Кавалер 4-х Георгиевских орденов. 1916, июнь. – Отпуск в родной станице. Погромы на Дону и в Кубанской области. Участие в охране населения от погромов. Предание военно-полевому суду при Управлении Ейского отдела за неявку в полк. Оправдание на суде и освобождение. Передача дела в военно-полевой суд в Екатеринодаре. Пребывание в тюрьме. Известие об отречении Государя Императора. 1917, 13 марта. – Заседание Военно-окружного суда. Освобождение. Чтение лекций в просветительском кружке. Вступление в Казачий союз. Участие в качестве делегата в заседаниях 1-й Кубанской Краевой Рады. 1917, декабрь. – Командировка на Дон к Войсковому Атаману А.М.Каледину. 1918, 1 февраля. – Командирование Кубанской законодательной Радой, Правительством и Войсковым Атаманом в Ейск для восстановления порядка и закона. Освобождение Ейска от большевиков. Наступление красных частей на Екатеринодар. 1918, 28 февраля. – Эвакуация населения Екатеринодара за реку Кубань. Участие в первом и втором кубанских походах против Красной Армии. 1919, осень. – Деятельность в качестве интенданта Донской армии. 1920, 28 февраля. – Эвакуация населения Кубанского края. 1920, 12 марта. – Прибытие в Новороссийск. Отъезд на барже с семьёй в Балаклаву (Крым). Занятие города большевиками. Действия ЧК в городе. Проживание под фамилией Ковчик. Попытка ареста. 1921, 1 апреля. – Арест чекистами жены П.Ковгана Марины Васильевны и детей: Якова (12 лет), Марии (6 лет) и Николая (4 лет). Заключение их в тюрьму. Помощь друзей, посещавших семью в тюрьме. Массовые расстрелы жителей чекистами на даче Максимовича близ Севастополя. Новая попытка ареста на даче Зимборского. Побег. 1921, 17 апреля. – Освобождение семьи. Переезд в Симферополь. Голод. Поход жены со старшим сыном в Перекоп за хлебом. Ее арест. Двухмесячное пребывание в тюрьме. Возвращение истощённого сына. Душевная болезнь дочери. Переезд в село Чаплынка. 1922, май. – Служба деловодом нарсуда 5 участка. 1922, октябрь. – Переезд в г. Николаев. Участие в подпольной антибольшевистской организации. Раскрытие организации ГПУ. 1924, 14 июня. – Арест. Заключение в тюрьму. Допросы. Предложение сотрудничества. Подписание обязательства о сотрудничестве под кличкой "Ваня". Освобождение. Дача ложных сведений в ГПУ. Подготовка к бегству из Николаева. Бегство с семьёй во Владивосток. Арест в Челябинске. Освобождение за взятку. Прибытие во Владивосток. 1925, 24 декабря. – Переход китайской границы. 1926. – Прибытие в г. Харбин. 1926–1927. – Написание воспоминаний "Записки неуча" и их публикация. Организация Рабоче-крестьянской и Национал-демократической партии. Основание Общеказачьей станицы. 1928, 24 февраля – 11 мая. – Арест в Харбине в связи с обвинением в нелегальном издании "Записок неуча". Пребывание в Харбинской тюрьме. Снятие обвинения. Освобождение. 1930-е гг. – Выступления против лидеров эмиграции. Высылка из Харбина (1935). Репатриация через Шанхай в СССР".

Ковган П.С. Записки неуча: в 4 т. – Харбин: Вольное казачество, 1927-1931.

* **Протоиерей Ланской Евгений.** Харбин – детство моё и мечта.

"Моё детство"

Харбин был изумительным городом, центром православия в Китае, более чем с двумя десятками храмов. Сейчас из них периодически действует только один – Покровский на Большом проспекте, где регентом в своё время служил мой отец... Внешне Харбин напоминал наши поволжские города – Кострому, Нижний Новгород. Дома невысокие, очень красивые – в стиле модерн, неоклассицизма. Всё в зелени, кругом сады. Китайцы жили в пригороде, в Фуцзядяне, и, конечно, в окружающих деревнях. Более очаровательного народа, чем китайцы, я в жизни не видел. Добрые, терпеливые, быстро приспособивались к условиям жизни. Сейчас всё изменилось, наверное.

Конечно, кроме православных храмов, в Харбине были и костёлы, мечети, синагоги – царил атмосфера потрясающей терпимости. До сих пор помню харбинских газетчиков: ватаги мальчишек бегали по улицам с большими сумками и, громко выкрикивая новости, продавали газеты. При этом одновременно в сумках у них лежали: "Новости Востока", газета советского посольства, "Наш путь" – фашистская газета, "Харбинское время" – японский листок. На любой вкус, пожалуйста! По улице могла ехать машина со свастикой, навстречу ей – автомобиль с серпом и молотом. И никто на это не обращал никакого внимания, все к этому относились очень спокойно. Вот такой был наш Харбин в те далёкие 20-30-е годы.

Мы с сестрой Галей – она была на два года младше меня – родились в по-настоящему религиозной семье. Родители мои очень хорошо пели. У мамы – Полины Дмитриевны – было прекрасное контральто... Отец мой, Степан Тимофеевич, попал в Китай ещё до революции: был призван в царскую армию, служил в русской части в Харбине, остался там, устроился на Китайскую Восточную железную дорогу. Мама с бабушкой тоже переселились в Харбин до октябрьского переворота. Здесь родители познакомились и поженились. Мама работала на КВЖД бухгалтером. Жили мы очень хорошо. У нас был не дом, а целое поместье: три громадных жилых помещения, сад, парк, хороший двор. Помню, бонна нас с сестрой гулять водила...

Бабушка моя, Христина Григорьевна, была удивительным человеком. Умерла она в 1959 г., во время эпидемии гриппа, не дожив до ста лет всего лишь трёх месяцев. Совершенно неграмотная, ни слова по-русски не говорила – только по-украински, ведь семья-то наша из украинцев. Но вот бабушка моя неграмотная становилась на колени, начинала молиться... Она знала столько молитв! И читала их наизусть на церковнославянском.

В городе по утрам ходили по дворам продавцы-китайцы с двумя корзинами на коромысле. В них было всё, что нужно хозяйке из продуктов на день. Русских мужчин китайцы называли "*капитана*", а женщин – "*мадама*". И вот бабуля ранним утром – старенькая, не спится ей – выходила подышать воздухом, стояла у ворот, а китаец-носильщик, завидев её, кричал: "*Мадама, цибули нема*", что по-украински значит "лука нет".

У нашей семьи было много друзей и знакомых. Главный друг дома – Елена Вонифатьевна Гордзиевская, супруга протоиерея Прокопия Гордзиевского, тоже украинец. Она меня с пелёнок воспитывала в церковном духе. Мне рассказывали, что малышом, приходя из храма, я надевал на себя полотенце, становился на стул, брал какую-нибудь цепочку и кадил. И все говорили: "Женюра наш будет архиереем"...

Елена Вонифатьевна научила меня читать молитву Ефрема Сирина "Господи и Владыко живота моего...". Муж её умер, когда я был совсем маленьким, но до сих пор помню надпись на надгробной мраморной плите – по-украински: "*Нехай буде тобі легким пухом чужа земля*"...

Я слышал, что в Харбине собираются восстанавливать Свято-Николаевский кафедральный собор, разрушенный хунвейбинами во время культурной революции. Он стоял в центре города, во всём своём великолепии. Построен собор был по тем же принципам, что и храмы в Кижях: из дерева и без единого гвоздя. Служили в нём два протодиакона. Один из них – о. Николай Овчинкин, бас, а второй – о. Симеон Коростелёв, красивый, утончённый тенор... Барышни спрашивали друг у друга: "Сегодня пойдёшь в церковь? Нынче Сенечка служит"... Потом о. Симеон вернулся в Союз, пел в хоре храма во Львове.

Очень я любил Свято-Николаевский собор, мы с бабой (так я называл Елену Вонифатьевну) туда часто ходили. И ещё в Спасо-Преображенскую церковь в Корпусном городке. На Пасху мы, конечно, отправлялись в Покровский храм, где регентовал мой отец. Никогда не забуду, какая у русских харбинцев была искренняя вера. Не просто разговоры о вере, не просто шум вокруг церковного праздника, а неподдельная радость. На Прощеное воскресенье все утром шли в церковь, и после службы, выходя на улицу, встречаясь друг с другом, просили прощения. Это было обычным делом, естественным, как вдох и выдох: "Простите меня Христа ради". – "Бог простит. Простите меня грешного". А сейчас у нас всё это, к сожалению, воспринимается совсем не так.

Три субботы перед Великим постом, за вечерним богослужением, поётся в храмах 136-й псалом – "На реках Вавилонских, там сидели мы и плакали, когда вспоминали мы Сион...". Это псалом русской эмиграции. В нём выражена вся горестная тоска по родине. И когда хор начинал пение этого псалма, в харбинских храмах стояло великое рыдание...

Изумительные харбинские пасхальные ночи. С Великой Субботы на Воскресение громадный город погружался в темноту. И ровно в полночь, когда впервые перед запертыми дверями храма священники возглашали "Христос Воскресе!", вдруг над всеми церквями зажигались кресты. Иллюминация, конечно, но было ощущение, что кресты плыли в воздухе, прорезая тьму. Это было потрясающе.

Рождество и Пасху в Харбине невозможно описать. У нас дома в столовой стоял громадный стол, который во время празднования был весь заставлен разнообразными блюдами. На Рождество по украинской традиции его покрывали соломой, а сверху стелили белоснежную скатерть. Накрывался стол уже вечером в Сочельник – обильный, вкусный, постный: стояли все-

возможные каши, грибные блюда. А на следующий день разговлялись знаменитыми харбинскими окоороками, колбасами, поросятами, икрой. Было очень много фруктов: бананов, ананасов, апельсинов. На Пасху все разговлялись ночью, а с утра начинались визиты. Так называемые визитёры садились на извозчиков и ездили по знакомым. Заходили, христосовались, выпивали рюмочку, кушали и уезжали. И вот, через несколько часов, к вечеру, видишь, как такого визитёра, сомлевшего и довольного, навизитёрившегося, еле-еле везёт домой китаец.

Китайцы очень хорошо относились к русским, к нашей вере. Известна история с китайцем, который стал тонуть и чудесным образом был спасён. Он во время бури на Сунгари упал с лодки в реку, а она в такое время становится страшной, очень мутной. Лёгкие утопающего быстро забиваются лёсом и ... Этот китаец сильно испугался и крикнул: "*Старика вокзала, помогай!*", имея в виду покровителя Харбина, святителя Николая Чудотворца, и потерял сознание. Очнулся – стоит по колено в воде у берега. Вылез, отдышался и пошёл на вокзал. Там стоял большой киот с образом святого с теплившейся неугасимой лампадой. Китаец упал перед иконой, а на следующий день крестился с именем Николай. Кстати, очень многие его соплеменники тогда приняли Святое Крещение, и многие с именем Николай.

Интересную историю рассказывал настоятель харбинской Св. Алексеевской церкви (бывш. Коммерческих училищ КВЖД) на Кривой улице, о. Илия, брат о. Лазаря Новокрещеных. В сентябре 1945 г. в храм зашли трое советских лётчиков, стали ходить по церкви. Настоятель их отвёл в сторону и спросил: "Господа, вам что-нибудь нужно?". И они рассказали ему историю. Лётчики эти летели бомбить Харбин и, приближаясь к городу, вдруг из-за облаков увидели лицо старика, который поднял руки, и... самолёт лететь отказался. Он не падал, но вперёд лететь не хотел. Могли повернуть направо, налево, назад, вниз, но только не вперёд... Лётчики вернулись на аэродром и никому ничего не сказали. Кто-то из них узнал старика – Николай Чудотворец... И пришли в храм ему поклониться. Поставили свечи, ушли... И ведь действительно, на Харбин во время войны осенью 45-го года не было сброшено ни одной бомбы.

Вообще я был каким-то странным ребёнком. В трёхлетнем возрасте читал "Детские годы Багрова-внука" Сергея Аксакова. Да и на память свою мне грех было жаловаться. Когда мы жили уже в Советском Союзе мне давали прочитать страницу, например, Конституции СССР, а я тут же наизусть её рассказывал...

В Харбине учился в английском колледже. Наш директор, мистер Линдслей, ходил с моноклем, в строгом сером костюме – типичный сын Альбиона. Хотел, чтобы его ученики выросли настоящими джентльменами. Учился я, стыдно хвалиться, но блестяще. Не в силу необычных способностей, просто мне легко давалось. В колледже была система карточек. Оранжевая карточка – это верх возможного. Жёлтая – очень плохо, зелёная – так себе, красная – хорошо. У меня за всё время учёбы были только оранжевые карточки.

После окончания колледжа мне прочили карьеру дипломата, считали, что я поеду учиться за границу, в английский МИД...

...В колледже нас учили тем предметам, каким было принято учить в среднем учебном заведении, только на английском языке. Помню, французский нам преподавала француженка, мадам Люси, которая была женой русского белого офицера из армии Колчака, Александра Степановича Чугунова, осевшего в Харбине. Мои родители с ним дружили. С мадам Люси однажды вышел такой смешной случай. Как-то у нас собрались гости, а она опаздывала. Наконец появилась и сказала мужу: "Александр, почему Вы не учите меня красивым русским словом? Я сейчас наблюдала драку русских извозчиков и записала за ними". Тут мадам Люси открыла записную книжечку и прочитала присутствующим отборный русский мат.

Возле колледжа был ботанический питомник, целый парк, мы, дети, здесь гуляли. А китайцы-торговцы, знающие вкусы детворы, приносили *тахулы* и знаменитые китайские липучки! Я до сих пор ночью просыпаюсь со вкусом этих липучек во рту, как будто только что их ел.

Арест родителей

Все русские очень любили приютивший их Харбин, но ещё больше они любили родину. Так мы всей семьёй вернулись в Союз в 1937 году. Мой отец не хотел верить тому, что на родине происходили кровавые события... аресты, репрессии... Он твердил: "Меня тянет на батьківщину". Между харбинцами, уехавшими и оставшимися, был уговор. Если в России всё плохо, в Харбин нужно было прислать письмо с кодовой фразой: "Здесь всё хорошо, когда приедете, остановитесь у Калашниковых". Калашниковы – белоэмигранты, и поэтому в России остановиться у них никто не мог, так что фраза эта означала: ехать нельзя. Родители получили несколько писем с этой фразой, но ... тем не менее мы поехали. Папа рвался на родину, в украинский город Каменец-Подольский. При этом ничему плохому он верить не хотел, но кто-то ему сказал, что в Стране Советов плохо со стоматологами, и он отвёл меня лечить зуб. Харбинская пломба цела у меня до сих пор.

Наше знакомство с Россией произошло на станции Отпор: в вагоне харбинцев был устроен обыск. Меня поразило то, что в Союз не разрешали ввозить пластинки Петра Лещенко. Те, кто об этом знал, наклеивали на них этикетки с фамилией Бетховена. Когда мы приехали, пришлось снимать комнату в полуразвалившемся доме. Через месяц папу арестовали. Была осенняя ночь, холодно. А на отце – только брюки, с короткими рукавами рубашечка, на босу ногу сандали. Мама плачет, он ей говорит: "Поля, что ты плачешь? Не волнуйся, всё выяснится, я через полтора часа домой приду". До сих пор он идёт...

Отцу дали десять лет без права переписки. Это значило одно – расстрел. Маму забрали через месяц. Причём в Каменец-Подольске нас очень полюбили, и одна девушка, работавшая в НКВД, вечером перед арестом прибежала к нам и говорит: "Тётя Поля, я печатала сегодня ордер на ваш арест". Храбрая, ведь если бы на неё донесли, то и она бы оказалась в тюрьме. Мы – мама,

Галя, я – просидели всю ночь, обнявшись. Только в шесть утра постучали в дверь. Пришли двое, сделали обыск. Один из энкавэдэшников порезал руку. Мама, бедная, ему рану йодом обрабатывала, бинтом забинтовывала, а он даже спасибо не сказал.

Нас, всех троих, вывели на улицу, мы вместе дошли до перекрёстка. Мама повели в одну сторону, нас с Галочкой – в другую. Так мы стали детьми врагов народа, детьми арестованных.

Саратов

Мама попала в Актюбинский лагерь для жён изменников Родины, так называемый АЛЖИР. Меня и Галю отправили в детский дом в селе Веселово под городом Лепелем в Витебской области. Здесь жили дети репрессированных, в основном с Украины. Надо сказать, что в детском доме к нам относились очень хорошо. Мы, воспитанники, часто вместе собирались и пели песни. А женщины из числа обслуживающего персонала слушали и плакали. Здесь была очень неплохая школа, чудесный лес вокруг, изумительный директор – Сима Соломоновна Элькина.

Когда стали постарше, переехали в Саратов. Сюда из Харбина вернулась бабушка и тётя Ксения, мамина сестра и моя крёстная. Но года не прошло, как умерла Галя. Я как-то вынес всё, что с нами произошло, а она сломалась. Мы же из той жизни, в Харбине, попали под аресты, расстрелы, в детские дома. Кстати, у меня в Китае перед отъездом врачи обнаружили порок сердца. Сказали, что, если я дотяну до 18 лет, – это будет чудо, даже хотели освободить от занятий в школе. Но в Саратове врач сказал, что у меня нет даже намёка на болезнь. Может быть, повлияла резкая перемена климата.

В Саратовской школе №47, где я учился, мне удалось скрыть правду о родителях. Сначала думал, что это нечестно, терзался, но потом подумал, что если людей мучили за гораздо более лёгкую провинность, чем была у меня, хотя я ни в чём не был виноват, то что же будет со мной? Но на мне всегда был крестик, на груди носил молитву. Молился тихонько. Никто об этом не догадывался. Жили мы на Товарке, на товарной станции "Саратов-2", в одной комнате: бабушка, тётя Ксения, мама и я. Мама вернулась из АЛЖИРа за несколько дней до начала войны... Помню, мы, когда увиделись в первый раз после разлуки, начали целоваться, обниматься, радоваться, а она вдруг спрашивает меня: "А где же Галка?". А Галка умерла...

Когда я окончил школу, поступил в консерваторию. Но началась война, и меня призвали в армию. Служил в Пугачёве, ротным писарем. Комиссовали из-за полного физического истощения. Консерватория осталась мечтой – надо было зарабатывать на хлеб. Стал работать в самодеятельности. У меня были какие-то музыкальные задатки. Сам освоил рояль и аккордеон, стал аккомпаниатором. Но, конечно, я не профессионал. Ещё я был автором литературных работ. Писал для филармонии целые эстрадные сценарии, юморески. После войны в Саратов приезжал джаз-бенд Бородина. И мне был заказан концерт для них.

Возвращение в храм

Впервые в Советском Союзе я переступил порог храма только в 70-х годах прошлого столетия. Это было в литовском городе Друскининкай, в церкви в честь иконы Божией Матери "Всех скорбящих радости". Не выдержал. До этого даже не признавался, что верующий... После Литвы в Саратове таиться больше не стал. Ходил в Духосошестввенский собор. И там меня заметил Архиепископ Пимен. Когда мы с ним познакомились (что интересно – представили меня ему люди нецерковные), он мне сразу сказал: "Я вас увидел, когда благословлял народ с амвона, и тут же понял, что вы – будущий диакон". Это было в 1979 г.

Через несколько дней после нашего знакомства Владыка подал прошение уполномоченному по делам религий: меня рукоположить. А уполномоченный и ответил: "Даю вам честное слово, что ни в одной епархии его не посвятят в сан"... Дело было в том, что я – из Харбина, знаю несколько языков, отец мой – враг народа... Тогда Владыка Пимен просто взял меня на работу, сначала – архивариусом, затем секретарём, потом я стал кем-то вроде личного секретаря. Особенно много работы у меня было перед Пасхой и Рождеством. Приходилось отвечать на 600-700 писем со всего света: от патриархов, епископов, учёных, художников, музыкантов...

В 1988 г. все уполномоченные враз куда-то исчезли (шли годы перестройки). И в 1989 г. Владыка Пимен меня посвятил в сан диакона. Это было 3 декабря. Помню, меня ещё покойный о. Василий Султанов по Духосошестввенскому собору водил... А я до этого архиепископу сказал: "Владыко, благословите быть диаконом один день". – "Почему?". – "У меня нет вокальных способностей, а я терпеть не могу безголосых диаконов". И вот, 4 декабря, на Введение во храм Пресвятой Богородицы в Троицком меня рукоположили во иереи... Я держался очень спокойно, даже сам себе удивлялся, ведь такое событие! Так я стал священником...

С момента хиротонии и до сего дня я служил в Свято-Троицком соборе. Только здесь. Я Владыке Пимену дал слово, что никуда не уйду... Перед посвящением он хотел поставить меня настоятелем в храм в честь иконы Божией Матери "Утоли моя печали", который только-только открылся. Но я очень просил не делать этого. Ведь настоятель, кроме крепкой веры во Христа, должен иметь ещё что-то, дополнительные свойства характера. Лучше быть двенадцатым священником в любом храме. Владыка только сказал: "Воля ваша". Владыка Пимен был человек потрясающий. Прежде всего – человек. И потом – потрясающий. Владыка всегда меня ужасно хвалил. Это очень стесняло...

У него однажды появилась идея: все дверные ручки в епархиальном управлении поменять. Стал убирать простые и покупать в комиссионных старинные – бронзовые, фигурные ... Будучи однажды в Киеве, не могли не зайти в магазин посмотреть на эти ретро-ручки. Покупали мы их, а они тяжёлые... Я у Владыки всё время сумку с ручками забирал, таскал везде сам. А у архиепископа было пол-Киева родни. И всех надо было посетить.

Вот мы приходили к очередным родственникам: нас угощали, развлекали разговором, всё как полагается. В конце Владика обязательно говорил: "Знаете, Евгений Степанович – очень талантливый человек. Вы знаете, какой он музыкант?". Начиная хвалить. А мне это как пилой по сердцу – стесняюсь, а играть меня всегда просили, если пианино в доме было...

Как-то мы шли с Владыкой по Крещатику, тащили сумки. Я и говорю: "Владыко, давайте с вами контракт заключим". – "Какой?". – "Я буду всё время таскать эти тяжёлые сумки, но за это вы никогда не будете хвалить меня и всем рассказывать, какой я прекрасный музыкант". Он подумал и ... согласился. Вечером очередные родственники. И вдруг Владыка говорит: "А вот вы знаете, Евгений Степанович...". Я предостерегающе зашептал: "Владыко...". Он продолжает: "...прекрасной души человек!". Не нарушил нашего договора.

Мой любимый писатель – Иван Алексеевич Бунин и Александр Сергеевич, конечно, – откровение в литературе. Помню, был у меня микроинсульт. И мне доктора велели десять дней лежать дома. Только я залёг, вечером приезжает шофёр из епархии и от Владыки Пимена привозит мне десяти томик Пушкина в подарок. Синенькие маленькие томики, эдакие пусики. Очень удобные. Как я их люблю до сих пор, эти книги!

Моя мечта

Когда скончался Владыка Пимен, на меня напала тоска, очень захотелось вернуться в Харбин, который я всё время вспоминал. Но одна женщина, побывавшая там в составе экскурсионной группы, рассказала мне, что город уже совсем не тот, что был когда-то. Например, набережную реки Сунгари китайцы вымостили надгробными плитами с русского кладбища...

Пыл мой поутих. Конечно, в Харбине ничего не осталось из того, что я помню. Но всё же иногда думаю: если бы мне удалось побывать там, я вышел бы из вагона, вдохнул тамошний воздух, и всё сразу вернулось бы. Моё детство, моя мечта... *Протоиерей Евгений Ланской, Саратов*" [НСМ №134, 2007, 4].

№ 16

• **Лесняк Борис Николаевич** (1917-2004) – фельдшер, инженер-химик, литератор.

1917, 17 августа. – Родился в г. Чите. Отец – Николай Никодимович Лесняк, железнодорожный служащий, таможенник. Мать – Вера Яковлевна, врач-стоматолог (репрессирована, реабилитирована, ум. 1981). 1924. – Направление отца в Маньчжурию на должность контролёра Таможни СССР. Переезд семьи. 1931. – Поступление в дорожно-строительный техникум в Харбине. 1933. – Возвращение семьи Лесняков в Россию. 1936–1937. – Совмещение учёбы в III Московском Медицинском институте с работой архивариусом в фотоархиве фотохудожника М.С. Наппельбаума. 1937. – Арест, обыск (1 ноября). Бутырская и Лубянская тюрьмы. Тюремный быт, арестованные коминтерновцы. Допросы, избияния. Следователь капитан Новиков. Приговор Особого Сопещания при НКВД: 8 лет ИТЛ (статья 58-10) с отбыванием наказания в Северо-Восточных

ИТЛ. 1938. – Этап. Доставка на Колыму на прииск "Верхний Ат-Урях" в трюме парохода "Джурма". Прибытие в лагерь. Добыча золота в открытом забое. Состав заключённых. Их взаимоотношения. Болезни: дистрофия, куриная слепота. Больница. Нехватка врачей и фельдшеров в лагерьной больнице. Перевод Б.Лесняка на работу фельдшером. Помощь В. Шаламову, Е.Гинзбург, Л.Варпаховскому и др. 1943, февраль. – Перевод на работу фельдшером в больницу Севлага. 1945, 1 ноября. – Освобождение из лагеря по окончании срока. 1945–1949. – Работа в лагерных санчастях, больницах по вольному найму. 1946, ноябрь. – Брак с лагерным врачом Н.В.Савоевой. 1951. – Переезд в Магадан. Работа в магаданской областной больнице. 1955, 24 сентября. – Реабилитация. 1960. – Окончание Всесоюзного Заочного Политехнического института. Получение квалификации "инженер химик-технолог". 1954–1972. – Работа на Магаданском ремонтно-механическом заводе инженером до выхода на пенсию. Дружба с В. Шаламовым. 1970. – Выход из печати в Магадане сатирико-юмористической книги "Ветер из щели". 1972, 9 сентября. – Переезд с женой в Москву. С 1972. – Сотрудничество в центральных периодических изданиях. Выступления на радио и телевидении как публициста и сатирика. 1998. – Издание книги воспоминаний "Я к вам пришел!". 2004, 15 июня. – Скончался Б.Н.Лесняк.

* **Лесняк Б.Н. Я к вам пришел!** – Магадан: МАОБТИ, 1998. – 296 с. (Архивы памяти; в. 2).

Что есть воспоминание, как не душа впечатления? (*Вл. Набоков*)
Кто мог пережить, тот должен иметь силу помнить. (*Ал. Герцен*)

"Вспоминая прожитое и пережитое, я заставляю себя записывать то, что сохранила память. Ровесник Октября, я прошёл с ним по всем его дорогам и тропам. Половина моей жизни отдана Северу, Колыме. В ней, этой жизни, было много горького и немало хорошего.

Долгие годы на Севере сроднили меня с этим краем, полным строгой красоты и спокойного величия. Я полюбил его и принял как вторую родину. Жизнь моя текла руслом, присущим времени. В трудовых буднях я прошёл путь от забойщика до инженера. Воспоминание – трудная работа. Вспоминать – значит переживать прошлое вновь. Когда я ещё раздумывал, ещё колебался – писать или не писать, быть или не быть – некоторые мысли я заносил в тетрадь. Например, такие: Каждый проходит по жизни под конвоем собственной совести. Время врачует раны, если их не посыпать солью. Не всякое прошлое любит, чтобы о нём вспоминали. У входа в Прошлое снимают отпечатки пальцев. Пням ещё долго слышится шелест листьев. Океан Молчания по капле наполнен криком о помощи. Каждая эпоха оставляет кумранские свитки. Когда молчат свидетели – создаются мифы.

Выстроив этот ряд, я пришёл к убеждению, что писать надо, писать правду, ничего кроме правды – лишь то, что пережил, передумал, видел и слышал. Автор.

БУТЫРСКАЯ МОЗАИКА

А сказок я знаю побольше, чем Арина Радионовна и пострашней.

Анна Ахматова

В Бутырской тюрьме я находился с 1 ноября 1937 года до середины июня 1938-го, если не считать примерно месяца, проведённого на Лубянке, куда меня возили для ведения следствия. По возвращении с Лубянки в прежнюю камеру я не попал. Память долго хранила трехзначные номера этих камер. И сейчас, когда я хотел их назвать, все усилия оказались тщетными. Они стерлись из памяти, выпали.

Удивительный человеческий материал представился тогда моему возбуждённому, жадному юношескому взору. Я был уверен в то время, что ни одного лица, ни одной судьбы, ни одного имени никогда не забуду. Однако память сохранила не всех и не всё. Не знаю, по какому принципу она производила отбор. Но кое-кого я помню живо, ярко и зримо.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Знаете ли вы, что такое пайка хлеба, кровная пайка? Не знаете! А между тем, нет понятия более ёмкого, чем понятие "кровной пайки". Это не просто пятьсот или шестьсот граммов чёрного непропечённого хлеба.

Кровная пайка – это всё! Это – жизнь, добываемая ежедневно ценой непрерывных страданий, ценой унижений, ценой непосильного, иссушающего тело и душу труда. Это – божество, к которому обращены все мысли и помыслы в долгие и мучительные часы бодрствования и в короткие часы мёртвого, без сновидений сна. А ещё это – тот блуждающий в непроглядной тьме огонёк, бледный неверный свет которого зовётся надеждой.

Это случилось под новый 1939-й год. У человека украли пайку. Украли его кровную пайку. ЧП!.. Но это ЧП – для одного человека, для самого юного из слабосилки Крицкого, из той самой бригады, что на четвёртом участке в ночную смену ещё с сентября бьёт ломом вертикальные бурки. Это моё ЧП. За окном мороз пятьдесят. Всё произошло в течение двух-трёх минут, пока я добежал до уборной и вернулся обратно. Теперь можно кидаться из стороны в сторону, можно необученным ртом изрыгать самые отвратительные ругательства и проклятия, можно плакать, кусать в иступлении руки. Даже к словеси можно взывать... Напрасно. В бараке более ста человек.

"Интеллигент. Гнилой никчемный интеллигент", – шептал я в отчаянии, – не мог взять с собой в уборную хлеб, как это делают все. Ну подыхай же теперь, подыхай! Так тебе и надо"...

– Что ты мечешься, как курица с отрубленной головой? – услышал я простуженный голос Крицкого. – Кто же хлеб кладёт под матрац? А ещё грамотный! Вас что же с дарвинизмом совсем не знакомили? Серьёзный пробел. Вот как это у сэра Дарвина сказано: "Умри ты сегодня, а я – завтра!" Рекомендую запомнить.

Он поглядел на окуроч, ещё раз затянулся, обжигая губы и пальцы, и протянул мне: – На покури! Аппетит отбивает. Возле моего лица повисли ноги, завёрнутые в тряпки. С нар прыгнул Иван Гуменюк. Он внимательно оглядел меня своими спокойными серыми глазами, потом сказал: – Хлеба не

дам. Осталось грамм триста на ночь. Есть у меня два талона на ужин, днём подработал. Крой в столовую. До развода ещё полчаса.

Два черпака овсяного супа не сгладили горечь утраты, не утолили голода.

Но вот и конвой. Стрелки принесли с собой волнующий запах махорки, щей и овчины. Темнота и мороз проглотили бригаду. Тусклые лампы по углам полигона сеяли слабый неровный свет. Родство тепла и света толкало нас к этому мутному жёлтому пятнышку, затерянному в ночном океане снега и холода. В рваных бушлатах, в телогреечных бурках на шинном ходу с грязными вафельными полотенцами на тонких обветренных шеях, голодные трусили мы мелкой рысцей к своему полигону. И только стук мёрзлой резины по жёсткому насту возмущал строгую тишину безмолвных распадков.

Дневную смену на обед уводили в лагерь, ночной – разрешался один перекур в инструменталке участка. Кто мёрзлую щепку притащит с собой, кто ветку стланика – и большая железная печь станет медленно нагреваться. Кто духом потвёрже, вынет из-за пазухи остаток горбушки и будет неторопливо жевать, не глядя соседу в глаза. Кто-то свернёт и закурит, экономно затягиваясь. Половину осторожно затушит и спрячет за козырек шапки. Кто по сильнее, продерётся поближе к печке, оттаёт сосульки, погрееет портянки. Кто-то, сутулясь, простоит у двери с грустными неподвижными глазами...

Лишь только рельс извещал о разводе, перекур, обогрев, заветная горбушка целиком овладевали нашими мыслями. В ожидании перекура мы трудились первую половину ночи. Сегодня справа от меня долбил Гуменюк. Это место Митьки Бобровского. Митька – харбинец, с Китайско-Восточной железной дороги. По-китайски ругается как по-русски. У Митьки статья "ПШ" – подозрение в шпионаже. Третьего дня с начала смены лом в руки не взял. Стоял как замороженный столб. Подошёл я к нему. – Дурак! – говорю. – За-мёрзнешь! К утру уволокнут, как уволокли бухгалтера. Его вскрыли и зуб золотой выбили.

– Это тебя вскроют, как бухгалтера, если не через неделю, так через две. А я буду печку топить до конца срока, ротному за обедом в столовую бегать, – и не спеша, вразвалку пошёл за отвал.

В перекур Митька подошёл к бригадиру, снял рукавицу с левой руки, покрутил перед носом белой как мрамор, скрюченной кистью, постучал ею о черенок лопаты. Звенит как стекло. Приложил к печке – зашипело, завоняло горелым мясом. – Сволочь! – сказал бригадир. – Иди!.. Теперь Митька в стационаре. Руку ампутировать будут, когда почернеет, подсохнет... Зима человеку обеспечена! – Гуменюк как подслушал: – Митька в тепле Новый год встречает. Отчаянный пацан. Может, за руку и жизнь сбережёт...

Время шло к перекуру, когда по забою вдруг рассыпалась цепкая, отборная брань – ночной прораб пришёл проверить работу. – Ты, Крицкий, – окликнул он бригадира, – вали в каптёрку. Начальник за сверхурочные хлеб выписал по полкила на рыло. Я бы вам, сукам, стрихнину бы дал, а не хлеба, – добавил он с чувством.

Сменился конвой. Крицкий ушёл в лагерь за хлебом. Настроение приподнялось. В ожидании бригадира обогрев затянулся. Конвоир дважды пытался вывести бригаду на полигон, но не решился.

Наконец хлопнула дверь. На пороге появился Крицкий. Он стоял на ногах нетвёрдо. Из кармана бушлата торчала бутылка. – А ну выходи! – заорал он во всё горло. – Два часа, гады, греетесь! Пушкин за вас работать будет?!

И припечатал кому-то в тощий зад меткий бригадирский пинок. Всем стало ясно – хлеба не будет. Я выходил последним. Крицкий занёс для подзатыльника руку, но не ударил.

– Дарвинист! – сказал я. Он не ответил. – Падло! – вздыхал Гуменюк по дороге, – пропил собака бригадный хлеб и не пожалуешься. Дороже станет... Эта ночь показалась мне самой длинной и самой тяжёлой из длинной цепи таких же ночей. Никогда ещё я не вонзал лом в промёрзлую землю с такой безнадежностью, с таким отчаянием. Уже не раз сменился конвой у костра. Появился взрывник – предвестник рассвета. Сгустился мороз, и потемнело небо. На западе загорелась заря... И потухла. Высоко, выше звёзд, над самой головой блеснула лиловая молния и растеклась зелёным пятном. Слева направо пробежала разноцветная судорога. Мне почудилось, что в небе повис транспарант, гигантская световая реклама большого ночного города. Буквы двигались, набегая одна на другую, исчезая и снова рождаясь.

Я напряжённо всматривался в размытые пляшущие знаки, стараясь проникнуть в их смысл. Вдруг я понял. Я почувствовал! Я разгадал эту клинопись!!! "УМРИ ТЫ СЕГОДНЯ, А Я – ЗАВТРА!" – прочёл я в холодном предутреннем небе.

ЛИШНИЕ ЛЮДИ

Предки прорубили в Европу окно. Потомки украсили его решёткой.

Китайско-Восточная железная дорога была построена Россией в 1903 году. С 1924 года она управлялась Китаем и СССР совместно. Правление дороги находилось в Харбине на территории Нового города. КВЖД давала возможность России кратчайшим путём соединить Забайкалье с Приморьем, сократив этот путь почти на две тысячи вёрст. Дорога делилась на две ветки – северную и южную. Северная – от станции Маньчжурия до города Харбина, составляла две трети общей длины, южная – тянулась от Харбина до станции Пограничная. На КВЖД работало около восьмидесяти тысяч советских граждан с семьями. (МК. Северная – от ст. Маньчжурия до Пограничной; южная – от Харбина до Дальнего. Автор тут ошибся).

В 1935 год Советский Союз продал КВЖД властям марионеточного государства Маньчжоу-Го (во главе с императором Пу-И), созданного с помощью японской Квантунской армии, которая к 1933 году уже полностью контролировала Южную и Северную Маньчжурию. После продажи дороги, за малым исключением, все советские граждане с семьями вернулись домой, в Советский Союз. В течение 1937-1938 годов, все вернувшиеся с КВЖД, или харбинцы, как чаще называли их для удобства, были репрессированы.

Исключение составили дряхлые старики и малые дети, раскиданные по приютам и родственникам. Лично я за долгую жизнь встретил одно исключение из общего правила: из большой семьи железнодорожника Максима Трофимовича Петрунина, работавшего на КВЖД, уцелела лишь одна дочь, которая вышла замуж за человека, в годы репрессий получившего возможность быстро продвигаться по службе. Это позволяло ей не работать. Она нигде не служила, анкет не заполняла, всю жизнь оставалась домашней хозяйкой. Её сестра Тамара, активная комсомолка, была арестована, оторвана от грудного ребёнка, осуждена Особым совещанием НКВД, приговорена к десяти годам исправительно-трудовых лагерей и отправлена на Колыму.

На Верхнем Ат-Уряхе, как и на всех лагерных объектах Колымы, кавэжэдинцев было много. Встречались на Колыме и старики, но преобладали молодежь и средний возраст.

"Харбинцы" на общем сером лагерном фоне заметно выделялись: осанкой, раскованностью, чистотой речи, свободной от всепроникающих аббревиатур, вошедших в плоть и кровь, от блатного жаргона, диффузно пропитавшего повседневную речь, от канцеляризмов, уже набравших в то время силу. Даже лагерную одежду "харбинцы" носили по-особенному, с лихостью и изяществом. Они не умели туфтить, косить, филонить, кантоваться и придуриваться. Работали добросовестно, выкладывались полностью, и доходили раньше других, и погибали – раньше. Уже к концу второй лагерной зимы на Верхнем Ат-Уряхе от "харбинцев" осталась половина.

Летом 1940 года я проходил мимо хирургического отделения лагерной больницы, находившейся в зоне недалеко от вахты. Я ещё не знал тогда, что через полтора года сам буду работать в этой больнице и стану первым помощником хирурга. Не помню, что тогда меня туда занесло. Сидя на завалинке, грелись на солнце ходячие больные. Кто-то из них окликнул меня:

– Борька! Лесняк!..

Я обернулся. Серёжу Нечаева я узнал сразу. С этим мальчиком мы вместе учились на первом курсе дорожно-строительного отделения харбинского техникума. Год мы просидели с ним за одной партией, точнее – за одним учебным столом. В техникум мы с ним попали тоже не по доброй воле. В 1931 году, в порядке очередного эксперимента советской школы, было решено общеобразовательную школу ограничить семью классами. Дальше можно было идти только в техникум. Туда, окончив семь групп, мы все и пошли.

Школа для детей граждан СССР была обособленной, хотя русских школ в Харбине было много. Были гимназии, были реальное училище и коммерческое. В них учились дети русских эмигрантов. В нашей школе классная наставница сперва называлась классным руководителем, потом, с ликвидацией классов, – групповодом. Школьной формы, как таковой, у нас не было. Мальчики носили черные гимнастерки с ясными пуговицами и синие блузы. Синие блузы носили и девочки. На стенах висели плакаты типа: "Помни, четвёртая четверть – ударная!", "Позор отстающим!", "Все на субботник в последнее воскресенье месяца!".

Литературу мы проходили по хрестоматии, деля героев на положительных и отрицательных.

Наша семья вернулась из Маньчжурии домой в 1933 году, за два года до продажи дороги. Следовательно, Серёжу Нечаева я не видел семь лет. Он мало изменился за эти годы, если не считать худобы и серого, тюремного цвета лица, как и у всех нас.

– Нечай! Серёжа! Вот это встреча! – удивился я. – Нормальная, – сказал он, разглядывая меня. – А где нам ещё встречаться! "Повзрослел Серёжа Нечай, – подумал, – обобщать научился". – Закурить не найдётся? – спросил он. Я снял серую бязевую фуражку, из-под подкладки осторожно извлёк жирный махорочный окурок, готовый рассыпаться.

– Газетки бы, – сказал я озабоченно.

– Это сейчас! – отозвался Серёжа и через минуту вынес из палаты газетный треугольничек ровно на одну "козью ножку". – Крути! – сказал он, отдавая бумажку. – У меня одна рука.

– Как одна рука? – не понял я. Он поднял кверху левую руку, потряс ею. Рукав халата осел, опустился, и из него выглянула розовая култышка. Я растерялся от неожиданности.

– Как так? – спросил я.

– Обыкновенно, – пояснил он. – Сунул под вагонетку. Понял, что до конца зимы не доживу.

– Давно ты здесь? – спросил я.

– Где здесь? – переспросил он. – В больнице, на Ат-Уряхе, в Союзе? В Союз приехали в тридцать пятом после продажи дороги. На Ат-Уряхе с тридцать восьмого. В больнице с марта.

Я смотрел на его култышку как замороженный. Красные тугие рубцы блестя, повязка была уже снята. – Скоро выгонят, – сказал он со вздохом.

Уже тогда я был дохлее его, но на подобный шаг не решился бы. Я так любил свои послушные руки, и был благодарен им за смелость. Нет, не решился бы! Я отчётливо представил, что ждёт Серёжу. – Тебя будут судить как саботажника, – сказал я с болью и страхом. – Саморубов теперь судят по статье пятьдесят восемь, пункт четырнадцать. Как за контрреволюционный саботаж. Могут шлёпнуть. – Не шлёпнут, – сказал он, глядя в сторону. – Ещё пусть докажут. А до червонца добавить могут...

Саморубов в лагере называли "ручками". Многие из них отзывались на эту кличку, как на имя, на прозвище. Увечье левой руки у заключённого рассматривалось, как действие преднамеренное. Правосторонние "ручки" встречались чрезвычайно редко. Вообще, эта форма протеста была в ходу у блатных. Существовали саморубы: они чаще встречались на лесоповале, рубили обычно четыре пальца левой руки, оставляя большой палец.

Существовали самострелы: последние возможны были там, где проводились взрывные работы – на руднике, в шахте, в забое, на шурфах. Достать детонатор у взрывников, которые, как правило, тоже принадлежали к преступному миру, не представляло сложности: можно было выменять на спирт,

на чай, на табак, выиграть в карты или выкрасть, наконец. Самострелы зажимали детонатор в руке и поджигали шнур. Мастырщики мастырили себе флегмоны. На тыле кисти, на предплечье, иногда на ноге продергивали грязную нитку под кожу и обрезали концы. Так называемые, каловые флегмоны были страшными. Мастырщики нередко теряли не только руку, но и жизнь.

Серёжа Нечаев был первый саморубом с пятьдесят восьмой статьей, которого я встретил на третьем году моей лагерной жизни. Вот тебе и Серёжа Нечаев – маленький, кругленький, смешливый, который даже наши мальчишеские петушинные драки обходил стороной когда-то.

– Ты с какого участка? – спросил я его.

– С третьего. – Тогда понятно, почему мы не встретились раньше.

Лагерь третьего участка был на отшибе, далеко от центральной усадьбы. Через несколько дней, раздобыв покурить, я пошёл в больницу навестить земляка. – Его уже выгнали, – сказал гладкий санитар, грудью выжимая меня из дверей.

Как я уже говорил, с жизнью, отражённой в литературе, мы знакомились по хрестоматии, деля героев на положительных и отрицательных. Уже неплохо разбирались в "лишних людях"... 80.000 советских граждан, вернувшихся на родину после продажи КВЖД, оказались в стране – "лишними". Вот почему в местах заключения они легко находили друг друга".

ОБ АВТОРЕ. Борис Николаевич Лесняк родился в городе Чите в 1917 году. Детство и отрочество прошли в Маньчжурии, куда его отец, профессиональный таможенник, был направлен в 1923 году на должность контролёра Таможни СССР. После советско-китайского конфликта таможенные функции были переданы НКВД и переведены, на станцию Отпор. В 1933 году семья Лесняков вернулась в Россию. В 1937 году в Москве со студенческой скамьи мединститута Борис был арестован органами НКВД, осуждён неправым судом к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. На Колыму Борис Лесняк прибыл этапом в июле 1938 года в трюме парохода "Джурма". В разгар промывочного сезона был доставлен на прииск "Верхний Ат-Урях" Северного горнопромышленного управления. До середины 1941 года работал в открытом забое.

Когда началась Великая Отечественная война, резко сократились этапы заключённых. Но страна, как никогда, нуждалась в золоте, для добычи которого требовались люди. Их не хватало. Приходилось беречь ту рабсилу, что имелась в наличии. Не хватало в лагерях медицинских работников. Многие репрессированные врачи успели погибнуть в забоях, на лесоповалах от голода, холода и непосильного труда. Начальство в поисках медработников лихорадочно перебирало рабочие дела заключённых. Так был выявлен студент-медик Борис Лесняк. Сначала его положили в больницу, подлечили и сделали фельдшером. Борис Николаевич серьёзно собирался посвятить свою жизнь человеческим болям и страданиям. С ним рядом трудились врачи высокой квалификации, и он жадно перенимал их знания и опыт. В феврале 1943 года с "Верхнего Ат-Уряха" врача и

двух фельдшеров перевели в больницу Севлага на Беличью. О ней на Колыме ходила добрая слава, в которую очень хотелось верить. Эта больница и впрямь являлась атипичным объектом лагерной Колымы.

Одним из двух ат-уряхских фельдшеров был Лесняк. В этой больнице он проработал до ноября 1945 года, до освобождения из лагеря по окончании срока. До 1949 года продолжал работать в лагерной медицине. В медицине Дальстроя он трудился до марта 1954 года.

Лишённый возможности закончить медицинское образование, Борис Николаевич поступил во Всесоюзный заочный политехнический институт и получил профессию инженера-химика-технолога. Попутно окончил факультет журналистики Вечернего университета. Последние 18 лет, до выхода на пенсию в 1972 году, работал на Магаданском ремонтно-механическом заводе. В сентябре 1972 года Борис Николаевич и его жена Нина Владимировна Савоева вернулись в Москву. Лесняк как публицист и сатирик активно сотрудничал с магаданскими областными газетами, радио и телевидением. Печатался и в центральных периодических изданиях.

Из-под его пера в 1970 году в Магадане вышла книга сатиры и юмора "Ветер из щели", вызвавшая волнение в некоторых инстанциях своей критической направленностью. Лесняк – автор, печатавшийся в сборниках "Смеяться, право, не грешно..." (Маг., 1968); "700 коротких строк" (афористика) (М., "Книга", 1980); "Шеговити истины" (мысли и афоризмы на болгарском языке) (София, изд. "Наука и искусство", 1985); "Пьедесталы и карлики" (М., 1990); "Весёлая россыпь" (Полтава, 1991)...

Книга "Я к вам пришёл!" – о прожитой человеком жизни. Значительная часть её посвящена лагерю и людям, с которыми судьба сводила автора на жизненном пути. Лейтмотив её – тюрьма и лагерь. И эхо, долетающее оттуда в сегодняшний день. Автор рассказывает о судьбах людей почти всех слоёв советского общества: крупных партийных деятелей (П.А.Богданов – первый председатель ВСНХ РСФСР, Ю.М.Стеклов – соратник Ленина, первый редактор "Известий"), коминтерновцев; чернорабочего немца из Поволжья Э.Смоллера, смоленского крестьянина В.В. Гутникова; военного атташе И.П.Поршакова, писателей Александра Ковинька, Евгении Гинзбург, Варлама Шаламова, режиссёра Л.В.Варпаховского, ксендза Войцеха Дажицкого и "многих простых людей", к которым относится и себя.

"Я к вам пришёл!" – книга о человеке, пришедшем в мир людей с полным доверием. Он казался ему прекрасным, ласковым, добрым, сулящим счастливую жизнь... Несмотря на пережитое, автор без озлобления, но с болью вспоминает лагерь. А к Колыме, её природе и людям относится с теплотой и любовью. Его можно понять – этому краю отдано 35 лет жизни. Его книга – итог кропотливой работы нескольких десятилетий. Все эти годы бурных перемен в обществе автор не терял надежды увидеть свою книгу такой, какой она была написана. Рукопись он подарил Ягоднинскому обществу "Поиск незаконно репрессированных" (И.ПАНИКАРОВ, председатель Ягоднинского общества "Поиск незаконно репрессированных", Магаданская обл.).

● * **Е.Радишевская-Мирандова (Казахстан, Петропавловск). Возвращение в прошлое.**

"Ураган революции и гражданской войны разметал по всему миру русских людей, и в этом вихре оказался мой отец, Игорь Александрович Мирандов. В свои 18 лет он простился с родителями и, в последний раз в своей жизни закрыв двери родного дома, на долгие 38 лет оказался в далёком Харбине, ставшим родным и близким. Ни встреч, ни писем от родных... И вот настал переломный 1955 г., целина, оттепель, наша семья вернулась на родину. В первое же лето мы с папой поехали в Ульяновск, где он родился, провёл детство и юность. Конечно, не надеялись, что родители отца живы, но хотели хотя бы узнать их судьбу. Ульяновск в те годы мало изменился и оставался почти тем же провинциальным Симбирском, который знал папа.

Наш пароход причалил к пристани, мы сошли по трапу и стали подниматься на высокий берег. Набережная и раньше и теперь называлась Венец. Так же, как и много лет назад, стояли скамейки, гуляли и отдыхали люди, и папе казалось, что он помнит каждый камешек, каждое деревце. Настроение было радостное и приподнятое. Здесь он ребёнком играл, купался в Волге, учился в гимназии. Названия улиц были изменены, но отец шёл уверенно, как будто бы вчера уехал из родного города. Мы остановились в гостинице и потом пошли по городу искать следы папиного отца. Он был преподавателем, поэтому мы заходили во все училища и техникумы и спрашивали пожилых преподавателей, не знают ли они что-нибудь о судьбе **Александра Фёдоровича Мирандова**. Но люди, пережившие годину невзгод и лишений, или вообще молчали, стыдливо опустив глаза, или совсем не говорили с нами. А мы, наивные, очень мало тогда знавшие о судьбах тысяч людей, попавших в ГУЛАГ, продолжали свои поиски.

И вот, на второй день наших путешествий по городу нам повезло. В одном из техникумов нам дали адрес старейшего преподавателя, которого мы и посетили. Да, он был очень стар и уже ничего не боялся. От него папа узнал о трагической судьбе своего отца. Александр Фёдорович работал заведующим учебной частью строительного техникума. Под Ульяновском организовал трудовую колонию для маленьких бездомных детей, как Макаренко. Но потом, в конце 1937 г. он был арестован и в январе 1938 г. расстрелян. Позднее папа узнал, что осуждение "тройкой" было необоснованным, и в 1956 г. его отец был полностью реабилитирован.

А мама? Пока о ней ничего не смогли узнать. В домике отца жили чужие люди. Мы нашли этот домик – он ещё не был снесён. И новые хозяева любезно разрешили войти внутрь: вот здесь стоял обеденный стол, вот здесь пианино, на котором играл маленький Игорёк в том далёком прошлом. Последний раз посмотрев на чудесную Волгу и бросив прощальный взгляд на город папиного детства, мы отправились на вокзал, чтобы ехать домой. Но оказалось, что наше путешествие ещё не окончилось ... Ночь. Сидим в маленьком деревянном вокзальчике, дремлем.

И вдруг в дверь вокзала, как смерч, врывается женщина средних лет, бежит к скамейке, на которой сидел папа, и начинает его целовать, обнимать, плакать... Я даже испугалась за отца. До отхода нашего поезда полчаса. Что же мы узнали за это короткое время?

Я уже упоминала, что Ульяновск в то время был небольшим городом. И молва о том, что какой-то немолодой человек и молоденькая девушка ходят по городу и ищут следы семьи Мирандовых, разнеслась очень быстро. Так, кто же эта женщина? После отъезда Игоря из родного дома родители очень скучали по единственному сыну. Жизнь была тяжёлая и бедная, многим людям приходилось тяжко. И вот тогда папины родители взяли к себе небольшую девочку, дочку школьной уборщицы, где отец (дед) преподавал. Девочку растили, учили, воспитывали. Годы шли, трагически погиб отец Александр Фёдорович, умерла мама Елена Васильевна, а девочка стала взрослой, окончила библиотечный техникум, стала работать. И вдруг через столько лет слышит в городе такую близкую, дорогую фамилию. Бросилась в гостиницу – уже уехали. Кинулась на вокзал. Узнала сразу. Радость. Счастье. Ведь впервые в жизни встретились названные брат и сестра Шура. Но полчаса – это так мало и в то же время – так много!

Целая жизнь промелькнула перед нами. Наш поезд отходил, чудесная поездка заканчивалась. В Ульяновске теперь оставался родной для нас человек... Уже много лет нет в живых нашего дорогого папы, давно ушла из жизни Шура, но это первое моё посещение Ульяновска память сохранила на всю жизнь" [НСМ №134, 2007, 4].

№ 18

● **"Некипелов Виктор Александрович** (1928-1989) – поэт, публицист. 1928, 29 сентября. – Родился в Харбине (Китай) в семье служащего КВЖД. Отец – Александр Павлович Некипелов, врач. Мать – Евгения Петровна Некипелова (урожденная Бугаева), медицинский работник. 1937. – Переезд с матерью в СССР. 1939. – Арест матери (Погибла в ГУЛАГе). Жизнь в семье отца. 1943. – Поступление в специальную артиллерийскую школу. 1947–1950. – Учёба в Омском военно-медицинском училище. 1950–1955. – Служба фельдшером в стройбате в посёлке Котлас Архангельской области. 1955–1960. – Учеба в Харьковском фармацевтическом институте. 1960. – Работа заведующим лабораторией в Закарпатье. 1965–1970. – Жизнь в г. Умань. Совмещение работы старшим инженером на Уманском витаминном заводе с учёбой в Литературном институте им. Горького в Москве. Переводы стихов украинских поэтов. Знакомство и дружба с Е.Л.Олицкой и Н.В.Суровцевой. 1966. – Опубликование сборника стихов "Между Марсом и Венерой". 1969. – Выступление с протестом против нарушения в СССР прав человека. Опубликование стихов в самиздате. Переезд в Москву. Лишение прописки после года проживания в Москве. /Женитьба. Переезд с семьёй во Владимирскую область. 1973, 11 июля. – Арест в г. Камешково Владимирской области по обвинению в "распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй" (статья 190-1). 1974, ян-

варь. – Направление на стационарное обследование в Институт судебной психиатрии имени Сербского. Условия содержания больных. Структура института. Лечащий врач Любовь Иосифовна Табакова. Судьбы соседей по палате. Методы диагностики и лечения. Получение писем и передач из дома. Соседи по палате – уголовники. Положение "политических" больных. Вызовы на медицинские комиссии. Отказ признать себя психически больным. 1974, 15 марта. – Признание вменяемым. Возвращение во Владимирскую тюрьму. 1974, май. – Суд. Приговор Владимирского областного суда: 2 года ИТЛ общего режима. Отправка в лагерь в поселок Юрьеvec Владимирской области. 1975, 11 июля. – Освобождение по окончании срока заключения. Обращение с просьбой о выезде из СССР. 1977. – Получение отказа в разрешении на выезд из страны. Вступление в Московскую Хельсинкскую группу. 1979, 7 декабря. – Второй арест (ст. 70). Приговор: 7 лет ИТЛ строгого режима и 5 лет ссылки. Отправка в Пермский лагерь строгого режима. 1982. – Перевод в Чистопольскую тюрьму. Болезнь. 1985. – Возвращение в Пермский лагерь. 1986. – Окончание срока заключения. Отправка этапом в ссылку в посёлок Атан Красноярского края. Болезнь – рак. 1987. – Досрочное освобождение из ссылки по указу. Заявление о желании выехать из СССР. 1987, сентябрь. – Выезд с семьёй на Запад по израильской визе. 1989, 1 июля. – Скончался в Париже".

№ 19

"Ещё одна семейная трагедия. В конце 1937 года в г. Муроме были арестованы **Борис Антонович Нерода, его дочь Александра Борисовна и сын Владимир Борисович**. Они были обвинены в том, что "завербованы в агенты японской разведки с целью шпионажа на территории СССР", осуждены к высшей мере наказания и расстреляны.

Почему так произошло? На этот вопрос проливает некоторый свет строка из биографии репрессированных. Борис Антонович Нерода родился в 1878 году в с. Подлипное Конотопского района Черниговской области. Когда ему исполнилось 22 года, он вместе с отцом был выслан в Приамурский край, в Маньчжурию, где царская Россия строила Китайско-Восточную железную дорогу. В г. Харбине (Китай) устроился кондуктором и проработал много лет.

В 1903 году родилась дочь Александра, а в 1907 году – сын Владимир. Дети окончили Харбинскую гимназию и тоже работали на железной дороге. В России произошла революция, прогремела гражданская война. Китайско-Восточная железная дорога управлялась совместно Китаем и СССР, правопреемником царской России. Так продолжалось до 1935 года, когда наша страна была вынуждена уступить право на дорогу Маньчжурии. Многие служащие- железнодорожники, выходцы из России, потянулись на Родину, в СССР. Вот тогда Б.А.Нерода с семьёй и приехал в г. Муром. Устроились на новом месте, пошли работать: Борис Антонович – строителем, дочь Александра – товарным кассиром ст. Муром, сын Владимир – электромонтёром на Муромском паровозоремонтном заводе.

Недолго семья радовалась возвращению на Родину. Не прошло и двух лет, как в их дом ночью требовательно постучали... Все трое посмертно реабилитированы в наши дни".

№ 20

• **Михаил Михайлович Розанов** родился в 1902 (по другим источникам – в 1905) году в деревне Саюкино Тамбовской губернии. Во второй половине 1920-х гг. он оказался на Дальнем Востоке, был журналистом владивостокской газеты "Красное знамя". В 1928 г. Розанов нелегально перешёл советско-китайскую границу и оказался в Маньчжурии. Сейчас уже трудно установить причины, побудившие совсем ещё молодого. В то время на советско-китайской границе было очень неспокойно. Отдельные вооруженные стычки переходили в бои с участием крупных советских и китайских армейских частей. В 1929 г. во время советско-китайского военного конфликта ("конфликт на КВЖД") подразделения Красной армии неоднократно переходили советско-китайскую границу, нанося удары по китайским подразделениям. В ходе Хайларской наступательной операции Особой Дальневосточной армии (командующий В.К.Блюхер) в конце 1929 г. советские войска углубились на китайскую территорию на 200 километров. На территории, занятой Красной армией, армейские чекисты провели аресты "белогвардейцев", в число которых попал и перебежчик Розанов (всего было арестовано более 400 человек). Его арестовали 4 декабря 1929 г. С этого дня начинается "лагерная эпопея" Михаила Розанова.

Арестованных доставили в Читу, оттуда – в Хабаровск, где и было проведено следствие. 25 марта 1930 г. тройка при ПП ОГПУ по Дальневосточному краю приговорила Михаила Розанова по ст. 58-3,4 (в другом документе – по ст. 84, 58-6) УК РСФСР к 10 годам лишения свободы. Далее – этап через всю страну, в ленинградские "Кресты", откуда осуждённых "политиков" повезли дальше, на север. 11 мая 1930 г. Михаил Розанов прибыл с этапом в Соловецкие лагеря особого назначения ОГПУ (СЛОН)...

* **Розанов М.М. Завоевание белых пятен** // Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т. 8, ч. 2 / Коми респ. общест. фонд "Покаяние"; сост. Е.А.Зеленская, М.Б.Рогачев. – Сыктывкар, 2006. – С. 17–177.

"Жуток и бесконечен счёт "победы большевиков над Севером". Пот, кровь и трупы. Трупы, кровь и пот. По всему миру разносится пропаганда об индустриализации Севера героическим советским народом. Ложь! Север осваивают только заключённые.

Концлагерь – наглядная школа теории естественного отбора и борьбы за существование. Выживают более ловкие и сильные, вымирают робкие и слабые. Эксплуатация человека большевизмом видна в концлагере как на экране, она бросается в глаза даже близоруким. Кто хочет досконально изучить политику и методы большевизма, тому полезнее всего сесть, хотя бы на год, в концлагерь. Год практического изучения даёт больше, чем двадцать лет

долбёжки в институте Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. Туманные учёные определения, вроде – "каждому по труду", в концлагерях уже приняли вполне конкретные формы котлов и черпаков разного размера, – в зависимости от процентов выработки нормы и рода работы. Постояв год в очереди у котла № 8, до гроба не забудешь марксовых формулировок. Концлагерь – это оголённый большевизм под микроскопом. Кто знает его, тот знает большевизм, ибо по концлагерю большевизм изучать проще: все стороны сложной жизни не так затушёваны, и практика социализма встаёт без прикрас.

За границей заключённых в СССР привыкли исчислять десятками миллионов, а концлагерь – рассматривать только как средневековую форму рабства, при которой повсюду, вместо надсмотрщиков с бичом, расставлены НКВД-исты с пистолетом и палкой. Какая уродливая упрощённость в мыслях, порождённая незнанием! О, нет! Большевики куда хитрее, подлее и умнее, чем их показывают. Они нашли другие способы, порой внешне далее заманчивее и безобиднее, посредством которых и понуждают рабов подгонять друг друга и до предела напрягать свои мускулы и мозг. И вот об этих-то способах, основанных на глубоких и сложных психологических расчётах, мало кто догадывается, даже из числа испытавших "перековку".

"Советский концлагерь ничего общего не имеет с каторгой и тюрьмами других стран и дореволюционной России. Во-первых, сама советская система, непрерывно изменяющая свою тактику в зависимости от обстоятельств, не похожа на другие системы, легче подверженные "болезням застоя". Во-вторых, состав советской каторги тоже своеобразен и неповторим. Он отражает новый тип испытавших многолетнее моральное уродование людей, измолотых государственной машиной и пропитанных советской философией жизни, с особым представлением о добре и зле. В-третьих, концлагерь – не тюрьма, где содержат преступников, а копия советского государства. В лагере действует та же политика переработки человека в безропотный и продуктивный скот. В лагере, как и "на воле", – свои тюрьмы, суды, прокуратуры, следователи и шпики; своя денежная и натуральная прогрессивная система оплаты, свои газеты, собрания, стахановцы и соревнование. В-четвертых, у концлагерей та же главная задача, что и у любого предприятия страны: выпускать продукцию больше по количеству, лучше по качеству и дешевле по цене. Нигде, кроме СССР, подобной задачи местам заключения не ставят. Ради этого, как закон, над воротами лагерей красуется изречение Сталина: "Труд есть дело чести, дело славы, доблести и геройства". Хищный оскал режима прикрыт маской большевистского фарисейства.

В концлагере почти всё так же, как и "на воле", только рельефнее и поэтому – страшней".

Розанов выделяет экономические и политические причины выгоды лагерной системы для "первого в мире социалистического государства". "Заключённый даёт за год 880 часов дополнительной работы – на 40 процентов больше вольнонаёмного. Это был первый и главный довод за принудительный труд и расширение лагерей. ...

Довод второй – дешевизна труда. Вольный на лесных и дорожно-строительных работах на Севере зарабатывал, по ценам 1938-40 годов, около 10 руб. в день. Стоимость же труда заключённого (одежда, пища, охрана, жильё и премиальное вознаграждение от 15 до 70 коп. в день) фактически не превышала 5 рублей (при плановой стоимости его в эти годы от 2 руб. 50 коп. до 3 руб.)...

Довод третий – НКВД состоит на содержании у концлагерей. Само государство на его "народно-хозяйственные интересы" из этих миллиардов не получает ни полушки. Их поглощает НКВД. Об этом многие не догадываются, полагая, в простоте души, будто прибыль от рабства возвращается в государственный бюджет и расходуется на постройку новых предприятий. Такая ошибка вполне понятна, ибо почти никто не знаком с хозяйственной деятельностью концлагерей... ГУЛАГ – главный подрядчик по строительству социализма. Нет ни одного наркомата и синдиката, которого бы он не обслуживал своими рабами по особым договорам....

Последний, четвёртый, довод общеизвестен: безропотная подвижность армий заключённых. Переселение вольных на новостройки требует времени, средств и усиливает недовольство властью, тогда как заключённым достаточно одного: приказа... Кто служил в советских плановых органах, тот знает, что большевистскому плановому хозяйству, с его пятилетками, лагеря нужны как воздух. Ими пользуются, как тараном, пробивая "узкие места" в отдельных отраслях промышленности. Рабство – надёжный регулятор большевистского хозяйства. Советский концлагерь успешно выполняет то, что не по плечу советскому тресту, опутанному всякими законами и договорами".

"Прежде чем стать на широкий путь эксплуатации заключённых, в Кремле взвесили все шансы за и против и нашли, что при диктатуре из рабства можно извлекать не только экономические, но и политические выгоды. ...

Четыре причины лежат в основе политической необходимости концлагерей... Первая – оправдание теории насилия. Наличие миллионов заключённых на первый взгляд свидетельствует о том, что внутри страны продолжается активная классовая и политическая борьба и что, несмотря на все репрессии, у "контрреволюции", как у мифической гидры, взамен отрубленных, отрастают новые головы. Многие, в душе не одобряя концлагерей, мирятся с их существованием, как с неизбежным временным злом, в котором, якобы, повинен не режим, а враги его. Концлагеря, говорят они, следствие самообороны режима от активного противника. Так ли это? Нет! В этом мы убедимся дальше, рассматривая состав заключённых. В концлагерях сидят не политические преступники, как их понимают на Западе и понимали в царской России, а, в массе своей, безобидные для власти и для общества типичные советские люди.

Загоняя безвинных в концлагеря, фанатики большевизма перед историей и всем миром пытаются их головами оправдать и подтвердить свою бредовую теорию о том, что социализм, будто бы, победит, но только в длительной и кровавой борьбе, и что, пока в мире существуют капиталистические государства, один факт их бытия будет рождать врагов нового строя, и потому внутренняя борьба не кончается с переходом власти в руки большевиков...

Вторая причина – страх перед народом. Считая свою диктатуру единственно правильным путём к социализму, Сталин неизбежно пришёл к её логическому завершению – к массовым концлагерям и глухому недовольству народа. Чем больше людей гнали в лагеря, тем глубже уходила душа в пятки у оставшихся "на воле". С каждой "чисткой" и "корчѣвкой" советский гражданин робел всё больше и больше, под конец совсем потеряв от страха голос, кроме, пожалуй, того, который он обязан отдать при выборах за "кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных" [с.21]. Ликвидация лагерей равносильна отказу от диктатуры и краху большевизма. Исчезнет тот грозный призрак, который принуждает народ дрожать, молчать и слушаться...

Третья причина – дрессировка народа. Одно воспоминание о концлагерях принуждает "гражданина СССР" сначала думать, а потом говорить, а не говорить, что он думает... Постоянный страх приучил народ изрекать политического характера мысли в формах, подсказанных пропагандой. Страх загнал крестьян в колхозы, страх изжил забастовки и свободу слова. Страх научил людей кричать "ура!", торопиться с подпиской на заём, приветствовать закон о тюрьме за прогулы...

Причина четвертая – политический обман. Благодаря концлагерям, Сталин, как многие тому верят, облегчает удел своих трудящихся, освобождая их от самых низкооплачиваемых и тяжѣлых работ в самых отчаянных жилищно-бытовых и климатических условиях. В действительности, однако, и это не что иное, как политический трюк. Во-первых, из кого состоят концлагеря, как не из тех же самых трудящихся, только помеченных ярлыком преступников? Буржуев там давно нет, а кулаки повымерли. Во-вторых, что сказали бы миллионы рабочих, если бы их "вольно" погнали или переселили в те края, где сейчас мучатся заключѣнные. При всей безропотности советского пролетариата, его терпение имеет предел. Политбюро с этим считается...

Все эти тесно связанные и не отделимые друг от друга материальные и политические мотивы превратились для большевизма в заколдованный круг, из которого он – как форма насилия – не может вырваться, не затянув тем самым петлю на своей шее. Закрывать лагеря – это не только распустить дешѣвых и прибыльных рабов, но и освободить слово от цепей страха. Для большевизма это равносильно самоубийству, и он на это не пойдѣт!"

Розанов подробно рассказывает о "лагерной экономике", выделяя "четыре рычага", с помощью которых НКВД добивается от заключѣнных максимальной производительности труда, а также "блат и туфту" как способы выживания лагерников: "НКВД не столь расточителен, чтобы содержать при концлагерях миллионную стражу и сотни высокооплачиваемых специалистов. Тогда они проглотили бы на месте всю, высосанную из каторжников многомиллиардную прибыль ... Найдена и усовершенствована иная система эксплуатации, при которой заключѣнные, ради личной выгоды и из-за страха, вынуждены стараться больше производить и меньше расходовать. Немногочисленные чины НКВД в концлагерях держат в своих руках лишь общие главные рычаги управления и надзора. На всех же иных постах рабами командуют такие же рабы, подобран-

ные из высокообразованных и опытных заключённых, поставленных за это в несколько лучшие материальные и бытовые условия, или бывшие арестанты.

Концлагеря, по существу, превратились в гигантскую лабораторию массовых опытов, основная цель которых – добиться от заключённых максимальной производительности при наименьших затратах. Испробовано всё: голод и поощрения, страх и пропаганда. Где их применяют в "правильной пропорции" (а это большая и сложная "наука"!), там заключённые работают лучше вольных... Самым хлестким кнутом оказался голод. Чем меньше основной рацион заключённых, тем легче, без угроз и пропаганды, заставить работать до седьмого пота. Для этого существует шкала премиального и штрафного довольствия... Следующей, за голодом, мерой понуждения служат наказания. Наказывают за невыполнение норм, за плохое качество работы, за утерянное, проданное или испорченное обмундирование, за перерасход материалов, за кражи, за оскорбление администрации или "стахановцев" и т.д. Самые тяжкие преступления – отказы от работы, побеги, голодовка, "агитация" и саботаж. При групповых отказах, побегах и голодовках организаторов их расстреливают, а прочим участникам добавляют новый срок или переводят их в особые тюрьмы, с усиленным режимом. Наиболее строго за все эти преступления карают политических...

НКВД не скупился на разные дешёвые "поощрения", лишь бы только они понуждали заключённых лучше работать и не вели к сокращению срока. Самым действенным, одно время, был "зачёт рабочих дней", введённый ОГПУ в августе 1931 года, по которому ударникам и стахановцам засчитывали за 2 дня работы 3 дня срока. ...Но через четыре года, после убийства Кирова, НКВД посмотрело на это иначе: совсем лишили зачёта восемьдесят процентов политических, а всем остальным оставили куцый зачёт: четыре дня за три дня работы и пять за четыре. Старые зачёты аннулировали. Книжки ударников и стахановцев потеряли главную ценность. Оставалось терпеливо сидеть "от звонка до звонка"... Взамен зачёта ГУЛАГ дал новые, ещё более дифференцированные, прогрессивные нормы довольствия. Один стимул производительности – моральный – заменили другим: материальным.

Начальники северных лагерей имели право "колониализации" лучших специалистов и рабочих, – предоставлять им возможность жить обособленно, выписать к себе семью и получать оплату, близкую к ставкам вольных, с условием остаться на Севере после окончания срока. Рабочие на эту приманку не пошли (за начальником лагеря оставалось право в любой момент "расколонизировать", да и ставки оказались таковы, что, после всяких вычетов, не на что было покупать продукты). Зато специалисты кое-что выгадывали. Получая оклады в 250-300 рублей, они, устроившись с семьёй в комнатухе, сводили концы с концами. Но такие специалисты чувствовали себя невольниками в квадрате. Страх лишиться семьи и снова попасть в барак заключённых заставлял их мозг по двадцать часов работать на пользу НКВД, проявляя чудеса изобретательности и технического руководства. Это было в период 1933-1937 годов, когда в лагерях, при недостатке специалистов, требовалось, чтобы один инженер работал за десятых...

Можно насчитать десятки видов "поощрения лучших": тут и почётная золотая грамота, и внесение в книгу "знаменитых людей командировки", и "выдвижение" на должность бригадира или десятника, и громадные портреты стахановцев, развешенные в лагере, и выдача постельного белья, и первоочередная замена старых бушлатов новыми, и особые окна в кухне для "знаменитых лагерников"... Даже лучшие места в лучших бараках использовали, как стимул производительности... Пропаганда в лагерях преследует три цели: поднять производительность труда, внести расслоение в среду заключённых и – в ложном свете – представить им истинные цели карательной политики и концлагерей.

Для повышения выработки, кроме уже перечисленных только что мер "поощрения", на командировках (лагпунктах) выпускаются стенные газеты, развешиваются портреты "знатных лагерников", ежедневно заполняются чёрные и красные "доски показателей выработки", созываются производственные совещания, отчётные собрания и слёты ударников; по местному радио зачитывается выработка каждой бригады. С целью расслоения, проводятся собрания. "Социально-близких" призывают поднять производительность труда, чтобы показать свою кровную близость к трудящимся, и не поддаваться "агитации врагов народа": как только заметят её, сейчас же сообщать "кому следует". Политических уговаривают, чтобы они морально влияли на уголовников, не стонились их, принимали в свои бригады и приучали к труду....

Заключённым постоянно вдалбливается, что лагерь – школа трудовой перековки в сознательного члена социалистического общества, что единственный путь к свободе – производительный труд и что, наконец, лагерь существует не для наказания, а для изоляции и для исправления. Каждый заключённый должен гордиться тем, что он, вместе со всей страной, работает на укрепление большевизма. Когда же он не хочет "гордиться", то ему показывают обратную сторону лагерной медали... Пропагандной шумихи в некоторых лагерях было больше, чем "на воле", но самый недалёкий заключённый понимал, для чего она ведётся: лучше работай – больше получишь. "Сознательность" раба – это, конечно, звучит дико...".

"Год общих работ в лагерях обходится в десять лет обычной жизни. Не будь двух добрых фей, концлагеря представляли бы одно сплошное кладбище. Эти феи – туфта и блат. Они-то и помогают заключённым увёртываться от мёртвой хватки режима.

Блат – это использование знакомств и связей в лагере с тем, чтобы избежать непосильных работ и устроиться на более лёгких. У кого есть блат, тот редко держит в руках лопату, пилу, топор или тачку. Иногда тёплые места покупаются за взятки посылками или деньгами, но, в общем, такие случаи редки, и взяточников тем или иным способом выводят на чистую воду. Блат признаётся терпимой формой борьбы за существование, а взяточников считают шкурниками. Блат оказывается безвозмездно, часто из одного сострадания.

Туфта – это бесчисленные формы обмана лагеря ради того, чтобы меньше сделать и больше получить с лагеря продуктов и денег. Добрая половина

заключённых обязана сохранением своей жизни туфте. Она даёт им возможность держаться на ногах и питаться из ударных и стахановских котлов. Нет такого вида работы в лагерях, где бы заключённые не туфтили. Самая распространённая форма туфты – приписка бригадирами в рабочие сведения дополнительной продукции "с воздуха", или особых условий работы, которых в действительности не было. Если бригадир трус или шкурник, то сами рабочие, умудрённые опытом и нуждой, найдут случай "зарядить" ему туфту. Ни в чём ином так ярко и широко не проявляется солидарность заключённых, как в этой форме общей борьбы за существование...".

№ 21

• **Сабинин Александр Мухтарович** (р. 1938) – инженер-строитель. 1938, май. – Родился в селе Долинка Карагандинской области, в Карлаге. Мать – Сабинина (урождённая Леонова) Елена Гавриловна (1912–1989), уроженка г. Владивостока; детство и юность провела в г. Харбине, где получила профессию фармацевта. Дед, Леонов Гавриил Васильевич, возглавлял Харбинскую таможню. 1936. – Репатриация семьи Леоновых из Маньчжурии (г. Харбин) в СССР (г. Воронеж). 1936–1937. – Сабинина Е.Г. (после брака – Леонова) – фармацевт аптеки в г. Воронеже. 1937. – Арест Леонова Г.В. и Сабининой Е.Г. Объявление их иностранными шпионами и врагами народа. Этапирование Леонова Г.В. на Север, где он скончался через полтора года. Этапирование Сабининой Е.Г. в Карлаг. 1937–1939. – Работа матери на строительстве Джартагской плотины по 12 часов в день. Норма на земляных работах – 8-10 кубометров грунта; средства механизации – лом, кирка, лопата, тачка. Деформация позвоночника ("коленчатый вал"). 1939. – Перевод в Степлаг (пос. Кенгир) заведующей аптекой, благодаря чему выжила. 1940–1947. – Воспитание Сабинина А.М. бабушкой, Леоновой Анной Михайловной. Жизнь в голоде и холоде, нищете и унижении. 1947. – Освобождение матери. Приезд к ней сына с бабушкой. Вынужденная работа в строительном тресте. 1947–1953. – Учёба Александра Сабинина в школе пос. Кенгир. Свидетель жизни заключённых: колочая проволока, охрана с автоматами, овчарки, бесконечные колонны, идущие на работу и т.д. 1953. – Болезнь матери: открытая форма туберкулёза; злокачественная опухоль груди. Операция. Длительное лечение. Нужда. Начало трудовой деятельности А.М.Сабинина. После окончания семилетки – рабочий-геодезист. Поступление в Джекказганский вечерний строительный техникум. Прекрасный преподавательский состав из числа репрессированных. 1953–1956. – Непосредственная работа с заключёнными в "зоне". Свидетель восстания заключённых в Степлаге. 1964. – Окончание Карагандинского политехнического института. 1965–1998. – Крупный руководитель на различных стройках Казахстана. Долгие годы – член правления исторического общества "Адилет", активный участник мероприятий, связанных с увековечением памяти пострадавших от тоталитарного режима. Бывшее здание КГБ в южной столице не без его помощи превратилось в музей жертв политических репрессий. 1998. – Выход на пенсию. 2006.

– Работа над книгой о советских лагерях смерти, о людях и событиях того времени.

*** Сабинин А.М. Острова архипелага ГУЛАГ в Казахстане // Страницы трагических судеб: Сб. воспоминаний жертв полит. репрессий в СССР в 1920–1950-е гг. / сост.: Е.М.Грибанова, А.С.Зулкашева, А.Н.Ипмагамбетова [и др.]. – Алматы: Жеті жарғы, 2002. – С. 228–232.**

"Караганда и Экибастуз, Балхаш и Жезказган" [С 1992 г. – г. Жезказган], Целиноград и Петропавловск известны как крупные промышленные центры по добыче угля, черных и цветных металлов, машиностроения, освоения целины. Поистине космический рост экономики этих регионов обеспечил в значительной степени создание ракетно-ядерного щита бывшего СССР. И сегодня они оказывают исключительное влияние на экономическую, техническую и культурную жизнь республики. Здесь, в степях Сары-Арки, начал свою трудовую деятельность и получил навыки крупного руководителя первый Президент суверенного Казахстана Н.А.Назарбаев.

История развития и становления этих регионов поистине героическая, за 50 лет здесь выросли сёла и города, рудники и комбинаты, заводы и фабрики, другими словами, создан стеной хребет экономики Казахстана. Но в истории освоения Сары-Арки были не только героические, но и трагические страницы. Освоение этих мест в 1935-1955 гг. в условиях пустынь и полупустынь, отсутствия водных ресурсов, транспортных коммуникаций и квалифицированных кадров осуществлялось не только добровольцами со всей страны, но и сотнями тысяч честных и достойных людей, которые оказались здесь принудительно через систему ГУЛАГа, прошли через невероятные страдания, а многие нашли и насильственную смерть. Судьба предопределила автору этих строк быть не только свидетелем, но и участником событий в те страшные годы. Работал на стройках гг. Жезказгана, Караганды, Темиртау, Целинограда, Гурьева* [С 1992 г. – г. Атырау] и других городов сначала рабочим, бригадиром, затем возглавил Главное техническое управление концерна "Казахстанстрой"* [Бывшие Минтяжстрой и Минстрой].

Мой дед по материнской линии, Леонов Гавриил Васильевич, 1871 г. р., был для своего времени довольно-таки грамотным человеком. Наверное, потому, когда его призвали на воинскую службу, он стал писарем в Императорском полку, квартировавшем в Польше. Отслужив 10 лет, вернулся домой, женился и одним из членов знаменитой семьи Бибиковых был рекомендован на Китайско-Восточную железную дорогу. Сохранилось удостоверение от 16 апреля 1903 г., которым "предъявитель сего Леонов Гавриил Васильевич приглашён на службу Общества Китайской Восточной железной дороги в качестве артельщика". Позже он был назначен старостой артели Харбинской пограничной таможни, видимо, возглавлял таможню. Здесь он пережил две революции, русско-японскую войну, смену красных и белых правительств, власть японцев и китайцев. Прослужив на КВЖД 33 года, он в 1936 г. после продажи за бесценок дороги советским правительством возвратился на роди-

ну в г. Воронеж, где их встречали с духовым оркестром. Сыновья его, Александр и Константин, жили в Америке, куда уехали ещё в конце 1920-х гг. Дочь Зоя, выйдя замуж за П.В.Шуйского, позже ставшею знаменитостью в электротехнике, жила в Швеции. С дедом вернулись в г. Воронеж его жена Анна Михайловна и дочь Елена.

В 1937 г. моего деда и его семью, в том числе и мою мать, Сабинину Елену Гавриловну, объявили "врагами народа" и посадили как иностранных шпионов. Деда отправили на Север, где через полтора года он скончался, а мать, несмотря на беременность, – в Карлаг.

В мае 1938 г. в с. Долинка родился я. Согласно действующим инструкциям ГУЛАГа мать могла находиться с ребенком в лагере до двухлетнего возраста, после чего детей отправляли в детдома НКВД или к родственникам. К счастью, на свободе осталась моя бабушка, которая забрала меня и воспитывала до освобождения матери в 1947 г. Как мы жили в эти годы, жутко вспомнить – голод и холод, нищета и унижение.

В 1937–1939 гг. мама работала в Карлаге на строительстве Джартаасской плотины и на создании оросительной системы в лагерном совхозе. Со слов мамы, это был настоящий рабский труд по 12 часов. На земляных работах норма составляла 8-10 куб. м в день в зависимости от грунта. Механизация – лом, кирка, лопата и тачка. Как они работали, я не видел, но видел позвоночник мамы, который от тяжелой работы был похож на колечатый вал.

К 1939 г. Карлаг имел уже развитую инфраструктуру – около 30 отделений с численностью каждого отделения до 10 тыс. человек. Лагерь обеспечивал продуктами не только себя, но и г. Караганду. В 1939 г. для освоения Жезказганского меднорудного месторождения на базе Карлага был создан специальный лагерь строгого режима – Степлаг в пос. Кенгир* [Ныне г. Жезказган]. В каждом лагере имелась санчасть и аптека, а аптеке был нужен фармацевт. Мама по профессии была фармацевтом и её из Карлага направили в Степлаг. Оставшийся срок мама работала зав. аптекой, благодаря чему осталась жива. Что такое работать в лагере зав. аптекой? Это очень и очень не просто, ведь аптека обслуживала всех: и заключённых (их были десятки тысяч), и охранников.

После освобождения мамы в 1947 г. мы с бабушкой Анной Михайловной приехали в пос. Кенгир, насчитывавший 3-бтыс. жителей из вольнонаёмных и около 10 тыс. заключённых. Кенгир в те годы был посёлком в пустыне. Ни одного дерева, растения, пыль по колено. От вокзала до посёлка, где жила мама, мы шли пешком около 3 км по колено в пыли. Если проходила машина, то оставался хвост пыли, не оседавший несколько минут.

С 1947 по 1953 гг. я учился в школе, находившейся на другом конце посёлка. На пути к школе строились дома и другие объекты "в зоне". Увидев это в первый раз, я спросил: "Почему они работают за колючей проволокой?" "Это "враги народа" – был ответ. Все мы – и дети, и взрослые – воспитывались в сталинском духе и хвалили вождя за все наши победы, особенно после войны. Мальчишки! Разве понимали мы тогда, кто такие "враги народа"? Конечно, нет.

Колонны заключённых по 5 человек в ряду длинной, казалось, бесконечной лентой шли рано утром на работу в сопровождении солдат с автоматами и овчарками, вечером – обратно. Мы провожали их непристойными окриками, а то и забрасывали камнями. Эти наши действия поощрялись охраной. Так продолжалось до 1953 г., когда вдруг выяснилось, что у мамы злокачественная опухоль, и ей удалили грудь. Но после операции температура не спадала. Позже анализы выявили у нее открытую форму туберкулеза. В то время – смертельный приговор, но знакомые, бывшие заключённые-врачи, всё-таки вылечили маму, хоть далеко не сразу.

Мама болела, бабушка старая и неграмотная, работать, естественно, не могла. Мама после освобождения вынуждена была работать в строительном тресте "Казмедьстрой", строившем ДГМК* [Джезказганский горно-металлургический комбинат им. К.Сатпаева], так как в аптеку её не взяли как бывшего "врага народа". Оклад её в тресте был 720 руб., по больничному она получала 30 %, то есть 216 руб.* [Суммы указаны в руб. до денежной реформы 1961 г.]. Как на них жить втроём? Поэтому в 1953 г. после окончания 7 классов я вынужден был пойти работать. Подруги мамы нашли мне "блатную" работу – рабочим-геодезистом УКСа* [Управление капитального строительства] ДГМК в отдел генплана. В том же году на моё счастье в г. Джезказгане открылось первое учебное заведение – вечерний строительный техникум, в который я сразу поступил. Я считаю, что мне повезло: и в техникуме, и позже в Карагандинском политехническом институте нам преподавали настоящие учёные со всего Союза из числа репрессированных. Со мной вместе учились те, кто не смог учиться в годы войны, и те, кто сидел в лагерях, – большинство взрослые люди, многие имели семьи.

Как сейчас помню свой первый в жизни рабочий день. Моему начальнику было дано задание срочно сделать разбивку на ст. Комбинатская, находившейся от конторы на расстоянии 5–6 км. Дело было зимой, и с утра разыгрался буран. По идее нужно было отложить работу до окончания непогоды. "Нет, нельзя откладывать, – сказал наш шеф, – заключённые будут простаивать, за это нас посадят". На проходной часовой всех впустил, кроме меня, из-за отсутствия пропуска. Кое-как шеф уговорил часового пропустить и меня. Часа 3-4 мы делали разбивку (правда, я ещё не знал, что это такое). Держал вешку и забивал кувалдой стальные штыри в мёрзлую землю. Замёрзли мы как собаки, у начальника замёрзли и оледенели брови, ресницы и усы (от теодолита). Заключённых нигде не было видно, они не работали и сидели в здании строящейся трансформаторной подстанции. Из трубы над её кровлей шёл дым. "Пошли греться, – сказал начальник, – нужно сдать разбивку бригадиру". Мы пошли к трансформаторной. Меня от холода и страха колотило. В голове носились мысли: "Как идти к "врагам народа"? Что будет?" Начальник, почувствовав моё состояние, сказал: "Пойдём, не бойся, тебя никто здесь не тронет". Мы вошли в помещение, а я сзади спрятался за их спины. Через несколько минут "бугор" (главный среди заключённых) увидел меня и говорит: "Эй, это кто там прячется у вас за спиной? Выходи!" Ноги мои не слу-

шались и не хотели идти. Меня всего трясло от холода и страха. "Эй, мальчик! Да ты совсем замёрз! На, выпей чаю с сухарём, согрейся", – сказал "бугор" и подал мне алюминиевую кружку и сухарь. Кружка отбивала дробь о мои зубы. Но после нескольких глотков горячего чая и тепла мангала я быстро почувствовал, как мои тело и ноги стали оживать. "Начальник, а чего это с вами пацан пришёл?" – спросил "бугор". "Да у него отца нет, мать в больнице да старая бабка. Кому-то работать надо", – ответил шеф. "Да, видно, на воле жизнь ненамного лучше нашей, если пацаны на работу идут", – вздохнул "бугор". Страх во мне постепенно прошёл, холод тоже, одобрительные с сочувствием взгляды и реплики заключённых в мой адрес впервые заставили меня усомниться и задуматься: "Как же так? "Враги народа", а проявили ко мне такое внимание и сочувствие. Что-то здесь не так. В чём дело?" Ответ на этот вопрос я до сих пор не получил, как мне кажется, его не получили многие тысячи, миллионы людей.

Я описал лишь один эпизод из жизни. Что такое Карлаг, Степлаг и другие лагеря? В каких условиях содержались и работали заключённые? Об этом уже написано много книг, статей, сняты фильмы. Но многое ещё неизвестно, ещё закрыты архивы, личные документы уничтожены. Живых свидетелей почти не осталось. Многие узники Карлага называли его лагерем смерти. Но были места и пострашнее. Такие, как Спасск – лагерь смертников. Десятки заключённых от невероятных условий труда умирали здесь ежедневно. Каменоломни разрабатывались вручную, а после окончания работы заключённых заставляли нести камни для постройки зоны проживания.

С 1953 по 1956 гг. я непосредственно работал с заключёнными в "зоне", а затем в ней же, но без конвоя. В 1954 г. в Степлаге произошло самое крупное восстание заключённых, длившееся около двух месяцев и впервые закончившееся победой заключённых – ликвидацией Степлага, затем Карлага и всей системы ГУЛАГа.

В 1959 г. я поступил учиться в Карагандинский политехнический институт. Уже на первом курсе была создана спецбригада, которая работала на строительстве здания института. Я был включён в бригаду и отработал на этой стройке все 5 лет, как говорится, "от первого колышка", совмещая работу с учёбой. За годы учёбы и после окончания института было множество встреч, разговоров и совместной работы с бывшими узниками Карлага, Степлага и другими политкаторжанами. Все прошедшие "академию" ГУЛАГа люди поражали меня силой характера, человечностью и способностью сострадать. Никогда не забуду своего преподавателя математики Ермакова Алимхана Абеуовича, "врага народа", прекрасного человека, такого чуткого педагога, любившего математику не меньше жизни и свободы.

Сколько нужно ещё издавать "Книг памяти", чтобы вернуть истории имена невинных жертв тоталитарного режима? 31 мая Указом Президента Республики Казахстан установлен День памяти жертв политических репрессий, изданы указы о льготах. Но постепенно власти на местах и в правительстве стараются замаять прошлое, убрать из народной памяти трагедию наро-

дов. Этого не должно произойти. Вспоминая прошлое, невольно задаешься вопросами: Кому нужны были эти колоссальные жертвы? Во имя чего они принесены? Если есть Всевышний, куда он смотрел? Неужели народ и его правители могут быть ко всему этому равнодушными, безучастными? Ответы на эти вопросы зависят от каждого из нас".

№ 22

• **Семёнов Семён Матвеевич** (1888-1937) – школьный учитель. (Справка составлена по воспоминаниям сына). 1888. – Родился в с. Рогатино Орловской губернии в крестьянской семье. ? – Учёба и работа в Орле. 1914. – Мобилизация в армию. Участие в боевых действиях в ходе первой мировой войны. 1917. – Демобилизация. Переезд в Хабаровск. Работа преподавателем математики в средней школе. 1925. – Женитьба. Отъезд в Маньчжурию в связи с направлением на работу на Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). Работа преподавателем математики в советской школе в Харбине. Рождение сына. 1935. – Продажа КВЖД Китаю. Массовое возвращение советских граждан, работавших на КВЖД, в СССР. Отъезд Семёнова с женой и сыном в г. Куйбышев. Работа преподавателем математики в школе. 1937, 1 ноября. – Массовые аресты бывших работников КВЖД. Обыск. Арест С.М.Семёнова. Заключение во внутреннюю тюрьму НКВД. Предъявление обвинения в шпионаже в пользу Японии (ст.58-6). Обращение жены С.М.Семенова в НКВД с запросами о судьбе мужа. Ответ: осуждён на 10 лет без права переписки. 1937, 21 декабря. – Расстрел С.М.Семёнова в Куйбышеве по постановлению Особого совещания при НКВД. 1956. – Реабилитирован посмертно.

* **Семёнов С.М. Из воспоминаний сына** // Будем помнить...: (Воспоминания жертв политических репрессий) // Добров. ист.-просвет., правозащит. и благотворит. о-во "Мемориал" г. Самары. – Самара: Изд. дом "Фёдоров", 2000. – С. 63-66.

"Родился в Орловской губернии в семье крестьянина. Учился и работал в Орле. В 1914 г. был призван в армию и два с половиной года воевал с немцами. В 1917 году после демобилизации отец уехал на Дальний Восток. Жил в Хабаровске, работал преподавателем математики в средней школе. В 1925 году отец женился и вскоре был командирован в Маньчжурию на Китайскую Восточную железную дорогу (КВЖД), принадлежавшую СССР. В те годы на КВЖД работало очень много советских специалистов. Для обслуживания железнодорожников в Маньчжурии функционировали советские больницы, детские сады, школы, различные учреждения. Отец работал преподавателем математики в советской школе в Харбине. Жизнь в Маньчжурии была спокойной. Особую опасность представляли бандиты-хунхузы. Их промыслом были грабежи, убийства, похищения людей с целью получения выкупа. Деятельность хунхузов получила такой размах, что все жили под постоянным страхом. В 1935 году Советское правительство продало КВЖД – дорогу, которая была построена Россией в 1897 – 1903 годах, дорогу, которая до сих пор могла бы принадлежать России.

Началось возвращение нескольких десятков тысяч советских работников в СССР. Однако многие приняли решение – назад не возвращаться, так как все знали, что в СССР идут непрерывные аресты, процессы и уничтожение людей. Мои родители, будучи патриотами России, вариант невозвращения отвергли, и летом 1935 года в одном из эшелонов мы поехали в Союз. Прекрасно помню, как на многих железнодорожных станциях нас встречали толпы людей с хлебом-солью, приветственными плакатами, слезами радости и трогательными речами. Нашей семье в качестве места жительства определили Самару, но вскоре произошло переименование, и мы оказались в г. Куйбышеве. Отец стал работать в школе № 65 преподавателем математики, а в 1936 году перешёл в школу № 48.

Наступил 1937 год. В стране нарастал вал политических репрессий. В школе, где я учился, у многих школьников были арестованы родители. Раздался ночной стук в дверь и в нашем домике, мы жили на Арцыбушевской улице. Это была ночь с первого на второе ноября 1937 года. Всю ночь в нашем доме шёл обыск, естественно, ничего не нашли. Да и непонятно, что же они искали? Под утро отца увезли. Насколько я могу судить по нашим знакомым, работавшие ранее на КВЖД были арестованы в одну ночь – с первого на второе ноября 1937 года. У друзей нашей семьи, Жидко, преподавателя географии, арестовали мужа и жену, а детей, Виктора (12 лет) и Зину (9 лет), отправили в детские дома, причём в разные!

В некоторых семьях, приехавших с КВЖД, арестовали всех: мужа, жену и 15–16-летних детей. Моя мать неоднократно обращалась в управление НКВД, что на улице Степана Разина, с вопросами о судьбе моего отца. Ответ всегда был один: он осуждён на 10 лет без права переписки. На мне было поставлено "клеймо": "сын врага народа", поэтому многое пришлось перенести и пережить. Только в 1956 году мы получили документы о полной реабилитации моего отца, а вскоре пришло свидетельство о смерти, в котором было сказано, что Семёнов Семён Матвеевич умер 9 сентября 1939 года. Причина смерти – порок сердца. Однако, как выяснилось значительно позже, и дата смерти, и её причина были совсем другими, т.е. ложь, свойственная коммунистическому режиму, продолжалась. И продолжалась она в течение всего времени, пока этот режим существовал.

Только в 1988 году мне удалось узнать, что отца из г. Куйбышева никуда не увозили и не ссылали. Один месяц и двадцать один день его продержали в застенках НКВД и 21 декабря расстреляли во внутренней тюрьме НКВД (ул. Степана Разина). А в 1990 году мне удалось ознакомиться с "делом" отца – тоненькой папкой из 2-х листочков, в которой нет ничего, никаких протоколов допросов. Лишь приводятся очень краткие анкетные данные. А обвинение звучит так: "Подозревается в шпионаже в пользу Японии". Следовательно, отца да, очевидно, и многих других даже не допрашивали.

Палачам НКВД не хватало времени, они спешили выполнять планы по разоблачению "врагов народа", "шпионов", "вредителей". Ничем не доказанного, не рассмотренного, абсурдного "подозревается" оказалось достаточно,

чтобы невиновного гражданина своей страны лишить жизни. Во время командировки в Канаду я познакомился с женщиной, которая в те же годы, что и я, жила в Маньчжурии – её родители работали на КВЖД. Однако эта семья не вернулась в СССР, и, как оказалось, они поступили правильно, так как сохранили свою жизнь. Те же, кто не считал возможным невозвращение на Родину, поплатились жизнью за свой патриотизм".

№ 23

* **Эсфирь Самойловна Умановская** (84 года). Мы жили в Маньчжурии.

"До сих пор вспоминаю детство и каникулы на концессии "Восстрой" в начале тридцатых. Там строилась Китайско-Восточная железная дорога, которую протянули из СССР – через Маньчжурию до Харбина. Она находилась в совместном советско-китайском управлении. Трудились на этом строительстве советские рабочие, а мой отец работал там управляющим. В Маньчжурии практически в одном месте жили две диаспоры, советская и эмигрантская, которые, конечно, не соединялись. Но во время войны все эмигранты были на стороне СССР. Эмигрантов потом депортировали в Сибирь, однако не расстреливали и не репрессировали. А вот кавзжэдинцев с их красными паспортами и советским гражданством расстреливали и сажали безжалостно. Считалось, что они, поскольку жили в Китае, наверняка были завербованы китайской разведкой. Все несчастья начались после того, как мы вернулись в Советский Союз. Перед отъездом папины друзья упорно отговаривали его: "Не делай этого, ты всех погубишь!"

Но брат и сестра уже уехали, и нам оставалось только последовать за ними. Какое-то время мы жили в печально известном городе Новочеркасске близ Ростова-на-Дону, где папа купил небольшой дом. В тридцать седьмом забирали многих, кто был за границей или имел там родственников. Пришли и за нашим папой, но увидели, что брат и сестра тоже дома, и послали одного из своих за новыми ордерами на арест. Там шлепнули какие-то подписи, он быстро вернулся, и в итоге забрали нас всех. Маму оставили потому, что она лежала в глубоком обмороке и выглядела так, будто вот-вот умрёт. Она потом оправилась, однако на улицу я её не выпускала, боялась, что схватят.

Фамилия у главного следователя была очень подходящая: Орёл. Он ходил по комнатам, выдвигал ящики, но смотрел бегло, формально. Видимо, понимал, что ничего не найдёт. И только когда на глаза Орлу попала хорошая импортная готовальня, он взял её и положил в карман куртки. Он казался мне воплощением дьявола. Думала, что когда я вырасту и встречу этого человека, обязательно его убью. Но получилось иначе. Потом я узнала, что Орёл сам загремел на нары, когда Ежова сменил Берия. Причём попал он не куда-нибудь, а в камеру, где сидели его бывшие подследственные. Те очень обрадовались такому подарку судьбы и ночью растерзали его. Так что этот человек получил своё сполна.

Но тогда, в тридцать седьмом, я ходила по разным инстанциям в надежде узнать, что с папой, братом и сестрой. Мне никто ничего не говорил. Мне

же было всего четырнадцать лет, и я надеялась, что это ошибка и их выпустят. Наивная была. Пока их не отправили по этапу, носила передачи, причём покупала самые дорогие папиросы, "Казбек". А дежурный, забирая то, что я принесла, шепнул мне: "Покупай дешёвое курево. Дорогое заберут надзиратели". Однажды меня нашёл человек, сидевший с папой в одной камере; его посадили за анекдот. Выйдя из тюрьмы, он пришёл ко мне в школу и сказал: "Их страшно пытаются. Им придётся признать все обвинения". А обвиняли их в связях с китайской разведкой и шпионаже против СССР.

Когда мне исполнилось шестнадцать, я вместе с мамой уехала на Урал, проучилась несколько лет в тамошнем Учительском институте, а в 1947-м мы перебрались в Москву.

В конце пятидесятых начался пересмотр многих политических дел. Мы послали в органы запрос, результатом которого стала полная посмертная реабилитация моих родных за отсутствием состава преступления. Нам выдали справки об их смерти, однако причины смерти указали выдуманные. Утверждалось, что отец умер в 1944-м от разрыва сердца, а брат и сестра погибли под бомбежкой в 1942-м. Но позднее военная прокуратура установила, что на самом деле их расстреляли через несколько месяцев после ареста, 25 марта 1938 года. Потом мы узнали, что папу, брата и сестру держали целыми днями в каменном мешке, где нельзя было даже сесть. От этой пытки страшно болели и разбухали ноги. В конце концов папа подписал чистосердечное признание, хотя понимал, что подписывает себе и своим детям смертный приговор. Буквы в его подписи расплылись: вероятно, он плакал. Мама, узнав о гибели мужа и детей в 1966-м, слегла и больше не смогла двигаться" (Враги и дети. Сталинские репрессии в воспоминаниях очевидцев // ж. "Русская жизнь").

№ 24

• **Цуп Дмитрий Павлович** (1908-1995) – художник. 1908, 14 ноября. – Родился в г. Харбине в семье бедняков-переселенцев с Украины. Брат – Александр (р. 1912). 1926. – Член нелегальной комсомольской организации в Маньчжурии. Арест китайскими властями вместе с 14 товарищами по обвинению в попытке низвержения существующего строя. Выпущен до суда по амнистии, объявленной маршалом Чжан Цзолином по случаю провозглашения его верховным правителем Особого района трёх восточных провинций Северной Маньчжурии. 1929. – Отъезд в Россию. Работа в паровозном депо, учёба на рабфаке на станции Бочкарево Уссурийской железной дороге. 1930. – Поступление на живописный факультет Института пролетарского изобразительного искусства (ныне Академия художеств) в Ленинграде. Учёба у Д.Н.Кардовского и др. 1931–1932. – Приезд брата Александра в Россию, в г. Хабаровск, работа на Уссурийской железной дороге помощником паровозного машиниста. Арест органами НКВД и за "шпионско-диверсионную деятельность", расстрел. 1932. – Женитьба. Жена – Людмила Михайловна Захарова, студентка архитектурного факультета Института изобразительного искусства. 1937. – Окончание института. 1937–1940. – Преподавание в Пермском художественном училище. Участие в выставках художни-

ков Пермской области в 1938 и 1939 гг. 1940. – Возвращение в Ленинград, работа в ЛЕНИЗО. 1941, 7 июля. – Арест. Заключение в тюрьму “Кресты”. 1941, 22 июля. – Этап Ленинград – Минусинск Красноярского края – на следствие. Минусинская тюрьма. 1942, 11 февраля. – Решением Особого Совещания при НКВД в г. Москве на основании ст. 58-1а признан социально опасным. Приговор – 5 лет ссылки на поселение в Красноярском крае с последующим поражением в правах в течение 7 лет. Инкриминировалось: арест в Маньчжурии и освобождение без суда; арест брата органами НКВД; зарисовки в Молотове и закупка в аптеках Молотова ядов (свинцового сахара). Несмотря на данные объяснения (освобождён до суда по амнистии; с братом после 1929 не виделся; рисовал в Молотове с художественными целями; свинцовый сахар покупал для изготовления свинцовых белил) был осуждён. 1942, март. – Эвакуация Л.М. Захаровой из Ленинграда в Ярославль. 1942–1944, октябрь. – Отбывание ссылки в с. Тасеево Канского района Красноярского края. Работа слесарем машинотракторной станции (МТС). 1944, ноябрь – 1946, 1 июля. – Инструктор по труду в Тасеевском детском доме. 1943, 23 августа. – Получение сведений Л.М.Захаровой о месте отбывания мужем ссылки. Оживлённая переписка до 1953 г. 1944, июль – 1945, август. – Жизнь Л.М.Захаровой вместе со ссылкой мужем в с. Тасеево. 1945, декабрь. – Письмо Председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинину с просьбой о пересмотре дела. 1946, 7 июля. – Окончание ссылки. Назначение в Ивановское художественное училище преподавателем композиции, живописи и рисунка, добытое в Москве с большим трудом. 1946–1949. – Существование на нищенскую зарплату. Надзор местных органов МВД. 1949. – Освобождение от работы в Ивановском художественном училище под предлогом сокращения штатов. Перевод в Саратовское художественное училище, полученный в Комитете по делам искусств. Работа в Саратове в течение 40 дней из-за отсутствия права на прописку в Саратове. Возвращение в Иваново. Работа строгальщиком на Ивановском механическом заводе. 1953. – Получение Л.М.Захаровой 8-метровой комнаты в коммунальной квартире в Ленинграде. 1953, 22 мая. – Окончание срока поражения в правах Д.П.Цупа. Получение “чистого” паспорта. Возвращение в Ленинград. С 1957. – Постоянный участник выставок ленинградских художников и многих всесоюзных. 1989. – Персональная выставка в залах ЛОСХа, в которой принимает участие Л.М.Захарова. 1993. – Смерть Л.М.Захаровой. 1995, 20 октября. – В Ростове Великом скончался Д.П.Цуп. Похоронен в Ростове Великом, туда же перенесён прах жены художника. Работы художника Д.П.Цупа находятся в 11 музеях России, в том числе в Государственном Русском музее. Рукописное наследие находится в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга.

* **Коваленко Э. Мы еще поживём...**: Из материалов архива художника Д.П.Цупа, 1941–1953 гг. / предисл., примеч. Э.Коваленко // Нева. – 2002. – № 3. – С. 179–206.

"В 1940 году Д.П.Цуп возвращается в Ленинград, работает в ЛЕНИЗО. 7 июля 1941 года он был арестован. "Большой дом" в Ленинграде, минусинская

тюрьма, пять лет ссылки в Красноярском крае и семь лет поражения в правах после неё. Лишь после смерти Сталина Дмитрий Павлович в 1953 году смог вернуться в Ленинград. В 45 лет художник начинает творческую жизнь с нуля. В своих воспоминаниях Д.П.Цуп так пишет об этом: "В восьмиметровой комнатке, нашем обиталище после 53 года, нечего было и думать о живописи не только потому, что тесно, но и потому, что клочок неба из неё смотрелся как из колодца. И я обратился к гравюре, которой отдал много любви в первые годы моего студенчества в начале тридцатых годов". В гравюре Д.П.Цуп и реализовался в полной мере как художник. С 1957 года он постоянный участник выставок ленинградских художников и многих всесоюзных" [с.180].

"А вот творческое кредо художника, изложенное им, 83-летним, на страницах его дневника за 1991 год: "Художник. Какой? Как можно оценить себя? Ведь результат труда – это небольшая часть того, ради чего работал. Постоянная неудовлетворенность, усталость от борьбы за достижение совпадения замысла и результата, как правило, занижают оценку созданного. Но проходит время, много времени, годы. И, возвращаясь к созданному, испытываешь доброе, быть может, даже гордое чувство радости: ведь это создал я. Создал по глубоко внутреннему влечению, потому что был взволнован увиденным, пережитым лично мной. Стремился найти воплощение в изображении без оглядки на то, что и кто скажет. Это я. Это мое переживание. Не следует вмешиваться в него со стороны. Можно соглашаться со мной или не соглашаться – это дело каждого. Но если из ста узнавших сделанное мной хотя бы десять или даже пять переживут мое волнение, я благодарен им. Видимо, поэтому я никогда не зарабатывал на обеспечение жизни этим самым дорогим для меня, тем, что было моим праздником, тем, что создавалось велением души. Прав ли я был или нет? Быть может, это была ошибка. Быть может, я много потерял, уйдя от конкурентной борьбы с коллегами, от отсутствия контроля худсоветов и редакторов. Все может быть. Но это, возможно, большее достижение было бы достижением не только моим, быть может, более стройным, более достойным общественного внимания, но не моим. Искусство – это сугубо личное, это личность. Если оно, личное, не совпадает с общим представлением, то горе личности. Но если личность – воистину личность, то она достойно переживёт своё непризнание. Но если она действительно личность, то не теряет надежду, что сделанное по велению души, сделанное не для конъюнктуры, не для популярности найдёт своего сочувственного, найдёт место в жизни" [с.180-1].

"Публикации предпослан очерк журналиста-известинца Эд. Поляновского "Смерть художника" ("Известия", 8 июня 1996 года). В очерке журналист, внимательно и неравнодушно прочитавший 600 написанных от руки страниц дневников Д.П.Цупа, поведал о нелёгком жизненном пути художника, с болью и гневом рассказал об обстоятельствах его кончины и захоронения и поднял ряд общественно значимых нравственных проблем, которые эта кончина высветила. В этом номере "Нева" вновь обращается к материалам архива художника – документам и письмам периода ссылки и поражения в правах после неё.

Существует уже целое море литературы о репрессиях. Но каждая следующая публикация вносит что-то новое в эту неисчерпаемую трагическую тему. Переписка Дмитрия Павловича с женой помогает понять, что позволило незаконно репрессированному не только выжить, но и не сломаться духовно, сохранить себя как личность. Ответ однозначен: сила человеческих чувств, сила любви и дружбы. Любовь буквально пронизывает эти удивительные письма, ею пропитано каждое их слово. Помогала выстоять любовь не только к женщине, жене, но и к искусству, ставшему для художника смыслом жизни. Любовь к искусству, друг к другу Людмила Михайловна и Дмитрий Павлович пронесли через всю жизнь.

Письма эти несут на себе печать времени – веру в то, что репрессия – ошибка, что исправить ошибку мешает лишь война, что с её окончанием все встанет на свои места. Война окончилась, но ничто не изменилось. Надежда на торжество справедливости постепенно угасает. Поэтому письма после окончания ссылки становятся всё более пессимистичными.

Характерная особенность переписки супругов: о трудностях быта говорится нечасто. Нравственные муки, сожаление о времени, отнятом у искусства, гнетущее чувство несправедливости совершившегося, оскорбленное достоинство, тревога друг за друга, неистребимая вера в жизнь, в будущее – главное в ней. Друзья студенческих лет. Друзья, обретенные в ссылке. Их письма составляют лишь небольшую часть публикации, но существенно обогащают её. Ведь дружба оказалась такой же настоящей и прочной, как и любовь. Она тоже помогла не сломаться и прошла через всю жизнь. И эти письма отражают время – и его жестокость, и веру в вождя, в Сталина. Я надеюсь, что опубликованные "Невой" письма не оставят читателей равнодушными. Ведь они не только рассказывают об одном из самых трагических периодов нашей истории. В них вечные, непреходящие ценности человеческого духа. И в этом их притягательная сила. Эмилия КОВАЛЕНКО" [с.181-2].

Дмитрий Павлович – Людмиле Михайловне

"14 декабря 1943 г. Тасеево. ...Да, два с половиной года – это большой кусок жизни, в течение которого я многое понял, многому научился и на многое смотрю иными глазами, с иной точки зрения. Это переоценка ценностей, которая формирует человека, и если он переживёт её, вынесет, то это закаляет его характер, расширяет взгляд на явления, выщелачивает из него мелочность. Это пережить трудно, но зато полнее и ценнее будет последующая жизнь.

Да, жизнь! Жизнь – это радость, которая не повторяется. И, милая, родная, нам предстоит ещё жить – пусть будут трудности, борись, крепись! Пусть дух твой будет бодр, мы ещё встретимся, и я выплачу у тебя на груди все те муки, которые я пережил, и своей лаской искуплю те мучения, которые пережила ты" [с.187].

"29 декабря 1943 г. Тасеево. Я обещал описать тебе этап. Это наиболее тяжёлый период моей жизни. Он наименее богат впечатлениями, ограничен-

ными теплушкой, в которой заключено пятьдесят человек, но богат внутренними переживаниями.

Итак, надежда на то, что это только случайный эпизод, ошибка, до некоторой степени разрушена. Нас направляют в Минусинск, об этом мы узнали случайно из надписей, сделанных на наших личных делах, которые проверялись при нашем отправлении из тюрьмы. Время многое изгладило из переживаний тех дней, многому дана настоящая оценка, но до сих пор осталось живым понимание того факта, что жизнь, бывшая до этого, разрушена, что наступает какой-то новый период в жизни. Какой? Этого тогда мы знать не могли.

Я покидаю любимый город, покидаю тебя, такую одинокую, взрослую, но несчастную сироту. Нет даже надежды, что ты что-либо узнаешь о моей судьбе. И что будешь делать ты, какое место займёшь и как сможешь устроиться в этих новых, чрезвычайно усложнившихся условиях жизни? Как может отразиться на твоей судьбе то положение, в которое я попал? И не будет ли репрессия, которой подвергся я, распространена и на тебя как на мою жену? Все эти мысли делали весьма тяжёлыми и без того нелёгкие переживания тех дней.

Тревогу о себе, о своих близких усугубляла полная неизвестность о том, что делается на фронте. Но что события там развиваются в больших масштабах, мы могли судить по громадным эшелонам мобилизованных, которые встречались нам по пути. И что дела идут не так, как этого хотелось бы, можно было судить по бесконечным составам эвакуированных; многие составы двигались, нагруженные машинами и оборудованием. Текли два бесперывных потока: бойцы и будущие бойцы – на запад, эвакуированные – на восток. Ясно было, что события развиваются в грандиозных масштабах. Да иначе и быть не могло: это был не какой-то инцидент, это было столкновение двух социальных систем, а когда сталкиваются системы, то вопрос не может быть решен компромиссными мерами, это борьба за жизнь или смерть. И печально было сознавать, что я, не чувствовавший за собой никакой вины, устранён от этой борьбы. Я признан врагом, меня устраниют от жизни, я парализован, лишён личной воли. И за что? За что? Эта мысль никогда не давала покоя, она и сейчас, вот даже сегодня, когда я думаю об этом, гвоздём – да что гвоздём, ежом многоугольным пронизывает моё сознание. За что?" [с.188].

"26 января 1944 г. Тасеево. ...Люда, дитя моё родное! С каким волнением, с какой дрожью, с мурашками по спине прочёл я в твоём письме о том, как в поле ты во весь голос звала меня. Это мучительной болью и тоской наполнило моё сердце, эта боль так остра, так глубока, так искренна, ибо все это пережито мной самим. Как часто я в лесу во весь голос обращался к тебе, как часто вот здесь, в этом помещении, оставаясь один, я обращался к моей Люде, обращался со всей страстью, со всей силой тоски, с призывом услышать мой голос, откликнуться на него. Я звал, звал тебя. Это был крик отчаяния, тоски, когда душа уже не способна справиться с переполняющей её печалью и она воплем, с болью выливается наружу. Я где-то читал, что разлука в любви подобна ветру, который гасит маленький огонь свечи и, наоборот, раздувает пламя пожара. Наша любовь, наше взаимное влечение не погасло

за два с половиной года, оно разгоралось, оно крепло, и пусть моя душа сгорит в этом пламени, сгорит без остатка. Такая радость доступна немногим, такое счастье суждено не всем, и большое спасибо твоей душе, искренняя признательность твоему чистому сердцу, восхищение перед твоим светлым умом и ясным духом за то, что они приобщили меня к этой радости, дали возможность испытать ее" [с. 190-1].

"1 февраля 1944 г. Тасеево. Это письмо хочу посвятить практическим вопросам о нашем свидании. Чем больше я думаю о том, когда бы оно могло состояться, тем больше укрепляюсь в мысли, что это должно произойти именно весной. В это время наша встреча может быть такой полной, радостной, на её пути будет гораздо меньше внешних помех, омрачающих её. Может быть, это недостаточно практично, может быть, просто ребячество, но мне было бы так радостно, так необычно приятно пройтись по всем моим любимым местам, чтобы ты могла увидеть здешнюю природу в её лучшей форме. Мы могли бы подолгу оставаться наедине – ведь так много нужно рассказать, так много чувств передать без сторонних соглядатаев, чего нельзя сделать здесь, в этих условиях, в которые поставлен здешний быт. Он устроен, организован так, что ни в одном доме мы не сможем остаться наедине, а это, по-моему, важнейшее и даже необходимое условие нашего свидания, чтобы оно не было похоже на свидание в тюрьме, где происходит в непрерывном присутствии надзирателя. А весной это было бы так славно, так дивно хорошо, что, когда я думаю об этом, мне делается необыкновенно радостно, хочется смеяться и прыгать; мне делается так хорошо-хорошо, так радостно, жизнь кажется необыкновенно милой и приветливой.

Теперь – в чём я нуждаюсь? Во всём. Что надо в первую очередь. Спецовку и брюки, хотя бы бумажные, чтобы было, что переодеть после работы. Белье – его у меня вовсе нет. Пару верхних рубаш, ботинки размером побольше, чтобы можно было обувать с портянками. Но о чём мечтаю как о чём-то несбыточном, так это о возможности надеть костюм с сорочкой, с галстуком и "назло врагам, наперекор стихиям" – со шляпой (это, конечно, при условии, что мой костюм сохранился у тебя).

Но Люда! Милая Люда! Что было бы величайшей радостью, украшением моей жизни – это несколько листов хорошей бумаги альбомного формата, набор акварели и штуки три кисти, набор цветных карандашей, дюжину чёрных и пару резинок. Ценность этих предметов можешь оценить сама, слов не найду. Большую бы радость доставила пара томиков поэзии Пушкина.

Всё вышеизложенное относится ко мне, но сама ты в смысле внешнего оформления должна быть безукоризненной. Это не только желание, но и жесткая необходимость. Я нахожусь в необычном положении, я человек, потерпевший кораблекрушение, но ты – моя жена, ты находишься в ином положении, и твоя внешность, твоё поведение дадут окружающим понятие о моей прежней жизни и помогут поднять в их глазах меня в моём настоящем, за что я не без успеха борюсь повседневно. Так что ты учти всю серьёзность этого. Всецело доверяюсь тебе и присущей тебе практичности, которой ты изменила только, когда в

страшные дни Ленинграда не жгла мои подрамники, что могло бы, быть может, стоить тебе жизни – цена для меня явно неприемлемая, согласиться на неё ни при каких условиях, ни в каком случае не могу".

"5 февраля 1944 г. Тасеево. Разве не великого счастья удостоились мы с тобой! Ведь нам удалось познать многие из чудеснейших сторон искусства, оно само открывалось перед нами в уже готовых творениях мастеров, проникших в его глубину, овладевших им, овладевших тайнами творчества, ставших Творцами, создающими те великие миры, которые способны потрясать так же сильно, как потрясают великие явления природы и её жизни. Как понемногу, постепенно раскрывались глубины мастеров Греции и Рима, величие всего Эрмитажа, величие Русского музея, Третьяковки, Музея западной живописи. Как понемногу мы научились за внешней формой, обусловленной эпохой, в которую жил творящий, за этой внешней формой видеть художника, понимать, как форма выражает содержание, как она внутренне порождается им.

Трагичность, глубочайшую психологичность Рембрандта, вспарывающего душу и раскрывающего человека, обнажающего его, как обнажается нежный организм ракушки на вскрытых внешних покрывках; и блеск мастерства Гейнсборо, величайшего виртуоза, изящнейшего, как чудный холёный тепличный цветок, гибкого, ловкого, остроумного в каждой мазке, чудесного именно этим изяществом, покоряющего им. Величайшую жизнерадостность, кипучесть, жадность к формам проявления жизни у импрессионистов. И глубочайшую монументальность творчества Сурикова, пишущего не красками, а какими-то глыбами материала, заставляющего удивляться, как вообще холсты выдерживают это цветовое напряжение, почему они не разлетаются вдребезги. Утробный реализм Репина, неуёмного, непоседливого, и нежность, лиричность, созерцательность Коро, Мусатова. Вскрывалась мятушная душа Врубеля, проникавшего туда, куда никто ни до него, ни впоследствии проникнуть не мог и не решался.

Мы научились понимать этих мастеров, научились видеть, что, несмотря на различную внешность, они все одинаково велики силой проникновения во взятое ими явление, так же как величавы и прекрасны так внешне непохожие и присутствующей им природе такие различные явления, как звёздное небо, восход солнца, гроза. Мы нашим трудом, систематической работой научились понимать это у мастеров, шаг за шагом они выпускали нас в свою семью, делали нас своими родными и, в свою очередь, воспитывали нас, учили видеть жизнь, разбираться в её глубинах. Глубоко права ты, когда думаешь, что мы счастливые люди, ибо мы воспринимаем окружающее нас и наблюдаемые явления острее других. Это наша радость как людей, это наше право как художников и это наша, если угодно, обязанность как художников и как граждан.

Ты спрашиваешь, работаю ли я что-либо как художник. По существу нет! Ведь ты знаешь, что я признаю только профессиональную работу, в которой форма органически, целиком связана с содержанием, форма величава, крупна и целиком отвечает содержанию. Ты знаешь сама, какой колоссаль-

ной работы требует каждый эскиз, как сама ты подолгу и напряженно искала образ для выражения мысли и чувства. Это всё, эта работа требует времени. Так вот времени, этого главного фактора, у меня нет. Его отнимает моя повседневная работа в мастерской и такая же повседневная работа сверхурочно, на частных заказах, ибо иначе прожить абсолютно невозможно. Да, я бьюсь здесь как рыба об лёд, я должен пережить, я должен выжить во что бы то ни стало. Для этого я применяю все доступные мне средства.

Так что вот – небольшие, несистематические карандашные почеркушки в счёт идти не могут. Это не работа, а только беглая фиксация разрозненных мыслей или же дань моим внутренним переживаниям, когда я набрасывал эпизоды с твоим участием. Да и, кроме того, полное отсутствие материалов. Ты выразила желание привезти мне красок, холстов, кистей. Глубоко благодарен тебе за эту тёплую, дорогую, дружественную заботу. Но масло, эта тяжёлая артиллерия, в моих условиях неуместно, а в предыдущем письме я писал тебе об акварели.

Несмотря на то, что мне не удастся выразить моих чувств, они живут внутри, моё художественное "я" живёт и развивается во мне. Я и вижу, и чувствую, что не теряю способности остро воспринимать окружающее, оно настойчиво вливается, вторгается извне. Ещё раз повторяю, что художниками рождаются, а отсюда следует, что и умирают ими. Но встанёт такой грозный вопрос, смогу ли я в последующем найти те профессиональные средства, те изобразительные качества, которые дадут мне возможность выразить всё обостряющееся чувство внешнего мира? Не может ли создаться такое положение, что чувство, восприятие вырастут, а средства в лучшем случае останутся старыми? Вот этот вопрос очень тревожит меня.

Еще раз благодарю Провидение, что оно сохранило твою жизнь, а тебя благодарю за твоё великое чувство ко мне, несущее в себе и любовь, и дружбу, и глубокую материнскую заботу. Я счастлив, что у меня есть ты. Ведь ни с кем, кроме как с тобой, я не могу беседовать так откровенно, так задушевно, с полной уверенностью, что буду Правильно понят" [с.191-3].

"Людмила Михайловна жила в Тасееве до августа 1945 года. По эвакуации вернулась в Ленинград, чтобы попытаться создать условия для жизни в нём после возвращения мужа из ссылки. Комната, в которой они жили до ареста Дмитрия Павловича, оказалась занятой. Работы, оставленные в ней, не сохранились. Участвуя как архитектор в восстановлении разрушенных войной дворцов Пушкина, Павловска, Стрельны, Людмила Михайловна, имея временную прописку, обитает под постоянной угрозой выселения в непригодном для жилья помещении в правом полуциркуле Екатерининского дворца в Пушкине. Хлопочет о получении жилплощади. Только в 1953 году, перед самым возвращением Дмитрия Павловича в Ленинград, ей удалось получить полутемную восьмиметровую комнатку в коммунальной квартире на 6-й линии Васильевского острова. Окно комнатки почти вплотную упиралось в глухую стену стоящего рядом дома, прямо под окном – помойка. Здесь супруги прожили до декабря 1966 года".

• **"Шварцбург Ананий Ефимович** (1919-1974) – пианист, дирижёр (Справка составлена по воспоминаниям дочери Натальи). 1919. – Родился в Харбине. Серьёзные занятия музыкой. Начало учёбы в Московской консерватории. 1938. – Арест, пытки, ссылка в Дальлаг. Работа на лесоповале, затем перевод в Магаданский театр на должность концертмейстера, солиста, и наконец, дирижера. Дружба с актером Юрием Кольцовым, режиссёром Леонидом Варпаховским и известным с 1920-х годов художником Василием Ивановичем Шухаевым. Поездки по Магаданской области с концертами. Участие болгарского музыковеда Д.Гачева (отца популярного в 1990-е годы философа, искусствоведа и писателя Г.Гачева) в гастрольной деятельности Анания Ефимовича. 1930-е гг., конец. – Знакомство с Инной Рудинской, урождённой харбинкой, работавшей в Магаданском театре в костюмерном цехе. Рождение дочери Натальи. 1940-е гг., конец. – Освобождение. Поражение в правах. Переезд в город Кутаиси с семьёй. Работа преподавателем в музыкальном училище. Повторный арест, проведение нескольких месяцев в Тбилисской тюрьме. Отправка до Красноярска, а затем на Ангару. Переезд жены к месту заключения Анания Ефимовича. 1951. – Постановка спектаклей в Енисейске, где среди заключённых была супруга Колчака. Совместная работа с латвийским музыкантом Филиппом Осиповичем Швейником. Проведение концертов-лекций в педучилище, в т.ч. о творчестве П.И.Чайковского. Преподавательская деятельность. 1952, 11 апреля. – Постановка спектакля "Майская ночь". 1954. – Реабилитация супругов Шварцбург. Решение остаться в Красноярске. Концертная деятельность в Красноярском крае, в т.ч. с Московским струнным квартетом им. Прокофьева, квартетом им. Бородина, пианистом Яковом Заком, скрипачом Э.Грачём. 1960-е гг., середина. – Лечение в Кисловодске. 1970. – Совместное выступление в красноярском театре им. Пушкина с профессором Новосибирской консерватории скрипачом А.Амитоном и доцентом Московской консерватории О.Каверзневой. 1974. – Скоропостижно скончался Шварцбург Ананий Ефимович. 1989. – Торжественное празднование 70-летия А.Е.Шварцбурга в Малом зале Красноярской филармонии".

* **Шварцбург Н.А. Музы в снегах** // 30 октября: газ. – 2007. – № 77. С. 3.

"Мой отец, Ананий Ефимович Шварцбург, с детства серьезно занимался музыкой. Заветной его мечтой была Московская консерватория. И вот 19-летним, подающим надежды пианистом (из класса профессора А.Николаева) он попадает в сталинскую мясорубку. Причина, правда, была веская: место рождения город Харбин, что автоматически позволяло обвинить его в шпионаже, антисоветских настроениях и прочем в том же роде. Шестнадцать лучших лет: с января 1938 года по 1954! Тюремь, этапы, ссылка... И лесоповал в сотнях километров от Магадана. Как и некоторых других, его спасло искусство. Однажды магаданские артисты, вернувшись из поездки по трассе, рассказали жене начальника Дальлага А.Гридасовой (известной как покровительница артистов), что в ее владениях обнаружился молодой пианист и пока он окончательно не отморозил

руки, бывшие уже предметом особого внимания следователя Большого дома в Ленинграде (чтобы заставить музыканта подписать признание, достаточно было один раз защемить ему пальцы дверью), хорошо бы выгнать его в "столицу". Что и было сделано. Так папа оказался в знаменитом Магаданском театре, где был концертмейстером, солистом, а позже встал и за пульт оркестра, заменив погибшего друга Петра Ладирдо.

Не только коллегой, но и близким другом вскоре стал ему сосед по нарам режиссер Леонид Варпаховский. Да, после спектаклей и концертов, сменив фрак на телогрейку, надо было возвращаться в тюремный барак, за еще одну колочую проволоку. Как ни разбросала потом жизнь магаданцев, со многими из них папа продолжал поддерживать связь, гордясь своими друзьями, среди которых были, например, знаменитый артист МХАТа Юрий Кольцов и известный еще с 1920-х годов художник Василий Иванович Шухаев. Мама моя, Инна Рудинская, тоже харбинка, и тоже по счастливой случайности попала в театр, в костюмерный цех, где заодно обшивала всесильную Александру Романовну Гридасову. Власть, которой она обладала, в моей детской памяти как-то связывалась с таинственными словами "дом Романовых". Кстати, надо отдать должное благородству моих родителей, навсегда сохранивших искреннюю благодарность этой женщине за все хорошее, что она делала для них. Да, она была частью системы, которая в конечном итоге отыгралась и на ней. Лишившись чинов и достатка, доживала она свои годы в Москве, не вылезая из нужды и болезней, прося помощи у своих же бывших эзков!

Магаданский период жизни папа всегда вспоминал с удовольствием. Он был молод, всеми любим и в творческой работе недостатка не испытывал. Помимо концертов на сцене театра, были поездки и по Магаданской области с бригадами разных составов (про культурное обслуживание помнили даже тогда и там!). Пианино, понятно, имелось далеко не в каждом лагпункте, так что подчас аккомпаниатору приходилось хотя бы отбивать на чём попало ритм для какой-нибудь опереточной сцены, о чем потом многие годы без смеха не могли вспомнить все участники представления.

В одной из таких гастрольных командировок участвовал известный болгарский музыковед Д.Гачев (отец популярного в 1990-е годы философа, искусствоведа и писателя Г.Гачева). Он играл на флейте в небольшом оркестре, которым руководил А.Шварцбург. Об этом эпизоде я узнала совершенно случайно. Приехав в середине 1980-х годов с бригадой артистов Красноярской филармонии в Абакан, я скуки ради купила в киоске вчерашнюю местную газету и там наткнулась на публикацию, в которой упоминались названные выше имена. Автор статьи был слушателем того, навсегда врезавшегося в его память концерта. Еще бы! За пять лет на колымском прииске им. Чкалова не то что живых артистов – газеты в глаза не видели.

Когда я ещё не понимала, почему мои родители оказались в тех отдалённых местах, их жизнь в Магадане рисовалась мне сплошным театральным праздником: то ставилась "Травиата", то драматический спектакль с богатым музыкальным оформлением, то оперетта.

И действительно, после Магадана был лишь короткий период вольной жизни с поражением в правах, поэтому родители выбрали маленький грузинский город Кутаиси, где папе помогли устроиться преподавателем в местное музыкальное училище. Память о своем удивительном педагоге ученицы сохранили на всю жизнь, переписывались с ним. А одна из них, я хорошо это помню, потом специально приезжала повидать его в Кисловодск, где папа лечился уже в середине 1960-х.

Успешно начатая педагогическая работа была прервана полгода спустя. Власти добрались и сюда, до кавказской глубинки. Отец вновь был арестован, снова провел несколько месяцев в тюрьме, на этот раз в Тбилисской, где умудрился выучиться немного грузинскому языку. Оттуда вновь арестантским вагоном был отправлен на восток, до Красноярска, а затем на Север, на Ангару, куда и приехала позже мама со мной на руках.

Здесь творчеством, театром и не пахло. Впрочем, нет, это не совсем так. На маленькой клубной сцене в Енисейске, куда родителям чудом удалось выбраться из деревни Мотыгино, папа, собрав ссыльных и местную молодежь, поставил два музыкальных спектакля. Нужно ли говорить, каким событием стало это для утопавшего зимой в снегах старинного городка, приютившего в ту пору немало замечательных людей, среди которых были крупные учёные, музыканты, священники и раввины, белорусский поэт и жена Колчака..."

№ 26

● **"Шелкунова Антонина Алексеевна (1912-1995)** – биолог. 1912. – Родилась в Харбине в семье инженера-железнодорожника. 1929. – Возвращение семьи в СССР, жизнь в Томске. Окончание сельскохозяйственного техникума и поступление на биологический факультет Томского университета. 1936, зима. – Арест, тюрьма в подвале здания УГПУ, обвинение в членстве в троцкистской террористической организации. 1936, февраль. – Перевод в Новосибирскую внутреннюю тюрьму. Следователь Барковский. Сокамерница – К.И.Цедербаум, жена брата Ю.О. Мартова. Восьмидневная голодовка в знак протеста против предъявленных обвинений. 1937, 13 апреля. – Выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством Рычкова, заранее подготовленный приговор: 8 лет тюрьмы и 5 лет поражения в правах. Этап в Ярославль, 25 месяцев в Ярославской тюрьме. 1939, июнь. – Этап до Владивостока в телячьих вагонах, одна кружка воды в сутки на человека. Пересыльный лагерь на Чёрной речке. Через месяц – морской этап в трюме парохода "Джурма" на Колыму, женский отдельный лагерный пункт Магадана. Работа на рытье траншей по 12 часов в день. 1939, середина октября. – Этап в совхоз "Сусуман" на 670-й км колымской трассы – корчёвка пней на морозе, загрузка теплиц землёй и торфом. 1941, начало марта. – Этап в Магадан в лагерь Промкомбината. Направление на рыбные промыслы. Солагерницы: О.А.Слиозберг, П.С.Мясникова, А.Федерольф, З. Гандлевская, Е.Тагер и др. 1946. – Освобождение, жизнь в Магадане, работа вольнонаём-

ной в биохимической лаборатории. Замужество. 1957. – Реабилитация, переезд с семьёй в Москву. Регулярные встречи со своими лагерными подругами. 1995. – Скончалась Антонина Алексеевна Шелкунова".

* Шелкунова А.А. Колючее слово Колыма // Доднесь тяготее. Т. 2: Колыма: сб. / сост. С.С.Виленский. – М.: Возвращение, 2004. – С. 502–515.

"В начале июня 1939 года нас неожиданно повели в общую тюремную баню и мы после нескольких лет одиночек и камер на двоих впервые встретились с другими обитательницами Ярославской тюрьмы. Все дико смотрели друг на друга, испытав буквально шок от этой встречи.

Через несколько дней нас вызвали "с вещами" (а всего-то вещей – бушлат и полотенце) и, посадив в "воронок", повезли на вокзал. Там нас ждали телячьи вагоны с двойными нарами. Мне повезло: в вагоне на одних со мною нарах оказались образованные, интеллигентные женщины: Варвара Гвахария, жена директора крупного металлургического завода; московская журналистка Ася Игнатъевна Гудзь; Мира Кизельштейн, биолог, выпускница Московского университета; Циля Рубинштейн, тоже биолог; врач Неха Лурье. Потом, уже в Москве, я дружила с Мирой и Нехой. А теперь из нас шестерых в живых осталась я одна.

Варю Гвахария сняли с этапа ещё в Иркутске. Начальник конвоя вошел в вагон и вызвал её "с вещами". И тихо добавил: "Повезут в Москву". На мои слова о том, что, может быть, знавший её лично Берия что-нибудь для неё сделает, она успела мне шепнуть: "Не говори глупости, это страшный человек!" С тем её и увели из вагона. Староста вагона, бывший партработник Гусакова, грозила нам, что будет "давать характеристики". Она никак не могла привыкнуть к своему арестантскому положению, к тому, что и у неё срок 10 лет. Ася и Варя, когда я резко говорила со старостой, набрасывали мне на лицо бушлат.

С первых дней Варя скрашивала нашу этапную жизнь рассказами о Лондоне, где её муж в начале тридцатых годов был торгпредом, о музеях и картинных галереях. Однажды, в какую-то из памятных дат, они побывали на могиле Маркса на Хайгейтском кладбище. Тогда у его могилы встретились английские коммунисты и русские меньшевики. Те и другие несли плакаты, на которых было написано: "Не оскверняйте могилу Маркса". Тяжёлое воспоминание оставил её рассказ о голоде на Украине в тридцатые годы, когда на улицах Енакиева валялись трупы умерших от голода людей. Её муж – директор Енакиевского завода – получал пайки, так что сами они с девятилетним сыном Отарием не голодали. Мы с ней сразу сдружились, и когда в Иркутске за ней пришли, то конвоиры разжимали наши крепко сцепленные руки.

Никогда мне не снились такие тягостные сны, как в том долгом пути от Ярославля до Владивостока. Я боялась их и, прежде чем заснуть, долго лежала с открытыми глазами: знала, только закрою их – придут арестовывать... Вот они перетряхивают мои вещи, книги, фотографии. Вот ведут по улицам ночного Томска. Метёт позёмка... Подвал – тюрьма под зданием ГПУ.

Утром допрос, на котором я узнала, что арестовали меня за знакомство с Николаем Ивановичем Мураловым – у него нашли мою поздравительную

открытку с обратным адресом. Одним из этого оказалось достаточным, чтобы обвинить меня как участника троцкистской террористической организации. Следователь говорил, что я, студентка биофака, занималась в университете троцкистской агитацией. Свою причастность к троцкистам я начисто отрицала. На допросе сказала, что возмущена жестоким указом о привлечении детей с 12 лет к уголовной ответственности – вплоть до расстрела. Это "признание" следователь пропустил мимо ушей – думаю, не потому, что пожалел меня, а просто боялся записать такое своей рукой и держался в рамках "троцкистского сценария". В камере, надев рукавицы, я цеплялась за трубу отопления, чтобы через крошечную форточку увидеть на противоположной стороне улицы моих товарищей и друзей, идущих в Университет. ГПУ помещалось на главной улице Томска – проспекте Ленина.

Примерно через месяц меня отвезли в Новосибирск, во внутреннюю тюрьму. Женщины, с которыми я встретилась в камере, стали спрашивать, за что я попала. Я ответила, что за знакомство с Мураловым. Оказывается, две из моих сокамерниц работали под его началом: Маруся Вдовина и Катя Околокулок. Маруся научила меня технике перестукивания. Через два дня я уже бойко перестукивалась с соседней камерой. Вторым криминальным занятием было смотреть в окно, которое выходило на прогулочный двор. Кто-нибудь загораживал дверь с волчком, а остальные приоткрывали окно и смотрели, кто гуляет во дворе. Через несколько дней мы увидели Николая Ивановича Муралова. Мы все трое выглянули в окно, и Катя спросила его: "Николай Иванович, было ли хоть какое-то дело?". Муралов сказал: "Дело Бейлиса".

Через несколько дней Муралов исчез. Каков был ужас, когда из случайно попавшей к нам газеты мы узнали, что Муралова судили в Москве и расстреляли. Нам было трудно поверить, что этот красивый, гордый человек, солдат, которого Ленин приказал назначить командующим Московским военным округом, на суде признавался в чудовищных преступлениях. Какие методы воздействия к нему для этого применяли?! Я благодарю судьбу за то, что ко мне и моим сокамерницам тогда, в 1936 году, ещё не применяли пыток. Человек не знает порога боли, которую может перенести. Я счастлива, что мне не пришлось оговаривать Николая Ивановича и других.

В Новосибирске моим следователем был вполне интеллигентный человек – Барковский. Он изредка приносил мне книги, и мы читали всей камерой. Однажды я его спросила: неужели он всерьёз верит, что я – член троцкистской организации. Он ответил: "Нет, конечно, попробую доложить о вас новому начальнику Новосибирского ОГПУ Курскому". Ничего хорошего от этой "высокой аудитории" я не ждала: по приказу Курского прогулочные дворы, утопавшие в цветах, в одну ночь были заасфальтированы. Привели меня в кабинет начальника ОГПУ, и получился разговор глухих: Курский призывал меня "разоружиться". Я говорила, что я не троцкистка. Попытка следователя Барковского хоть как-то облегчить мою участь окончилась ничем. Вскоре по тюрьме поползли слухи, что Барковский арестован.

По "тюремному телефону" сообщили, что в соседней мужской камере сидит Виктор Жернаков – редактор пионерского журнала "Товарищ", выходявшего в Новосибирске. С Виктором я училась в седьмом классе. Вторым был Герман Кононов, которого я также знала с юности.

В 1928 году отец Германа Кононова вместе с другим крупным инженером из Сибводпути Гаккелем были вызваны в Москву. Из Новосибирска они уехали... и таинственно исчезли. Герману Кононову и его однокласснику Андрею Гаккелю было по пятнадцати лет, и матери отправили их в Москву искать отцов. Им было велено в несколько тюрем отнести передачи на имя отцов. В Бутырской тюрьме передачи не приняли. Тогда мальчишки пошли на Лубянку. Там передачи приняли. Позже отцы "нашлись" на Беломорканале. Оба были крупные гидротехники. По окончании строительства канала они были освобождены и награждены орденами. Теперь, в 1936 году пришёл черед сына Кононова попасть в тюрьму.

Меня за "строптивость" перевели в одиночку. Вскоре одиночка понадобилась для какого-то более важного "преступника", и меня вернули в общую камеру. За это время в камере появилась Конкордия Ивановна Цедербаум – жена брата Мартова. Ещё раньше она объявила голодовку, и была так слаба, что её на одеяле унесли в больницу. Уже в Москве, в 90-е годы, я познакомилась с племянницей Мартова Тамарой Поповой, которая мне рассказала о том, что Конкордию Ивановну из Новосибирска привезли в Москву и расстреляли.

Протестуя против предъявленных мне обвинений, я объявила голодовку. Через восемь суток меня перевели в тюремную больницу, чтобы принудительно кормить. Пришлось прекратить голодовку. Привели из больницы – в камере новая заключённая – шестнадцатилетняя Дуся. Когда ей было десять лет, их раскулачили и выселили в избушку на краю села. Вся большая семья примирилась с неизбежностью, а Дуся прибегала в свой дом, чтобы полить керосином фикус или нагадить в подвале. Родители за такие "художества" её наказывали, но она всё норовила насолить новым хозяевам. В начале зимы их семью выслали в Нарым. Не было ни лопат, ни пил, ни топоров. Копали руками норы-землянки, в которых от голода и тифа перемерли почти все её родные. Дуся сбежала из Нарыма, и как-то вышла на людей, которые вели борьбу с советской властью. Дуся работала в колхозе прицепщицей на тракторе и подсыпала песок, чтобы портить трактор. Хозяйка дома, где жила Дуся, обнаружила её безграмотные записки. Узнав, чем занималась Дуся, женщина плача уговорила её пойти и покаяться. Что Дуся и сделала. Её арестовали. Когда стали заполнять анкету, в графе "род занятий" она потребовала, чтобы ей написали "вредитель советской власти", на другую формулировку она не соглашалась.

Следователь решил дать Дусе очную ставку с главарём их организации. Это был татарин, бухгалтер. Однажды меня вели на допрос, и во дворе мы с ним встретились. Я запомнила этого рослого человека с волевым и даже хищным лицом. Когда следователь сказал Дусе, что сейчас его приведут для очной ставки, она схватила со стола следователя чернильницу и решила от-

равиться. Облилась сама и испачкала следователю китель. Очная ставка не состоялась. В камеру её втолкнули, лиловую от чернил. Мне пришлось её отмывать, и я ей объяснила, что чернила не отравы, что ими нельзя причинить себе никакого вреда. Следователь обещал, что её отпустят, но мы ей сказали, что она получит десять лет. Мы не могли без ужаса смотреть на её однодельцев. Изможденные, зелёные, в рубище, они брели по прогулочному двору, еле держась на ногах. Видимо, их долго мучили в КПЗ в районах, где их арестовывали. Большую часть её однодельцев расстреляли, а Дуся получила десять лет. Она очень боялась попасть с оставшимися в живых в один лагерь, считая, что они её убьют.

Не успела ещё наша камера опомниться от этой кровавой драмы, как стало известно о расстреле сибирских железнодорожников. Сибирская дорога была однопутная. Строили Комсомольск-на-Амуре, укрепляли границу, дорога была перегружена, были крупные аварии. По дороге проехал "железнодорожник" Лазарь Каганович и сказал, что он "железнодорожником выметет всех вредителей". "Вредителей" везли пачками со всей Сибири – начальников станций, машинистов, дорожных мастеров. Больно было смотреть на этих напуганных дядечек с большими рабочими руками в мятых форменных куртках. Расправились с ними за три дня: день – "следствие", день – трибунал, и на третьи сутки перед рассветом гудели воронки, увозя их за город на расстрел. Меня мучила тяжёлая бессонница. Только на рассвете я смыкала глаза, но звук воронки отгонял сон. Перед глазами вставала страшная картина расстрела. После мы узнали, что это происходило на окраине Новосибирска, около тюрьмы, в которую нас позже перевели.

Двум женщинам из нашей камеры удалось добыть газету. Её нашли – их посадили в карцер рядом с камерой малолеток. Слышимость между камерой и карцером была хорошая, и женщины разговаривали с детьми. Те рассказали, как они попали в тюрьму – кто за разбитое окно, кто за дерзкий ответ учительнице. Все эти детские проступки квалифицировались как "хулиганство". Им полагалось какое-то дополнительное питание, но оно разворачивалось тюремной обслугой, и дети сидели на скудной тюремной баланде и жидкой каше. Вечером наши женщины слышали в камере, где сидели дети, какую-то странную возню и затем душераздирающие крики детей. Оказывается, надзиратели за взятку пустили в детскую камеру блатных, которые стали детей насиловать. Слыша вопли детей, женщины в карцере колотили мисками по обитой железом двери, но ни дикий грохот, ни вопли истязаемых детей не привлекли внимания подкупленных надзирателей. Утром, когда наших сокамерниц выпустили из карцера, они вернулись в ужасном состоянии.

Пережили мы ещё одно страшное потрясение – расстрел кемеровцев. В это время в Новосибирске коллегия Верховного суда проводила "открытый процесс" над группой инженеров из Кемерово. В Кемерово на шахте произошел взрыв метана, были человеческие жертвы. Этот взрыв был расценен как "вредительство".

"Вредителями" на шахте были признаны начальник шахты, главный инженер и все инженеры и техники, работавшие в смене, когда произошёл взрыв. Сразу же после суда в соседнюю с нашей камеру привели двух инженеров, приговорённых к расстрелу. В нашей камере до нас бытовики расковыряли большую дыру около трубы отопления: видимо, передавали соседям курево, карты. Моя кровать стояла рядом с дырой в камеру смертников. Две мои сокамерницы, Аня Шиманская и Маруся Вдовина, до ареста жили в Кемерово и лично знали приговорённых. Вечером обе они, изобразив на своих кроватях из одеял и простыней фигуры спящих, залезли под мою кровать и стали говорить с ними. Один из них – инженер по фамилии Шубин, сдержанный, немногословный. Ему было двадцать девять лет. Второму, моему ровеснику, двадцать четыре года. Звали его Михаил Куров. Он был воспитанник детдома, только успел кончить горный институт и проработал немного больше года до взрыва. Такой короткий и горький путь – обвинение во вредительстве и приговор – расстрел. Приговор был окончательный и обжалованию не подлежал. Мне теперь семьдесят восемь лет. С той страшной ночи прошло пятьдесят четыре года, но эти воспоминания о последних часах на земле ни в чём не повинных людей приходят ко мне часто во время бессоницы, и я вновь и вновь переживаю эту ночь.

Лёжа на своей кровати, я слышала слово в слово всё, что говорил Куров. "Я хочу жить, я ни в чём не виноват. Передайте Солнцеву (его друг), что я умираю комсомольцем". У него не было семьи, близких, только друг Солнцев, которому он адресовал свои последние слова. Часов у нас не было, но примерно часа в три ночи загремели засовы. Шубина и Курова увели.

Утром женщины из нашей камеры пошли мыть тюремный коридор и надзиратели предложили им взять продукты, оставшиеся после расстрелянных – женщины от этого "дара" отказались. Им удалось через бытовиков добыть газету, в которой мы прочли о процессе над кемеровцами. Всего на процессе обвинялось одиннадцать человек, но двое остались жить – они "помогли следствию" как "свидетели вредительства" девятерых. Маруся Вдовина, которая до последней минуты говорила с Куровым, увидела на прогулочном дворе двух оставшихся жить: это был техник с кемеровской шахты, а второй – инженер-армянин. Приоткрыв окно, она им погрозила кулаком и крикнула: "Какое вредительство, где вы видели?" Они что-то испуганно забормотали.

13 апреля 1937 года меня привели на Военную коллегия Верхсуда. Я прощалась с непрожитой жизнью и думала о том, что меня ждёт судьба Михаила Курова, что у меня впереди только одна ночь. Перед председателем Коллегии лежала стопка приговоров, заготовленных заранее. Я смотрела на членов коллегии – нормальные человеческие лица, вроде не злодеи, но почему они так спокойно и буднично вершат своё неправое дело?! Я поняла, что мы, "судимые", для них не реальные люди, а просто "абстрактные враги". Объявили о том, что суд удаляется на совещание. Дверь в совещательную комнату осталась открытой. Я увидела стол с фруктами, конфетами и пирожными. "Совещающиеся" шутили, смеялись.

В последнем слове я говорила о нелепости предъявляемых мне обвинений. Меня никто не слушал, и единственно, чего я добилась, это в приговоре, где заранее напечатали – в дополнение к 8-летнему сроку – 3 года поражения в правах, от руки было вписано: "5 лет поражения в правах". После объявления приговора мне поднесли полную рюмку валерьянки, заранее предполагая, что от такого решения человек должен падать в обморок. Я обрызгала себя валерьянкой, думаю, что и конвоирам, стоявшим рядом со мной, досталось. Валерьянкой после решения Верховной коллегии поили как женщин, так и мужчин.

В камере после суда нас продержали не больше двух часов, а затем перевезли в воронку в какое-то помещение с решётками, где мы сидели на подоконниках и батареях – скамеек не было. Вместе были осуждённые женщины и мужчины. Позже мы поняли, что нас держали, пока на станции формировался состав из вагонов, чтобы везти по тюрьмам. В столыпинском вагоне мы, женщины, занимали одно купе. Все остальные были заполнены мужчинами. В дороге по распоряжению начальника конвоя нам из станционных буфетов приносили горячий обед, за который мы расписывались. Кажется, на четвёртый день нас привезли в Ярославль. На соседнем пути стоял пассажирский поезд. Против нашего вагона, из которого нас, женщин, вывели, был вагон-ресторан, на его ступеньках – две женщины – буфетчица и официантка. Обменявшись с нами несколькими словами, они расплакались. В тюрьму нас везли в кузове открытой машины, по дороге мы видели золотые главы ярославских церквей и Волгу.

Двадцать пять месяцев в камере и карцерах ярославской тюрьмы. А потом – этап на Колыму. В этапе до Владивостока нам давали кружку воды (четверть литра) в день.

Моя соседка по камере в ярославской тюрьме Катя Околокулок ехала в нашем вагоне, в другом конце его. Катя – убеждённая троцкистка. Всё, происходящее со страной и нами, ей было ясно. А я не верила ни Сталину, ни Троцкому, хотела сама во всём разобраться. Менторский тон её доводил меня до белого каления. Люди абсолютно несовместимые, мы двадцать пять месяцев были обречены быть вместе – и ни разу не поссорились, но здесь, в вагоне, старались не замечать друг друга.

Мучаясь от жажды, мы доехали до Владивостока. Поселили нас в лагере на Чёрной речке. Пробыли мы там почти месяц. В июле нас в трюме корабля "Джурма" доставили на Колыму. Катя тяжело болела пеллагрой, и её на этап не взяли. Мира Кизельштейн рассказала мне уже в Москве, что Катя Околокулок умерла в лагерной больнице на Чёрной речке в 1940 году.

...Привезли нас, тюрзаковский этап, в Магадан, на Женолл* [Женский отдельный лагерный пункт]. Сразу же послали работать на прокладку отопления и канализации. Я работала сначала на рытье траншей, а после меня взял подсобницей заключённый мастер по канализационным колодцам. Работа была тяжёлая и длилась двенадцать часов в день. Ночью не давала спать боль в руках, не привыкших к тяжёлой работе. Мой мастер принес письмо с 197

"воли", в котором говорилось, что создана комиссия по пересмотру дел под председательством Рычкова. Рычков был председателем судившей меня Военной коллегии. Я помнила его жестокое холодное лицо с пустыми глазами, и должна была огорчить своего мастера: от человека с такими глазами трудно ждать какой-то справедливости.

В середине сентября меня и других тюрзаковцев направили этапом в совхоз "Сусуман" на 670 км колымской трассы. Сусуман – не самое тяжёлое место на Колыме: там был совхоз, и женщины не работали в тайге на лесоповале. В совхозе нас ждала работа по двенадцать-четырнадцать часов в сутки. Двенадцать часов – основной рабочий день, и два часа – на строительстве теплиц. И всё-таки в совхозе была, хоть и тяжёлая, но терпимая жизнь!

Я была самая молодая из наших тюрзачек и поэтому все полтора года работала на самых тяжёлых работах – корчевала пни, кайлила торф, загружала теплицы землёй и торфом. Каждое утро, когда я приходила с разводом на работу в совхоз, меня встречал на агробазе вольный бригадир Богодайко и спрашивал: "Шелкунова! Пойдёте работать в теплицу?". Я отвечала: "Нет!" Тогда он говорил мне: "Берите кайло и лопату. Идите кайлить торф". Сцена эта происходила ежедневно. [с.510]. Я не соглашалась идти работать в теплицу, зная о "любовных поползновениях" бригадира. Морозы стояли в Сусумане – 50 – 60 градусов. Молодой татарчонок-нарядчик участливо спрашивал меня: "В теплицу не хочешь? Лучше на мороз! Молодец!" Западная украинка Катя говорила: "Богодайко, як кит на сало, на нашу Тосю облизуетя".

В первую зиму в Сусумане мы жили в бараке с бытовичками. Они не имели привычки сушить свои валенки. А мы сушили очень тщательно, иначе работать на морозе было невозможно. Рано утром, собираясь на развод, я не нашла своих валенок, вместо них остались какие-то крохотные маломерки, в которые я не могла влезть. Растерянная, я осталась в бараке. С вахты пришёл комендант и повёл меня в карцер за невыход на работу. Нужно сказать, что очень часто на вечерних поверках нам зачитывали приговоры "саботажникам". "Саботажниками" были религиозницы, по убеждениям не работавшие по воскресеньям. Приговор за "саботаж" был один – расстрел. Причём в назидание другим всегда сообщалось о приведении приговора в исполнение.

Я уже не помню, что я надела на ноги, чтоб дойти до карцера. С меня сняли бушлат и втолкнули в карцер, который не отапливался. По счастью, бригадир агробазы Богодайко, привыкший по утрам спрашивать, пойдё ли я работать в теплицу, хватился меня и передал на вахту, что я работала лучше всех. Часа через три меня из карцера выпустили, и нарядчик спросил: "Тебя били?" Меня не били, но я очень замёрзла в карцере. Невыход на работу мог стоить мне жизни. Одна из наших тюрзачек Лина Холодова, отвратительный человек, сказала: "Надо поговорить с "шалашовками" (так называли воровок), и мы подведём тебя под расстрел".

Вскоре меня перевели в подконвойную команду и послали корчевать пни. В первый день мы работали с Зиной Бауман. Мы обрубали топорами крупные корни, затем ломом подцепили пень и, повиснув вдвоем на ломе, пытались пень

вытащить. Он не поддавался – его удерживали крепкие тонкие корни. Вохровец с ружьём на плече подошёл к нам, с силой нажал на лом – и пень вылез. На следующий день он сказал своему сменщику: "Этим надо помочь. У них "женихов" нет". Новый тоже помогал нам. Эти простые деревенские парни после демобилизации из армии не возвращались в колхоз, а шли в ВОХР, они привыкли уважать людей за хороший труд.

Долгое время моим напарником на кайловке торфа был грек-пекарь из Новороссийска. Он сильно страдал из-за морозов, а я была сибирячка и морозы переносила сравнительно легко. Поэтому я старалась чаще отпускать его в инструменталку погреться. Мне тогда было двадцать пять лет, и Николай (фамилию его я забыла) казался мне очень старым, хотя теперь я понимаю, что ему едва ли было пятьдесят лет, но тюрьма и прииски вынули из него всю душу. Он рассказывал, как в тюрьме узнал о смерти пятнадцатилетнего сына.

Следующей зимой я по-прежнему работала на морозе – кайлила торф, чистила крыши теплиц, корчевала пни и, несмотря на пятидесятиградусные морозы, ходила в валенках, подшитых мешковиной в несколько слоёв. Мешковина быстро протиралась, и чуть не каждый вечер я носила валенки в сапожную. Однажды ночью из-под головы у меня вытащили ватные брюки, без которых работа на морозе превращалась в пытку. Моего бывшего напарника грека Николая взяли работать в пекарню. От женщин он услышал, что я работаю на морозе без ватных брюк, а у него оказались запасные. Он принёс в прачечную эти брюки, попросил их выстирать и передать мне. Он объяснил прачкам: "Он (то есть я) был добрым, меня жалел и посылал часто греться. Теперь давайте ей эти брюки".

Мы жили в одном бараке с уголовницами. Среди них встречались весьма выразительные фигуры. Помню воровку с детства Нину. Она была красивая, стройная и вся в наколках: "Люблю Васю", "Не забуду мать родную"... Наколок типа Люблю... было много с разными именами. Нинка была на редкость способная. Когда мы с ней работали на сеялке, я любовалась, как она ловко и быстро всё делает! В лагере она снабжала меня заказами на носовые платки для очередных своих обожателей. Расплата за мой труд производилась хлебом. Однажды я ей сказала, что хлеб мне понадобится позже. Когда я пришла к ней получать причитающийся мне гонорар, Нинка сказала: "Вроде ты умная, а открыла шалашовке кредит. Теперь у меня уже другой хахаль. Надо было брать, когда давали". Я думаю, что, если бы Холодова, грозившая поговорить с шалашовками, чтобы подвести меня под расстрел, обратилась к Нинке, та бы ничтоже сумняшись подержала её, помогла бы "разоблачить контру". В то время "разоблачать врагов народа" никто из уголовников не считал зазорным.

В начале марта 1941 года, нам, заключённым, работавшим в совхозе "Сусуман", на разводе объявили, что нас этапируют. Куда этапируют, сообщать было не принято. На сборы дали два часа. Сборы наши были недолгими, так как большую часть "имущества" мы надели на себя. С собой были лишь небольшие узелки. К вахте подогнали "студебекер", к кузову которого был приколочен деревянный каркас, на котором болтались обрывки брезента, трепыхавшиеся на

морозном ветру. Ведь в Сусумане в марте не редкость – 50 градусов. Нас, человек пятьдесят женщин разного возраста, усадили на дно кузова на корточках. Посредине поместился конвоир. Очень быстро мы перестали чувствовать свои ноги – при невозможности пошевелить ногами валенки не спасали. В этап попали большей частью женщины, с которыми в сентябре 1939 года меня этапировали в Сусуман.

В Магадане нас привезли в лагерь Промкомбината, в котором было около тысячи заключённых. Он размещался на крошечном пятачке. Главное здание была бывшая баня, в ней столовая и помещения для з/к с нарами, но без окон. Женщины работали на швейной фабрике, на ватной фабрике и в утильцехе. На швейной фабрике женщины-з/к трудились на конвейере, трудились в две по двенадцать часов смены. Нормы тяжёлые. Питались скверно. На работе задыхались от пыли. Мы, с нашими загорелыми на ветру и солнце лицами, были разительным контрастом с мёртвенно-бледными аборигенами "швейки" – так называли фабрику лагерницы. Почти все они страдали куринной слепотой, недержанием мочи.

За полтора года в совхозе мы привыкли к грубости и хамству и поэтому странно для нас звучали забытые нами слова: будьте добры, пожалуйста, извините. Столовая помещалась в бывшей бане. Там были красивые шторы. Правда, из марли, но выглядели очень нарядно, разрисованные кленовыми листьями. На столах были клеёнки и непривычно чисто.

Полуголодные женщины, работавшие на "швейке", любили "готовить" – так они называли словесные упражнения по кулинарии. Было в этом что-то от голодного психоза. Однажды я стала свидетелем такой "готовки": они с упоением составляли меню, подбирали подливы и гарниры к еде, существовавшей в их воображении. Они были возбуждены, в глазах голодный блеск, и был этот "пир во время чумы" страшен! К моей великой радости от "швейки" и конвейера мне удалось спастись – меня отправили на рыбные промыслы. Там мы и узнали о начале войны. Нас привезли в Магадан. Каждая гадала: "Что-то нас ждёт?.."

В войну Колыма досталась нам очень тяжело, да и послевоенные годы были не легче. Единственное светлое воспоминание – мои дорогие, мои любимые подруги: Оля Слиозберг, Павочка Мясникова, Зоя Марченко, Ада Федерольф, Зора Гандлевская... В лагере я познакомилась с Гизой Лихтенштейн – эмигранткой из Австрии. Юной комсомолкой она приехала к нам, в страну своих грёз, чтобы пройти скорбный путь тюрем и лагерей. Она была человеком с "прозрачной душой". Она понимала людей, жалела их и прощала им то, что никогда не простила бы себе. Я за свою жизнь не встречала человека с такой душой, как Гиза.

Уже много лет живу в Москве... Но и теперь с волнением повторяю стихи Елены Тагер, написанные сразу после нашего освобождения: До нас домчался ветер с юга, / Из края ласковых чудес, / Где не пурга, а просто вьюга, / Где не тайга, а просто лес; / И отступилась, миновалась / Десятилетняя зима, / Та, что у нас именовалась / Колочим словом Колыма".

* **Нелли Ильинична Язвицкая**, 76 лет. Воспоминание:

"Мой папа, Ковригин Илья Степанович, в 1927 году приехал с мамой и моей младшей сестрой в город Черемхово Иркутской области из китайского Харбина по сталинскому призыву. А я родилась в 1931 году. Папа работал на угольной шахте инженером, в 1935-м вступил в партию. Я помню, что уже осенью 1937 года отец всегда держал наготове узелок со сменой белья. В то время он, приходя домой, с горечью рассказывал, как его прорабатывали на партсобраниях, и даже однажды принёс местную газету, где говорилось, что все возвратившиеся из Харбина на самом деле белые. Далее шёл длинный перечень фамилий харбинцев на их шахте.

Вечером 11 декабря 1937 года постучали в дверь. На пороге двое в форме. Папа всё понял, встал и взял свой узелок. Потом обнял нас и попрощался. Но перед тем, как посадить его в воронку, квартиру нашу обыскали и изъяли какие-то папины бумаги и документы. Позже я узнала, что с шахты забрали две трети инженерного состава и вообще технической интеллигенции. А донос на папу написал начальник отдела кадров, он сам этого не скрывал, хотя при встрече с мамой стеснялся её и опускал глаза.

После Нового года, 3 января, к нам пришли из НКВД, описали всё имущество и забрали нашу двухкомнатную квартиру. В неё тут же заселились двое мордатых энкавэдэшников, я это хорошо помню: если папу забирали интеллигентного вида люди, то эти двое явно были из деревенских. Наша квартира вообще не давала покоя простым рабочим с шахты, они-то все жили в бараках. Поэтому даже дети рабочих дразнили меня "буржуйкой". Получил квартиру какого-то репрессированного инженера и тот начальник отдела кадров.

Поселили нас в дощатом сарае, а морозы в те дни стояли под минус сорок. Недельку мы были в нём, уж не знаю, как выжили, а потом нам дали комнату в девять метров в тех самых бараках, вместе с рабочими. Мама пошла работать счетоводом на шахту, но её там продержали недолго, уволили как жену врага народа. И мы вынуждены были уехать в деревню Зима. Позже, в 1942 году, после пятилетнего срока за антисоветскую агитацию, к нам в деревню приехала мамина сестра тётя Юля, тоже из харбинских. Тогда же там организовали бесплатную столовую для детей, чьи отцы ушли на фронт. А меня в столовую не пускали, и деревенские ребята меня дразнили хлебом: у них он есть, а у меня нет.

Мама постоянно посылала запросы в инстанции о судьбе отца. И только в 1947 году ей один раз ответили: "Выслан в отдалённые северные лагеря без права переписки". В 1957-м отца реабилитировали. Тогда же выяснилось, что он был осуждён Воронежским трибуналом по пяти пунктам пятьдесят восьмой статьи и расстрелян. Детства, конечно, у меня не было, с десяти лет я вынуждена была работать в колхозе. А пошла я по стопам отца: закончила Московский горный институт, работала на угольных шахтах в Тульской области.

В 1993 году государство сделало нам, детям репрессированных, подарок: выдало два месячных оклада такого размера, который получали наши родители перед посадкой. Мне выдали двести шестьдесят рублей. Помню, этих денег хва-

201

тило только на два батона хлеба. Принесла я их домой, но ни кусочка съесть не могла, только смотрела на этот хлеб и плакала" (Записали П.Пряников и Е. Клименко).

№ 28

*** Виноградов Вадим.** КВЖДинцы. Эта несчастная "нация" – харбинцы!

"Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), построенная Россией на территории Маньчжурии и вступившая в строй в 1903 году, с самого начала своего существования являлась уникальным образованием как "государство в государстве" со своими управляющим, полицией, судом, системой образования и здравоохранения. Одновременно со строительством КВЖД строился и развивался г. Харбин как ж-д. узел и столица КВЖД. От Харбина расходились линии к российскому порту Владивосток, китайскому порту Дальний и к сибирскому городу Чита. После окончания Гражданской войны Харбин пополнился 200-ми тысячами человек за счёт остатков Белой армии, чиновников и интеллигенции старой России, что явилось мощным интеллектуальным влиянием в общественную и культурную жизнь русского населения города.

В период расцвета КВЖД, приходящегося на 20-е годы, в Харбине действовали пять высших учебных заведений, профессиональные училища, курсы по самым различным специальностям для юношей и девушек. По договору с китайским правительством КВЖД вместе с тридцатикилометровой зоной отчуждения передавалась на 80 лет в собственность России, а затем СССР. Но обострившаяся военно-политическая обстановка в Китае (приход к власти Чан Кай-ши в 1927 году, советско-китайский конфликт в 1929 году и захват японцами Маньчжурии и Харбина в 1932 году) вынудили советское правительство в 1935 году подписать с японцами соглашение о продаже КВЖД властям Маньчжоу-Го (за небольшую сумму – всего за 140 млн. йен). В связи с этими событиями начался отток служащих КВЖД вместе с семьями в Россию. С конца 20-х и до середины 30-х годов в Россию вернулись только из Харбина до 30.000 человек, а сколько уехало с сотен станций и полустанков по всей длине дороги, мы пока не знаем. В Союзе всех их называли "харбинцами".

Надо признать, что советские и партийные органы в то время (основная масса приехала с КВЖД в 1935 году) относились к харбинцам с должным вниманием, они получили рабочие места и инженерно-технические должности согласно своей квалификации и опыту работы. В Воронеже, где размещались два крупных Управления ЮВЖД и МДЖД, харбинцев сосредоточилось гораздо больше, чем во многих других городах страны. Некоторые из них, назначенные на руководящие должности в ж-д. транспорте, получили квартиры в "Доме специалиста" (ул. Плехановская, 134) и в домах ж-д. ведомства. Большинство же было вынуждено селиться по частным квартирам. Но если местные власти относились к приехавшим вполне доброжелательно, то органы НКВД с самого начала считали их потенциальными врагами.

Согласно большевистской идеологии, человек, побывавший за границей, независимо от обстоятельств, считался, в лучшем случае, человеком второго сорта и становился объектом пристального внимания карательных органов.

Тем более, всё это относилось к харбинцам, которые практически не пережили разрухи Гражданской войны, голодомора начала 20-х и 30-х годов, террора ЧК и ОГПУ и постоянного партийного контроля за повседневной жизнью. Ещё до 1937 года подверглись репрессиям многие сотни выходцев с КВЖД, но всё же это были выборочные аресты, а не массовые.

Настоящее бедствие, сравнимое разве что с чумой, началось после издания оперативного приказа НКВД от 20 сентября 1937 г. № 00593 специально по харбинцам. Подобные приказы и директивы НКВД, предварительно одобренные Политбюро ЦК ВКП(б), были изданы по всем представителям других "некоренных" народов СССР: немцев, поляков, латышей, эстонцев, финнов, румын, греков, иранцев, китайцев и многих других национальностей. В этом национальном списке оказались и харбинцы. Так, по воле НКВД в СССР появилась новая "нация". И если, по логике всевидящего ока, все другие являлись шпионами разведок своих стран, то харбинцы работали на японскую разведку. Всё просто! В преамбуле приказа говорится, что за последний год (т.е. до издания приказа) за активную диверсионно-шпионскую деятельность репрессировано до 4500 харбинцев.

В приказе перечисляются 13 категорий харбинцев, подлежащих аресту, а также очередность арестов. Все арестованные разбиваются на две категории: 1-я категория (расстрел) – все харбинцы, избличённые в диверсионно-шпионской деятельности; 2-я категория – менее активные, подлежащие заключению в тюрьмы и лагеря сроком от 8 до 10 лет. Список арестованных, отнесённых к 1-й и 2-й категориям, направляется на утверждение Наркома внутренних дел и Прокурора СССР (так называемая "двойка"). Согласно приказу операция по харбинцам должна начаться с 1 октября и закончиться к 25 декабря 1937 года. Но в Воронеже, как и в других регионах страны, массовые аресты начали сразу после получения приказа, не дожидаясь 1 октября, видимо, по устному разрешению из Москвы. Следователи, допрошенные как свидетели по делу арестованного в мае 1939 года начальника 3-го отдела УНКВД Лапина А.Н., показали, что за семь дней сентября в Воронеже было арестовано 180 харбинцев.

Следователь Иванов показал, что "харбинцев брали, как у них выражались, "по штанам", т.е. без всякого повода. Арестованными набивали камеры, и там их избивали (избиения были массовыми). Для обвинения использовался любой документ, найденный при обыске. Годилось даже удостоверение об окончании каких-либо курсов, технического училища и т.п. Во время допросов Лапин заходил и сам избивал арестованных. Он применял "стойки" до 15 дней, не давал есть и пить. Когда Коркину и Лапину говорили, что нет оснований для ареста, то они очень ругались и требовали арестовывать харбинцев "всех подряд".

Это показание только одного следователя. Какие изощрённые методы издевательств и пыток применялись к арестованным – это отдельная тема, ожидающая своего исследователя.

Что касается срока окончания операции – 25 декабря, то надо считать этот срок продлённым, как и для других подобных приказов, до конца ноября 1938 г., когда закончился период кровавого "Большого террора". Тем не ме-
203

нее, основная масса харбинцев подверглась аресту в пределах именно этого оперативного приказа. Но обратимся непосредственно к истории некоторых харбинцев – жертв НКВД.

Кучинская Анна Кондратьевна. Родилась в Харбине в 1912 г., окончила 7 классов, работала шляпницей в частной мастерской. Отец занимался извозом в Харбине, мать – домохозяйка, сестра и брат учились в школе. Имели дом, лошадь, две коровы. Что толкнуло Анну оставить родных и уехать в совершенно незнакомую для неё страну? Поддалась ли пропаганде, которая утверждала, что в советской России у власти находятся рабочие и крестьяне, мифу о равенстве и братстве? Надежда сменить обстановку и создать свою семью? Наверное, и то, и другое. В начале 1936 года она сумела устроиться табельщицей на ст. Лиски в контору по погрузке и выгрузке, получила место в общежитии так называемого "американского дома" (раньше в нём проживали американские специалисты). Уже тогда она поняла свою трагическую ошибку, спохватилась, но поздно – обратно возврата нет!

Арестовали её 7 октября 1937 года. Обвинение – стандартное для всех харбинцев: "Находясь на КВЖД, имела связь с агентом японской разведки и проводила враждебную для СССР деятельность" – ст. 58-6 (шпионаж). На первых допросах всё отрицала. Это о ней писала из лагеря Мария Егорова члену Политбюро Жданову на четырёх листах стенограммы: "КВЖДинку Кучинскую Анну били, я сама видела синяки на её теле". Держалась долго, но 2 декабря признала легенду о её вербовке и подписала протокол допроса, подсунутый следователем. По постановлению "двойки" от 26 декабря Анну Кучинскую расстреляли 2 января 1938 года. Так закончился её короткий жизненный путь и длинная дорога от Харбина до Дубовки.

Когда просматриваешь архивно-следственные дела харбинцев, то создаётся впечатление полной обезличенности и крайней упрощённости самого процесса ведения следствий. Если взять, к примеру, дело одного (или стотысячного) крестьянина, то после его ареста следователь должен был ещё найти трёх свидетелей и заставить их подписать показание, что такой-то имярек когда-то высказал недовольство (властью, колхозом, трудной жизнью и ещё десятки вариантов). И следователю не требовались его "признания" – он шёл по ст. 58-10 на расстрел или в лагерь. Для харбинцев свидетели не требовались, но из них выбивали любое "признание", а в обвинительном заключении писали: "свидетелей нет". Сравнение, правда, получилось не очень удачным – в обоих случаях всё упрощено почти до бойни мясокомбината.

Но всё же семье Кучинских, можно сказать, "повезло" – они потеряли только одну дочь. Видимо, отец Кондратий каким-то своим мужицким чутьём или жизненным опытом не поверил легенде о большевистском рае, да и слухи из России доходили разными путями. Они остались в Харбине и сохранили себя и двух детей.

К середине 1938 года механизм уничтожения "национального контингента" стал пробуксовывать – тюрьмы забиты до предела, а "двойка" (Ежов – Вышинский) не успевала подписывать списки, посылаемые к ним со всех

концов страны. Схему решили упростить. Решением Политбюро и приказом наркома НКВД от 17 сентября 1938 г. были созданы Особые тройки в областях, краях и республиках, которые должны, уже без Москвы, рассматривать (утверждать) списки по 1-й и 2-й категориям всех арестованных по национальному признаку. Собственно, Особые тройки ничем не отличались от уже действовавших Троек УНКВД: тот же состав (секретарь обкома, начальник УНКВД, прокурор области), тот же порядок – заочный приговор, но механизм, как после смазки, заработал быстрее.

Жертвой Особой тройки стала большая семья Лыскова Александра Петровича, приехавшая из Харбина в 1935 году.

Младший – Лысков Александр (1916 г.р.). В Харбине окончил индустриально-транспортный техникум. В Воронеже работал массовиком в школе № 9 и одновременно учился в балетной студии до дня ареста. Его обвинили в шпионаже в пользу японской разведки. Интересный момент. Следователь, не зная, к чему прицепиться, сказал: "Все КВЖДинцы – шпионы, почему же вы, Лысков, считаете себя не шпионом?" Логика железная! Особая тройка приговорила его 11 октября 1938 года к 10 годам заключения. А эта фраза следователя стала нам известна из жалобы Лыскова в Прокуратуру СССР в 1940 году. После окончания срока он вернулся в Воронеж.

Лысков Борис Александрович (1905 г.р.). По профессии техник-строитель. В Воронеже с женой и годовалым сыном проживал по ул. 1 Мая и работал прорабом на строительстве Дома книги, что на проспекте Революции. Следователям не пришлось долго искать зацепку для обвинения в шпионаже. На допросе Борис рассказал, что после советско-китайского конфликта на КВЖД он был членом нелегального Союза медсанработников и однажды арестовывался китайской полицией за организацию антирелигиозной вечеринки на Пасху. Этого признания вполне хватило для обвинения в его вербовке при аресте. Вообще все харбинцы охотно рассказывали следователям об арестах в связи с забастовками, за участие в деятельности комсомольских, профсоюзных и других просоветских организаций. Обычно после штрафа или отсидки пару суток арестованных отпускали из полицейского участка. На допросах в НКВД они, естественно, наивно считали, что их арест зачтётся как заслуга в стаж борьбы с мировым империализмом. И горько ошибались! Следователям именно этого признания и требовалось, чтобы уличить в вербовке, ставя сногсшибательный вопрос: "А почему вас отпустили?"

Особая тройка приговорила 11 октября 1938 г. Лыскова Бориса к расстрелу. Такая же участь постигла и Лыскова Владимира (1910 г.р.). В Воронеже он работал шофёром инфекционной больницы. Как "японского шпиона" эта же Тройка 11 октября приговорила его к высшей мере. Следующей жертвой НКВД стала их сестра Лыскова (по мужу – Маковская) Людмила Александровна (1904 г.р.). В Харбине она закончила Высшую медицинскую школу, а в Воронеже работала старшей медсестрой 4-й клинической больницы дорздравотдела МДЖД. Проживала с сыном Александром (школьником) на ул. Луговой. Её мужа, Маковского Евгения, арестовали ещё в 1934 году за нелегальный переход границы из Мань-

чжурии. Людмилу арестовали "как переброшенную в СССР со шпионско-диверсионным заданием". Особая тройка, как и двум её братьям, 11 октября 1938 года вынесла ей смертный приговор.

Итак, два брата и сестра Лысковы в один день приговорены к смерти и все трое расстреляны 17 октября 1938 года под Дубовкой.

Когда за 15 месяцев (август 1937 – ноябрь 1938) в стране было расстреляно 800 000 человек, то удивляться этому приговору не приходится – расстрелы стали обыденной жизнью. Но вот бросается в глаза какой-то бандитский садизм руководства НКВД, когда близких родственников – братьев, сестру, как в нашем случае, или отца с сыном или дочерью (известны и такие факты) расстреливают вместе, стоящих рядом на коленях или лежа у края ямы. Видимо, высшее руководство НКВД поощряло подобную практику. Специальной инструкцией запрещалось содержать в одной камере и даже в одном лагере близких родственников – они же будут помогать друг другу. Но вот расстреливать вместе – это, пожалуйста! Какое-то дьявольское извращение!

На этом ещё не закончилась трагедия семьи Лысковых. В этой же группе 17 октября 1938 года был расстрелян муж самой младшей Лысковой Тамары (1917 г.р.) – Голубцов Пётр Савельевич – харбинец, работал бухгалтером в областной больнице. А где-то в г. Козельске (Калужская область) был арестован и расстрелян ещё один – Лысков Николай (1913 г.р.). Так распорядились с семьёй Лысковых. Каким-то чудом уцелел их отец – Александр Петрович (1880 г.р.). Известно, что в 1940 году он писал жалобу на аресты своих детей, не зная об их действительной судьбе. А мать Лысковых, наверное, сам Господь Бог призвал к себе перед самым отъездом семьи из Харбина в 1935 году, чтобы она не стала свидетелем гибели своих детей.

Все Лысковы расстреляны в группе из 71 человека 17 октября 1938 г. по приговору Особой тройки УНКВД от 11 октября. Анализ списка жертв, взятого из расстрельного акта, показал удивительный интернациональный состав группы: харбинцы (35), перебежчики из Румынии (13), Литвы (4), Эстонии (3), армяне, казахи, евреи, поляки, немцы, ассирийцы, англичанин и датчанин. Несмотря на такое национальное многообразие, все они являлись гражданами СССР и все обвинялись в шпионаже в пользу разведок разных стран, какие только пришли в головы следователей НКВД.

Во время раскопок под Дубовкой в 1990 году мы вскрыли шесть расстрельных ям, и одна из них (№ 17) оказалась с останками 71 человека. Учитывая, что другой ямы с таким же количеством останков нет и вряд ли будет, и, как нам сказали ещё в Управлении КГБ, у них имеется только один расстрельный акт на 71 человека, мы имеем право предположить (но не более того), что в братской могиле № 17 погребены люди именно из этого интернационального списка.

По сведениям московского "Мемориала", всего по "национальным" приказаниям с августа 1937 по октябрь 1938 года было осуждено, согласно отчётам НКВД 365.805 человек. Приговорено к расстрелу – 172.830 человек. Среди них – харбинцы" ("Воронежский курьер", 25 марта 2004 г.).

"Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал..."
(А.С. Пушкин)

Часть вторая

Белоэмигранты в Маньчжурии (август 1945 года)

Светлов А.В. Абламский В.П. Абатуров О.Д. Баранов О.В. Белова В.С.
Евтушенко Г.Г. Золотарёвы. Измайлов Б.Е. Кауфман А.И. Кириллов Б.А.
Ковальчук-Коваль И.К. Лернер И. (Джо). Маркизов Л.П. Павлов М.И.
Пасечников В. Пасынков И.Н. Пуляевская З.А. Серёдкин С.А. Филатов Г.М.
Шапиرو М.Л. Шевченко И.Д. Гайдук Г.Г. Янковский В.Ю. Мустафина М.

№ 29

• **Светлов Алексей Владимирович (1922-1999)** – синолог (китаист)
(Справка составлена по воспоминаниям И.Пасынкова, друга).

1922 (?). – Родился в Харбине. Отец – эмигрант из Приднестровья протоиерей Владимир Светлов, священник Свято-Николаевского собора г. Харбина. Мать – Светлова Анна Евдокимовна. 1930–1945. – Учёба и окончание в Харбине реального училища, а затем Ориентального (Востоковедческого) института, с получением квалификации учёного-синолога (китаиста). 1945, август. – Сокрушение Квантунской армии японцев, занятие Харбина Красной Армией. Аресты эмигрантов. 1945, октябрь. – Арест Алексея Светлова и его отца. Допросы и пытки в тюрьмах Харбина и Гродеково (Приморский край). 1946, начало. – Железнодорожный этап Алексея в Тавдинский район Свердловской области, ст. Азанка. Работа в зоне грузчиком на шпалозаводе. 1946, начало августа. – Неудачная попытка побега с напарником. При задержании через 20 часов после побега был затравлен собакой и получил выстрел в голову. Чудом остался жив. Очнулся к утру, благодаря "бдительности" местных жителей был схвачен охраной лагеря. Отправлен в штрафной изолятор без всякой медицинской помощи. 1946, конец августа. – Осмотр лагерным врачом, после чего помещён в стационар. 1946, сентябрь. – После трехнедельного пребывания в стационаре направлен на окончательное излечение в сангородок лагеря. Отказ бывшего кремлёвского хирурга Крамаренко, сидевшего по "делу М. Горького", лечить беглеца. Тайное лечение в сангородке, посещение его земляками. 1946, конец. – Направление после небольшой оправки от ранения в штрафную бригаду; получение ещё нескольких тяжёлых производственных травм. 1954. – Смерть отца в лагере на ст. Новочунская Иркутской области. 1956. – Досрочное освобождение со снятием судимости, а затем – реабилитация. Заочное окончание медицинского училища. 1956–1970. – Женитьба. Работа заведующим фельдшерско-акушерским пунктом на одной из станций трассы Тайшет – Лена. Рождение двух детей. 1970. – Эмиграция с женой Любовью Сергеевной и детьми в Австралию, куда ранее переехали мать и старшая сестра. 1970–1990-е гг. – Работа рентген-лаборантом в Сиднее, одновременное преподавание в русских школах истории и литературы. 1999, 22 декабря. – А.В.Светлов скончался в Сиднее.

* **Пасынков И. Побег** // Карта. – 2000. – № 28–29. – С.102–6.

"Свердловская область, Тавдинский район, станция Азанка. Здесь был расположен один из бесчисленных островков Архипелага ГУЛАГ: огромная зона и три шпалозавода, на которых за голодный паёк трудились на непосильной работе "враги народа". Рядом с Азанкой располагался сангородок, где работали врачи-зэки, прекраснейшие специалисты, проходившие в основном по "делу Горького". Я попал в сангородок с дистрофией 2-й группы, но благодаря умению врача Ефремова Дмитрия Исааковича и стараниям фельдшера Орлова Бориса Дмитриевича за полгода смог оправиться и принять вновь человеческий облик. Их я никогда не забуду!

... Итак, августовский вечер 1946 года, сангородок. Погода отличная, солнечно и тепло. С утра по больнице разнёсся слух – из лагеря бежали двое, один из них – Светлов. Как Светлов? Я не поверил: кроткий, деликатный Алёша, сын священника, и вдруг пошёл на верную смерть?! (Обычно такие попытки кончались убийством беглецов). Но слух упорно ходил по палатам, и вот около пяти часов я увидел, как через внутреннюю дверь вахты конвоир вывел какого-то высокого человека в ободранной и окровавленной одежде, с совершенно безумным взглядом, устремлённым в никуда... Было видно, что его вели в баню. И тут только, как молния, пронзила мысль: "Да это же Алёшка! Мой друг с раннего детства, бок о бок с которым прошли юность, студенческие годы, а потом ещё и путь в скотских вагонах из Харбина на Урал..."

Здесь придётся рассказать немного о временах пятнадцатилетней давности, иначе не понять дальнейшего. Харбин, центр российской эмиграции в Маньчжурии, –средоточие представителей старой русской интеллигенции: учёных, врачей, педагогов, литераторов, военных. 22 церкви, дореволюционный русский быт. Милая, добрая семья Светловых. Глава её – протоиерей отец Владимир Светлов, священник Свято-Николаевского собора (отец Владимир умер от инсульта в сталинском лагере на ст. Новочунская Иркутской области в 1954 году, а собор сожжён хунвейбинами в 1956 году). У всегда приветливой матушки Анны Евдокимовны очень красивая внешность, почти оперное контральто и золотые руки хозяйки. В семье трое детей, две дочери-красавицы – Лидия и Валентина, и сын Алексей. (О том, как они оказались на чужбине, бежав из Приднестровья, – отдельная трагическая повесть).

В Харбине Алёша окончил реальное училище, а затем Ориентальный институт, получив квалификацию учёного синолога. С Алешей Светловым связана вся моя молодость – и обучение в институте, и посещение балов, и рыбалка на Сунгари, и многое-многое другое – прекрасное и незабываемое...

Вторая мировая всё изменила в корне. За четыре недели в августе 45-го была сокрушена Квантунская армия японцев, советские войска заняли Маньчжурию и вступили в Харбин. Россияне с восторгом встретили Красную Армию. Над городом плыл колокольный звон, на улицах толпы людей, крики "ура!", цветы, ликование. Но всё это быстро и навсегда закончилось, когда эмигрантов прямо на улицах стали арестовывать и они исчезали неизвестно куда. Репрессии разворачивались стремительно, людей "брали" и на работе, и

дома – чаще по ночам. До меня "очередь дошла" в начале сентября, до Алёши – чуть позже. Не буду описывать все ужасы допросов в случайных, приспособленных для КПЗ подвалах и таких же тюрьмах в Харбине и Гродеково (Приморский край). В гродековской тюрьме, на моих глазах, на полу, от инсульта и отсутствия медицинской помощи погиб известный русский писатель и поэт Арсений Несмелов. В конечном итоге мы с Алёшей очутились в одном этапе в Свердловскую область.

Везли нас в огромных телячьих вагонах, в холоде, на голодном пайке. В нашем вагоне умерло трое: Иноземцев, Отланов и Дандуров. Их трупы долго не убирали, и в темноте мы спотыкались о них. (Этот этап достоин отдельного описания). На 29-е сутки нас выгрузили на станции Азанка и препроводили в огромный, пустой и запущенный лагерь с ржавой водой в колодцах. После так называемой бани медики-чекисты бегло осмотрели и распределили на работу. Мы с Алёшей попали на один из шпалозаводов, на тяжёлый физический труд, к которому не были приспособлены. Официальный лозунг гласил: "Только тяжёлым физическим трудом можно искупить вину перед Родиной!"

Наивные и доверчивые, воспитанные в иных моральных категориях, большинство из нас в это верило, в том числе и Алёша. Хотя почему только трудом и обязательно тяжёлым? И какую вину? Ведь в отношении нас – харбинцев – не было закончено следствие, естественно, не было и суда, была лишь полная неопределенность дальнейших судеб, усугублявшая моральными страданиями муки подневольного труда в голоде и холоде. И Алёша, кроткий и высоконравственный человек, не смог выдержать такой жизни...

А теперь вернёмся в тот августовский вечер, когда Алёшу после бани поместили в терапевтический корпус. Вскоре мы выяснили, что у него тяжёлое огнестрельное ранение и сильнейшее физическое истощение. Узнали мы и о том, что из оперчасти поступил негласный приказ: "Светлова не лечить!" В этот же вечер я навестил Алёшу вместе с другими земляками. Мы принесли ему хлеба и селёдку. Как же жадно он ел! До сих пор вспоминать тяжело... А теперь о самом побеге. О нём я знаю из рассказов Алёши. Позже, в Австралии, он написал воспоминания и опубликовал их в сиднейской русскоязычной газете "Единение", в нескольких номерах. Ниже – фрагменты из его очерка "Побег".

"...Почти целый год с напарником по работе Афанасием Постниковым (это был местный житель, охотник, хорошо знавший тайгу – И.П.) мы обсуждали и серьёзно планировали побег и ждали только удобного случая. Той ночью нашу погрузочную бригаду нарядчик разбудил как обычно, трехэтажным матом, и погнал на вахту. Там уже ждал конвой с собаками. По прибытии начальник конвоя расставил по местам солдат и велел бригадиру начинать. Бригадир Валеев (маньчжурец, которого потом убили свои же за издевательства над земляками – И.П.), окинув бригаду звериным взглядом, разбил всех по парам. Нам с Постниковым достался крайний в составе вагон. Разобрав инструменты, все отправились по местам.

Погода была дождливая, ветреная, чёрные мрачные тучи заволокли всё небо, надвигалась гроза. Внезапно ветер резко усилился и разразилась буря с гро-

мом и молниями, а дождь полил такой, что трудно было различить даже ближайšie предметы. Мы ждали именно такого момента. Постников схватил меня за руку: "Бежим!" И мы рванули! Шквалы дождя то усиливались, то обрывались. К счастью, никто из конвоя не обнаружил нашего движения к лесу. Собаки, как ни странно, тоже не отреагировали. Мы бежали, и каждый ждал автоматной очереди в спину... Расстояние до деревьев – в 50 метров – показалось бесконечным, но, с божьей помощью, мы преодолели его незамеченными.

Вывравшись из освещенной зоны, мы перекрестились, поцеловались и побежали вдоль железной дороги, сознавая, что вот-вот наше отсутствие обнаружится и начнётся погоня. С этой мыслью я метнулся в сторону от насыпи, но Афанасий перехватил меня: "Там волчьи ямы!" Я охотно повиновался следопыту и далее, не отставая, двигался только за ним. Наконец Афоня свернул в сторону, вглубь тайги...

Несмотря на гнетущую тяжесть ожидания погони, её неизбежность, ощущение свободы буквально переродило нас. Наши лица сияли, дышалось легко, даже привычный землистый цвет кожи будто бы исчез. Я смотрел на Афанасия и не узнавал его. Он помолодел, и не было в облике его суровости, свойственной старообрядцам (Постников принадлежал к этой христианской конфессии – И.П.). Это был верный друг и замечательный товарищ.

Мы продолжали бежать, делая малые передышки. Бежали целый день. Всё время шёл небольшой дождь, что было нам очень на руку. Афоня, стараясь ещё больше замести следы, время от времени прыгал с валежины на валежину, и я неукоснительно двигался за ним. Но одна собака все-таки взяла наш след...

К вечеру, измождённые и голодные, на небольшой полянке мы дорвались до кустов со спелой смородиной. Жадно глотая ягоды, я внезапно поднял голову и увидел непередаваемый ужас на лице Афанасия... Затем он как-то неловко метнулся в сторону и побежал. Я обернулся. Метрах в десяти, среди деревьев, стоял конвойный и целился в меня из нагана. Между ним и мной на длинном поводке металась и рвалась овчарка. Её рывки мешали ему, оружие ходило ходуном, и он отпустил поводок.

Собака в два прыжка преодолела расстояние и бросилась мне в лицо. Я инстинктивно закрылся руками, она вцепилась в запястье и стала рвать... Потом раздался какой-то крик, собака отскочила, и я разглядел перед собой искажённое злобой, совершенно озверевшее лицо чекиста и сквозь площадную брань уловил приказ: "Поворачивайся! Расстреляю!"

Тут собака вновь набросилась на меня, и я опять защищался от её укусов руками. Я не могу этого объяснить, но близость звериной морды заставила меня... улыбнуться! "Чего лыбишься?!" – услышал я срывающийся на визг голос и почувствовал холод от приставленного к затылку дула нагана. Затем раздался звук "дзинь", и небо надо мной закачалось и опрокинулось...

В голове поплыли красно-желтые круги, со страшной, обжигающей болью по телу разлилось чувство слабости, я упал и сквозь отвратительную тошноту почувствовал, как меня рвёт собака... Чекист, считая меня убитым, а свою за-

дачу выполненной, орал и отгаскивал пса, видимо, спеша броситься по горячему следу за другим беглецом. Я потерял сознание...

Время от времени сознание возвращалось... В эти мгновения я испытывал невыносимую боль в затылке, в верхней челюсти и темени. От большой кровопотери было страшно холодно, меня бил озноб. Так продолжалось всю ночь.

Утром, очнувшись, я почувствовал, что вся правая часть туловища отекала, правая рука двигалась с невероятным трудом, а когда попытался приподняться, обнаружил, что правая нога как бы проваливается. Одолевали кашель с кровохарканьем и мучительная боль в горле. Уже в лагере, после изолятора, в котором просидел несколько недель, я был осмотрен врачом Приходько (тоже харбинец – И.П.) и узнал, что у меня сквозное ранение шеи с повреждением язычка, а также вырвана часть верхней челюсти справа вместе с двумя зубами.

Я лежал и думал о том, что, конечно же, вечером конвоир доложил о расстреле, значит, скоро придут за моим трупом, чтобы выставить его на вахте в назидание всему лагерю. Нужно было как можно скорее уходить с этого места. Превозмогая боль, я приподнялся и начался ад... Мучительное чувство жажды буквально грызло меня, но когда я стал слизывать капельки росы, вкус её был столь горек, что последовал приступ кровавой рвоты. Очень болел раненый язычок, особенно когда начинался кашель с кровью. И всё это на фоне жестокой, колющей боли в темени.

Из-за отёка я не мог идти прямо. Пришлось передвигаться, скособочившись вправо, не поднимая головы. Ветви хлестали меня по лицу, а я не мог защититься, так как не в состоянии был поднять правую руку. И в довершение всего, вызывая тупую душевную боль, казалось, со всех сторон сразу слышался отдалённый собачий лай...

Я ковылял, избегая всяческих тропок, как вдруг увидел перед собой дорогу. Сначала я отшатнулся, но за дорогой простиралось огромное болото, которое могло надёжно похоронить мои следы. Я пересёк дорогу и ступил в холодную воду...

Через несколько шагов, потеряв равновесие, упал в болотную жижу. С трудом поднялся, сделал ещё несколько шагов, но резкий приступ головокружения и общей слабости заставили остановиться. Начался мучительный кашель, а затем рвота со сгустками крови. Нашли меня и комары и с остервенением набросились на свою жертву. Я потерял сознание и упал на кочку...

Человеческая память – удивительнейшая вещь! По прошествии стольких лет я с потрясающей фотографической точностью помню все мгновения моих физических и душевных мук. ... Болоту конца не видно. Я бреду сквозь облако мошки и комаров, время от времени с трудом садясь на мокрые кочки для отдыха. Они тут же проседают подо мной, и я сижу в грязной, очень холодной воде. Жажда мучает нестерпимо, порой открывается кровохарканье, порой я теряю сознание...

Наконец, когда солнце свалилось за кромку леса, я выбрался на другую сторону болота, которое могло стать моей могилой, но пока, я надеюсь, по-

могло скрыть следы. Передо мной открылась большая поляна со свежими копнами сена. И опять глухо, но со всех сторон раздавался собачий лай. А может, это галлюцинации?

Я подковылял к одной из копен и стал зарываться внутрь. Вдруг нечаянный удар о какую-то жердь, и от жесточайшей боли я потерял сознание... Как долго я был без сознания – не знаю, но когда пришёл в себя, услышал женские голоса, которые то приближались, то удалялись. Видимо, пришли убирать сено. Значит, наступил день. Голова – будто набита раскалёнными углями. Опять тошнота, головокружения, кроваво-жёлтые круги перед глазами. Потом начался ужасный озноб, – переохлаждение в болоте дало себя знать.

До этого момента я помню отлично всё, что делал, все даже мельчайшие подробности побега, а далее – какая-то притуплённость сознания, безразличие к окружающему, что-то вроде полубреда и только слабый, но явственный инстинкт самосохранения пульсировал в мозгу – надо идти, надо идти... Куда же идти? Смутно помню, как я выбрался из копны и пошёл куда-то вниз, по уклону. Внизу оказалась речушка, на ней плотик из тоненьких брёвен, а по берегу – могучие заросли спелой уральской малины. Помню рядом с плотиком черемуху с чёрными ягодами, а рядом лежали нанизанные на палочку подсушенные грибы [с.104]. Первым делом, преодолевая боль, ложусь и пью, пью, пью... Какое это счастье – чистая, холодная вода! Ощущение такое, будто "по жилам заструилась свежая кровь".

Самочувствие улучшилось, я стал глотать сочные ягоды малины. Странно, но ни вода, ни ягода не раздражали раны во рту. Зато резко, скачком повысилась температура. Инстинкт самосохранения вытолкнул меня вновь на поляну, идти по тайге я уже не мог. И я побрёл по какой-то тропинке, потеряв всякий счёт времени...

На одном из поворотов тропы, внезапно, передо мной предстал седой как лунь старик с горбовиком за плечами, наполненным ягодой. От неожиданности он шархнул в сторону, покачнулся и упал. Ягода просыпалась... Не сводя с меня маленьких встревоженных, бегающих глазок, он медленно поднялся и буквально ощупал меня взглядом. Вдруг, бросив горбовик, он повернулся и помчался прочь с прытью молодого. Ясно – побежал доносить, что встретил беглеца. За такой "подвиг" в те времена полагалась награда от НКВД: солидное количество муки, часы и деньги. Невольно вспомнилось: "Хлебом кормили крестьянки меня, парни снабжали махоркой". А уж о предательстве в "проклятое царское время" не могло быть и речи...

Я продолжал ковылять по тропе, осознавая только изнуряющий озноб, жажду, волчий голод и "пляску боли", пронизывавшей тело. И всё же, наверное, уже бессознательно, я свернул с тропы в тайгу, пытаясь как можно дальше уйти от преследователей. Наконец я потерял сознание и свалился. Это были последние минуты (или часы?) моей свободы...

Очнувшись я от мелкого частого топота собачьих лап и человеческих голосов. Прямо перед лицом я увидел собачью пасть и едва успел закрыться руками, как клыки вонзились в предплечья... (Следы от укусов остались навсегда). Собака

рвала меня, а два конвоира с наганами в руках стояли поодаль и истошно орали: "Сдавайся!" Можно подумать, что перед ними была группа вооружённых бандитов, а не раненый, полумёртвый и абсолютно беспомощный беглец. Казалось, они боялись меня больше, чем я их...

Вдруг один из чекистов прокричал: "Я тебе покажу, как убежать от нас!" – и прицелился из нагана. Но второй схватил его за руку: "Ты что?! Его должны допрашивать! А тебе "катушку" (т.е. 25 лет – И.П.) за срыв задания!"

Тогда тот, который собирался пристрелить меня, сломал ветку, заострил конец и стал тыкать острием в грудь, понуждая встать, а когда я сквозь боль и мучения с трудом утвердился на ногах, начал колоть в спину, заставляя бежать. Ни о каком беге, конечно, не могло быть и речи в моём состоянии. Кое-как я волочил своё тело, терял сознание, падал и вновь вставал, двигаясь на пределе той муки, за которой начинается небытие... Однако отчего-то совершенно явственно помню группку ребят у костра при дороге, в который они бросали кедровые шишки. Они закричали: "Что вы делаете с человеком?!" А в ответ – омерзительный мат конвоиров.

...Время тянулось кошмарно медленно. Наконец дотащились до какой-то станции. Ждали недолго. Подали паровоз с вагоном. И вот снова Азанка – место моего побега. Конвоир привёл в штаб охраны лагеря. За столом в кабинете сидел человек в военной форме, но в каком чине, не знаю, так как никогда не служил в армии. Лицо интеллигентное, серьёзное. В облике его чувствуется выправка кадрового военного. Таких людей сразу можно выделить из серенькой рабоче-мужицкой массы, составлявшей поголовное большинство лагерной "вохры".

"Садитесь, Светлов", – обращается он ко мне с человеческой интонацией. Далее – долгая пауза. Я, привыкший к грубому, хамскому обращению начальников всех рангов, вздрогнул от удивления, что не ускользнуло от внимательного взгляда офицера. "Ну и что же? – опять длительная пауза. – Достигли своей цели? Рады? А я думаю вот что: у вас жизнь и так покалеченная, а вы еще добавили. От нас вы никуда не убежите. Всё тщательно, до мелочей, продумано. Мышь не проскочит! А вас мне, по-человечески, – жаль. Посмотрите, во что вы превратились! Столько времени не есть!" "Принесите ему со столовой поесть!" – приказал он охраннику у двери. Через несколько минут передо мной поставили миски с супом и кашей. Начальник смотрел, как жадно я ем, и мне показалось (возможно, только показалось!), что глаза у него набухли слезой... Говорили, что многих неугодных власти офицеров за разные проступки, например, за "мягкое обращение с врагами народа", посылали на исправление в такие медвежьи углы, как наша Азанка. (И другие заключённые, прошедшие через мясорубку ГУЛАГа, подтверждают, что встречали, правда, в виде редчайшего исключения, очень благородных людей из числа начальства – И.П.)

...Два охранника повели меня на вахту. Там, по инструкции, полагалось посадить меня возле ворот, чтобы все заключённые видели, чем кончаются попытки к побегу. Но несмотря ни на что каждую весну побеги повторяются, хотя чаще всего кончаются смертью, реже – увечьями. И всё-таки, на моей памяти, один кореец смог убежать!

После вахты, без всякого медицинского осмотра и, тем более, – помощи, я был отправлен в штрафной изолятор. Кормили впроголодь отваром чечевицы, который заключённые называли "голубой Дунай", ложку положенной каши-размазни, видимо, съедал надзиратель. И не только у меня... Тесная камера, клопы и никакой медицинской помощи. Я стал похож на скелет, обтянутый кожей, который сотрясал то озноб, то жар...

Лишь через три недели из сангородка приехал врач проводить "комиссовку". После осмотра меня сразу же поместили в стационар, которым заведовал врач Приходько. Началось действительное лечение моих ран, я стал поправляться. Еще через три недели, осматривая меня перед отправкой в сангородок на "окончательное излечение", бывший кремлёвский врач-хирург Крамаренко, сам сидевший по "делу Горького", заявил: "Да, один из тысячи выживает при подобном ранении, но лечить беглецов мы не будем". Увы, были и такие врачи, с таким уровнем профессиональной морали, а скорее – аморальности. К счастью, были и другие. В сангородке майор медицинской службы Коваленко по ночам приносил мне полоскания, опасаясь за рану в горле. Благодарная память о таких людях остаётся на всю жизнь. Никогда не забуду я и своих земляков, навещавших и поддерживавших меня..."

Всем смертям назло друг мой не умер от "лечения", и, когда немного оправился, его выписали, отправили в Азанку и назначили в штрафную бригаду. Штрафники помещались в особом бараке, их выводили на самые изнурительные работы под особо усиленным конвоем. Вот ещё один эпизод из лагерной одиссеи Алексея Светлова, рассказанный им самим.

"...Однажды, во время штабелевки шпал в сырую погоду, я оступился правой своей больной ногой и не успел выдернуть правую руку... Когда напарники приподняли шпалу, оказалось, что раздроблена вторая фаланга третьего пальца. Из кровавого месива разорванных тканей торчала повреждённая кость...

Не раз случалось, что в критические моменты даже среди конвоя находились люди, которые оказывали мне помощь (хотя чаще было наоборот). В данном случае сам начальник посадил меня около костра и со словами: "Ну и невезучий же ты, мужик", – стал накладывать повязку. И это несмотря на то, что у конвоя была установка – причинять "врагам народа" как можно больше мучений. Доброе начало в человеке неизбежно даже в сталинском лагере..."

Заканчивая рассказ, хочу перечислить все лагерные травмы Алёши. "Показатели" получились вот такие: переломы трёх рёбер, перелом ключицы, перелом левой лучевой кости, перелом второй фаланги третьего пальца правой кисти. И, конечно, вырванный пулей кусок верхней челюсти с двумя зубами справа. В 1956 году те харбинцы, кто выжил, были досрочно освобождены со снятием судимости, а в дальнейшем – реабилитированы. Алёша закончил заочно медучилище, заведовал фельдшерско-акушерским пунктом на одной из станций трассы Тайшет – Лена, женился. В 1970 с женой и двумя детьми эмигрировал в Австралию, куда чуть раньше переехали жить его мать и старшая сестра (а младшая сестра умерла в Харбине).

В Сиднее он работал рентгенлаборантом и до конца жизни преподавал в русских школах историю и литературу. Алексей пользовался огромным уважением в русской общине города, отличался удивительной скромностью. Верная спутница его жизни Любовь Сергеевна была инспектором русских школ Австралии. Дети – сын и дочь – подарили Алёше несколько внуков.

Из письма, полученного от австралийских земляков-харбинцев, я знаю, что хоронили моего друга очень торжественно: епископ, трое священников, пел соборный хор. Так 22 декабря 1999 года закончил свой земной путь этот чистый душой, столько переживший, но не озлобившийся, не сломленный жестокостью людей, а напротив – сохранивший лучшие черты своей личности русский православный человек Алексей Светлов.

Вечная память и вечный покой дорогому моему другу! "Не говори с тоской: их нет! Но с благодарностью: были!" (В.А.Жуковский). Москва".

№ 30

• **Абламский Владимир Павлович** (1911-1994) – фотограф, изобретатель. 1911. – Родился в Киеве на Украине в семье фотографа. /Проживание в Харбине (Маньчжурия, Китай). Учёба в Бельгии. 1939. – Чемпион Харбина по фигурному катанию среди русских. 1946, 15 октября. – Арест на улице Харбина после прихода советских войск. 1947, 1 марта. – Осуждение и приговор: 20 лет ИТЛ. 1947–1949, январь. – Пребывание в Сосьве (Сеураллаг, Свердловская область). 1949, 4 февраля. – Прибытие в Озерлаг (станция Топорок в 46 км от Тайшета, Иркутская область). Работа на строительстве трассы Тайшет – Лена. Переброска в Вихоревку, затем на 19-й разъезд. Обустройство железной дороги. Возвращение в Вихоревку. Дистрофия. Больница. Строительство электростанции, подъездных путей узкоколейки, железнодорожного магазина...

Установление связи с родственниками через "Общество граждан СССР" в Дальнем (Маньчжурия). Получение посылки из дома. Работа на разгрузке угля. Рационализаторские изобретения. 1950-е гг. – Работа на лесоповале и строительстве узкоколейки на 028-й колонне в Чуне. 1953–1955. – Известие о смерти Сталина. Направление на строительство железной дороги в Анзебе. Встреча с земляками-маньчжурцами. 1955, весна. – Возвращение в Вихоревку. Обустройство лагеря. Заключение – западные немцы. 1955, осень. – Расконвоирование. Работа штатным фотографом. 1956, 23 августа. – Освобождение. Работа на строительстве деревообрабатывающего комбината в Вихоревке. 1994. – Скончался В.П.Абламский.

Абламский В.П. Харбин – Вихоревка // Озерлаг: как это было / сост. и авт. предисл. Л.С.Мухин. – Иркутск: Вост.-Сиб. Кн. изд-во, 1992. – С. 252-8.

№ 31

• **Абатуров Олег Данилович** (р.1919) – переводчик. 1919. – Родился во Владивостоке. 1922. – Эмиграция семьи в Маньчжурию. 1928 (1929 ?). – Рождение сестры Татьяны. 1929. – Переезд семьи в Шанхай. Учёба в Колледже

Жанны д'Арк. Преподаватели – католические монахи. Поступление в коммерческое училище Русского православного братства. Изучение английского, французского и китайского языков. 1936. – Рождение сестры Аллы. 1940. – Смерть отца. Устройство на работу кочегаром на английскую электростанцию. 1946. – Призыв советского правительства к русским эмигрантам принять советское гражданство. Принятие О.Д.Абатуровым советского гражданства. 1947. – Отъезд на пароходе "Ильич" в Россию. Прибытие в бухту Находка. Жизнь в бараках. Ознакомление с инструкцией, запрещающей проживание в столичных городах. Отказ в просьбе направить во Владивосток для продолжения изучения китайского и японского языков в Институте востоковедения. Отправка на Урал. Жизнь в Свердловске. Работа бригадиром на шлакоблочном заводе треста "Свердпромстрой". 1949, 31 декабря. – Арест. Одинокая камера. Допросы. Следователи ст. лейтенант Ярославцев, капитан Иванов, полковник Павлов, подполковник Понедельников. 1950, 9 декабря. – Окончание следствия. Ознакомление с приговором: 5 лет ИТЛ. Отправка этапом в Казахстан. 1951–1953. – Отбывание срока наказания в лагере Джеккаган. Работа заключённых на строительстве ТЭЦ. Работа О.Д.Абатурова переводчиком технической документации при начальнике строительства Амплиенкове. 1953. – Смерть Сталина. Досрочное освобождение по амнистии. Возвращение в Свердловск. / Женитьба. Рождение сына и дочери. Работа на стройке. Отказ в приёме в институт по анкетным данным. 1966. – Реабилитация.

Абатуров О.Д. Воспоминания // Архивы Урала. – 1996. – № 2 (4). – С. 221–6.

№ 32

● **Баранов Олег Вадимович** (1925-1998) – актёр-кукольник, инженер. (Справка составлена по поэме О.Ивановой). 1925. – Родился в Харбине в дворянской семье. Отец – офицер Белой Армии. Дед мостостроитель, строил КВЖД. Учёба в гимназии. 1932. После оккупации Японией северо-востока Китая образование государства Манчжоу-Го. 1943. – Сдача вступительных экзаменов на медицинский факультет университета в Токио. Призыв на службу в маньчжурскую армию. Участие в боевых действиях. 1945, август. – Возвращение в Харбин, возглавляет боевой отряд по охране ряда объектов. Передача объектов военному десанту. Начальник топливного склада. Взятие на улице армейским нарядом. Арест, препровождение в СМЕРШ. Отправка поездом с группой из 70 человек, которым инкриминировался шпионаж в пользу Японии. Содержание в камере. Допросы. Следователь подполковник Дубега. Через неделю, ослабших от голода, погрузили в студебеккер и увезли. 1945, ноябрь – декабрь. – Помещение в бывшую школу, обнесённую колючей проволокой. Избиения. Имитация расстрела. Вынужденное признание своей вины. Отправка под конвоем по железной дороге в Советский Союз на Урал. Прибытие в Свердловскую область, Верхнетавдинский округ. Отбывание срока заключения в Уралаге. Заключение в карцер, отказ от работы на лесоповале. 1947, 2 января. – Арест, заведение дела. 1947, 22 января. – Приговор: 15 лет ИТЛ. Отправка в Озерлаг. Перевод в Песчлаг, Карлаг. Работа на

лесоповале. Условия содержания заключённых. Участие в постановках лагерного театра. 1955. – Освобождение. Работа руководителем Дворца культуры в г. Каражале (Казахстан), артистом-кукольным, главным инженером на заводе. 1959. – Дело прекращено за отсутствием состава преступления. Женильба. Рождение троих детей. Развод. Вторая женильба. 1998. – Скончался Баранов Олег Вадимович.

* **Иванова О. Сказ о Кукольнике** // Эхо из небытия / сост. Рычков Л.П. – Новгород, 1992. – С. 214-221. "Тянулась за хлебом очередь, /А в очереди Россия. Я подумала: /Надо бы за хлебом-то постоять. Возьму-ка я больше чёрного, на сухарики. /А белый – это дорого, лучше его не брать. /Какой-то дедок с издёвкой сказал, /Как ножом разрезал: "Что, дорого? /Потерпите. В марте подешевеет. /Не верите? Правильно, что не верите. /Когда у нас дешево, половина мужиков /в России в ё... в лагерях да тюрьмах сидела". /С этими вот буханками прикатила я в гости к Баранову. /Одиннадцать лет он вкалывал в этих каторжных местах. /Диктофон мой давно работает, а он всё молчит. /Он думает, как объяснить мне, молоденькой, /страшное слово "ГУЛАГ". /Говорю ему: "Я вас слушаю. Расскажите, как это было, /расскажите; что с вами стало". /А он мне сетует: "Доченька, бензин из машины весь вылили. /Я – артист, лицедей, я – кукольник. /Философы уверяют, что весь мир – игра марионеток. /В двадцать лет, в сорок пятом, я понял /без всяких философов это. /И в ГУЛАГе я был ...актёром. Трындычиху играл в Малиновке" /и Платона в "Платоне Кречете". /Ну, а то, что я был рабсилой, /заключённым, собакой японской, это, /знаете ли, привычно для матушки нашей – России.

ЧАСТЬ I

Далёк Китай, но и туда, до рождённых русскими, добралась машина репрессий. И прошлась по ним жестоко и трагично, на мой взгляд, искалечив души ещё страшнее, ведь Родина сияла там прекрасным чистым светом. Родился Олег Вадимович Баранов в Харбине в 1925 году. "На Ленинград похож, настоящий русский город", – улыбается Баранов, глаза у него голубые, лицо круглое. Но когда улыбается – очень похож на китайца. Отец его – офицер белой армии. Дед по матери – строил КВЖД. Дворянская семья.

Видела в газете шестидесятилетней давности, изданной в Харбине, на русском языке, фотографию очаровательного кудрявого мальчика. Это – мой герой! Оказывается, тогда тоже проводились конкурсы на самого симпатичного ребёнка. Олег Вадимович – победитель.

Русская гимназия. Русские театры профессиональные – куда ходил непременно с родителями, и самодеятельные – где играл сам. Спорт. Воспитание в духе высочайшего русского патриотизма. Таким было детство. Вспомним историю. В тридцать втором Япония оккупирует Северо-Восток Китая. Образуется государство Манчжоу-Го.

В 1943 – Олег Вадимович сдаёт блестяще экзамены в университет Токио и ждёт вызова. Хочет стать врачом. Но военные действия между японцами и англичанами разворачиваются со стремительной быстротой. И – вместо студенчест-

ва – служба в маньчжурской армии. Однако это была обычная военная служба, которую обязан пройти любой юноша любой страны, достигнув 18 лет.

С началом войны между Японией и СССР отряд, где служил Баранов, был расформирован. Вернулся в Харбин, здесь ждали русских с каким-то телячьим восторгом. В августе сорок пятого двадцатилетний юноша возглавляет вооружённый боевой отряд для охраны следующих объектов: самой крупной в Северной Маньчжурии мукомольной мельницы Сан-Хо-Шина, сахарного завода на левом берегу Сунгари и крупнейшего на Дальнем Востоке железнодорожного моста, протяжённостью в полтора километра, построенного когда-то русскими солдатами, дедом Олега Вадимовича в том числе.

Были настоящие бои с самураями, была попытка диверсантов взорвать охраняемый мост. Отряд Баранова держался, пока все объекты не были переданы советскому военному десанту. Майор, возглавлявший его, даже записал анкетные данные Баранова, чтобы представить к ордену Красной Звезды. Олег Вадимович успел ещё поработать начальником топливного склада. В три смены грузили там уголь в длинные серые составы, которые уходили в Россию. А потом Баранова арестовали. Он рассказывает:

То, о чём вам поведаю, покажется жутким спектаклем, /где чёрные силы дергают за нити душ и сердец. /А кто режиссёр спектакля? Кто правит тем жутким балом? Конечно, наш плавный кукольник – славный вождь и отец. /Они не спросили имя – офицер и четыре солдата. /Они меня просто "взяли", повинуюсь невидимым нитям. /Парни из "Смерша" знали, что японским шпионам – смерть. Семьдесят русских шпионов словили отважные парни. Их за это похвалит усатый "кремлёвский старик". /И никто из нас, удивительно, не пытался сбежать, /спрыгнуть с поезда на ближайшей же остановке. /Ведь мы знали китайский язык.

ЧАСТЬ II

Подполковник с фамилией Дубега был на редкость интеллигентным. Приготовил японским агентам конуру высотой в метр двадцать. Похлёбку, воду, солому. Вход только на четвереньках, чтобы мы не посмели зазнаться. Жгла холодная стылая осень. Замерзали в жилище мы круто. Каждый из нас мог поклясться, что он ни в чём не повинен... Только через несколько суток стали вызывать на допросы и любезно интересоваться, как зовут и что делал в Харбине.

Примерно через неделю погрузили нас в "студебеккер". Голод и жажда мучили вконец ослабевших ребят. "По нужде" останавливались редко. Что, сволочи, придумали! И многие, не дождавшись, "делали" под себя. Почему-то думал о маме, когда мои ноги немели. А когда тормозила машина, сойти с неё не было сил. Мы катились с неё "коlobberками". Когда оживёт наше тело?

Ждали. И дождь равнодушный, ноябрьский, с небес моросит. Поместили нас в бывшую школу, обнесли поспешно "колючкой". Поставили в классах парашаи. Живите, рабы – не вы! Спали, как сельди в бочке, забыли, когда и мылись. Зато раздевали нас догола и вшей... травили, травили. Кричали на нас: "Отродье! Ублюдки, шпионы, суки!". Однако мы были люди, не сломленные, нет! И я рассказывал дотемна романы Дюма и Купера. Однажды чи-

тал Шекспира всю ночь – за сонетом сонет. Приходили с допросов избитые, униженные, измученные. Следователи знали в битье и издевках толк. Ах, маньчжурская армия? Ах ты, японский выродок! Значит, не против Союза? Будешь мотать у нас срок!

И вот, наконец, случилось, открылась дверь школьного класса. Назвали десяток фамилий, в том числе и мою. Кто-то спросил наивно, а вещи брать свои надо? Пьяный голос ответил: "Мёртвым они ни к чему". Нас посадили в машину и повезли за город. Ров глубиною в два метра ждал нас, раззявив рот. Заставили прыгнуть. Прыгнули. Декабрьская стужа да звезды. Слышали офицера, он пьяно и чёрно выкрикнул: "На рассвете – капут". А утром благодетели нас привезли обратно. Что пережито за ночь – не надо вам объяснять. И вскоре мы подписали все до одной бумаги. Никто не хотел в эту яму проклятую попадать.

Утром сели в вагоны, шедшие в глубь России. Конец сорок пятого года – голод, мороз, чернота. Правда, стояли печки в самом центре вагона. Они не топились. Зачем переводить на врагов дрова? В вагоны бросали рыбу, солёную, по штуке. И по буханке хлеба бросали, мол, ешьте, мразь! Воды не давали, мы слизывали иней – замерзшее наше дыханье, – в очередь становясь. Меня спасала молодость, а старые, слабые – гибли. Мы складывали их под нары. Прости ты, Господи, нас! Холод хранил их долго, а мы, чтобы выжить, делили, ели их хлеб, слезами давясь.

А вот и земля ГУЛАГа. Доехали дней за пятнадцать. Город Верхняя Тавда, Свердловская область, Урал. Верхнетавдинский округ – густая сетка "лагов". Голод. Мороз. Болото. Работа. Лесоповал. Вы слышали это слово? Обычное русское слово, если бы с ним я не связывал понятия "смерть" и "мор". Надо ведь делать норму. А что значит "сделать норму", впервые взявши в руки пилу и топор. Итак, чтоб не сдохнуть с голода, надо вставать очень рано. От лагпункта до места 10 км пути.

Не обращать внимания на дикие крики охраны, на лай собак, на усталость. Надо просто дойти. Потом мы чистим от снега место для лесоповала. Надо рубить деревья с расчётом – не то беда. Сугробы такие, господа, глубокие, словно море, я в жизни своей не видывал снегов таких никогда. Обрежем сучья у дерева, распиливаем на части, раскатываем – снова в ходу топор и пила. А если не выполнишь норму, а если устал, как собака, не жалуйся, товарищ, на то, что пайка мала. Кончалось всё тем, что новый состав привозил рабсилу, а дней через сорок снова в ГУЛАГ неслись поезда.

Какому богу молиться, чтобы не сдохнуть с голоду, чтоб не отнимали силы проклятые эти места. Лежнёвка, настил – дорога. Катали по ней вагонетки с грузом туда-сюда. А мы идём по болоту, несём ледяные брёвна, проваливаемся и чувствуем, как льётся по спине вода. Спросите меня, как я выжил. Отвечу – и сам не знаю. Наверное, такая закалка в дворянском детстве была. Я понял, что надо учиться. Обменивал пайки на деньги и в Ленинград в "Книгу-почтой" деньги свои послал. Назначили бригадиром, но это не означало, что жизнь моя полегчала, что пухом мне стало бревно.

Норму мы выполняли. И это было спасение. И это была победа над начальниками – дерьмом. Ах, начальники вы, начальники! О вашей проклятой доле надо два слова сказать. А вы ведь нас всех боялись – голодных, вшивых, небритых. Чего только не придумывали, чтоб нас в руках удержать. Был случай: ждали начальство повыше и поважнее. Велели моей бригаде вышки с забором сравнять. Как будто это не зона, а санаторий таёжный. А то иностранцы едут – кругом одни лагеря.

Кому-то не удержать было подпиленную лесину. Она, её мать, повалилась, куда-то совсем не туда, А кто виноват в этом!?! Мастер! Меня раздевают догола, наручники, и в карцер. Сиди там, зек, до утра. Утром пришёл начальник: "Иди на работу, Баранов. Я тут... погорячился". И я удержаться не смог: "Пошёл ты сам туда, понял?" И завалился на нары. "Я – мастер, а ты – проныра. Я – зек, ну, а ты – дерьмо. И не ходил неделю на лесоповал Баранов. Отчаянным и смертельным был для него этот шаг. А трусы – они есть трусы, начальник, не вякнув больше, а только велел убрать его в дальний, штрафной "Озерлаг".

ЧАСТЬ III

А потом были ещё 10 лет "лагов". И в каждом своя горькая изюминка: "Ураллаг", "Озерлаг", "Песчлаг", "Карлаг".

ЧАСТЬ IV

И не выжить Олегу Баранову с его строптивым характером. /От таких, как он, избавлялись: личность, силён, умён. /Если бы не способности актёрские, как у Гоголя. /Замечательно мог играть Олег юных девиц и жён. /"Артистов" любили начальники. Не забивали до смерти, /Не изводили голодом, не превращали в больных. /Тогда было очень модно, забавно, престижно, здорово /В каждом лагере-зоне иметь "театр крепостных".

Какую культуру мощную, какой громадный разум окружал беспросветный лагерный забор. /А пьесы, а роли! Смотрите: "Наталку-Полтавку" ставил Шнейдер Олег – репрессированный киевский режиссер. /Сколько имён забытых. Сколько талантов забитых – на рудниках и в забоях, на лесоповалах в тайге. /Погибал в ГУЛАГе цвет нации. Выживал в ГУЛАГе цвет нации. Выжил, назло всем усатым, герой мой – Баранов Олег.

ЧАСТЬ ПОСЛЕДНЯЯ

Как трудно уложить жизнь в строчки. Лишь о малой части судьбы этого удивительного сильного и цельного человека удалось рассказать. Освобождение пришло в 1955 году. А дальше – нормальная жизнь нормального советского человека: Если только можно считать нормой – то, как мы жили. Однако неуправляемая энергия, азарт работы кипели в нём всегда (и по сей день).

Если он руководил Дворцом культуры в Каржале – маленьком, даже не районном городке Казахстана, то о его театре знала вся республика. Если работал на заводе главным инженером, то к организации труда возглавляемых им подразделений не придраться.

Личная жизнь? – она удалась, считает Олег Вадимович, хотя и здесь было не всё просто. Первая жена – Мария, на десять лет его моложе, модистка, как раньше называли портных высшего класса. Обшивала жён секретарей,

директоров и прочих начальников. Родила ему троих детей. Но слишком разные были характеры у супругов. Они расстались. Вторая жена – его коллега, единомышленник. Сколько дорог позади, сколько гастролей, спектаклей.

Вы удивитесь, если признаюсь, что обе жены – любимые? – спрашивает Олег Вадимович. Скажете, так не бывает? Но жизнь сложная, непредсказуемая. Бывает... Жёны – мои сёстры, мои друзья. Как я могу забыть Марию, если она помогала мне выкарабкиваться из "зековской" лагерной жизни, отогрела меня заботой, нежностью, уютом. И как не любить жену мою нынешнюю? Душевная связь наша так тесна, что и сейчас мы с ней не можем наговориться. О подробностях семейной жизни я рассказала, чтобы не получился на страницах ангел во плоти, каких не бывает, отлакированный характер.

ЗАГАДКА ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Почему в его жизнь вошли куклы?

Я спросила: "Откуда в Каржале брал он огромные деньги на пьесы, оркестр, концерты?". Ответил: "Парторг рудной базы Хамид Аймамбетов очень любил всё это. Ждал, когда "первый" с супругой прибудет на премьеру". А "Первая дама" любила искусство и говорила: Какая прелесть! В спектакле радость и горе – всё в меру!

"Театр Крепостных" продолжил своё существование... Баранов не хотел. И тогда в его жизнь вошли куклы. Диктофон мой молчит как рыба. Батарейки давно скукожились. А он говорит, что кукле, искусственной по природе, суждено принести на сцену настоящую нашу жизнь. Смотрю на кудрявого мальчика – фото на книжной полке. Каким же вы были славным. И что с вами случилось потом. Он отвечает: "Ну, что Вы! Ошиблись Вы немного. Это сын мой, рождённый в семьдесят втором. Пора уходить. Темно уже. Надо мне хлеба чёрного к ужину принести".

Говорю ему: "До свидания". Говорю ему: "Ещё встретимся". Говорю ему: "А надо бы всем нам сказать: "Прости".

№ 33

● **Белова Вера Савельевна** (р.1923) – медицинский работник. 1923, 14 августа. – Родилась в Маньчжурии на станции Пограничная. Отец – выходец из купеческой семьи, был завербован в 1920 г. на работу на Восточно-Китайскую железную дорогу слесарем, затем стал машинистом паровоза. Мать – Ольга Федоровна Васюхина. 1931. – Переезд семьи в г. Харбин для получения дочерью образования. 1940. – Окончание гимназии и вечернего техникума медсестер. 1941, май – ноябрь. – Учёба на курсах машинисток и получение направления в районный отдел Маньчжурской телефонно-телеграфной компании. 1945, август. – Изгнание японцев из Харбина, работа машинисткой у русских. 1945, 28 октября. – Арест с записью в протоколе "за переводы на русский язык и печатанье сведений разведывательного характера о Советском Союзе". Изъятие паспорта. Размещение в жилом доме. Отправка вместе с другими сослуживцами в Гродеково (приграничный городок в Приморье). 1945, декабрь. – Доставка всех под конвоем в Тавду Востоку-

раллага. Размещение в 6-м лагпункте. Перевод Беловой в медсанчасть в медработники. 1947, 20 февраля. – Начало ведения следственного дела работниками НКВД. 1947, 25 февраля. – Предъявление обвинения по ст. 58, пп. 4, 11. 1947, 19 апреля. – Решение Особого Совещания при МГБ СССР "за участие в контрреволюционной организации": 8 лет ИТЛ, считая срок с 28 октября 1945 г. Этап в Дубравлаг, станция Потьма (Мордовия). 1953, 28 октября. – Окончание срока. 1953, 29 октября. – Этап в пересыльные тюрьмы Челябинска, Новосибирска, Красноярска. 1953–1955. – Направление в деревню Глухая Т.- Мурзинского района Красноярского края на лесоповал, затем в д. Чёрная на лесоповал. 1955. – Объявление об освобождении и разрешении выезда куда угодно. Возвращение паспорта. 1956. – Встреча с родителями, отъезд в Верхнюю Пышму, где родители проживали с 1955 г. 1987. – Уход на пенсию после 29 лет работы, в том числе старшей медсестрой первой категории хирургического отделения. Отличник здравоохранения, ветеран труда. 1989, 16 января. – Снятие обвинения о пребывании японским агентом. 1991, октябрь. – Реабилитация. 1999, 5 октября. – Член ассоциации жертв политических репрессий".

* **[Белова В.С.] Агент мировой буржуазии** // Ефимов В.А., Казанцев А.П., Сутоцкий Г.П. В загоне: Докум. Сб. / сост. А.П.Казанцев. – Верхняя Пышма, 2000. – С. 78–83. "В оперативном приказе наркома внутренних дел СССР Н.И.Ежова от 20 сентября 1937 года говорилось, что "аресту подлежат все харбинцы". В первую очередь предписывалось "арестовать работающих в НКВД, служащих в Красной Армии, на железнодорожном и водном транспорте, в гражданском воздушном флоте, на военных заводах, в оборонных цехах других заводов, в электросиловом хозяйстве всех промпредприятий, на газовых, нефтеперегонных заводах, в химической промышленности". Во вторую очередь следовало арестовать всех остальных "харбинцев", работавших в советских учреждениях, совхозах, колхозах и прочих. Кроме того, от областного управления НКВД местные органы получили установку, "... что за каждого оставшегося на свободе харбинца... будет отвечать тот оперуполномоченный, в чьей части это будет обнаружено". Согласно дьявольской логике НКВД, все харбинцы являлись агентами японской разведки.

Чтобы выжить необходимые признания из обвиняемых, рекомендовалось "... применять все меры, вплоть до физического истребления арестованных". Даже лагерь для "харбинцев" был определён – Северураллаг".

Привезли в Гродехово – это приграничный с Китаем городок в Приморье. Поместили в барак. На следующий день после мытья в бане (когда нас туда вели, жители толпами собирались и кричали: "Фашисты!", "Белобандиты!") погрузили в "телячьи" вагоны, набитые до отказа людьми, в основном молодёжью, повезли на запад.

В Тавду привезли под Новый год. До лагеря вели ночью под конвоем вооруженных солдат с овчарками. Мы шли, смотрели на деревянные домишки, где за окнами виднелись украшенные ёлки. Люди встречали новый 1946

год. На вокзале, когда нас выгружали, стояла толпа немецких и японских военнопленных – грязных, голодных, полураздетых.

28 октября 1953 года закончился срок наказания. А 29 октября опять вагон с решёткой и опять пересыльные тюрьмы – Челябинская, Новосибирская, Красноярская. Из Красноярской пересылки отправили в Т.-Мурзинский район, куда из деревень наехали председатели для набора рабочей силы. Попала в деревню Глухая на распиловку дров, оттуда в глухую сибирскую деревню Чёрная на лесоповал... О том, что отправлена в ссылку на два года, объявили только на месте. Глухая деревушка в несколько убогих домов да бараков, где всё ещё были политссыльные с тридцать седьмого года. Еженедельная отметка у коменданта. С вечера до утра отлучка запрещена. – С напарницей, тоже ссыльной политзаключённой с 1937 года, только постарше меня, да ещё измождённой голодом, холодом, тяжёлым трудом, заставили пилить лесины на двухметровые брёвна. А я никогда пилы в руках не держала. Да и сил нет, – рассказывает Вера Савельевна. – Напарница ругается. Ссоримся. Так несколько дней. И опять выручила специальность медика. Послали в медпункт. Так, наверное, и выжила".

№ 34

* **Г.Г.Евтушенко.** Несколько слов о себе (Воспоминание). "Родился я в Харбине 1916 г., куда мой отец был послан после тяжёлого ранения на фронте в 1914 г. Очень рано, в 1922 г., поступил в Реальное училище, в среднее подготовительное, и проучился там до 1-го класса включительно. Когда отец восстановился на КВЖД, я поступил в Первое железнодорожное училище, что на Хорватовском проспекте, и проучился там с 1925 по 1931 год. Пытался поступить в ХПИ, но меня не приняли из-за малого возраста – мне ещё не было и 15-ти, а принимали с 16 лет. Тогда же, в 1931 г., выехал в г. Тяньцзин. Там я поступил в колледж Св. Людовика, т.к. понял, что без знания английского в Тяньцзине не устроиться. Колледж я закончил за два года и сдал кембриджские экзамены, что давало мне право поступить в любой англоязычный вуз без экзаменов, что я и сделал, поступив на заочное отделение в London School of Commerce (LSC), в старейшее в Европе высшее учебное заведение по экономике. По рекомендации директора филиала LSC я поступил в иностранную фирму, в которой проработал до 1937 г., до закрытия фирмы из-за помех, устраиваемых японцами, захватившими к тому времени весь северный Китай.

В 1934 г. вступил в организацию русских скаутов, где подружился с Олегом Левицким (дружба эта продолжается до сих пор). В 1935 г. переехал в Пекин, где работал на железной дороге. Там я продолжал своё пребывание в скаутской организации, возглавив младшую ветвь организации – "волчат". В Пекине прожил до 1940 г., когда и вернулся в Тяньцзин. Здесь я вошёл в группу старших скаутов, которые основали брокерскую фирму НОРС (Национальная организация русских скаутов). Там я достиг звания помощника скаутмастера, но пробыл в ней недолго, так как основатель скаутской организации П.Н.Воецкий под давлением ставленников японцев из Русского дома вынужден был принять решение о роспуске организации.

В 1944 г. женился на В.Е.Шишкановой, тоже харбинке, окончившей ХСМЛ. В 1947 г. мы с женой выехали в Союз и поселились в Кемерове. В 1949 г. меня постигла судьба большинства приехавших в СССР – я был арестован органами МГБ и решением "Особого совещания" был приговорён к 25 годам лагерей по ст. 58-4,11. Отбывал наказание на медных рудниках в Джезказгане (Казахстан). Работал в шахтах и на двух карьерах, на лагерном довольствии. Жену тоже арестовали и посадили по ст. 58-10. 15 сентября 1955 г. пришла моя реабилитация, и я выехал в Красноярский край к жене, которая освободилась на четыре месяца раньше меня.

Из Красноярского края по настоянию друзей мы вернулись в Кемерово. Там я поступил работать в управление автотранспорта старшим экономистом-финансистом. В 1966 г. приказом Министерства автомобильного транспорта РСФСР был назначен заместителем начальника управления по экономическим вопросам. За свою работу был награждён орденом Трудового Красного Знамени. В связи с ухудшением здоровья в 1984 г. вышел на пенсию. В 1994 г. мы с женой отметили золотую свадьбу, но в следующем году она, увы, ушла из жизни, и с тех пор я живу один, хотя не могу пожаловаться – друзья меня не забывают. Была у нас в Кемерово компания земляков-харбинцев 17 человек, но, к сожалению, осталось всего двое. *Георгий Гурьевич Евтушенко, г. Кемерово* [НСМ №122, 2005, 11]. 3 июня 2006 г. на 90-м году жизни в Кемерово скончался Евтушенко Георгий Гурьевич [НСМ №128, 2006, 8].

№ 35

В семье Золотарёвых было пятеро сыновей и дочь.

* Ракова Альбина (Омск). На родину в арестантском вагоне.

"Есть на Восточной линии КВЖД станция Ханьдаохэцзы. Лежит она, как в чаше, окружённая сопками, подножья которых заросли густым лесом из липы, бука, черного винограда, дикой сирени. Весной голые сопки покрываются цветущим багульником, ландышами, портулаком. Неподальку от станции течёт река с ледяной водой, а вдоль неё – огромные камни, на которых загорают ребятишки. Места красивые, благодатные.

Сюда и приехал из Оренбуржья Григорий Яковлевич Золотарёв – высокий, статный, красивый. Приехал не один, с молодой женой Ольгой Григорьевной. Обзавёлся хозяйством – большой огород, лошади, коровы. Здесь родились все их дети: Борис, Александр, Иван, Василий, Николай, Яков и дочь Антонина. Ханьдаохэцзы – небольшая станция с одной-единственной русской школой. Заканчивая её, дети уезжали для продолжения учёбы в Харбин.

Иван был третьим ребёнком в семье (1925 г.р.). Когда пришёл его черёд, тоже уехал в Харбин и поступил в ремесленное училище осваивать профессию токаря. Эта профессия в будущем связала его судьбу с Омском, городом который стал ему родным. И в школе, и в училище Иван слыл отчаянным плясуном. Как вспоминает И.М.Затворницкая (Соколова), которая училась с ним в школе на ст. Ханьдаохэцзы, ни один школьный вечер не обходился без плясок Ивана. Быть может, в нём играла цыганская кровь отца, хотя отец давно обр-

сел и вёл жизнь по русским и христианским обычаям, а в семье никто из детей не знал цыганского языка.

Беда в семью пришла оттуда, откуда ей никто не ждал. В августе 1945 г. после коротких боёв с японцами в Маньчжурию пришла советская армия. И вот тут началось непонятное: на станции прошла череда арестов. Арестовывали в основном мужчин, главным образом, молодых, и отправляли в СССР. Видимо, стране, лежащей в руинах после тяжёлой кровопролитной войны, нужные были крепкие рабочие руки. Один за другим были арестованы Борис, Александр, Иван, которому исполнилось двадцать лет. Их увезли неизвестно куда, и долгие-долгие годы Григорий Яковлевич и Ольга Григорьевна ничего не знали о судьбе сыновей.

Не знали о том, что их бросили в товарные вагоны, наскоро оборудованные под теплушки, и повезли в СССР. Наступила осень, холода. Арестованные лежали вповалку, согревая друг друга. Их кормили ржавой солёной селедочкой, почти не давая воды. Осуждённые по 58-й ст. УК РСФСР как "враги народа", братья были распределены по лагерям. Борис попал в Магадан, а Александр с Иваном на ст. Вихоревка Иркутской области, где находился огромный лагерь в системе Управления Озерлаг.

Беда не ходит одна. В 1945 г. она пришла в семью Золотарёвых ещё раз. Однажды, играя в сопках с другом, Вася нашёл противотанковую мину (после боёв с японцами там можно было найти и гранаты, и патроны, и оружие) и начал её разбирать. Взрывом Васю разорвало на куски, а у его друга вырвало живот... Вскоре произошла трагедия с Николаем. Он поехал в гости в Харбин и больше не вернулся домой. В какой-то стычке с китайцами (они стали всё более враждебно относиться к русским) его убили. Можно представить горе матери, потерявшей сразу пятерых сыновей. Как пережила она это – знает, наверное, один только Бог. Потому что Ему она молилась каждое утро, упав на колени перед божницей, и просила о возвращении сыновей.

Бог услышал её молитвы. В 1955 г., когда семья Золотарёвых репатриировалась из Китая и ей разрешили проживать в СССР в районах освоения целины, в том числе и в Павлодарской области, Золотарёвы узнали, что их сыновья живы, а Александр и Иван находятся на ст. Вихоревка. Родители сразу же поехали туда. После смерти Сталина там уже было послабление лагерного режима, с заключённых сняли номера, нашитые на одежду, и родителям разрешили свидание с сыновьями. В 1956 г. братья вернулись из лагерей, семья собралась в Павлодаре, а оттуда перебралась в Омск. Старшие братья не захотели жить в Сибири и уехали в Краснодарский край, а Иван с родителями, сестрой Антониной и братом Яшей остались в Омске. Здесь Иван встретил свою любовь, омичку, женился и устроился на работу токарем в СМУ-1 "Сибнефтехиммонтаж", оттуда же ушёл на пенсию. В семье Ивана Григорьевича родились две дочери, потом появились внуки. Род Золотарёвых пустил прочные корни в омской земле.

Умер Иван Григорьевич – бывший узник Озерлага – в мае 2000 года и похоронен на Восточном кладбище, где покоятся и его родители. Время за-

лечило душевные раны, но всё равно детям тех, кто томился в лагерях по много лет, трудно понять, в чём же были виноваты их отцы, за что вычеркнули из их молодых жизней долгие годы" [НСМ №130, 2006, 10].

№ 36

• **"Измайлов Борис Елевферьевич** (р. 1923) – переводчик. 1923. – Родился на станции Сяо-Хо-Цзи Китайско-Восточной железной дороги в Маньчжурии, куда эмигрировали родители в 1921 г. после разгона Колчаком Советов в Сибири. Отец – Елевферий Измайлов, преподаватель в школе КВЖД. Мать – Зиновия Кузьминична Колдина, забайкальская казачка, до эмиграции – машинистка в ревкоме в Кяхте, под Иркутском. 1928. – Переход КВЖД к СССР, увольнение всех сотрудников, не имеющих советского гражданства. Переезд родителей в Харбин. 1934. – Переезд в Дальний. 1940. – Окончание гимназии. Направление отца в Трёхречье, где он преподаёт в школе. 1940–1945. – Служба в японской армии. 1945, лето. – Демобилизация. Работа переводчиком в японском акционерном обществе. Женитьба. 1945, август. – Освобождение Маньчжурии советскими войсками. 1945, 14 сентября. – Арест Б.Е.Измайлова, не являющегося подданным СССР; следствие и суд в Чите. Осужден Военным трибуналом Забайкальско-Амурской Армии по ст. 58-6 ч. 1 на 25 лет ИТЛ как японский шпион. Лагерь на станции Решеты (Иркутская обл.), работа на лесоповале. Рождение сына Евгения. 1946. – Перевод в 6-е лаготделение Норильсклага. Землекоп на строительстве коксохимического завода. Встречи с кавэжэдинцами Ю.Коруновым, Б.К.Федосеевым, П.З.Дикаревым. 1946, конец. – Перевод в лабораторию завода металлоконструкций. 1947. – Перевод на Медвежку. Работа на строительстве линии электропередачи. 1947–1949. – Работа в аварийно-восстановительной службе при отделе главного энергетика рудника. 1949. – Перевод в Горный лагерь на строительство медеплавильного завода, на земляные работы. 1953, 1–15 июня. – Восстание в Горлаге. Перевод в лагерь "Купец". 1953, 21 июля. – Этап из Норильска в Магадан, работа в подсобном хозяйстве. Знакомство с Чабуа Амираджиби. 1956. – Этап Магадан – Хабаровск – Вихоревка. Пересмотр дела. Снятие судимости. Переезд в г. Орск (Южный Урал), позже – в Сибирь, затем в Хиву (Средняя Азия). 1962 (?). – Смерть жены, Е.М.Измайловой. 1963. – Вторая женитьба. Жена – Лидия Васильевна Измайлова. 1989. – Реабилитация. Переводчик с японского в Душанбе. 1990-е – 2000-е гг. – Проживание в Биробиджане. 2003. – Участие в Международной конференции, посвящённой 50-летию Норильского восстания, в Музее и общественном центре им. А.Д.Сахарова. Посещение Норильска".

* **"Измайлов Б.Е. Эпоха сталинизма** не просто трагическая, она навсегда останется мученической историей народа // О времени, о Норильске, о себе... Кн. 6 / ред.-сост. Г.И.Касабова. – М.: ПолиМЕдиа, 2005. – С. 486–501.

"Моя матушка, забайкальская казачка Зиновия Кузьминична Колдина, активно поддержала революцию и даже работала машинисткой в ревкоме в Кяхте,

под Иркутском. Когда в 1921 году Колчак разогнал Советы, родители эмигрировали в Маньчжурию. Отец стал преподавать в школе Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Я родился здесь на станции Сяо-Хо-Цзи в 1923 году. В 1928-м, когда КВЖД перешла к СССР, всех, не имевших советского гражданства, уволили с железной дороги. Мы переехали в Харбин. Здесь в 1930 году я пошёл в первый класс, а ещё через три года мы снова сменили место жительства – перебрались в порт Дальний.

В 1940 году я окончил гимназию. Отца направили в Трёхречье. Здесь жили казаки в шестнадцати посёлках. Отец снова стал преподавать. После школы мне предложили отслужить в японской армии: мы ведь жили в Японии. Я отслужил 5 лет – с 1941 по 1945 год. Потом стал работать переводчиком в японском акционерном обществе. А в августе на территорию Японии вошли советские войска, меня арестовали, хотя я не был подданным СССР, и вывезли в Читу. Как японскому шпиону "тройка" дала мне, рабу божьему, 25 лет. Я начал свой срок на лесоповале на станции Решеты, а оттуда в 1946 году меня перевели в норильские лагеря. Я стал заключённым в 22 года.

...О тех, кто покинул Россию в революцию, хорошее говорить было не принято. Однако в эмиграцию уехали не самые худшие люди – интеллигенция, купечество, крестьяне. С тяжёлым сердцем люди оседали кто где. Они все пострадали, но продолжали любить Родину. Моё поколение представляло Россию по Кольцову, Некрасову, Тургеневу... А народ-то был уже не тот. Всё-таки мы были оторваны от времени и от действительности [с.489].

Уклад жизни в казачьей станице был как при царе. Станичный атаман был всему голова, все проблемы казаки решали сами. В каждом доме висели портрет императора, иконы. Жили богато, трудились много. Строго соблюдали традиции: почитали старших, с незнакомыми здоровались первыми, каждое помещение обязательно освящали, невозможно представить, чтобы, войдя в дом, кто-нибудь не снял при этом головной убор. Настоящие казаки никогда не носили наград (хотя их было немало!) и погон. Уже не служат царю и Отечеству в эмиграции, значит, нечего и погоны носить. Так они рассуждали.

У казаков был русский театр. Какие знаменитости к нам приезжали! Я ещё Шаляпина помню. Русские газеты, журналы выходили, работали учебные заведения. Всё это помогло нам сохранить национальную принадлежность к России. Я с самого малого возраста знал, что в любой праздник первый тост старшие провозглашали за Россию. Мы учили историю Отечества по Карамзину, читали Державина, Достоевского, Фета, Бальмонта... Мы не перестали любить Россию, когда она стала советской. Школьное воспитание исключало политику, поэтому мы изучали историю до Николая II, дальше – умолчание. Против Советов нас не настраивали, но были детские, молодёжные организации – вот они были политизированы. То, что открылось людям на XX съезде партии, нам было досконально известно. У многих из нас в СССР остались родственники, мы знали о репрессиях при Держинском, Ягоде, Ежове, слышали о Соловках и потому осуждали красный террор. В кружке казачьей молодежи старшие внушали нам: Родина у нас одна – любви-
227

те её. И это настроение сохранилось у нас и тогда, когда из Китая мы переехали в Квантунское губернаторство, в Японию.

С китайцами у нас всегда были хорошие отношения. Это народ добродушный, открытый, чем-то на нас похожий, такой же доверчивый и наивный, как и мы. Японцы другого склада. Они очень дисциплинированы и трудолюбивы [с.490]. Мы шутили: если китаец просто копает лопатой – это для него казённая работа, но если лопата мелькает в движении – сделщина. Японец не так – он всегда работает добросовестно, раз взялся за дело. Но при этом люди остаются замкнутыми, никогда не выдают своих чувств. Правда, если вы подружились с японцем, это более чем надёжно.

Мы жили, учились, работали и тосковали по Родине. Это было наше постоянное чувство. Мы рассуждали так: пускай сегодня мы лишены родной земли, но "настанет час, и солнца луч блеснет для нас". Мы часто пели эту песню с большим чувством. Может, несчастье детей первого поколения эмиграции заключалось в том, что мы поняли: нельзя в одну реку войти дважды. И от этого тосковали ещё больше. Нельзя жить только прошлым России.

У меня нет обиды на судьбу. Хотите верьте, хотите нет, но если б я не прошёл сталинские лагеря, я, наверное, остался бы чужим для русского народа, который пережил разруху, голод, хлебнул лиха в войну и после. А в лагерях моя душа зазвучала в унисон с моим народом. Я вполне заслужил право называться настоящим русским, хотя родился и вырос в Китае, а служил в японской армии.

Без всяких обвинений и объяснений меня объявили японским шпионом. Как переводчик я читал советские газеты и переводил на японский. "Зачем?" – допытывались от меня следователи. Я столько не прожил, какой длительный срок заключения и поражения в правах мне определила "тройка". Но ни отчаяния, ни волнения у меня поначалу не было: я просто представить не мог, что ждало меня и как сложатся эти 25 лет. Почему-то думал, что за это время либо шах умрёт, либо ишак. Но когда моё знакомство с Родиной началось с лагерей, тут-то и начался тихий ужас: поножовщина, уголовники, борьба за существование... Нас спасало, что мы, группа из Китая, держались вместе. Мы переживали, что едем в неизвестность в чём попало, а оказалось, что мы хорошо одеты и нас хотят раздеть [с.491]. На пересылке мы взяли в оборот уголовников, да так, что от нас отстали.

Я никогда не держал в руках пилы, топора и на лесоповале стал терять силы, стал просто прозрачным. Спасла меня отправка в Норильск, где было больше возможности выжить. Это я потом понял.

...После первой бани в Норильлаге (это было единственное удовольствие зэка, очищающее тело и умиротворяющее душу) в барак заглянул человек в сильно поношенной военной форме и спросил Измайлова. Это был Юрий Ходунов, знавший нашу семью и помнивший меня четырёхлетним. Он дал мне много ценных советов, ибо лагерником был уже опытным: его срок подходил к концу. В отличие от нашей семьи его родные после продажи железной дороги выехали в СССР и тут же попали в число репрессированных как японские шпионы.

Ходунов выслушал мою историю, долго молчал. Потом, положив мне руку на плечо, сказал, что напрямую помочь мне не сможет. При всём желании не сможет, потому что прямые контакты со мной опасны для него особенно сейчас. "Вот оглядишься на окружающую обстановку и всё поймёшь. Может, тогда и меня простишь", – сказал он мне на прощание. Мне не потребовалось на это много времени. А Юрий Ходунов оставил меня на своего друга.

В лагере дружба ценится особо, а уж если встретились земляки... Борис Константинович Федосеев сам искал в Норильске знакомых "китайцев". Обязательно помогал всем, чем только мог. Я сам на пересылке встретился с Петром Зиновьевичем Дикаревым, в прошлом он, как и отец, работал на Китайско-Восточной железной дороге. В 70-х годах я встретил его в Ростове-на-Дону. Как было обидно увидеть очень пожилого человека негибимой воли и мужества работающим гардеробщиком в ресторане [с.492].

В 6-м лаготделении на строительстве коксохима я копал землю и таскал тяжёлые тачки, потом по протекции друга Бориса Константиновича Федосеева устроился в лабораторию по испытанию металла на завод металлоконструкций, где директором тогда был Борис Федорович Ермилов. В 1947 году направили на Медвежку – здесь строили линии электропередачи для подстанции. До 1949 года я проработал в аварийно-восстановительной службе при отделе главного энергетика рудника открытых работ (РОР). Это был год создания Горного лагеря, и меня перевели туда на строительство медного завода. Начинали с первого колышка, и так кайлом и лопатой работал до пуска. Потом вернули на Медвежку. Как горько шутили заключённые, мы все были в ВКП (б) – действовало второе крепостное право (большевиков).

Однажды на ЖЗБИ меня послали в сопровождении вохровца за ящиком электродов. Началась пурга. Охранник оказался астматиком, стал задыхаться. Пришлось взвалить его на себя и тащить его винтовку. Политическим в Норильске доверяли. Все знали, что эки Петренко, Усевич во время войны даже ездили во Владивосток принимать американские экскаваторы.

Ещё один почти анекдотический случай. Был у нас электромонтёр Келлер. На комиссии по проверке знаний его спросили: "Какими будут ваши действия, если вы увидите лежащего человека, который по незнанию схватил трос под напряжением?" [с.493]. Келлер ответил, что он должен, прежде всего, подойти и посмотреть, что это за человек. А на слова "мало знаете", заметил: "Знал бы много – не сидел, тогда, может, вы бы мне отвечали..."

Потом умер Сталин. Вольнонаёмные ходили как в воду опущенные, а мы с облегчением и надеждой встретили эту весть. А тут и восстание заключённых вспыхнуло: несколько зон в Горлаге бросили работу. Их спровоцировали произвольные расстрелы охраны... Многое о восстании неизвестно до сих пор. Почему случилось восстание? Есть разные мнения на этот счёт. Моя версия – это была провокация на самом высоком уровне. Комбинату, охране были не нужны беспорядки. И всё спокойно было в лагерях, пока не пришёл к нам этап более тысячи человек из карагандинских мест – это был ещё тот катализатор вольнолюбия. Норильск загудел после общения с людьми, 229

знающими, как постоять за себя, как бороться за свои права. У них был опыт сопротивления, пусть и трагический.

Начало восстания застало меня на производстве – нас изолировали от бунтовщиков. Активной роли я не играл, но душой был с восставшими, считая, что за своё будущее надо бороться. Когда после восстания нас, 150 человек, направили в тундру на Купец, тревожно было на душе: может, ведут расстреливать? А нас оттуда повезли в Дудинку, посадили на баржи до Красноярска, оттуда в Ванино, Магадан...

Наступало другое время. В 1953 году, когда стало ясно, что Сталин долго не протянет, началась подковёрная борьба за власть. Думаю, Берия специально создавал неустойчивую обстановку в стране, чтобы к нему все обращались как к хозяину страны, чтобы успокоил всех, войска дополнительные потребовал... А другая группа опередила его... Люди хотели перемен, особенно заключённые.

Нас, человек 75, из Магадана направили на сельхозработы строить ледник в подсобном хозяйстве [с.494]. Приехали на объект, а на нём ни ограждения, ни вышек и ни одного официального лица. Наконец увидели человека, который оказался прорабом. Спрашивает: "Работать будете?" Отвечаем, что будем. Он почему с этого вопроса начал? Отказники среди заключённых были не редкостью. Например, Анатолия Ивановича Шульца посадили в Китае, чтобы у него жену отбить. Помню, что с первых дней заключения он отказывался от работы, и ничего не могли с ним поделаться. "Лес пойдёшь валить?" – спрашивали его. "С удовольствием, но с одним условием, – отвечал Шульц, – если он пойдёт на ваши гробы". Единственное место, где он работал, было это подсобное хозяйство. Потом Анатолий Иванович снова игнорировал лагерный труд.

Но прежде чем мы все как один начали строить ледник, трое из наших пошли к начальнику лагпункта. На стене его кабинета висели обязанности и права для администрации и заключённых лагерей. "Это действует?" – спросили наши представители. После утвердительного ответа договорились: "Мы выполняем свои, а вы свои обязательства". На этом и расстались. А экам обязаны были вовремя платить зарплату, четыре раза в месяц показывать кино. Прошёл месяц, нам же ни одного фильма не привезли. Мы поставили условие: через три-четыре дня на работу не выйдем, если не будет киносеанса. Администрация объяснила, что дорогу замело, машина не смогла пройти. На это мы ответили, что до этого нам нет дела: ведь у администрации уже в запасе был месяц, и потребовали начальника. Он выслушал нас и сказал: "Идите на работу, вечером покажут все четыре фильма". И правда, возвращаемся под вечер и видим, что солдаты несут на своих горбах плёнки. Кто-то посмотрел фильм, кто-то даже два. И хотя крутили все картины, мы их не увидели, потому что заснули: за день-то устали...

Зарплату нам выдавали дважды в месяц. 15-го числа должен был быть аванс, но нам сказали, что денег нет, что дадут аванс позже [с.495]. Мы не согласились: "16-го выйдем, но 17-го чтоб деньги были. Иначе на работу не пойдём". Рассказывали, что для нас деньги собирали у офицеров, взяли в долг в военторге,

но зарплату нам выдали. В общем, жизнь заключённых после смерти Сталина изменилась кардинально, главное – настрой людей другим стал... Берия со своими единомышленниками этого боялся больше всего, потому, по-моему, провокации в лагерях были им на руку.

...Лагерный Норильск стал моим университетом. Учителями были и рядовые з/к, и начальники из заключённых. Всегда буду благодарен главному инженеру РОП Эммануилу Ароновичу Киссельгофу. Он был примером честного труда и человечности, в этом черпал самоуважение и этому учил других. Наверное, он заметил, что я уже надорвался на тяжёлой физической работе. И вот однажды меня вызывают к начальнику стройки: "Тебе от Киссельгофа привет и посылка". В ней были брезентовый плащ и сапоги. И тут же мне поручили лёгкую работу: дали фанерку и карандаш. Записывал ходки машин. Разве это забудешь?

А какие советы давал? Однажды, пока мы чистили дорогу, у нас украли трос. Привезли новый, стали работать, а через два дня его снова увели. Что делать? Киссельгоф хитро прищурился: "Хочешь еврейский анекдот? Один еврей попал в железнодорожную катастрофу. Как о беде сказать жене? Отрядили Моисея. Тот постучался и спросил: "Здесь вдова Роза живёт?" Та удивилась: "Почему вдова?" Моисей извинился за оговорку и спросил: "Где муж? Я встретил знакомого, он ехал с вашим Соломоном в поезде, от которого оторвался вагон, так он видел, как его несли. Может, он живой, а может, и нет. В общем, не ждите его..." Короче, иди к Махновецкому и проси лошадь, чтоб вывезти трос. Он не даст, на другой день снова иди". А на третий день уже сам Илья Соломонович пошёл к Махновецкому: "Пока за тобой два дня ходили, трос украли. Теперь мы же и виноваты?" [с.496]. Так и вышли из положения, которое могло для нас плохо кончиться...

...В 1956 году всех лиц без гражданства (в соответствующей графе моих документов писали: "Вне-подданный") довели до Хабаровска, потом посадили на поезд до станции Вихоревка. Здесь комиссия Верховного Совета СССР вела пересмотр наших дел. В день снимали судимость с 50-60 человек: "Уезжайте!" Торопили... Судимость сняли, а реабилитации не произошло. Потом каждый занимался этим по своему желанию и возможностям [с.497]. История России такая трагическая. Для властителей люди – ничто! Эпоха сталинизма не просто трагическая, она навсегда останется мученической историей народа. Мне так жалко людей, которые несут портреты Сталина, они не хотят знать истории своего Отечества. В 90-х годах прошлого века всерьёз заговорили о массовых репрессиях в стране, но тема эта вскоре угасла: власти не хотели отмываться. Руководителям государства всё время не до этого – за власть борются...

Скоро о нашем времени рассказывать будет некому. Вот в лагерях я был и счастлив, и несчастлив, а цена всему – человеческая жизнь. И 11 лет без двух месяцев заключения [с.498].

...Спустя полвека, в 2003 году, я побывал в Норильске. Впечатление сильное. По трубам узнал медеплавильный, который я строил от самого начала до пуска, побывал на Медвежке, на руднике, куда в то время только линию тяну-

ли. Противоречивые чувства вызвал город... В день памяти политзаключённых был на Шмидтихе, где в память о них теперь стоит часовня. В городе построили храм Всех Скорбящих Радость, где отслужили панихиду. Молодёжь (и не только!) участвовала, несмотря на холод, в легкоатлетическом пробеге. 30 октября газеты, радио, телевидение – все отметили этот печальный день. Всех нас, бывших узников норильских лагерей, слушали с интересом и вниманием. Мне понравились глаза ребят – пытливые, умные. Хотел неформально встретиться с ними на другой день, чтобы по душам поговорить, да не смог: сердце подвело. Но главное я им сказал: "Историю своей страны обязательно надо знать, интересоваться ею всю жизнь и думать о настоящем: ведь будущее в руках молодых" [с.499].

№ 37

• **Кауфман Абрам Иосифович** (1885-1971) – врач, активист еврейского национального движения. 1885, 28 ноября. – Родился в г. Мглин Черниговской губернии. 1903. – Окончание гимназии в Перми. Переезд в Швейцарию из-за ограничений для евреев при приёме в российские высшие учебные заведения. 1904–1908. – Учёба на медицинском факультете Бернского университета. Участие в сионистском движении. 1908–1912. – Жизнь в России. Посещение городов Поволжья и Урала для распространения идей сионизма. 1912. – Переезд в Харбин (Китай). Руководство Харбинской еврейской общиной и сионистским движением на Дальнем Востоке. 1921–1943. – Совмещение работы редактором еженедельника "Еврейская жизнь" с работой главным врачом основанной им еврейской больницы в Харбине. 1945. – Капитуляция Японии. Вступление Советской армии в Харбин. 1945, 21 августа. – Арест. Отправка в Советский Союз. 1945, 28 сентября. – Прибытие на пограничную станцию Гродеково. Условия содержания заключённых в гродековской тюрьме. Приём заключённых и членов семей работников тюрьмы в качестве врача. 1946, 12 января. – Прибытие в лагерь на станции Азанка Свердловской области. Работа врачом в лагере. Приём жителей посёлка. 1946, сентябрь. – Отправка в "столыпинском" вагоне в Свердловск. Заключение в 1-ю Свердловскую тюрьму. Сокамерники – "наседки". Допросы. Одиночная камера. Перевод в Москву в Лубянскую, затем в Лефортовскую тюрьму. 1948, апрель. – Окончание следствия. Ознакомление с обвинительным заключением. 1948, 21 августа. – Приговор Особого Совещания при МГБ: 25 лет ИТЛ. Отправка по этапу в Казахстан. Нелегальное получение письма с известием о семье. 1949, январь. – Прибытие в Степлаг – лагерь в Кенгире. Работа врачом в лагерной больнице, детдоме и детской больнице. Поездки к больным в город, приём в лагере больных "с воли". Празднование лагерем 40-летия врачебной деятельности А.И.Кауфмана. 1950. – Перевод в Спасский лагерь. Празднование еврейских праздников. Преследования. 1953. – Смерть Сталина. Улучшение условий содержания заключённых. 1954, август. – Отправка в лагерь для иностранных подданных и лиц без гражданства. Работа врачом лагерной больницы. Получение известия о выезде семьи в Израиль. Начало

переписки с сестрой в Москве. Получение посылок с вещами и книгами. 1955. – Прибытие в лагерь в г. Чарбан-Нура в 50 км от Спасска. Начало переписки через посредников с семьёй в Израиле. Освобождение и отправка на родину заключённых – иностранцев. Отказ в освобождении А.И.Кауфману. 1956. – Перевод в лагерь Потьма (Мордовская АССР). 1956, сентябрь. – Освобождение со снятием судимости. Отказ от должности врача в лагере "по вольному найму". Краткосрочный приезд в Москву. Встреча с родными. Отказ в прописке и работе в Москве и Московской области.хлопоты о получении разрешения на выезд в Израиль. Направление на жительство в Караганду (Казахстан). Работа врачом в инвалидном доме, в поликлинике. Встреча с друзьями по лагерям. Празднование еврейских религиозных праздников. 1961, март. – Получение разрешения на выезд в Израиль. 1961, 26 марта. – Прибытие в Израиль. Работа врачом в г. Рамат-Гане. Написание мемуаров и исследования по истории еврейских общин Дальнего Востока и Китая. 1971, 21 марта. – Скончался А.И.Кауфман.

Кауфман А. И. Лагерный врач: 16 лет в Советском Союзе: воспоминания сиониста. – Тель-Авив: Ам Овед, 1973. – 433 с.

№ 38

* **Кириллов Борис Александрович.** Тооген – Тямусы и обратно.

"В начале сентября 1945 г. к нам в станицу Новопокровскую (Тоогенский район) прибыло отделение СМЕРШа во главе с капитаном Казаковым. Была встреча, как описывали сёстры Кореневы, но жили солдаты не в палатке, а в большом доме около станичного правления. На следующий день из станицы были увезены следующие жители: атаман станицы Гордеев, староста Сосновский, возглавлявшие охрану Улитин и Хоменко, а также Асламов, Бове, Борис Юльский, которые работали в Харбине в редакции газеты "Заря". Никого из этих людей мне в жизни встретить больше не пришлось.

Где-то через неделю это же отделение СМЕРШа снова вернулось в нашу станицу. Капитан Казаков произнёс зажигательную речь о том, что СССР нуждается в нашей помощи, т.к. со стороны Тямусы идёт японский горно-стрелковый батальон. На следующее утро всё мужское население в возрасте от 17 до 60 лет под охраной отправилось в путь. Около переправы через реку Тайванхэ подождали колонну из станицы Петропавловской, которая, словно в насмешку над собой, шла под красным флагом.

Перебравшись через реку, наша, уже совместная, колонна также под охраной двинулась вдоль железной дороги в сторону станции Нанса. Железная дорога проходила по правому берегу Тайванхэ. За рекой, по левому берегу, начиналась тайга, а справа от нас шли сопки, и мы, рабы Божьи, двинулись в поход. К концу дня, отмахав 50 километров, мы пришли на станцию Чибачи, где нас разместили в бывших японских казармах, накормили гаоляновой кашей и отправили спать, запретив без нужды выходить из казарм. Ночь прошла спокойно, правда, изредка раздавались автоматные очереди, видимо, баловались солдаты.

Утром, чуть свет, нас подняли, покормили тем же гаоляном, и пошли мы опять по шпалам. В сумерки пришли в Нанса, где на подходе к посёлку нас ожидало подкрепление нашей охране – видимо, боялись, что мы можем разбежаться. Поместили всех нас в помещении школы в зале, так как комнаты, т.е. классы, были заняты службами СМЕРШа.

На следующее утро началась "фильтрация". Классов было много, да и следователей, видимо, хватало. Сначала вызывали всех пожилых, которые, по мнению СМЕРШа, не были связаны с японцами. В эту же группу попал и мой отец, которому было 55 лет. В тот же день их отпустили домой, а дом-то был за 105 километров. Если, когда мы шли в Нанса, в колонне было много молодых, которые помогали идти пожилым людям, то можно себе представить, каково пришлось опущенным добираться домой...

Дня через два дошла очередь идти на допрос и мне. Расспросив меня – кто я такой, когда родился и служил ли в японской армии – и, получив ответ, что я у японцев не служил, следователь взял в руки журнал "Луч Азии", полистал его и показал мне фотографию, где я в форме стою с конём, а рядом – моя мать, которая кормила моего коня печеньем. А снимок этот был сделан 6 мая 1944 г., в день Георгия Победоносца. В тот день на Сунгари Второй был полковой праздник, на который приехали родители, в том числе и моя мама из Тоогена.

Я объяснил следователю, что этот отряд не входил в состав японской армии, но он заявил, что это ничего не значит, и если я служил, то я и есть враг советской власти.

На следующий день после допроса нас, человек около 30, под конвоем отправили в Тямусы, опять по шпалам. Через километров семь мы вышли на берег Тайванхэ. Было раннее утро, и солнце только показалось из-за сопок. Мост через реку был разбит, а паром для переправы стоял на противоположном берегу. Наша охрана свистела, один солдат даже стрелял из автомата, но из фанзы, которая стояла на том берегу, так никто и не появился. Один из нас, как я помню, это был Широков из станицы Петропавловской (он всю дорогу говорил, что будет в Советском Союзе работать на комбайне; в 1953 г. я его встретил на лесоповале) сказал, что может переплыть реку и пригнать паром. Ему разрешили, и один из солдат, взяв его на прицел автомата, всё время следил за ним...

После переправы мы километров через пять подошли к деревне, где нас ожидал новый конвой на японских трофейных машинах. Всех нас, сидящих на земле, пересчитали по головам, погрузили в машины и отправили дальше.

Где-то километров через сорок мы опять подъехали к ещё одному разбитому железнодорожному мосту. Кое-как перебравшись по нему на другую сторону реки, мы увидели, что ждёт уже другой конвой с ручными дрезинами-качалками. Погрузившись на них, мы поехали дальше. Переночевав в китайской деревне, мы опять перебрались по разбитому мосту на правый берег Тайванхэ и на машине поехали в сторону Тямусы (это было где-то в ста километрах от города).

Так мы доехали до р. Сунгари. Там нас зачем-то переправили на китайских шаландах на левый берег реки, затем опять на машинах привезли в Тямусы к

причали, а затем на шаландах снова переправили на правый берег. Кстати, во время погрузки на шаланды погиб командир конвоя, старший сержант – он упал с трапа в воду и обратно уже не вынырнул. В Тямусы нас поместили в городскую тюрьму, где я пробыл почти сорок дней. Начались ночные допросы. Днём спать не разрешалось. В тюрьме у меня разболелась нога, и меня ребята сокамерники носили на горбушках к следователю.

Как СМЕРШ проводил допросы, об этом уже не раз писали, так что я повторяться не буду. Поражало лишь одно, что молодые здоровые ребята, все в звании лейтенантов, а то и старше, не знали истории России и злились, когда я что-нибудь говорил о прошлом нашей страны... Им очень хотелось узнать, боролся ли я против китайских партизан. На это я им отвечал, что китайских партизан не знаю, а знаю только хунхузов, и что единственный партизан, о котором я читал, был Иван Сусанин, не считая, конечно, партизан 1812 года...

Помусолив так меня почти сорок дней, мне сказали, что советская власть не признала меня виновным перед ней, и меня отпускают поэтому домой. В конце концов, однажды утром меня, Бориса Попова, Василия Ковычева и ещё трёх парней, которых я не знал, так как они были из других станиц, вывели из камеры, дали по булке чёрного хлеба, похожего на глину, по две ржавых селёдки, проводили за город, показали направление и сказали: "Давайте, топайте домой".

На наш вопрос, а что будет, если нас в пути остановят (у нас же никаких документов нет), нам весело ответили, что привезут опять к ним. В конце концов, нам повезло: по железной дороге за следующим "урожаем" таких беделог, как мы, отправлялся конвой на дрезинах. Он и взял нас с собой до первой переправы через Тайванхэ.

Только после этого, почувствовав себя свободными, мы обратили внимание на поля, где стояли неубранные кукуруза, подсолнух и соевые бобы... Был конец октября, стояла замечательная маньчжурская осень, и стаи диких гусей летали над полями и кормились, чем хотели. В некоторых местах крестьяне-китайцы пытались прогнать гусей – с палками, колотушками шли цепью, сгоняя птицу. Гуси с недовольным криком поднимались в воздух, но тут же снова опускались на землю.

Вот так, где пешком, где на перекладных, мы добрались до ст. Нанса. Там я встретился с братом Юрием и своим другом Борисом Богушем, и уже с ними пешёком все отправился на 105-й километр в Новопокровку...

Так я получил недолгую передышку. В дальнейшем СМЕРШ взялся за меня всерьёз, но это – другая история".

От редакции. К большому прискорбию, Б.А.Кириллов недавно скончался, но его воспоминания, в том числе и "Другая история", о которой он упоминает, в одном из ближайших номеров будут опубликованы [НСМ №113, 2004, 10].

№ 39

• **Ковальчук-Коваль Игорь Константинович** (1913-1984) – фотолаборант, литератор. 1913, 13 октября. – Родился в Харбине в семье служащих КВЖД. 1914, апрель. – Переезд семьи на Камчатку в связи с назначением

отца на должность чиновника по особым поручениям при генерал-губернаторе. 1917–1930. – Переезд семьи во Владивосток. Назначение отца на работу на КВЖД. Переезд в Харбин. Окончание школы. 1931. – Поступление в техническое училище. 1932, май – 1934, май. – Служба волонтером в Шанхайском Русском полку. 1934. – Совмещение работы на КВЖД с работой в Харбинском краеведческом музее. Организация просветительской работы среди молодежи. 1937. – Вступление в Национально-Трудовой Союз Нового Поколения (НТСНП). Смерть сестры Елены и её мужа А.В.Савицкого в лагере в СССР (реабилитированы посмертно). 1938. – Сотрудничество с японской Военной Миссией. Арест в СССР сестры матери. Приговор Особого Совещания при НКВД: 10 лет ИТЛ. 1943. – Рождение дочери Светланы. 1944. – Прекращение сотрудничества с японской военной миссией. Работа в хозяйственном отделе Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. 1945. – Арест брата Ростислава. Приговор военного трибунала Читинского военного округа: высшая мера наказания. Разгром Квантунской армии. Вступление советских войск в Маньчжурию. 1945, 23 августа. – Арест. Отправка в Москву. Помещение в Лефортовскую, затем в Бутырскую тюрьму. Следствие. Приговор Особого Совещания при НКВД: 20 лет ИТЛ. Вологодская пересыльная тюрьма. 1946, июль. – Прибытие в Первый Горный лагерь (пос. Инта Коми АССР). Социальный состав заключённых. Знакомство с власовцами. Режим содержания. Работа на шахте. Начало ведения нелегального дневника. Планы написания романа о белой эмиграции. Обыск. Обнаружение тайника с записями. Вызов в оперчасть. Допрос. Работа браковщиком. Болезнь. Перевод на работу бригадиром, затем мастером ОТК. 1950. – Начало переписки с родными, живущими в Москве и Харбине. 1951, ноябрь. – Знакомство и дружба с Е.И.Дивничем – одним из бывших руководителей НТС. 1953. – Смерть Сталина. Либерализация режима содержания заключённых. Освобождение части заключённых. 1955, апрель. – Переезд матери из Харбина в Москву. Свидание с матерью. 1955, осень. – Переезд из Харбина в Казахстан жены Марии и дочери Светланы. 1955, 25 декабря. – Отправка в Темниковский лагерь (Мордовская АССР). Встреча с Е.И.Дивничем. Ожидание досрочного освобождения как лица без гражданства. Нелегальная передача литературных записей в Москву матери. Решение Комиссии Верховного Совета СССР о снижении срока заключения на 5 лет. 1956, 26 сентября. – Освобождение на основании указа об освобождении лиц без гражданства. Краткосрочный приезд в Москву. Встреча с матерью, лагерными друзьями. 1956, 15 октября. – Переезд с матерью на жительство в Инту. Извлечение из тайника лагерных записок. Продолжение работы над романом. Встреча с друзьями – бывшими заключёнными. Совместная жизнь с О.Б.Козловой (арестована в 1950, освобождена в 1954, реабилитирована в 1955). Работа слесарем-монтажником на комбинате "Интауголь". 1958. – Переход на работу мастером в буровую партию. Переезд матери в Москву. Рождение близнецов Елены и Константина. 1959, февраль. – Приезд в Москву. Второй арест. Следствие. Приобщение к делу извлечённых органами госбезопасности из

тайников 11411 записок – материалов романа "Свидание с памятью". Приговор: 9 лет ИТЛ. 1966, 27 апреля. – Освобождение. Возвращение в Москву. 1966 (?) – 1978. – Работа в фотолаборатории "Журнала Московской Патриархии". Работа над романом "Свидание с памятью". 1984, 3 августа. – Скончался в Москве. 1992, сентябрь. – Реабилитирован посмертно.

* Ковальчук-Коваль И.К. Свидание с памятью. // Инталия: Стихи и воспоминания бывших заключённых Минлага (г. Инта Коми АССР). – М.: Весть, 1995. – С.177-242.

№ 40

● **Иосиф (Джо) Лернер**. Родился в 1926 г. в г. Дайрене (ныне Далянь), Китай. С детства и по 1945 г. был членом "Бейтара" в Китае. Вернувшись в 1945 г., после окончания Второй мировой войны, домой из Японии, он оказался на территории, оккупированной СССР (Порт-Артур и Дайрен). В 1948 г. пытался уехать в Израиль для участия в войне за независимость. В ноябре 1949 г. был арестован по обвинению в шпионаже в пользу США и в сионизме. Осуждён на 25 лет заключения. Большую часть своего срока провёл в лагерях Тайшета и Магадана. Освобождён в 1956 г., и только после десяти лет отказа, в 1966 г. приехал в Израиль. Он написал книгу (на английском) под названием "Прощай, Россия – мемуары американского шпиона", которая была переведена также на русский.

Лернер Иосиф Григорьевич (р.1926) – переводчик. 1926, май. – Родился в г. Дайрен (Китай), оккупированном японцами. Отец – Григорий Фриделевич Лернер (1877–1946), бывший российский солдат, оставшийся после японского плена в Китае; владелец небольшой гостиницы. Мать – Ревека Осиповна Лернер (урожденная Броварнак). 1930-е гг. – Переезд семьи в приморский курортный городок Какагаши (около Порт-Артура), где отец строит стоместную гостиницу. 1935. – Поступление на учёбу в колледж Святого Луки в г. Тяньцзине. 1939. – Переход в колледж Святого Иосифа в г. Иокогама, Япония. 1941, 6 ноября. – Нападение Японии на США. Интернирование преподавателей-американцев. 1945, 5 июля. – Окончание колледжа Святого Иосифа, возвращение домой. 1945, август. – Объявление войны Советским Союзом Японии. Оккупация Маньчжурии, в том числе городов Дайрен и Какагаши советскими войсками. Конфискация отцовской гостиницы. Мобилизация Лернера для работы переводчиком в Красной Армии. 1945, осень. – Работа учителем в американском колледже Мэринол в г. Дайрене. 1946, 11 сентября. – Закрытие колледжа советской администрацией; переход на работу переводчиком в компанию Дальэнерго (электрическая компания г. Дайрена). 1949, 22 ноября. – Арест офицерами СМЕРШ 39-й армии. Тюрьма в Порт-Артуре. Обвинение в шпионаже в пользу Америки. Следствие. Отказ подписать ложные протоколы. 1950, 1 января. – Этап на пароходе "Находка" до Владивостока, далее грузовиком до городка Ворошилов (Уссурийск). Помещение в тюрьму. Следователь подполковник Григорьев. Непрерывные ночные допросы с избиениями. Холодная камера, баланда. Совет сокамерни-

237

ка Данилова признаться для проформы в попытках шпионажа относительно советских воинских частей в Дайрене и Порт-Артуре. 1951, январь. – Переезд сестёр И.Г.Лернера с семьями в Израиль.

Объявление И.Г.Лернеру решения Особого совещания при МГБ: 25 лет ИТЛ особого режима. Этап до Тайшета в Озерлаг, лагерное отделение № 31. Работа на лесоповале, невыполнимые нормы, уменьшение скудного пайка на одну треть. 1952, март. – Потеря веса на 50 кг; заключение медкомиссии – алиментарная дистрофия, цинга и пеллагра. Получение третьей категории трудоспособности, 10-дневное пребывание в лагерной больнице. Недолгая работа в зоне с сокращённым рабочим днем – подсобником на кухне. Этап до порта Ванино; на Ванинской пересылке знакомство с Виталием Свечинским, Х.Друкером, Я.Этингером, Э.Спиваковским, А.Кринским. Пятисуточный морской этап в трюме парохода до Магадана. Замена одежды в пересыльном лагере на специальную колымскую, с валенками. Нашивка каторжных номеров на одежду. Знакомство с Ирэн Бронштейн, племянницей Л.Д.Троцкого. 1953, осень. – Этап на грузовиках на угольную шахту у деревни Арез. Тяжёлая работа в забое на загрузке угля в вагонетки. Вновь обострение дистрофии, отказ от работы; перевод на поверхность – разгрузка вагонеток с углём. 1953, зима. – Перевод в лагерь Аркагала на кирпичный завод. Дизентерия. 10-дневное пребывание в лагерной больнице, направление на стройку в посёлок Кадакчан. 1954. – Восстание заключённых в лагерях Кадакчан, Арез, Аркагала. Признание московской комиссией требований заключённых справедливыми. Возобновление работы. Перевод в лагерь "Д-2" в Мянундже, обучение профессии водителя. Работа на тяжёлом самосвале. 1956, весна. – Приезд Московской правительственной комиссии по освобождению заключённых.

1956, 1 июля. – Сообщение о реабилитации и полном восстановлении в правах на основании приказа Военного трибунала Дальневосточного военного округа; вручение официального приглашения от сестры на выезд в Израиль. Отказ властей в выезде в Израиль и Китай. Получение справки об освобождении с правом жительства в Москве и справки о снятии судимости. 1956, осень. – Выезд из Магадана в Находку, затем через Хабаровск в Москву. Пресекаемые сотрудниками КГБ попытки получить израильский паспорт. Выдворение из Москвы в Калинин (ныне Тверь). Жизнь без паспорта из-за отказа получать советское гражданство. 1957, 17 мая. – Получение письма из посольства Израиля о рассмотрении его дела в Министерстве иностранных дел СССР. 1958, лето. – Согласие И.Г.Лернера на получение советского паспорта, отказ властей в разрешении на выезд в Израиль. Зачисление студентом вечернего отделения в Московский областной педагогический институт. Получение комнаты в Калинин. Работа шофёром и санитаром на станции скорой помощи г. Калинина. 1962, лето. – Окончание института, работа переводчиком в московском отделении Совинформбюро. 1965. – Начало преподавательской работы – в спецшколе № 8 и в Московском полиграфическом институте. 1966, февраль. – Получение разрешения на выезд в Израиль и отъезд из Москвы. 2000-е гг. – Написание воспоминаний.

* Лернер Джо. Прощай, Россия!: Мемуары "американского шпиона" / пер. с англ. И. Дашинского; ред. Л.Юниверг. – Kfar Habad (Israel): Yad HaChamisha Press, 2006. – 486 с.

№ 41

• **Маркизов Леонид Павлович** (р.1917) – инженер-строитель. 1917, 20 августа. – Родился в Хабаровске. Отец – Павел Степанович Маркизов, предприниматель. Мать – Серафима Ильинична Маркизова. 1918. – Переезд семьи в Харбин. 1923–1933. – Обучение дома, затем в русских гимназиях Харбина. 1933. – Завершение среднего образования с золотой медалью, получение аттестата зрелости. 1934–1939. – Обучение в Харбинском политехническом институте и Северо-Маньчжурском университете. 1939. – Завершение высшего образования. Получение специальностей инженера путей сообщения и инженера-строителя. 1938–1940. – Работа инженером дорожного отдела Харбинского муниципалитета. 1939, 19 ноября. – Женитьба. Жена – Нина Яковлевна. 1940–1944. – Работа по специальности в Шанхае на британских и русских предприятиях. 1944–1945. – Подрядчик строительных работ в Харбине. 1945, 4 октября. – Арест органами СМЕРШ. 1945, конец октября. – Этап в необорудованный лагерь в г. Ворошиловск (ныне Уссурийск). Допрос вёл майор Кудрявцев. 1945, конец. – Этап на запад. 1946, 6 января. – Прибытие в Востураллаг (г. Тавда Свердловской обл.). 1946–1948. – Отбывание наказания в лагерных пунктах Тигень, Азанка, Тавда на общих работах. 1947, 10 мая. – Особое совещание при МГБ постановило: подвезти Л.П.Маркизова заключению на 10 лет в ИТЛ по ст. 58-4, 58-11. /Назначение старшим инженером отдела капитального строительства. 1948. – Этап в Каргопольлаг. 1948, 10 июня. – По прибытии в Круглицу (Каргопольлаг) направление на лечение обнаруженного туберкулёза, затем назначение прорабом. 1948–1951. – Работа на строительстве на инженерных должностях. 1951, 12 мая. – Этап в Речлаг (Коми АССР). 1951, 15 мая. – Прибытие в Речлаг. 1951–1973. – Работа на комбинате Печоршахтострой (Воркута) в производственно-техническом отделе (ПТО), начальником участка, начальником ПТО, заместителем главного инженера шахтостроительных управлений. 1954, 30 октября. – Освобождение. 1957, 19 сентября. – Реабилитация за отсутствием состава преступления. 1972. – Защита диссертации на соискание учёной степени кандидата технических наук. 1973–1994. – Проживание в г. Сыктывкар. 1994. – Выход на пенсию.

* **Л.П.Маркизов. СМЕРШ в Маньчжурии.**

"В конце августа 1945 г. вместе с войсками Красной Армии в Маньчжурию и, в частности, в Харбин пришёл и СМЕРШ Приморского военного округа и сразу же по прибытии начал свою активную деятельность, охватив огромное количество людей, которые, в конце концов, по терминологии того времени, оказались "вывезенными". О "качестве" той работы СМЕРША говорит тот факт, что подавляющее большинство "вывезенных" были реабилитированы лет через 10-12 (да и позднее – тоже) "за отсутствием в их действиях

состава преступления", кое-кто посмертно. В период Второй мировой войны российские эмигранты в Маньчжурии оказались между двух огней. Им не доверяли японцы, считая советскими по духу, и, как видим, не доверял и СМЕРШ, считая их "врагами народа". Характерен такой пример. Некоторые русские молодые эмигранты в "добровольно-принудительном" порядке вынуждены были служить в русском отряде армии Маньчжоуго, которым первое время командовал японский полковник Асано, поэтому их в быту называли "асановцами". Но в апреле-мае 1945 г., вскоре после того, как СССР денонсировал пакт о нейтралитете с Японией, эти отряды были расформированы и распущены по домам. Сделано это было ввиду того, что японцы, зная политические настроения основной массы русских эмигрантов всех возрастов, не хотели иметь в тылу вооружённую "пятую колонну" в случае войны с СССР. Но это не помешало СМЕРШу и затем Особому совещанию при МГБ СССР репрессировать их как шпионов, диверсантов и вообще лиц, которые могли бы осуществлять враждебную деятельность.

Думаю, что СМЕРШ не мог не знать о настроениях молодёжи и о фактической причине расформирования отрядов асановцев, потому что одним из руководителей отряда был капитан, ставший затем майором армии Маньчжоуго, Наголен (Асерьянц). Он после вступления советских войск в Харбин ходил по городу в форме и при погонах советского капитана и, встречаясь со старожилами города, посматривал с улыбкой на погоны. Он-то знал, что "асановцы" ждали советские войска не как враги, а как соотечественники. <...>

Вспоминается и мой случайный разговор в Харбине с одним из русских подрядчиков. Ранее он жил в СССР, затем бежал в Маньчжурию. Он при встрече сказал мне: "Идут многочисленные аресты. Ты бы лучше спрятался и переждал это время. Они тебя обязательно заберут. Почему? Да потому что ты молодой, инженер, не враг советской власти. Если тебя не арестовать, а уговаривать поехать на какую-нибудь удалённую стройку, ты можешь не согласиться. А когда тебя арестуют, то будут перевозить под конвоем туда, куда найдут нужным, а ты будешь думать, что СМЕРШ арестовал тебя по ошибке. А это будет не ошибка, а метод работы большевиков. Да и работать будешь практически за кусок хлеба без масла". Я не поверил. И это была моя ошибка.

Вот так "лица без гражданства" и без судебного приговора и вывозились на принудительный труд в советских концлагерях. Массовость репрессий напоминала расправу с советскими железнодорожниками, репатрированными после продажи КВЖД в 1935 г. Сколько было репрессировано в 1945 г., не знаю, но активная деятельность СМЕРШа привела к тому, что многие из тех, кто приехал бы в Советский Союз, уехали в дальнее зарубежье, в душе и по убеждению оставаясь русскими: мало кому хотелось проходить "университеты" ГУЛАГа. Об этом они свидетельствуют, приезжая в Россию на встречи бывших харбинцев. Что это было – ошибка СМЕРШа или его преступление против советского государства с целью отторгнуть патриотически настроенных зарубежных соотечественников-россиян от исторической отчизны? Это решит история, а сейчас нашим долгом является изложить факты.

Если в 1937 г. чекисты репрессировали бывших кавэжэдинцев (советских граждан) и лишь немногих "лиц без гражданства", добровольно приехавших вместе с железнодорожниками в Советский Союз, то в 1945 г. репрессиям подверглись лица, не имевшие советского гражданства и захваченные на чужой территории. Это явно противоречило и советской "социалистической законности", и международным юридическим нормам. Нарушение законности усугублялось ещё и тем, что "вывезенные" сразу же были принудительно привлечены к бесплатному труду без приговора судебного органа.

И это не голословные утверждения. Вот один из примеров – мой собственный. 4 октября 1945 г. вечером меня "доставили" в здание бывшего японского консульства на Вокзальном проспекте. Офицер, представившийся следователем сказал: "Расскажите вашу биографию". Я рассказал, вопросов мне не задавали. После этого меня тут же обыскали в присутствии понятого-солдата. Изъяли записную книжку, сняли шнурки, ремень, галстук и отвели в подвал, где ещё японцы оборудовали тюремные камеры для своих граждан, с татами – циновками на полу, которые у них заменяли кровати. Через несколько дней отправили в харбинскую тюрьму, что на Пристани, и про меня, как и про всех, кто был со мной в одной камере, попросту забыли.

Армейские офицеры, с которыми наши родственники установили контакт, приносили нам письма и передачи из дома, приходили за ответами и действительно передавали их родственникам. Но это были не офицеры СМЕРШа, а армейские, чином не ниже капитана (офицеры более низких чинов, возможно, не могли беспрепятственно входить в тюрьму и ходить по камерам).

Собрав к концу октября очередной эшелон, арестованных "погрузили" на товарном дворе в вагоны и увезли в Приморский край, в необорудованные бараки в город, который тогда назывался Ворошилов (ныне Уссурийск, а до 1935 г. – Никольск-Уссурийский). Спали на полу, располагаясь "вплотную", и поворачиваться могли только все вместе, иначе не получалось. Одевать нас было не во что – арестантской одежды не было, мы донашивали свои вещи, постельных принадлежностей тоже не было. Кормили трофейными крупами – варёным гаоляном и чумизой, давали понемногу американской тушёнки. Мыться в Ворошилове было негде.

В Ворошилове меня допрашивали один раз. Следователь майор Кудрявцев проявил заурядную неосведомлённость, задавая, например, такие вопросы: "В показаниях записано, что вы читали на вечерах молодёжи рефераты на темы о реформах Александра II, Столыпина. По каким первоисточникам вы готовили рефераты – по советским или по эмигрантским?" – заведомо зная, что советская политическая литература в Маньчжоуго была категорически запрещена (можно было получать книги советских издательств только по прикладным наукам – строительству, медицине и др.). Мы с майором Кудрявцевым поговорили довольно резко, потому что он не согласился записать мои ответы, продолжая настаивать на своих формулировках.

В начале декабря ночью меня ещё раз привезли на допрос, но так и не вызвали к майору Кудрявцеву, продержав на морозе в неотопляемом "во-

ронке" несколько часов, и затем вместе с другими харбинцами, после их возвращения с допросов, увезли в лагерь. Я понял, что майор Кудрявцев этим жестом хотел показать, что именно он хозяин положения.

Числа 15 декабря нас погрузили в эшелон из товарных вагонов и повезли... В пути на станции Зима сделали остановку и сводили нас в баню, а вещи прожарили в дезокамере. "Разгрузили" нас в рождественский сочельник 6 января 1946 г. в Востураллаге в Тавде Свердловской области. Сводили в баню, остригли, покормили за счёт сэкономленных в этапе продуктов.

Начался период подневольного существования, когда нас, официально именовавшихся следственными, истощённых и в Ворошилове, и в течение длинного этапа от недоедания (кормили только раз в сутки), определили на лесоповал, освободив отдельный лагерный пункт, чтобы мы не могли вредно влиять на "временно оступившихся советских граждан", то есть уголовных преступников.

...Шли годы и годы, пока, наконец, в декабре 1954 г., т.е. через девять лет, меня и моих товарищей не осчастливили сначала условно-досрочным, а затем и полным освобождением. Более того, предлагали запросить через Москву страны, где нас арестовывали, чтобы они приняли нас обратно. Ехать обратно мы отказались. А я – тем более, потому что на целину к тому времени из Харбина приехала моя семья: жена Нина и дети – Костя и Серёжа. В связи с этим пришлось заявить ходатайство для получения советского гражданства, которого ни у кого из харбинцев, конечно, не было. Для этого потребовались рекомендации трёх советских граждан – и такие нашлись из работников шахтоуправления, на строительстве которого мне пришлось подневольно работать. Мне выдали справку, по которой я жил с полгода, а затем и сам советский паспорт.

В моём первом советском паспорте было записано "Положение о паспортах", что означало для "сведущих людей" положение об ограничениях, распространявшихся на владельца паспорта. Чтобы избавиться от этой записи, я ходатайствовал в установленном порядке о снятии судимости, и после получения в 1956 г. такой справки из МВД СССР, мне выдали новый паспорт без такой записи, после чего ходатайствовал о реабилитации и был реабилитирован" [НСМ №138, 2007, 10].

* Маркизов Л.П. До и после 1945: Глазами очевидца. – Сыктывкар, 2003.

№ 42

● **Павлов Михаил Иосифович** (1922-1995) – военный, рабочий, шофер. 1922. – Родился в семье забайкальских казаков, эмигрировавших в Китай в 1919 году. 1920-е – 1932. – Уход матери с четырьмя детьми от мужа и отъезд на станцию Шеутоухедзи. Замужество матери. Отчим – Филипп Иннокентьевич Нижегородцев, сотрудник КВЖД (до 1932). 1933. – Развод матери и переезд с детьми в Харбин. Поступление в школу. Жизнь в приюте "Русский дом". Болезнь матери. Работа мальчиком в ресторане, затем у А.А.Гинзбурга. 1938–1941. – Работа в частной охране. 1941–1943. – Отъезд в Мукден. Служба вахтёром на мыльном заводе. 1943. – Призыв на службу в Русский военный отряд. 1944–1945. – Присвоение звания ефрейтора. Занятия в лагере по

подготовке десантников к заброске на территорию СССР. Отпуск. Встреча с родными. Вступление советских войск в Китай. Подготовка к свадьбе. 1945, 30 сентября – декабрь. – Арест на улице. Отправка в Ворошиловск (Уссурийск). Допросы. Приговор: 15 лет ИТЛ (статья 58, пункты 4,6,8). 1946–1949. – Этапирование в Тавру (Урал). Работа на лесоповале в местечке Тигень. Условия содержания заключённых. Истощение. Работа в сапожной мастерской. Возвращение на лесоповал. Саморуб в знак отказа от изнурительной работы. 1949. – Переброска в Озерлаг на 026-ю колонну (станция Торей Иркутской области) на достройку железной дороги. Земляные работы. 1951. – Перевод в Чуну (юго-запад Восточной Сибири). Работа в сапожной мастерской. 1953. – Работа на одерновке трассы от Торей до Вихоревки. Избиения. 1956, 4 июня. – Освобождение. Женитьба на Марине Ивановне Култышовой. Работа шофёром. Рождение и воспитание шестерых детей. 1977. – Получение справки о реабилитации от 19 апреля 1947 (?). Время незаконного содержания в лагере составило 9 лет и 7 месяцев. 1982. – Возбуждение М.И.Павловым судебного дела о материальном возмещении за его незаконное содержание в лагере в течение 9 лет и 7 месяцев. Отказ в удовлетворении исковых требований. 1995, 18 июня. – Скончался в г. Вихоревка Иркутской области.

* Павлов М.И. Воспоминания // Озерлаг: как это было / сост. и авт. предисл. Л.С.Мухин. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. – С. 203-213.

№ 43

* **Пасечников Василий.** От Читы до Серова.

"В январе 1946 г. арестованных советской контрразведкой людей из городов и сёл Маньчжурии привозили в Читу. Там, в бывшем храме, был организован временный лагерь наподобие пересыльного пункта. Огромное внутреннее помещение храма не вмещало всех привезённых, и по этой причине все служебные помещения во дворе некогда огромного храма были битком забиты людьми. Готовился к отправке в неизвестность огромный контингент из русских эмигрантов и японских чиновников.

Командовал этой пересылкой майор Фангельс и капитан Терлецкий, оба они служили во время войны с Японией в 125-й дивизии генерала Кушнаренко, оба в контрразведке СМЕРШ. Во время войны мне довелось с ними встретиться и пробыть в одной дивизии около месяца. Но это другой разговор и другая тема. Итак, шли последние дни приготовления к отправке. Все прошли санитарную обработку, прожарку одежды в дезокамере и баню. Точного числа не помню, но знаю, что всё это происходило в январе 1946 г.

Погрузка арестованных началась с утра. Выстроили нас по пять человек в ряд, и получилась почти километровая колонна. Прошли по городу и подошли к железной дороге, где стоял огромный состав четырехосных вагонов, предназначенных для перевозки людей. Очевидно, в таких вагонах перевозили войска во время войны с Японией. В центре вагона стояла железная печь, по обеим сторонам шли двухъярусные нары. Окна были зарешечены металлическими прутьями. Погрузка прошла без особых происшествий.

В вагоне, в котором мне довелось быть, поместилось около восьмидесяти человек. Одну половину вагона заняли японцы, другую – мы. Когда эшелон был уже готов к отправлению, принесли хлеб и солёную кету. Все были приятно удивлены тому, что рыбу давали без особых ограничений, пообещав, что на первой же остановке принесут нам кипятку и холодной воды. Поезд тронулся. По очереди, с огромным любопытством, мы устраивались около небольшого окна и через него рассматривали забайкальские пейзажи. Была зима, всё было занесено снегом, но всё равно было очень интересно разглядывать забайкальскую природу. Под стук колёс мы принялись за солёную кету с хлебом, зная, что на следующей остановке принесут кипяток и холодную воду. Но в этот день поезд так и не остановился, хотя станций проехали несколько.

Состав шёл медленно. Людей после съеденной солёной рыбы серьёзно мучила жажда. Возмущённые люди стали стучать в дверь вагона, требуя воды, но всё было напрасно. Нам отвечали снаружи, что вот-вот будет остановка, на которой паровоз будет заправляться, и тогда весь эшелон будет обеспечен водой. Слышны были крики и из соседних вагонов. И вот, наконец, поезд остановился. Хорошо было слышно, как отцепился паровоз на заправку.

Все оживились и начали готовить котелки. Наконец, раздались шаги и разговоры возле нашего вагона. С шумом и лязгом ржавого засова открылась дверь. Зашли офицер и три сержанта. "Перейти всем на левую сторону вагона!" – громко скомандовал офицер. Люди, не понимая, что происходит, молча перешли на одну половину. Один из сержантов держал в руках деревянную кувалду на длинной ручке. Этим молотком он начал простукивать пол и стены вагона, видимо, ища пропилы, сделанные арестованными для побега. Два других сержанта принялись обыскивать нашу одежду, оставленную на нарах.

Когда закончилась проверка одной половины вагона, начали считать людей, перегоняя их в проверенную половину. Офицер, не торопясь, отправлял людей по одному. А сержант деревянной кувалдой проверял стены и пол вагона. Он стоял напротив офицера и успевал ударить каждого в спину кувалдой под счёт офицера. "Первый!" – удар. "Второй!" – удар и т.д.

Я часто с ужасом вспоминаю эту картину и каждый раз убеждаюсь в том, что для такой работы специально подбирались жестокие люди, которым издевательства над другими доставляли огромное удовольствие. После окончания проверки кто-то спросил офицера насчёт воды, и тот ответил, что вода будет после проверки всего эшелона. Так, в изумительном ожидании воды, прошла ещё одна ночь. Во время подобных проверок у нас всегда что-нибудь пропадало из вещей – чаще всего хорошие вещи японцев.

Проходили вторые сутки, а воды нам так и не принесли. Жажда безумно мучила всех. Тогда мы начали облизывать гайки, у которых болты снаружи промерзли от мороза, а внутри покрывались инеем. Под конец третьих суток пути на одной из больших станций, глубокой ночью, принесли пару армейских бачков с водой. Конечно, двух бачков на такое количество было мало, но всё же хоть немного мы утолили жажду.

Однажды произошёл трагикомичный случай.

Утром на одной из остановок в вагон принесли хлеба и каждому дали по баночке рыбных консервов. У людей ни ножей, ни открывашек не было. Я попробовал краем алюминиевой ложки продавить металл, получилось. Открыл свою, распечатал соседям. Подошли японцы с этой же проблемой. Сами пытались вскрыть, но, видно, силы не хватало. Вскоре все баночки были распечатаны и консервы съедены.

Неожиданно открылись двери, и в вагон вошёл офицер с двумя сержантами. Увидев пустые баночки, офицер потребовал отдать ему ножи. Ему объяснили, что баночки открывал я и не ножом, а ложкой. Он подошёл ко мне и велел показать ему ложку. Я вынул свою простую лёгкую ложку и подал офицеру. Он взял её в руки, усмехнулся и велел тщательно обыскать. Сержанты принялись с большим рвением меня обыскивать. Ничего не найдя, они остановились в ожидании следующих приказаний. Офицер сказал, чтобы они принесли банку американской тушёнки. "Ну что ж, показывай нам свой способ", – сказал сержант, подавая мне банку. Банка была объёмная, да и металл на ней был покрепче.

Взял я эту банку и свою ложку, собрал все свои силы и под одобрительные возгласы земляков аккуратно вырезал ложкой ровный кусок металла. "Вот это да! – произнес офицер, обращаясь к сержантам. – Такого ещё видеть не приходилось". Оставив мне тушёнку, они все трое вышли из нашего вагона. Оказывается, раздача консервов – не что иное, как проверка на наличие острорежущих предметов в вагоне. После этой проверки, консервов мы уже не получали.

Эшелон шёл медленно. Подолгу стояли на станциях и полустанках, уступая дорогу другим составам. Уже мало кто разглядывал через окошко проезжающие места. Люди устали от постоянного шума и дёрганья вагона, криков конвоя. Все молча лежали, и каждый думал о своём в ожидании неизвестного. Мучительно и тяжело проходили дни и ночи. Неопределённость положения угнетала людей. Двадцатые сутки в пути, а мы только и слышим стук колёс да мат конвоиров, скрежет дверей, да проверку пола и стен вагона, принимаем удары в спину деревянной кувалдой, да видим всё чаще пьяных солдат и офицеров.

И чем дальше наш эшелон движется в глубь страны, тем злобнее и хуже было отношение к нам со стороны конвоя. Мы ещё не были осуждёнными, а отношение к нам было, как к изменникам родины, карателям и убийцам советских граждан. Тяжело и обидно было вспоминать, что мы (молодёжь) всей душой приветствовали приход советских войск, а многие из нас и жизнь положили в борьбе с японскими оккупантами, а теперь мы арестованы, и нас везут в неизвестность.

Однажды, стоя у нар, я неожиданно потерял сознание. Очнувшись, понял, что со мной что-то произошло. Я лежу на нижних нарах, и около меня хлопочут мои земляки. Окончательно очнувшись, понял, что это был обморок. Никогда я не испытывал никакой слабости, был хорошо развит, вынослив и физически закалён. Дома работал в своём хозяйстве, охотился в горах Хингана. Неужели я заболел? Но молодость победила. Как-то, во время очередной проверки, офицер

сказал, что через пару дней мы прибудем на место. Какое это место и где оно – не уточнил. Люди оживились, стали гадать, куда нас привезут. На 28-ые сутки наш эшелон прибыл на станцию города Серова. Это был Северный Урал...

*Я помню этапы, вагоны закрытые, / забитые окна и скрежет дверей.
/ Лай злобных овчарок и мат конвоиров / Сливались в единый хор диких зверей.
/ Этапы, этапы... Дороги голодные. / Мы по трое суток просили воды.
/ Они же считали нас, сытые, злобные, / дымя папиросой, а к просьбам глухи.
/ Считали цинично, с надменностью ханов. / По спинам прицельно хлестал молоток,
/ Считали поштучно, как стадо баранов, / По счёту сгоняя в один уголок.
/ И сколько этапов дорогами пройдено? / Всю жизнь не забудутся эти пути.
/ А сколько от жизни и жизнью отобрано, / Во имя чего и за что? Ты спроси.
/ Спроси свою память, которая помнит / Те страшные годы, что шли за тобой.
/ И сердце застывшие раны откроет, / Глаза заблестят подневольной слезой.*

Василий Пасечников. С 1945 по 1956 гг. (11 лет) под номером И-175 в тюрьмах и лагерях ГУЛАГа" (Материал прислала С.Меределина, г. Вихоревка) [НСМ №130, 2006, 10].

№ 44

*** Пасынков И.Н.** Вспомним земляков, которые давно ушли от нас...

"Владимир Сергеевич Васинский. Он, как и тысячи наших земляков был выкраден в 1945 г. советскими войсками, занявшими Маньчжурию, и вывезен на территорию СССР, где без следствия и суда был брошен на тяжёлые физические работы и должен был в условиях голода, холода, унижений и издевательств работать в советских лагерях. Следствие началось через год-два уже на территории СССР, и, как правило, суда не было, присылали бумажонку "Особого Советания" со статьёй и сроком (стандарт – от 10 до 25 лет). Всё это прошёл и Владимир Сергеевич Васинский. Он завещал мне свой литературный архив, вчитываясь в который приходишь к выводу, что это был человек высокой культуры, литературного таланта и философского мышления. Архив этот большой, и всё в очерке описать невозможно, потому отмечу только отдельные стороны его деятельности в Харбине и в СССР, после досрочного освобождения и реабилитации. В записках я нашёл такую его фразу: "Я родился в Томске, болото (так называлась часть города), глухой переулок, вблизи кержатской церкви, в железнодорожной больнице" (к сожалению, дата рождения не указана).

Жена В.С.Васинского в России – наша землячка Валентина Ивановна, урождённая Опрокиднева, мне знакома с детства: вместе жили в одном дворе в Нахаловке, по Зоринской улице № 41, и помню, как с ней бегали в кинотеатр "Атлантик" на Саманной улице, билеты для детей были по десять копеек. Валя Опрокиднева тоже прошла советскую лагерную мясорубку, тоже была реабилитирована, и жили Васинские в Новосибирске, где и умерли: сам В.С. в мае 1989 г., а В.И. – в феврале 1994-го. О родственниках их ничего не знаю.

В литературном архиве В.С.Васинского много интересных материалов: стихи дальневосточных и европейских зарубежных поэтов, много выписок из

разных трудов, из Священного Писания, а также собственные философские мысли – выводы из тяжёлого жизненного пути.

Как глубоко верующий человек, В.С. собирал различные материалы религиозного характера, молитвы и извлечения из С.П. Писания. Есть на 13 печатных страницах перевод с английского "Преображения Пресвятой Девы в Зейтуне" (г. Каир), в коптской церкви (это появление Пресвятой Девы подтвердили и мусульмане). В конце очерка раздел "Очевидцы верят в чудо явления Божией Матери в Каире". Далее – на 9 страницах машинописного текста "Жизнь и апостольские труды митрополита Иннокентия (Вениаминова), 1797-1879 гг." – это перепечатка из московского издательства "Мысль", 1980 г. Далее – текст беседы митрополита на 30 страницах печатного текста (Московская синодальная типография, 1889 г.).

Вот вырезка из газеты – харбинский эстрадный певец Андреев-Моложатов, подражатель Вергинского, в костюме Пьеро. Моложатов – это псевдоним, подлинная фамилия Андреев. Это родственник моего знакомого по Харбину – Иннокентия Павловича Андреева. Семья эта жила в Саманном городке на Амурской улице, где жил и я, с его сыном Владимиром вместе учились в гимназии им. Достоевского, была у него и младшая сестра Татьяна. Очень хотелось бы узнать, что с ними и где они. Что касается самого артиста Моложатого, то он в тридцатых годах уехал в СССР, где и сгинул на островах архипелага ГУЛАГа.

В толстой "общей тетради" автор собрал песни, романы, старые и новые стихи, а также мудрые мысли. Например: "Зло не имеет никакой цены. Только добрые дела оживляют душу и успокаивают нашу совесть. Совершенное зло рано или поздно обернётся против человека и поразит его". В указанной тетради есть и вырезки из русских газет, что издавались во Франции. Напечатана, кстати, остроумная сатира "Князь Петрушка и принцесса Марфушка". Автор – Жак Нуар. Кто это? Мы знаем, что Дон-Аминадо – это А.Шполянский, Саша Чёрный – А.Гликберг, но Жак Нуар? Возможно, кто-то из читателей "НСМ" знает, кто скрывался за этим псевдонимом, и сообщит на страницах газеты. А в указанной пародии про Марфушку и Петрушку автор высмеивает ту развесистую клюкву, которая в своё время процветала на Западе в отношении России. Есть и такие ремарки: "Вера Холодная родилась в Полтаве в 1883 г. в семье учителя, умерла в Одессе в феврале 1919 г.". "Иван Мозжухин родился в 1890 году в Пензе в интеллигентной семье, умер в 1939 г. в Париже в богадельне". Имеются выдержки из письма харбинского профессора Устрялова, который, как известно, оказался "возвращенцем" и погиб в СССР в застенках НКВД.

В папке можно найти стихи Елены Влади, Нины Завадской, А.Ачаира, А.Несмелова, А.Жигулина, В.Перелешина, Анны Ахматовой, Н.Гумилёва. Есть стихи Щепкиной-Куперник (например, о "влюблённом Сирано"), стихи И.Фонякова "А.Вергинский" (кончается стихотворение такими строчками: "И навсегда при мне, со мной, тот зал, рояль и рампа, на грани пошлости самой – смертельный риск таланта"). Есть "песня молодого казака, 21 год" (имя неизвестно): "Уходили мы из Крыма среди дыма и огня, я с кормы всё время мимо своего стрелял коня".

Имеется такая скорбная запись: "22 декабря (год, видимо, 1957) от инфаркта скончалась Евладия Георгиевна Охотина. Эта печальная весть была сообщена Виссарионом Мустафиным, он жил в Джамбуле, где жила В.Г.Охотина-Мигунова. Я ранее писал Володе Мигунову, но ответа нет". В папке на отдельных листках такие пометки (возможно, кому-то они что-то скажут): "Варабинск, село Таскаево, Лямин Александр Владимирович". "Смерть О.Нифонтьевой 2 июля 1962 г.". "Ек. Ив. Завиша".

Заслуживают внимания и следующие выписки из папки. К.Симонов: "Как будто за каждую русской околицей, / Крестом своих рук ограждая живых, / Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся / За в Бога не верящих внуков своих". Марианна Колосова: "Любили вы, и я любила тоже, / Нас разлучить не должен был никто. / Но наши души были непохожи: / Вы коммунист, а я совсем не то". Её же ("Из письма из Африки"): "Нет ни горечи ни драмы / В нашей странной переписке: Друг для друга навсегда мы / Гимназист и гимназистка". Цитаты из "Дон-Аминадо": "Не старайтесь познать самого себя, а то вам противно будет". Или: "Жорж, прости. Ушла к Володе. Ключ и паспорт на комод". Из его стихотворения "Бойтесь много говорящих": "... На часы в испуге взглянет./ Охнет. Ахнет. Взвизгнет. Встанет. / И как вкопанная встанет. / И останется стоять".

Отдельные цитаты: "Революционная деятельность в России – единственная деятельность для бездарных людей" (М.Горький). "Глупость в молодости придаёт жизни очарование, глупость в старости вызывает отвращение" (автор - ?). "Аще не учён словом, но не разумом, не учён диалектике, риторике и философии, но разум Христов в себе имею" (В.О.Ключевский). "Товарищ, в мозгах просьбищу выскоча, / Да так, чтоб не стёрлась, и век прожда, - /Брось привычку (глупая привычка!) / Приплетать ко всему фамилию вождя" (В.Маяковский). Из поэта Щербина: "У нас чужая голова, /А убежденья сердца хрупки: / Мы – европейские слова / И азиатские поступки". Из творчества А.Паркау: "...Попробуем опять. / Сомненье. Боль. Любовь. / Привычка сгладить всё. / Конец мечтам высоким. / И около меня скучать ты будешь вновь. /Я около тебя вновь буду одиноким". Из В.Перелешина: "Мне в подарок приносит время / Столько книг, и мыслей, и встреч, / Но ещё легковесно время /Для моих неуставших плеч". И заканчивается словами: "Оттого что при всей нагрузке, / Вер, девизов, стягов и правд, / Я до костного мозга русский / Заблудившийся аргонавт".

На пострижении В.Перелешина в монахи я был в Харбине, в Казанском мужском монастыре, но потом он стал расстригой. Есть пачка трагических стихов на толстой бумаге с подписью "Леонид". Не Андреев ли? Много стихов и неизвестных мне поэтов. Например, такое за подписью Т.Берницкой: "Пасха в лесу". "На лесном кудрявом косогоре / В тихом сне часовня замерла. / Золотели трепетные зори / Ветхий купол, раму без стекла. /Со стены, обвитой повиликой, / В глубине часовни без стекла / Наклонился потемневшим ликом / Образок забытого Христа".

Встречаются остроумные пародии, такие, как "Родионовна, налей!" (автор – А.Пьянов). Значительное место в архиве Владимира Сергеевича зани-

мают его материалы о Николае Аполлоновиче Байкове. Полковник старой русской армии, один из первых исследователей Маньчжурии, поэт и писатель, натуралист и учёный, он много ценных трудов издал по востоковедению. Знаменательно и то, что его родовые корни восходят к Шамилю: его бабушка по отцу – родная племянница героя Кавказа. Родился Н.А.Байков в Киеве, переехал в Петербург, окончил юнкерское училище в Тифлисе, принимал участие в подавлении боксёрского восстания в Маньчжурии, воевал в Галиции во время Первой мировой войны. Два года провёл в Африке, Индии, Индокитае. В Маньчжурии жил с 1922 г., с 1925 – в Харбине, работал на КВЖД. Основал в Харбине краеведческий музей, издал "Вестник Маньчжурии", автор ряда книг о ней, писал стихи. С 1956 г. жил в Австралии, умер там же 5 июля 1979 г.

Из отдельных пометок в архиве В.С. можно было ещё прочесть: "Грызов-Ачаир Алексей Алексеевич умер от инфаркта 16 декабря 1960 г. (он тоже прошёл через советские лагеря), Е.А.Васильева ("Юрка") скончалась в Сан-Франциско 5 июля 1939 г." Поэзия Саши Чёрного и Дон-Аминадо была одной из любимых для дальневосточной эмиграции, как и Тэффи (Лохвицкой). Скажу больше: во время "великого сидения" в советских лагерях творчество их утешало и вдохновляло несчастных земляков на духовные интересы, убеждая, что нельзя советскими методами изгнать из души человека светлое духовное начало, как ни старались чекисты.

Приведу некоторые места из творчества Дон-Аминадо, которые по душе нам и в наши дни. Тонкий юмор, любовь к родине и тоска по ней, ирония и сарказм – всё это остаётся в душе на все годы жизни даже после тяжёлых переживаний и в почтенном возрасте. Из "Лес обнажился, поля опустели": "Трижды прав был древний грек, / Всё желавший взвесить: / Человеку человек – не свинья, а десять. / Только мы, хоть чёрта дай, / А не то, что грека, / Продолжаем пить свой чай, / Верить в человека". Из меланхолических строф: "Всё падает: и троны и державы, / и новый сфинкс, и новый Радомес, / и доллары, и шиллинги, и нравы, / и волосы. И к жизни интерес. / Всё падает: от писем и до качеств. / Уже давно, и всё недостаёт, / И лишь одно количество землячеств / Наоборот – не меньше, а растёт". Из "Современных басен": "Сей басни смысл огромен по значенью: / самопознание приводит к отвращенью". Из "Воспоминаний": "В небе лёгкой акварели / Полутон и полудым: /Хорошо любить в апреле! / Хорошо быть молодым!". Из "Осенних роз": "И сердце впервые постигнет / Покорности жуткую сладость, / Иную, чем ведала юность, / Ушедшая юность твоя". Из "Старой Англии": "Но всё ж, пока мы в этом мире пройдем, / Свой плащ беззаботно накинув, / Пускай у нас будет наш маленький дом / И доброе пламя каминов". Из "Нашей маленькой жизни": Про воскресенье "Гость на завтрак, гость на ужин. / Гостю тоже выход нужен. / Выпил. Крякнул. Весел, сыт. / Жизнь прошла. А он сидит". Из "Накинув плащ": "Пора давно уныние отбросить, /Сомнение, как падаль, отшвырнуть, / И зачесать непрошеную проседь, /И выпрямить надломленную грудь!". Из "Без заглавия": "Не синей птицей – домашней птицей /Заняться

должен интеллигент. / Хочу быть мелкой, но единицей! / Хочу быть третий, но элемент! / Возьму под ручку Подругу жизни. / Целебный в душу пролью елей. / Скажу ей слово о сельской жизни, / О мирной жизни среди полей. / И пусть злоеще молчат авгуры, / И звездочёты пытаются высь, – / И пусть пророчат конец культуры, – / Хочу, чтоб куры мои неслись!" Из "Частушек": "И на возраст не смотря, / Выражаясь кисло, / Жизнь и смерть без Лифаря / Не имеет смысла. / Булка требует дрожжей, / А душа – страданий. / Что-то много у мужей / Стало заседаний!" Из "Детства": "Отчего чрез все невзгоды / Умудрённых знанием лет / Только этот сердцу брезжит / Золотой и дивный свет? / И не сознанный счастье / Жить в каком-то полусне, / И одну лишь тяжесть ведать – / Рыжий ранец на спине?" Из "Вечеринки": "Артистка читала отрывок из Блока / И левою грудью дышала уныло, / В глазах у артистки была поволока, / А платье у ней прошлогоднее было. / ...И что-то в тумане дрожало, рябило, / И хором бояре гудели на сцене, / И было понятно, что всё это было / не где-то в Торжке, а в Париже, на Сене". Судя по стихам Дон-Аминадо, тоска по родине заживо "поехала" его душу, что отражалось в стихах последних лет: "Я знаю: мы вышли из моды, / Как рукопись с буквою "ять", / И слово "двадцатые годы" / насмешливо будут звучать. / Покажется жалким и странным, зачем мы блуждали во мгле / По этим неласковым странам / На этой недоброй земле".

В очерке представлена только малая часть литературного архива Владимира Сергеевича Васинского. Из его биографии я знаю только, что в Харбине он работал журналистом и директором харбинского радио. Возможно, кто-то из читателей сможет подробнее описать его биографию. Углублённое изучение литературного архива Владимира Сергеевича даёт человеку духовную пищу и заставляет задуматься над многими вопросами, которыми "некогда" заниматься нам в повседневной суете. Закончу очерк свои мыслями Владимира Сергеевича, что записаны в его архиве: "Взрослому человеку гораздо труднее научиться молчать, чем ребёнку говорить".

"Перед закатом убеждаешься. Что в жизни нет ничего настоящего, кроме Веры Христовой, всё остальное – обман". Если кто из читателей газеты знает что-либо ещё про В.С.Васинского, прошу дополнить мой очерк" [НСМ №130, 2006, 10].

*** И.Н.Пасынков. Навстречу весеннему балу харбинцев в "Модерне".**

"Адрес: г. Харбин, Китайская улица, дом 176 – очень старое и очень памятное многим поколениям харбинцев многоэтажное здание кинотеатра, фасадом выходившее на Китайскую улицу. Это была центральная улица большого района города под названием "Пристань". Район примыкал к берегу реки Сунгари ("Сунхуа цзян" – "реки кедрового цветка"). В "Модерне" на Китайской улице и был запланирован харбинским старожилом Николаем Заикой через 55 лет, прошедших после начала "Великого разезда", "Весенний бал" бывших харбинцев, рассеянных ныне по всему белому свету. Но мало, очень мало осталось сейчас тех харбинцев, которые "живьём" помнят ещё тот старый, запавший в душу самый шикарный в городе кинотеатр.

Кое-что о "Великом немом". В начале минувшего века "Великий немой" не был ещё широко распространён. Демонстрация кинофильмов была сенсацией, праздником, особенно, для детворы. Сейчас я уже не помню, какие фильмы и где увидел, когда мне было 5-6 лет, но всё же феномен детской памяти кое-что так и сохранил навсегда – те очень далёкие впечатления. Кажется, первый кинофильм я увидел в Благовещенске в 5-6 лет. В город по какому-то поводу привезла меня мама из Алексеевска, где мы жили. Удивительно: запомнилось название этого фильма – "Анна Болейн". Конечно – иностранный, но с русским переводом, который мне читала с экрана и поясняла мама. Никакой музыки не было, кроме рояля, который звучал с перерывами. Стоял, кажется, рояль на сцене, недалеко от экрана...

Летом 1928 г. я с родителями оказался в Харбине, приехав из Сахалина с мамой по её педагогическим делам и, отчасти, по моему неважному здоровью. О бегстве из Благовещенска в Сахалин и о жизни там – это уже совсем другая история. И вот тут, в Харбине, случилось семейное несчастье: дней через десять мама моя умерла, заразившись сыпным тифом. Была похоронена на харбинском православном Св.-Успенском кладбище, уничтоженном впоследствии, в 1956 г. Огромная территория кладбища была приспособлена для развлекательных мероприятий. Ни крестов, ни памятников, ни следов могил – ничего не осталось. Гранитные и чугунные материалы с кладбища пошли на облицовку набережной реки Сунгари.

Мы с папой остались вдвоём и, фактически, без средств, без жилья. Квартира в Сахалине со скромной мебелью была, видимо, продана по дешёвке, т.к. российские беженцы в Сахалине нуждались в квартирах. Положение наше с папой в Харбине оказалось тяжёлым. Он был безработным, и специальность его (юрист высокой квалификации) не была востребована. Устроился он в Харбинский комитет помощи русским беженцам, на Конной улице, д. №9. Сам "Комитет" ютился в маленькой квартирке, состоявшей из комнаты и кухни с плитой. Тут папа был и секретарём, и уборщиком, и истопником. Зарплата была мизерная или её вообще не выдавали. Из этого детства запомнился председатель Комитета Виктор Иванович Колокольников – невысокого роста, в очках, строгого вида. Таким он мне запомнился с детства. Помните, что было и Правление комитета – среди таковых запомнился Валентин Васильевич Пономарёв. В последующие годы был заведующим харбинским реальным училищем в Новом городе (район Харбина). Попал затем в 1945 г. в советские лагеря, а после досрочного освобождения и реабилитации жил в Караганде. Там нашёл подругу жизни тоже из числа репрессированных. Оба были уже пожилые (из лагеря освободился в возрасте около 70 лет, если не больше), давно умерли и похоронены в Караганде. Кроме Колокольникова и Пономарёва из числа правления Комитета запомнились фамилии Полуянова и, особенно, Владимира Васильевича Поносова, который позже стал крупным учёным по востоковедению, археологом, пржевальцем (состоял в кружке пржевальцев), работал в Харбинском краеведческом музее в Новом городе (около кафедрального собора).

Домовладельцы-эмигранты, а также предприниматели и энергичные купцы постепенно освоились в Харбине и на "Линии", т.е. на разных станциях КВЖД, и даже на нетронутых ещё плодородных маньчжурских землях. Кое-где начали обустриваться, заводили скот, пасеки, молочные хозяйства, занимались охотой. В Харбине постепенно образовался "класс" домовладельцев, владельцев магазинов, ресторанов, кафе, и даже было кабаре. Эти богачи-эмигранты не были чужды и благотворительной работы, помогали неимущим эмигрантам. Например, в Новом городе имел хороший многоэтажный дом Фёдор Иванович Слинкин, с сыном которого Андреем мы вместе учились в гимназии. Владельцем кондитерской в Новом городе был предприниматель Васильев (потом она стала кондитерской Ражева). На Пристани был крупный домовладелец Александр Иванович Лякер. Все эти удачливые эмигранты не были чужды благотворительной работы, помогали неимущим безработным эмигрантам. В Новом городе было основано бесплатное общежитие на Почтовой улице, напротив женского монастыря, для бездомных беженцев, им же предоставлялись бесплатные обеды. Мы с папой тоже пользовались этой помощью.

Но вернёмся назад на Конную улицу, в Русский беженский комитет. Мне нужно было учиться дальше, приближалась осень. В Харбине были бесплатные русские начальные школы. И папа отдал меня во 2-ю городскую школу на 4-й линии. (Линиями назывались короткие улицы, они упирались в полотно железной дороги, она шла через город к заводу по ремонту составов).

В школу папа отдал меня в 3-е отделение. Вообще, было четыре отделения, по окончании которых можно было поступить в вышеначальное училище или гимназию. В Харбине их было несколько. Здание 2-й городской школы примыкало вплотную к 5-й городской школе. Заведующим в ней был Пётр Тимофеевич Сквородников. До чего же детская память... сумела сохранить эту 2-ю школу, когда я был уже сиротой. Жили кое-как вдвоём с папой, так и не имевшим постоянной работы. 2-я городская школа осталась в сердце навсегда. Классным руководителем у меня была Анастасия Андреевна Чикурова, уже пожилая женщина с дореволюционным педагогическим образованием. Как раз в год моего поступления в школу у Анастасии Андреевны случилась трагедия – умерла единственная её дочь Тамара, уже девушка, и наша классная наставница осталась одинокой. Тем не менее, у неё хватило сил продолжать педагогическую работу. Не выпадает из памяти ещё один эпизод. Уже после кончины дочери Анастасия Андреевна расплакалась во время утренней молитвы (каждый день в школе начинался с молитвы в классе). Откуда же снова эти слёзы? Оказалось, что из школы уволили заведующую Софью Львовну Троицкую за то, что она имела советское гражданство. Её очень любили все педагоги за доброту и профессионализм. На её место назначили Николая Демьяновича Вишневого – опытного педагога средних лет приятной внешности.

Кто же из педагогов и учащихся запомнился мне, и какова была их судьба далее? Законоучителем был о. Иоанн Тростянский (кажется, настоятель Старохарбинского храма). Учителем рисования – Евдоким Михайлович (фамилии не

помню). Пение преподавал Христофор Семёнович Морозов: давал нам понятие о нотах, учил петь простейшие песенки. Естественную историю преподавала молодая красивая учительница (имени-отчества не помню). Все же основные предметы вела сама Анастасия Андреевна – "учительница первая моя".

Сохранились, конечно, в памяти многие соученики: Венедикт Карыпов, Георгий Коренев, Сергей Родин, Василий Василенко, Тагир Бичурин, Габбас Мухамедзянов, Стенякин (имя забыл), Израиль Бычков, Сорокоумов – жил на другом берегу Сунгари и ежедневно ходил пешком через мост из Затона. Из девочек, прежде всего, две красивые подружки Люся Ситина и Галя Шабалина, Нина Васильева, Таня Мясникова (обе учились очень хорошо), Кимстач (имя забыл). Всего в классе было около 40 учащихся. Но вот имена так и остались в памяти почти через 80 лет! Да, учился Николай Стариков, живший на другом берегу Сунгари, впоследствии священник и настоятель Свято-Николаевского затонского храма. Конечно, запомнить всех соучеников невозможно чрез такие годы и расстояния. А вдруг кто-то окажется читателем и откликнется. Всё может быть. Если не сами упомянутые, то их потомки. И, наконец, хочется вспомнить, как к большой перемене приходили женщины с корзинами, закрытыми чистыми полотенцами, а из корзин соблазнительно пахло ароматом горячих пирожков – мясных, с капустой, с ягодой. Стоили пирожки по пять копеек, это тоже было видом заработка для женщин-беженок. Мне редко перепадали такие деликатесы. Иногда папа, не имевший постоянной работы, всё же давал мне пять копеек на пирожок.

Вот и подошли мы к тому тяжёлому моменту в жизни, когда я уже не смог продолжать учение в школе – папа не мог устроиться. Жили впроголодь. В то время в Харбине была такая форма выхода из положения, как "снять угол". Именно так получилось у нас с папой. Сняли угол у Ольги Петровны Сысоевой, проживавшей в Нахаловке, впоследствии переименованной в "Сунгарийский городок". Это был район почти целиком одноэтажных, редко двухэтажных, домов "нахальной застройки", потому долго держалось название "Нахаловка". Там можно было снять не только квартиру, но и угол. На снятие комнаты денег не было, снимали угол у упомянутой Ольги Петровны. Остался в памяти её муж Степаныч (имени не помню). Он работал на Сунгарийской пристани, охраняя ночью баржи. Высокого роста, более 50 лет, один глаз протезирован. Не помню, сколько нужно было платить за углы, конечно, гораздо меньше, чем за комнату. Даже адрес того дома запомнился: Зоринская ул., № 41. Нельзя не упомянуть, что земля в Нахаловке представляла как бы трясиину. От нас шёл сыроватый полугнилой запах. Но застраивать район китайские власти разрешали. Вот в таком дворе мы оказались с папой в 1929 г.

Из жителей двора запомнилась семья Опрокидневых. Девочка Валя моего возраста. Помню, мы с ней бегали в ближайший кинотеатр "Атлантик" на Саманной улице, где детские билеты стоили по 10 копеек в первые ряды – партер, а в задние ряды стоил вдвое дороже. Странно, но из тех детских лет запомнились и названия "немых" картин и имена любимых артистов: Дуглас Фербанке, Мэри Пикфорд, Алиса Терри, Рудольф Валентино, Иван Мозжухин, Ольга Че-
253

хова (эмигрантка, оказавшаяся за границей после революции) и другие. Потом Вало Опрокидневу постигла участь большинства русской эмиграции. Она прошла через 10 лет ГУЛАГа. Была, как и почти все остальные, досрочно освобождена "за отсутствием состава преступления". Вышла замуж за земляка, тоже отсидевшего своё, Владимира Сергеевича Васинского – харбинского журналиста и работника харбинского радио. Жили они в Новосибирске, мы с покойной женой бывали у них в гостях несколько раз. Владимир Сергеевич завещал мне свой ценный литературный архив, материалы которого использовались потом мной в лекционной работе, в журналистике и в частной переписке. В газете "НСМ" была моя статья об этом архиве (см. №130).

Но вернёмся к "Атлантику". О посещении "Атлантика" запомнилось ещё, что между сеансами были выступления балетных пар. Запомнились Москалёва и Суворин, Римш и Казанджи. А из кинофильмов "Земная жизнь Иисуса Христа" (чья продукция – не помню), но в одном кадре показали верх креста, как бы за стеной, который нёс Иисус Христос, и известен случай, когда одна из зрительниц упала в обморок. Всё это было!

Вернусь к своей судьбе. Лето заканчивалось. Мне нужно было поступать в 4-е, последнее, отделение 2-й городской школы. Тут случилось несчастье: папа заболел тяжёлой формой бронхита (последствия бегства через Амур зимой из Благовещенска в Сахалин, когда папе приходилось лежать в снегу на Амуре, прикрываясь белой простыней). Положение у меня оказалось отчаянным – жить одному, да ещё и учиться было невозможно. Перед тем как лечь в больницу, папа обратился за помощью к Ольге Григорьевне Борщ – это была близкая знакомая моей покойной мамы ещё по Сахалину. Муж у Ольги Григорьевны умер. Жила она с двумя дочерьми – Ниной и Лидой. Обе симпатичные и грациозные барышни. Старшая Нина – блондинка, младшая Лида – брюнетка. Обе они, обладая сценическими данными выступали в кабаре "Фантазия", которое в то время было на Пристани, на углу Новгородней и Полевой улиц. Работа была нелёгкой, ночной. Посетители были иностранцы и русские богачи. Иногда такие гости приглашали в антрактах балерин за столики, угощали их. Вот добрейшая Ольга Григорьевна и её дочери и пригласили меня пожить у них, пока папа в больнице. Квартира была двухкомнатная, плюс кухня с плитой, которая, как обычно, отапливалась дровами. Жила семья Борщ очень скромно, но денег на основное хватало. Именно в это время, в новогодние гадания 1929-1930 гг., за Ниной и Лидой ухаживали двое русских юношей: один – Володя Рыков, будущий чемпион Харбина по теннису, второй – студент Миша Смирнов.

Случилось со мной необычайное во время гадания. В зеркале в кольце я увидел себя года на три старше в белой форме (этот эпизод был описан мною в газете "Московская правда")... Священник, к которому я обратился после гадания, предупредил меня, что о будущем не нужно загадывать при помощи гадания – на всё воля Божия. Тут добавлю ещё немного о дворе, в котором жила семья Борщ на Торговой улице, номера дома не помню. Хорошо помню, что там во дворе была фабрика Заики по производству колбасы...

Перехожу далее к своей судьбе. Жить у чужих людей, учиться и как-то питаться было для меня уже невозможно. Оставалось бросить учение. У Ольги Григорьевны была знакомая ещё по Сахалину пожилая подруга – Надежда Митрофановна Холодович, сын которой Владимир, солидный деловой человек, имел связи с журналистами. Вот он и предложил мне пойти на работу в издательство киножурнала "Зигзаги", конечно, бросив учение. Выхода не было. Пришлось согласиться, тем более, что папа был ещё в больнице. Редактор журнала Александр Фаддеевич Любавин и его жена Ольга Леонидовна хорошо приняли меня, и я стал продавать журнал. Чета Любавиных жила вдвоём в гостинице на углу Мостовой и Участковой улиц на Пристани, в шикарном большом номере. Относились ко мне с сочувствием, даже ласково.

Стал я зарабатывать так, что днём мог питаться, а деликатный папа, имея случайные работы, ни разу не брал у меня денег. Так я попал в иной мир – шикарный, с огромными зеркалами во все стены в фойе, паркетным полом, баром, бильярдной, киосками и прочей обстановкой иной шикарной жизни, столь необычной для меня. Нужно сказать, что ходил я в форменном кителе тёмного цвета, на воротничке которого было золотом вышито "Зигзаги". Причёску носил уже с пробором. Все работники кинотеатра и входившие в него службы относились ко мне очень хорошо, даже сочувственно.

Но учиться я уже не мог и пропускал целый год. Удивительно, как со столь далёких лет запомнились не только обстановка, но и люди, ставшие милыми сердцу. Прежде всего, кассирша Варвара Александровна Макарова, дама средних лет, очень модная и красивая, которой я оказывал услуги. Она посылала меня в перерыв купить для дневного чая булочки, которые до сих пор не могу забыть. Они были очень маленькие, разной формы, очень сладкие и ароматные, а также шоколад "Каэ", который продавался в "Марсе" напротив "Модерна". Шоколад продавался не плитками, а на развес, кусками, весом по заказу. Причём рубился тут же на прилавке. Старшим билетёром в кинотеатре был Александр Дмитриевич Банников – высокий, стройный. Костюмы у всех были хорошо отглажены. Контроль в кинотеатре был двойной – у двери в зал ожидания и у двери в зал просмотра. Входов было несколько: слева в передние ряды, справа в партер, за фойе партера в бельэтаж, ложи и на галёрку. Самые дешёвые места были высоко под потолком. В бельэтаже были очень удобные стулья-кресла. Запомнились милые сердцу среди контролёров: Савва – молодой человек, стоявший у внешнего входа в фойе партера. Билетёры Николай Николаевич Нестеров и Василий Дмитриевич Бухаров, Илья Николаевич Дунаев. Вот так и стоит перед глазами его средних лет невысокая коренастая фигура почти всегда навытяжку. Потом он был начальником спортивного отдела в БРЭМе в Харбине. Как и коренастую фигуру пожилого билетёра на входе в лоджии и на галёрку Проsvиркина (имя-отчество забыл).

Очень подружился с молодым симпатичным китайцем "Мишей", прекрасно говорившим по-русски и всегда называвшим меня ласковым именем. Помню, были и различные так называемые коммивояжёры, или агенты для поручений. Одеты они были всегда по форме в тёмно-синие костюмы. Осо-

бенно запомнился высокий стройный и курчавый Лысцов (имени-отчества не помню). Он был мужем будущей звезды харбинской оперетты Александры Ивановны Лысцовой. Главным заведующим всеми службами театра был Исаак Ильич Билецкий – полный, пожилой и с неуклюжей фигурой, но строгий – соблюдал везде нужный порядок. Запомнились ещё приятные мне люди Коля Мазин и Дима Шереметьев.

Киноленты были, конечно, "немые", и одни и те же фильмы шли одновременно в четырёх кинотеатрах: "Модерне", "Паласе", "Орианте" и "Гиганте". "Палас" напротив "Модерна", на Монгольской улице, был менее аристократичным и потому более дешёвым для посетителей. А два театра "Гигант" и "Ориант" были в Новом городе (другая часть Харбина). Причём одни и те же фильмы шли одновременно. По-моему, специальная машина перевозила части фильма к нужному времени из одного кинотеатра в другой. И это расписание работало точно. Был ещё кинотеатр "Арс" на Пекарной улице недалеко от "Модерна", но там шли кинофильмы по другой "линии", т.е. от другой кинокомпании. Все театры работали чётко.

Поскольку фильмы были "немые", надписи на экранах были на русском, английском и китайском языках. Украшением кинофильмов был замечательный оркестр. В "Модерне" он размещался в оркестровой яме. В газетной рекламе фильмов всегда говорилось: "оркестр под управлением М.М.Силецкого" – это была "фирма". Запомнил состав оркестра и расположение инструментов. Мирон Моисеевич, средних лет, стройный в светло-сером костюме – дирижёр оркестра и одновременно первая скрипка. Второй скрипкой был молодой талантливый Ёня Орлов с немного нескладной фигурой, но простой и приветливый. Ещё сидел на высоком стуле виолончелист Николай Дмитриевич Коцарев – классный музыкант русской дореволюционной школы. Наконец, крайним слева – контрабас Кантор, высокий и сутуловатый, тоже "артист на своём месте". Посмотрим вправо от Силецкого – пианист Абрам Субботовский. Его в шутку звали Абраш Воскресенский. Затем правее кларнет Виктор Коптевский, затем тромбон (фамилии не помню) и, наконец, барабанщик Пашевич – немолодой, но артист своего дела: мог изобразить и гул, и залпы, и паровоз, и машину. Всё это, удивительно, так и стоит перед глазами.

Харбинская публика любила бывать в кино. Обычно залы были переполнены. Любимцами кинозрителей в эти времена были киноактёры: Бастор Кипон – "человек с каменным лицом", Рамон Наварро, Алиса Терри, Рудольф Валентино, Иван Мозжухин, Ольга Чехова (эмигрантка), Чарли Чаплин, Иван Петрович (югослав), Бригитта Хельм, Марлен Дитрих, Грета Гарбо, Дуглас Фербанкс, Мэри Пикфорд, Морис Шевалье, Ширли Тэмпл, Джанет Гайнор, Джон Барримор, Пола Негри, Жозефина Беккер – знаменитая африканская танцовщица, выступавшая обнажённой, и даже собачка Рин-Тин-Тин.

В те времена между киносеансами выступали различные певцы, актёры, танцоры. Запомнились колоритные солидные фигуры старой русской школы – Марии Александровны Садовской, исполнявшей русские народные песни (тоска по родине) и Софьи Александровны Реджи с репертуаром "песни ули-

цы". Одеты они были скромно и по старинной моде. Две эти певицы были любимцами публики. Аплодисменты на их концертах не смолкали, а у некоторых зрителей-эмигрантов на глазах появились и слёзы тоски по Родине, потерянной России. Из других выступавших запомнился артист Витольд (старые и современные песни). Бури восторга и аплодисментов вызывали зажигательные кавказские пляски Илико Казбека и Берты Червонной. Всех выступавших через столько лет запомнить невозможно.

Тут необходимо сделать отступление: за годы до всего описанного на Китайской улице, угол Аптекарской, был небольшой кинотеатр "Декаданс". Там шли небольшие фильмы и ставились короткие пьесы-водевили. До сих пор в памяти остался водевиль "Чертёнок" на две роли – Он и Она. Весёлые частушки, танцы и пляски. Оба красивые, изящные. В этом же театре выступал замечательный куплетист-сатирик Лев Блюменталь. Как сейчас, вижу перед собой его выступления. Он выходил на сцену стремительной походкой в простом чёрном костюме и с цилиндром на голове, лицо немолодое, но хорошо одобренное гримом. Он, сняв цилиндр, исполнял частушки на тему дня. Успех был огромный. Как ни странно, так и осталась в памяти одна из его частушек. В то время женская половина населения чересчур увлекалась общественной работой в ущерб домашним делам. И вот через 70 лет у меня удержалось в памяти: *"Жена в собраньи / на заседаниях / Муж благородный / Как волк голодный"*. Но вернёмся к "Модерну". Между сеансами там были популярны песенки Вертинского и "того старого" Петра Лещенко. Песни Вертинского (он в это время был в Шанхае) с большим успехом исполнял А.З.Кармелинский, а потом и Андреев под псевдонимом Моложатов. Это был родственник моего хорошего знакомого Иннокентия Павловича Андреева, с сыном которого, Володей, мы потом учились в одном классе, в гимназии Достоевского. Ещё у него была дочь Татьяна, но она была ещё маленькой.

Андрей Моложатов задумал взять советское подданство и уехать в СССР – продолжать карьеру, но, как почти всегда бывало с экс-эмигрантами, так и сгинул где-то в недрах ГУЛАГа. В кинотеатре "Модерн" перед каждым сеансом исполнялись увертюры – чаще классические – оркестром под управлением М.М.Силецкого (отчего и билеты всегда были дороже, чем в других кинотеатрах). Очень красивой и оригинальной была "световая игра" на открытой сцене. По её бокам и в глубине роскошная драпировка постепенно меняла цвета, начиная с нежно-голубого и кончая ярко-красным. Причём, всю эту смену игры цветов проводил за кулисами тот самый Миша, о котором я упомянул выше. Зрители тепло и с восторгом воспринимали эту игру цветов и звуков. По окончании увертюры сразу опускался экран, и начиналась демонстрация самого фильма. В "Модерне" была своя электростанция, находившаяся в полуподвале в одном из отдалённых участков здания. Помню, как однажды киномеханик предложил мне поближе познакомиться с этой электростанцией и повёл меня туда. Шли мы по какому-то не очень широкому настилу, а когда я прикасался к механике, меня слегка било током. Такое развлечение не было приятным, и больше уже ходить вниз не хотелось.

В "Модерне" во всех залах и подсобках всегда был образцовый порядок. Экономкой всего огромного хозяйства была Любовь Львовна (фамилию не помню), одинокая нервная женщина лет под 50, с пронзительными чёрными глазами, острым взглядом. Дисциплину она держала крепко, и вся обслуга её боялась. Элегантно и просто одета, невысокого роста, малоразговорчивая – она была опорой хозяйства. И вот эта с виду непривлекательная дама однажды связала для меня тёплым голубой шарф к какому-то празднику. Подарила мне, и я очень долго вспоминал её – шарф был и тёплым, и прочным. Даже будучи учеником, а потом студентом, я очень долго носил этот шарф, вспоминая эту строгую на вид и добрую женщину. Ясно, что она жалела меня и хотела мне сделать что-то хорошее.

Осталось сказать о частых "файф-о-клоках", которые организовывались по воскресеньям в просторном фойе партера. Зал его был с до блеска натёртым полом, с потолка до пола завешен бархатными драпировками вишнёвого цвета. Начинаясь "файф-о-клок" в пять часов вечера и продолжался примерно до десяти. Я не знаю, кто и по какому признаку приглашался в гости, и сколько им это стоило, но обычно это были богатые русские и иностранцы. При этом дамы были одеты в строгие вечерние платья, а мужчины – во фраки или смокинги. Столики располагались по краям этого зала, а в середине оставалось место для танцев, конечно, иностранных: фокстрот, танго, медленный вальс. На столы подавались "сказочные угощения", закуски и сладости, которые готовили специальные повара и кондитеры-китайцы. Сама кухня и кондитерская были на верхних этажах. На столах в хрустальных вазах стояли букеты свежих, прекрасно подобранных садовых цветов. И до чего же искусными были эти повара и кондитеры.

Одну стену этого зала занимал неглубокий бассейн с фонтаном, с плавающими золотыми рыбками. Над бассейном была небольшая полукруглая площадка для джаза, который размещался иногда не только на сцене, а в углу самого зала. Обычно джаз был небольшой, играл без оглушения гостей. Инструменты были начищены до блеска. Мелодичные звуки звучали в меру громко, и не было какофонии. Мы, работники кинотеатра, подглядывали сквозь складки бархатных занавесей и любовались красотой, вдыхали аромат дорогих духов, который распространялся от танцующих в зале. Особенно популярными были в то время французские "Суар де Пари" ("Вечер Парижа"). Обычно веселье заканчивалось в одиннадцатом часу. Дамы и господа чинно расходились, и мне не помнится ни одного случая какого-либо происшествия, тем более скандала. Гости выпивали в меру, и всё было "так чинно и благородно". Картина этих "файф-о-клоков" запомнилась на всю жизнь.

Нужно дополнить, что день мой строился так: жили мы с папой, снимая где-то "угол" в квартире в Нахаловке, днём я шёл к А.Ф.Любавину, отчитывался за прошедший день, сдавал деньги, брал новый запас журналов "Зигзаги". Но, кроме журналов, продавал ещё брошюры "Песни Вертинского", ещё чьи-то, а также большие календари на год, имевшие вид толстых журналов с различными статьями и рекламой. Понятно, что от продаж всего этого мне причитался процент. Именно в это время я увлёкся работой в мастерской по

изготовлению больших бумажных реклам – киноплакатов на рамах. Мне довелось клеевыми красками вырисовывать буквы и окантовывать их кисточкой, так и разных плакатов, что клеивались на рамах в щиты. Получалось очень красиво, и меня хвалил мой руководитель Павел Черных. Никогда его не забуду. Однажды он прекрасно угостил меня в кафе Ощепкова, размещавшегося рядом с "Паласом" на Монгольской улице. Тут впервые, в кафе, я попробовал прекрасный кефир и пирожные. Кафе Ощепкова славилось своим меню и очень предупредительным обслуживанием клиентов. Официантами были красивые молодые девушки, у всех была форма. Кроме Павла Черных, помню ещё второго художника Володю Попова. Ещё позже появился художник Николай Григорьевич Мызников, по странному совпадению в это время бежал тайно из СССР Асерьянц – брат известного в Харбине Наголена, майор красноармеец. Он тоже подвизался подмастерьем плакатной мастерской. Конечную судьбу всех означенных лиц не знаю, так как моя дальнейшая судьба изменилась резко. Об этом тоже вкратце нужно сказать.

Еще один штрих моей работы в "Модерне". Примерно в 1921 г. там появился владелец этого здания – ювелир И.А.Каспе, кажется, французский подданный. Запомнилась сухощавая фигура стройного человека, который по вечерам частенько гулял один медленным шагом по залу кинотеатра, заложив руку за борт (о его трагедии вспоминать не буду – в Харбине был убит его взрослый сын, наследник огромных богатств). У Каспе, кроме комплекса кинотеатра и шикарного отеля, ещё был ювелирный магазин в этом же здании.

Остался ещё один штрих моей "кинобиографии". Поскольку я работал хорошо, А.Ф.Любавин был мной доволен. Как только на Пекарной улице, на Пристани же, открылся первый "говорящий" кинотеатр "Капитол" (бывший "Арс"), я был туда переведён. С грустью расставался с "Модерном", который так любил. Запомнился в "Капитоле" старший билетёр Всеволод Владимирович Транковский и его жена Лидия Владимировна, такая же статная и красивая, тоже работала билетёром. Ещё запомнился билетёр Николай Михайлович Рейн, с уже стареющей невысокой, стройной и выдержанной, с хорошей выправкой, фигурой. Он тоже стоял на контроле. До сих пор помню двух красивых и симпатичных барышень Лиану и Ольгу. Обе были контролёрами уже при входе в зрительный зал. Запомнилась из "Капитола" красивая особа, в форме шоколадницы – она носила на лотке много разных сортов шоколада и продавала их зрителям. Особенно раскупался у неё "Nestle".

Гордостью для меня было то, что администрация часто доверяла мне показ русских надписей. Поскольку в "Капитоле" шли только иностранные фильмы на английском языке, а большинство зрителей были русскими, нужно было давать перевод английской речи русскими надписями. Адскую работу проделал харбинец (бывший сахалец), фамилия, кажется, Вертопрахов. Он коптил стёкла определённого одинакового размера до нужной черноты, а потом по ним специальным пером выцарапывал русский перевод шедших с экрана речей. Сбоку от большого экрана стоял маленький экран, диапроектор, и этот оператор по ходу фильма вовремя в специальную форму вставлял

очередное стекло, а затем менял на другое. Так русскоязычное население понимало смысл содержания фильма. Так вот, мне была доверена та же работа на том диапроекторе, но не в основном фильме, а в картинке-"картонаже" в дополнение перед началом основного фильма (минут на 8-10). Я с гордостью в эти минуты восседал перед прибором в оркестровой яме и никогда не ошибался в смене стекла. Этой нагрузкой я очень гордился.

Однажды мне пришлось быть даже участником спектакля иллюзиониста. Приехал в Харбин со своей труппой и реквизитом англичанин м-р Левант. В его арсенале были фокусы-сценки. И вот в какой-то роли я несколько раз предстал перед публикой, обычно перед зрительным залом. Фокус заключался в следующем. М-р Левант, высокий и стройный, выходил на сцену в больших перчатках. Перед ним ставили столик, и он обращался к публике через переводчика: "Уважаемые леди, дайте мне временно своё кольцо. Я использую его и верну вам".

Обычно народ колебался, но всё же кто-то подходил к сцене и давал своё кольцо, чаще всего золотое обручальное. М-р Левант брал кольцо и пробовал зарядить им пистолет, что лежал на столике и имел длинное дуло. Фокусник пытался через дуло втиснуть кольцо внутрь. Так как отверстие дула было маленькое, Левант брал молоток и, к ужасу владельца, сплющивал кольцо – тогда оно заходило в дуло. После этого, глядя за кулисы, говорил: "У меня есть мальчик, который не боится выстрелов". Я выходил на сцену, пройдя в другой конец, и Левант командовал мне: "Закрой глаза, ничего не бойся, открой рот", что я и делал. Раздавался выстрел, даже появлялся дым из дула. После чего мне снова была команда Леванта: "Теперь, мальчик, иди через зал к выходной двери. Там висит коробочка, и принеси её мне". Это я выполнял. Затем Левант на сцене на столике снимал с коробки цветную ленточку, открывал коробку, и там лежало целое кольцо, через которое была продета веточка живой розы. После этого Левант приглашал на сцену владелицу кольца, целовал ей ручку и вручал кольцо с розой под громкие аплодисменты.

Гастроли Леванта в Харбине длились примерно неделю. Затем он со своим реквизитом и помощниками ехал дальше по городам Маньчжурии и Китая. За три участия в этом номере я получил от Леванта три рубля, а в то время это были немалые деньги.

Так и шла моя жизнь среди "богема", а папа перебивался случайными работами, и опять нам пришлось жить по "углам". Примерно в 1932 г., наконец-то, папу как опытного юриста взял на работу владелец страховой фирмы Владимир Александрович Пинаев и назначил его в качестве своего представителя на станцию Имяньпо. После устройства папа должен был и меня выписать к себе, и я смог бы дальше учиться в Имяньпо, где были русские школы. Не забуду никогда, как я провожал папу. Он стоял в тамбуре вагона, я – на перроне. Когда поезд начал двигаться, папа, как бы прощаясь со мной, заплакал. Больше я его не видел.

Оставшись один, я продолжал работать в "Капитоле". Помню, что прошло несколько дней, и ко мне в "Капитол" приходит врач Ольга Петровна Палим-

псестова – старая знакомая моей мамы, ещё по России, и говорит: "Мы получили от папы письмо из Имяньпо. Завтра же приходи к нам. Будешь жить у нас и учиться, работу бросай, а потом уедешь к папе". Ольга Петровна велела мне по просьбе папы бросать работу и переехать к ним. А потом уже от них уехала в Имяньпо, когда папа устроится получше. И стал я жить у Ольги Петровны Палимпсестовой в Саманном городке.

С ней жила её родственница Елена Павловна Полумордвинова с сыном Ильёй Николаевичем. Вот я был принят в их семью на правах родного человека. О, ужас! В декабре 1932 г. Ольга Петровна получает письмо от Пинаева, что папа мой умер от заболевания сердца и лёгких. Сказался побег зимой через Амур примерно в 1919-1920 гг. Тогда-то он и был простужен ночью при лежании на снегу. А мы с мамой остались в Алексеевске в своём доме и бежали позже в Сахалян же, где до этого образовалась целая группа беженцев. Одним из первых беглецов был Чернышёв. У него и останавливались последующие беглецы, остановились и мы с мамой.

Ольга Петровна с Еленой Павловной приняли меня как родного. Так началась моя новая своя жизнь. При этом запомнилась фраза Ольги Петровны: "Вот так и поплывём вместе". Меня отдали в школу РСО в Корпусном городке, где я проучился год, а потом устроили меня в гимназию им. Достоевского...

В школе РСО директором был Константин Николаевич Звягинцев. Он же преподавал русский язык, законоучителем – о. Александр Кочергин, английский преподавала Нина Алексеевна Звягинцева, у них была дочь Наташа (уехала в Шанхай), математиком был Вячеслав Виссарионович Капутовский. Он был парализован, у него не сгибались колени, ходил, держась за стенку. Пение преподавал Приклонский, историю – Пётр Алексеевич Матросов. Ольга Петровна и Елена Павловна восхищались им, он был ижевцем. Боткинские и ижевские рабочие организовали отряды против советской власти. Но это было уже далёкое будущее: гимназия и институт, стажировка в Японии и работа в БРЭМе, и 10 лет ГУЛАГа, где я чудом остался жив. На этом можно поставить точку, так как трудные годы и мученья в советском лагере подробно описаны в прессе несколько раз. В заключение нужно отметить, что и после формальной реабилитации какое-то время было настороженное, мягко говоря, отношение к репрессированным. Отношение к реабилитированным смягчилось особенно после прихода к власти Б.Н.Ельцина.

Философски осмысливая пройденный нелёгкий путь жизни, всё равно благодарный взор обращается к нашему заграничному воспитанию, к нашим архипастырям, педагогам, воспитателям, что были за границей, как изгнанники Родины. Со школьной скамьи запали идеи "Коперника духа" – Ф.М.Достоевского. В "Записках из мёртвого дома" он учил, что в каждом человеке, как бы низко он ни пал, теплится искра Божия. Вот такие искорки удавалось узреть в душах и преступников, и новых пополнений, в основном из-за границы. Как писал мудрые слова Иммануил Кант, которые мы знали со школьной скамьи: "Есть две вещи, которые приводят меня в содрогание – звёздное небо над головой и нравственный долг в душе человека".

Эпилог.

Александр Тимофеев, инженер из Красноярска, покойные родители, бабушки и бабушки которого были моими друзьями с детства в Харбине, прислал мне часть официального документа, полученного из Читы. В книге, автор С.А.Насибулин, "Чита историческая. Сборник научных статей. Чита, 2007" в подборке "Почётные граждане Читы в 1851-1917 г. " под номером 24 указывается: "Пасынков Николай Алексеевич, личный почётный гражданин".

Это мой папа. Там же жила и работала моя мама – Александра Алексеевна Пасынкова (в девичестве Филиппова), иркутянка, была начальницей женской гимназии. Никаких документов о родителях у меня не осталось. Сейчас официальным путём я пытаюсь установить точное место работы моих покойных родителей в Чите.

В приведённом мною очерке упомянуты некоторые фамилии и имена, не имеющие прямого отношения к теме о "Модерне". Но сведения об указанных лицах могут быть интересны харбинцам или их потомкам, которые могли их знать" [НСМ №152, 2009, 4].

№ 45

*** Пуляевская Зинаида Александровна. Такие были времена.**

"В начале этого 2008 г. я случайно узнаю страшную истину из жизни своих родителей. А ведь о них мне так мало известно... О папиной жизни я узнала из его автобиографии, которую нашла в архиве нашего рудоуправления, и мне любезно разрешили снять копию. Она написана в сентябре 1947 г., когда нас, репатриантов из Шанхая, привезли сюда, в посёлок Дегтярка. Спустя год мы с папой переехали в Ревду, и его в декабре 1948 г. арестовали как "врага народа" и увезли в Сибирь, в Озёрлаг, что в Иркутской области. После освобождения он возвращается в г. Дегтярск, в июле 1956 г. Возвращается большим инвалидом и умирает в феврале 1960 г.

Волею судьбы я тоже переежаю в Дегтярск в 1973 г. и работаю в проектно-отделе рудоуправления, случайно нахожу папину биографию и изучаю её. В детстве мы не интересовались жизнью наших родителей, тем более, что жизнь нас разлучала на долгие годы. И не у кого было спросить... О маме же я совсем мало знаю. Звали её Ольга Яковлевна Шардакова, была она дочерью Якова Фёдоровича Шардакова, купца первой гильдии. Отца мамы убили большевики. И свою маму (мою бабушку) она совсем не помнит, так как ей в то время было только пять лет. Моя мама умерла от туберкулёза в январе 1943 г. в 38-летнем возрасте, когда мне было всего 9 лет. Вот и все мои познания.

Из семейных фотографий осталось немного – при аресте всё забрали. Сохранились две любопытные фотографии: на одной мама с дочкой Лидой, 1926 г. – значит, было первое замужество... На другой – Лида с Н. Кислицыной у могилки. Предполагаю, что это могилка отца Лиды. Но ни имя, ни отчество, ни фамилия его мне не известны. Но вот однажды мне попадает в нашем семейном архиве мамино венчальное свидетельство. Из него узнаю: Он – муж, Герасим Михайлович Березин, 40 лет; она – Ольга Яковлевна Шардакова, 20 лет. Февраль 1924

г., Маньчжурия. У Лиды узнаю отчество и фамилию. Делаю запрос в газету "На сопках Маньчжурии", но никто не откликнулся. Видимо, много времени ушло...

...И вот совсем недавно, в феврале 2008 г. случайно узнаю страшную истину о жизни моей мамы. Из "Книги памяти" по Хабаровскому краю (привожу дословно): "Березин Герасим Михайлович, 1885 г.р. урож. с. Чёрное Озеро Вятской губ., русский, лицо без гражданства, торговец, проживал: Маньчжурия. Арестован 25.02.1930 г. ПП ОГПУ ДВК по ст. 58-4 УК РСФСР. Заседанием Судебной коллегии при ПП ОГПУ ДВК от 6.05.1930 г. приговорён к ВМН. Расстрелян 8.05.1930 г. в г. Хабаровске. По заключению прокуратуры Хабаровского края от 21.06.1989 г. реабилитирован по Указу ПВС СССР от 16.01.1989 г. Дело П-94636".

Передо мной было только два тома. Каждая страничка поделена на две колонки, где каждому обвиняемому отводилось всего по 7-8 строчек! Сколько всего томов? Не менее трёх. Какая вопиющая мясорубка творилась в 1930 г. в одном только Хабаровске! Сколько невинных людей тогда погибло! Сколько горя и страданий! И кто в ответе?!

Теперь возвращаюсь к моей маме. Она остаётся с дочкой возраста 4-5 лет. Без каких-либо средств к существованию. Кто был рядом и помог ей в эти тяжёлые дни? И ещё в конце 1930 г. убивают её отца, купца первой гильдии. Уж воистину тяжелейшее испытание и горе выпали на её долю.

...Перечитываю папину биографию (из личного дела рудоуправления). Привожу фрагмент из неё: "Находясь на ст. Маньчжурия-Пограничная в мае 1930 г., я был уволен, арестован по подозрению в "работе с сов. агентами", привезён в Харбин, содержался в арестном доме Главного Полицейского Управления три месяца; притом никто ко мне не допускался. 3 сентября 1930 г. мне было объявлено, что я предназначаюсь к высылке на р. 86-й версты (ст. Отпор). В сопроводительном листе я видел отметку "как прибывший в 1930 г. из Владивостока в Особый Район Восточных Провинций без установленной визы". 3-го сентября по прибытии на ст. Маньчжурия, я был освобождён из-под стражи г. Куй (нач. КПП), который меня лично знал по ст. Пограничная. Через г. Куй я получил визу на выезд в Шанхай...".

Таким образом папа миновал расстрела, участи Г.М.Березина и др. Добрый ангел-хранитель в лице китайца, г-на Куй, спас жизнь моего отца! Вечная ему память и благодарность за его доброе дело! Иначе ведь данные о моём папе тогда можно было бы найти в той самой "Книге памяти" по Хабаровскому краю. И меня бы вообще не было на свете!..

Мама моя встречается в Маньчжурии и выходит за него замуж в начале 1931 г., а в мае приезжает к нему в Шанхай. На кого она оставила Лиду? Почему не смогла её взять? Я не имею права осуждать маму – такие, видимо, были времена. Кто такая Н.Кислицина? Сплошные вопросы, но спросить уже не у кого... В своей утренней молитве прибавила "За упокой" имя Герасим. Светлая память моим страдальцам-родителям! Дорогие! Сколько вам пришлось претерпеть горя и страданий в своей жизни. Такие вот страшные страницы нашей российской истории, творившиеся в двадцатом веке!

Очень грустные строчки, но всё это, к сожалению, было..." [НСМ №147, 2008, 11].

№ 46

Светлой памяти дорогого друга-земляка **Сергея Серёдкина**,
скончавшегося в Кишинёве 10 мая 2008 г.

*** Пасынков Иннокентий. Жизнь, отданная людям.**

"Итак, Харбин тридцатых годов прошлого века. При газете "Наш путь" организована "Страничка юных друзей", руководил которой Игорь Алексеевич Матковский. Мальчики и девочки, учащиеся средних классов харбинских русских школ, регулярно собирались в разных помещениях (чаще в залах русских школ), обменивались впечатлениями о книгах, кинофильмах, читали даже свои стихи, рассказы, организовывали вечера, ёлки, даже печатали свои газеты на гектографе, издавали и листы-газеты. Руководитель И.А. Матковский рассказывал о культуре и истории России, пробуждая в юных душах любовь и гордость за свою родину.

Среди участников "Странички юных друзей" выделялся не по годам серьёзный красивый чернявый мальчик Серёжа Серёдкин. Вот тут мы с ним и подружились, и, как потом выяснилось, на всю жизнь. Уже в это время Серёжа писал свои детские стихи, рассказы, выступал с предложениями, как лучше организовать работу "Странички". Уже в такие ранние годы Серёжа проявлял свою детскую принципиальность и бескомпромиссность в суждениях: *"Живу я, как дикий цветок полевой, / Не знаю я жизни России святой"...*

Или такой эпизод. Один "юный друг" избрал себе псевдоним "Тарзан", так и подписывал свои рассказы в "Страничке" (в это время в Харбине шли фильмы о Тарзане, дети взахлёб читали книгу "Тарзан за обезьян"). Серёжа пристыдил автора за такую подпись: дескать, негоже нам брать иностранные слова, когда так богат русский язык своими героями. Это подействовало на автора, и он сменил псевдоним на русское слово.

Тут нужно сделать отступление и вспомнить также других участников "Странички юных друзей", тем более, что многих давно нет в живых. Вспоминаю Женю Андреева, активного участника "Странички". Это был сын зубного врача. Но случилась трагедия – он умер вскоре после окончания гимназии БРЭМ (учились вместе) от тяжёлой пневмонии; Шуру Курсакова (известного в Харбине планериста-инструктора – он тоже пережил "академию Сталина-Берии"). Мне удалось с ним увидеться в Иркутске в восьмидесятых годах прошлого века. Он был тяжело болен туберкулёзом, там же и умер. Вспоминается Галя Недзвецкая, моя соученица по гимназии, медалистка, хорошо писала рассказы. Андрей Махов был "литературно активен". Он – пасынок известного в Харбине домовладельца Ф.И.Слинкина, уехал в 1936 г. в США, где блестяще окончил университет в Атланте, штат Джорджия, по специальности авиаконструктор, с ним я был в переписке до начала войны между Японией и США. Вспоминается ещё по "Страничке" очаровательная голубоглазая Ася Мелентьева – о её судьбе ничего не знаю.

Особая память с тех времён осталась о поэте и пианисте Викторе Шубенко: его стихи уже тогда были зрелыми, часто печатались в "Страничке" под псевдонимом "Вики". Он был старше нас, впоследствии окончил Ориентальный институт, получил звание учёного сиолога. Это был остроумный весёлый человек, с ним никогда не было скучно. Женился он на моей соученице Наде Люхай (трагически погибла в Омске много лет тому назад). О ней тоже осталась тёплая, а от меня и благодарная память: она во время поездки из Омска в Харбин разыскала могилу моей мамы на харбинском православном кладбище, вместе с нашей землячкой Наглюк (забыл её имя-отчество) сфотографировалась у моей родной могилы и прислала мне карточки. Как известно, Успенское кладбище впоследствии было разрушено хунвейбинами, и от православных могил ничего не осталось. Благодарную память о Наде Люхай-Шубенко до сих пор храню в сердце – такое не забывается. Что касается Виктора Шубенко, то он умер в Омске несколько лет тому назад, как и его с Надей сын (был научным работником по медицине). Такие вот судьбы...

Вспоминается ещё как участник "Странички" Виктор Зимин, сын владельца аптеки в Модягоу и мой соученик по гимназии. Он тоже уехал в США ещё до начала войны, но о его судьбе ничего установить не удалось. Конечно, здесь перечислены не все участники "Странички юных друзей" при газете "Наш путь", только те, что сохранились в памяти. И всё же на нашем "фоне" Серёжа Серёдкин отличался какой-то особой цельностью детской натуры, прямоотой и бескомпромиссностью в своих убеждениях, был для нас примером. Вот с тех далёких времён и идёт наша дружба с Серёжей Серёдкиным. Я часто общался с ним в Харбине, знал его родителей, разделили мы с ним и горькую участь сталинских лагерей, но были мы в разных местах.

Тут уместно кое-что сказать и о родителях Серёжи. Отец его, уроженец Забайкалья, артиллерист Забайкальского казачьего войска, был участником Первой мировой войны, дважды кавалер ордена Св. Георгия Победоносца, мать – уроженка Иркутской области, как и моя покойная мама. Родители Серёжи давно умерли, но сына своего воспитали в высоких религиозно-нравственных началах. Серёжа окончил в Харбине Первую Правительственную гимназию, где директором был широко известный в Харбине Павел Иванович Грибановский (тоже прошёл через гулаговскую мясорубку, потом жил в Уфе с женой, которая приехала из Харбина, и давно умер в Уфе от рака).

После окончания Правительственной гимназии Серёжа два года работал скрипачом в японском молодёжном оркестре, а в 1937 г. был принят через ряд конкурсных экзаменов во вновь учреждённый государственный университет "Кэнкоку Дайгаку" ("Университет государственного строительства") в тогдашней столице Маньчжуджо – Синьцзине (нынешний Чанчунь). Из русских туда было принято пять человек, отбор был строгий. Всего на каждом курсе (их было восемь) обучалось 150 студентов (китайцев, японцев, монголов, корейцев, формозцев-тайваньцев и русских). Кроме основных дисциплин, в университете большое внимание уделялось физическому и духовному воспитанию – борьбе дзюдо, айкидо, кэндо (фехтование), конному спорту,

планеризму и др. Серёжа успешно окончил экономический факультет. Вся шестилетняя программа шла на японском языке, но преподавались также (по желанию) английский, немецкий, французский и русский.

Обучаясь в университете, Серёжа вёл и патриотическую работу – именно как россиянин: объединил всех русских студентов, отмечая в узком кругу наши исторические и религиозные праздники. А с коллегами-японцами, проживавшими затем в Японии, у него много лет после окончания университета сохранились тёплые отношения с перепиской на японском языке. Он получал из Японии много знаков внимания, включая даже материальную помощь. Обучаясь в Кэнкоку Дайгаку, Сергей был на отличном счету и потому при распределении по рабочим местам по окончании обучения, он был оставлен на два года при университете в качестве преподавателя японского языка для русских студентов следующих наборов, а также в качестве помощника воспитателя при студенческом пансионате. По совместительству работал в японском педагогическом институте в качестве преподавателя русского языка для студентов. Всё перечисленное выше говорит о том, на каком высоком уровне Сергей обучался и какой авторитет приобрёл среди руководителей университета.

*** С началом войны между Японией и СССР в 1945 г. Сергею удалось вывезти из Синьцзиня в Харбин всех тогдашних русских студентов (что было непростым делом) и даже доставить их по домашним адресам в Харбине. С приходом Красной Армии в Маньчжурию Сергей работал некоторое время на КЧЖД, а затем был переводчиком японского языка при одном из армейских подразделений. Несмотря на это, в ноябре 1945 г. он был неожиданно арестован, вывезен на территорию СССР вместе с другими "задержанными" эмигрантами и препровождён без суда и следствия в гулаговские недра. Аналогичная участь постигла и некоторых других "временных" переводчиков японского языка при красноармейских частях.

Сергей попал с этапом земляков в Севураллаг (Свердловская область), где, не будучи осуждённым, как и многочисленные другие эмигранты, работал на лесоповале в уральской тайге. Что это было такое – можно понять, только побывав на такой работе. Лесоповал вёлся вручную, без электропил, погодные условия во внимание не принимались, питание было на уровне годового пайка. И всё это – при издевательском отношении администрации и надзирателей.

Спустя два года, после работы в нечеловеческих условиях (сколько за это время поумирало народа или заболело тяжёлыми недугами, особенно дистрофией!), в лагеря стали приезжать комиссии КГБ, которые и стали разбирать дела "временно задержанных", заставляли "задержанных" подписывать бумажки-извещения, что такой-то имя рек считается уже "арестованным". Для процедуры следствия и ареста часть арестованных увозили в города и областные центры, а для другой части комедию следствия проводили на местах, в лагерях, т.е. "без отрыва от производства".

Далее, через какое-то время, приходили приговоры Особого совещания, которые и объявлялись заключённым так называемой спецчастью лагеря.

Большинству инкриминировался шпионаж с назначением лишения свободы от 10 до 25 лет. Таким образом, никакого суда не было, защищать себя, хотя бы формально, не было возможности, а статья 58-я (политическая) отражалась и впоследствии, после освобождения, на тех, кто доживал до того времени. Вот эта самая 58-я статья и была поставлена в вину всем "маньчжурцам", в том числе и Серёже Серёдкину.

В 1954 г., в связи с хрущёвской оттепелью, в лагеря вновь понаехали комиссии КГБ, которые в спешном порядке стали пересматривать дела политзаключённых, в том числе, конечно, и бывших "маньчжурцев" и "досрочно" освобождать их. Причём процедуры собеседований проводились чисто формально, в течение нескольких минут, хотя перед председателем таких комиссий лежали толстые дела с нашими "страшными документами". Так, после кратких собеседований, абсолютное большинство земляков было "досрочно освобождено" со снятием судимости, с правом в дальнейшем возбуждать ходатайство о предоставлении советского гражданства. Известно, однако, случаи, когда некоторые наши земляки этого делать не захотели и так и умерли бесподанными. Ну, а далее абсолютное большинство "досрочно освобождённых" было реабилитировано "за отсутствием состава преступлений" (именно такая формулировка была в справке о реабилитации). Но для этого бывший заключённый должен был подать заявление на имя председателя Верховного суда СССР.

Хочется затронуть ещё одну нелёгкую проблему из нашего тяжёлого прошлого в советских ИТЛ ("истребительно-трудовых лагерях", как с грустной иронией говорили наши заключённые). Эти лагеря явились той лакмусовой бумажкой, которая проявила – кто есть кто и что есть что. Именно за колючей проволокой, высоченным забором и полосой смерти ("запретка"), выяснялась истинная суть человека – как его высочайшая подлость, так и величайшее благородство.

К чести "маньчжурской прослойки" советских лагерей абсолютное большинство земляков проявили себя с наилучшей стороны – именно как земляки: чувствовалась прежняя общность взглядов, взаимная духовная, а иногда и материальная поддержка в тяжелейшие годы голода, холода, непосильной работы. Такая поддержка помогала "маньчжурцам" переживать унижения, голод, вести себя с достоинством в самых тяжёлых условиях.

Увы, были и обратные примеры. Особенно трудно было людям физически слабым (в лагерях на первом месте стояла физическая сила, а среди маньчжурцев было много интеллигенции, которая не занималась ранее тяжёлым физическим трудом). Известная часть наших земляков быстро сориентировалась в лагерной специфике, усвоила новую для нас советскую терминологию. Такие ловкачи стали бригадирами, нарядчиками, иными "льготниками" в лагерных понятиях. Они сразу постигли старую лагерную философию – "подохни ты сегодня, а я завтра". Они стали неплохо, по лагерным понятиям, жить за счёт земляков. Но кое-кого из них постигло и возмездие. Мне известны два случая, когда маньчжурцы в конце концов отомстили своим мучите-

лям: один бригадир-маньчжурец был зарублен, а другого лишили жизни за то, что он стал воровать пайки хлеба у себе подобных. Пайка хлеба была основным питанием для несчастных лагерников и была неприкосновенна в любых случаях. Ведь чекисты с первых же дней так ориентировали привезённых из-за границы эмигрантов: "Только тяжёлым физическим трудом вы можете искупить свою вину перед родиной (какую вину? перед какой родиной? – И.П.). Но мы не будем вас принуждать к работе, - добавляли они, - вы сами за лишний кусочек хлеба будете отдавать свои силы в работе".

Увы, всё это оправдалось на практике, хотя никакие повышенные нормы хлеба, баланды, каши не компенсировали расхода энергии при тяжёлом физическом труде, и многие погибали или от истощения, или смертельных травм, или при попытках к побегу – не все могли выдержать издевательства и голод в лагерных условиях.

Как пример смерти от крайнего истощения-дистрофии могу указать на двух известных в Харбине спортсменов – Анатолия Карбовского и Павла Шилиева – старшего брата известного боксёра, "чуда-мальчика из Харбина" Андрея Шилиева, которые в первые же годы лагерной жизни умерли от дистрофии на Урале ("Востокураллаг").

Как же в этих условиях проявил себя Серёжа Серёдкин? Вот что писал мне ныне покойный земляк Павел Зеньков (бывший служащий Чурина в Харбине), проживавший в Краснодаре и, конечно, реабилитированный после "отсидки": "Сергея я знал ещё по Харбину, а в лагере на Северном Урале мы были вместе. Он помогал мне питанием, так как, кроме основной работы, организовал в лагере оркестр, за что имел дополнительное питание. А ведь это было очень трудно: после тяжёлой физической работы днём, ещё по вечерам заниматься оркестром...".

*** Сергей был реабилитирован через 17 лет после досрочного освобождения, и далее его судьба сложилась так. С одним земляком-приятелем он попал в Кемерово, но устроиться в течение почти трёх месяцев никуда не мог, так как на руках у него была только справка об освобождении – паспорта же не было. С таким документом на работу старались не принимать (как же – "бывшие враги народа"...). С трудом, в конце концов, ему удалось устроиться во Дворец культуры энергетиков и организовать там два оркестра художественной самодельности (Сергей играл на скрипке, мандолине, балалайке, гитаре, баяне) – это были струнный и эстрадный оркестры. Вскоре получил советский паспорт, женился и с женой-молдаванкой уехал в Кишинёв, где и жил до конца своей жизни.

У абсолютного большинства наших земляков-маньчжурцев, которые не сломались, пройдя через сталинско-бериевскую мясорубку, после выхода на волю началась вторая жизнь, почти у всех содержательная, даже духовно богатая, а для некоторых и материально неплохая. Сергей нашёл себя во всех своих призваниях – лингвистика-японоведение, музыка, филателия, по поводу которой Сергей так изложил свои мысли: "Если с толком коллекционировать марки, то они несут в себе ценную познавательную информацию по ис-

кусству, истории, космосу, фауне, флоре и пр.", и во всех указанных направлениях Сергей очень преуспел.

Выйдя в 1990 г. на пенсию (и перейдя в молдавское гражданство – как выразился сам Сергей, "чтобы не быть белой вороной"), он продолжал заниматься прежней деятельностью. Сюда входила организация оркестров народных инструментов и музыкальных кружков, а также выставок по филателии (в основном для детей и подростков). Он проводил интенсивное общение с Японией (переписка на японском языке, телефонные переговоры, факсы), причём не раз японцы приезжали к нему в Кишинёв – это были в основном его соученики-студенты по "Кенкоку Дайгаку". Имел он и широкое общение с китайцами, хотя бы в том смысле, что не раз передавал свои воспоминания в китайское посольство в Кишинёве – это было про жизнь в Маньчжурии, особенно в Харбине. Кроме того, Сергей занимался литературной работой – написал ряд очерков и рассказов из серии "Китайские эскизы". Эти очерки также публиковались в газете "Вечерний Кишинёв". За время работы в столице Молдавии Сергей имел около 50 наград и почётных грамот. Вот выписка от 1985 г. из его характеристики, выданной научно-производственным объединением "Виерул", где он руководил оркестром: "К работе относится добросовестно, в быту скромн, трудолюбив, дисциплинирован, исполнительн, очень чуткий и внимательный к своим воспитанникам, отдаёт много времени индивидуальной подготовке каждого кружковца (имеется в виду оркестра русских народных инструментов. – И.П.), пользуется авторитетом в коллективе. На смотрах и конкурсах художественной самодеятельности города его оркестр не раз занимал призовые места ... С.А.Серёдкин очень инициативен, ведёт большую разнообразную работу среди детей и молодёжи. На общественных началах организовал клуб любителей классической музыки "У зелёной лампы", которой руководил в течение 10 лет. Организовал ряд клубных художественных выставок репродукций шедевров зарубежной, русской и советской живописи. На общественных началах с 1968 г. организовал клуб юных филателистов (100-150 человек). С успехом принимал участие в городских филателистических выставках и конкурсах. За патриотическую тематику, за хорошую работу по внешкольному воспитанию юного поколения Клуб и его руководитель награждались почётными грамотами Кишинёвского горкома Комсомола, ГорОНО, многими почётными грамотами Всесоюзного общества филателистов, а по итогам Всесоюзного смотра Клуба юных филателистов 1982 г. КЮФ НПО "Виерул" награждён почётной грамотой Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации (Москва). За многолетнюю плодотворную работу по эстетическому и патриотическому воспитанию детей и молодёжи Серёдкин С.А. награждён многими почётными грамотами и премиями. За активное участие во Всесоюзном смотре самодеятельности художественного творчества, посвящённого 40-летию Победы, в 1985 г. Серёдкин С.А. был награждён дипломом Большого театра СССР и Всесоюзного оргкомитета (Москва). Характеристика подписана председателем профкома НПО "Виерул" В.Санчук. Остаётся добавить, что в марте 1988 г. по случаю

30-летия оркестра С.А.Серёдкин награждён почётной грамотой НПО "Виерул" и настольными хрустальными часами, а также дипломом Союза композиторов СССР (Москва) "за эстетическое воспитание юного поколения и за пропаганду отечественной музыкальной классики".

Вот такая титаническая работа проделана нашим земляком, которого не сломали ни страшные годы сталинских репрессий, ни тяжелейшая травма в 1968 г., оставившая след на всю жизнь. Об этой травме придётся сказать особо, ибо вся последующая жизнь нашего земляка, и даже исход его жизни, имели отношение к этому страшному событию.

Сейчас я не помню, на какой станции это произошло, но Сергей, выйдя из вагона поезда на остановке для покупки газет, запоздал в вагон, и когда поезд уже двинулся, вскочил на ступеньку, но сорвался и попал под колесо. Результат – травматическая ампутация ноги (кажется, правой). На очень высоком уровне (почти под пах), естественно, травматический шок и срочная доставка в больницу – об этом Сергей мне подробно рассказывал. В этой больнице ему пришлось провести много времени, а матери, которая приехала ранее в Кишинёв и жила с сыном, он отправил телеграмму, что задерживается в гостях. Не один месяц потребовался бедняге, чтобы зажила страшная рана и чтобы был изготовлен протез на ногу. Такой протез очень тяжёлый и крепится сложно, но это несчастье Сергей преодолел с достоинством и постепенно довольно хорошо стал ходить, только не быстро, но чувствовалось, что в фигуре что-то не то. Но и это страшное испытание не сломало дух Сергея, он постепенно привык к протезу, продолжал заниматься общественной работой, о чём подробно сказано выше.

Я дважды приезжал из Иркутской области в гости к Сергею, провёл много приятных с ним дней. Встретился и с его мамой, с которой был знаком по Харбину, как и с его отцом, ранее умершим в Харбине. Истинное величие духа Сергея проявилось, ещё раз подчеркну, и в том, что такое несчастье не сломало его, и, как сказано выше, он продолжал свою напряжённую работу по разным направлениям. Тут уместно вспомнить слова мудрого Конфуция: "Истинная доблесть не в том, чтобы никогда не падать, но чтобы подниматься всякий раз, когда падаешь".

*** Личная жизнь у Сергея не сложилась. Как было сказано, он из Кемерово (вскоре после освобождения) приехал в Кишинёв с женой Людмилой (или там жила её семья – точно не помню). Но вскоре они расстались. Отношения между ними сохранились, но только по работе (Людмила тоже была культработником).

После страшной травмы ноги Сергей через какое-то время официально женился на Анне Фёдоровне (в своих письмах ко мне он называл её Аней). Эта интересная и моложавая женщина имела сыновей от первого брака, но с мужем развелась. Вот она, видимо, и проявила инициативу. Состоялась свадьба – Сергей присылал мне фотокарточки. За давностью лет не помню, почему их брак был кратковременным, но, кажется, сыграли роль её непутёвые сыновья от первого брака, что-то было связано и с квартирой. Они рас-

стались в 1996 г., а через два года Аня умерла, причём от неясной причины (то ли сама отравилась, то ли кем-то была отравлена – так писал Сергей). Но даже после развода и ухода от него жены, Сергей продолжал её материально поддерживать не один год. Это характеризует его как человека глубоко нравственного, доброго, благородного, но всё же удивительно: он заботился о многих, а о нём же практически никто.

Сергей ещё сообщил мне в одном из писем, что ему удалось найти своих дальних родственников, которые жили в СССР, за границей не были, но отношение ни с кем из них не заладились, ни с кем из них он не увиделся, кроме как с дядей, который жил в Ленинграде. В 1967 г. Сергей съездил к нему, встретился с ним и его сыном Василием, но писать он в дальнейшем Сергею не стал. Тут, конечно, имело значение тогдашнее положение в СССР: все, у кого за границей когда-то жили родственники, вызывали подозрение у властей, и частенько такая родня не желала продолжать связь с "заграничниками".

Сама переписка с Сергеем была у меня очень интересной, причём всегда проявлялась его удивительная душевность, деликатность, желание всем всегда помогать. Даже за небольшие услуги он старался чем-то отблагодарить. Мне переписка с другом детства и юности давала очень много – для души особенно. Не даром у Сергея в Кишинёве было много друзей, а его активная общественная деятельность вызывала к нему уважение и широкое признание властей. Тем непонятнее оказалась его конечная судьба.

Дело в том, что в 2004 г. Серёжа перестал отвечать на мои письма и напоминания. К делу подключился его коллега по "Кенкоку Дайгаку", Борис Корнилов, живший тогда в Калужской области (ему как-то удалось избежать "объятий чекистов"), который тоже не получал ответов от Сергея. Оставалось написать официальный запрос администрации Кишинёва, что я и сделал, причём трижды, ввиду неполных ответов на мои основные вопросы. Эти ответы приходили на официальных бланках за подписью ответственных руководителей. Последний ответ более чем годовой давности гласил, в частности: "Сергей Алексеевич жив и в настоящее время проживает по прежнему адресу (известному мне и ранее. – И.П.). Он обрадовался Вашему письму и передавал Вам свои самые наилучшие и сердечные пожелания, но писать ему ответ сложно. К сожалению, сейчас он проживает совершенно один, без какого-либо должного ухода, из квартиры не выходит, телефон, свет и другие коммунальные услуги отключены за неуплату. Выживать ему в этих сложных условиях помогают соседи. Сейчас они занимаются подготовкой документов для оформления Сергея Алексеевича в дом престарелых. Сообщаем Вам телефон соседки, которая оказывает посильную помощь и занимается документами Сергея Алексеевича – Сильвия Ивановна". Подписано это письмо зам. начальника Главного Управления Кадров МВД Андреем Подгурским.

Как же так? Человек, сделавший столько для города Кишинёва, особенно для детей и молодёжи, имеющий тяжелейшую травму ноги, – и оказался в такой изоляции, что даже отключён телефон, свет и другие коммунальные услуги за

271

неуплату! А занимается заботой об инвалиде первой группы... соседка. Что за бездушие, мягко говоря, и чёрная неблагодарность?

Тут приходится сказать о Сильвии Ивановне Двид. Я от неё имел несколько писем. И эта посторонняя, но такая добрая женщина-соседка делала для Сергея всё, что могла. Она описала ужасное положение инвалида, который лежал в темноте и мёртвой тишине столько времени. Как писала Сильвия Ивановна, он не может толком пользоваться протезом, теряет его при попытке пройти в туалет, и вообще не может без посторонней помощи вставать и передвигаться. Какую-то пищу для Сергея готовила Сильвия Ивановна. Потом, по её письму, появились два молодых человека, которых направили из управления города, готовили еду и кормили его.

И вот ... Наконец, 14 мая мне звонок из Кишинёва от дочери Сильвии Ивановны, что "умер Сергей Алексеевич, и сегодня его похороны".

Впоследствии Сильвия Ивановна сообщила мне в письме подробности. "... Не стало вашего дорогого друга и нашего соседа Сергея Алексеевича Серёдкина. Случилось это 10 мая – по-видимому, ночью. Когда 11 мая пришёл Славик (один из приставленных молодых людей. – И.П.), то С.А. был мёртв. (В этой квартире он жил один, никто с ним не ночевал. – И.П.). Накануне этого дня, т.е. 9 мая, Славик вызвал скорую помощь, С.А. было неважно, но в больницу его не забрали, а сделали укол и уехали. С.А. уже не поднимался с постели, мёрз, ничего не ел. Этот Славик кормил, покупал пищу на свои деньги, дай Бог ему здоровья. Сейчас заявился брат его бывших соседей (у Сергея была 4-комнатная квартира, 2 комнаты он сдавал молодой семье, которая вскоре распалась, и комнаты оказались на замке. – И.П.). И этот брат занялся организацией похорон. Похоронил он Сергея Алексеевича как положено. Отпевали его в кладбищенской церкви. Похороны состоялись 14 мая, т.к. не могли найти паспорт С.А., и пришлось бегать по инстанциям. Царство Небесное Сергею Алексеевичу. Был хороший, интеллигентный, воспитанный человек". Так заканчивает письмо добрая соседка Сильвия Ивановна, которая оказывала другу посильную помощь в самое тяжёлое для него время.

Присоединяясь к этим словам, добавлю: "Вечная память и вечный покой моему близкому другу-земляку, много страдавшему и много сделавшему для своих близких". Если кто-то из друзей-знакомых Серёжи захочет что-то ещё узнать, то сообщаю адрес этой доброй женщины, что не оставила моего друга в беде ... Горько и трудно писать о том, в каком состоянии и в каких условиях скончался в Кишинёве мой друг детства Сергей Серёдкин, вся жизнь которого была отдана служению людям, несмотря на постигавшие его несчастья. Пусть эти воспоминания будут символическим венком на место последнего упокоения Серёжи Серёдкина. *Пасынков И.Н.*" [НСМ №147, 2008, 11].

№ 47

* **"Филатов Г.М.** Судьба (Воспоминание). "Я, Георгий Михайлович Филатов, родился в Хайларе в 1920 г. Учился и работал в Хайларе и Харбине, в последнее время работал в Хайларской муниципальной радиостанции, дик-

тором радиовещания для русского населения. Мой дедушка М.М.Филатов, а потом и мой отец служили на КВЖД. В 1902 г. дедушка получил командировку в Китай, да так и остался там навсегда.

10 августа 1945 г. Красная Армия вошла в Хайлар. В этот же день меня арестовали органы СМЕРШа. К ноябрю 1945-го задержанных оказалось много. Повезли людей из Трёхречья и из близлежащих деревень, а также железнодорожных станций. Погрузили нас в холодные теплушки, прицепили к нашему эшелону ещё несколько вагонов, прибывших из Харбина. До Четы нас везли пять суток. Больше стояли, чем двигались. Нас держали, пропуская вперёд обгоняющие эшелоны, гружённые военными трофеями (заготовленными японским командованием для Квантунской армии). Давил холод и теснота в вагоне. Угнетали безразличие и злоба конвоя. Ни разу за пять суток не кормили и не предложили воды узникам. Суда не было. Решала Тройка. Срок – 10 лет. Крайний Север, Коми АССР. Угольные шахты. Несколько месяцев ночь, потом день. После 8 часов вечера все бараки закрывались на замок. Предварительно туда вносились деревянная бадья, параша. В каждом бараке по сто душ. Четырёхместные "кровати" (топчан) – двое внизу, двое наверху. Реабилитировали 5 февраля 1955 г. досрочно. Выдали справку "За отсутствием состава преступления". За три месяца до освобождения меня и других привезли в Мордовскую АССР, на станцию Потьма, где разместился международный Красный Крест. И здесь нас уже ожидали продовольственные посылки каждому от МКК. Началось буквальное откармливание. Мы же еле ходили. Примерно через месяц у меня уже появилась фигуристость, вообще стало, наконец, как было когда-то дома. Закончились кошмары. Ещё раз родился человек. Очень жаль, но многие остались там, в чёрной бездне. Слабые, измученные, мечтали о доме. Так хотели жить. Хоть и знали, что у Сталина чудес не бывало. Помню их. Всем мученикам – Царство Небесное. Аминь. *Филатов Г.М., г. Омск*" [НСМ №121, 2005, 10].

№ 48

"Шапиро Мария Лазаревна (1900?-1962?) – юрист, журналист. 1900 (?). – Родилась в семье адвоката в Иркутске. Учёба в гимназии. Окончание юридического факультета в Харбине. Преподавание на юридическом факультете в Харбине. 1925. – Сотрудничество в русской эмигрантской прессе. Занятия научно-исследовательской работой в области истории русского права. 1930-е гг. – Работа над книгой "Брак и семья в дохристианской Руси". Поэтическое творчество. 1940, апрель – 1943, ноябрь. – Служба в научном юридическом комбинате при Высшем Суде. Увольнение в связи с проверкой медкомиссии. Частные уроки. Устройство на работу в газету А.В.Савицкого. 1945, 29 января. – Вызов в редакцию. Арест в кабинете редактора. Доставка в здание бывшего японского жандармского управления. Следователи: младший лейтенант Усатюк, майор Денисов, капитан Петухов. Помещение в камеру. Состав заключённых. Допросы. Обвинение по статье 58-4 УК РСФСР. Следствие на основе публикаций в харбинской прессе 20-х – 30-х годов. 1945, 16 августа. – Оккупация Харбина советскими войсками. 1945, 22 декабря. – Взятие сокамерниц на этап. 1946, 4 января. –

Суд. Приговор: 10 лет ИТЛ (ст. 58-10, ч. 1). 1946–1957. – Этап в Мордовию. Отбывание срока в Дубровлагге. Освобождение. Ожидание в лагере места в Zubово-Полянском инвалидном доме. Перевод в инвалидный дом. 1957, 7 мая. – Начало работы над воспоминаниями в Zubово-Полянском инвалидном доме. 1962 (?). – Скончалась в Zubово-Полянском инвалидном доме (Мордовия)".

*** А.А.Хисамутдинов. Воспоминание о женском концлагере.**

"Журналистка Мария Лазаревна Шапиро родилась в Иркутске 27 октября 1900 г. Начала работать в благовещенской газете "Харбинская пресса", когда ей ещё не было 17-ти лет. В Харбине окончила экстерном гимназию Генерозовой в 1919 г. После окончания юридического отделения Юридического факультета в 1924 г. в Харбине она была оставлена на кафедре гражданского права и вела практические занятия по римскому праву с 1928 по 1936 г. Начиная с 1925 г., сотрудничала в газетах "Харбинское время", "Русское слово", "Заря", "Гунбао", "Русский голос", "Голос эмигрантов". Как действительный член Общества ориенталистов М.Л.Шапиро издала свою книгу "Семейный строй в Японии" (Харбин, 1925).

Всё своё свободное время она отдавала журналистике. Будучи от Бога репортёром, она публиковала статьи во всех харбинских изданиях. Злободневные материалы Марии Шапиро стали причиной многих её бед. Она была арестована 29 ноября 1945 г. в редакции газеты "Харбинское время", а её дело вёл следователь СМЕРШа младший лейтенант Устук. Он предъявил М.Л.Шапиро, как она вспоминала позднее: "Два номера первой газеты "Русский голос", где я начала работать в 1925 г., с моей первой статьёй "Юристы и эхо", печатавшейся в двух номерах, и, помнится, ещё несколько очень старых моих статей, он спросил меня, я ли писала эти статьи. "Смешно было бы отрицать, конечно, я", – был мой ответ. Не говоря уже о том, что я подписывала все свои статьи моим сокращённым именем "Мария Ш.", я бы вообще, если бы и писала под псевдонимом, не стала бы отрекаться о них. Далее он меня спрашивал о моей биографии, есть ли и где у меня родные и т.д.

По отбытии 10-летнего заключения, большую часть которого провела в Спасском лагере, М.Л.Шапиро жила в инвалидном доме и писала свои мемуары. Законченная рукопись составила 1700 страниц. Отрывки из неё были опубликованы под названием "Женский концлагерь. Судьба эмигрантки" в "Новом журнале" (Нью-Йорк). Мария Лазаревна Шапиро скончалась 9 октября 1971 года.

Вот ещё выдержка из её воспоминаний. "С приходом 16 августа 1945 г. советских войск в Харбин в результате недельной войны с Японией, последовавшей за этим капитуляцией Японии и прекращением существования государства Маньчжоуго, эмигрантские газеты закрылись. Закрылся и "Голос эмигрантов", и журнал "Луч Азии", в которых я работала. Город остался совсем без газет. Почти все редакторы и журналисты были арестованы. Оставались, за исключением меня и ещё немногих, лишь те, которые за последние годы не занимались журналистикой, а где-нибудь служили. Военные бесплатно раздавали советские газеты на бульваре, их можно было прочесть в

витринах магазинов, например, у Чурина, но они, естественно, приходили с запозданием на несколько дней, а свежих местных газет не было, и в них чувствовался большой недостаток.

Во время войны настроение приблизительно 80 процентов дальневосточной эмиграции сильно изменилось. Нашествие Гитлера на СССР, тяжёлые дни первого периода войны, блокада Ленинграда, бои под Сталинградом – всё это всколыхнуло русские сердца. Воевала Россия – пусть отделинная от нас другим мировоззрением, – но это была наша Родина, любимая, по которой мы тосковали столько лет в изгнании, землю которой теперь попирали враг. Многие из нас забыли старую боль и старые обиды и всей душой сочувствовали победе Родины" [НСМ №138, 2007, 10].

* Шапиро М.Л. Харбин, 1945 // Память: Ист. сб. – Нью-Йорк, 1978. – Вып. 1. – С. 3-92.

№ 49

Посвящается моему деду **Ивану Давыдовичу Шевченко**

* **Георгий Гайдук. Тройка.**

"Место действия – район Иркутска. Время действия – апрель 1946 года. Большой деревянный дом или барак. Заключённых – человек сто. Все стоят. Места мало. Впереди – обитая железом дверь. Периодически, каждые двадцать минут, реже – полчаса, оттуда, из-за этой двери, выходит (а иногда выскакивает) человек (заключённый) и громко говорит: "Пять лет". Чаще – семь лет. Иногда – десять, реже – пятнадцать. Вот выскочил очередной молодой парень и весело крикнул: "Семь!".

"Ну, дела, – подумал Иван, – парнишке по возрасту лет 18... Ну, что он сделал? Ну, стащил два ведра угля на станции и – семь лет. Круто? Ну, а я? Уголь я не воровал, пшеницу не крал, никого не убивал... Разве что за границу удрал в Харбин? Ну, и что из этого? Неужели "червонец" дадут? Не должны. Может, оправдают, может по ошибке посадили. Ведь всякое бывает, сам фронтовиком три года в окопах в Первую мировую был. Всякое повидал... Может, всё-таки ошиблись?" Так он стоял и думал о своём, пока не выкрикнули его фамилию: "Шевченко!".

Медленно, с дрожью в коленках зашёл Иван за эту железную дверь. Большая комната квадратов двадцать, три стола, сдвинутые вместе, ощущение – как будто бы один стол. За ним сидят три офицера. В середине – худой стройный майор, чёрный, смуглый. "Цыган", – подумал дед. По возрасту лет 35-40. С левой стороны – полный капитан. Во время процесса он часто выходил – мучился, видимо, животом. По правую сторону от председателя сидел молоденький лейтенант, с петличками артиллериста. Новая форма и погоны напомнили Ивану его командира взвода разведки – поручика Честнова. Тот всегда ходил опрятным, чистым и элегантным. Со всеми вместе он ползком передвигался по немецким траншеям в поисках "языка".

– Садитесь, гражданин Шевченко, – это прервал его размышления смуглый майор. Стул стоял посередине комнаты. Вернее, не стул, а крепкая табу-

ретка, на которую Иван с удовольствием уселся – ведь он отстоял на ногах уже около двух часов, ожидая своей очереди.

– Ну, рассказывайте, гражданин Шевченко, как вы дошли до такой жизни, – отчеканил майор.

Иван не понял, о какой такой жизни говорит председатель. Да, это был председатель знаменитой "тройки". Строгий и справедливый председатель. Поэтому, как говорил майор, Иван, по еле уловимому его акценту, смекнул, что он тоже с Украины. "Может быть, даже земляк, – подумал Иван, – как всё странно".

– Ну, рассказывайте, – ещё раз повторил председатель, несколько раздражаясь.

– С чего начать? – спросил Иван.

– С войны, гражданин Шевченко, как и с кем воевали?

Несколько волнуясь и временами переходя на украинский язык, Иван рассказал о том, что на фронте был с 1914 по июль 1917 года, когда под Нарвой был ранен в ногу и плечо и направлен в госпиталь на Дальний Восток. Сначала во Владивосток, затем в Никольск-Уссурийск. И больше он ни с кем не воевал. Ни с белыми, ни с красными. Занимался в основном торговлей мясом. Имел несколько магазинов во Владивостоке и Никольск-Уссурийске.

– До какого чина дослужились в Первую мировую войну, – оборвал его повествование председатель.

– До старшего унтер-офицера полковой разведки, – он хотел добавить "господин майор", но вовремя вспомнил, что здесь все – товарищи и граждане, но как же всё-таки обращаться к майору, он не знал, и, чтобы не злить его лишней раз, промолчал.

– Что же прапорщика-то не дали?

– Да образование у меня было четыре класса церковно-приходской школы села Борисовка Полтавской губернии, – ответил дед.

– Так, так! Ну, а что в Китае, в Харбине делали? Японцам помогали?

Майор начал горячиться, покраснел. И Иван, чтобы не сердить начальника, начал тихо рассказывать, что никаким японцам он не помогал. Просто он был скотопромышленником, торговал скотом, лошадьми, крупным рогатым скотом, имел лавку по торговле мясом на базаре в Харбине.

– Вы мне лапшу на уши не вешайте, гражданин Шевченко, – оборвал его майор в очередной раз. – Вот у меня есть сведения, что вы помогли японцам, что вы были председателем союза предпринимателей по своему району! Ну-ка, расскажите об этом!

И дед тихо, в очередной раз стал говорить о том, что эта должность была скорее общественная, для защиты интересов предпринимателей перед властью тех же японцев и китайцев. И вообще эта должность каждый год переизбирается предпринимателями. И что на неё могут выбрать любого. Что на этой должности никто больше года не засиживается.

– Так, так, – оживляясь, сказал майор. – Ну и скажите, гражданин Шевченко, сколько под вашим руководством было предпринимателей и какой они были национальности?

Дед спокойно и тихо рассказал, что их было около пятидесяти человек, а по национальности это были китайцы, японцы, русские, немцы, англичане, евреи, французы, арабы...

– Вот-вот! – оживился майор, – видишь, как выходит! Скольким буржуазным странам ты помогал... и Японии, и Китаю, и Германии, и Англии, и Франции... Просто обалдеешь с тобой! А ты говоришь, что ничего не сделал! И как! Я даже не знаю, какую статью к тебе применить! Все подходят. Статья 58-4 – это помощь мировой буржуазии в осуществлении враждебной деятельности. Но ты же ещё изменник родины! Ты её оставил в трудную минуту и *слинял* в Харбин. А это – статья 59-1а УК РСФСР. Вот такие пироги! Выбери! Что больше нравится?!

И он захохотал. Дед замолчал, притих. Дело принимало скверный оборот. В это время вернулся толстый капитан.

– Вы что? До сих пор обсуждаете? Ну, дела! Там же ещё народу куча! Где подписать? – это напирал на председателя толстый капитан.

И майор решил: статья 58-1а УК РСФСР – измена родине. Семь лет лишения свободы.

– Знаешь, почему я написал её тебе? А писать меньше! Видишь, Пётр Иванович у нас животом мается? Обожрался, понимаешь, гороховой каши!

– С вами всё, гражданин Шевченко! Искупите свою вину перед родиной.

Это был приговор "тройки"... Знаменитой "тройки".

Железная дверь открылась и закрылась..." [НСМ №113, 2004, 10].

№ 50

Посвящается всем харбинцам, прошедшим застенки ГУЛАГа.

"... Мне жалко этих мальчиков, мальчиков"

(из песни А.Вертинского)

* Гайдук Георгий Георгиевич. Нары (Быль)

На страницах "НСМ" уже писалось об этом. Но мне хочется рассказать о близких мне людях, попавших безвинно в мясорубку сталинского ГУЛАГа. Из нашей семьи все мужчины прошли "академию" лагерей – и мой отец (Георгий Леонтьевич Гайдук), и дед (Иван Давыдович Шевченко), и мой дядя по матери (Николай Иванович Шевченко), и мой дядя по отцу (Виктор Леонтьевич Гайдук). Все они уже ушли из этой жизни, но мы, живые, должны всё и всех помнить. Мне жалко их искалеченные жизни, потому и пишу.

Говорят, что 25 августа 1945 г. был прекрасный день в Харбине. В Ямато-отель, что возле Собора, был приглашён весь цвет Харбина – предприниматели, врачи, артисты, многие железнодорожники. Был приглашён также и мой дед, Иван Давыдович Шевченко, предприниматель по мясному делу. Генерал Белобородов решил дать победный банкет в честь окончания войны с Японией. Артисты прекрасно выступили. Пламенную речь произнёс генерал Белобородов о прекрасных русских людях, которые оказали поддержку Красной армии. Действительно, за несколько дней до прихода в Харбин её основных сил (а это случилось 20 августа, кстати в день моего рождения)

несколько сотен молодых харбинцев разоружали японские посты на железной дороге, мостах, складах и коммуникациях города и всё это держали в своих руках. Непосредственным участником этих событий был и мой дядя Николай Иванович Шевченко, охваченный, как и большинство харбинцев, патриотическим порывом.

После банкета их всех в смокингах и во фраках, подгоняя прикладами, быстренько препроводили в разного рода подвалы и тюрьмы. В последующие дни аресты продолжались постоянно. Конечно же, советская агентура предварительно собирала информацию об этих людях. Моя бедная покойная мама лично в лицо знала таких информаторов, которые после прихода Красной армии стали щеголять по Харбину в капитанских погонах. Правда, одно из них, бывшего офицера Асано, всё же потом посадили...

В конце концов, были собраны железнодорожные товарные вагоны в составы. В одном из них оказался и наш Иван Давыдович со своим знакомым приятелем Корневым, известным конезаводчиком, который доставлял лошадей во все концы Китая и за его пределы. Был здесь и Иван Михайлович Шитухин, предприниматель и торговец, владелец нескольких магазинов обуви, одежды, мехов и прочего.

Нары... Недаром в народе говорят, что "от тюрьмы и от сумы не зарекайся". А тут на наших приятелей обрушилось и то, и другое разом.

В это время племянник нашего героя, Григорий Григорьевич Шевченко, работал в Обществе советских граждан при советском Генконсульстве. Случайно, а может, и не случайно, он узнал, что сегодня узников повезут в Союз. Выяснил Григорий Григорьевич и номер вагона, в котором поедет его дядя. Заехав домой к тётке, моей бабушке, Анне Семёновне Шевченко, и взяв тулуп Ивана Давыдовича, они вместе поехали на станцию. Там творилось что-то невообразимое. Толпа людей в несколько тысяч человек осаждала состав, охраняемый молодыми автоматчиками. Их цепь стояла густо, через 1-2 метра один от другого. Стоял шум и крик. Каждый искал своих. Женщин было больше. Некоторые, найдя своих, прорывались через солдат и что-то успевали передать арестантам – продукты, одежду, сигареты... Прорвавшихся бесцеремонно, прикладами, выдворяли обратно. Двери "телячьих" вагонов были открыты не полностью, приблизительно на метр. "Шире открыть бояться", – подумал Григорий, – арестанты могут и разбежаться. Из вагонов выглядывали осунувшиеся немые лица арестованных (некоторые из них уже сидели недели по три).

Женщины, которым не удавалось прорваться через оцепление, бросали узелки с продуктами и одеждой арестантам. Те ловили их и передавали по назначению. Некоторые вещи до вагонов не долетали (расстояние между цепью автоматчиков и вагонами было 5-7 метров). По просьбе толпы некоторые солдаты поднимали с земли и передавали вещи в вагоны. Но многие кричали: "Разойдись... не положено...". Некоторым женщинам становилось плохо. Их тут же отхаживали, давали воды, успокаивали, обмахивали платками, приводили в чувство. Сколько на их долю придётся ещё испытаний. Многие из них уже не увидят своих ни живыми, ни мёртвыми. Судьба просто раскидает их...

Тем временем Григорий Григорьевич, найдя нужный вагон, дал автоматчику пачку американских сигарет, попросив передать тулуп Ивану Давыдовичу, которого не было в проёме вагона. Автоматчик-сержант просьбу выполнил, и тулуп через десятки рук, действительно, дошёл до нашего деда (около двух месяцев трое приятелей спали на нём, правда, его потом отобрали – он был слишком хорош для арестанта). Последнее, что увидел Григорий – отвратительную сцену: солдат сильно ударил женщину, которой удалось пролезть под вагоном и передать свой свёрток. Она была счастлива, но по лицу её текла кровь.

Издали раздавался колокольный звон... "В какой же это церкви, – думал Григорий Григорьевич, – наверное, в Иверской". Храм прощался со своими прихожанами. Видимо, настоятель знал об отправке...

Затем в Иркутске был суд-"тройка", и троица наших друзей получила срок – каждому по восемь лет, статью 58-ю, но с разными подпунктами: один оказался "provokatorom", другой – "японским шпионом", а третий "помогал мировой буржуазии"... Затем приятелей отправили в тайшетский отряд Гулага. Лагерь ... Это целая жизнь, если надолго, но это всегда – дом, где работают, спят, едят и умирают тысячи людей. Большею частью это – *доходяги* (лагерный термин), а проще говоря – ходячие скелеты.

"Вот, возьмёшь лопату, наберёшь в неё землю, поднимешь – и вместе с ней падаешь. Она очень тяжёлой кажется, эта проклятая лопата с землёй", – так говорил старый приятель моего дяди Михаил Макарович Сорокоумов. И вот, через три месяца два харбинца из трёх стали такими *доходягами*. "Повезло Ивану, – говорил Шитухин, – попал на кормовое место". А кормовым местом была санчасть, куда попал мой дед, благодаря своим навыкам в обращении с ранеными на фронте Первой мировой и некоторым познанием ветеринарии. Он мог быстро вылечить лошадь, корову, свинью, а при необходимости заколоть любое животное.

Так или иначе, приятели и здесь были вместе. Иван лежал с Корневым, а оба Шитухиных были через проход подальше. Санчасть, действительно, была "кормовым" местом. Во-первых, потому что там наемного лучше кормили, и, кроме того, потому что там люди умирали, а пайки-то некоторое время у них оставались (прямо, как у Гоголя в "Мёртвых душах"). И этими пайками можно было подкормить живых. Кроме того, в медсанчасти был рыбий жир, который скармливали безнадёжным доходягам. Всё это понемногу перепало нашему санитару, который тихонько передавал такое богатство своим товарищам.

Часто ночью, лёжа на нарах, друзья не спали, а тихо-тихо разговаривали. Беседовали обо всём, но чаще – о Харбине. Обычно начинал Корнев. "Ваня, а помнишь, какие у меня были лошади?" Потом была пауза. "Молчи, дурак! Сейчас у нас с тобой ничего нет, даже трусов... Давай, о чём-нибудь другом". "Давай, спи", – так заканчивался этот разговор шёпотом, и нары затихали.

Вот как-то так и затих его друг Корнев, он умер тихо, во сне. Видимо, опять снились ему его лошади, красивые лошади, много лошадей разных пород – и английских, и арабских, и орловских, и других... разных... А Шитухину и Шев-

ченко снился шумный Харбин, знакомые улицы, их магазины с покупателями, товарами, которые приносили хорошую прибыль ... Да. Прекрасные сны. На завтра утром – опять работа, опять нары... И так каждый день...

Только в 1953-54 гг. их освободили от конвоя... И потом ещё несколько лет им будет сниться и лагерь, и конвой, и это грозное "Шаг влево... шаг вправо... считается побегом... стреляю без предупреждения!" Всё ушло, как страшный сон. В их лагере были люди, которые прошли немецкие лагеря и говорили, что немецкие – рай по сравнению с нашим ГУЛАГом.

Поклонимся же низко им, прекрасным и сильным людям, через всё прошедшим, живым и мёртвым... *Георгий Гайдук* [НСМ №130, 2006, 10].

№ 51

● **"Янковский Валерий Юрьевич** (р.1911) – писатель. 1911, 26 мая. – Родился во Владивостоке. Отец – Юрий Михайлович Янковский, помещик-коннозаводчик. Мать – Маргарита Михайловна, урождённая Шевелева. ? – Учёба в гимназии. 1922. – Эмиграция семьи в г. Сейсин (Корея). Постройка семейного имения "Новина". 1936. – Смерть матери. ? – Женитьба. 1944. – Переезд с женой Ирмой в Маньчжурию. Организация семейного фермерского хозяйства. 1945, август. – Начало войны между СССР и Японией. Вступление частей Советской Армии в Маньчжурию. Добровольная явка в штаб 25-й армии. Работа военным переводчиком в частях действующей армии. 1946, январь. – Ожидание рождения сына. Арест. Заключение в тюрьму. Болезнь. Помещение в тюремную больницу. Известие об аресте брата Юрия – военного переводчика. Допросы. 1946, октябрь. – Окончание следствия. Ознакомление с приговором: 6 лет ИТЛ "за оказание помощи международной буржуазии". Подача прошения о пересмотре дела. 1947, январь. – Очная ставка с арестованным отцом. Ознакомление с новым приговором: 10 лет ИТЛ. Этап в товарном вагоне во Владивосток. 1947, февраль. – Прибытие во Владивосток. Направление в пересыльный лагерь "Шестой километр" на Первой речке. Работа грузчиком. Подготовка побега. Донос стукача. 1947, май. – Отправка в зону усиленного режима (ЗУР). Встреча с заключённым отцом. Перевод в отдельный лагерный пункт (ОЛП) в посёлке Таврический. Побег в составе группы заключённых. Арест. Доставка в Уссурийскую следственную тюрьму. Допросы. Следователь капитан Шевченко. 1947, август. – Суд. Приговор военного трибунала: 25 лет ИТЛ. Подача кассационной жалобы. Отправка этапом в Хабаровск. 1947, октябрь. – Перевод в лагерь Ванино. Работа на кухне, затем гробовщиком. Болезнь. Помощь доктора Беляковского. Прибытие новой партии заключённых – бывших советских военнопленных. 1948, 16 июля. – Отправка в трюме парохода "Степан Разин" на Чукотку. 1948, сентябрь. – Прибытие в ОЛП в Певеке (лагерь Чаун-Чукотского Горнопромышленного управления Дальстроя). Условия содержания заключённых. Работа на руднике, в шахте. Встреча земляков-маньчжурцев. Дружба с Петром Ксенофоновичем Квасовым. Голод. Цинга. Дистрофия. 1949. – Ознакомление с постановлением Верховного суда об изменении меры наказания за побег: не 25 лет, а 3 года. Разрешение на работу в лагере бесконвойным. Работа табельщиком, на кухне, эко-

номистом, репетитором по английскому языку сына начальника участка, бригадиром. 1952, 13 августа. – Освобождение. Встреча в поселке Певек с друзьями – бывшими заключёнными. Предписание администрации Дальстроя о проживании "до особого распоряжения" на отдалённом прииске "Южный" на Чукотке. Работа помощником горного мастера. Учёба на курсах горных мастеров. Смерть Петра Квасова. Направление запросов в управление ГУЛАГа о судьбе родных. Столкновение с уголовниками. Получение премий и грамот за ударную работу. Занесение в "Книгу почёта" прииска. Получение сведений о родственниках. Начало переписки. 1955, май. – Переезд в Магадан. Встреча с лагерными друзьями. Знакомство и дружба с "корейской колонией". Получение сведений об отъезде в 1951 жены и сына Сережи в Канаду, эмиграции сестёр в Чили, брата Арсения – в Японию. Знакомство и брак с Ириной Казимировной Пиотровской – бывшей политической заключённой (первый срок 1941–1947 гг. отбывала на строительстве железной дороги под Сталинградом, арестована осенью 1948 г. по ст. ст. 58-10, 17, 58-8, 11). Работа лесничим Магаданского лесничества. Работа жены Ирины корректором в областной типографии. 1956, апрель. – Реабилитация жены И.К.Янковской-Пиотровской. Получение квартиры при лесничестве. Приезд после освобождения из лагеря сестры Татьяны. 1956 (?). – Реабилитация В.Ю.Янковского. Выдача "чистого" паспорта и денежной компенсации. 1959. – Рождение сына Арсения. 1962. – Поездка в отпуск в Москву. Встреча с братом Юрием. Переписка с братом Арсением и первой женой Ирмой. 1968. – Переезд в связи с болезнью сына в г. Владимир. Многократные отказы в выдаче визы для поездки к родственникам в США и Канаду. 1986. – Обращение к М.С. Горбачёву с просьбой разрешить временный выезд за границу для встречи с родственниками. Получение загранпаспорта. Поездка в США и Канаду. Встреча с первой женой, сыном Сергеем, родными и друзьями. Возвращение в СССР. Литературная работа. Член Приморского филиала географического общества России. Автор книг и публикаций".

* Янковский В.Ю. Долгое возвращение: Автобиографическая повесть. – Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1991. – 160 с.

№ 52

* Ж.Долгополова. **Mara Moustafine**. Secrets and Spies: The Harbin Files. A Vintage Book Published by Random House, Australia Pty Ltd, 468 pp.

"Книга "Дело харбинцев: секреты и тайны" рассказывает о четырёх поколениях харбинской семьи. Очень личная по замыслу, книга выросла в хорошо документированную повесть о политике трёх стран. Мара Мустафина, автор и действующее лицо книги, родилась в Китае у еврейско-татаро-русских родителей, тоже родившихся в Китае. С детства она живёт в Австралии, закончила факультет международных отношений, много лет находилась на дипломатической службе в странах южной Азии, а в настоящее время является генеральным директором австралийского отделения Амнести Интернэшнл.

Она ездила в Москву, Ригу, Нижний Новгород, Хабаровск, Владивосток, Харбин, чтобы почувствовать время и место своих героев и узнать о них

правду. Она изучила тысячи страниц их дел, выбрала из их показаний не нужные следователям, но важные для истины сведения, нашла им подтверждения-опровержения-объяснения. Она разыскала в Австралии, Америке, Бразилии, Израиле бывших харбинцев, знавших её родных, и уговорила их записать или наговорить воспоминания о минувших днях. Кроме того, она оказалась ещё и незаурядным рассказчиком, динамичным и неболтливym, остроумным и наблюдательным.

Прадеды автора по материнской линии Гирш и Чесна Оникуль приехали в Харбин в 1909 г. с двухлетним сыном и двухмесячной дочерью. В Китае родились их младшие дочь и сын. В 1931 г. в начале японской оккупации Маньчжурии, старший сын исчез, но вскоре дал о себе знать из Советского Союза, куда в 1936 г. от японцев и безработицы подались и младшие дети. Они устроились работать на Горьковском автозаводе. Старший сын тем временем учился в Хабаровском университете на китайском отделении и работал выездным переводчиком на границе. Письма детей были такими радостными, что родители тоже подались в Горький. В Харбине осталась только старшая замужняя дочь Гита.

С 1938 г. переписка прекратилась. Но в 1956 г. прабабушка Чесна приехала по гостевой визе к дочери в Харбин, и только тогда та узнала, что её отца и сестру расстреляли в 1938 г., что старший брат погиб в лагере, а младший брат, отсидев лагерный срок, после хрущёвской реабилитации поселился в Риге, что мама её отмыкала пятнадцатилетнюю казахстанскую ссылку. А дочь в свою очередь рассказывала матери о харбинских родных, арестованных и погибших за годы японской оккупации. Нежданной радостью для гостьи из СССР была встреча с двухлетней правнучкой Марой.

В середине 1950-х гг. начался последний исход русских из Китая; одни репатриировались в СССР поднимать целину, другие – в Австралию, Бразилию, Израиль, Канаду, США. Родители Мары выбрали Австралию. Работать над книгой о "харбинском деле" она начала только в 1992 г., приехав в Ригу к вдове бабушкиного брата. Вдова передала ей бумаги, среди которых оказались три "справки" о посмертной реабилитации. Вооружённая "справками", Мара явилась на Лубянку с запросом о судьбе погибших родственников. И получила в ответ три однотипных письма, – о прадеде и его дочери из Нижнего Новгорода, о старшем сыне – из гор. Хабаровска.

Письма оказались подробнее справок 1950-х гг. В них указывались год и место рождения осуждённого, время возвращения из Китая, место жительства и работы, дата ареста, инкриминированное преступление (у всех одинаковое – "японские шпионы", статья 58.6), мера наказания, место исполнения, место заочного постановления коллегии Верховного суда о посмертной реабилитации. Но Маре хочется дойти в своих поисках до самой сути. И чем бы она ни занималась, в какой бы стране ни работала, она всегда помнит о том, что её поиск только начался. И за это судьба подбрасывает ей везения: в Сиднее она сталкивается с губернатором Нижнего Новгорода; в Москве – с харбинцем, прителествующим с активистом хабаровского Мемориала; в Бангкоке – с китайским учёным, занимающимся русско-еврейскими общинами Китая. И все обещают ей помощь

и сдерживают слово. В 2000 г. в Хабаровске ей сделали фотокопии дела Абрама Оникуля, да ещё нашли и дела её дедов, харбинских дореволюционных старожилов, заведённые японцами во время оккупации Маньчжурии и вывезенные советской армией в 1945 г. Она вернулась в Хабаровск через полгода, чтобы установить мемориальный диск (491 по счёту) на стене памяти жертвам коммунистических репрессий.

Дважды побывала Мара Мустафина и в архивах "русского" Харбина, навестила считанных оставшихся в Харбине русских стариков (многие из них с началом "культурной революции" отбыли разные сроки в китайских тюрьмах). Нынешние китайские власти считают город Харбин ярким доказательством захватнических интересов царской России, хотя и не скрывают вклада россиян в развитие города, они даже восстановили церковь Святой Софии и разместили в ней историко-архитектурную экспозицию "русского" Харбина. Старое еврейское кладбище (более 800 могил) городские власти перенесли на новое место и реставрировали (при финансовой поддержке разъехавшихся по свету харбинцев). В Китае не скрывают меркантильных планов – привлечь в Харбин ищущих генеалогических корней туристов.

Встречи с настоящим помогают автору восстановить жизнь русских вдоль Китайской Восточной Железной Дороги в первой половине XX в. В 1896 г. Китай, потерпев поражение в войне с Японией, заключил оборонное соглашение с Россией. Россия получила право на строительство КВЖД с последующим восьмидесятилетним сроком её эксплуатации. С началом строительства в 1898 г. железной дороги в эти края потянулись искатели счастья, очень скоро обжившие и "столичный" Харбин, и многочисленные поселения вдоль железной дороги. Завлекая на КВЖД переселенцев, царское правительство предоставляло особые льготы национальным меньшинствам, и к 1913 г. они составили половину жителей пятидесятитысячного Харбина.

Первые харбинские евреи были из осевших в Сибири кантонистов. За ними последовали переселенцы из черты оседлости. После русско-японской войны 1904-05 гг. к ним прибавились демобилизованные из Маньчжурской армии солдаты-евреи и воссоединившиеся с ними семьи. В середине 20-х гг. еврейская община Харбина насчитывала 13.000 членов. Прадеды Мары Мустафиной по материнской линии переехали в Маньчжурию из Могилевской губернии и осели в небольшом городке Хайларе.

Край развивался динамично, и в 1920-е гг. в Харбине работали театры, вузы, училища, казённые и частные школы. Октябрьская революция 1917 г. во многом изменила мирную композицию края, став приютом и воинствующим казачьим отрядам, совершавшим набеги в советскую Сибирь, и тайным агентам ЧК-ОГПУ, и будущей партии русских фашистов. Первый удар пришёлся в 1924 г., когда Китай признал советскую власть и новую администрацию КВЖД. Советская администрация тут же объявила, что отныне работать, учиться и лечиться смогут только китайские подданные и советские граждане.

Почти 20.000 русских зарегистрировались в советском консульстве, в шутку называя себя "редисками" – сверху "красный", внутри – "белый", и

получили советские "паспорта", не дающие права на выезд за пределы КВЖД ни в СССР, ни в другие страны. Аполитичные Марины прадеды тоже заменили старый вид на жительство новым. Считанные россияне приняли китайское подданство. Многие (и в их числе татарский дедушка и русская бабушка автора с отцовской стороны) предпочли остаться безработными беженцами, верными несуществующей России, но дела с советскими не иметь.

Второй переворот последовал в начале 1929 г., когда власть в Китае перешла к правительству Чан Кай Ши, которое тут же прибрало к рукам КВЖД, поувольняло держателей советских паспортов, заменив их беспаспортными эмигрантами, и закрыло многие советские учреждения. С полгода длилась "перестройка" и пограничные стычки, но в ноябре 1929 г. советская армия восстановила статус-кво. По воспоминаниям очевидцев, впервые увидевших советских солдат, были они не очень вороватыми, много маршировали и пели хором, искали среди местного населения сочувствующих, вербовали их в осведомители, разгромили белоказачью станицу и депортировали в СССР несколько десятков белоэмигрантов.

Третья смена власти произошла в 1931 г., когда территорию КВЖД захватили японцы, объявили её "независимым" государством Маньчжоу-го и поставили во главе его "правителя-регента" Пу И, последнего маньчжурского императора, отказавшегося от престола в 1912 г. В 1935 г. СССР продал железную дорогу Японии. Русскоязычный край превратился в японскую колонию строгого режима с обязательной регистрацией местного населения, военно-полицейским управлением и особым Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ). Состав служащих на железной дороге и в других общественных учреждениях вновь сменился: держатели советских паспортов стали безработными и гонимыми, их места заняли "эмигранты", из среды которых вербовали осведомителей.

В 1935 г. первый исход "харбинцев" достиг своего апогея. Одни старались выбраться из Китая в "белые" страны или хотя бы перебраться в Шанхай, где были ещё западные концессии, другие устремились "домой". Было их несколько десятков тысяч. Среди них пятеро Оникулей, о судьбе которых рассказывает книга. Все связи с "возвращенцами" прекратились после 20 сентября 1937 г., когда в СССР вышло постановление об аресте вернувшихся из Маньчжурии. Всех арестованных требовалось разделить на две категории – очень активных и менее активных; первых – немедленно расстрелять, вторых – подвергнуть тюремному заключению, лагерному исправительному труду и ссылке сроком до десяти лет. Об исполнении приказа докладывать лично Ежову каждые пять дней. Операцию завершить к 25 декабря 1937 г. Но харбинцев оказалось так много, что операцию пришлось продлить на год. По данным российского Мемориала, из 48.133 арестованных по СССР "харбинцев" 30.992 расстреляли. Родственники Мары Мустафиной подошли подо все категории – расстрел, лагерь, ссылку.

А по другую сторону границы – в Маньчжоу-го оккупанты тоже считали харбинцев врагами и тоже делили их на две категории: очень плохих – "советских" и менее плохих – "эмигрантов". "Советским" запрещалось работать

у "эмигрантов", их детей не допускали в эмигрантские школы, а единственная советская школа в Харбине закрылась в 1937 г. Многие "советские" не выдерживали такой осады и меняли свой статус на "эмигрантский". В начале 1940-х БРЭМ обязал всех жителей носить нагрудные знаки (японский солнечный круг): русских "эмигрантов" – белого цвета, "эмигрантов" других национальностей – жёлтого. "Советские" нагрудных знаков не имели, что делало их изгоями. Но труднее всего было переносить вдруг вспыхнувший антисемитизм, доноительство, аресты с допросами, избиваниями и тюремным заключением, пытки, массовые расстрелы и безымянные захоронения, концлагеря, где испытывалось бактериологическое оружие.

В апреле 1945 г. СССР объявил войну Японии. В ожидании советского наступления японские власти арестовали в Харбине всех "советских": женщин и детей держали взаперти, мужчин отправили рыть рвы, а в маленьких городках повально расстреляли всё мужское население. Среди харбинских родных автора книги пятеро погибли от рук японских оккупантов. Едва советская армия заняла Харбин, как СМЕРШ начал охоту на японских коллаборантов, в чём ему охотно помогали руководители "эмигрантского" БРЭМ. С их помощью СМЕРШ арестовал и активных "белоэмигрантов" – атамана Семёнова, генерала Бакшеева, и тех, кто сотрудничал с японской военной миссией, и членов русской фашистской партии, и тех "советских", которые уживались с властями. Всех их вывезли на Архипелаг ГУЛАГ. Оставшееся русское население Харбина отныне должно было стать советским. В знак доверия правительство СССР начало с 1954 г. зазывать харбинцев "поднимать целину" в Казахстане и промышленность в Сибири. И тысячи репатриантов вновь устремились домой. Этих уже не сажали. К середине 1960-х гг. русского Харбина не стало.

Жизнь харбинцев подверглась всем перепадам времени: претерпела революцию и гражданскую войну, две репатриации (в 1930-е и в 1950-е гг.), три оккупации (японскую, советскую и китайскую), две депортации (1924 и 1945 гг.), две китаизации (чанкайшистскую и маоистскую). Чтобы читателю было легче преодолеть повесть длиною в век, Мара Мустафина предлагает ему список сокращений, перечень ключевых событий и исторических фигур времени, карту КВЖД, генеалогическое древо своей семьи и примечания к каждой главе. Она приводит полный текст ежовского постановления 1937 г. о "харбинцах", предлагает список литературы о Харбине и Маньчжурии, в том числе книги и статьи, изданные в 1990-е гг. в России, включает много интересных фотографий из частных собраний. Жаль, правда, что она упустила из виду воспоминания репрессированных харбинцев и сотрудников хабаровского УНКВД из архивов Мемориала. У книги только один недостаток. Она ещё не переведена на русский язык" [Жанна Долгополова, Атланта // Новый Журнал. 2003. №232].

Часть третья

У каждого своё заключение

Марголин Ю. Путешествие в страну ЗЭ-КА – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. С.69-89.

РАСЧЕЛОВЕЧЕНИЕ

"Зимой 40-41 года расчеловечили тысячу человек на 48 квадрате. Не все были западного происхождения. Часть из них были – советские люди. Численное отношение между западниками и советскими всё время менялось на 48-ом квадрате. Западники убывали, советские прибывали, и под конец на тысячу человек осталось триста западников. Как остров, мы были окружены пёстрой смесью народов СССР: великорусами, украинцами, узбеками, туркменами, казахами, цыганами, грузинами, финнами, немцами. Во втором онежском отделении ББК было особенно много людей из Средней Азии – "нацменов".

Вид азиатских бригад наводил ужас. Чудовищно-грязные, звероподобные люди, с головами, обвязанными грязными тряпками, остатки вымерших в лагере поколений, с непонятной речью, одичавшие до какого-то пещерного состояния, они работали нечеловечески, ни с кем не смешивались и никого к себе не подпускали. Западник, которого посылали с ними работать, был конченный человек: они не признавали за ним права иметь что-либо своё, бесцеремонно разбирали все его вещи, а на работе подгоняли "дрыном", т.е. деревянным колом, били и пинали ногами как собаку. Попасть в это окружение было смертельной опасностью для западника; но с другой, российской, стороны подстерегали его "урки", которые были не лучше: бандиты, готовые всегда на циничное надругательство, грабёж, удар топором. Эти до конца расчеловеченные люди показывали нам, как в зеркале, наше собственное будущее.

Скоро ввели для западников минимум выполнения нормы – в 30%. Человек, который давал меньше, шёл вечером в карцер. Уже нельзя было больше отсиживаться или медленно ковыряться на работе. Война началась на лесных участках. С утра до вечера стрелки охраны гнали людей от костров, десятники и начальники кружили по лесу, зорко следя, чтобы работа не прекращалась ни на мгновение. Голодные люди грызались, на них замахивались прикладами, или десятник, выйдя из-за кустов, заставал врасплох людей у огня, хватал "дрын" и матерщиной подымал от костра кружок отдыхавших. Вечером наступала расправа. Каждый бригадир писал "акт" на несколько человек, не выполнивших 30%, конвойный стрелок подписывал: "Мы, такие-то, составили настоящий акт в том, что поименованные з/к-з/к бригады такой-то, дня такого-то, злостно уклонялись от

работы, в чём и было им сделано предупреждение. Несмотря на предупреждение, к работе не приступили и задания бригадира не выполнили".

Начальник лагпункта, не проверяя, ставил на акте краткую резолюцию: "5 суток" или "10 суток". В течение вечера заключенному в карцер подверглось 40-50 человек, а на другой вечер прибывало ещё столько же. Понятно, в карцере не было для них места, и комендант ШИЗО не имел возможности выполнять распоряжения начальника лагпункта. Скоро установилась очередь в карцер. Многие так и не попадали в карцер, в особенности если принадлежали к лагерной аристократии – "придурки". Каждый вечер Панчук и "завшизо" обходили бараки, забирая по своему усмотрению в карцер из длинного списка. В бараках разыгрывались дикие сцены избиения, когда люди не шли добровольно и приходилось вызывать в помощь стрелков и помощников коменданта.

Для огромного большинства не только 100% – полная норма, но и 30% – "беженская норма" – были недостижимы, и не в силу злой воли, а по совершенно объективным основаниям. Я никогда не был в состоянии сделать 30% на лесоповале, а на более лёгкой работе – пиления дров – делал 30% с крайним напряжением, работая весь день без перерыва и до последней границы своих сил. Может быть, я был бы в состоянии дать 30% нормы на разгрузке вагонов или с тачкой на земляных работах. Но для этого я должен был иначе питаться и нормально отдыхать после работы.

Рабочий день заключённого на 2 часа больше, чем для вольных. Когда весь Сов. Союз работал 8 часов в день, лагерники работали 10. Когда же в начале мировой войны, в Сов. Союзе ввели 10-часовой рабочий день, наш лагерный составлял 12. Однако в действительности наши мучения составляли не 12 часов, а много больше. Задержки на работе, очереди под окнами кухни по возвращении, часовые стояния в строю во время поверки и на разводе – всё это требовало физического напряжения и вычиталось из нашего отдыха.

Номинально зэ-ка имеет 3 выходных дня в месяц: раз в 10 дней. Однако, если выходной день не подтверждается приказом из Управления Лага, он не осуществляется. До последней минуты мы не знали на 48-ом квадрате, будем ли отдыхать, и в большинстве случаев действительно не отдыхали. Выходной день просто отменялся в виду невыполнения плана. Зимой 40-41 года, в самые лютые морозы на самой тяжкой лесной работе мы 60 дней подряд, т.е. 2 месяца не имели ни одного дня передышки.

Это кажется невероятным, т.к. превышает нормальную человеческую выносливость. Но это было одним из этапов нашего расчеловечения. Мы не имели обеспеченного нормального отдыха, и каждый выходной день был подарком и милостью начальства. Советские праздники, Первомайский и Октябрьский, не соблюдались в лагерях. В этот день ничего не прибавлялось к обыкновенному питанию, и заключённые выводились на работу, чтобы подчеркнуть, что праздник советских граждан не касается зэ-ка.

Заключённые не получают зарплаты. Она не полагается им, т.к. они обязаны работать в порядке наказания. Вместо этого им выдаётся "премвознаграждение". Разница между "зарплатой" и "премвознаграждением" та, что

получаемые деньги не составляют эквивалента работы, а премию, которую государство выдаёт в качестве поощрения, не будучи к тому обязано. Это "премвознаграждение" составляет жалкие гроши. Я получал в качестве "секретаря начальника" в должности, где по штату полагается "вольный" – 15 рублей в месяц. Дневальные, которые обязаны мыть пол, нары, окна, носить воду, топить, сторожить и обслуживать многолюдные бараки, получают по 5 рублей. Месячный "заработок" работяги на самой тяжёлой работе при 100%-ном и ударном выполнении нормы составляет 5-7-9 рублей.

В годы войны, когда kilo хлеба стоило в лагерях Архангельской области 100 рублей, одно яйцо – 15 рублей, премвознаграждение было фикцией даже в своих наивысших ставках: врачи получают по 40, 60, иногда 100 рублей. Отдельно стоят случаи, когда "работяги" получают по несколько сот рублей – легендарные случаи, когда з/к, отбыв 10-летний срок, выходит на свободу с 3000 рублей. Об этих лагерных кречах мы скажем ниже.

Итак, непосильный труд и нищета – вот два метода, с помощью которых расчеловечивается "homo sapiens", попавший в советский лагерь. Миллионы людей принуждаются работать не по специальности. Несмотря на частые опросы, регистрации и учёты, нет никакой возможности расставить людей, попавших на эту колоссальную человеческую свалку, по местам, которые бы для них подходили. В советских лагерях, как на любой каторге в любой стране мира, не работа применяется к людям, а люди к наличной работе. Ясно, что повара, парикмахеры, сапожники и портные имеют шансы устроиться в лагослуге, но этих мест слишком мало, чтобы хватило на всех кандидатов. Ясно, что главбух лагеря – всегда опытный бухгалтер, но не каждый опытный бухгалтер попадёт в контору. Огромное, подавляющее, 90%-ное большинство идёт на чёрную массовую каторжную работу.

Лагеря, призванные "исправлять трудом" – как будто можно кого-нибудь исправить обращением в рабство, – представляют в действительности дикарскую профанацию труда и неуважение к человеческому таланту и умению. Люди, десятки лет работавшие в любимой профессии, убеждаются в лагере, что все усилия их жизни – пошли насмарку. В лагере учителя носят воду, техники пилят лес, купцы копают землю, хорошие сапожники становятся скверными косарями, а хорошие косари – скверными сапожниками. Людей слабым, чтобы выжать из них максимум, посылают работать вместе с сильными и опытными: в этих условиях физический труд становится не только физической пыткой, но и глубоким унижением. Но и сильные люди не уйдут от своей судьбы. Лагерная система расчеловечивает свободных людей, превращает их в "рабгужсилу", а рабов доводит до скотского состояния, с помощью методического нажима на темп и производительность работы.

Каждый лагерь должен был выполнять годовой план. Однако мало выполнять годовой план. Администрация, которая хочет выслужиться и получить награду, добивается перевыполнения плана. Возникает метод "трудсоревнования". На воле то же самое называется "соцсоревнованием". В конторе 48 квадрата висел плакат, из которого мы узнали, что наш лагерь ББК заключил договор о

трудсоревновании с лагерями Архангельской области. Мы взяли на себя обязательство перевыполнить план и перегнать архангельские лагеря. Управление ББК совершенно добровольно от нашего имени взяло на себя это обязательство. Чтобы выполнить его, Управление ББК организовало внутри лагеря трудсоревнование между отделениями. В свою очередь в каждом отделении соревновались между собой отдельные лагпункты, а в каждом лагпункте – отдельные бригады.

Это выглядело так: вечером вызывали замученных, шатающихся от усталости людей, членов бригады, в "КВЧ". Организацией трудсоревнования занимается культурно-воспитательная часть. В "КВЧ" "воспитатель", платный служащий государства, держал горячую речь о необходимости бригаде "показать себя". Соседи уже взяли на себя обязательство перевыполнить план на 140%, сократить брак и поднять труддисциплину. Что же мы – будем хуже? Но мы молчали. В бараке остались люди, которые, услышав в чём дело, просто махнули рукой и легли спать. Пошли те, кто не мог вывернуться, кто был "на виду" у начальства. Воспитатель в упор смотрел на бригадира. Тот начинал мямлить, заикаясь:

– Да... как же... товарищи!.. Они 140%, а мы 150! Дадим, как вы думаете?

Как и что мы думали, было ясно без слов всем присутствующим, включая и воспитателя. Он здесь был не при чём и только выполнял то, что входило в круг его обязанностей, и за что ему платили 400 рублей в месяц. Охотников выступать "против" не находилось. И так наша жизнь держалась на тоненьком волоске: не выдадут к сроку ватных брюк или переведут в нацменскую бригаду – и крышка! Итак, все подписывали обязательство, составленное по всей форме советского красноречия. Начиналось оно: "Желая помочь Родине и доблестной Красной Армии, оберегающей нас от подлого врага", а кончалось обязательством перевыполнить план на 150%, и не только сократить брак, но и не допустить в течение месяца ни одного случая отказа.

Все эти обязательства никем всерьёз не брались – кроме начальства. Начальству же они были нужны, чтобы нажимать и требовать, оставлять на лишнее время после конца работы, грозить и не давать покоя. Всегда мы были что-то должны советскому государству, всегда мы отставали, всегда мы их подводили и были не в порядке. В лагерях и за их пределами эта система стоять с бичом над головой представляла собой самое беспощадное и самое бесстыдное средство злоупотребления властью над рабами. И никакое напряжение с нашей стороны не могло их удовлетворить. Если бригада давала 150%, начальство кивало головой и говорило: "мы знали, что вы в состоянии давать 150%", и получалось, что мы их обманывали раньше, когда давали только 100%, а теперь надо было хорошенько поднатужиться, чтобы перевыполнить эти 150%, потому что вчерашний рекорд уже не импонировал. – "Надо ещё лучше работать!" – "Ещё больше дать Государству!" – Границей этого бега впергонки было, когда человек надрывался. Тогда его списывали в категорию нетрудоспособных и отправляли в один из лагпунктов, где на инвалидном голодном пайке догорали живые развалины, "ветераны" лагеря.

Глубокая лагерная нищета, как ночь, надвинулась на нас. Через несколько месяцев всё, что мы привезли с собой из европейских вещей и мелочей – было

либо распродано, либо употреблено, либо раскрадено и отнято у нас. Самые умные из нас сразу распродали всё, что могли – лагерным начальникам, нарядчикам и вольным. За это им дали работу полегче, хлеба, лишний талон. Остальные были в кратчайший срок ограблены, когда нахлынули в лагерь "урки", от которых не было спасения – и когда начались "этапы", т.е. переброски с лагпункта на лагпункт. В пути каждый западник и каждый, имевший в мешке что-нибудь съестное или представлявшее ценность, окружался бандитами, которым нечего было терять. В разграблениях участвовала администрация – коменданты и стрелки – облегчая "уркам" их задачу и получая за это свою долю. Уходя на работу, западники привязывали свои сундучки и чемоданы верёвками к нарам, но это не помогало: возвращаясь вечером, они не находили своих вещей. Часто владелец какого-нибудь пальто получал со стороны дружеский совет: отдать его добром за несколько рублей. Всё лучше, чем даром: а то и так отберут. Осеннее пальто, в котором я явился в лагерь, привлекало всеобщее внимание. Его сняли с меня ночью, когда я спал, накрывшись пальто, на верхней наре густо-набитого барака. В четвёртом часу ночи я проснулся от того, что мне стало очень легко и холодно. Пальто исчезло, барак спал, и дневальный ничего не видел. Это пальто вынесли за вахту и недели через две продали вольному на другом лагпункте. Я знал об этом, знал, какую цену взяли, кто продавал и кто купил – но ничего сделать не мог. Лагерные власти не защищают собственности заключённых. Лагерный "закон" прост: что имеешь – береги, а не убережёшь – твоя вина. В лагере каждый спасается, как может. Одно заграничное пальто на тысячу раздетых – исключение, оно всех дразнит, и сочувствие окружающих никогда не будет на стороне потерпевшего, а на стороне вора.

Постепенно мы освобождались от балласта вещей. Каждая вещь, которую вы теряли, не могла быть восстановлена. Последний кусок мыла. Последняя коробка спичек. Последняя рубашка украдена. Последний шнурок для ботинок: больше не будет уже шнурков для ботинок. У Левандовского украли, наконец, его жёлтые сапоги. В лагере носить такие сапоги – это просто наглость. Теперь он, как и все, обернул ноги мешком и ходит по снегу в лаптях. Последний носовой платок. Зэ-ка Марголин пробует ещё некоторое время утирать нос рукавом, но это непрактично, и рукава надолго не хватит. Надо учиться по-лагерному очищать нос, приставив палец к одной ноздре и сильно дунув в другую.

Настаёт момент, когда мы уже больше ничего не имеем своего. Государство одевает и раздевает нас, как ему угодно. Утром на разводе вещкаптюрка стоит настежь. Огромная куча вонючего тряпья выложена для босых и раздетых. Если не в чём выйти – бригадир сведёт в "вещстол" – вещстол проверит по арматурной книжке, что и когда было выдано просителю, и если он не продал и не потерял, что влечёт за собой наказание, – то по записке Начальника работ или Начальника ЧОС'а выдаст записку каптюру, а каптёр предложит на выбор опорки и рвань, которую до тебя носили десятки других. Расчеловеченный зэ-ка выглядит как чучело. На ногах у него "ч е т з э": эти буквы значат "челябинский тракторный завод", т.е. нечто по громоздкости и неуклюжести напоминающее трактор.

"ЧТЗ" – это лагерная обувь, пошитая без мерки и формы, как вместилище ноги, из резины старых тракторных шин. Эта обувь пропускает воду: завязывают её верёвочкой или полотняными обрезками, пропущенными через прорезы в резине. Летом носят брезентовые ботинки. Зимой "четезэ" колоссальных размеров надеваются на ватные чулки, отсыревшие, рваные и чёрные от грязи. Ватные чулки завязываются веревочками на ватных же брюках, обвязанных верёвкой вместо пояса. Брюки с одним карманом или вовсе без карманов, но зато с разноцветными заплатами спереди и сзади.

Сверху, пока нет морозов, зэ-ка носит "телогрейку", а зимой "бушлат", который отличается от телогрейки тем, что он длиннее и в нём больше ваты. За отсутствием воротника, который можно было бы поднять, зэ-ка повязывает шею полотенцем, если имеет его, или какой-нибудь тряпкой. На голове – ушанка, из которой торчат клочья ваты. Все эти вещи маскарадного вида бывают первого, второго и третьего срока. Первый срок – это новая или почти новая вещь. Получить её можно только стахановцам и по особой протекции, и число таких вещей всегда недостаточно. Можно пять лет провести в лагере и не получить вещи первого срока. Большинство носит "второй срок": порыжелое, рваное, фантастически заплатаемое и вывалянное в грязи тряпье. Есть и третий срок: это когда бушлат расплывается, рукава распались, тело торчит наружу из дыр, и вещь находится накануне "активки". Ибо, в конце концов, как люди, так и вещи подлежат в лагере "активке". Наступает момент, когда вещь или человек официально признаются негодными к дальнейшему употреблению. Для вещей минимальный срок – год. Люди часто выдерживают дольше, и, чтобы вывести их из строя бесповоротно, нужны долгие годы мучений и лишений.

Вот стоит пред нами лагерник, с голодным блеском в глазах, нищий, наряженный в шутовские лохмотья. И эти лохмотья тоже не принадлежат ему. Если он заболел и остаётся в бараке, нарядчик возьмёт его бушлат и бросит соседу: "одевай, этому сегодня не надо". Первая угроза начальника бригаде, которая не оправдала его ожиданий: "раздены вас, всё отберу, в третьем сроке будете ходить". Однако всё это – внешнее. Много ещё надо отобрать у человека, чтобы превратить его в "дрожашую тварь".

Прежде всего ликвидируются семейные связи. Лагерник не имеет права быть отцом, братом, мужем и другом. Всё это он оставляет, входя в лагерь. Это несовместимо с его назначением. Поэтому внутри лагеря разделяются семьи, как во времена крепостного права в дореформенной России, или как мы об этом читали в детстве в "Хижине дяди Тома": братьев рассылают на разные лагпункты, отцов отрывают от сыновей, жён от мужей. Это не всегда нарочно: просто, на родственные связи не обращается внимания, когда речь идёт о "рабгужсиле". На 48-ом квадрате были женщины-польки, которых потом услали в Кемь, на берег Белого моря, где организовывались особые женские лагеря. У этих женщин были мужья, братья и дети на 48 квадрате, но это не интересовало Управление ББК. Я помню одну из них – кузину известного польского писателя Веха. Это была женщина высокого роста, с гордой

291

осанкой. Но вся гордость и самообладание оставили её, когда пришла минута прощания с её 18-летним сыном, и их пути разошлись – может быть, навсегда. Не раз в те годы на моих глазах отец, плача, обнимал сына, и брат брата, расходясь под конвоем в разные стороны. И я сам неизменно терял в лагере всех, с кем меня сводила судьба и в ком я видел друга. В лагере не стоит сближаться с людьми: никто не знает, где будет завтра, каждую минуту может войти нарядчик и отдать приказ: "с вещами на вахту" – на другой лагпункт, где требуются рабочие руки. Систематически производятся переборски, также и с той целью, чтобы люди не привыкали к месту и друг к другу, чтобы не забывали, что они только "роботы" – безличные носители принадлежащей государству рабочей силы.

Расчеловечение идёт, следовательно, не только по линии эксплуатации с помощью материального нажима и притеснения, но и по линии обезличения. Мы, западники, долго сопротивлялись этому обезличению. Мы называли друг друга "г. доктор", "г. адвокат", сохраняли смешные и церемонные формы вежливости, хотя каждый из нас был как то срубленное дерево, корни которого видят сон о несуществующей вершине. В этом выражался упрямый протест, когда "доктором" называли человека в рубище, таскавшего носилки с землёй, а ночью спавшего не раздеваясь на голых досках. Для администрации лагеря и огромной массы советских зэ-ка, в которой мы постепенно и безнадежно растворялись, эти различия не существовали. И мы постепенно забывали о своём прошлом. Если первое время нам казалось невероятным сном то, что с нами сделали, то через короткое время, наоборот, сном стала нам казаться вся наша бывшая жизнь. Европейская культура, идеи, которым мы отдали свою жизнь, люди, которых мы любили и которые шли с нами вместе, – весь этот мир, где мы были полноценными и гордыми людьми – всё было сном, всё только привиделось нам.

Постепенно отпадают или деформируются у лагерника и нормальные человеческие чувства. Начнём с любви и отношений между полами. Сожителство запрещается в лагере. Существуют лагпункты, где нет или почти нет женщин, и такие женские лагеря, где нет или почти нет мужчин. В нормальном лагере женщины составляют небольшое меньшинство и живут отдельно. Трагедия многолетнего пребывания в лагере для женщины больше, чем для мужчины, т.к. за 10 лет её срока пройдёт её цветение, и она потеряет не только здоровье, но и молодость, и привлекательность, и возможность найти человека, который её полюбит. Лагеря, где 10-15 миллионов человек в лучшей поре их физического расцвета проводят долгие годы – осуждают их на бесплодность, на суррогаты чувства, мужчин на разврат, женщин на проституцию. В нормальных условиях эти люди давали бы жизнь ежегодно сотням тысяч детей. В лагерях совершается величайшее детоубийство мира. Можно было бы думать, что люди в лагерях страдают от того, что составляет проклятие каждой тюрьмы мира: от "Sexualnot". На тему о "Sexualnot" в местах заключения существует целая литература. Но ошибётся тот, кто думает, что это явление существует в советских лагерях. То, что я из книг знал на эту тему, предстало мне в совершенно новом свете, когда я попал в лагерь. В западноевропейских тюрьмах в результате принудительного воздержания

возникают массовые явления педерастии и онанизма; случалось, что в одиночных камерах арестанты изготовляли себе из хлеба подобие женских половых органов. Мне это казалось ужасным, но попав в советский лагерь, я понял, что если эти люди могли тратить хлеб на такую цель, то они были сыты. В советском лагере, где подбирается малейшая крошка, такая вещь невозможна. Каждый советский зэ-ка скажет, что если эти люди могли думать о женщине, значит, они ели досыта. В лагере "Sexualnot" отступает перед "Hungersnot". Истощённые многолетним недоеданием люди становятся импотентами. Образ жизни, который они ведут, просто не оставляет места для полового влечения. Работать, есть, отдыхать – это всё. За лишний кусок хлеба лагерник отдаст все соблазны мира. Во всех лагпунктах, где мне пришлось побывать, вряд ли 30 или 40 человек из тысячи чувствовали себя мужчинами. Конечно, были такие люди: из относительно сытых, из лагерной аристократии, из одетых в хорошие сапоги и бушлаты первого срока, из тех, кто не только сами ели, но и других могли "поддержать". Врачи и лекпомы, имевшие волшебную власть освобождать от работы, заведующие кухней, инспектора ЧОСа, начальники работ – нуждались в женщине. И все население "женского барака" было к их услугам.

В присылавшихся на 48-ой квадрат "приказах" из Медвежьегорска я читал, по секретарской своей должности, безобразные сводки о дисциплинарных взысканиях, наложенных на зэ-ка, уличённых в недозволенных половых сношениях. И мысль меня не оставляла, что эти мужчины и женщины, которых "поймали", уличили, публично осрамили и посадили в карцер, могли искренне любить друг друга, быть привязаны друг к другу, могли быть единственной поддержкой и утешением друг для друга. Позже я наблюдал в лагере случаи глубокой человеческой любви и нежности, которая в этих условиях имеет трагическую ценность. Но никакому Шекспиру не приснился этот лагерный вариант Ромео и Джульетты, когда их как сцепившихся собак разгоняют палкой, сажают в карцер, называют полным именем в приказе Правления и рассылают по разным лагпунктам, чтобы они больше не нарушали лагерного режима.

Лагерь, где мужчины на 90 % становятся импотентами, для женщин, которых слишком мало по сравнению с мужчинами и которые, поэтому, всегда найдут охотника – есть школа проституции. Для молодой женщины, часто 17-18 летней девушки, присланной в лагерь за неосторожное слово или за происхождение – единственный способ уцелеть, это продать себя за хлеб, за одежду, за лёгкую работу или протекцию начальника. Молодые девушки, попадающие в лагерь, в среду проституток, воровок, бандитов и урок – беззащитны, и лучшее, что они могут сделать, это найти себе поскорее сносного покровителя. Терять им нечего. Через 10 лет пребывания в лагере, они и так обратятся в развалины, в затасканное человеческое отребье.

Забеременевших отправляют в особые лагеря, где они получают улучшенное питание и на некоторое время до и после родов освобождаются от работы. Детей у них отберёт государство. В "книжке норм", где указаны нормы питания для несовершеннолетних и детей, для стахановцев и штрафных, имеются также нормы для беременных и для младенцев в лагерях. Эти нормы – молока, улуч-

шенного питания и покоя – заставляют женщин искать беременности, как средства хоть на короткое время вырваться из каторжных условий. Главным массовым мотивом является для них не сексуальная потребность, а материальная нужда. Результат тот, что в женских лагерях, где скучены тысячи женщин, мужчина не может показаться без охраны вооружённой стражи. Мегеры обступят его и силой будут готовы вырвать то, что им нужно. Ребёнка у них, все равно, отберут, и половая жизнь в них подавлена. Всё, что им нужно, – это отдых от работы и лучшее питание в одном из специальных лагерей.

Чувство собственного достоинства – этот хрупкий и поздний плод европейской культуры – вытравляется из лагерника и растаптывается ещё до того, как его привезли в лагерь. Невозможно сохранить чувство собственного достоинства человеку, над которым совершено циничное и грубое насилие и который не находит оправдания своим страданиям даже в той мысли, что они – заслуженная им кара. Государство всей огромной силой власти организованного общества – раздавило его без вины и без основания, – не наказало, не изгнало за грех, а просто надругалось над ним. Всё подавлено в массовом обитателе лагеря: его логика и чувство справедливости, его личное право на внимание к элементарнейшим потребностям его духа и тела. Ему остаётся только смирение и сознание своего абсолютного ничтожества и несправедливости. Даже человеку Запада, который в крови имеет индивидуальную строптивость и личную гордость – невозможно сохранить чувство собственного достоинства, если он продолжает оставаться в лагере. Самый верный способ сделать человека смешным и презренным – если систематически заставлять его делать работу, которой он не в состоянии делать, в обществе людей, превосходящих его силой и умением, и враждебных ему. Я видел в лагере старого и заслуженного общественного деятеля, адвоката из Зап. Украины, который, не умел достаточно быстро разжечь костёр: здоровые парни, неграмотные, но бесконечно более умелые в лесу, подгоняли его и издевались над его неловкостью. У старика были слёзы в глазах. Смешно выглядит и трагедия человека, который не может угнаться за другими и постепенно привыкает к мысли, что он хуже всех, потому что не может делать того, что ему противно. Здесь еще один, и важный, этап расчеловечения. Настаёт момент, когда человек ненавидит себя, ненавидит всё, что составляет его сущность и что он действительно умеет. Единственным стремлением его становится – не выделяться в общей массе, быть как можно более послушным и исправным орудием чужой воли. Он забывает сегодня, что делал вчера, и не знает, что ему прикажут делать завтра. Он отучился иметь свои желания и знает, как опасно показывать свое нежелание. От животного он отличается только тем, что допускает более разностороннее использование: в лесу и в поле, за столом и при машине, – но не отличается от него ни своим скотским послушанием, ни полной зависимостью от кормящих его и выводящих на "развод".

Состояние, в котором его держат годами, не есть ни сытость, ни тот острый голод, который доводит человека до бунта, до бешенства или смерти в короткий срок. Это всего лишь – недоедание, маленькое, унижительное ощущение, которое, ослабляя человека физически и морально, незаметно для него

самого и постепенно разрыхляет его тело и смещает все его мысли, чувства и оценки – в одном направлении. Как охотники загоняют зверя, так лагерника вгоняют в тупик, сжимают вокруг него кольцо, и всё уже, всё теснее становится круг его человеческих проявлений и интересов. Если не давать человеку достаточно воздуха и воды, можно добиться того, что мысль о воздухе и воде заслонит в его сознании всё остальное. Если же не давать ему есть досыта, можно довести его – не сразу, но через 2-3 года – до животного состояния, когда момент насыщения становится кульминационным пунктом каждого дня, единственным импульсом всех его действий. Быть сытым – лежать отдыхая – чувствовать благодетельное тепло – жить текущим днём, не допуская ни воспоминаний о прошлом, ни мыслей о будущем: вот предел желаний и степень расчеловечения, к которой рано или поздно приходит каждый заключённый. Пока он ещё испытывает горечь и боль, тоску и сожаление – он ещё не расчеловечен как следует. Способность страдать – есть основное человеческое свойство. Но придёт такое время, когда всё происходящее с ним станет ему, наконец, безразлично, когда он оступит до полного бесчувствия ко всему, что не связано с низшими функциями его организма: тогда в глазах КВЧ он становится человеком "заслуживающим доверия" – и после того, как его расчеловечили, можно его и "расконвоировать", не опасаясь, что он убежит.

То, что отличает советские лагеря от всяких иных мест заключения на всем земном шаре – это не только их поражающий, гигантский размах и убийственные условия жизни. Это – необходимость лгать для спасения жизни, – лгать беспрерывно, годами носить маску и не говорить того, что думаешь. Конечно, в условиях советской действительности также и "вольные" люди принуждаются лгать, из страха пред властью. Но в лагере, где они находятся под пристальным и постоянным наблюдением в течение лет, от их поведения зависит, выйдут ли они когда-нибудь на волю, и там притворство и ложь становятся необходимым условием самообороны. Надо послушно вторить власти. Надо раз навсегда подавить в себе внутренний голос протеста и совести. Никогда нельзя быть собою: это самое страшное и мучительное для людей свободного духа. Люди в лагере, даже если раньше они были друзьями Советской власти или не имели своего мнения, теперь не могут не быть врагами. Никто не может оставаться сторонником системы, создавшей лагерь, кто их видел. И, однако, миллионы заключённых не выдают себя ни словом, ни жестом. Верит ли им советская власть? Конечно, нет. Но как администрация, так и культурно-воспитательный отдел поддерживают фикцию, делают вид, что все заключённые такие же хорошие и преданные дети советской страны, как они сами. Они только изолированы временно – для проверки. Митинги и собрания, встречи, разговоры, стенные газеты для зэ-ка – всё полно слашавой казённой фразеологии, в которой нет ни слова правды. Трудно выросшему на Западе человеку, понять, что это значит – 5 или 10 лет не иметь ни права, ни возможности высказаться, подавлять в себе малейшую "нелегальную" мысль и молчать как гроб. Под этим неслышанным давлением деформируется и распадается всё внутреннее существо человека. В искусст-

венных лагерных условиях невозможно надолго утаить и сохранить от соглядатаев контрабанду недозволенных мыслей и убеждений. Всё тайное непременно с течением времени обнаружится и станет явным. Поэтому инстинкт самосохранения заставляет миллионы простых и малоразвитых людей не просто лгать, но и внутренне приспособиться к фикции, "играть" в советский патриотизм и вести себя по законам этой игры. На этом и основано "перевоспитание" в лагере.

Оно основано на том, что убеждения, мысли и чувства человеческие, годами не находя себе внешнего выражения, должны также и внутренне погаснуть и отмереть. Интеллигенция, которая неспособна пройти эту дорогу до конца, вымирает в лагере на 90%. Для всех остальных наступает всеобщая атрофия сознания и марионетизация духа. Нет больше ни лжи, ни правды. Разница между ложью и правдой существует только для бодрствующего и свободного сознания. В подсознании "расчеловеченных" ещё сохраняется что-то невысказанное и неизречённое, – но их сознание становится ровно, плоско и серо – абсолютно пассивно и мёртво. Никто не требует от зэ-ка, чтобы он "верил" в мудрость и справедливость всего, что делается кругом. В это и сами его палачи не верят. Достаточно просто принимать известный порядок мыслей – не иначе как внешний порядок – к исполнению, как своего рода лагерный ритуал и мундир. Достаточно вести себя послушно и так, как если бы весь этот жуткий театр был правдой.

Человек, который 5 или 10 лет провёл в лагере, может быть выпущен на волю без опасения, что он в чем-нибудь станет поперёк дороги Советской власти. Он "научен", и этой науки хватит надолго, на ряд лет. Тёмное основание страха заложено в его душу. Выше я упомянул о подсознательном остатке, который нельзя уничтожить до конца. Наличие подавленных и глубоко от самого себя упрятанных бессознательных остатков в марионеточном существовании зэ-ка приводит к особым формам того, что можно назвать "лагерным неврозом", и на чём позже я остановлюсь подробнее.

Как возможно, что методы, о которых я попробовал дать самое общее и неполное представление, не вызывают против себя массового протеста в самом лагере и за его пределами? Случаются, хотя и редко, в лагере попытки резкого и безусловного протеста. Однако они исходят всегда от людей исключительных. Исключительных либо в смысле абсолютной идейной непримиримости и веры, или, наоборот, от таких людей, которым нечего терять и на всё наплевать. Вот два примера того и другого.

На 48-ом квадрате и позже я встречал фанатических мучеников христианства. Лагерники называли их "христосиками". Это были последние остатки разгромленной "Святой Руси" – религиозных подвижников, юродивых, самосожженцев 18 и 19 века. Для них Советская власть была делом Антихриста, и они просто отказывались служить Антихристу. Старые женщины и молодые девушки – не то бывшие монашки, не то просто глубоко и неустрашимо верующие – отказывались работать по воскресеньям и в праздники. Группа в 10-12 человек мужчин – "христосики" на 48-ом квадрате – отказались от работы начисто и во-

обще. Пробовали их держать и в карцере, и в бараке на штрафном пайке – 300 грамм хлеба, – но оказалось, что "христосики" получают достаточно хлеба и еды от окружающих зэ-ка, которые им сочувствовали. Такая поддержка и такое поведение "христосиков", конечно, не могли быть терпимы в лагере. Их долго уговаривали, прежде чем применить к ним обвинение в злостном отказничестве.

В моём присутствии начальник КВЧ – женщина-комсомолка вызвала к себе для разговора монашку-отказницу. Это был "лёгкий случай", т.к. она не хотела работать только по воскресеньям. Вошла баба, закутанная по самые брови в платок, поклонилась в ноги и стала у порога. Лицо у ней было каменное, чужое, далёкое – не от мира сего. Может быть, это была святая в советском лагере. Комсомолка смотрела на нее с досадой и некоторым испугом, как на душевнобольную. Разговаривать им было не о чем. Для меня эта допрашивавшая тупоносенькая Марья Иванна в пёстрой блузке и ботиках, которая заключённым говорила "ты", а они ей "гражданка начальник" – была во много раз неприемлемее, гаже и отвратительнее, чем несчастная баба, которую ждал расстрел или вторые 10 лет. "Христосиков" скоро расстреляли, и все о них забыли.

Среди нас, западников 48 лагпункта, вдруг обнаружился собственный протестант, который скоро стал знаменит до того, что начальники из отделения, и чуть ли не сам Левинсон, приезжали посмотреть на него. Это был Мет, парень, которому при сей okazji я передаю привет, если он ещё жив где-нибудь и продолжает своё полное босяцкой беспечности существование. Мет был круглолицый здоровый еврейский паренёк из мира "Untergewelt". Так он, по крайней мере, сам себя рекомендовал. Когда записывали специальности, он не стал ссылаться ни на какие пролетарские добродетели, а велел отметить коротко и точно: "вор". До сих пор не знаю, был ли он в самом деле так придурковат, как прикидывался, или просто во много раз умнее и сообразительнее нас всех. Мет не дал себя расчеловечить: он сам с первого дня расчеловечил себя так радикально, что начальство рот раскрыло. Заставить его работать не было никакой возможности. Мет требовал, чтобы ему прежде всего дали как следует поесть.

– Ты почему не желаешь работать? – сумрачно допрашивал его в моём секретарском присутствии приехавший прокурор. – Расчёта нет! – радостно кричал в ответ Мет, с какой-то по-швейковски идиотски-ослабленной рожей, босой, с головой вывалянной в соломе, и в немислимом тряпье, из которого торчало его голое тело. – Это же не еда, гражданин начальник! За такую еду я работать не буду. – Куда ж тебя после этого отправить? – спрашивал прокурор. – К Гитлеру! – гаркал Мет. – Ты что же это, хвалишь немецкое правительство? – Меня правительство не касается, – отвечал простодушно Мет: – я только про колбасу говорю, колбаса у них хорошая! – и рассказывал, что немцы ему на работе давали колбасу, а здесь не дают. Можно поручиться, что начальники, допрашивавшие Мет, в глубине души сами испытывали удовольствие от его откровенных ответов и смелости, с которой он говорил то, что они сами знали, но сказать не могли.

Мета сажали в карцер, предварительно раздев донага. Очутившись взаперти, Мет немедленно начинал дико и страшно кричать. Голосил он, как будто его

резали, и кричал часами. Неизвестно, откуда у него силы брались. По временам крик становился особенно страшен, и тогда во всех бараках люди говорили: "бьют его теперь, наверно". На беду, карцер находился под самым забором, а по другую сторону лагерного забора жил в отдельном домике начальник лагпункта. Мет нечеловечески орал ему в самые уши и не давал спать по ночам. На утро его освобождали. К нашему удивлению, он выходил одетый как принц, во всё самое лучшее, что было на лагпункте: новый бушлат, целые штаны и целая обувь. Это начальство делало попытку задобрить Мету и показать ему, что если он будет работать, то ничего для него не пожалеют. Появление Мету, одетого с иголки, с широкой улыбкой на дурацком лице, вызывало сенсацию.

Один день он копошился на производстве и милостиво делал 30% нормы. Это было с него достаточно, и на другой день он уже опять не хотел ничего делать. Вечером снимали с него новый бушлат и целые штаны и снова отправляли в карцер. Ночью мы подымали головы с нар и слушали: из домика на пустыре нёсся звериный низкий вой. Это бешено орал протестующий Мет. – Расстреляют, – говорили одни. – Не расстреляют! – говорили другие. – Он знает, что делает. Притворяется дураком. Наверно думает, что его в госпиталь возьмут, или ещё куда-нибудь.

И в самом деле, Мету не расстреляли. Несмотря на его контрреволюционные речи и прославление гитлеровской колбасы, – а, может быть, именно потому, что он умел создать впечатление невменяемости и юродивости – начальство от него отступило, и он был одним из первых, к кому применили амнистию зимой 1941 года".

*** Орлов Ю.Ф.** Опасные мысли: Мемуары из русской жизни. – М.: Аргументы и факты, 1992. – 349 с.

"Сегодня блестящая, в деталях разработанная идея справедливого, рационального общества – идея социализма – терпит унижительное поражение. Одна из главных причин, почему так получилось, состоит в том, что интеллектуалы, родившие идею, не учли природу самого интеллекта. Интеллект не чувствует любви. Он не чувствует физической боли. Он привержен порядку и окончательным решениям. Поэтому он способен порождать идеи сколь угодно беспощадного насилия, включая самоуничтожение и уничтожение всего живого. "Справедливое" и "рациональное" советское общество утопило само себя в океане крови, и затем ему потребовалось три десятилетия, чтобы снова выплыть на поверхность. Шестьдесят пять миллионов – мертвы. Шестьдесят пять миллионов. Любое будущее общество, основанное на экстремальной концепции справедливости, рациональности и окончательного решения социальных проблем, придёт к такому же концу.

Как русский диссидент, я участвовал в движении, которое помогло советскому обществу вынырнуть на поверхность. Сегодня, высланный из страны, я наблюдаю с оптимизмом, как она начинает плыть к берегам. У меня нет сомнений, что в двадцать первом столетии этот недоросток истории станет здоровым и нормальным народом. Может быть, другие народы чему-то нау-

чатся на опыте русской трагедии. Но величайшая проблема, проблема Беспощадного Интеллекта, останется нерезрешимой. 22 июля 1991" [с.13-4].

* **Кузнецов П.Г.** "Идея и определила мою жизнь. Из-за идеи жизни сел" // О времени, о Норильске, о себе...: Воспоминания. Кн. 1 / ред.-сост. Касабова Г.И. – М.: ПолиМЕдиа, 2001. – С. 162–173. (*Побиск – "Поколение Октября, Борцов И Строителей Коммунизма").

"...Арест для меня был неожиданностью, но я спокойно к нему отнёсся. Всё страшно, пока не попробуешь. Никакого надлома не произошло, потому что уже прошёл войну. Это существенный элемент, очень существенный элемент. Когда побывал среди трупов, по-другому смотришь на жизнь. Следствие шло долго.

Присудили мне 58-ю статью, и трибунал дал мне десять лет. А вопросы-то остались! Они как были научными вопросами, так и остались научными вопросами. Уже как осуждённых нас перевели в Бутырскую тюрьму. В середине пересылки находится церковь, которая использовалась как камера для переправляемых осуждённых. Там со мной было странное явление: приснился сон, будто я попадаю в какое-то ярко освещённое помещение, какой-то коридор, и звучали слова... В общем это трудно передать, но было ясно, что дело, которым я занимаюсь, проблему эту научную надо доводить до конца. Получил такое наставление, а от кого – не знаю. Был голос. Я проснулся и помнил это. Я никогда верующим не был, а вот возникла какая-то поддержка замысла, поручение разобраться с этими вопросами, сделать это святое дело" [с.166-7]. "И здесь всегда со мной был портсигар из пластика, склеенный формалином. Это лагерное изделие славилось не само по себе, а надписью: "Помни, что сказать, где сказать, а самое главное – что не сказать". Мудрое наставление ээка ээку" [с.168].

"... Я не думаю, что жизнь нашего периода сильно отличалась от каких-нибудь других периодов. Я думал, что шарашки – это изобретение Сталина или Берии, а мне знающие люди объяснили, что ещё у Екатерины на Урале были шарашки, где сидели интеллектуалы, от которых требовали, чтобы они изобретали что-нибудь для армии. Общее ощущение у меня такое, что практически все времена одинаковые" [с.168-9].

"Во время работы в селе Казачинском летом 1954 г. подготовил письмо о проблеме жизни и отправил в Институт философии АН СССР в Москву, подписав его "Тракторист Кузнецов". Проблемы жизни по-прежнему всерьёз занимали меня. Это главная идея моей собственной долгой жизни. Она потребовала от меня многих знаний: физики, химии, медицины, философии. Моя жизнь и после лагерей не была тихой или хотя бы спокойной. Много пережито, я стал доктором физико-математических наук, профессором. Брюссельский университет присвоил мне звание доктора философских наук. Званий, научных трудов у меня много, но сказать, что я постиг, что такое жизнь, – не могу. Нет у меня простого ответа, но глубокие размышления о жизни, изучение её движения, форм и прочая, обогащают человека и человечество" [с.172].

• **Дмитрий Панин.** Опыт

"В моей концепции мира-маятника этический контроль должны взять в руки люди доброй воли. Не нужно изобретать каких-то новых людей, сверх-человеков. Надо только дать людям цель, привлечь их, заинтересовать. Надо поставить как бы перед человеком зеркало, чтобы он в него посмотрел, определил свои силы, своё место. Это гораздо более реально, чем не допускать развития капитализма в одной стране и ратовать за свержение самодержавия, которое держалось тысячу лет.

В пользу людей доброй воли очень сильный довод: наличие большого их числа. В XX веке – колоссальный разлив зла, которое вышло из берегов и всё захлестнуло. В этом сравнительно цивилизованном веке, веке техники и науки, но надо подчеркнуть – и веке массового безбожия, нашли себе место и в Советском Союзе, и в странах-сателлитах, и в Китае, Индокитае, Камбодже как страшнейшие коммунистические диктатуры, от которых волосы становятся дыбом, так и гитлеровские застенки. И надо признать, что количество зла столь громадно, что не может быть поставлено под сомнение. Неоспоримый факт: XX век дал огромное количество злого материала и злых поступков. С точки зрения первого закона развития при таком громадном извержении зла в мире для его существования как огромного единства должно быть в его пределах доброе начало в том же, а если не в том же, то, во всяком случае, в громадном количестве.

Но только это доброе начало ещё аморфно, неопределённо: оно не знает, что ему делать, оно запуталось, у него нет руководящей идеи. Для того чтобы злое начало вошло в свои берега, чтобы оно количественно было поставлено под контроль доброго начала, нужен этический контроль, осуществляемый добрыми силами. Эти добрые силы есть, их нужно разбудить и вооружить идеями. Тогда вопрос станет именно в той плоскости, которую я предлагаю: создание нового общества – Общества Независимых – с сильным этическим контролем, который в каждой стране будут осуществлять лучшие люди. Как это сделать, вопрос другой. Это тема моей книги "Держава созидателей".

Думаю, что моя идея мира-маятника правильна. Весь этот распад, развал душ, декаданс – следствие того, что маятник латинских в основном цивилизаций подходит к концу. Если бы эти цивилизации развивались как раньше по отдельности, то уже ничем не спасти бы их. Ни Францию, ни Италию, ни Испанию, ни, пожалуй, Германию. Англия помоложе, но тоже, в общем, недалеко от них ушла. Счастье то, что теперь мир – это маятник, в котором все страны перемешались. Мировые войны, череда страшных событий, возникновение сверхдержав, их влияние – всё это привело к тому, что мир-маятник теперь единый. Каждая цивилизация, каждый народ не имеют своего маятника. Да, существует самобытный народ, но вместе с тем все народы теперь как единый маятник движутся к крайней точке. И сейчас мы к ней приближаемся. Об этом говорят признаки развала, распада душ, потери веры. И те, кто ходит в церковь, не всегда верующие. Я знаю, что такое настоящие верующие. Помню по двадцатым да и по тридцатым годам, по катакомбной Церкви. Вера – другое. Свою веру знаю. В лагерях знаю, как люди верили. А это что ж: пришёл на

Западе господин в храм, посидел на стульчике (в католических церквях сидят), несколько раз приподнялся, перекрестился раза три-четыре за всю обедню, потом скушал Oblatочку, и всё. Упростили всё до предела. Марксизм в таком распространении, а ему не могут ничего противопоставить. Это признак распада. Этому нельзя дать никаких логических объяснений, вроде того, что в детстве марксизму научили. Мало ли какой дури меня научили, когда я уличным мальчишкой был. С меня всё стряхнулось. Научили – отучился. Эка важность от марксизма отучиться, имей только желание. И без нас достаточно написано, а уж если с нашей помощью, то вообще очистишься в два счёта.

Цивилизация гибнет. Огромный мир-маятник состоит из народов разных возрастов. Русским – тысяча лет, французам, итальянцам – две почти тысячи лет, на тыщу лет нас старше, англичанам, которые из разных народов слепились, допустим, полторы тысячи лет, норвежцам тоже можно считать тысячу лет, полякам – тысяча лет, венграм – полторы тысячи, американцам – триста лет. Это всё-таки молодые нации с разным духовным здоровьем, далёкие ещё от своей крайней критической точки и могущие влиять, воздействовать в положительную сторону на мир-маятник. Молодые цивилизации могут дать достаточное количество людей доброй воли для того, чтобы мир-маятник не останавливался. Вот в чём моя идея.

Но нужны условия, которые могут этих людей мобилизовать. Церкви в старых цивилизациях слабые, в состоянии распада. В новых цивилизациях настоящих церквей почти нет. Нашу Православную Церковь растерзали, разгромили, теперь она мало что из себя представляет. Вот какая страшная вещь. В мире-маятнике – с одной стороны древние цивилизации, как китайцы, вьетнамцы, с другой стороны – русские, поляки. Страдание может омолодить, оживить старые расы, старые цивилизации. Во всяком случае может быть омоложение тех народов, которые много страдали, вытерпели, могут толчок дать, могут дать понять, что надо приносить себя в жертву, могут толкнуть на путь людей доброй воли, на путь создания рыцарей духа.

Итак, думаю, что мир-маятник не остановится в силу того, что: во-первых, сейчас он представляет единую семью всех народов. А раз так, то есть много молодых сравнительно наций, свежих сил, ещё не сгнивших, час которых ещё не пришёл, ещё достаточно далёких от старческой немощи; во-вторых, треть человечества находится в состоянии чёрных страданий. Поэтому страдание должно оживить, должно вдохнуть духовные силы.

Из всех цивилизаций найдутся люди доброй воли, которые способны пойти на жертву и организовать этический контроль. Иначе ничего не выйдет. Без этического контроля – всё пропало, без него невозможно наладить жизнь. Без участия благородного начала души всё скатится в энтропийную бездну. С каждым днём, как цепная реакция: один ворует, другой обманывает, третий тянет, четвёртый продаёт – один хуже другого. И в результате не на что и не на кого опереться, негодяйство сплошное, интриги, люди изолгались. В каждой области жизни можно доказать, что совершенно необходим этический контроль из лучших людей, которых не перекупишь и не испугаешь. Они есть, их миллионы.

Смысл советской пропаганды был в том, чтобы всячески человека оглушить. Пускай даже ерунду по радио передают, и он сам знает, что это ерунда и давно в это не верит, но, поскольку изо всех щелей прёт эта "информация", деться от неё некуда. Человек перестаёт думать; он отвлекает, избавляется от привычки думать. На работе надо было как-то думать; пришёл домой – теперь голова свободна, получай готовую пищу. Не надо человеку ходить в церковь. Вот в этом смысл пропаганды.

Поражает количество жестоких, свирепых людей в несчастной истории нашей, которые были спрятаны под тоненьким слоем благостных бородатых отцов семьи, крестьян, милых патриархов. О том, что творилось у них в избах, знают лишь маленькие отдушинки, такие глазки, как Бунин в своей "Деревне", Чехов... Чуть ли не два рассказа об этом на всю русскую литературу. Где же были другие? Толстой обрисовал Платона Каратаева, но он из тех, кто хотел себя в хорошем виде представить. Правильно у Достоевского: "В зверском уезде". Видимо, свирепость всё-таки очень крепко сидела в народе. Ближе к народу всё же был Белинский. Он правильно понял, что не такой уж это религиозный народ. Старая Русь была придумкой наших господ. Мы – далеко не святой народ. Действительность нашей истории такова, что мы совершили около 300 войн; были периоды, когда война была чуть ли не каждые два года. И не могли не сказаться все набег и звериные нравы, 200 лет татарского ига. На узловых точках Истории можно показать, что она нас не миловала, и, может быть, оттого, что мы выдержали, нам пришлось стать действительно жестокими, подчас свирепыми.

Но в полном объёме свирепость проявилась после 1917 года. Всё валить на латышей и евреев – это извините. Почитайте современников. Сплошные зверства. Что выделывали солдаты великороссы с офицерами? Кресты на них вырезали, заколачивали гвозди в погоны. Ужас! И делали это мы – русские, никакие не латыши. (Латыши делали своё грязное кровавое дело в своих частях). Надо учесть, что мы потеряли за эти страшные годы, наверное, больше 100 миллионов человек, к которым следует прибавить около 100 миллионов неродившихся. А кого уничтожали? Лучших, наиболее смелых, выдающихся, самостоятельных. В общем, у нас сейчас огромный перевес подлости. Развелось действительно очень много "унтерменшей", подлецов, приспособленцев – вот какой мы стали нацией.

Сейчас люди дезинформированы, буквально запутались. Конечно, они не верят во всю муть, которую им предлагали все эти годы. Но на её место может ведь другая муть прийти. Хоть это не так просто. Если будут предлагать "краснопеды" что-то из своего старого арсенала, то полагаю, что у основной массы это вызовет отвращение и недовольство. Однако активное меньшинство уцепится за подобие какой-нибудь партийно-марксистской отрыжки. Будем надеяться, что само по себе это не произойдёт. Тогда тем более этому надо помешать, и главное, постараться поставить ясные барьеры, привести такие возражения, из которых видно было бы, что если пойдём по этой дороге – опять бедствия, несчастья, не вылезем из них. Исходить надо из того, что мы есть, что мы из себя представляем, до чего мы докатились и соответственно наметить реальный путь для дальнейшего нашего существования: привести действительно себя в порядок, от

нравственных недугов излечиться. Но главная надежда не на излечение, а на новое поколение. Новое поколение не надо искать, снабжать неверными установками, готовить из него каких-то барбосов. Надо понять эпоху, в какую мы живём, и задачи, которые стоят в особенности перед нами, коль скоро мы натворили столько чудовищных дел.

Я всё время настаиваю на том, что этический контроль, кроме его основных задач (соблюдение конституции и пр.), необходим для того, чтобы поднять благородный, духовный уровень восприятия жизни, создать уровень благородства. Почему это нужно? Потому что, когда мир погрязает в подлости, он одновременно погружается в пучину зла.

Люди скатываются в сторону преступных дел. Преимущество марксизма в его бандитском смысле: всегда можно найти целую армию негодяев, бездельников, лентяев, которых можно натравить на других людей, сказав, что вся вина в них; грабь их, и ты будешь сыт, будешь пьянствовать, хорошо есть, будешь надсмотрщиком. У нас этого преимущества нет; мы можем сделать ставку на честные работающие слои населения, и думаю, что мы имеем все основания привлечь их к себе. Но для этого нужна активность, нужна жертвенная элита, которая может забыть о своих благах и интересах и жертвовать собой во имя спасения человечества. Если такие люди найдутся, то это реально. Если мир настолько уж плох, что не найдёшь жертвенных людей, тогда, естественно, марксизм будет торжествовать. Но я не думаю, что это так, я не вижу фатальной слабости добра по отношению ко злу. Наоборот. Зло делать удобно и легко, добро – более трудно и тяжело. Но добро – начало творческое, а зло – разрушительное.

Слой благородных людей необходим, но дворянство, титулованное дворянством, совершенно себя к XX веку не оправдало, и на него ни в коем случае ставку нельзя делать. Должен быть отбор благородных людей по благородству духа и по тому, как они его доказали на деле. Из таких отобранных людей можно будет действительно составить элиту людей благородного духа. Каждый человек должен сам заработать право на благородство духа. И никакого наследственного права не надо принимать в расчёт. Весь вопрос в том, чтобы элита взяла дело в свои руки и не упускала бы его, боролась бы за него. Тогда со сказочной быстротой можно будет покончить со всеми марксизмами и другими вывихами.

Я двадцать лет уже твержу, что мораль, равно как и благородное поведение, – основа основ в деле управления. Без этого нарушаются глубинные законы общества, рушатся связи, происходит предательство, и потом народам приходится расплачиваться за решения деятелей, полагающих, что легче, прагматичней без этого обойтись. Творческие решения дают единицы. Должны быть центры мысли, чтобы уметь отсеять эти решения. Должен быть институт экспертов. Должен быть хороший этический контроль. Во всех отношениях Дума – реальная нужная вещь, без которой мир не может существовать. Дума от слова "думать".

Совершенно напрасно гнездится в человеке понимание свободы как "делаю что хочешь, говори что хочешь, что моей левой пятке хочется". Совсем

нет. Путь к свободе через полусвободу. Мы должны стремиться к высокой свободе, а не к низкой. К низкой свободе стремиться нечего: иди в какие-нибудь джунгли и там будешь совершенно свободен. Только что-то желающих идти туда нет, а обязательно надо здесь, среди себе подобных, всё ломать. Те, кто думает, что этический контроль – утопия, считает, что проповедь Иисуса Христа ничего не дала, добро – вещь слабая, дьявол царит, он – реальная сила, а все потуги с ним бороться нереальны. Христианин так считать не имеет права. В самой отчаянной обстановке он должен вести борьбу, даже если в результате этой борьбы погибнет. Это самое реальное поведение, которое в конечном счёте обеспечит победу добрым силам над адскими силами. И недопустимо обращать внимание на замечания о нереальности этического контроля. Не сдавайся, борись – в этом реализм, а не в том, чтобы поджавши хвост, подчиняться каким-то оголтелым силам зла.

Увы, миллионы пользуются припевом "это нереально, проблематично", потому что он очень удобен. Объяснять ничего не нужно, доказывать ничего не нужно, и люди с важным видом вещают: "Это утопично". Вот и всё. И вроде получается, что ты умный человек и доказал, что хотел. Ничего ты не доказал. Ты доказал только, что вместо того, чтобы повторять умные вещи, повторяешь бездарные суждения каких-то душошлёпов из интеллигенции.

А ведь можно поставить так вопрос: "Вы говорите, что этический контроль невозможен, что нет людей доброй воли. Но спрашивается, почему их нет. Потому что в течение пяти столетий шло систематическое уничтожение благородного начала, уничтожение дворянства. Его высмеивали, начиная с Дон Кихота. И пошло, и пошло, и пошло. В XIX веке ещё был высший слой, монархия поддерживала дворянство. Я почитаю монархию за то, что она выдвигает лучших и опирается на них, а не на негодяев. Я против демократии, потому что она – рупор всяких преступников и даёт возможность их выдвигать и прятать их преступные помыслы за благовидной демократической декорацией. В монархии гораздо проще: ты должен быть приличный человек, из приличной семьи, даже если и из крестьянской. У нас были хорошие министры из очень простых, но честных семей. Они не были проходимцами, пьяницами, душегубами. Палачей в их роду не было. Иначе был бы срам.

Так что монархическая власть была очень хорошим установлением. Были приличия, но основой было благородство. Оно мешает отребью, всей партийной сволочи, которая рвётся к власти, хочет превратить людей в своих рабов, государства – в свою вотчину. Поэтому благородное начало для них – нож острый, самое страшное, что может быть. Силам зла и силам безбожия было страшно важно затоптать благородство в грязь, осеять его, вывести его из строя, потому что благородство души самое сильное оружие против сил зла и безбожия. Благородный человек – я имею в виду, конечно, человека благородной души – сумеет всегда противостоять им, организовать сопротивление, бороться с ними.

Церкви не воспевают благородное начало. Разве они готовят людей доброй воли? Иногда этот термин вспоминают, употребляют. Это неплохо. Но должна

быть система воспитания, как в кадетских корпусах, юнкерских училищах, где вколачивали хорошие правила поведения. Выпускали всё-таки людей приличных. Русские офицеры были одни из лучших. Не так, значит, плохо было поставлено дело, хотя Горький, Короленко и крыли их.

Раз всё свелось к тому, чтобы не давать благородному началу развиваться, осмеивать его, вырубать всё дворянство, всякого приличного человека надо было осмеять, низвести. "Шу-шу-шу", и в салонах его бойкотируют. Уверен, что если кинуть клич, соберётся дивизия, которая не подладилась под холуйский тон, под холуйскую управу салонов. Если церкви начнут готовить по-настоящему людей доброй воли, воспитывать благородное начало, оно забьёт ключом, и будет сразу видно, что благородных людей пруд пруди. Они есть, но не знают, куда приложить свои силы. Их затюкали, им ходу не дают, да и сами они не знают, как проявить своё благородство. Пойти в партком и сказать: "Вы – негодяи"? Но благородство с умом должно быть связано.

В предлагаемой системе – Обществе независимых, – где благородному началу отводится почётная, ответственная, опасная роль, подготовка людей доброй воли будет вестись с детства, лиги, монастыри будут помогать Церкви, и ключом забьёт благородство. Тогда мы скажем, реально или нереально уповать на благородное начало. Почему реально, чтобы людьми управляли преступники? Почему нереально, когда столетиями лучшие люди управляли государством? Какие-то они делали ошибки, бывали и преступления, но это не было организованное преступление. Геноцид XX века начался, когда преступная свора добралась до власти. Сравнить надо. Ум не надо терять.

Свобода должна быть для блага людей, а не для насаждения какой-то мрази и распутства; свобода не для разрешения преступления. "Замечательные" молодые люди, для которых морали нет, старики не указ, капитализм плох, в соцлагерь не очень хотят ехать. Хиппи разлагают страну, сидя у фонтана в Риме или у канала в Амстердаме, а демократия хлопает ушами. Народ должен охраняться законами, определяющими рамки, в которых человек может проявлять свою свободу, карающими распутство, нарушение нравственности. Почему не издать закон, запрещающий порнографию, и лишить удовольствия банкиров и богачей, которые хотят на народном несчастье ещё богаче стать?

XX век вскрыл историю целых цивилизаций, выяснил, что 40 из них погибло. Почему же мы повторяем их историю, их путь? Вся демократия – болтология. Идёт, как пущено. Мелкие людишки во главе государств стоят, каждый из них думает о себе: четыре года у власти, и всё, больше ему ничего и не нужно. Почему не воспринять, начав новую осцилляцию мира-маятника? Сейчас аристократии в сущности почти не осталось или очень мало осталось. И среди неё достаточно всяких ловких людей, которые всякие революции устраивают. Нам такая аристократия совсем не нужна. Нам нужна аристократия духа. Будь из любого сословия, но душа чтоб у тебя была благородная, чтоб ты был рыцарем духа. Рыцари духа смогут создать этический контроль, который создаст гарантии, обеспечивающие конституцию Общества независимых. Как подбирать людей в

рыцари духа? Обратимся к рыцарству, к рыцарским орденам. Вспомним, как в них подбирали людей, как выкидывали тех, кто не подходит. Когда что-то новое делаешь, надо всегда опираться на проверенное старое.

Для идеальной демократии или даже для такой демократии, как на Западе, требуется определённый уровень людей, их понимание свободы, их умение уважать друг друга, веротерпимость. Всего этого у нас нет, всё это у нас вытравлено, выкорчевано. Невозможно нам поэтому рассчитывать на срочное овладение демократическими формами. Да оно и не нужно. Дело показало, что демократия ничего не стоит, что она построена на неверных основаниях. И вещь немислимая – перевести немедленно всю массу в демократы. Это будет самообман, и предоставит он возможность ловкачам опять сесть на шею народную. Вполне возможно, что из 250 миллионов человек наберётся миллионов семьдесят не пьяниц, а людей, которые везут весь воз, работают на заводах, электровозах, в шахтах, которые отвечают за свои участки и которые, может, и пьют дома, но пьют в меру, не пропивают всё. С этими лучшими людьми возможен переход к другой системе.

Этим лучшим людям надо предоставить возможность руководить страной на основе монархических начал. Вернуться примерно к тому, что у нас было в России в начале XX века или в последней трети XIX века. Нечего бояться слова монархия. Монархия скорее всего обеспечит нас и традициями, и своими высокими идеями. Монархия вполне нам подходит, она нас выручала, и когда она была – была Россия, когда она исчезла – Россия исчезла. Так что самый правильный совет – перейти на монархическую форму правления, на самодержавную форму правления. Кто будет монархом? Может, даже им выберут выдающегося человека, который себя уже показал, – человека благородного, отважного, умного. Если такой человек появился бы – исполать детинушке, начинай новую династию.

Но если это невозможно, если это вызовет много всяких трений, может, придётся остановиться на отпрысках Романовых. Я против этого тоже ничего не имею. Монархия должна быть окружена хорошими советниками. Пускай монарх будет отправлять полноту исполнительной власти, но вся законодательная власть должна быть у Думы. Монарх может вето наложить, но это вето должно быть обосновано, произвола здесь уже не будет. Должны быть законы и конституция как Основной закон. Власть монарха будет не ограничена. Но конституция требует от всех, и от монарха, соблюдения определённых правил поведения, это исключает произвол. Самодержавие, но без произвола.

Будущая Россия, будущий её строй могут быть только, если нравы будут лучше. При дурных, звериных нравах никакой хорошей России не получится. Надо будет ясно доказать, что фальшивое стремление к равенству – гибельная вещь. Равенства нет, есть неравенство. Но неравенство должно служить поводом к улучшению, к усовершенствованию, к подъёму. Личность, интересы всякого человека, который не равен другому по своей силе, значению, должны охраняться законами. После страшного погружения в рабскую мораль, когда позволялось и брать, и воровать у государства, и врать государству, надо будет сделать боль-

шой крен в сторону честности, создания честности. Поэтому мне представляется сейчас важным, чтобы народ понял, как достичь этой честности, и на этой основе построить общество. Хороших людей отбрасывать не надо, но человек должен доказать делами, прошлым и настоящим поведением, что он хороший.

Только нравственное, только действительно благородное начало может спасти мир. Единственный есть путь. Это путь христианства, который указан Спасителем: как надо себя вести, какие заповеди надо исполнять, как надо относиться к людям, как надо относиться к Богу, как выполнять его волю. Путь преодоления сопротивления – тяжёлый путь, хотя большинство понимает, что это путь благой. Но легче не идти по этому пути. Люди от него всячески стараются отклониться" (Публикация Иссы Паниной).

"Сумма этических законов, управляющих жизнью людей, порождает законы, управляющие незримо жизнью народов, которые следует поэтому называть глубинными. Их значение для нормального эволюционного развития народа и для его процветания огромно. По меньшей мере три глубинных закона управляют жизнью народа. Первый закон. Общество развивается нормально и облагораживается при условии очищения людей от первородного греха. Второй закон. Управление государством должно покоиться на благородных принципах, и, соответственно, у его кормила должны стоять люди благородного духа. Третий закон. Исправление и усовершенствование мира возможно лишь под действием благородного начала, и для очищения общества от сил зла необходимо создать в нём этический контроль (службу защиты)" ("Держава созидателей").

* **О.Седакова:** "Я хотела бы уточнить одну вещь: что я, собственно, имею в виду, говоря о посредственности, о том, что называли "маленьким" или "простым" человеком, чтобы избежать легко предсказуемых обвинений в элитаризме, высокомерии и т.п. Посредственностью, которая составляет социальную опасность, я отнюдь не называю человека, у которого нет каких-то специальных дарований – совершенно не это. Я называю так человека паники, панического человека; человека, у которого господствующим отношением к жизни является страх и желание построить защитные крепости на каждом месте.

Русское слово "посредственный" по своей морфологии позволяет понять его по-разному: посредственный как нечто посередине, ни то ни сё – или иначе: как человека, которому необходима опосредованность, который воспринимает всё только через готовые, опосредованные формы: он не может перенести прямого неопосредованного, непосредственного отношения с миром. Вот такого человека и стали прославлять, называя его золотой серединой, которая спасёт нас от опасных крайностей. Мне крайне обидно за Аристотеля, который в своей "золотой середине" никак не предполагал посредственности, он бы никогда не связал её с таким благородным металлом. Аристотелевская "середина" – очень радикальная вещь: она заключается в равном отстранении от двух противоположных пороков, но в этой сложной пропорции всегда есть блеск и мужество. Впрочем, не один Аристотель пострадал и обтрепался, попав в развязный журналистский курс. <...>

Левинсон: Но я хочу сказать, что у нас торжествовала не посредственность, а посредственность, взятая за норму. – Седакова: Да. <...>

Седакова: Посредственность, естественно, была одновременно и инструментом и целью: надо было превратить в посредственность всё население. И те, с кем это не удавалось, подвергались преследованию – не каких-то политических взглядов, а просто потому, что они представляли собой не посредственность, этого было достаточно. То же самое происходило в Германии. Образцов преследования человека за то, что он не гений, мне кажется, мы не найдём. Мне кажется, и быть такого не может, чтобы гений превратился в репрессивную силу. <...>

Лапшин: Совершенно очевидно, что у нас сейчас власть посредственности и что на поле демократии могут играть только посредственности. Люди культуры как бы не относятся к этому всерьёз, они часто не упускают возможности на этом заработать, занимаясь обслуживанием этого процесса, его регулированием, и играют в конечном счете против самих себя. <...>

Может быть, одна из драгоценных черт, которыми обладает тот, кого я никак не причислю к посредственности, – это внимание. Что в сущности отличает человека посредственного? Он невнимателен. И хочет быть невнимательным, хочет "рассеяться", у него просто какая-то неутолимая жажда рассеяться, развлечься, расслабиться.

*** Налимов В.В. Канатоходец. – М.: Прогресс, 1994.**

"Предсказание анархистов оправдалось: государство, идеологически перенасыщенное, обратилось в самодовлеющее Чудовище, погубившее страну. В плане историческом я вижу смысл русского мирного анархизма в предотвращении попытки насильственного построения коммунизма. Шёл поиск других, компромиссных решений. Основная идея анархизма состоит в том, что человеку изначально свойственна устремлённость к свободе. Никакие цели, как бы заманчиво, а иногда и величественно они ни формулировались, не могут быть осуществляемы в ущерб свободе. Эта мысль не была воспринята – в противовес ей был поставлен эксперимент сурового насильственного воздействия в масштабах всей страны. Чем он обернулся, теперь многие хорошо осознали. Но ведь можно было бы этот трагический эксперимент и не ставить, если бы природа человека была понята своевременно.

В анархическом движении, крайне неоднородном по своим исходным позициям, особое место занял мистический анархизм, смыкавшийся в первые годы с анархическим коммунизмом. Почему анархизм оказался связанным с мистикой? Ответ на этот вопрос звучит однозначно. Анархизм из чисто политического движения должен был превратиться в движение философское с определённой социальной и морально-этической окрашенностью. Это был вызов, брошенный марксизму, православию и всей суровой научной парадигме тогдашних дней. Речь шла о создании целостного – всеохватывающего мировоззрения, основанного на свободной, идеологически не засорённой мысли. Анархизм – это всеобъемлю-

щая свобода. Она должна охватить все проявления культуры; в том числе и науку, остающуюся в плане методологии жёстко идеологизированной" [с.141].

Во главе анархо-мистического движения стояли Аполлон Андреевич Карелин и один из его учеников – Алексей Александрович Солонович, математик и философ <...>. Сейчас я приведу некоторые цитаты из сохранившихся записей лекций А.А.Солоновича. Это уместно здесь сделать" [с.142]. "Я здесь даю цитаты, а не делаю пересказа прежде всего потому, что мне хочется, чтобы читатель уловил "голос" Солоновича, его аргументацию, его манеру изложения. Это не тексты, подготовленные к печати, а почти всегда – записи лекций. К тому же пересказывать его было бы крайне трудно и потому, что он не формулирует исходных аксиом и не строит отчётливой логической системы. Он ограничивается тем, что обсуждает некоторые существенные для него темы. Изложение носит явно выраженный повествовательный характер. Автор часто опирается на опыт мистических переживаний. Строго говоря, это не философия, а философствование" [с.143]. Свобода является единственной приемлемой формой, под которой можно мыслить себе Бога [с.143-4]. "Солонович часто подчёркивал неопределимость глубокомысленных слов. Помню, как он говорил о неопределимости слова Свобода, столь важного для анархистов, сравнивая его со словом Бог, также не поддающимся определению. Богу приписывается даже эпитет – быть "несуществующим", поскольку Он выше как существования, так и несуществования. Гностики, как и Псевдо-Дионисий Ареопагит, развивали так называемое апофатическое богословие, стремящееся выразить сущность Бога через отрицание всех относящихся к Нему определений как несообразных Его природе" [с.144].

*** Из тетрадей А.А.Солоновича**

1. Конспекты: Постановка основных проблем.

... человеческая личная жизнь сама по себе бессмысленна. Она полна пошлости, глупости и скуки, а самое главное – страдания... (с.6). Человек живёт в бесконечной бездне – вселенной и поэтому бесконечность и вечность, а вместе с ними и идея бессмертия есть самый несомненный факт, и человек должен найти отношение к этому факту, найти пути к нему (с.7). Деятельность человека, направленная к решению вопросов, связанных с этой проблемой, и к установлению живой связи между человеком, как существом конечным, и бесконечностью, называется религиозной деятельностью (с. 7).

... пока условимся называть "мистикой" всё то, что ставит нас в непосредственную связь с реальностью, с окончательной действительностью (с.8). ... только в мистическом же акте может быть дана нам реальная бесконечность (с.9). Поэтому в основе всякой религии лежит осознанная мистика – религиозная мистика. Поэтому же в основе всех человеческих поступков также лежит мистика, но у одних сознательная, а у других бессознательная (с.9). Однако дать определение мистическому акту нельзя, ибо он первоначален (с.11).

Величайшие этические идеалы явились из тех величайших религий внационального характера – религии Кришны, религии Будды, религии Христа. Надо только очистить их от всего наносного и лживого, что было на них нало-

жено искренними и неискренними последователями и создателями соответствующих церквей (с.13). ... человечество стоит перед истоками новой религии. В силу известных причин, о которых впоследствии будет случай говорить, – эта религия может быть определена как религия Параклета-Утешителя (с.14). ... все проповедники подлинной анархии являются предтечами Параклета, а среди них крупнейшими являются Бакунин, Толстой и Кропоткин (с.15).

"Мы стоим на рубеже великих свершений. События происходящие – первые всплески, и много ещё гигантских валов прокатится по России, Европе, Евразии..." (с.16). Есть три факта в человеческой действительности: человек произошёл, стал таким, какой он есть; человек живёт, существует; человек умирает (с.20). Эти три факта приводят к постановке трёх вопросов, без ответа на которые человек остаётся бессознательным: как, откуда и зачем пришёл человек; в чём цель, значение и смысл жизни; что такое смерть – какой её смысл и значение (с.20).

... что есть великого и прекрасного в человеке, и человечество может получить жизнь и деятельность только на религиозном основании, которое даёт появиться тому, что является "Божественной искрой" в человеке – красоте, любви, мудрости, свободе, правде и т.д. в их бесконечном размахе (с.22).

2. Объяснение и познание.

Если я смогу уподобить своё сознание сознанию другого, то я познаю сознание этого другого (с.1). Наука объясняет, а это совсем не то, что познание. В основе категории познания лежит истина, а в основе объяснения лежит власть – стремление к власти, к овладению вещами (с.1). Наука всё равно бессознательно подразумевает и не может не подразумевать субъекта познания (с.1). Раньше, чем объяснить, наука должна убить – ясно, что и её выводы мертвы. Они годны для овладения природой, для накопления её, для власти над ней, но не для того, чтобы жить с природой, понимая под природой и самого человека (с.5).

На научных теориях нельзя построить никакого мировоззрения, потому что самый принцип науки состоит в том, чтобы менять теории в зависимости от удобства их применения... (с.7). В науке нередко пользовались заведомо неверными точками зрения, чтобы получить правильные выводы... Так, мы уже рассмотрели атомистику и показали её нелепость... Однако с помощью её удавалось не раз получить хорошие формулы (с.8). ... само понятие материи – является комплексом абсурдов" [с.145]. "Абсурдов, ибо материю можно мыслить себе или сплошной или прерывной (с. 8). Нужно уметь уподобляться каждому человеку... Путь уподобления есть путь сопереживания, сорадования, сострадания (с. 10).

Душа животных должна раскрыться перед человеком... (с. 11). Человек начинает слышать, как растёт трава, что выражается в аромате цветов, в свойствах минеральных образований. Его сознание расширяется всё более и более – оно становится способным проникнуть во все явления мира... (с. 11). А наряду с этим в человеке развиваются новые способы восприятия, новые органы чувств... Всё сильнее раскрывается в нём его духовная сторона, и ей становятся доступны миры иные, миры иных категорий, совершенно не по-

хожие на наш (с. 11). И на самом деле существуют бесчисленные миры с бесконечно разнообразными обитателями (с. 12).

"... принцип "ненасилия", являющийся в существе своём принципом величайшей силы, ибо гигантская сила нужна, чтобы действовать ненасилием, но потому анархисты стремятся к могуществу, к мощи, но не к власти и насилию..." (с. 13). "Законы природы являются законами человека, которые он хочет навязать природе..." (с. 15). "... научные постоянства суть только таблицы и разложения в ряды. Но раз так, то основой таких постоянств является теория вероятности и формальная возможность разложения в ряды..." (с. 17). "Однако, оставив пока мышление в понятиях в стороне, мы обратим внимание на мышление математическое... Его особая ценность покоится, между прочим, и на его общезначимости" [с.146].

"Здесь взгляды Солоновича опять переключаются с высказываниями Ницше [Ницше, 1910]: Мир представляется нам логичным, потому что мы сами его сначала логизировали" [с.146]. "Однако всё оно покоится в основном на воображении" (с. 22). "Суметь вообразить себе, представить себе душевное состояние другого субъекта и уподобиться этому субъекту, отождествиться с ним – таков путь познания. Суметь вообразить себе, вспомнить своё собственное прошлое, отождествиться с ним – таков путь самопознания" (с. 24).

3. Конспект по философии истории и научному методу.

"Итак, науки исторические суть науки о единожды данном и неповторимом... Поэтому ясно, что не может существовать законов истории" (с. 3). "Всякий закон есть закон больших чисел, есть статистический закон" (с. 4). "Исторический процесс в человечестве – это есть процесс, совершающийся в сознаниях" (с. 7). "История человечества есть история состояний сознаний..." (с. 8). "Ни над, ни под человечеством нет никакой сущности, ни духовной, ни материальной, которая бы творила сам исторический процесс" (с. 9). "Человеческую историю человек не может описывать со стороны, ибо он не может "отойти" от человечества, перестать быть человеком" (с. 10).

"Нет и не может быть научного мирозерцания, ибо наука таковым обладать не может, для этого у неё нет средств. Но научные данные должны лежать в основе каждого мирозерцания, если оно претендует на общую значимость" (с. 15). "Наука ставит вопросы только о функциональных зависимостях, наблюдаемых среди явлений, и система, объединяющая все научные данные, строится по методу математической дедукции" (с. 15).

"Этим создаётся единая и мощная классификационная схема, позволяющая легко и быстро находить данные, которые могут понадобиться нам в жизни. Эта схема играет роль каталога большой библиотеки, где книги расставляются систематически по полкам, а в нашем случае – факты по формулам, а общетеоретическая схема связывает всё это по шкафам" (с. 16). "Поэтому наука так легко и быстро меняет свои теории" (с. 16). "Поэтому всякий, кто говорит, что он научно обосновывает смысл и цель жизни, научно доказывает бытие или небытие бога и т.д., – говорит вздор и показывает своё невежество в науке или в философии, а то и в обеих вместе" (с. 16) [с.147].

4. Очерк по истории марксизма.

"... анархическое движение, подобно эсеровскому, не избегло тлетворного влияния марксизма, причём это влияние сказывалось не отдельными периодами, а проходит через всю историю анархического движения вплоть до наших дней. Вследствие этого автор разделяет анархистов-коммунистов и анархистов-марксистов. Очерки эти были написаны в 31–32 гг. в период заключения автора в Верхне-Уральском политизоляторе, и в это же время там находились анархисты как того, так и другого направления. Основными задачами, которые тогда ставили перед собой анархисты-марксисты, были: объединение анархического движения путём образования партии анархистов и разработки программы этой партии. Инициатором и руководителем этой верхне-уральской группы был В.Бармаш, который в те же примерно годы отбывал срок заключения в том же политизоляторе. По некоторым данным, в ссылках и других местах заключения находились сторонники анархистов-марксистов" (с. 13).

5. Вселенная как совокупность миров (Мир материально-физический).

"О времени мы узнаём не из ощущений, а из представлений" (с. 3). "... пространство так же не ощущение, а представление..." (с. 5). "Мышление есть стихия. Из всех семи стихий – четыре относятся к материальному миру, и три имеют более широкое значение, но все семь так или иначе проявляют себя в материально-физическом мире" (с. 14).

"Так гномы говорят нам на языке непроницаемости, скрытности, тяжести. Ундины – метаморфичны, как вода, и принимают всевозможные формы в зависимости от окружающего. Сильфы подвижны, как воздух, и саламандры горячи и чисты, как пламя. Кобальды – духи металлов – в своём характере обладают как бы пластичностью и гибкостью и т.д. и т.п. Вся эта совокупность образует царство сил природы... (с. 16). Итак, уже сейчас можно набросать такую картину: духовная монада нисходит до минерального царства... Затем начинается её эволюция, и она через бесчисленные века становится растением, затем животным и, наконец, человеком... На этом пути она неизмеримое".

"Я был свидетелем этой борьбы в конце 20-х годов. С позиций анархистов-коммунистов (к которым в основном принадлежали и анархисты-мистики) представлялась нелепой сама постановка задачи о создании партии. В этом случае стирается основная идея анархизма: свобода заменяется подчинением партийной структуре с её дисциплиной и программным единомыслием. Автор поясняет: Семь стихий: земля, вода, воздух, огонь, свет, звук и мысль" (с. 26) [с.148]. "... количество раз рождается и вновь умирает, ибо ей приходится менять от времени до времени своё тело, когда она внутренне переработает то, что это тело может ей дать... ..животные, растения и минералы – это наши отставшие братья, правда, отстали они от нас на сотни тысячелетий, но и сотни тысячелетий – лишь миг перед вечностью нашего бытия" (с. 22).

"Совершенно ясно, что должны существовать, – и они действительно существуют, – существа, стоящие неизмеримо выше человека, перед которыми человек то же, что перед нами камень, или даже ещё более высокие... Только не нужно думать, что мы им, а они нам как-то подобны!.. Это подобие есть только в

возможности!" (с. 26). "Задача родившихся на Земле – творчество здесь, а потустороннее творчество можно отложить до времени, когда сами станем гражданами иных миров" (с. 29). "Только тот, кто настолько могуч, что его силы не исчерпываются всей полнотой земных нужд, всей силой страдания человечества, только тот и будет думать, кроме Земли, ещё о творчестве и в иных мирах..." (с. 30). "И тем не менее не может быть правильного творчества на Земле, если нет перспектив в иные миры и бесконечность. Подлинно благое творчество, отвечающее полноте нужд человеческих, творчество зрячее, а не слепое, может явиться как результат не только самосознания, но и того, что в последнее время зовут космическим сознанием. Космическое же сознание пробуждается в человеке только на зов бесконечности, на тоску по совершенной красоте" (с. 30).

6. Фазисы эволюции в онто- и филогенезисе. Часть I. "Теперь становится уже ясно, что мистика ставит человека в непосредственное соприкосновение с реальностью... так что различные "мистики" можно классифицировать по четырём большим разделам: 1). Мистика стихийных сил – мистика колдунов, шаманов... 2). Мистика человеческая – мистика религии предков в её различных формах... 3). Мистика света – божественная мистика подлинного и глубокого эзотеризма... 4). Мистика тьмы – мистика Зла, свойственная некоторым течениям, связанным с борьбой за власть и наслаждение... Это мистика порыва к верхам сорвавшегося в бездну..." (с. 2). [с.149]. "Но история человечества есть совокупность движений отдельных сознаний... Все эти сознания "свободны", но в результате получается "нечто" и некое постоянство... Однако это "нечто" трансцендентно как раз именно для того человеческого сознания, жизнь которого и даёт это "нечто". Оно для человека не познаваемо, фикция и ничто..." (с. 8).

"Всякое же рассуждение о так называемых законах истории является бессмыслицей... Совершенно другое получим мы, если встанем на точку зрения становления субъекта, развертывания (эволюции) им заложенных в нём потенциалов" (с. 10). "Здесь мы подходим к фазам становления... рассмотрим состояния гилизма, психизма и пневматизма, как фазы становления человеческого духа" (с. 10). "Итак, мы имеем перед собой гилика... он мыслит образами, и у него ещё нет никаких понятий, его память не комбинаторная, но механическая" (с. 10–1).

"Человек (гилик), как форма, происходит из рода, он только отпрыск формообразующей силы, свойственной роду... Из рода он получил всё, что делает его человеком, – своё знание преданий, обычаев, способов жизни, – вся его память целиком образована родом – род живёт в его памяти в лице его предка и событий существования... Родовая страсть кипит в его жилах... Сама метаморфичность его тела и души – лишь повторение свойств рода... И он передаёт эти свойства своим потомкам... Он подобен цветку на дереве – даёт потомство и осыпается, ибо в этом его значение" (с. 13). "Из природы течёт в него поток эмоций вместе с образами... Как поток стихий шёл беспорядочной грудой общих переживаний, так теперь идёт в него и поток эмоций от образов природы... Эти образы суть стихийные духи, духи природы в их многообразии..." (с. 14). Наши сказки и басни – далёкие бледные тени сказок жизни той эпохи... Отсюда – тоте-

мизм. Он основан на понимании связи человеческого рода и животных... (с. 16). [с.150] ... было нечто, препятствовавшее развитию, от чего "человечество" избавилось, а оставшаяся часть не смогла избавиться.

7. Фазисы эволюции в онто- и филогенезисе. Часть II. Состояние психизма есть состояние, когда человек рождается и его пуповина обрывается, и он остаётся один, уже не слитый с природой, но противопоставленный ей... (с. 10). Отныне он хочет покорить природу, подчинить её своей власти... (с. 10). На ступени психизма рождается самолюбие и эгоизм как любовь к своей личности (с. 12). Переход от психизма к пневматизму может совершиться только путём безоговорочного подчинения рассудка, понятий, а стало быть, и личности с [с.151] её эгоизмом – более высоким началам духовности (с. 15).

Для пневматика жизнь должна рассматриваться вне времени, и он не имеет целей... (с. 16). Психик стремится к истине, владеет ею, но пневматик сам должен стать и быть истиною: "Я есть путь, истина и жизнь!" – говорит Христос (с. 16). Для пневматика Вселенная есть совокупность сознательных или бессознательных сил, есть соотношение свободных волей... (с. 16). В основу права должен быть положен принцип несравнимости людей – их абсолютной разности в их принципе и их полное равенство в возможности проявления (с. 20). В социальном же смысле любовь на Земле есть отказ от богатства и власти (с. 21). С этой точки зрения, всякий, кто обосновывается на любви, сочувствии, жалости, истине и т.п., – религиозен... (с. 22).

Когда психик борется "во имя идеи" – он борется во имя личности... Да погибну я, говорит он, но да живёт моя идея! (с. 29). Но под идеей психик понимает юридическую личность, скорлупу, и во имя её, во имя "дальнего" приносит в жертву сотни, тысячи и миллионы ближних живых людей... Это и есть подлинное поклонение дьяволу, чёрная месса, подлинный сатанизм (с. 30). В человека, как и во Вселенную, заложены возможности – потенциал. Задача развития – развить, развернуть эти возможности в действительности, привести их в действие... Эволюция есть развёртывание потенций, а исторический процесс есть становление эволюции (с. 32).

... и только тогда, когда выполнен будет нами целиком завет любви и мудрости, мы познаем истину и станем свободными, это свобода от Кармы, от мировой причинности. Тогда мы сами станем одной из вселенских причин, станем теми, кто может "вязать" и "разрешать". В напряжённой борьбе за добро против зла переплавляется постепенно природа человека, и алхимический процесс Великого Делания из грубого камня получает высшую духовную сущность. В этой неустанной борьбе подаётся помощь отставшим, и самому можно подниматься, только поднимая других (с. 34).

8. Вселенная как совокупность Миров. Мир форм (мир образов). "Итак, мы начнём с того, что констатируем... существование прежде всего наших представлений. Эти представления меняются, текут как сновидения, и сначала в них самих нельзя уловить как будто никакой внутренней связи... "(с. 5). "... никто нам не может ничего сообщить о том, что же есть "объективно", т.е. вне воспринимающего субъекта, а значит, так нельзя говорить" (с. 7).

"Сила формообразования или "воображения" у кристалла исчерпывается ростом данного индивида. У растения этот рост переходит границы индивида и даёт зародыш – зерно другого индивида... У животного воображение идёт ещё дальше и создаёт мир эмоций и восприятий; наконец, у человека он вырастает до разумения – всё это суть только различные фазисы проявления формообразующей силы – силы воображения" (с. 8).

"Я ощущаю себя, своё тело... Но раз я ощущаю своё тело, то прежде всего я сам противопоставляю себя же этому телу... Моё тело становится для меня "не-Я". Я его ощущаю как нечто "другое", а когда я хочу воздействовать на него, – оно и совсем оказывается "другим", так как знаю я его, пожалуй, не больше, чем любую "внешнюю" вещь, а кроме того, оно и сопротивляется моим желаниям..." (с. 12).

"Мы говорили, что оно [познание] совершается через уподобления. Однако высшей степенью его является отождествление... Акт отождествления и ставит нас перед фактом мистического познания" (с. 13). "Мистическое познание преодолевает разделение на субъект и объект – оно совершается как отождествление двух: "Я" и "не-Я", но отождествление не подсознательное, а надсознательное, сверхсознательное. Такое сверхсознание достигается человеком фактически, но не путём рассуждений и умозаключений... При этом в акте отождествления необходимо действует воля, мудрость и любовь" (с. 13).

"Так в моём сознании живут желания, влечения, страсть, инстинкты и т.п. разнообразных духов, отождествлённых мною с самим собой... Во мне говорят различные голоса, и спорят различные голоса, и спорят различные индивидуальности... И только всё большее развитие моего самосознания может выяснить мне границы моего собственного "Я" (с. 14).

"Эта Карма сплетает вместе судьбы отдельных индивидуальностей, групп, народов, пород всего мира... И можно проследить, конечно, почему оказываются сплетёнными судьбы различных индивидуальностей... Отсюда следует, что, двигаясь постепенно в этом направлении, мы внутренним анализом самих себя, вместе с внешним исследованием мировых судеб семейств, народов, рас, пород и т.д. [с.153] постепенно распутаем клубок, составляющий то, что мы считаем совокупностью наших "Я" (с. 17). "Два стража порога стоят, не пропуская нас к сознательному восприятию внешнего мира и нашего "Я". Страж, который загораживает нам путь к миропознанию, есть страх; и страж, стоящий на пути к самопознанию, есть стыд. Не нужно только думать, что тот страх и стыд, о которых мы здесь говорим и которые живут в нас, таковы, каковы эти переживания в обыденной жизни..." (с. 20).

"Нужно только всегда помнить, что Вселенная бесконечна, а мы сами бессмертны, что не было времени без нас и не будет... Вся Вселенная – гигантское сообщество существ, стоящих на различных ступенях совершенства, и на безмерной высоте над ними стоят те, кого с древних времен называли зонами..." (с. 22). "Высшее, частичное воплощение кого видела Земля, были зоны... Это были зоны любви, давшие миру религии Кришны, Будды и Христа... Религии любви, мудрости и свободы..." (с. 22). "Но никто из принявших

человеческую форму не может подняться над человеком, не победив в себе трехглавого дракона эксплуатации, власти и лжи и его слуг – "стражей порога". Это и рассказывается в мифе "Апокалипсиса"... (с. 23).

9. "Вселенная как совокупность Миров. Мир образов и мир идей. Конечно, есть и ещё более высокие миры – они идут в бесконечную высь – это миры духов различных категорий и степеней совершенства... А над всеми этими духами выше всего стоит Тот, Кого мы не можем ни определить, ни назвать, – Бог. Он выше совершенства и выше даже бытия или небытия... Одинаково правы как те, что говорят о Нём, что он существует, так и те, которые говорят, что он не существует, и одинаково же они ошибаются...

Тем не менее мы для себя самих, а вовсе не для того, чтобы выразить подлинную сущность Бога, говорим о тех формах божественности, в которых мы, люди, можем Его себе мыслить. Бог в сверхбытии – непроявленный. Бог в бытии – Сущий и Творец и, наконец, Бог Спасающий... Но это всё в сущности только слова, не поддающиеся никакому дальнейшему определению... Мы бесконечно дальше отстоим от Него, чем инфузория отстоит от нас, и потому легче инфузории понять и выразить дифференциальное и интегральное исчисление, чем нам что-либо сказать о Боге. Так от низшего мира до высочайших поднимается бесконечная лестница ступеней духовного совершенства. [с.154] На всех этих ступенях идёт жизнь, борьба. И живут эти миры часто для нас менее понятной жизнью, чем была бы понятна жизнь человеческого общества для муравья или пчелы... И тем не менее между всеми этими мирами есть единственная связь – цепь взаимодействий, и эта цепь и связь прежде всего определяется любовью... Поэтому бывали случаи, когда из миров более высоких духовные индивидуальности сходили в наш мир и "осеяли" людей, делая их вдохновенными пророками, глашатаями новых истин" (с. 8–9).

"Пневматик преодолел мысль путём "бунта" и поднялся от необходимости – к свободе, от справедливости – к любви" (с. 22). "А пневматиком Он [Христос] говорил: "Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь её солёною? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить её вон на поприще людям" [Мф. 5:13]" (с. 22). "Итак, для пневматика миф – есть изображение подлинных реальностей бытия, есть как бы мировой роман или мировая трагедия" (с. 27). "Пневматик "разговаривает" с ними [духовными существами] не на их языках, он воздействует на них "заклинаниями", и потому в этом случае он является магом. Слово же "маг" означает и "маг", и "мог", "мощь" и "могущество", и с другой стороны – "imago" – воображаю, l'imagination – воображение... Маг может призвать духов, так как он знает их "имена" и может говорить с ними на их "языке", и "язык" этот, как и человеческий, есть определённый символизм, что и дало повод говорить о "магических формулах" (с. 26).

10. Переход от объяснения к познанию. "Роль науки заключается в объяснении, а отнюдь не в познании" (с. 1). "Если есть нечто физическое во внешнем мире, то оно остаётся физическим и в моём теле, и, если есть нечто

психическое в связи с моим телом, то оно остается психическим и вне моего тела...". "...Отсюда вытекает, что раздражение не может переходить в ощущение, в нечто психическое внутри тела, если этого психического не было уже сразу дано изначально... (с. 6). В свете, в звуке, во вкусе и т.д. – в различных так называемых ощущениях открываются человеку другие существа и ведут с ним разговор на своём языке... Кто говорит на языке красок и форм, кто – на языке звуков и вкусов и т.д." (с. 7).

"Таким же образом, как духи природы, могут открываться нам и духи, стоящие гораздо выше нас... Они на своих языках или на наших сообщают людям истины, ведомые им и неведомые нам" (с. 8). "Но можно идти дальше и глубже – можно не только проникать в душевные состояния других людей, но и творить их" (с. 8). "Можно читать в глубине душ человеческих, совсем не прибегая к условным языкам, но понимая смысл того, что одна душа может раскрыть другой на языке своей собственной природы" (с. 9).

"Таким образом, "волчность" волка связана не с частицами вещества, а с формой. Ведь и глиняный кувшин ничем, кроме формы, не отличается от куска глины, от которой взята и та глина, что составляет его самого. Все такие формы, если брать их с точки зрения их силового обоснования, и будут энтелехиями" (с. 12-13). "Таким образом, эйдос является чем-то, что может служить объединяющим началом для энтелехий, то, что лежит в основе их самих – их цель, идея, сущность, архетип" (с. 15). "Можно сказать, что если энтелехия есть план постройки, то эйдос – её идея. Однако ни в коем случае не следует смешивать эйдос – дух – идею, с одной стороны, и духовный рас-судок – с другой" (с. 15). Понятие и идея – совершенно разные вещи. Весь человек есть идея, но понятие есть произведение человеческого ума" (с. 15).

"Бывают у человека переживания чрезвычайно напряжённого характера, моменты вдохновения и т.п. Те, кто их пережил, могут констатировать следующее: в такие моменты созерцание открывает мир эйдосов, платоновских идей, по отношению к которому мир образов является как мир энтелехий – форм и душ. Итак, мы имеем перед собой мир эйдосов, и в этом мире мы находим снова своё "Я" как эйдос, противопоставляемый всем другим. Это своё эйдотическое "Я" мы называем индивидуальностью" (с. 23). [с.156]

"Так и в нашем случае – задача заключается в том, чтобы, смотря в книгу природы, уметь её читать. Мы уже видели, что наука как таковая задаётся совсем другими целями, а потому не служит целям познания и работает не во имя истины, но во имя пользы" (с. 25). "Нужно стать Истиной, но ясно, что такая задача может быть разрешена каждым эйдосом, каждой индивидуальностью только в течение веков и в многообразии бесчисленных миров" (с. 26).

11. Фило-София и София (как фазисы человеческого развития). "Можно сказать, что философия как мышление о мире началась с Аристотеля, ибо все предшественники Аристотеля ещё отчасти принадлежат религии, мифу и сказке". "Аристотель дал почти полную и окончательную логическую основу для всякого мышления вообще, ибо дал логику как науку о законах правильного мышления" (с. 2). "После Канта, как и до Аристотеля, мы принципиально нового

в узком – философском смысле уже ничего не находим, ибо философы послекантовского периода в сущности развивают только более подробно то, что в основе уже имеется у Канта" (с. 1). "Философия живёт в мышлении, мудрость же живёт в деянии" (с. 2).

"Сознание оказывается заключённым, закутанным со всех сторон "с головой" формами, исходящими из самого же человека. Человек оказался заключённым в кокон им же самим из себя выделенных форм" [с.157]

"Душа человека подобна бабочке, которая окутала себя выделенной паутиными железами тканью... Мозг человека оказался такой паутиной железой. Но человеческая душа не запуталась в ею же самой сотканной паутине философии, а именно закуталась, чтобы благодаря этому пройти определённую стадию своего гармонического развития. И стоит нам бросить взгляд на историю и задуматься над соответствиями индивидуального и родового развития, чтобы заключить с несомненностью, что стадия философии есть стадия психизма, которой предшествует гилизм и за которой следует пневматизм.

Философия Канта является, таким образом, заключительным моментом психической стадии развития человечества, живущего европейской культурой. Но раз это так, раз это есть закономерный факт развития, то единственно правильным подходом к этому факту прежде всего должно быть исследование того – что это за факт, как фазис, и каковы возможности его преодоления для дальнейшего развития?" (с. 4-5)

"Далее в "Тетради" идёт рассказ об истории становления европейского сознания. ...весь смысл философии вообще и философии Канта, в частности, вовсе не в познании, но в воспитании, т.е. в вынашивании новой структуры человеческого организма. Философия не сообщает нам никакого познания, но преобразует наше сознание" (с. 11). "В сущности, единственным следствием философии является безусловный, чудовищный солипсизм. Философия погружает человека в пучину безбрежного одиночества. Мейстер Экхарт назвал бы это святая святых души, ибо это и есть психическая колыбель духа" (с. 11).

"Теперь человек всё закутывает в понятия, и всё умирает перед человеком, природа превращается в простой механизм ради того, чтобы дать человеку возможность достигнуть бессмертия. Но, конечно, на самом деле природа не умирает, но скрывается за занавесом. И этот занавес отныне может поднять только бессмертное сознание" (с. 12).

12. Кант и его философия. (Здесь мы ограничимся лишь тем, что приведём те высказывания Канта, в формулировке Солоновича, которые оказались, как это мне представляется, наиболее существенными для автора. Наша задача здесь сводится к тому, чтобы представить себе, как Солонович понимал Канта). [с.158]

"Если мысленно исключить из мира духовные существа, то вместе с ними исчезнут пространство и время" (с. 7). "Пространственно-временные отношения присущи не самим вещам, а только нашему восприятию их" (с. 7). "Следовательно, мы познаём вещи лишь так, как они нам являются, но не вещи, как они есть в себе" (с. 7). "Метафизика как наука о сущем, таким образом, невозможна" (с. 8).

"Резюмируя, мы можем сказать, что суждения науки – синтетические, ассерторические, т.е. они двигают наше знание вперед, но знание это не поднимается до аподиктичности" (с. 11). "С точки зрения Канта, материализм, равно как идеализм, являясь догматическими метафизическими системами, оба несостоятельны..." (с. 18). "Функция ума есть познание, и эта функция разобрана Кантом в только что изложенной критике чистого разума. Функцию воли Кант разбирает в критике практического разума..." (с. 18).

"Вещи имеют "стоимость", личности – достоинство. Отсюда вытекает предписание: 1). Никогда не обращай с личностью как с вещами; уважай самоцельность личности в себе и других. 2). Споспешествуй по мере сил собственному совершенству и чужому счастью, ибо это – единственные цели, выдерживающие испытание в отношении абсолютной общезначимости" (с. 20). "Реальность так постулируемых трёх идей: Свободы, Бога и Бессмертия – может быть только предметом веры, но не знания" (с. 22).

13. Атомизм. "Итак, существует какое-то мистическое отношение к действительности, некий как бы мистический опыт..." (с. 2). "Однако первый шаг в направлении к познанию методологии мистического опыта заключается прежде всего в простом акте "переживания" самой мысли... Попробуйте те мысли, которые будут излагаться, пережить, перечувствовать, прощупать... Не заглядывайте в мысль мимоходом, сквозь слегка приоткрытую дверь небрежного внимания, но широко распахните эти двери, войдите в мысль, как в комнату, – осмотритесь..." (с. 3).

"Совершенно подобно облакам на небе и их игре – играют и пляшут свой танец атомы... То соединяясь, то разъединяясь, как облака, они образуют то одну, то другую конфигурацию... Но никакой ценности и никакого критерия сравнения нельзя применить к этим конфигурациям... Нельзя ведь сказать, что какая-то форма лучше или совершеннее другой, что треугольник совершеннее, "прогрессивнее" квадрата и т.п. Поэтому бессмысленно говорить в этой Вселенной о развитии, эволюции, прогрессе, как бессмысленно искать прогресса или эволюции в игре облаков. Эта игра бессмысленна... Бессмысленна и игра атомов... Значит, бессмысленна и бесцельна Вселенная и жизнь этой Вселенной. Получается бессмысленная, бесцельная пляска атомов... и на фоне этого бессмысленного объекта распят, растерзан исходящий в страданиях и горе субъект" (с. 12). "Он один и существует, но только как одно живое воплощённое страдание. Итак, вся Вселенная имеет своим смыслом абсурд, а фактом – страдание" (с. 13).

14. Пандемонизм. "Может быть сознание человека, сознание животного, сознание растения или даже минерала. Конечно, сознание минерала приходится мыслить себе крайне смутным, крайне примитивным..." (с. 4). "Таким образом, теперь для нас каждое движение должно являться следствием изменения какого-либо сознания. Где есть движение – оно результат изменения сознания, а так как сознание предполагает субъекта, то движение всегда есть следствие изменения сознания какого-либо субъекта. Итак, всюду, где есть движения, эти движения производятся субъектами, то есть существами. И все тела в мире оказываются телами некоторых существ – демонов, богов, духов, душ и т.д., как бы мы их ни

называли. Эти демоны или духи обладают различными формами сознаний... Есть духи планет... Есть духи солнц, солнечных систем, духи трав и деревьев, духи источников и рек, морей и туч; духи минералов, пещер, кладов; духи животных и человеческих рас и т.д." (с. 4).

"В самом деле, с человеческим телом связан бесчисленный ряд сознаний – сознание самого человека, сознание всех клеточек тела, сознание органов, но далее – инстинкт, или родовое сознание и так далее" (с. 6). [с.160] "... мы получаем мир не как мёртвый механизм, а как общество, как социальный космос, и, таким образом, проблема миротворчества превращается в проблему творчества социального" (с. 7). "Проблема взаимопомощи и солидарности, как развивал Крпоткин, переходит в проблемы любви и жалости, как их ставили Кришна, Будда и Христос. Разрешив социальную проблему у себя на Земле, человек ставит её в её космическом значении... Религии этики переходят в религии или религию права в масштабах уже вселенского размаха. Так поставленная проблема права задаёт задачу создать общество на основах свободы, равенства и братства из таких разрозненных элементов, как люди, животные, растения, насекомые, минералы, духи планет и стихий и т.д." (с. 7).

"Нужно пережить в себе своим сознанием своё же сознание, с этого же начинается вообще всякое самопознание, а без него нечего и думать познать что-либо другое. Нужно ясно дать себе отчёт в непроизводности и полной непосредственности нашего сознания и в том, что все наши переживания – как телесные, так и не телесные, происходят в сознании. При этом не надо смешивать это с идеализмом или вообще с какой-либо метафизической системой, ибо сознание нами не мыслится, но переживается как факт, и перед достоверностью этого факта даже достоверность нашего тела является производной и опосредованной" (с. 8). [с.161] "Здесь совпадение со взглядами Ф.Ницше: Весь познавательный аппарат есть абстрагирующий и упрощающий аппарат – направленный не на познание, но на овладение вещами...".

17. "Мы должны признать, что и в наше время гилизм не изжит. Отсюда бесконечные и ничем не оправданные национальные войны. Несмотря на, казалось бы, высокое состояние культуры, двадцатый век оказался окрашен по преимуществу гилизмом. Родовая кровь, вооруженная современной техникой, закипела, как никогда ранее. Как можно это объяснить? Я думаю, что концепцию Солоновича о семантической тричности природы человека надо расширить, признав многомерность ЭГО. Тогда всё объясняется легко. В некоторых острых ситуациях вероятностная структура ЭГО легко перестраивается [Налимов, 1989]". Очень яркий пример находим в воспоминаниях Андрея Белого, главы русского антропософского движения [Белый, 1992], в которых он описывает опыт своей внешней и внутренней жизни в Дорнахе в Обществе (братстве) Рудольфа Штайнера, рядом с которым Белый провёл несколько лет. В Швейцарии интернациональная группа антропософов, казалось бы, дружно строила свой Гётеанум, воплощая в материале антропософское мирочувствование. Но разразилась война 14-го года: "Когда первое возбуждение, вызванное войной, улеглось в нашем дорнахском быте и стали доходить вести с фронта..., то начали разгораться стра-

сти в нашей дорнахской группе ... на этой почве происходили непрерывные, всё крепнувшие споры, начавшие уже переходить в ссоры... уже в кantine явственно отметились национальные столики... прежде не было этого разделения на нации в кantine; теперь оно началось; и оно углублялось" (т. 6, с. 412 – 413). "...Атмосфера, стусившаяся над нашей колонией, была просто ужасна" (т. 8, с. 436). Война вызвала острый национальный конфликт в антропософской общине, казавшейся вполне пневматической – сформированной и объединённой духовными устремлениями.

18. "Здесь я иду дальше. Строя математическую модель семантической Вселенной, исхожу из представления о том, что все смыслы изначально заданы, но не проявлены (состояние семантического вакуума). Проявленность реализуется через сознание человека, обращающегося к числовой мере. Вся концепция в целом может рассматриваться как вероятностная реинтерпретация основополагающих представлений Платона [Налимов, 1989]".

20. Напомним здесь следующие слова из Апокрифа от Филиппа: Истина не пришла в мир обнажённой, но она пришла в символах и образах. [с.155]

21. "В моих последних публикациях делается попытка показать, что есть достаточные основания для того, чтобы выдвинуть гипотезу о вездесущности сознания. Речь идёт, конечно, пока лишь о существовании слабых форм сознания. Именно в этом случае можно найти достаточные основания, не прибегая к соображениям, которые могли бы вызвать резкие возражения у сторонников общепринятого мировоззренческого подхода".

22. Энтелехия – термин, введённый Аристотелем, обозначает актуальную действительность предмета, в отличие от его потенциальности. Форма – способ существования предмета. Термин форма близок к термину энтелехия.

23. Я думаю, что это высказывание в значительной степени свидетельствует об изолированности России уже и в те ранние постреволюционные годы. Непонимание Солоновичем роли философии в духовной жизни, его пренебрежение философией Платона, его незнакомство с экзистенциализмом и его предшественниками не дали ему возможности осмыслить философски свой глубокий мистический опыт. Мне представляется, что делание на Земле должно делаться опробованными земными средствами. И здесь далеко не все возможности исчерпаны. В конце прошлого и начале нового века были найдены новые – "лёгкие" формы построения философских учений, выходящих за границы сурового рационализма. Что мешало Солоновичу? С одной стороны, изолированность России – она достаточно отчётливо проявлялась уже и в те годы. С другой стороны, безоглядная погружённость в деятельность братства, лежащую в основе мистического анархизма. В то же время отметим, что современные исследования показывают, что гностицизм внешне незаметным образом оказал громадное влияние на развитие западной философской мысли.

26. В современной физике основой мироздания являются не атомы, а физические поля. Одна из основных задач современной физики – создание единой теории поля.

Куллэ Р.Ф. Несколько дней из дневника // Уроки гнева и любви: Сб. воспоминаний о годах репрессий (20-е – 80-е гг.) / сост. и ред. Т.В.Тигонен. – Л., 1991. – Вып. 2. – С. 12-28.

"15 октября 1928 г. Опять огромный перерыв в записях. А ведь не только разум, а простой интерес должен был бы заставлять записывать мелочи. Их десятки и сотни, и все они интересны, показательны, характерны. Конечно, если сегодня не записал, на завтра уж наверное забыл, ибо заносить в тетрадь всё-таки надо только под непосредственным впечатлением. Потом накопится такая груда, что она подавляет память. Короткие записки лучше длинных рассуждений. Факты, факты и факты, а всё остальное приложится... Кое-что подработал за это время и осуществил многие улучшения в квартире. Завтра пойду разговаривать с Цвейгом. Это очень интересно. Но общее, то, что составляет атмосферу жизни, – день ото дня становится все хуже. На одиннадцатом году власти большевики довели страну до полного нищенства. Сплошное народное бедствие. Нет товаров, продуктов, дела; миллионы безработных, ничего не производят, ни с чем справляться не в силах. Истекают одним хвастливым словом, благо правде заткнута глотка. Ужасно. Если так пойдет дальше, крах неизбежен. Он, собственно, уже налицо, только не принял форму массового протеста, так все обработаны, что боятся. Вот это страна. Самодержавие – щенок по сравнению!

18 октября 1928 г. Когда нездоровится, жизнь кажется ещё тоскливей. А тоска разлилась по всему лицу земли предсмертная. Как-то чувствуется, что наступает большой крах; если не крушение всей системы готтентотов, то какой-то раскол, поворот. Дальше так нельзя: воровство, бандитизм, изуверство, тупость, деспотическая наглость и нищета, нищета ужасающая, бесхозяйственная. Осень, время сбора плодов и овощей, время обилия, а кругом голод, нищета, неразбериха. Довели "хозяева" до того, что продают из музеев картины. Рембрандт пошёл за 4 миллиона. А ценности за границей не покупают: не хотят мороки с краденым. Подарили тут как-то графине Палей на 5 миллионов вывезенных её вещей и обожглись. Этих голодных эмигрантов там не переудовлетворишь. Вот трагедия: краденое сбыть некуда. Не на этой ли почве раскол между чистильщиком сапог Сталиным и писарем земской статистики Рыковым? Говорят, сражаются не на живот, а на смерть по великим вопросам. "Академик" Бухарин пока что отставлен от "Правды". В Академию Наук ввели трёх кляч и одного осла. Калигула щенок со своим конём перед лицом организованных бандитов. Ох, и дорого будет стоить несчастной России этот идиотский эксперимент жалких и глупых разбойников! Одна драка их между собой вскочит в копейчку. Но когда опричники начинают смертный бой между собой за трон, за тёплое место диктатора, то это уже сигнал к окончанию спектакля. Несчастливая страна, эта Россия! Вот заканчивается, по-видимому, и этот исторический период эксперимента, alias мирового дискредитирования марксизма: ярче показать бездарность, глупость и несостоятельность этой "системы" просто невозможно. А что дальше? Или смутное время, междуусобицы, военные, крестьянские бунты, уничтожение

интеллигенции, кровь, ужас или резкий поворот в колонию. Поляки отхватят Украину – "от можа до можа", – начнут отпадать "республики", начнётся период сужения пределов "Московии", сдач концессий, паники, голода ... опять же гибели интеллигенции. Ещё раз не выжить. Несчастлива страна! И во имя чего? Ad majorem готтентотов? О, с каким удовольствием я удрал бы из этой проклятой обстановки застенка! Как мне надоели эти изологавшиеся, насквозь прогнившие людишки! Даже наиболее честные, наиболее умные – непереносны. Всё окутано мелкой сетью лжи, лицемерия, трусости, двуличия, подлой политики, все гнутят, все прикидываются, крутятся и шёпотом лгут, громко льстят, фальшивят в мыслях и подличают в поступках. Довели до вырождения человека.

3 ноября 1928 г. Удивительно, до какой степени люди привыкли мыслить, жить, а главное, управлять и воздействовать на других в рамках старых-престарых категорий! Поистине, диапазон человеческой психики ограничен. Давно ли возбуждала смех наивная схема, объявленная "передовыми людьми" устарелой, в силу которой вопрос о добре и зле у человека разрешался просто: ангел ведёт человека к добру, а дьявол всячески его смущает и толкает на зло.

Сам человек – вместилище всякой дряни – пассивен, но по существу всё же более склонен ко злу и потому заслуги ангелов так безмерны. Ну, хорошо. Революция там, большевики, отмена бога, ангелов, чертей и прочих небесных агентов, действие перенесено прямо на землю. Пока всё кипело, перепугавшись, в грязном котле, никакой этики не было: кто палку взял, тот и капрал. Теперь выяснилось, что палку крепко держат капралы-держиморды, бездарные шкурники. Им, разумеется, нужна "этика", чтоб убеждать своё "стадо" – глупое, послушное и запуганное, но всё же страшное и опасное по своей численности и, главное, анархической загадочности: чёрт его знает, что они могут выкинуть. Вот религия и потребовалась. Вместо опиума – просто махорка, которой засыпают глаза и глотки. А для умиления и душевного спасения выплывает избитая схемка: здравствуйте, старая знакомая! Рабочий и крестьянин сами по себе пассивны и способны вместить всякую дрянь, если их не тюкать и не поддерживать допингом агитки. Всё доброе, благое и душевоспасительное, как "социализм", который спешно строится из голода и глупости, внушают "советские ангелы" – партийцы и комсомольцы, ведущие его к "спасению" от буржуазного мира; всё зло – от кулака, контрреволюционера, вредителя и прочих – настоящих чертей, соблазняющих душу наивного рабочего и крестьянина А потому, как раньше всё сваливалось на дьявола – "чёрт попугал!" – так теперь всё валится на кулака и вредителя. Просто и убедительно, ибо не выходит за рамки обычных представлений. А главное, ужасно удобно. Кажется, слепые видят, до чего убого, бездарно, нелепо "строится социализм", до какой степени очевиден обман, имеющий одну цель – продержаться у власти и попитать свою шкуру, – да разве можно в этом признаться? Гораздо удобнее найти "вредителя", свалить всё на "чёрта": ангелы, мол, во как стараются, а чёрт всё портит. Хороший громоотвод этот чёрт. Да и вся система прекрасна. Меня сегодня долго занимала мысль, как это может

быть, что мы все до последнего человека буквально захлебываемся во лжи? Разве не странно, в самом деле, что вся страна думает одно, а за неё небольшая шайка говорит другое, а когда этой шайке нужна санкция масс, с ними обращаются как с немymi: не отвечайте, а только поднимайте руки?! Удивительно! Вот выборы в Академию. Захотели иметь своих в этом учреждении, не довольствуясь уже воздействием через покорных лакеев "Ленинбургов", чести и чинов запросили Бухарины, Покровские, Демьяны Бедные, ну и готово. Извольте молча выбирать и испытывать "административный восторг".

Один И.П.Павлов возмутился и сложил с себя звание: не хочу, мол, под давлением санкционировать безобразие диктаторов-невежд. Так Ленинбург ему заметил: "Если не мы, то райком выберет". До чего же подлая психология раба у этого Ленинбурга. И он хочет шкуру спасти, ужасно лестно быть академиком и сидеть рядом с Демьяном Бедным! Кукиш в кармане – это символ жалких людишек этой жалкой эпохи. Ведь и пленум выбора академиков будет проведён путём поднятия рук: кто против? Ну-ка, подними! "Страна немых" – вот наиболее меткое название для всей этой гнуси, которую рок покарал так жестоко и так справедливо. Небось, ни в Англии, ни даже в Польше – на что уж "государство"! – народ просто не потерпел бы такого издевательства, такой неприкрытой, наглой, утробной политики бандитов. Вот и получился неслыханный, исторически единственный разрыв между народом и небольшой кучкой сатрапов. Все молчат, ибо их сделали немymi, все терпят, ибо скованы паническим ужасом, внушённой системой доносов, натравливаний, выживаний и "гепеусовщины"... Тюремны переполнены, стадо стоит в очередях за пшённой крупой, голод, нищета, духовное оскудение, навязанные готовые схемы, данные на все случаи жизни, словом, неслыханное рабство; и горсточка негодяев "строит социализм", устраивает склоки между собой, жиреет, наслаждается всей полнотой жизни, которую каждый живёт только один раз; и издевается, опираясь на штык и немоту 120 миллионов. А если бы нашёлся храбрец и завопил истошно и судорожно, дерзнул высказать громко то, что все думают и о чём не смеют сказать, если бы такой чудак нашёлся и нашёл бы способ крикнуть всё это так, чтобы все услышали до того, как его расстреляют, то... те же самые гнусные трусы, которые так же думают и чувствуют, подняли бы руки за его осуждение, отреклись бы, с испугу предали бы и подписывали бы протесты против себя. И едва ли двое-трое тихо дома грызли бы ночью подушку, поняв всю безмерность подлости, которую они совершили.

Вот страна, вот толпа, вот система! Будущие люди, если когда-нибудь наступит освобождение от этого ужаснейшего из всех ига, если вообще "смена", обованенная и выхолощенная духовно, когда-нибудь поднимется до мысли, будущие люди не поверят нам, ибо не на их шкуре вымолачивались эти плевелы, они, может быть, даже оправдают лжецов, ибо они будут иметь дело с "документами", а наши "документы" пишутся заинтересованными лжецами, они не поймут величайшей из трагедий – трагедии немоты, на которую обречён целый народ, и только одно может определить правильность

оценки будущих людей: это блестящее и неизбежное крушение, неминуемый крах, который надвигается, ураганом уничтожает эту подлейшую из систем и грохотом падения всей коммунистической башни прочистит уши и вернёт способность речи. Может быть, заговорят и немые. Но тогда в потоках ужаса и крови будут вырезаны все языки, вырваны все губы, целовавшие жопы "дорогих вождей" с умилением, по рабской потребности, из страха и подлости. Вся эта сволочь наворотит такие кучи, что многие задохнутся от смрада, не выдержат зловония и найдут худшую из всех гибелей – гибель в говне смердящих мерзавцев. Что может быть трагичнее, но и комичнее вместе с тем – на заре свободы, захлебнувшейся в говне Сталина?

16 ноября 1928 г. Самое ужасное и безнадежное – это то, когда не понимают. Сидит горсточка ограниченных и малокультурных варваров и упивается сладостью "власти" над 120 миллионами дикарей; им кажется, что все их грошевые идейки мало-помалу осуществляются, что их детская доктрина самая лучшая, и не замечают, что постепенно дичает и гложет, вырождается и умирает всё кругом. Не замечают, потому что сказать некому: всё задавлено, притоптано сапогом, и пищать не смей... А подняться до сознания трагичности собственного положения никто из них не в силах. Когда кого-нибудь, как Троцкого, "осеяло" такое сознание, и он в паническом ужасе начинал вопить, его быстро "ликвидировали"... А прочие из-за собственной шкуры и не рискуют помешать дикарю из грузинских пастухов "строить социализм" так, как его понимает это бедное, некультурное и ограниченное сознание. А пока что ...невежество и смерть торжествуют. Посмотреть на нашу молодёжь. Жуть берёт. Живут без идеалов, без стремления, без критической мысли, по готовой шпаргалке, мыслят – если мыслят! – по-казённому, не задумываются, кушают казённые бутерброды и почитают высшим блаженством поцеловать жопу кому-нибудь из "дорогих" вождей и вождишек, от губернского полицейстера до предисполкома... Последнее – высший восторг.

Это какие-то заводные куклы, в которые поставлена раз навсегда напетая пластинка. А есть же чуткие, нервные молодые силы. Те переживают трагедию. Молодости нет, все одержимы собачьей старостью, все уже готовые лакеи и правоверные послушники... а им что? Если мысль бурлит и ищет путей? Где учиться, что читать, чем утолить голод? Несчастная молодёжь среди этих сверстников. Убийственная тоска и выхолощенная духовность, штамп и "стандарт идеологий" толкают многих – и не последних по одарённости – на разврат, пьянство, бандитизм, преступления и самоубийство... А они судят их, читают назидания и призывают "исправиться"... в клубах, где шупка первое занятие и откуда течёт больше всего исков об алиментах. Страшный, жуткий, порочный круг. Где выход? Поколение целое испорчено, изгажено, отравлено. Столько-то десятков миллионов лакеев, оболваненных чучел, послушных разбойников, готовых по первому знаку обербандитов душить и резать, но не во имя идеи, а из рабства, из тупости и личной алчности. Ибо этого-то – страсти к стяжательству – "вожди" не искоренили, а личным примером весьма их укрепили.

16 декабря 1928 г. Я не предполагал, что далеко не всё из того, чем и как мы здесь живём, известно за границей. В оценках всё или многое зависит от случайности: в Германии плохи дела, и её интеллигенции начинает казаться, что, мол, в Совроссии много "правильного"; французскому рабочему пришлось туго, и он устремляет взоры на восток. Если бы такой "опыт" социализма произошёл во Франции, скажем, с каким восторгом русская интеллигенция, та самая, что эмигрировала, объявила бы себя "идейными коммунистами"! Ведь так "прогрессивно" чувствовать себя "левейшим" в мире и... пользуясь всеми удобствами, следить издали за перипетиями и гордо говорить фразы!.. В таком положении, примерно, все "водители", плюс к тому, что они сами делают это "прогрессивное" дело. Но когда кому-нибудь из них приходится сорваться, попасть в ссылку, встать в ряды обыкновенных людей, над которыми экспериментируют наглецы, тогда... получается книга Троцкого "Современное положение России". Судя по отчётам, это убийственная книга. Как сумел он переправить рукопись? Вероятно, через китайскую границу. Но в книге так много правды, так много разоблачений, подкреплённых несомненным авторитетом имени автора, борца честного и отважного, что у многих за границей только теперь открылись по-настоящему глаза.

Царство произвола ГПУ, система худшего из всех видов полицейско-бюрократического управления, варварство, дикость, самодурство всех видов, сортов и проявлений – и над всем мрачная фигура тупого закавказского пастуха, видящего "социализм" там, где голод, нищета и отупление умертвили бессловесную массу... Жуткая картина жуткой страны ... Троцкий, конечно, под своим углом зрения видит, доказывает, что между ним и Лениным нет и не было разногласий, и цель его дискредитировать не идею, не строй, а своих врагов. Его система и его планы привели бы, восторжествуй они, к тому же, но он умнее Сталина и видит то, чего не видит грузин со своими клеветами.

Стихия мещанства охватила верхи, нищета и огрубление в низах, а всеобщее отупение повсюду, как результат запрещения мыслить и говорить... Менее эффективна, но более содержательна книга американки Кроммик, прожившей долго в России и очень много, если не всё видевшей. Она, например, очень хорошо поняла систему воспитания детей в наших школах и весьма метко определяет её, как систему воспитания ненависти при "коллективном невежестве". Действительно, невежество апокалиптическое!

Ночь на 1 января 1929 года. Ещё раз "с Новым годом"! Не последний ли? В конце концов, раньше годом, или позже, но это совершенно неизбежно. Интереснее, пожалуй, "как мне смерть пошлёт судьбина" и где? Не хотел бы здесь. Всё-таки, приятнее, "созерцая, как солнце пурпурное погружается в море лазурное"... (К.Бальмонт). Через год здесь уже наступят "настоящий социализм": карточки на стандартный хлеб, который день ото дня становится всё несъедобней, пустые кооперативы, придушенный частник, голод, холод, всякие налоги, отсутствие одежды, обуви и всех товаров вообще... Вот и социализм. Личный "социализм" может наступить несколько раньше. Распоряжением из Смольного Кугель уволен, распоряжение Чагина – меня не печат-

тать. Колесо судьбы опять поворачивается градусов на 60... Опять надо что-то начинать, изобретать и т.д. Чуть наладится работа, не ахти какая, но всё же, как – пожалуйте бриться! Новый год начинается во всём по-новому.

Это уже шестой после приезда из Ташкента, где прожили тоже лет 6–7. Отрезами в 6–7 лет измеряется вообще моя жизнь. Хорошо бы начать что-нибудь совсем новое в совсем новом месте, например, в Париже, в Вене, Флоренции, да всё равно где, лишь бы не здесь! Я готов даже одобрять издали "опыт построения социализма", только бы в нём не участвовать, как его жертва. Хотя бы годик подышать вольным воздухом настоящей жизни! Эта смесь аракчеевской казармы с вонючей тюрьмой готтентотов больше непереносима, непереносима ...

18 января 1929 г. Год обещает, по-видимому, быть из наименее благоприятных. Надо снова что-то придумывать. Скучно это – на склоне лет чувствовать себя в положении толкающегося во все двери юноши. Особенно, если принять во внимание, что и дверей-то почти нет, а те, что имеются, обиты проволокой колючей, обмазаны дрянью вонючей... Крепко подумываю о последнем, вероятно, но решительном и переломном шаге в жизни: надо всё поставить на карту и удрать, всё равно куда, но в Европу. Бывает так, что даже "эмигрантом" лучше быть, чем здесь сидеть. А какой же я "эмигрант"?! Надо так сделать, чтоб не считаться эмигрантом и всё-таки найти местечко на вольном воздухе. Здесь же становится просто невыносимо. Ни жизни, ни работы; ни мысли, ни права, ни возможности, ни воздуха. Огромный стальной колпак накрыл и придавил. Когда выдышется весь воздух – каюк, а его уже почти не осталось. Не столько страшит даже перспектива голода, а дело доходит до голода, если Калинин советует вместо хлеба жрать огурцы, а хлеб вывозить за границу, сколько духовный маразм. По мере усиления всеобщего оскудения, они напористей и наглее наступают на "культурном фронте". Я понимаю их: нужно всё привести к одному уровню и бескультурию.

13 февраля 1929 г. Петля начинает затягивать горло. Дела день ото дня всё хуже: за квартиру должен, кругом должен, доходов не предвидится и крах очевиден. Выход – уезжать. Поездка в Москву едва ли спасёт: гальванизация трупа. Когда кругом всё смердит от разложения, трудно ожидать других результатов в личном аспекте. Можно получить отсрочку, но гибель неизбежна под развалинами всей машины. Но можно сдохнуть и до того, как всё ценное рухнет, подняв клубы пыли. Надо удивляться, какую всё-таки силу может иметь горстка мерзавцев. Придётся принять самые энергичные меры – потребовать, чтобы отпустили. Я, мол, вам не нужен, вы мне не нужны, а требовать моей голодной смерти вы не имеете никакого права, всё-таки у меня кое-какие заслуги есть, если неважна просто культурная единица высокой марки в вашем деле. Вероятно, этот год будет решительным в жизни. Надо довести до какого-нибудь перелома. Ясно одно, что дальше так нельзя. Катастрофично.

2 марта 1929 г. Сначала поползли слухи, потом уж появилось официальное сообщение о том, что Троцкий высылается за пределы... Разговоров эта новость

вызвала массу, но все разговоры вздорные, по-моему. Если бы наши сатрапы боялись Троцкого больше за границей, чем здесь, они нашли бы способы его и удержать, сделай он даже попытку "улететь", как рассказывают кумушки. Очевидно, что здесь он страшнее, как лидер, как центр, вокруг которого может сгруппироваться вся огромная армия недовольных, растущая с каждым днём. Да как и не расти ей? "Чистка". Хотя и поставлена она обычно – талмудически: мы сами, мол, просим, чтоб нас повыкидывали за борт на голодную смерть, но в результате создаётся громадная толпа озлобленных и голодных, – а многие уже успели не только насладиться властью, но и научиться всем методам обмана и введения в заблуждение. Не воспользуются ли они этим для цели движения против порядка? Бедный смазчик, только-только кое-чему научился и стал помогать кухарке управлять огромной страной, как изволь выметаться и уступать место новым смазчикам, подросткам и диким! Не на носу ли драка между двумя поколениями смазчиков? Что же касается Троцкого, то его положение за границей будет не из лёгких. Не говоря о том, что в любой момент какой-нибудь "озверелый белогвардеец" – настоящий или подставной – его может притюкнуть, что ему там делать? На объединение с эмигрантами-монархистами он не пойдёт, как не пойдут и они к нему, вождём армии он не сделается за неимением таковой, сидеть и точить слова с меньшевиками скучно, да и зачем? Подрывать престиж Сталина и его группы? Незачем, ибо ни престижа нет, ни надобности: они сами себя так зарекомендовали, что вошли в разговорку, – как тупейшие, бездарнейшие и озлобленнейшие тираны.

Что же делать? Пришла, Лев Давидович, и вам пора заговорить, как у Теффи эмигранту: ке фер-то, фер-то, ке? Остаётся жить на ренту, из милости или как иначе "знатным революционером" при дворе Кемаль-паши. Грустно это! Но это ещё лучший исход. Посмотрим, что будет с другими сатрапами. Думаю, что ждать уже не столько, сколько ждали. Голод, он доест. Ни одна деспотия не может вечно держаться на штыках, на густой сети обмана, на охране, на принципе "хватай и глотку затыкай!"... Конечно, система порабощения образцовая. Все способы хороши, лишь бы задушить. Если бы у них склады ломились от продуктов, всё равно им нужно держать население на пайке: это один из важнейших методов держать рабов на короткой узде. Ведь находят же они "экспортные" товары, вывозят то, чего лишено население страны, продают втрое дешевле, чем местному потребителю, который оплачивает, в сущности, все пошлины и таможенные сборы. За что? За честь быть рабом? Велика честь, в самом деле! Воистину, всё это какой-то глухой "сталинский тупик"! Непереносимо стало жить. Просто не знаю, что и делать. Вот оно, когда вопрос начинает получать трагическую окраску! Хорошо тем дипломатам или путешественникам, которые живут здесь и смотрят, они развлекаются, ибо в самом деле "весело" наблюдать, как в предсмертных судорогах корчатся сто с лишним миллионов. Но зависеть от советских правителей, получать с них на хлеб – это горше всего. Хуже всего, конечно, то, что когда эта гнилая штука начнёт валиться, она многих может придавить. Боюсь, что и мы очутимся под развалинами. А быть засыпанным упавшей башней из говна – благодарю покорно!

14 апреля 1929 г. Опять перерыв в записях. Уезжал в Москву. Не могу сказать, чтобы поездка была удачной в смысле торговли. Продал мало, оставил большую часть до ответа по почте, которого всё-то нет, но заказов набрал много. Пока довольно удачно сложилось с Литературной энциклопедией. Хотя неизвестно, ибо только что попросил денег, а как до денег дойдёт, советские любезности кончаются. Посмотрим. Пишу усиленно и посылаю. Если там не забыли, о чём договорились, то жатва должна быть. В Москве боролся с соблазном сходить к Эрбетту и взять национальный паспорт. Но не пошёл. Не пошёл потому, что теперь для меня ясна обречённость существующего строя. Он должен крахнуть.

Предстоит, может быть, самая кровавая полоса событий, когда бить и резать, жечь и уничтожать будут всё. Начнут с погрома, доберутся до коммунистов, закончат интеллигенцией. Городу грозит деревня, выславшая на разведки тысячи голодных, шляющихся по лестницам и стучащихся в квартиры. Голод ужасный, но об этом молчат: не прежнее время, когда можно было говорить и организовывать общественную помощь. "Наш голод" – благо, царский – зло. И тут готтентотская мораль. Так вот, перед лицом конца, расплаты и разгрома я не имею сил бежать. И моей вины доля есть во всём, что творилось и творится, и я не чувствую за собой права уклоняться от расплаты. Это была бы подлость. Я терпеть не могу насильников, и никакие лозунги не оправдывают в моих глазах той глупой и бессмысленной "диктатуры", которой горсточка сволочи задушила всю жизнь страны. Но я не меньше не люблю блудливых трусов, прячущихся в минуту опасности в норку. Многие из негодяев попытаются убежать от расплаты, многие отряхнутся и перекрестятся. Но я не могу сейчас бежать. Надо было раньше, или потом, если уцелею. Однако угроза гибели стоит перед глазами. Всё рушится. Бездарная, глупая и гнусная система поползла по всем швам. Люди растерялись, потеряли головы. Может быть, пооткусывали их друг у друга, как пауки в банке. Раскол на "верхах" несомненный. Тупой чистильщик сапог, как нарочно, всё ведёт к бездне. Это пусть. И хорошо. Разжигают страсти, натравливают друг на друга. Доносы, шпионаж, "поощрение" одних, преследование других. Словом, типичная картина панической растерянности, диких судорог изжившего себя, запутавшегося в мелочах, агонизирующего режима. Может быть, счастье, что во главе стоят дураки? Авогось легче пройдёт агония.

19 мая 1929 г. Умер И.Н.Потапенко. Старику было 73 года, но он бодрился, хотел ехать к Воронову омолаживаться, чтобы прожить до 120 лет. И свернулся быстро от рака в желудке, чего и не подозревал, и умер, не зная от чего. Похоронили на Волковском кладбище рядом с Лесковым. А что, если "Бобок" – гениальное прозрение Достоевского? Многого сможет Потапенко рассказать Лескову. Мои личные дела из рук вон отвратительны. Скоро грозит ликвидация. Денег нет, доходов нет, долгов – выше ушей. Надо мужественно встретить и эту полосу. Но какая сволочь везде!

В Москве кретин и подлец Васильковский заказал статью, я исполнил. Целый месяц мурыжили и сегодня прислали рукопись назад без объяснений.

Хамство и мерзость. Но самое подлое то, что тут орудует кто-то. Может быть, Полонский, которому я имел неосторожность сказать, что Вас. кретин. Передал – и мечь. Однако какова система! Сидит идиот, заставляет работать, издевается. С кого взыскивать? Тем более что статья написана так, как никто не написал бы просто по отсутствию эрудиции. Что понимает какой-то "чек-кист от станка" в западноевропейской литературе? Ну пусть! Пусть они захватили право решать и вершить, откуда такое хамское презрение к личности, такое генеральство, такие замашки барства у полуграмотной сволочи?! Они отравлены безответственностью, насилием, системой издевательств и безнаказанностью творимой подлости. И в этом участвуют разные Фриче. Жалкий репортёр в прошлом, Полонский теперь "видный критик", фигура генеральского веса, цедающая слова и едва достаивающая разговора. Какое хамство! Какое жалкое зрелище! Они все там между собой перегрызли и перестали понимать, кто о чём. Всё же не забывают греть руки и тащить, что можно. Картина омерзительная, но и занимательная. Распад и конец просто густой вонью висят в воздухе. На какой-то инерции всё продолжает держаться, учреждения работают, люди ходят, но в сознании нет ещё, что этот бедлам внутренне уже кончился, изомлел и пуст... Когда осознают, начнётся паника и междоусобица. Голод сделает своё дело. Пусть они берегут города типа Москвы и Питера от полного истощения, это не надолго. Настроение "пролетариата" убийственно реакционно. Воют и беснуются самые неистовые, кучка наёмных опричников, они и делают "общественное мнение". В этом они достигли неподражаемой виртуозности. Фальсифицируют артистически: прикажут так-то мыслить и говорить в течение недели, приказ идёт по "ячейкам", эти кричат "рады стараться" и готово – никого не опрашивая, заявляют: у нас все так думают. Легко управлять при такой системе толпой трусов и дикарей. Молчат из трусости одни, другие из подлости угодничают, и это подличание гнуснее трусости; третьи от полной тупости и дикости режут в восторге и даже не допускают возможности критики ... Весело так править. Но долго ли можно оболванивать голодных 120 миллионов?

26 июля 1929 г. Стоим перед большой неизвестностью. Чуть-чуть не объявили Китаю войну за то, что там поступили по методу англичан: заагитировавшихся комов турнули в задницу и забрали китайско-восточную дорогу. Момент весьма острый. С одной стороны, воевать нельзя – опасно, ибо посыпется внутри, но с другой стороны – разогреть "патриотизм", разжечь страсти и отвести глаза обществу от внутреннего гниения – это ли не ловкий маневр. Тем более Китай... желторожие и т.д. Шапками закидаем!.. Однако может получиться авантюра в стиле японской войны. Вряд ли поможет пропаганда в тылу. Теперь вообще, кажется, упущены сроки и возможности "разлагать армии словом", не 19-й год. Дело осложняется "пактом Келлога". Обе стороны подписали пакт, ни одна не хочет начинать. Может быть, выручат положение "белогвардейские банды"... Те начнут, наглости хватит, и сыграют на руку нашим, они ведь только и ждут такой комбинации, чтоб сказать: видите, мы вынуждены защищаться. Ради такой ситуации всякая провокация хороша. Главное,

создать такую путаницу, чтоб занять благородную позу. В этом вопросе, как и во всём – ловкое лицемерие и талмудический метод: под шумок доведут до выпада, а потом ссылаются на "наглость", мы, мол, обижены, на нас напали; эй, пролетарии, смотрите, в ваше "отечество" вторгается враг, мешает строить "социализм"... Ох, этот "социализм"! Вроде новой мебели для Сталина.

24 сентября 1929 г. Процесс гниения принимает грандиозные размеры: гниёт всё от верху до низу, люди мечутся в полном одичании. Впечатление такое, будто где-то сидит сумасшедшая обезьяна и размахивает волосатыми руками, а сто шестьдесят миллионов пляшут смертный танец под ритм этих взмахов... Подозрительность перешла все границы, донос стал государственным методом. Всеобщий паралич привёл к полному отупению. Люди потеряли элементарное мужество – говорить и поступать по велениям своей натуры: все с рабской готовностью бросаются выполнять малейшие намёки на волю сумасшедшей обезьяны. Осудили "единогласно", рабски покорно Пильняка за написанную им повесть и тоже трусливую попытку сказать "правду" со своей колокольни. Конечно, Пильняк говорил невинные вещи, то, что все знают, о чём толкуют в трамваях и шёпотом в учреждениях.

Но камарилья сумасшедшей обезьяны "возмутилась", объявила "клеветой" банальные факты, и все с особым, садистическим остервенением бросились раздувать "дело Пильняка", и никому в голову не пришло, что позор-то, в сущности, в том, что тысячи людей, чему-то учившихся, о чём-то думавших, составляющих "интеллигенцию", ведут себя гнусно и рабски угодливо, осуждают по чьему-то приказу, секут сами себя и считают всё это "нормальным", "общественным" делом. Ведь надо же дойти до такого отупения! Отсутствие гражданской смелости характеризует рабью психологию. В этом-то вот и дело. Если нет смелости, расцветает наглость. Её сколько угодно. Под прикрытием правоверной, угодливой лояльности совершаются наглейшие проявления рвачества, люди помешались на жалком устройстве бедного благополучия среди всеобщего развала и голода.

Молодёжь до жути отупела от взятых в башку догматов, не имеет никаких интересов, погрязает в разврате. Взрослые норовят обмануть, украсть, – урвать, стащить в дом и запрятать подальше кусок сахара. Нужда, голод, бедствия неизбежной нищеты – лучшая атмосфера для выращивания психологии рабов. Оригинальный "социализм" строится в условиях такого гниющего быта! За официальными, непременно "бодрыми" словами, трескуче оглушающими бедные обезумевшие головы обывателей, скрывается полный маразм измученной, изнасилованной и оплётанной мысли. Трафареты и готовые клише довели всех до отупения. Никто не в силах сделать простых выводов из простых фактов. Ведь надо же было довести людей до такого вырождения! Товаров нет, продуктов нет, голод и дороговизна, а за границу вывозят всё до мелочей: масло, яйца, рыбу, даже фруктовые воды и продают по такой дешёвке, какая и не снилась. Какой-то знакомый получил письмо из Чехии. Пишут: "У вас, должно быть, необычайно дешёвая жизнь, ваши куры продаются у нас по 35 коп. за штуку. Сколько же они стоят на месте – пятачок?"

Попал, что называется, пальцем в небо! Не пятак, а полтора рубля, ибо мы оплачиваем все пошлины, все таможенные сборы, все тарифы, весь брак и все безумства сумасшедшей обезьяны. Если иностранные приёмщики забракует партию товаров, готовых к отправке, её бросают на внутренний рынок, и за брак, за дрянь мы платим вдсятеро и благодарим за то, что буржуи отказались жрать наш товар.

В этом освещении особенно пикантной является роль "социализма" строящего "пролетариата": он поставляет с готовностью лакеев продукты на рынок "буржуазии", лучшее, что имеет, отдаёт для питания "врагов" "победоносного класса", сам голодает, питается забракованными отбросами, оплачивает вдсятеро дешёвку буржуев и... "строит социализм" по безумному бреду сумасшедшей обезьяны! И все это находят "нормальным", никто не протестует, не смеет заикнуться словом негодования. А камарилья жрёт и властвует. "Гнойники" открываются при малейшей попытке приподнять на сантиметр густую завесу, какой прикрыта "деятельность" "дорогих вождей". Чуть-чуть притронулись "самокритикой" к "верхам" Ленинграда, и смрад гниения ударил в нос. Все воры, все насильники, шкурятники, рвачи, все ублажали утробы, пристраивали своих, снимали пенки себе в рот, словом, открылась картина ужасающего разложения, какого не знали восточные деспоты в древние времена. И всего только на сантиметр приподняли "завесу тайны". Приподняли и испугались. И было от чего. Что если бы обнажить всю картину? А что происходит на "самых верхних верхах"? Какой махровый гнойничок в древнем Кремле? Ведь дорвались, дорвались стервятники до возможности безнаказанно и безответственно жрать, грабить и насиловать. Мудрено ли, что "самокритике", этому жалчайшему ублюдку "общественного мнения с разрешения начальства" заткнули глотку?! И в этой атмосфере всеобщего гниения, воровства, деспотического варварства и всеобщего отупения хотят строить "социализм"! Вряд ли есть лучший способ навсегда и окончательно убить, дискредитировать, оплевать и уничтожить самую идею социализма. Этот "эксперимент" не должен бесследно пройти для человечества. Социологически марксизм убит навсегда. Как метод, он ещё поживёт в среде "беднейших" кругов последователей; как утопия государственной системы, он кончен. И похоронен в России. 160 миллионов только несколько затянули церемонию его похорон!".

* Куллэ Роберт Фридрихович. Родился 26.06.1885, Тан, Эльзас, Германия; образование высшее; литературовед, критик, профессор института живых восточных языков. Арестован 5.01.1934 г. Приговорён: особое совещание при Коллегии ОГПУ 29.03.1934 г., обв.: 58-6, 10, 11. Приговор: 10 л. ИТЛ, сначала в Сиблаге, с декабря 1934 переведён в Чибью (Ухта, Коми АССР), вторично судим 4.01.1938, приговорён к ВМН. Расстрелян 27.02.1938 г. Место захоронения – Чибью (Ухта, Коми АССР). Реабилитирован 28.11.1956 г. Военный трибунал ЛВО (Источник: Ашнин Ф.Д., Алпатов Б.М. "Дело славистов": 30-е годы. М., 1994).

Со святыми упокой, Христе, души раб Твоих,
идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание...

(Кондак. Глас 6)

† Некрологи печали – сообщения о смерти и пр. †

*

† "23 января 2004 года в г. Анапа скончался **Аркашев Олег Георгиевич**. Родился он в Харбине 25 ноября 1927 года, там же окончил Первую правительственную гимназию в 1944 г., а в 1945-м, когда пришли с севера дикие освободители, его 17-летнего схватили и посадили в тюрьму как сына белогвардейского офицера. Сперва арестовали отца, штабс-капитана Белой армии Колчака, который прошёл весь путь побед и поражений гражданской войны, был ранен и не однажды оказывался на грани смерти, но всё же с боями пробился с остатками армии в Маньчжурию и затем оказался в Харбине. А там было Совконсульство, а в нём – органы, и вели они списки неугодных им "отцов и детей", а когда пришло время – развернулись. Что говорить, ведь у Советов и дети отвечали за отцов.

Вот и пришлось Олегу превратиться в раба на "просторах родины" в системе ГУЛАГа. Всё пришлось испытать в полной мере: и голодать, и замерзать, и терять силы, и переносить издевательства канвоя и надзирателей. Но выжил, всё переборол. В 1956 г. его, как и всех земляков, неожиданно освободили, а в бумажке написали: "Осуждён необоснованно, считать несудимым". 11 лет жизни отняли, но кто это сделал, за что, почему? Олег начал работать на железной дороге, построил дом, женился, сыном обзавёлся, заочно окончил строительный техникум и стал заместителем начальника стройотдела 4-го отделения ВСЖД и там проработал до выхода на пенсию. А затем перебрался в Анапу, всё говорил: "Надоела зима, морозы..."

Я подружился с Олегом уже в Востураллаге, куда нас, лосян, привезли этапом в конце декабря 1945 года. Потом нас разъединяли, снова мы встречались в разных лагерях, были вместе в Озерлаге, откуда и вышли в "новый мир", где и остались жить. А когда переженились, стали дружить семьями и часто гуляли друг у друга на всяких праздниках, именинах и просто так. Двумя машинами объехали всю страну в "кругосветке" и т.д. И вот его не стало... А недавно ушла в мир иной и его жена, как все мы её звали, Любаша, приветливая и гостеприимная, настоящая лосяночка... Уходят наши земляки, милые сердцу дорогие друзья. Кончается век тех, кому было суждено родиться и жить, и учиться в нашей любимой Лосянии, нашей истинной малой родине. Прощайте, наши дорогие друзья. Мы сохраним светлую память о вас. *Всеволод Чеусов. Друзья, земляки*" (НСМ №109, 2004, 5).

*

† "В возрасте 80 лет в Санкт-Петербурге ушла из жизни **Бордовская Татьяна Павловна**. Она родилась 23 марта 1923 г. в Корее, в известной на Дальнем Востоке семье Янковских. Семья вынуждена была эмигрировать от бесчинств большевиков. Её детство проходило в Новине, во владениях этой большой и дружной семьи. Всё, что они имели в Корее, было создано своими руками и почти на пустом месте. Училась она в Шанхае, где работал отец. Детство и молодость Тани протекали весело и беспечно. Она была окружена вниманием и любовью близких и многочисленных поклонников.

Но безоблачное счастье закончилось в 17 лет. В 1940 г. в Шанхае был убит её отец – Павел Михайлович Янковский. В декабре 1941 г. японцы вступили в войну с США, и жизнь в занятой японцами Корее очень осложнилась. Как радовалась семья русских эмигрантов победам Советского Союза. Восторженно приветствовали они вступление советских войск в Корею и предложили свои услуги в качестве переводчиков. Но радость была недолгой и обернулась новой страшной бедой. В сентябре 1946 года 19-летнюю Татьяну Янковскую арестовали, обвинили в шпионаже в пользу японцев. В этом году Татьяна увидела родину своих предков, но... из окна тюремного вагона.

10 лет провела Татьяна Павловна в ГУЛАГе, где щипали слюду, работала швейей и на лесоповале, вывозила нечистоты. В 1949 г. её перевели в Озерлаг. Она думала, что там будет полегче, всё-таки такое поэтическое название – что-то связано с озером. О, неисправимый романтик! Оказалось, что это Особый закрытый режимный лагерь. Его заключённые строили железную дорогу Абакан – Тайшет. У девушки отняли не только лучшие молодые годы, но и имя. Она значилась под номером 3-812. В сентябре 1955 г. Татьяна Павловна освободилась из лагеря. Пока она была в заключении, умерла мать, убили младшего брата, умер в ГУЛАГе её дядя.

В Магадане после заключения жил её двоюродный брат. В 1956 г. Татьяна прилетела в Магадан к брату Валерию. Вскоре она вышла замуж за реабилитированного, прошедшего 10 лет в лагерях на Калыме, Георгия Фёдоровича Бордовского. Молодая семья переехала в Златоуст на Урале. Там Татьяна Павловна работала хореографом во Дворце пионеров. Дети её очень любили. Спустя 30 лет её ученица вспоминала: "Я открыла дверь балетного класса и застыла поражённая. Навстречу мне плыла хрупкая женщина в воздушном платье, с чёрными локонами, обрамлявшими лицо. Когда она появлялась, на душе становилось тепло и празднично".

Затем Бордовские переехали в Новозыбков. В семье росло двое сыновей – Фёдор и Павел. В 1996 г., после смерти мужа, Татьяна Павловна переехала к младшему сыну Павлу в Петербург. Здесь близкие окружили её своей заботой. Она была "богатой" бабушкой – у неё было 5 внуков. В Петербурге она и закончила свой земной путь. *Друзья*" (НСМ №112, 2004, 9).

*

† "10 декабря 2008 г. в Караганде в возрасте 87 лет скончался **Брызгин Олег Валентинович**. Он в 1947 г. приехал в СССР с первой партией репатриан-

тов из Шанхая со своей семьёй – женой Шурой и 3-летней дочерью Наташей. Основная масса прибывших была оставлена в Свердловске, а часть привезли в тогдашний посёлок Дегтярку, что в Свердловской области. Был конец сентября. В марте следующего года родилась ещё дочь Елена. Жизнь потихоньку налаживалась. Спустя год Олег был арестован, осуждён по ст. 58 и сослан в ГУЛАГ. Впрочем, это коснулось многих из приехавших репатриантов. Просидел он в лагерях Караганды и только в конце февраля 1960 г. возвратился домой к семье уже в город Дегтярск. Но вскоре вновь уехал в Караганду, где устроился на одну из шахт, получил там квартиру и перевёз туда свою семью. В ноябре 1960 г. родился ещё сын Игорь. Так прожил он там, в той же квартире, до конца своих дней в кругу семьи своих дочерей и внуков.

Трагичными моментами их жизни была гибель сына Игоря в 1983 г. и смерть любимой жены Шуры, которая не могла смириться до конца жизни с гибелью своего сына. На протяжении всей нашей жизни, начиная с 1947 г. по приезду в Дегтярку (а ехали мы даже в одной теплушке и спали на одних нарах), мы прожили вместе, как самые близкие родственники. Мы даже проживали в Караганде в 1962-1973 гг. – и рядом с нами были эти близкие нам люди. А при переезде вновь в г. Дегтярск самыми желанными для нас гостями были наши друзья Брызгины, которые приезжали уже со своими детьми. Сколько было радостных встреч и воспоминаний. К сожалению, эпоха перестройки нарушила наши встречи, но осталась переписка и телефонные звонки. Кстати, мой папа, Алексей Прокопьевич Пуляевский, "отсиживался" в Озёрлаге, что в Иркутской области, и переписывался с Олегом, но встретиться им так и не пришлось...

Папа умер 14 февраля 1960 г., а Олег возвратился в конце февраля. Видимо, так было предначертано свыше. И мы уже тоже не встретимся с этим добрым, улыбчивым и спокойным человеком, сохранившим в себе все добрые человеческие качества, невзирая на страшные прожитые времена. *Пуляевские З.А. и Миша, г. Дегтярск*" (НСМ №154, 2009, 6-7).

*

† "С глубоким прискорбием сообщаем, что после тяжёлой и продолжительной болезни 23 июня 2006 г. на 83-м году жизни скончался **Бянкин Георгий Михайлович**. Родился он 21 января 1923 г. в Харбине в семье есаула Забайкальского казачьего войска Михаила Илларионовича Бянкина. В 1945 г., как и большинство харбинской молодёжи, был арестован и провёл 10 лет в лагерях, причём большую часть срока – на лесозаготовках в Озерлаге. В 1955 г. был освобождён и отправлен на поселение в Казахстан, под Караганду. Реабилитирован в 1961 г.

В геологической партии, пос. Сокур, начинал с рабочего по рытью шурфов, затем работал химиком-лаборантом. В 1956 г. женился на Эльзе Емельяновне Тецлав. В 1961 г. вместе с семьёй переехал в Южный Казахстан, в с. Белые Воды Чимкентской области. В гидрологической экспедиции создал практически с нуля химическую лабораторию, которая под его руководством стала одной из ведущих химических лабораторий Казахстана.

Вырастил дочь и сына. Имел четырёх внуков. В 1995 г., после смерти жены, переехал к дочери в Санкт-Петербург, где и жил последние годы. Поддерживая связь с земляками-харбинцами. Участвовал в двух конгрессах соотечественников. В С.-Петербурге постоянно бывал на встречах и праздниках земляков. Светлая ему память. Да будет ему пухом российская земля. *Друзья, земляки*" (НСМ №129, 2006, 9)

*

† **"Гавриленко Владимир Иннокентьевич** родился 1922 г. в Приморском крае, затем вся семья переехала в Китай. Жили в основном в Ханьдаохэцзы. Он учился в школе в Мулине, работал в механических мастерских слесарем в Эрдоухэцзы. В 1945-1956 гг. прошёл тяжёлую "школу мужества" – находился в лагерях Свердловской и Иркутской областей (ст. Тавда, Азанка, г. Тайшет). Освобождён как невинно и незаконно осуждённый. Прекрасный специалист – слесарь-моторист по ремонту карбюраторных двигателей. С 1959 г. работал в Омске в тресте Сибнефтехиммонтаж. За 40 лет непрерывной работы на одном месте, за честный и добросовестный труд, за исключительно качественный ремонт двигателей имеет ряд почётных грамот и благодарностей. Своей любимой профессии обучил множество молодёжи, прибывавшей на практику из ГПТУ в его цех. Умер 30 апреля 2003 г. в Омске" (НСМ №105, 2003).

*

† **"Глушченко Павел Павлович** (1924-2002). Родился в Харбине. После гимназии учился на медицинском факультете Гонконгского университета, но не закончил его. А был мобилизован в отряд Асано. После демобилизации в марте 1945 года работал в лечебнице доктора Н.Голубева. В октябре 1945 года арестован органами СМЕРШа, отправлен в уральские лагеря, затем в ОЗЕРлаг, где работал лагерным врачом. В 1956 году был реабилитирован и освобождён на ст. Вихоревка Иркутской обл. Не имея диплома, после освобождения он вынужден был сменить профессию. В 1960-м переехал в Новосибирск, с 1963 года и даже после выхода на пенсию работал в секторе измерительных приборов строительного проектного института СибЗНИИЭП. Умер в Новосибирске" (НСМ №99, 2002, 9-10).

*

† "15 сентября 2006 г. в Омске после продолжительной и тяжёлой болезни ушёл из жизни **Гавриленко Пётр Иннокентьевич**. Родился он 8 ноября 1924 г. в Приморском крае, затем вместе с родителями выехал в Маньчжурю, на ст. Ханьдаохэцзы. В семье было четверо сыновей: Виктор, Андрей, Владимир и Пётр. Осенью 45-го года злой ураган снёс с лица земли эту прекрасную труженицу-семью – забрали сразу всех четырёх братьев, а их отец пропал без вести. Самый младший брат Виктор (ему тогда было 16 лет) умер от воспаления лёгких по дороге в лагерь. Остальные попали в лагерь ГУЛАГа Свердловской, Иркутской областей и Казахстана. После страшной "школы мужества" братья были освобождены в 1956 г. как незаконно осуждённые.

Пётр Иннокентьевич был выдающимся специалистом по автоделу и швейным машинкам, часовым мастером. Последние 20 лет работал водителем на ско-

рой помощи. Скромный труженик, никогда не выпячивался вперёд, но его знали и уважали на производстве и все окружающие соседи по дому. В этом, 2006 г., исполнилось 50 лет, как он женился на прекрасной донской казачке – Анастасии Исаевне. Их искренняя любовь прошла через всю жизнь, как яркий пример отношений между любящими супругами. Последние 20 лет Петру Иннокентьевичу, прикованному к постели, нужен был тщательный, кропотливый и каждодневный уход, и всё это время он был под неусыпным вниманием своей жены.

Мы, земляки из г. Омска, скорбим и вместе с родственниками с состраданием разделяем эту невосполнимую утрату. Похоронен Пётр Иннокентьевич рядом с братом Владимиром Иннокентьевичем, который умер три года назад. Пусть сибирская земля будет им пухом. *Друзья, земляки, г.Омск"* (НСМ №129, 2006, 9).

*

† "В 2000 г. на Украине скончался **Гончаренко Михаил Александрович**. Родился он в Харбине 20 февраля 1925 г., учился в реальном училище, потом в Институте ХСМЛ. После окончания его в 1942 г. поступил в Северо-Маньчжурский университет, из которого вынужден был уйти из-за необходимости помощи семье. В 1945 г. был арестован, работал на лесоповале на Урале. В 1956 г. был освобождён, в 1962-м полностью реабилитирован, после чего продолжил своё образование, 15 лет преподавал английский язык в школе. В 1975 г. работал переводчиком с американскими специалистами. Выйдя на пенсию в 1975 г., продолжал работать. Все эти годы он регулярно переписывался с друзьями из Казахстана и Тюменской области, но, вернувшись на Украину, замолчал. Только сейчас мы с большим прискорбием узнали, что в 2000 году от рака лобной части мозга наш школьный друг скончался. Светлую память о нём мы сохраним в наших сердцах. Хотя и с большим опозданием, но выражаем искреннее и глубокое сочувствие родным и близким. *Н.Андреева, Г.Пестова, Л.Герцарж и другие, всего 16 человек"* (НСМ №116, 2005, 1).

*

† "13 июня 2004 г. на 83 году жизни в г. Вихоревка Иркутской области отошёл в мир иной **Давыденко Николай Михайлович**. Родился он в 1922 г. в Харбине. Из-за осложнения на слух вследствие кори ему удалось окончить только 4 класса начальной школы. Затем Николай стал работать на дрожжевом заводе в Модягоу. В дальнейшем его призвали в армию, и ему пришлось служить на ст. Ханьдаохэцзы. Вернувшись из армии, он стал работать в собственном хозяйстве на фанерном заводе у Гинса, помогая агроному (он любил огородничество). В 1945 г., когда в Харбин вошла Красная армия, Николая забрали, после чего мы его потеряли. И лишь в 1954 г. я узнал, что его вместе с другими харбинцами отправили на лесоповал в Иркутскую область и дали 10 лет ИТЛ. Встретились мы с Николаем через 18 лет. Освободившись, он остался в Вихоревке, дважды был женат, но детьми не обзавёлся, обеих жён схоронил. Был реабилитирован, имел звание Ветерана труда, получал денежное пособие из фонда А.Солженицина. Спи спокойно, Николай, в сибирской

земле. Ты достоин памяти всех, кто знает тебя. Вечная тебе Память, пусть земля будет пухом тебе, дорогой брат, дядя, дедушка, друг и человеческий человек. *Кирилл Давыденко*" (НСМ №111, 2004, 7-8).

*

† "26 июля 2006 г. в г. Тихвине Ленинградской области после тяжёлой и продолжительной болезни скончался **Жуковский Сергей Степанович**. Сергей родился в Харбине 20 сентября 1923 г. После окончания средней школы и радиокурсов устроился работать по специальности. Август 45 года прервал налаженную жизнь, в которую он вернулся только через 11 лет, пройдя суровые дороги ГУЛАГа. После окончания срока приехал в Караганду, где женился на Галине Михайловне Кривенко, и устроился проходчиком на шахте. Здесь он проработал 3 года, а затем перешёл в научно-исследовательскую лабораторию Обогачительной фабрики №38 г. Караганды, где был зачислен научным сотрудником. В 1965 г. был переведён в Карагандинский трест Углеобогатения на должность главного механика. 8 июля 1989 г. умерла его жена Галина Михайловна.

Сергей Степанович работал в системе треста до декабря 1990 г. После выхода на пенсию женился на Анфисе Владимировне Витоле и переехал на жительство в г. Тихвин. Сергей умел всегда полностью отдаваться работе, которую он делал. Работал увлечённо и всегда творчески. В жизни был оптимистом и доброжелательным человеком. Обладая общительным характером, всегда имел много друзей. Таким он и остался в нашей памяти. Выражаем сочувствие и искрение соболезнования вдове покойного Анфисе Владимировне. Мир и покой душе харбинца Сергея. *Друзья*" (НСМ №129, 2006, 9).

*

† "7 сентября 2005 г. в Краснодаре после тяжёлой и продолжительной болезни скончался наш земляк-харбинец **Зеньков Павел Андреевич**. Родился он в 1919 г. Отец его работал в Харбине на железной дороге. Паша (так звали покойного его друга и знакомые) получил в Харбине среднее образование, работал в обувном отделе фирмы Чурина. В 1945 г., после вступления советских войск в Харбин, в числе тысяч земляков он был без следствия и суда вывезен на территорию СССР и брошен на тяжёлые физические работы на Севере (Инта, Печорский угольный бассейн). Работая и в шахте, и на лесоповале, он быстро дошёл до полного истощения, стал дистрофиком, но медики вовремя спасли его, поскольку организм был молодой.

Освободился Павел досрочно в 1956 г., как и большинство "маньчжурцев", со снятием судимости, а впоследствии абсолютное большинство из досрочно освобождённых было реабилитировано "за отсутствием состава преступления". (Увы, было немало и земляков, которые не дожили до таких времён, находясь в "истребительно-трудовых лагерях". И невозможно уже найти места захоронения несчастных наших земляков – таковы были условия так называемых "захоронений" "врагов народа").

После освобождения Павел женился, но жена его умерла много лет назад. Однако падчерица покойного жила вместе с отчимом, хорошо заботилась о нём, и он не чувствовал себя одиноким. Остаётся добавить, что покойный, живя в Краснодаре, устроился там на ЗИЛ и проработал там до выхода на пенсию. В последние годы он страдал сердечно-сосудистым заболеванием и неоднократно лежал в больнице. Увы, ничего не помогло, и конец наступил 7 сентября прошлого года.

Я помню Пашу по Харбину (в СССР встретиться не удалось, но все годы между нами шла оживлённая переписка). Из Харбина Паша запомнился как высокий, интересный, элегантно одетый молодой человек с утончённо-вежливыми манерами, воспитанными нашими учебными заведениями и всем укладом православного быта тогдашней "малой России" за рубежом. Маньчжурия явилась для нас второй родиной.

Пришлось мне одно время быть с Пашей на одном из "островов архипелага Гулага". Именно специфические условия в чекистских застенках явились той "лакмусовой бумажкой", которая определяла – кто есть кто и что есть что. Увы, не все наши земляки проявили себя с положительной стороны: были и такие, которые приспособились к "новым условиям", даже усвоили советскую терминологию и за счёт своих же земляков, но слабых физически, неплохо жили по лагерным понятиям. И вот тут мне Паша запомнился как добрый, простой и мужественный человек, который даже помогал своим землякам, более слабым физически. Паша запомнился как человек с большой буквы – верный и преданный друг, бескорыстный товарищ в трудных условиях советского лагеря.

Спи с миром в земле российской, много пострадавший, но чистый душой дорогой наш земляк! *И.Пасынков, харбинец*" (НСМ №125, 2006, 2).

*

† **"Ильяшенко Антонина Тимофеевна** родилась в 1917 году в Харбине и проживала на Привокзальной улице до 1935 г., когда выехала в СССР. Как и все выходцы из Харбина того времени, была репрессирована и "осваивала" лагерную жизнь в степях Казахстана. Умерла в одиночестве в 2003 году в Ростове-на-Дону" (НСМ. №103, 2003).

*

† **"Кашинская (Политова) Раиса Алексеевна** родилась в Харбине в 1910 г. Окончила гимназию Оксаковской. Спасаясь от владычества японцев, уезжает в Шанхай. Там выходит замуж за выпускника Хабаровского кадетского корпуса Даниила Кашинского. В 1947 году, взяв только то, что можно было унести с собой в руках, супруги прибыли на пароходе в порт Находку, откуда их тут же отправили на лесоповал. Муж валил деревья, а она рубила сучья: как им объяснили – "государству лес был нужен". Выдюжили, спаслись.

Уехали из ледяного холода в знойный Ашхабад, построили своими руками великолепный дом, но ... не прижились там, в среде совсем другой культуры, и отправились в Севастополь, о котором когда-то мечтала мама Раисы Алексеевны. Там у них снова появился свой роскошный дом. Через 30

лет умирает Даниил Александрович, и Раиса Алексеевна остаётся одна. Приняла к себе квартирантов из местных жителей бесплатно, за просто так. Но пришли другие времена, с другими нравами, когда квартиранты почувствовали себя хозяевами и выжили одинокую женщину на улицу...

Умерла в пос. Фрунзе, 60 км. от Севастополя. Похоронили Раису Алексеевну на Севастопольском кладбище при Свято-Николаевском мемориальном храме, рядом с мамой и мужем" (НСМ. №103, 2003).

*

† Алексей Кондрашёв. Светлой памяти Лидии Алексеевны Крыловой.

"... 1 января 1945 г., к большой радости четы Крыловых, наконец, рождается сын Алексей. Но радость эта, к сожалению, вскоре была омрачена – в августе 1945 г. ни в чём не повинный **Николай Алексеевич (Крылов)** был арестован органами СМЕРШ и отвезён в Советский Союз. И остаётся Лидия Алексеевна с маленьким ребёнком одна. Всё, что в то время пережили жёны и дети увезённых мужчин, уже было много раз описано в различных печатных изданиях – то же пережила и Лидия Алексеевна. Главное – тяжёлое материальное положение и полная неизвестность о судьбе мужа. Вскоре Л.А. поступила преподавателем русского языка в тогда престижную Сельскохозяйственную академию, где и работала до самого отъезда в СССР.

В начале 50-х годов, от Николая Алексеевича стали приходиться краткие сообщения, а иногда и письма; но лишь в 1953 г. было точно установлено, что он находится в Воркуте. Только в 2003 г. я узнал из книги Л.П.Маркизова "До и после 1945 года", что в декабре 1954 г. Н.А.Крылов из Воркуты был привезён в Потьму, где, согласно с Указом Президиума Верховного Совета СССР об условно-досрочном освобождении, выполнялось освобождение заключённых. Вот что автор этой книги пишет: "*2-го декабря 1954 г. началась жизнь вольных граждан. Мы освобожились, а другие группы харбинцев приезжали в Потьму. Один из харбинцев захотел вернуться в Харбин, но ему через некоторое время ответили, что освободят в Советском Союзе, а потом он может хлопотать о визе в Харбин. Но он не стал хлопотать о выезде в Китай, а его жена приехала сюда из Харбина. Жили они долгое время в Воркуте, затем уехали, приобретя кооперативную квартиру"*.

Этим харбинцем и был мой крёстный отец Николай Алексеевич Крылов. Мне тогда уже было 16 лет, и я был включён в семейные совещания. Лидия Алексеевна, получив от мужа письмо с его пожеланием вернуться в Харбин, отвечает, что русская жизнь в Харбине замирает и будет лучше, если она с сыном приедет прямо к нему в Воркуту.хлопоты визы были недолгими, и где-то в конце 1955 г. мы проводили мою тётю Лиду с сыном Алёшей поездом "Москва-Пекин" в Воркуту. После 10-летней разлуки мать привозит отцу их 10-летнего сына..." (НСМ №113, 2004, 10).

*

† "10 июля 2004 г. в Иркутске скончался наш земляк **Мазилев Владимир Николаевич**. Родился в Харбине 27 августа 1933 г. Старший научный

сотрудник Института земной коры АНР, канд. геол.-минералогических наук. В Россию его привезли в 1935 г. Родители – уроженцы Харбина. Мама, Клавдия Петровна Мазилова (Лисина), окончила Коммерческое училище в Харбине. Отец – Николай Никифорович Мазиллов. Приехали они из Харбина в г. Калач Воронежской области. Николай работал весовщиком на станции Калач. Клавдия находилась дома с детьми. В ноябре 1937 г. родителей репрессировали. Николая расстреляли. Клавдия получила 10 лет без права переписки как "японская шпионка". В 1947 г. вернулась домой в г. Калач. Дети выросли. Она уехала жить в Галанино Красноярского края. Володя окончил институт и работал в Иркутске, имеет двух сыновей и четырёх внуков. *Людия Шевкова и семья*" (НСМ №112, 2004, 9).

*

† "15 декабря 2004 г. в г. Сыктывкаре скоропостижно скончался **Маркизов Леонид Павлович**. Он родился в 1917 г. в Хабаровске, учился в харбинских гимназиях: им. Пушкина и им. Достоевского, выпускник инженерно-строительного факультета ХПИ 1937 года. Работал после окончания вуза в Дорожном отделе харбинского муниципалитета. Вскоре женился на известной харбинской спортсменке-планеристке Нине Яковлевне Фроловой. Счастливая жизнь закончилась в августе 45-го. Пересылки, этапы, лагеря, безжалостный лесоповал...

Но вот наступила целинная эпопея, и Нина Яковлевна с детьми попадает в Оренбургскую область, а затем переезжает в Воркуту, к освободившемуся к тому времени Леониду Павловичу. Оттуда воссоединившаяся семья позднее переехала в Сыктывкар, где супруги справили Золотую свадьбу. Но в 1993 г. Нины Яковлевны не стало...

Леонид Павлович много лет прожил в Воркуте, сооружал шахты в Заполярье. Потом более 30 лет жил в Сыктывкаре, работал по своей специальности, а также занимался наукой, защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата технических наук. Был удостоен звания Заслуженного деятеля науки и техники. Президиум международной академии авторов научных открытий и изобретений наградил Леонида Павловича Почётной медалью им. А.С.Попова "За заслуги в деле изобретательства". А Центральный совет Всероссийского общества изобретателей и рационализаторов присвоил ему звание "Почётный член ВОИР".

Он был членом правления Сыктывкарской правозащитной организации "Мемориал", активным участником многих общественных формирований. Жизненный опыт и мудрые советы ветерана были востребованы всегда. Более 40 лет Леонид Павлович сотрудничал с редакциями различных газет, на страницах которых активно выступал. В 2003 г. им была издана великолепная книга воспоминаний "До и после 1945. Глазами очевидца".

Не стало ещё одного представителя старшего поколения харбинцев, столько сделавшего для сохранения памяти о Харбине, честно и смело освещавшего трудные вопросы из истории нашего бытия и возвращения. *Земляки, друзья*" [НСМ №115, 2004, 12].

*

† "22 сентября 2006 г. в Харбине в возрасте 96 лет скончалась последняя русская эмигрантка первой волны **Никифорова Ефросинья Андреевна**. Родилась в местечке Кульдур в Хабаровском крае. В Харбин она приехала с родителями в 1923 году 13-летней девочкой, окончила здесь школу, а затем, в 1930 г. – фармацевтическое училище, после чего с 1936 по 1978 г. проработала фармацевтом в госпитале и аптеке. В 1936 г. скоропостижно умер отец. Трудно и страшно жилось при японцах.

В 1946 г. СМЕРШ увозит брата Володю на 11 лет в ГУЛАГ. Другой брат Николай впоследствии уехал на целину. Остались вдвоём с матерью, обе пережили все ужасы китайской "культурной пролетарской революции". В 1976 г. умирает престарелая мать, и далее Ефросинья Андреевна жила в полном одиночестве, постепенно проводя оставшихся в Харбине русских соотечественников. В последние годы своей жизни тяжело болела и скончалась на больничной койке. Мир и покой её душе. *Земляки*" (НСМ №134, 2007, 4).

*

† "Дочери **Пантелеева Николая Константиновича**, проживающие в г. Кургане, просят откликнуться тех, кто что-либо знает о судьбе их отца. Он был увезён в СССР в 1945 году и в 1956 году, по слухам, был освобождён" (НСМ №102, 2003, 3-4).

*

† "1 марта 2005 г. в г. Вихоревка Иркутской области ушёл из жизни **Пасечников Василий Сергеевич**. Бывший харбинец, узник Озерлага, основоположник бокса в маленьком сибирском городке Василий Сергеевич был достаточно яркой личностью в своих делах. Со своим скромным характером он никогда не старался привлечь внимание к своей трагической судьбе, никогда не печатал свои стихи и рассказы – о них знали только самые близкие люди. Он всегда проявлял искреннюю заботу и сочувствие к тем, кто оказывался рядом с ним (родные, собратья по несчастью, воспитанники). И мы, вихоревчане, сегодня точно знаем: имя Василия Сергеевича Пасечника неразрывно связано с историей нашего города, его спортивной жизнью. Ещё с Харбина его увлечением был бокс.

Будучи заключённым Озерлага, он тренировал солдат из полка ВСО, готовя их к соревнованиям по боксу, а позже начал тренировать (в виде общественной нагрузки) мальчишек в спорткомплексе "Локомотив" г. Вихоревка. Он воспитал более 600 учеников, многие из которых постоянно ездили на соревнования по всей стране – а это более 90 городов. Десятки его воспитанников стали мастерами спорта, причём самые выдающиеся сейчас работают тренерами и продолжают воспитывать новое поколение боксёров. Практически все соревнования в "Локомотиве" были запечатлены на плёнку другим харбинцем, тоже бывшим узником Озерлага, тренером по фигурному катанию Владимиром Павловичем Абламским.

Бокс в Вихоревке, у истоков которого стоял В.С.Пасечников, получил сегодня широкое развитие. В 1999-2005-м состоялись чемпионаты Иркутской

области им. В.С.Пасечникова. Продолжил его дело и внук, тоже Василий Пасечников, который в 2002 году стал призёром по боксу в первенстве Иркутской области среди вузов. Выражаем глубокое соболезнование детям и внукам. *Земляки, друзья*" (НСМ №123, 2005, 12).

*

† "10 апреля 2004 года на 89 году жизни после тяжёлой болезни в Москве скончалась Елизавета Юльевна Рудый. Её отец, **Юлий Викентьевич Рудый**, в 1917 г. стал организатором революционной власти, председателем комитета Пермской ж.д. В 1925-30 гг. – член коллегии комиссариата путей сообщения. С 1930 по 1935 – последний управляющий КВЖД. За успешную организацию продажи Дороги и эвакуацию работников КВЖД был награждён орденом Ленина. С 1935 г. был председателем научно-технического совета при наркомте путей сообщения. В 1937 г. арестован и расстрелян, по-смертно реабилитирован. После ареста отца трёх дочерей и жену в 24 часа выслали в г. Киров. Освобождены и реабилитированы в 1956 г. С 1970 г. Елизавета Юльевна работала заместителем директора Дворца культуры "Алмаз" в г. Томилино Московской области. С 1990 года на пенсии. Из жизни ушёл хороший человек, замечательная мать, женщина с чудной душой. Царствие ей Небесное и вечный покой. Выражаем глубокое соболезнование её дочери Лене и сестре Елене Юльевне. *Группа "Землячество КВЖД"* (НСМ №111, 2004, 7-8).

*

† "**Румянцев Константин Фёдорович** родился в Харбине в 1926 году. Там он рос и учился. Был хорошим спортсменом по акробатике. В 1945 году органы СМЕРШ его арестовали и вывезли в лагеря Свердловской области. В 1956 году он полностью был реабилитирован и переехал в г. Верхний-Уфалей Челябинской области, где и прожил до последнего дня своей жизни 8 мая 2002 года" (НСМ №96, 2002, 6).

*

† "**Харбинец Сенкевич Евгений** (вместе с сестрой Татьяной, 1923-2002) поехал в качестве переводчика с японского языка в Комсомольск-на-Амуре, где в то время содержались японские военнопленные. Он прошёл сталинско-бориенское "чистилище", где и подорвал своё здоровье. После освобождения, уже проживая в СССР, стал довольно крупным японистом, имел научные и деловые связи с Японией" (НСМ №99, 2002, 9-10).

*

† "18 декабря 2003 года на 82-м году жизни в г. Братске скончался **Скрябин Виталий Николаевич**. Родился он в Благовещенске и до 10 лет жил и начал учиться там. В 1931 г. родители переехали в Харбин, где он закончил гимназию БРЭМ, поступил в Северно-Маньчжурский университет и в декабре 1943 года защитил диплом инженера-механика, был принят в аспирантуру и по совместительству работал на мукомольном заводе. Пришёл 1945 год, и вместе со

многими лосянами и ему пришлось испить чашу необоснованных наказаний, мучительную каторгу сталинских лагерей длиной в 11 лет. Лесоповал, баланда, травля собаками, бесчеловечность конвоя, издевательства надзирателей и номер на спине И-701. В 1956 г., после XX съезда, пришло неожиданно освобождение всем лосянам как необоснованно осуждённым. Многие разъехались по стране, а он остался в Сибири. Работал на Тайшетском заводе САРМЗ инженером-механиком, начальником отдела, затем перешёл на работу техническим инспектором на транспортное строительство и много лет до пенсии работал главным инспектором ЦК Профсоюза работников железнодорожного транспорта, курировал восточносибирских транспортных строителей... Никогда не забудем, как помогая и поддерживая друг друга, выжили в борьбе за жизнь в той подлой, страшной и скрытой от всего мира стране ГУЛАГ, где нас превратили в рабов и где мы прошли все круги ада мучительной каторги. *Друзья, земляки, однополчане*" (НСМ №107, 2004, 1-2).

*

†6 ноября 2007 г. в г. Вихоревке Иркутской области на 88-м году жизни скоропостижно скончался **Чеусов Всеволод Васильевич**. Родился он 28 августа 1920 г. в Харбине, в семье счетовода КВЖД Василия Ивановича Чеусова... (НСМ №141, 2008, 1-2). Подробно автобиография в НСМ №№62, 63, 66.

* М.Романова. Не погаснет памяти свеча... "В честь 50-ой годовщины массового освобождения узников Озерлага в "Железнодорожнике" г. Вихоревка состоялся торжественный вечер памяти жертв политических репрессий. За этим словосочетанием кроются миллионы растоптанных человеческих судеб, перемолотых бездушной системой государства, которое строила "светлое будущее" в отдельно взятой стране. Инициатором встреч бывших политзаключённых стал Всеволод Васильевич Чеусов, председатель ассоциации узников Озерлага, каждые пять лет собирающий своих земляков. Но от встречи к встрече их становится всё меньше... Память о прошлом. Вот что объединило людей, собравшихся в зале. Не помня истории страны, нельзя жить, нельзя двигаться дальше. <...> Те времена ушли, но остался город, который нынче отметит свой 40-летний юбилей, осталась железная дорога, построенная кровью и потом людей, оказавшихся в многочисленных лагерях Озерлага...".

К сожалению, из 400 человек, после освобождения в 1956 году оставшихся в Вихоревке, ныне живы только пять: В.В.Чеусов, Н.Н.Формаковский, Б.А.Сивергин, Я.П.Федореев, А.А. Пешков. Ушли из жизни многие политзаключённые, о чьей судьбе можно написать целые романы. Н.Г.Фомин – потомок казаков, принимал активное участие в строительстве православного храма в Вихоревке. Это В.С.Пасечников, который тренировал вихоревских мальчишек боксу, написал мемуары о своих современниках. В память о нём проводится турнир по боксу. Это В.П.Абламский, попавший в Озерлаг из Харбина, где был чемпионом по фигурному катанию, профессионально занимался фотографией, но был арестован, когда советские войска вошли в Харбин. В.П.Абламский стал героем

французского фильма "Сибирь против света". Его фотографии вошли в книгу об Озерлаге" [НСМ №130, 2006, 10].

*

† "**Чуков Владимир Павлович** после получения среднего образования окончил железнодорожный техникум в Харбине, где, кроме профессионального мастерства, хорошо освоил и японский язык, что дало ему возможность сразу устроиться на железную дорогу и успешно продвигаться по службе. Но в 1945 году он в качестве дармовой рабочей силы зашагал под конвоем по просторам родины в системе ГУЛАГа. Он в полной мере познал Урал-лесоповал, а затем и Озерлаг. И здесь, на Тайшетском авторемонтном заводе МВД в полной мере проявилось его мастерство как слесаря-инструментальщика и токаря высокой квалификации. В 1956 г. Владимиру Павловичу сказали: "Извините! Произошла досадная ошибка. Вы не виновны".

Выданный при этом документ гласил: "Осуждён необоснованно, считать несудимым". А как быть с потерянными 11 годами и искалеченным здоровьем – ему никто не сказал. Но с присущей ему энергией Володя приступил к устройству собственной жизни. В Тайшете, столице Озерлага, он устроился преподавателем в среднюю школу, а затем, создав семью, переехал на ст. Чуну, где вновь занялся преподавательской деятельностью. Через несколько лет его пригласили в отдел жилищно-коммунального хозяйства в администрации пос. Чунский. Там он и проработал до выхода на пенсию. И вот на 81-м году жизни его не стало... *Стефанида Меределина, Виталий Скрябин, Константин Шулейко, Николай Пономарёв*" (НСМ №103, 2003).

*

† "5 апреля 2005 г. в г. Сиднее (Австралия) после продолжительной болезни скончался **Шандарь Алексей Георгиевич**. История его жизни ещё один пример нелёгкой судьбы русского беженца, попавшего в Китай в раннем детском возрасте и закончившего свой земной путь в далёкой Австралии. А.Г.Шандарь родился в 1930 г. в г. Михайлове Уссурийского края. В период коллективизации деда расстреляли, а родители с маленьким Алёшей на руках спаслись бегством в Маньчжурию. Харбин принял беженцев, но, лишившись всего, им пришлось нелегко в городе, оккупированном уже японскими войсками. И всё же Алёша окончил Первую среднюю школу (1947 г.) и поступил учиться в Медицинский техникум. Август 1945 г., положивший конец японской оккупации, принёс и испытание семье: отец был репрессирован органами СМЕРШа... *Елена Таскина, Измаил Мухин*" (НСМ №118, 2005, 4-5).

Жертвы политического террора в СССР

- Книга Скорби – Азалы Кітап. Расстрельные списки. Алма-Ата, Алматинская область. – Алматы: Казахстанское историко-просветительское общество "Адилет" ("Справедливость"), 1996. – 360 с. – 1660 справок на расстрелянных в 1930-50.

Гончаров Николай Митрофанович, 1910 г. р. Уроженец гор. Харбина. русский. нач. отд. ОСОАВИАХИМа. Проживал в гор. Алма-Ате. Осуждён 05.09.38 решением НКВД СССР. Расстрелян. 18.05.59 Определ. ВТ ТуркВО реабилитирован. /Гончаров Михаил Митрофанович, 1910г. р. Уроженец гор. Харбина. русский. инструктор РОН Осоавихима. Проживал в гор. Алма-Ате. Осужден 09.10.38 тр. УНКВД по Алма-Атинск. обл. Расстрелян. 15.08.89 реабилитирован закл. воен. пр-ры ТуркВО.

Дун-Шун-Тяи, 1914 г. р. Уроженец гор. Харбина. китаец. сапожник с-за Исаева. Осуждён 19.10.38 тр. УНКВД по Алма-Атинск. обл. Расстрелян. 18.04.89 пр-рой Алма-Атинск. обл. реабилитирован.

Ильин Павел Иванович, 1909 г. р. Уроженец Маньчжурии. русский. радиотехник. Проживал в с. Бурундай. Осуждён 26.12.37 Комиссией НКВД и пр-ры СССР. Расстрелян. 04.06.63 реабилитирован определ. ВТ ТуркВО.

Налбандян-Целлер Николай Леонтьевич, 1906 г. р. Уроженец гор. Харбина. армянин. главбух. Ушосдор НКВД КССР. Проживал в гор. Алма-Ате. Осуждён 25.11.37 тр. УНКВД по Алма-Атинск. обл. Расстрелян. 14.05.59 Определ. ВТ ТуркВО реабилитирован.

Поволоцкий Алексей Николаевич, 1917 г. р. Уроженец гор. Харбина. русский. студент политехникума. Проживал в гор. Алма-Ате. Осуждён 03.01.38 Комиссией НКВД СССР. Расстрелян. 27.07.60 ВТ ТуркВО реабилитирован.

Поздеев Аркадий Николаевич, 1912 г. р. Уроженец гор. Харбина. русский. киномеханик. Проживал в гор. Алма-Ате. Осуждён 23.12.37 ОС НКВД СССР. Расстрелян. 11.02.72 реабилитирован пост. ВТ САВО.

- **За нами придут корабли:** Список реабилитированных лиц, смертные приговоры в отношении которых приведены в исполнение на территории Магаданской области. – Магадан. Магаданское книжное издательство, 1999. – 215 с. – Всего 7546, из них 29 "кавэжэдинцев":

Бакун Константин Николаевич, 1909 г.р., место рождения: Харбин, украинец, место жительства: Харбин, арестован в 1931 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 17.10.1937, статья: контрреволюционная троцкистская деятельность, расстрелян 27.11.1937, реабилитирован 22.03.1989.

Басня Константин Львович, 1907 г.р., место рождения: Харбин, украинец, место жительства: Харбин, арестован в 1936 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 28.02.1938, статья: контрреволюционная повстанческая организация, расстрелян 15.03.1938, реабилитирован 12.12.1959.

Боговяленский Николай Николаевич, 1911 г.р., место рождения: Маньчжурия, русский, место жительства: Москва, арестован в 1935 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 07.04.1938, статья: контрреволюционная повстанческая организация, расстрелян 14.04.1938, реабилитирован 14.06.1989.

Бочков Константин Викентьевич, 1911 г.р., место рождения: Маньчжурия, русский, место жительства: Улан-Удэ, арестован в 1936 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 08.08.1938, статья: контрреволюционная троцкистская деятельность, расстрелян 08.08.1938, реабилитирован 30.06.1989.

Власюк Евгений Федорович, 1908 г.р., место рождения: Харбин, русский, арестован в 1932 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 12.11.1937, статья: контрреволюционная деятельность, расстрелян 05.12.1937, реабилитирован 27.07.1989.

Голубев Николай Иванович, 1912 г.р., место рождения: Харбин, русский, место жительства: Московская обл., арестован в 1937 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 23.04.1938, статья: контрреволюционная повстанческая организация, расстрелян 10.06.1938, реабилитирован 24.01.1972.

Грачева Вера Михайловна, 1911 г.р., место рождения: Харбин, русская, арестован в 1937 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 23.04.1938, статья: контрреволюционная троцкистская деятельность, расстрелян 29.04.1938, реабилитирован 01.08.1956.

Димов Михаил Иванович, 1912 г.р., место рождения: Хабаровский, русский, место жительства: Китай, арестован в 1932 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 11.05.1938, статья: 58, расстрелян 22.05.1938, реабилитирован 31.10.1960.

Ильенко Павел Ефимович, 1914 г.р., место рождения: Харбин, русский, место жительства: Владивосток, арестован в 1937 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 30.04.1938, статья: контрреволюционная деятельность, расстрелян 08.05.1938, реабилитирован 10.10.1960.

Киселёв Павел Иванович, 1912 г.р., место рождения: Харбин, русский, место жительства: Владивосток, арестован в 1934 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 15.11.1937, статья: контрреволюционная деятельность, расстрелян 28.12.1937, реабилитирован 30.06.1989.

Кондрашёв Иван Капитонович, 1916 г.р., место рождения: ДВК, русский, место жительства: Харбин, арестован в 1936 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осужден 12.11.1937, статья: контрреволюционная деятельность, расстрелян 05.12.1937, реабилитирован 31.07.1989.

Костылев Василий Степанович, 1909 г.р., место рождения: Маньчжурия, русский, место жительства: Амурская обл., арестован в 1936 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осужден 17.10.1937, статья: контрреволюционная повстанческая организация, расстрелян 27.11.1937, реабилитирован 11.07.1964.

Макаров Александр Николаевич, 1909 г.р., место рождения: Харбин, русский, место жительства: Владивосток, арестован в 1935 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 30.04.1938, статья: контрреволюционная вредительская группа, расстрелян 08.05.1938, реабилитирован 27.06.1989.

Матвеев Николай Яковлевич, 1907 г.р., место рождения: Харбин, русский, арестован в 1933 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 19.09.1937, статья: контрреволюционная деятельность, расстрелян 27.11.1937, реабилитирован 08.03.1965.

Мерлич Алексей Владимирович, 1905 г.р., место рождения: Харбин, болгарин, место жительства: Красноярский, арестован в 1936 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 07.04.1938, статья: 58, расстрелян 14.04.1938, реабилитирован 21.06.1989.

Митряев Николай Васильевич, 1905 г.р., место рождения: Харбин, русский, место жительства: Харбин, арестован в 1933 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 01.10.1937, статья: контрреволюционная деятельность, расстрелян 17.11.1937, реабилитирован 11.08.1989.

Некрасов Николай Алексеевич, 1908 г.р., место рождения: Маньчжурия, китаец, место жительства: Москва, арестован в 1937 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 03.03.1938, статья: контрреволюционная троцкистская деятельность, расстрелян 07.03.1938, реабилитирован 17.11.1957.

Половецкий Павел Емельянович, 1909 г.р., место рождения: Харбин, русский, место жительства: Оренбург, арестован в 1936 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 06.08.1938, статья: 58, расстрелян 08.08.1938, реабилитирован 07.10.1957.

Польский Петр Иосифович, 1914 г.р., место рождения: Харбин, украинец, место жительства: Оренбург, арестован в 1936 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 31.03.1938, статья: 58, расстрелян 05.04.1938, реабилитирован 02.10.1957.

Попова Вера Георгиевна, 1904 г.р., место рождения: Харбин, русская, арестован в 1932 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 23.04.1938, статья: контрреволюционная агитация, расстрелян 29.04.1938, реабилитирован 20.07.1989.

Рафиков Зинур Закирович, 1907 г.р., место рождения: Харбин, татарин, место жительства: Харбин, арестован в 1936 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 17.10.1937, статья: контрреволюционная повстанческая организация, расстрелян 27.11.1937, реабилитирован 11.07.1964.

Скопенок Борис Афанасьевич, 1912 г.р., место рождения: Харбин, русский, место жительства: Томск, арестован в 1936 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 07.05.1938, статья: контрреволюционная повстанческая организация, расстрелян 05.06.1938, реабилитирован 25.05.1970.

Сплавский Леонид Антонович, 1914 г.р., место рождения: Маньчжурия, русский, место жительства: Томск, арестован в 1937 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 06.08.1938, статья: 58, расстрелян 07.08.1938, реабилитирован 29.05.1958.

Старов Михаил Максимович, 1910 г.р., место рождения: Харбин, русский, место жительства: Орёл, арестован в 1936 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 07.05.1938, статья: контрреволюционная вредительская группа, расстрелян 06.06.1938, реабилитирован 04.10.1957.

Сташкевич Тигрий Александрович, 1912 г.р., место рождения: Владивосток, русский, место жительства: Китай, арестован в 1936 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 18.11.1937, статья: контрреволюционная деятельность, расстрелян 28.12.1937, реабилитирован 27.05.1959.

Тулакин Александр Васильевич, 1908 г.р., место рождения: Харбин, русский, место жительства: Пенза, арестован в 1936 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 30.04.1938, статья: контрреволюционная вредительская группа, расстрелян 08.05.1938, реабилитирован 31.10.1960

Тулакин Виктор Михайлович, 1911 г.р., место рождения: Маньчжурия, русский, место жительства: Ульяновск, арестован в 1936 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 01.03.1938, статья: контрреволюционная повстанческая организация, расстрелян 10.03.1938, реабилитирован 18.06.1989.

Фефелов Константин Вуколович, 1907 г.р., место рождения: Харбин, русский, место жительства: Москва, арестован в 1937 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 23.04.1938, статья: контрреволюционная агитация, расстрелян 29.04.1938, реабилитирован 20.07.1989.

Шишпанова Ксения Сергеевна, 1908 г.р., место рождения: Харбин, русская, место жительства: Ленинград, арестован в 1934 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 11.05.1938, статья: 58, расстрелян 22.05.1938, реабилитирован 27.06.1989.

Щетинина Мария Трофимовна, 1905 г.р., место рождения: Маньчжурия, русская, арестован в 1936 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осуждён 23.04.1938, статья: контрреволюционная троцкистская деятельность, расстрелян 29.04.1938, реабилитирован 11.08.1989.

• **Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий.** – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1998. – Т.1. Около 4600 справок на репрессированных в 1930-50. 1999. Т.2. Около 3300 справок ... 2000. Т.3. Хроника политических репрессий на территории современной Республики Коми 1918-1960; статьи и документы. 2001. Т.4. Четвёртый том мартиролога "Покаяние" посвящён истории кулацкой ссылки.

Айзенштейн-Антонио Тамара Гавриловна, 1906 г.р., украинка, м.р. г. Харбин, Китай, заключённая Устьвымлага НКВД, Арестована 15.01.1942 г. Осуждена 05.10.1942 г. Верховным судом Коми АССР по ст. 58-10 ч.2 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы и 5 лет поражения в избирательных правах.

Вяткин Анатолий Андреевич, 1908 г.р., русский, м.р. г. Харбин, м.п. п.Мадмас, заключённый Ухтпечлага НКВД СССР. Арестован 15.12.1937 г. Осуждён 02.01.1938 г. "тройкой" при УНКВД Архангельской области по ст.ст. 58-7 УК РСФСР, 58-10, 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания.

Дороднов Евгений Григорьевич, 1906 г.р., русский, м.р. г. Харбин, м.п. п.Мадмас, заключённый Ухтпечлага НКВД СССР. Арестован 17.09.1937 г. Осуждён 04.01.1938 г. "тройкой" при УНКВД Архангельской области по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания.

Лабуз Алексей Иванович, 1907 г.р., русский, м.р. г. Харбин, заключённый Ухтпечлага НКВД СССР. Арестован 08.12.1937г. Осужден 11.01.1938г. "тройкой" при УНКВД Архангельской области по ст. 58-10 УК РСФСР к высшей мере наказания.

Леонова Лидия Дмитриевна (Сухаренко Зеральда Моргентану), 1919 г.р., гречанка, м.р. г. Харбин, заключённая Устьвымлага НКВД. Арестована 15.07.1939г. Осуждена 14.02.1940 г. Верховным судом Коми АССР по ст. 58-14 УК РСФСР на 3 года лишения свободы.

Ли-Сен Михаил Васильевич, кореец, м.р. с. Читоходза, Манчжурия, м.п. г. Инта, заведующий производством столовой №1 ОРСа "Интауголь". Арестован 26.11.1942 г. Осуждён 04.12.1943г. Особым совещанием при НКВД СССР по ст. 58-10 ч.2, 58-11 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы.

Попов Константин Константинович, 1920 г.р. русский, м.р. г. Харбин, м.п. Коми АССР, заключённый Ухтижемлага НКВД. Арестован 26.10.1941г. Осуждён 26.11.1941г. Верховным судом Коми АССР по ст.ст. 19-58-2 УК РСФСР, 58-12 УК РСФСР к высшей мере наказания. Постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР от 25.03.1964г. уголовн. дело прекращено.

Пустовойтов Константин Иванович, 1911 г.р., русский, м.р. г. Харбин, Китай, заключённый Севжелдорлага НКВД. Арестован 19.11.1938г. Осуждён 22.08.1939г. Верховным судом Коми АССР при Севжелдорлаге НКВД по ст. 58-10 ч.1 УК РСФСР на 5 лет лишения свободы.

Рафаловский Владислав Болеславович, 1907 г.р., русский, м.р. г. Харбин, заключённый Ухтпечлага НКВД. Арестован 15.12.1937г. Осуждён 09.01.1938г. "тройкой" при УНКВД Архангельской области по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания.

Семёнова Елена Григорьевна, 1921 г.р., русская, м.р. г. Порт-Артур, заключённая Минлага МВД. Арестована 04.03.1952г. Осуждена 10.05.1952г. спецлагсудом Минерального ИТЛ МВД по ст. 58-14 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы.

Туренко Василий Алексеевич, 1904 г.р., украинец, м.р. г. Порт-Артур, заключённый Ухтпечлага НКВД СССР. Арестован 30.12.1937г. Осуждён 15.02.1938г. "тройкой" при УНКВД Архангельской области по ст. 58-10 УК РСФСР к высшей мере наказания.

Федоренко Иван Семенович, 1908 г.р., русский, м.р. г. Харбин, заключённый Ухтпечлага НКВД. Арестован 23.05.1938г. Осужден 09.11.1938г. "тройкой" при НКВД Коми АССР по ст.ст. 58-6, 58-7 УК РСФСР, 58-8 УК РСФСР к высшей мере наказания.

Шукевич Климентий Иванович, 1905 г.р., русский, м.р. Харбин, Китай, заключённый Ухтпечлага НКВД СССР. Арестован 07.12.1937г. Осуждён

25.12.1937г. "тройкой" при УНКВД Архангельской области по ст. 58-10 УК РСФСР к высшей мере наказания.

Шутовской Ростислав Миронович, 1918 г.р., русский, м.р. ст. Манчжурия, Дальневосточный край, заключённый Севпечлага НКВД. Арестован 07.01.1942г. Осуждён 19.06.1943г. Особым совещанием при НКВД СССР по ст. 58-2, 58-11 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы.

• **Белая книга: О жертвах политических репрессий.** – Самара: Самар. дом печати, Т.1-16. 1997 - 2002. В каждом томе по 2000 справок на самарцев, репрессированных в 1930-50-е годы.

Аринёнок Михаил Прокофьевич. Родился 24 октября 1910 года в Харбине, проживал в Куйбышеве. Украинец, беспартийный. Арестован 9 июня 1938 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 29 марта 1939 г. уголовное дело прекращено за недостаточностью улик. Реабилитирован по Закону от 18 октября 1991 г.

Атроценко-Вялкова Клавдия Павловна. Родилась в 1906 году в Манчжурии, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, домохозяйка. Арестована 11 июля 1941 г., 25 сентября 1943 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорена по ст. 58-6 (шпионаж) к 5 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирована Куйбышевским облсудом 17 апреля 1956 г.

Афонин Александр Васильевич. Родился в 1908 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, плановик промкомбината. Арестован 11 апреля 1938 г. 27 февраля 1940 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорен по ст. 58-6 (шпионаж) к 5 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 13 сентября 1957 г.

Ачкасов Леонид Лукьянович. Родился в 1914 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, слесарь-инструментальщик. Арестован 10 июля 1937 г., 28 сентября НКВД СССР и прокурором СССР приговорен по ст. 58-1а (измена Родине) к высшей мере наказания. Расстрелян 1 октября в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Куйбышевской облпрокуратурой 6 июля 1989 г.

Бабенкова Зинаида Григорьевна. Родилась в 1905 году на станции Хайлар КВЖД, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, библиотекарь. Арестована 9 октября 1937 г., 16 января 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорена по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирована Военным трибуналом ПриВО 13 апреля 1956 г.

Базыгин Леонид Николаевич. Родился в 1915 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, без определённых занятий. Арестован 8 октября 1937 г., 14 декабря Особым совещанием при НКВД СССР приговорен по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в концлагере. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 26 сентября 1956 г.

Батурина Павла Васильевна. Родилась в 1915 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, служащая. Арестована 2 ноября

1937 г., 14 декабря Особым совещанием при НКВД СССР приговорена по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирована Военным трибуналом ПриВО 10 августа 1956 г.

Безрукова Валентина Петровна. Родилась 12 марта 1920 года в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, студентка. Арестована 29 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 30 октября того же года уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Белаш Ромуальд Исидорович. Родился в 1920 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Поляк, беспартийный, учащийся техникума. Арестован 2 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Куйбышевским облсудом осуждён на 5 лет лишения свободы. Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 22 сентября 1939 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Белоусов Иван Антонович. Родился в 1905 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, железнодорожник. Арестован 8 октября 1937 г., 30 декабря НКВД СССР и прокурором СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 9 февраля 1938 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Верховным судом СССР 7 мая 1956 г.

Бережной Виктор Яковлевич. Родился в 1907 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Украинец, беспартийный, безработный. Арестован 4 апреля 1938 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 25 февраля 1939 г. обвинение переквалифицировано на ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация). Куйбышевским облсудом 19 июля 1939 г. оправдан.

Бережной Николай Яковлевич. Родился в 1919 году на станции Пограничная КВЖД, проживал в Сызрани. Украинец, беспартийный, студент педучилища. Арестован 10 февраля 1938 г. по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 21 декабря уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирован по Закону от 18 октября 1991 г.

Боброва Надежда Николаевна. Родилась в 1911 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, служащая. Арестована 31 октября 1937 г., 16 января 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорена по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирована 13 сентября 1955 г.

Богомолкин Иван Сергеевич. Родился в 1908 году в Харбине, проживал на станции Батраки. Русский, беспартийный, буфетчик. Арестован 16 марта 1938 г., 4 мая НКВД СССР и прокурором СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 9 мая 1938 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 21 июня 1957 г.

Бойко Надежда Анисимовна. Родилась в 1910 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, зубной врач. Арестована 8- октября

ря 1937 г., 16 января 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорена по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирована Военным трибуналом ПриВО 14 октября 1959 г.

Бондаренко Евгений Данилович. Родился 20 января 1920 года в Харбине, проживал в пос. Батраки. Русский, беспартийный, рабочий. Арестован 16 апреля 1938 г. по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 20 декабря уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирован по Закону от 18 октября 1991 г.

Бондарчук Николай Романович. Родился в 1915 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Украинец, беспартийный, студент. Арестован 8 декабря 1937 г., 4 января Особым совещанием при НКВД СССР приговорен по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Верховным судом СССР 7 мая 1955 г.

Борисова Александра Сергеевна. Родилась в 1914 году в Северной Маньчжурии, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, служащая на ст. Куйбышев. Арестована 6 декабря 1936 г., 11 апреля 1937 г. Военным трибуналом ПриВО осуждена по ст. 58-6 (шпионаж) на 10 лет лишения свободы. Реабилитирована Военной прокуратурой ПриВО 22 ноября 1954 г.

Бородин Владимир Иванович. Родился в 1912 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, железнодорожник. Арестован 22 сентября 1937 г., 4 февраля 1938 г. НКВД СССР и прокурором СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Куйбышевской облпрокуратурой 11 марта 1991 г.

Бочарников Петр Павлович. Родился в 1904 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, железнодорожник. Арестован 4 октября 1937 г., 14 декабря особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 7 августа 1956 г.

Браньков Василий Андреевич. Родился в 1907 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, строитель. Арестован 2 ноября 1937 г., 10 ноября 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 2 апреля 1957 г.

Булах Анатолий Митрофанович. Родился 20 февраля 1916 года в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, служащий. Арестован 23 октября 1937 г., 16 декабря Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 6 октября 1956 г.

Булах Михаил Митрофанович. Родился в 1906 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, теплотехник. Арестован 23 октября 1937 г., 22 февраля 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 22 июня 1956 г.

Важенина Лидия Мироновна. Родилась в 1913 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, домохозяйка. Арестована 5 ноября 1937 г. как член семьи репрессированного. Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 29 июня 1938 г. уголовное дело прекращено.

Веселовский-Фастей Владимир Михайлович. Родился в 1909 году на ст. Пограничная КВЖД, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, музыкант. Арестован 3 февраля 1938 г., 5 октября тройкой при Управлении НКВД по Куйбышевской области осуждён по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 10 октября 1938 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 30 ноября 1956 г.

Виленский Давид Иосифович. Родился 11 февраля 1908 года в Харбине, проживал в Куйбышеве. Еврей, беспартийный, служащий. Арестован 1 ноября 1937 г., 10 января 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация) к 10 годам заключения в ИТЛ. Особым совещанием при НКВД СССР 19 мая 1945 г. срок наказания снижен на 6 месяцев. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 10 января 1956 г.

Вязьмин Алексей Александрович. Родился 5 октября 1905 года в •Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, художник. Арестован 23 февраля 1938 г., 5 октября тройкой при Управлении НКВД по Куйбышевской области приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 10 октября 1938 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Куйбышевской облпрокуратурой 1 сентября 1989 г.

Вялков Константин Павлович. Родился 18 марта 1918 года в Маньчжурии, проживал в Куйбышеве. Русский, член ВЛКСМ, учащийся техникума. Арестован 7 октября 1937 г., 14 декабря Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Верховным судом СССР 14 мая 1955 г.

Вяцмин Алексей Александрович. Родился в 1905 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, счетовод. Арестован 4 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 31 декабря 1937 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Галанов Константин Иванович. Родился в 1916 году на ст. Пограничная КВЖД, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, токарь. Арестован 17 марта 1938 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 17 декабря 1938 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирован по Закону от 18 октября 1991 г.

Гигерман Вера Рафаиловна. Родилась в 1915 году в Маньчжурии, проживала на станции Батраки. Еврейка, беспартийная, домохозяйка. Арестована 10 июля 1938 г., 5 октября тройкой при Управлении НКВД по Куйбышевской области приговорена по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в концлагере. Реабилитирована Военным трибуналом ПриВО 20 декабря 1955 г.

Глушков Василий Филиппович. Родился в 1884 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, слесарь. Арестован 12 сентября 1937 г., 5 октября 1938 г. тройкой при Управлении НКВД по Куйбышевской области приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Куйбышевским облсудом 18 января 1957 г.

Глушенко Екатерина Григорьевна. Родилась в 1913 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, бухгалтер управления Куйбышевской железной дороги. Арестована 8 сентября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 24 декабря того же года уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Головинский Николай Иванович. Родился 11 февраля 1910 года в Маньчжурии, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, студент. Арестован 27 сентября 1937 г., 29 октября НКВД СССР и прокурором СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 5 ноября 1937 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 30 октября 1956 г.

Гольгин Александр Павлович. Родился в 1912 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, проводник Куйбышевской железной дороги. Арестован 2 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 4 декабря того же года уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Гросс Владимир Готлибович. Родился в 1904 году на ст. Чинбафу КВЖД, проживал в Куйбышеве. Немец, беспартийный, служащий. Арестован 5 ноября 1937 г., 14 декабря Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 1 октября 1956 г.

Дыскина Сарра Мордуховна. Родилась в 1915 г. на КВЖД, проживала в Куйбышеве. Еврейка, беспартийная, домохозяйка. Арестована в октябре 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 4 декабря уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Дьячек Александр Павлович. Родился в 1911 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, шофер. Арестован 25 марта 1938 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 5 января 1939 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирован по Закону от 18 октября 1991 г.

Евтушенко Александр Яковлевич. Родился в 1922 году на ст. Пограничная КВЖД, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, шофер. Арестован 11 декабря 1942 г. по ст. ст. 58-1 а (измена Родине) и 58-11 (контрреволюционная организационная деятельность). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 14 марта 1943 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Ежик Леонтий Вячеславович. Родился в 1911 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, электрик. Арестован 9 октября 1937 г., 5 января 1938 г. НКВД и прокурором СССР приговорён по ст. 58-6

(шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 13 января 1938 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 9 января 1957 г.

Ежикова-Кют Валентина Иогановна. Родилась в 1916 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, домохозяйка. Арестована 1 ноября 1937 года, 10 января 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорена по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирована Военным трибуналом ПриВО 4 декабря 1956 года.

Елкина Мария Никифоровна. Родилась 11 июня 1900 года на ст. Хайлар КВЖД, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, портниха. Арестована 1 июня 1938 г., 27 октября тройкой при Управлении НКВД по Куйбышевской области приговорена по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация) к 8 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирована Куйбышевским облсудом 7 марта 1956 г.

Емельянов Дионисий Зосимович. Родился в 1904 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, слесарь. Арестован 20 июня 1938 г., 5 октября тройкой при Управлении НКВД по Куйбышевской области приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 10 октября в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Куйбышевской облпрокуратурой 1 сентября 1989 г.

Емельянова-Афонина Анна Васильевна. Родилась в 1906 году на ст. Имень в Маньчжурии, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, домохозяйка. Арестована 21 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 31 октября 1938 г. уголовное дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Ефремов Георгий Михайлович. Родился в 1915 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, красноармеец. Арестован 3 ноября 1937 г., 11 декабря НКВД СССР и прокурором СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 21 декабря в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Куйбышевской облпрокуратурой 1 сентября 1989 г.

Жан-Юн-Шан. Родился в 1905 году в Порт-Артуре, проживал в Куйбышеве. Китаец, беспартийный, заведующий пивной. Арестован 14 февраля 1938 г. по ст. ст. 58-6 (шпионаж) и 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 7 января-1939 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирован по Закону от 18 октября 1991 г.

Жук Василий Иулианович. Родился в 1917 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, учащийся речного техникума. Арестован 8 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 13 ноября 1939 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Заикин Николай Тарасович. Родился в 1908 году на ст. Чаланстунь КВЖД, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, рабочий. Арестован

4 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 6 декабря того же года уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Замбримборец Анатолий Мефодьевич. Родился в 1916 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, рабочий. Арестован 24 февраля 1938 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 29 декабря 1938 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирован по Закону от 18 окт. 1991 г.

Замбринбарец Мефодий Иванович. Родился в 1888 году в Каменец Подольске, проживал в Куйбышеве. Украинец, беспартийный, паровозный машинист ст. Куйбышев. Арестован 2 октября 1937 г., 16 декабря Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Военным трибуналом При ВО 14 октября 1955 г.

Зюльманов Александр Петрович. Родился в 1905 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, служащий. Арестован 1 ноября 1937 года, 10 января 1938 г. Особым совещанием НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж). Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 11 мая 1956 г.

Иваненко Николай Андреевич. Родился 6 мая 1908 года в Приморской губернии, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, рабочий. Арестован 1 ноября 1937 г., 11 декабря НКВД и прокурором СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 21 декабря 1937 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 26 октября 1956 г.

Иваненко-Ивашута Вера Кузьминична. Родилась в 1908 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, домохозяйка. Арестована 31 октября 1937 г., 27 июня 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР как член семьи репрессированного сослана в Казахстан на 5 лет. Реабилитирована Военным трибуналом ПриВО 18 февраля 1958 г.

Иванов Михаил Ефимович. Родился 12 октября 1914 года в Харбине, проживал в Самаре. Русский, беспартийный, служащий. Арестован 8 мая 1933 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением ПП ОГПУ по Средне-Волжскому краю от 29 мая освобожден под подписку о невыезде. Реабилитирован по Закону от 18 октября 1991 г.

Ивашкин Семен Иванович. Родился 21 июля 1885 года в Самарской губернии, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, швейцар. Арестован 4 мая 1937 г., 8 июня 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 22 января 1957 г.

Ивашкин Серафим Семенович. Родился 13 декабря 1913 года в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, безработный. Арестован 4 октября 1937 г., 22 февраля 1938 г. Особым совещанием НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 24 октября 1956 г.

Илюшенко Александр Нестерович. Родился в 1916 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Украинец, беспартийный, железнодорожник. Арестован 1 апреля 1938 г., 8 июня Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Верховным судом СССР 29 сентября 1954 г.

Илюшенко Нестор Никитич. Родился в 1894 году в Черниговской губернии, проживал в Куйбышеве. Украинец, беспартийный, путевой обходчик ст. Куйбышев. Арестован 1 апреля 1938 г., 8 июня Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Куйбышевской облпрокуратурой 11 декабря 1989 г.

Калинин Алексей Васильевич. Родился в 1908 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, слесарь швейной фабрики. Арестован 17 декабря 1937 г., 31 января 1938 г. НКВД СССР и прокурором СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 9 февраля 1938 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 20 октября 1957 г.

Карпицкая Екатерина Иосифовна. Родилась в 1919 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Польшка, беспартийная, кондуктор ст. Куйбышев. Арестована 23 ноября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 8 декабря 1938 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Карпицкая Степанида Михайловна. Родилась в 1895 году в с. Радогоще Минской губернии, проживала в Куйбышеве. Польшка, беспартийная, домохозяйка. Арестована 22 ноября 1937 г., 8 сентября 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорена по ст. 58-6 (шпионаж) к 5 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирована Куйбышевским облсудом 14 марта 1957 г.

Карпицкий Александр Иосифович. Родился в 1921 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Поляк, беспартийный, учащийся школы № 44. Арестован 21 ноября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 21 декабря 1938 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Карпицкий Иосиф Семенович. Родился в 1885 году в с. Радогоще Минской губернии, проживал в Куйбышеве. Поляк, беспартийный, железнодорожник. Арестован 3 сентября 1937 г., 13 декабря НКВД и прокурором СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 26 декабря 1937 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Верховным судом СССР 7 мая 1955 г.

Каспирович Галина Степановна. Родилась в 1916 году на ст. Цицикор КВЖД, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, домохозяйка. Арестована 23 ноября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской обл. от 5 января 1938 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Каспирович Николай Степанович. Родился в 1910 году в Северной Маньчжурии. Русский, беспартийный, инженер Куйбышевской железной

дороги. Арестован 4 октября 1937 г., 4 января 1938 г. Особым совещанием при Управлении НКВД по Куйбышевской обл. приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 27 апреля 1956 г.

Качан Леонид Степанович. Родился в 1913 году в Маньчжурии, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, инженер. Арестован 3 октября 1937 г., 4 января 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Верховным судом РСФСР 16 октября 1954 г.

Качурец Галина Васильевна. Родилась в 1919 году на ст. Пограничная КВЖД, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, студентка. Арестована 4 октября 1937 г., 27 октября 1938 г. тройкой при Управлении НКВД по Куйбышевской обл. приговорена по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация) к 3 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирована Куйбышевской облпрокуратурой 15 ноября 1989 г.

Качурец Евгений Васильевич. Родился в 1920 году на ст. Пограничная КВЖД, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, учащийся. Арестован 4 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Приговорен Линсудом Куйбышевской железной дороги от 7 марта 1939 г. к 2 годам заключения в ИТЛ. Оправдан.

Кожевников Николай Григорьевич. Родился в 1905 году в Маньчжурии, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, бухгалтер. Арестован 29 октября 1937 г., 10 января 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 25 марта 1956 г.

Козлова Антонина Андреевна. Родилась в 1917 году на ст. Иляньпо КВЖД, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, домохозяйка. Арестована 4 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 5 декабря того же года уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Комарова (Куян) Любовь Николаевна. Родилась в 1913 году в Харбине, проживала в Сызрани. Русская, беспартийная, преподаватель. Арестована 23 ноября 1937 г., 16 декабря Особым совещанием при НКВД СССР приговорена по ст. ст. 58-6 (шпионаж) и 58-11 (контрреволюционная организационная деятельность) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирована Военным трибуналом ПриВО 24 сентября 1955 г.

Конобеев Алексей Алексеевич. Родился в 1914 году на ст. Цицикар КВЖД, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, кондуктор ст. Куйбышев. Арестован 7 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Коновалов Александр Никитич. Родился в 1912 г. в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, пом. машиниста ст. Куйбышев. Арестован 24 октября 1937 года по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением

Управления НКВД по Куйбышевской области от 6 декабря того же года уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Конохов Михаил Захарович. Родился в 1914 году на ст. Имунко КВЖД, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный. Арестован 5 марта 1938 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 4 января 1939 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирован по Закону от 18 октября 1991 г.

Кордюков Виктор Николаевич. Родился в 1906 году на ст. Хайлар КВЖД, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, рабочий. Арестован 3 октября 1937 г., 22 декабря Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 10 февраля 1956 г.

Косьяненко Мария Алексеевна. Родилась в 1909 году на ст. Пограничная КВЖД, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, телеграфистка. Арестована 25 марта 1938 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 20 декабря уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирована по Закону от 18 октября 1991 г.

Косяков Николай Львович. Родился в 1908 году на КВЖД, проживал на станции Батраки. Русский, беспартийный, электросварщик. Арестован 30 ноября 1937 г., 30 декабря НКВД СССР и прокурором СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 21 января 1938г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 9 января 1957 г.

Кочановский Орест Константинович. Родился 23 октября 1916 года в Маньчжурии, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, студент. Арестован 9 октября 1937 г., 10 января 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Верховным судом СССР 16 февраля 1955 г.

Кузнецов Владимир Степанович. Родился 10 мая 1909 года в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, слесарь. Арестован 26 сентября 1938 г., 15 марта 1939 г. Военным трибуналом ПриВО приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 20 годам заключения в ИТЛ. Куйбышевской областной комиссией по пересмотру дел 23 августа 1954 г. срок наказания снижен до фактически отбытого. Реабилитирован Верховным судом СССР 23 июня 1956 г.

Кузнецов Павел Степанович. Родился в 1912 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, слесарь. Арестован 18 декабря 1937 г., 16 февраля 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 4 ноября 1955 г.

Кузнецов Павел Степанович. Родился в 1912 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, член ВКП(б), служащий депо. Арестован 5 апреля 1935 г., 22 ноября Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст.

58-6 (шпионаж) к 3 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Куйбышевским облсудом 29 ноября 1957 г.

Кузякин Владимир Данилович. Родился 25 мая 1905 года в Минске, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, киномеханик. Арестован 26 августа 1936 г., 14 ноября Военным трибуналом ПриВО приговорён по ст. 58-1 а (измена Родине) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Верховным судом СССР 7 декабря 1956 г.

Кузякина (Седова) Клавдия Григорьевна. Родилась 31 октября 1908 года в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, домохозяйка. Арестована 28 августа 1936 г., 27 января Военным трибуналом ПриВО приговорена как член семьи репрессированного к высылке на 4 года. Реабилитирована Верховным судом СССР 7 декабря 1956 г.

Кухтик Анатолии Федорович. Родился в 1919 году в Харбине, прожил в Куйбышеве. Украинец, беспартийный, учащийся средней школы. Арестован 10 февраля 1938 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 22 декабря уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирован по Закону от 18 октября 1991 г.

Кухтик Константин Федорович. Родился в 1911 году на станции Ямось КВЖД, проживал в Сызрани. Украинец, беспартийный, служащий. Арестован 22 октября 1937 г., 5 января 1938 г. НКВД СССР и прокурором СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 16 января 1938 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 9 октября 1956 г.

Кухтик Петр Федорович. Родился в 1916 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Украинец, беспартийный, завхоз спортобщества мукомолов. Арестован 10 февраля 1936 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 25 февраля 1939 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирован по Закону от 18 октября 1991 г.

Лебедев Константин Трофимович. Родился в 1908 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, инженер-электрик. Арестован 14 августа 1937 г., 29 октября НКВД СССР и прокурором СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж), 58-8 (террористические акты) и 58-13 к высшей мере наказания. Расстрелян 5 ноября 1937 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 30 октября 1956 года.

Лебедев Николай Трофимович. Родился 3 декабря 1911 года в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, инструктор физкультуры. Арестован 31 декабря 1937 г., 31 марта 1938 г. НКВД СССР и прокурором СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 26 апреля 1938 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 29 октября 1957 г.

Лебедева Надежда Трофимовна. Родилась в 1907 году в Маньчжурии, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, служащая железной дороги. Арестована 19 сентября 1937 г., 29 октября НКВД СССР и прокурором СССР

приговорена по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстреляна 5 ноября 1937 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирована Военным трибуналом ПриВО 30 октября 1956 г.

Левицкая Юлия Сергеевна. Родилась в 1915 году в Харбине, проживала в Сызрани. Русская, беспартийная, домохозяйка. Арестована 1 декабря 1937 г., 27 июля 1938 г. приговорена по ст. ст. 58-6 (шпионаж) и 58-9 (террористические акты) к 3 годам ссылки в Казахстан. Реабилитирована Военным трибуналом ПриВО 27 июня 1956 г.

Левицкий Борис Иванович. Родился в 1918 году в Маньчжурии, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, студент. Арестован 7 июля 1938 г. по ст. ст. 58-6 (шпионаж), 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация) и 58-11 (контрреволюционная организационная деятельность). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 14 апреля 1939 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирован по Закону от 18 октября 1991 г.

Леоненков Владимир Федорович. Родился в 1917 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, учащийся техникума. Арестован 7 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 10 декабря того же года уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Лозовский Леонид Васильевич. Родился 5 октября 1891 года в Харбине, проживал в Самаре. Русский, беспартийный, шофер. Арестован 5 апреля 1934 г. по ст. ст. 58-6 (шпионаж) и 58-9 (диверсионные акты). Постановлением Коллегии ОГПУ от 4 ноября того же года уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирован по Закону от 18 октября 1991 г.

Лушай (Мищенко) Варвара Петровна. Родилась в 1908 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, инструктор физкультуры общества "Спартак". Арестована 22 апреля 1938 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 15 июня того же года уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирована по Закону от 18 октября 1991 г.

Лушай Петр Васильевич. Родился в 1901 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный. Арестован 2 декабря 1937 г., 5 января 1938 г. НКВД СССР и прокурором СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 13 января 1938 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 4 декабря 1956 г.

Мазур Владислав Павлович. Родился в 1914 году на ст. Пограничная КВЖД, проживал на ст. Батраки. Поляк, беспартийный, слесарь. Арестован 22 августа 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж), 14 декабря Особым совещанием при НКВД СССР приговорён к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 26 октября 1956 г.

Мазяш-Мазарж Константин Павлович. Родился в 1918 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, электромонтер. Арестован 23 декабря 1949 г., 3 апреля 1950 г. Куйбышевским облсудом приговорён по ст. ст.

58-4 (помощь международной буржуазии в осуществлении враждебной деятельности против СССР), 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация), 58-11 (контрреволюционная организационная деятельность) к 25 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Верховным судом РСФСР 25 мая 1956 г.

Макаренко Георгий Георгиевич. Родился 8 июня 1906 года в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, моторист. Арестован 24 февраля 1938 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 21 мая 1939 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирован по Закону от 18 октября 1991 г.

Малкин Лев Борисович. Родился в 1916 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Еврей, беспартийный, инженер центрального телеграфа. Арестован 8 октября 1937 г., 27 октября тройкой при Управлении НКВД по Куйбышевской области приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 5 годам заключения в концлагере. Реабилитирован Куйбышевским облсудом 10 января 1958 г.

Малыга Елизавета Ивановна. Родилась в 1917 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, счетовод. Арестована 5 октября 1937 г., 27 октября 1938 г. тройкой при Управлении НКВД по Куйбышевской области приговорена по ст. 58-6 (шпионаж) к 3 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирована Куйбышевской облпрокуратурой 28 сентября 1990 г.

Малый Феодосий Меркулович. Родился в 1875 году в Харбине, проживал в Кинеле. Русский, беспартийный, железнодорожник. Арестован 9 октября 1937 г. по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 29 ноября 1937 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирован по Закону от 18 октября 1991 г.

Мамина Надежда Александровна. Родилась 15 января 1914 года на ст. Пограничная КВЖД, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, кассир. Арестована 5 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 10 декабря 1937 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Марета Тамара Филипповна. Родилась 26 июля 1911 года в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, служащая. Арестована 2 октября 1937 г., 29 сентября 1939 г. приговорена как "социально-опасный элемент" к 5 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирована Военным трибуналом ПриВО 20 июля 1956 г.

Марцинкевич Леонид Петрович. Родился в 1922 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, преподаватель. Арестован 25 марта 1950 г., 25 ноября Особым совещанием при МГБ СССР приговорён по ст. ст. 58-1а (измена Родине) и 48-4 (помощь международной буржуазии в осуществлении враждебной деятельности против СССР) к 15 годам заключения в ИТЛ. Постановлением Центральной комиссии по пересмотру дел от 15 сентября 1955 г. уголовное дело прекращено. Реабилитирован Куйбышевской облпрокуратурой 23 марта 1990 г.

Матюш-Мудролюбова Татьяна Марковна. Родилась в 1904 г. в Хайларе КВЖД, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, парикмахер. Арестована 31 октября 1941 г., 6 июня 1942 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорена по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация) к 5 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирована Верховным судом РСФСР 31 декабря 1989 г.

Матюша Зинаида Ильинична. Родилась в 1905 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, служащая. Арестована 26 декабря 1937 г., 22 февраля 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорена по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирована Военным трибуналом ПриВО 27 апреля 1956 г.

Мельников Аркадий Александрович. Родился в 1914 году на станции Бухай в Китае, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, техник. Арестован 2 ноября 1937 г., 31 января 1938 г. НКВД СССР и прокурором СССР приговорён по ст. ст. 58-6 (шпионаж), 58-7 (вредительство), 58-9 (диверсионные акты) и 58-11 (контрреволюционная организационная деятельность) к высшей мере наказания. Расстрелян 10 февраля 1938 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 19 марта 1957 г.

Мельников Георгий Александрович. Родился в 1912 году на ст. Бухай КВЖД, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, электромеханик. Арестован 1 ноября 1937 г., 14 декабря Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 18 января 1957 г.

Мерин Исай Борисович. Родился в 1920 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Еврей, беспартийный, студент. Арестован 5 октября 1937 г. по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация). Постановлением тройки при Управлении НКВД по Куйбышевской области от 27 октября 1938 г. освобожден с зачетом срока предварительного заключения. Реабилитирована Куйбышевской облпрокуратурой 11 декабря 1989 г.

Мешалкина Клавдия Яковлевна. Родилась в 1912 году на КВЖД, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, швея. Арестована 16 ноября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Приговором Куйбышевского облсуда от 7 февраля 1939 г. оправдана.

Мешалкина Нина Яковлевна. Родилась в 1915 году на КВЖД, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, портниха. Арестована 15 ноября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 14 декабря 1938 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирован по Закону от 18 октября 1991 г.

Мирошниченко Валентина Семеновна. Родилась в 1914 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, бухгалтер Управления железной дороги. Арестована 25 ноября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 5 января 1938 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирована по Закону от 18 октября 1991 г.

Михайлова Антонина Васильевна. Родилась в 1910 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, бухгалтер Госбанка. Арестована 7 ноября 1942 г., 15 мая 1943 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорена по ст. ст. 58-1а (измена Родине), 58-8 (террористические акты) и 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирована Куйбышевским облсудом 29 июля 1957 г.

Морозова Людмила Михайловна. Родилась в 1909 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, машинистка. Арестована 17 октября 1937 г. по ст. ст. 58-6 (шпионаж) и 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 19 декабря 1938 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирована по Закону от 18 октября 1911 г.

Морозова Раиса Петровна. Родилась в 1911 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, безработная. Арестована 31 октября 1937 г., 14 декабря Особым совещанием при НКВД СССР приговорена по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирована Военным трибуналом ПриВО 10 февраля 1956 г.

Нестерова (Жегло) Александра Анатольевна. Родилась в 1908 году в Маньчжурии, проживала на ст. Правая Волга. Белоруска, беспартийная, рабочая лесозавода. Арестована 7 апреля 1938 г., 31 января 1939 г. Куйбышевским Линейным судом железной дороги приговорена по ст. ст. 58-6 (шпионаж) и 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация) к 3 годам лишения свободы. Реабилитирована по Закону от 18 октября 1991 г.

Нестерова-Жегло Анна Степановна. Родилась в 1882 году на ст. Калга Читинской губернии, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная. Арестована 21 августа 1941 г., 4 октября Куйбышевским облсудом приговорена по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация) к высшей мере наказания. Расстреляна 25 декабря в Сызрани. Место захоронения неизвестно. Реабилитирована Куйбышевской облпрокуратурой 20 июля 1994 г.

Нестерова-Жегло Афанасия Степановна. Родилась в 1882 году на ст. Колга Читинской губернии, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, без определенных занятий. Куйбышевским облсудом 4 октября 1941 г. приговорена по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация) к высшей мере наказания. Расстреляна 25 декабря 1941 г. в Сызрани. Место захоронения неизвестно. Реабилитирована 20 июля 1994 г.

Неход Алексей Иванович. Родился в 1918 году на КВЖД, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, учащийся железнодорожного техникума. Арестован 5 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 15 ноября 1937 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Неход Зоя Ивановна. Родилась в 1916 году на КВЖД, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, телеграфистка. Арестована 5 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куй-

бышевской области от 15 ноября 1937 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Николаевский Дмитрий Георгиевич. Родился в 1917 году в Маньчжурии, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, без определенных занятий. Арестован 11 июля 1938 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 13 января 1939 г. уголовное дело прекращено за недостаточностью улик.

Никольский Анатолии Петрович. Родился в 1903 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, железнодорожник. Арестован 29 августа 1937 г., 14 декабря Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 1 октября 1956 г.

Оверчук Лидия Корнеевна. Родилась 4 марта 1918 года в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, бухгалтер. Арестована 11 сентября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 8 декабря 1938 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Оверчук Николай Корнеевич. Родился в 1914 году на ст. Аньда в Маньчжурии, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, электромонтер. Арестован 21 августа 1937 г., 16 февраля 1938 г. Особым совещанием при Управлении НКВД по Куйбышевской области приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Верховным судом СССР 7 мая 1955 г.

Озернова Зоя Дмитриевна. Родилась в 1915 году в г. Эректе на КВЖД, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, счетовод. Арестована 8 октября по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 13 декабря того же года уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Озеров Дмитрий Васильевич. Родился в 1888 году на КВЖД, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, рабочий на ст. Куйбышев. Арестован 8 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 10 декабря 1937 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Озерова Антонина Дмитриевна. Родилась в 1915 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, служащая. Арестована 8 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 19 декабря того же года уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Парсницкая Христина Лукинична. Родилась 16 февраля 1895 года в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, служащая. Арестована 2 ноября 1937 г., 10 января 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорена по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирована Военным трибуналом ПриВО 18 сентября 1956 г.

Пенская Ольга Трофимовна. Родилась в 1913 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, домохозяйка. Арестована 12 марта 1938 г., 8 июня Особым совещанием при НКВД СССР приговорена по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирована Верховным судом СССР 14 мая 1955 г.

Перельгин Александр Федорович. Родился в 1902 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, журналист. Арестован 7 октября 1937 г., 13 января 1938 г. НКВД СССР и прокурором СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 13 января 1938 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Военным трибуналом Белорусского военного округа 4 сентября 1957 г.

Перельгин Федор Иванович. Родился в 1879 году в Орловской губернии, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, столяр. Арестован 2 октября 1937 г., 16 ноября НКВД СССР и прокурором СССР приговорен по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 23 ноября 1937 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Военным трибуналом Белорусского военного округа 4 сентября 1957 г.

Перельгина Лидия Федоровна. Родилась в 1914 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, студентка медицинского института. Арестована 21 ноября 1938 г., 14 декабря НКВД СССР и прокурором СССР приговорена по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирована Военным трибуналом Белорусского военного округа 4 сентября 1957 года.

Пестрякова (Куляе) Надежда Ивановна. Родилась 1 мая 1910 года в г. Хайлар на КВЖД, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, рабочая. Арестована 19 июня 1936 г., 30 декабря Особым совещанием при НКВД СССР приговорена по ст. 58-6 (шпионаж) к 5 годам ссылки в Казахстан. Реабилитирована Военным трибуналом ПриВО 9 октября 1956 г.

Петраков Михаил Павлович. Родился в 1914 году в Маньчжурии, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, студент. Арестован 17 декабря 1937 г., 31 января 1938 г. НКВД СССР и прокурором СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 9 февраля 1938 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Куйбышевской облпрокуратурой 14 сентября 1989 г.

Петров Владимир Васильевич. Родился в 1918 году на КВЖД, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, учащийся техникума. Арестован 27 ноября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 7 января 1938 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирован по Закону от 18 окт. 1991 г.

Подольская Анна Михайловна. Родилась в 1909 году на КВЖД, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, служащая. Арестована 8 октября 1937 г. по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 13 декабря того же года уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирована по Закону от 18 октября 1991 г.

Попов Владимир Яковлевич. Родился в 1915 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, рабочий. Арестован 5 октября 1937 г., 4 января 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 18 марта 1958 г.

Приборец Александра Федоровна. Родилась в 1907 году на КВЖД, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, служащая. Арестована 15 октября 1937 г., 27 июля 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорена по ст. ст. 58-6 (шпионаж) и 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация) к ссылке в Казахстан на 3 года. Реабилитирована Военным трибуналом ПриВО 16 декабря 1958 г.

Пулькин Алексей Андреевич. Родился в 1916 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, чертежник. Арестован 20 октября 1937 г., 22 декабря Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 3 июня 1958 г.

Пулькин Андрей Иванович. Родился 11 октября 1886 года в Новгородской губернии, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, экспедитор. Арестован 8 октября 1937 г., 16 ноября НКВД СССР и прокурором СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 27 ноября 1937 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Куйбышевской облпрокуратурой 1 сентября 1989 г.

Пулькина Вера Андреевна. Родилась в 1914 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная. Арестована 8 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 9 декабря 1938 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирована по Закону от 18 октября 1991 г.

Пухальская Валентина Николаевна. Родилась в 1910 году на ст. Маньчжурия, проживала в Сызрани. Русская, беспартийная, служащая. Арестована 18 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 21 августа 1938 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирована по Закону от 18 октября 1991 г.

Пяцюконис Константин Иосифович. Родился в 1906 году в Маньчжурии, проживал в Куйбышеве. Еврей, беспартийный. Арестован 8 октября 1937 г., 11 декабря НКВД СССР и прокурором СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 21 декабря 1937 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Куйбышевским облсудом 18 июня 1963 г.

Резун Анисим Денисович. Родился в 1875 году в с. Семаш Полтавской губернии, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, железнодорожник. Арестован 8 октября 1937 г., 22 февраля 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Верховным судом СССР 13 мая 1955 г.

Резун Виталий Анисимович. Родился 17 декабря 1912 года в Маньчжурии, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный. Арестован 24 февраля 1938 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 29 декабря уголовное дело прекращено за недостатком улик. Реабилитирован по Закону от 18 октября 1991 г.

Резун Виталий Анисимович. Родился в 1912 году в городе Цицикар (Маньчжурия), проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, стрелочник железной дороги им. Куйбышева. Арестован 8 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 7 декабря того же года уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Реимер Клавдия Николаевна. Родилась в 1912 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, домохозяйка. Арестована 1 ноября 1937 г. как член семьи репрессированного. Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 15 августа 1938 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Реимер Эдгар Эрнестович. Родился в 1910 году в Чите, проживал в Куйбышеве. Эстонец, беспартийный, токарь. Арестован 1 ноября 1937 г., 14 декабря Особым совещанием приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 26 февраля 1957 г.

Ровенко Григорий Дмитриевич. Родился в 1918 году в Харбине, проживал на ст. Батраки. Русский, беспартийный. Арестован 8 октября 1937 г., 4 января 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация) к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован Куйбышевским облсудом 1 августа 1958 г.

Ромахина Анна Васильевна. Родилась в 1917 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, домохозяйка. Арестована 4 мая 1937 г., 27 октября 1938 г. тройкой при Управлении НКВД по Куйбышевской области приговорена по ст. 58-6 (шпионаж) к 3 годам лишения свободы. Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 31 мая 1940г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирована по Закону от 18 октября 1991 г.

Русецкая Надежда Федоровна. Родилась 2 сентября 1902 года на КВЖД, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, домохозяйка. Арестована 16 апреля 1938 г. по ст. 58-12 (недонесение о контрреволюционном преступлении). Реабилитирована Военной коллегией Верховного суда СССР 7 мая 1955 г.

Савицкий Борис Васильевич. Родился 10 февраля 1900 года в Харбине, проживал в Куйбышеве. Украинец, беспартийный, служащий. Арестован 25 марта 1938 г., 4 мая НКВД и прокурором СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 11 июня в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 21 февраля 1957 г.

Савицкий Лев Васильевич. Родился 28 сентября 1911 г. в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, кондуктор. Арестован 9 декабря 1937 г., 5 января 1938 г. НКВД СССР и прокурором СССР пригово-

рён по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 13 января 1938г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Куйбышевской облпрокуратурой 1 сентября 1989 г.

Сазонова Зинаида Степановна. Родилась в 1915 году на ст. Бухэду КВЖД, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, секретарь газеты "Тудок". Арестована 29 апреля 1935 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Особым совещанием при НКВД СССР 22 ноября приговорена к 3 годам лишения свободы. Реабилитирована Президиумом Куйбышевского областного суда 29 ноября 1957 г.

Сазонова Мария Степановна. Родилась в 1912 году на ст. Бухэду КВЖД, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, служащая на ст. Куйбышев. Арестована 7 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области 17 декабря того же года уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Сальников Виталий Григорьевич. Родился 25 апреля 1915 года в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, слесарь. Арестован 29 августа 1936 г., 27 января 1937 г. Военным трибуналом Белорусского военного округа приговорён по ст. 58-12 (недонесение о контрреволюционном преступлении) к 4 годам ссылки в Кировскую обл. Реабилитирован Верховным судом СССР 7 декабря 1956 г.

Санталов Александр Дмитриевич. Родился в 1915 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, безработный. Арестован 5 октября 1937 г., 4 января 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Верховным судом СССР 14 мая 1955 г.

Санталов Владимир Дмитриевич. Родился в 1917 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, служащий. Арестован 5 октября 1937 г., 27 октября 1938 г. тройкой при Управлении НКВД по Куйбышевской области приговорён по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация) к 3 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Куйбышевской облпрокуратурой 11 декабря 1989 г.

Свитнев Александр Александрович. Родился в 1914 году на ст. Хайлар КВЖД, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, учащийся техникума. Арестован 1 ноября 1937 г., 14 декабря Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Верховным судом СССР 11 августа 1956 г.

Свитнев Александр Иванович. Родился в 1882 году в Саратовской губернии, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, без определенных занятий. Арестован 1 ноября 1937 г., 11 декабря НКВД и прокурором СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 21 декабря 1937 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Верховным судом СССР 11 августа 1956 г.

Свитнев Василий Александрович. Родился в 1908 году на ст. Хайлар КВЖД, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, шофер. Арестован 1 ноября 1937 г., 12 января 1938 г. НКВД и прокурором СССР приговорён по

ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 7 февраля 1938 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Верховным судом СССР 11 августа 1956 г.

Свитнев Константин Александрович. Родился в 1909 году на ст. Хайлар КВЖД, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, художник. Арестован 1 ноября 1937 г., 14 декабря Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Верховным судом СССР 11 августа 1956 г.

Свитнева Зиновья Ивановна. Родилась в 1916 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, домохозяйка. Арестована 1 ноября 1937 г. как член семьи репрессированного. Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 1 октября 1938 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Свитнева Мария Ивановна. Родилась в 1912 году на ст. Хайлар (Маньчжурия), проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, домохозяйка. Арестована 31 октября 1937 г. Особым совещанием при НКВД СССР 27 июля 1938 г. сослана в Казахстан сроком на 3 года, как член семьи репрессированного. Реабилитирована Военным трибуналом Южно-Уральского военного округа 31 июля 1957 г.

Сергеева Мария Илларионовна. Родилась 11 сентября 1908 года в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, домохозяйка. Арестована 28 июля 1941 г., 26 августа Куйбышевским облсудом приговорена по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация) к высшей мере наказания. Расстреляна 27 ноября 1941 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирована Куйбышевской облпрокуратурой 3 ноября 1993 г.

Сиднев Николай Иванович. Родился в 1915 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, электрик станкостроительного завода. Арестован 1 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). 16 декабря Особым совещанием при НКВД СССР приговорён к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 28 октября 1955 г.

Синицкий (Синецкий) Александр Алексеевич. Родился 8 января 1901 года в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, шофер буфета ст. Куйбышев. Арестован 31 октября 1937 г. по ст. ст. 58-6 (шпионаж), 58-7 (вредительство). Решением НКВД СССР и прокурора СССР от 12 января 1938 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 7 февраля 1938 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован 17 сентября 1957 г. военным трибуналом Одесского ВО.

Скачков Александр Сергеевич. Родился в 1919 году на ст. Бухэду в Маньчжурии, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, студент. Арестован 11 октября 1937 г., 16 декабря тройкой при Управлении НКВД по Куйбышевской области приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в концлагере. Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 19 ноября 1940 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирован по Закону от 18 октября 1991 г.

Скачков Иван Сергеевич. Родился в 1916 году во Владивостоке, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, студент. Арестован 11 октября 1937 г., 27 октября 1938 г. тройкой при Управлении НКВД по Куйбышевской области приговорён по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация) к 2 годам гласного надзора. Реабилитирован Военным трибуналом При ВО 16 ноября 1956 г.

Скачков Сергей Павлович. Родился в 1885 году в Тамбовской губернии, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, служащий. Арестован 11 октября 1937 г., 16 декабря Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 16 ноября 1956 г.

Смекалин Александр Петрович. Родился в 1913 году в Маньчжурии, проживал в Сызрани. Русский, беспартийный, учащийся техникума. Арестован 10 февраля 1938 г. по ст. 58-6 (шпионаж), 10 февраля 1939 г. Сызранским горотделом НКВД из-под стражи освобождён за недоказанностью обвинения. Реабилитирован по Закону от 18 октября 1991 г.

Смирнов Олег Александрович. Родился в 1916 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, служащий. Арестован 3 декабря 1936 г., 4 июня 1937 г. Военным трибуналом ПриВО приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Верховным судом СССР 27 июня 1956 г.

Смирнов Петр Ильич. Родился в 1909 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, электромонтер. Арестован 22 марта 1938 г., 3 июля Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Верховным судом СССР 13 октября 1954 г.

Смирнова Екатерина Александровна. Родилась в 1906 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, бухгалтер. Арестована 8 сентября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 7 декабря 1937 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирована по Закону от 18 октября 1991 г. (и та же Смирнова Екатерина Александровна. Родилась 28 февраля 1906 года в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, счетовод межрайсельхозснаба. Арестована 24 февраля 1938 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением УНКВД по Куйбышевской области от 10 декабря 1938 г. дело прекращено за недостаточностью улик. Реабилитирована по Закону от 18 октября 1991 г.).

Соболев Виктор Иванович. Родился в 1909 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, рабочий. Арестован 31 октября 1937 г., 10 января 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация) к 10 годам заключения в ИТЛ. Вторично арестован 15 апреля 1949 г., 1 июня Особым совещанием при МГБ СССР приговорен по ст. 58-1 а (измена Родине) к высылке на поселение. Военным трибуналом ПриВО 4 октября 1955 г. уголовное дело пре-

крашено за отсутствием состава преступления. Из ссылки освобождён. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 27 ноября 1959 г.

Соколова Ольга Александровна. Родилась в 1917 году на КВЖД, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, домохозяйка. Арестована 4 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 7 января 1938 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирована по Закону от 18 октября 1991 г.

Соплина Анна Павловна. Родилась 21 сентября 1909 года в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, домохозяйка. Арестована 18 декабря 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Особым совещанием при НКВД СССР 16 февраля 1938г. приговорена к 10 годам заключения в ИТЛ. Определением Военного трибунала ПриВО от 27 августа 1957 г. реабилитирована.

Сориш Сергей Семенович. Родился в 1913 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, музыкант. Арестован 9 октября 1937 г. 10 января 1938 г. Особым совещанием при Управлении НКВД по Куйбышевской области приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 23 сентября 1955 г.

Степанюк Николай Ефимович. Родился 19 декабря 1915 года в Маньчжурии, проживал в Сызрани. Украинец, беспартийный, электромонтер. Арестован 7 октября 1937 г., 4 января 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Куйбышевским облсудом 24 ноября 1955 г.

Столярчук Мария Павловна. Родилась в 1910 году на ст. Пограничная КВЖД, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, телеграфистка. Арестована 9 декабря 1936 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 20 февраля 1937 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирована по Закону от 18 октября 1991 г.

Столярчук Мария Павловна. Родилась в 1910 году на ст. Пограничная КВЖД, проживала в Куйбышеве. Украинка, беспартийная, домохозяйка. Арестована 23 февраля 1938 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 19 декабря 1938 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирована по Закону от 18 октября 1991 г.

Стретенская Лидия Александровна. Родилась в 1920 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, ученица. Арестована 7 ноября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 15 августа 1938 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирована по Закону от 18 октября 1991 г.

Стукалина Евгения Васильевна. Родилась в 1917 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, учащаяся. Арестована 8 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 17 декабря 1937 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирована по Закону от 18 октября 1991 г.

Субботин Николай Петрович. Родился в 1906 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, член ВКП(б), экономист. Арестован 7 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж), 22 февраля 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорён к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован 30 января 1956 г. Центральной комиссией по пересмотру дел.

Сухова Елизавета Алексеевна. Родилась в 1913 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, контролер Госбанка. Арестована 4 июня 1938 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 13 января 1939 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирована по Закону от 18 октября 1991 г.

Сушенко Павел Андреевич. Родился 22 июня 1919 года в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, ученик средней школы № 58. Арестован 8 октября 1937 г., 27 октября 1938 г. тройкой при Управлении НКВД по Куйбышевской области приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 3 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Куйбышевским облсудом 14 сентября 1956 г.

Сычева Надежда Ивановна. Родилась в 1919 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, учащаяся техникума. Арестована 30 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 17 декабря того же года уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Тарханов Дмитрий Иванович. Родился 10 мая 1919 года на ст. Цицикар КВЖД, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, художник. Арестован 3 октября 1937 г., 30 декабря НКВД СССР и прокурором СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 5 января 1938 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Куйбышевской облпрокуратурой 11 сентября 1989 г.

Трубников Григорий Николаевич. Родился в 1909 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, член ВКП(б), слесарь депо. Арестован 5 апреля 1935 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Особым совещанием при НКВД СССР от 22 ноября приговорен к 3 годам лишения свободы. Реабилитирован Президиумом Куйбышевского облсуда 29 ноября 1957 г.

Туник Владимир Григорьевич. Родился 12 октября 1911 года на ст. Бухэду КВЖД, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, техник ст. Куйбышев. Арестован 3 октября 1937 г., 30 декабря НКВД СССР и прокурором СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 8 февраля 1938 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Куйбышевской облпрокуратурой 1 сентября 1989 г.

Тыщук Александр Петрович. Родился в 1908 году на ст. Хондо КВЖД, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, машинист депо ст. Куйбышев. Арестован 3 октября 1937 г., 22 февраля 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация) к 5 годам ссылки в Казахстан. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 4 октября 1956 г.

Усов Павел Георгиевич. Родился 31 мая 1907 года в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, слесарь водоканала. Арестован 29 августа 1937 г., 4 февраля 1938 г. НКВД СССР и прокурором СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 21 марта 1938 г. в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Куйбышевской облпрокуратурой 1 сентября 1989 г.

Устинова Антонина Афанасьевна. Родилась 12 октября 1915 года в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, студентка индустриального института. Арестована 5 октября 1937 г., 27 октября тройкой при Управлении НКВД по Куйбышевской области приговорена по ст. 58-6 (шпионаж) к 3 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирована Куйбышевским облсудом 31 мая 1956 г.

Федичкин Аркадий Васильевич. Родился в 1910 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, диспетчер железной дороги. Арестован 23 марта 1938 г., 8 июня Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Верховным судом РСФСР 31 августа 1955 г.

Федосеев Леонид Васильевич. Родился 4 июня 1916 года на КВЖД, проживал в Куйбышеве. Арестован 5 апреля 1938 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 15 декабря 1938 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирован по Закону от 18 октября 1991 г.

Федосеев Леонид Васильевич. Родился в 1916 году на станции Шань-Ши КВЖД, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, рабочий. Арестован 14 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 26 ноября того же года уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Фетисова Варвара Семеновна. Родилась 17 декабря 1914 года в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, диспетчер станции Куйбышев. Арестована 8 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 17 декабря того же года уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Фетисова Евдокия Семеновна. Родилась в 1909 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, продавец. Арестована 8 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 17 декабря того же года уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Филиппов Константин Константинович. Родился 18 мая 1916 года в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, рабочий станции Куйбышев. Арестован 8 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 2 ноября того же года уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Филиппов Петр Константинович. Родился 20 сентября 1916 года в Харбине, проживал в Сызрани. Русский, беспартийный, электротехник. Арестован 20 сентября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 2 ноября того же года уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

стован 7 октября 1937 г., 4 января 1938 г. НКВД СССР и прокурором СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в концлагере. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 17 января 1956 г.

Фокин Виктор Васильевич. Родился в 1912 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, продавец. Арестован 18 апреля 1936 г. по ст. ст. 58-6 (шпионаж) и 58-12 (недонесение о контрреволюционном преступлении). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 15 мая 1939 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирован по Закону от 18 октября 1991 г.

Фостей Виктор Ильич. Родился в 1914 году на станции Пограничная КВЖД, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, электромонтер. Арестован 3 октября 1937 г., 22 февраля 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорен по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 8 октября 1956 г.

Фрейман Мария Александровна. Родилась в 1902 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Еврейка, беспартийная, домохозяйка. Арестована 9 октября 1937 г. как член семьи репрессированного. Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 28 декабря 1938 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирована по Закону от 18 октября 1991 г.

Ханцевич Михаил Александрович. Родился в 1918 году на станции Пограничная КВЖД, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, служащий. Арестован 4 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 10 декабря того же года уголовное дело прекращено за недостатком обвинения.

Хитрово Сергей Михайлович. Родился 31 августа 1905 года в Маньчжурии, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, музыкант кинотеатра "Молот". Арестован 24 февраля 1938 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 25 декабря того же года уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирован по Закону от 18 октября 1991 г.

Хмельницкая Вера Ивановна. Родилась в 1908 году на КВЖД, проживала в Куйбышеве. Украинка, беспартийная, домохозяйка. Арестована 31 октября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 4 декабря 1938 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирована по Закону от 18 октября 1991 г.

Целищев Константин Арсентьевич. Родился в 1912 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, электромонтер. Арестован 22 сентября 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 7 декабря того же года уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Цицарева Валентина Дмитриевна. Родилась в 1913 году в Харбине, проживала в Кинеле. Русская, беспартийная, рабочая. Арестована 15 июня 1938 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куй-

бышевской области от 29 марта 1939 г. уголовное дело прекращено за недостаточностью улик. Реабилитирована по Закону от 18 октября 1991 г.

Цой Павел Дмитриевич. Родился в 1911 году в Маньчжурии, проживал в дер. Кануевка. Кореец, беспартийный, преподаватель. Арестован 6 июля 1938 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 6 июля 1939 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирован по Закону от 18 октября 1991 г.

Чеймазиди Елена Павловна. Родилась 12 мая 1912 года в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, актриса Куйбышевского оперного театра. Арестована 2 ноября 1937 г., 10 января 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорена по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирована Военным трибуналом ПриВО 11 октября 1955 г.

Четкина-Крысова Клотильда Дмитриевна. Родилась 14 марта 1911 года в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, домохозяйка. Арестована 1 сентября 1937 г., 22 декабря Особым совещанием при НКВД СССР приговорена по ст. 58-6 (шпионаж) и 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация) к 10 годам заключения в ИТЛ. Вторично приговорена 15 октября 1949 г. Особым совещанием при МГБ СССР по тем же статьям к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирована Центральной комиссией по пересмотру дел репрессированных 6 декабря 1955 г.

Чуплин Александр Константинович. Родился 26 июля 1903 года в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, служащий Управления железной дороги. Арестован 2 октября 1937 г., 22 февраля 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к ссылке на 5 лет в Казахстан. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 27 апреля 1956 г.

Шендоровский Александр Андреевич. Родился в 1914 году в Харбине, проживал в Сызрани. Русский, беспартийный, учащийся технической школы. Арестован 25 октября 1937 г., 16 февраля Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация) к 10 годам лишения свободы. Умер в заключении 17 ноября 1941 года. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 18 марта 1958 года.

Шендоровский Андрей Андреевич. Родился 1 сентября 1912 года в Харбине, проживал в Сызрани. Русский, беспартийный, служащий. Арестован 5 октября 1937 г., 4 февраля НКВД СССР и Прокурором СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к высшей мере наказания. Расстрелян 15 марта 1938 года в Куйбышеве. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 22 ноября 1957 года.

Шматко Николай Арсентьевич. Родился в 1912 году на КВЖД, проживал в Кинеле. Русский, беспартийный, служащий. Арестован 7 декабря 1937 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 28 ноября 1938 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирован по Закону от 18 октября 1991 г.

Шнарович Борис Игнатьевич. Родился в 1913 году в Харбине, проживал в Куйбышеве. Русский, беспартийный, слесарь. Арестован 4 октября 1937

г., 1 апреля 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Военным трибуналом ПриВО 6 июля 1956 г.

Юдина Мария Васильевна. Родилась в 1902 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, домохозяйка. Арестована 13 сентября 1938 г., 22 декабря Особым совещанием при НКВД СССР приговорена по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирована Военным трибуналом ПриВО 29 апреля 1956 г.

Юрченко Анатолий Алексеевич. Родился в 1912 году на станции Пограничная (КВЖД), проживал в Куйбышеве. Украинец, беспартийный, техник станции Куйбышев. Арестован 29 августа 1938 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 30 ноября того же года уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Юрченко-Сингур Нина Николаевна. Родилась в 1908 году на ст. Яомынь КВЖД, проживала в Куйбышеве. Русская, беспартийная, домохозяйка. Арестована 22 февраля 1938 г. по ст. 58-6 (шпионаж). Постановлением Управления НКВД по Куйбышевской области от 20 декабря уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирована по Закону от 18 октября 1991 г.

Янчук Мария Яковлевна. Родилась в 1919 году в Харбине, проживала в Куйбышеве. Украинка, беспартийная, домохозяйка. Арестована 3 сентября 1937 г., 22 декабря Особым совещанием при НКВД СССР приговорена по ст. 58-6 (шпионаж) к 8 годам ИТЛ. Реабилитирована Верховным судом РСФСР 14 мая 1955 г.

Яценко Алексей Васильевич. Родился в 1919 году на ст. Хандаохецзы (Маньчжурия), проживал в Куйбышеве. Украинец, беспартийный, студент Куйбышевского пединститута. Арестован 8 октября 1937 г., 21 февраля 1938 г. НКВД СССР и прокурором СССР приговорён по ст. 58-6 (шпионаж) к 10 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован Куйбышевским облсудом 16 сентября 1966 г.

Заключение от составителя

Закончен мною второй сборник автобиографических заметок репатриантов из Маньчжурии, в своё время, можно сказать, ни за что жестоко покаранных советской каторгой. В лучшем случае, если только отсидевших свои сроки в ГУЛАГе, но не расстрелянных, как другие их земляки. Отобрал готовые тексты воспоминаний, – и теперь ту печальную историю надо бы ещё дополнить каким-то своим откликом и отношением к текстам и их авторам-страдалцам. Пора писать отзыв и отклик на эту книгу.

Не всякая чужая боль человеческая непременно отзывается в моём сердце, но лишь в отдельных и редких случаях. Как правило, если только случившееся горе и народное бедствие мне почему-либо близко, самого меня задевает и касается. В данном же случае всё, что и в самом деле происходило в нашей недавней истории, в родной стране, и отражено вполне достоверно в личных записях пострадавших, воспринимаю остро, будто было (могло быть) непосредственно со мной или же случилось с самыми близкими знакомыми и моими родственниками. Землякам своим безоговорочно верю, безусловно сочувствуя им и ощущая кожей и клетками тела тот страх, голод, холод, муки и всё изуверство вечной в нашем краю опричнины.

И далеко не все люди пишут дневники и воспоминания, оставляя тем самым хоть какой-то след и свой взгляд в этой жизни (или истории), но только избранные умы и, пожалуй, самые дерзкие из нас решаются на столь утомительное занятие и самоотверженный труд, вовсе не благодарный и даже, сказать, благоразумный. Для чего же и ради чего этот подвиг человеческого духа? К тому же надо признать, что мало ведь кто из нас будет готов после прочитанного, чтобы внять, посторонние и отчуждённые записки, отнюдь до сих пор не самое привлекательное и увлекательное чтение в мире – копаться в прошлом и разбираться в противоречиях личности, его окружения и общества. Сами авторы вряд ли и рассчитывают на публичный успех и влияние.

Дневник, как и записная книжка, – первоначально есть инструмент, собственно, своей личной памяти, рассчитанный для использования, прежде всего, в целях сохранения важных для самого автора сведений, а не для распространения информации в окружающей среде, в обществе. То есть это преимущественно как бы твоё личное дело, интимное, никого особенно не касается и уж, тем более, вовсе не для публикации в печати. Однако не так уже и редко некоторые случаи из частной переписки общественно значимых лиц, как и их приватных записей для себя, со временем вдруг используются уже и в качестве исторического документа и доказательной базы, а то и особенного литературного жанра.

Как видно, т.н. "мемории", как и вообще биографический жанр в литературе, заметно и значительно облагораживают современное человечество, де-

лая своих читателей и, без сомнения, самих авторов более культурными и гуманными, ответственными и по-своему религиозными людьми, как бы верящими в некий отвлечённый идеал жизни и своё будущее.

● В огромной массе, среди многих десятков тысяч репрессированных кавэжэдинцев и харбинцев, оказались люди, как ни странно, мне лично с детства знакомые. Помимо родных тёти Сани с сыном Колей и дяди Шуры, вот те изгой, и пусть они, действительно, самые ярые антисоветчики. У каждого из них были, конечно, свои отношения и счёты с советской властью. Хотя политические пристрастия столь капризны и изменчивы, случается:

Архимандрит Андрей Цикото. Родился в 1891 г., имение Туполицина Свенцянского уезда; образование Виленская духовная семинария и ДА в СПб. – магистр богословия; рукоположен, адм. католиков восточного обряда в Харбине (Маньчжурия). Арестован 22 декабря 1948 г. Приговорён: 28 сентября 1949 г., обв.: ст.ст.58-6 ч.1 и 58-11 УК РСФСР. Приговор: 25 ИТЛ. (См.: Книга памяти: Мартиролог католической церкви в СССР. М., 2000). Архимандрит Андрей скончался в лагере 4.11.1949 г., пока неизвестно, где похоронен.

Иеромонах о. Иосиф Германович (по отцу Станиславович). Родился в 1890 г., с. Гольшаны Виленской губ.; белорус; Работал в лицее "Св. Николая", зам. настоятеля. Проживал: г. Харбин. Арестован 15 января 1949 г. Приговорён: Особым Совещанием при МГБ СССР 28 сентября 1949 г., обв.: по ст. 58-4, 58-6, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к 25 годам лишения свободы. Освобождён 8 сентября 1954 г. (См.: Книга памяти Читинской обл.).

Иеромонах о. Фома Подзвя (1906 – 1975). Родился в г. Перхулёве Виленской губ. С 1935 г. работал в харбинском Лицее Св. Николая воспитателем, преподавал Закон Божий, логику, историю церкви. Арестован в декабре 1948 г. Приговорён к 25 годам ИТЛ. Освобождён в марте 1955 года. Умер и похоронен в Лондоне.

Портнягин, Павел Константинович. Родился в 1903 г., Владивосток; русский; путешественник, с 1932 – священник (католик восточного обряда), препод. Закона Божия, русского языка и диамата в лицее в Харбине. Проживал: Харбин. Арестован в 1948 г. этапирован в Читку. Приговорён: ОСО при МГБ СССР 28 сентября 1949 г., обв.: 58-4, 11. Приговор: 25 лет ИТЛ, осв. в 11.1956. Реабилитирован в 1960 г. (См.: Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период. СПб., 2003).

Иерей о. Павел Шалей. Француз, с 1939 г. преподавал в Лицее Св. Николая этику и апологетику. Арестован в декабре 1948 г. Приговорён к 25 годам ИТЛ. Освобождён в 1955 г., уехал во Францию. Умер в 1985 г. в Париже.

Власов фон Вальденберг, Виктор Всеволодович – преподаватель истории в Лицее Св. Николая. Арестован в декабре 1948 г. Приговорён к 25 годам ИТЛ. Погиб в ГУЛАГе.

Марчишин Пётр Васильевич – преподаватель математики в Лицее Св. Николая. Погиб в застенках ГУЛАГа... (НСМ №108, 2004, 3-4).

После неожиданного полуночного разбойного нападения отряда китайцев, некоторые в масках, и полностью исчезновения вдруг основного костяка

правлящего состава монахов, священников и ведущих преподавателей, на плечах которых держался весь церковный устав, административно- хозяйственный, учебный и воспитательный процесс, Лицей тут же спешно прикрыли. Точнее сказать – разогнали всех нас, как бездомных собак, и вовсе разорили хорошо налаженное школьное заведение (устройство и производство), распустив при этом по городу идиотские слухи о том, что всех тех пропавших вроде бы выкрали неизвестные, которых будут искать власти. Всё это творилось на моих глазах (постановка и спектакль), обсуждалось вполголоса, и было мне тогда четырнадцать лет. Что я понимал? Какая-то тайна, о ней не следует распространяться.

● В Харбине, на Китайской улице, со стороны Сунгари не доходя Пеккарной, по правую руку, напротив Чурина, на первом этаже в шикарном доме архитектора Степанова располагался фотосалон Абламского В.П., хорошо известного русским харбинцам. Его жена была крёстной моей сестры Лёли. И каждое Рождество, из года в год, мама отправляла нас к Абламским "славить", поздравлять с праздником. Всякий раз потом нас там фотографировали. После прихода "советских" случилась заминка, что-то у них в семье приключилось, об этом перешёптывались взрослые. Прошло полвека, и я узнаю вот, что же тогда было и произошло, почему там поменялся фотограф.

Абламский, Владимир Павлович. Родился в 1911 г., Украина, г. Киев; русский; БРЭМ, фоторепортёр. Проживал: Китай, Маньчжурия, г. Харбин. Арестован 15 октября 1946 г. Приговорен: 1 марта 1947 г. Приговор: 20 лет ИТЛ. (См.: Книга памяти Свердловской обл.).

Наши доблестные "освободители" в чужой стране взяли и запросто забрали на лесоповал в сибирской тайге изумительного фотохудожника и чемпиона Харбина, в Маньчжурии, по фигурному катанию, сломав, словно спичку, жизнь талантливому и достойному человеку в расцвете сил. Теперь уже, пожалуй, и некому вспомнить и пожалеть его.

Числа, по-моему, – те же слова, и пусть даже особенные, – даны нам для того, очевидно, чтобы считать и различать (измерять) в мире вещей и идей количество однородной субстанции. Строгий счёт как-никак вносит в нашу сознательную и общественную жизнь определённую, чёткий ритм и музыкальный порядок, гармонию, тем самым вызывает и как бы более проницательный интерес, разнообразный и глубокий. Хочется знать, сколько же человеческих жизней, в общем и целом, сознательно было загублено сталинским режимом в энкавэдистском ГУЛАГе за все годы советской власти и какой вред нации нанесли эти массовые политические репрессии?

● Не сразу человеческое сознание открывает для себя вопрос: зачем это, для чего же, к чему всё это было и, наконец, что из этого последует? Это объяснение, установление какой-то цепи последовательности из связей разных вещей и событий. Конечно, есть и должны быть зависимости, логика, только как их установить и зачем это нам. Из условностей и обусловленности состоит картина мира, образ увязывается ими, и в значительной мере именно на этих внутренних сцеплениях держится объяснение и формируется сознание.

Что же мы думаем сами о себе, что знаем и хотим ещё знать, что имеем и к чему стремимся в жизни – отчего и почему так?

И сколько жизнью прожито, сколько мыслей продумано и записано, сколько пропущено... Мне вот жаль почему-то Серёжку Нечаева – незнакомца, в год моего рождения вернувшегося с кавэжэдинцами из Харбина в Советскую Россию. В 37-м ему исполнится двадцать – и громыхнул в ГУЛАГ. Оказавшись на Колыме, однажды, чтобы не подохнуть там от холода и с голода, придумает он, как спастись самому и ещё продержаться в жизни малость: если пожертвовать одной своей кистью, и оставить её под вагонеткой. И вроде бы небрежно и просто расскажет он своему давнему соученику по харбинской школе при случайной встрече в одном лагере (см. с.165).

Кто заурядно настаивает, что проблемы некогда "репрессированных" его не касаются, тот использует сознательно фразеологию равнодушия и безразличия, а то и ненависти к инаковерию. Тем самым он своими действиями продолжает поддерживать дикарское мнение, что антикоммунизм и антисоветизм были извне навязанной идеологией и потому преступлением, или же психической болезнью. И уж точно это нравственное падение личности. Все те сатанисты пусть несут свою долю ответственности за рать и тьму покалеченных властью жизней. А мир столь прекрасен своим разнообразием...

Из многих тысяч обращений в никуда, оставленных теми страдальцами – на всякий случай и удачу, – были отобраны в сборник чуть больше пятидесяти авторов (горемык). Тексты те все самоотверженные, печальные и разные, и та письменность вся самобытна и неповторна, не только по своему жизненному содержанию, но и по стилю изложения и по жанру. Там биографии, воспоминания, дневники, письма, рассказы и выписки из официальных документов, а также и некрологи. Такие факты. От тех сильных людей остаётся заметный след, и тем самым они ясно свидетельствуют о своём смутном времени. Не смею тупо вторить, будто оно было славным и героическим. Скорее уж подлым, если определять его.

Женщины (беру на удачу) пишут: *"Зачем я всё это собрала? Прочитаешь ли кто-нибудь историю моей жизни, начавшейся 23 августа 1920 года на маленьком живописном разезде ЭХО, в далёкой Маньчжурии, и заканчивающейся теперь в Москве, в полном одиночестве?.. Или с моей смертью всё это пойдёт в огонь, как ненужный бумажный хлам? Что вообще-то удивительного в моей жизни? Разве не шла я теми же дорогами, которыми вместе со мной шли миллионы людей России – сиротскими, военными, вдовыми, тюремными?"* (Л.П.Бородина). *"Люди! Я прошу только об одном – выслушайте меня. Мне очень нужно, чтобы меня выслушали. Я не могу уйти, не поведав вам своей истории. И каждое сердце, которое откликнется на неё, будет для меня высшей наградой и утешением. В наш трудный и страшный век, который уже подходит к концу, почти каждая личная человеческая трагедия тесно переплетается с трагедиями и катастрофами, которые переживает мир"* (Э.М.Вайнцвейг-Скирто).

Кому и для чего нужно было так издеваться и мучить невинных людей?

Люди на Земле, как правило, довольно спорные, а уходя в мир иной, они оставляют после себя и тоже ведь вовсе не безобидный, а какой-то след, в том числе и очень сложный, видимый и невидимый. Некоторые из нас умудряются написать о себе и окружении, оставив в том словесном тексте, в своей записи, мысли, некие раздумья и чувства, радость и боль. А мне вот хочется собрать зачем-то и сохранить такие визитки от двух разных поколений харбинцев, жестоко и несправедливо в своё время пострадавших от суровой советской власти. И за что же? Видимо, за вынужденную эмиграцию их родителей, случившуюся на Дальнем Востоке, и это ещё в ходе и сразу после гражданской войны. Словом, то была пореволюционная и первая волна российских беженцев в Китай.

И я вот такой коллекционер человеческих следов в этой жизни. Они, конечно, всякие и разнообразные – и следы (те письма), и их любители, собиратели и хранители-книголюбы. У коллекционеров, как и у археологов или, возьмём здесь, поэтов, – свои ценности и критерии оценки. Для нас, к примеру, важна не чистота, красота и доброта (внешнее), а история, доподлинность, добропорядочность (нет фальши) и редкость, как всего собрания, так и отдельного экспоната в коллекции. Авторы записок честны и искренни, сами пишут обо всём и о себе чистосердечно. Это важнее – и в результате мы им вполне доверяем, верим на слово. Талант проявляется не в мастерстве и искусстве, но в нравственности и гражданской смелости.

О Г Л А В Л Е Н И Е

От составителя	3
Часть 1. Кавэжэдинцы (тридцатые годы XX века)	15
Часть 2. Белоэмигранты в Маньчжурии (август 1945 года)	207
Часть 3. У каждого своё заключение	286
Марголин Ю. Путешествие в страну ЗЭ-КА	286
Орлов Ю.Ф. Опасные мысли: Мемуары из русской жизни .	298
Кузнецов П.Г. Идея и определила мою жизнь.....	299
Димитрий Панин. Опыт	300
Ольга Седакова. [Из интервью]	307
Налимов В.В. Канатоходец	308
Из тетрадей А.А.Солоновича (выдержки)	309
Куллэ Р.Ф. Несколько дней из дневника.....	322
Некрологи печали	333
Жертвы политического террора	346
Заключение от составителя	379

Научное издание

Опричнина, царевы слуги и холопы
(Бесчинства бесов: самодержавие нечисти и злодейств)
Хрестоматия записок, дневников и списков
бывших политэзков

Составитель И.К.Стивел